Владислав

КРАПИВИН

ЛУЖАЙКИ, ГДЕ ПЛЯШУТ СКВОРЕЧНИКИ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Лужайки, где пляшут скворечники (Сборник)

Владислав Петрович Крапивин

Аннотация
Владислав КРАПИВИН. Лужайки, где пляшут скворечники
ПОЛОСАТЫЙ ЖИРАФ АЛИК
  ТРАВА ДЛЯ АСТЕРОИДОВ
  ЗОЛОТЫЕ ПАРУСА
  ЖЕЛТАЯ ПЛАНЕТА
  СЕМЬ ПАР ЖЕЛЕЗНЫХ БАШМАКОВ
ЛУЖАЙКИ, ГДЕ ПЛЯШУТ СКВОРЕЧНИКИ
  Часть I. БАЛАЛАЙКОЙ ПО ТАНКУ
    I. ЗДРАВСТВУЙ, МЕСЯЦ И ЛУНА
    II. ГЕРДА И КЕЙ
    III. СТРАННАЯ СТРАНА СОМБРО
    IV. СЕКРЕТ НА БЕЙСБОЛКЕ
    V. СЕМЬ ПЯТНИЦ
  Часть II. ПАРУСИНОВАЯ ПТИЦА
    I. ЧЕРНЫЕ КИРАСИРЫ
    II. ПИЛОТ
    III. МЕСТЬ СНЕЖНОЙ КОРОЛЕВЫ
    IV. ЗЕРКАЛА
    V. ТРЕПЕТ КРЫЛЬЕВ

БАБУШКИН ВНУК И ЕГО БРАТЬЯ
ДОСКА НА СЕДЬМОМ ЭТАЖЕ
ГОРЯЩИЕ ТОЧКИ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ В ДЕНЬ ЗНАНИЙ
ВТОРОЕ СЕНТЯБРЯ
РЭКЕТИР
ИЗГНАНИЕ
ЛЮБОВЬ К РОДНОМУ ПЕПЕЛИЩУ
АИСТЕНОК
ВСЕ ВХОДИТ В РАМКИ
ТЕАТР ДЕМИДА
КОНТРОЛЬНАЯ ПО АНИМИЗМУ
ЗЕРКАЛО
ТИК-ТАК
МИТЯ СТОКОВ И ДРУГИЕ
ТИШИНА СТРАННОГО МИРА
ФУТЛЯР ОТ ВИОЛОНЧЕЛИ
У КРЕСТА
ДИЛЕТАНТ ШИРОКОГО ПРОФИЛЯ
РЕЛЬСЫ МЁБИУСА
ВСЕМУ СВОЕ МЕСТО
ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ
МАРШРУТ 123
ДИНЬ-ДИМ
ОТКРЫТИЯ
СКАЗКА ДВУХ КОРОЛЕВСТВ

МЕЛОДИЯ
ОБРАТНАЯ СТОРОНА ПЛАНЕТЫ

Аннотация

Вторая книга из цикла, рассказывающего о жизни Безлюдных Пространств. Драматическая реальность сплетается с многомерностью Вселенной, и обитатели Безлюдных Пространств с их помощью и по мере возможностей противостоят жестокости современного мира...

Полосатый жираф Алик (повесть), стр. 5-110

Лужайки, где пляшут скворечники (роман), стр. 111-338

Бабушкин внук и его братья (роман), стр. 339-560

Владислав КРАПИВИН
Лужайки, где пляшут скворечники

ПОЛОСАТЫЙ ЖИРАФ АЛИК

ТРАВА ДЛЯ АСТЕРОИДОВ

1

Минька Порох посеял и вырастил на своей планете высокую траву. Понимаете, живую! Под названием «Венерин башмачок». Никто сперва не поверил…

Несмотря на грозную фамилию, третьеклассник Минька был человек смирный. С белыми ресницами, с негромким голосом и незадиристым характером. Незаметный такой. Когда он учился в школе, порядков не нарушал, успехами в учении тоже не блистал: в основном троечки, иногда четверки, а пятерки — лишь в самых редких случаях, да и то в основном по пению.

Впрочем, в своем третьем «Б» Минька проучился совсем недолго.

В начале сентября к ребятам прислали студентку. На практику. Она должна была вести уроки как взаправдашняя учительница. И повела. На последнем уроке, на чтении, она сообщила, что «сейчас будем развивать фантазию», и велела всем ученикам придумывать сказку: один начинает, другой продолжает и так далее. У Миньки

ничего не получилось. Он встал, хлопал белыми ресницами и молчал. Смотрел за окошко, где на сухом клене два воробья дрались с облезлой вороной.

Студентка билась, билась с Минькой, а потом не выдержала. Опыта и терпения у нее еще не было. И она высказалась:

— Да, такие, как этот мальчик, пороха не придумают.

А Минька, он хотя и скромный, но не совсем уж полный тихоня. Вздохнул и возразил:

— А чего меня придумывать, если я и так есть…

Класс, конечно, развеселился. А студентка еще не знала Минькиной фамилии и решила, что он сказал какую-то неприличность. И выгнала Миньку с урока. И даже рюкзачок с учебниками взять с собой не дала, заявила как настоящая учительница:

— Придешь за ним вместе с родителями, я хочу с ними поговорить!

Минька пожал плечами и пошел. Обидно было, но родителей он не опасался: у них был характер вроде Минькиного.

Школа стояла в Корнеевском тупике, за которым раскинулся пустырь с остатками старых

разобранных домов. Он весь зарос высоченными (выше Миньки) травами, которых всегда много на окраинах: полынью, бурьяном, белоцветом, репейником и всяким чертополохом. Почти все они стояли уже с семенами, особенно много было седых пушистых головок (вроде как Минькина родня). Но кое-где еще виднелись желтые и белые зонтики поздних соцветий. И отдельные, последние цветки «Венериного башмачка».

«Венерин башмачок» — это большое, не ниже репейника, растение. У него крепкие и голенастые, как ноги страусов, стебли. И острые листья. Вроде крапивных, только зубчики поменьше. А цветы замечательные! Они всяких красных оттенков — от бледно-розового до пунцового, и форма у них удивительная, вроде звериных мордашек с разинутым ртом. Похоже на луговой «Львиный зев», но тот гораздо мельче и желтый…

Взрослые говорили, что «Венерин башмачок» вообще-то комнатное растение, для подоконников, но, видимо, какая-то хозяйка выкинула полузасохший цветок на свалку, а он не погиб и разросся по всем городским пустырям. Этим летом его сделалось не меньше, чем желтого осота и лилового иван-чая.

На пустыре обида вовсе оставила Миньку. Он шел среди зарослей, радовался поздним бабочкам и теплу. День-то стоял совсем летний. Разморенно пахло травяными соками. Кромки подсохших листьев и мелкие колючки покусывали Минькины локти и ноги, но не сильно — шутя и даже ласково. Минька понимал, что так прощается с ним лето. Шел в задумчивости.

Пустырь обрывался у заросшей ромашками канавы, за которой сразу, вплотную, — дорога. Касловское шоссе… Эх, Минька, Минька. Ему бы перейти канаву осторожно и глянуть налево: нет ли машин? А он в рассеянности с ходу перемахнул кювет и по инерции — на проезжую часть. Ну и вот…

Ладно, об этом потом. Или лучше не надо совсем.

…В общем, так Минька и оказался здесь. С пухом сентябрьских растений в белобрысых волосах, в мятом своем желто-зеленом костюмчике, похожем на бразильскую футбольную форму, в стареньких, стоптанных за лето кроссовках…

Вскоре оказалось, что фантазии у него и правда маловато. Не мог сперва ничего для себя придумать. Ну и что? Это уж у кого какие способности. Другие помогли ему обустроиться.

Выбрали планетку, соорудили на ней похожий на голубятню домик — такой, как он просил («Если, конечно, можно…» — «Можно, можно! Тут всё можно. Хоть дворец…» — «Не-е, дворец не надо…»). Напридумывали ему кучу игрушек. Первое время старались не оставлять одного: чтобы не задумывался, не плакал по вечерам. И Минька прижился. Что ему остава-лось-то?

А «Венерины башмачки» придумывать на планете Миньке и не пришлось. Однажды он вытряхивал из карманов мусор (давний, земной еще) и нащупал круглую крупинку. Пригляделся: а вдруг чье-то семечко?

На Минькином астероиде (этакая ноздреватая глыба диаметром сто метров) за миллионы лет накопилось немало космической пыли, она вполне могла сойти за почву. И вода была. Не придуманная, настоящая. Однажды Минька запнулся за камень, с досады ударил его пяткой, и вдруг из-под этого булыжника забил родничок.

Минька закопал семечко, полил его из пригоршни. Сел на корточки и стал ждать — как Буратино ждал деревца с золотыми монетками. Только Буратино ничего не дождался, а Минька… Он сидел, сидел, маялся от нетерпения, а потом догадался сжать время в тридцать раз. Это Минь-

ка уже умел, дело не хитрое. И вот из космической почвы полез росток. Раскинул, как ладошки, пару листиков, потом другую. Вытянулся, тронул макушкой подбородок Миньки. Выпустил первый пунцовый цветок.

Минька велел себе не волноваться, потому что сердце колотилось, как посаженная в коробку бабочка. Он встал, отряхнул с колен рыжую космическую пыль, оглянулся. Из черного космоса светили частые созвездия и мохнатые галактики… Приживется ли «башмачок» на каменном астероиде?

Минька напрягся изо всех сил и придумал над планеткой небесную голубизну. Пустил в нее горячее золотое солнышко. На это у него хватило фантазии! И «Венерин башмачок» обрадованно раскидал вокруг созревшие семена…

Скоро вся громадная глыба покрылась зарослями с розовыми, алыми и даже вишневыми цветами. Минькина голубятня оказалась по пояс в листьях и цветущих макушках, несмотря на то, что стояла на сваях. И запахло жарким июлем.

Вот тогда наконец Минька пригласил соседей. До этого момента он их не пускал, говорил, что делает генеральную уборку. А теперь он высунулся из голубого небесного света по плечи и

замахал руками.

— Идите сюда все! Скорее!

2

Гости от удивления одинаково открыли рты. Ничего подобного в Поясе астероидов никто еще не видал. Молчали целую минуту. Наконец коричневый Локки облизал губы и спросил со своим цекающим акцентом:

— Ц-неужели ц-настоящие?

— Конечно, — скромно сказал Минька. — Придумать такое у меня бы пороху не хватило.

Гости стали осторожно трогать цветы и листья.

— Да не бойтесь. Можете гулять и бегать в чаще сколько хочется, — разрешил Минька. Он гордился в душе. — Это живучие растения. Даже если поломаете или сорвете, они быстро отрастут.

И тогда все начали бегать в высоченной траве, хохотали от радости, играли в прятки и в индейцев. Девочки — Аленка и Сырая Веранда — воткнули цветы в волосы. Веранда сделалась даже немного красивой и перестала шмыгать носом.

Потом устали и собрались на бугристом каменном пригорке среди зарослей. Золотое Минькино

солнышко быстро ходило по кругу и не пряталось за горизонт. На пригорке кружились тени.

— Ну, Минька, ты профессор ботаники, — сказал Голован.

Вообще-то его звали Максимом, но прозвище Голован подходило больше. Он был с крупной курчавой головой, скуластый, большеротый. Ходил босиком, в большущей тельняшке и желтых штанах, широких сверху и узких у щиколоток (такой покрой называется, кажется, «бананы»). Короче говоря, Голован был похож на охламонистого пацана с городской окраины. Но был он такой лишь снаружи. На самом деле он за свои неполные тринадцать лет успел прочесть две тыщи книг, участвовал в школьных изобретательских олимпиадах и любил беседовать на философские темы (только собеседников не хватало). Здесь он был самый авторитетный. Конечно, Миньку обрадовала похвала такого человека. Он потупился и начал скромно скрести в затылке.

Но у каждого свой характер, и порой он проявляется как не надо. Неумытый Коптилка вытер под носом подолом замызганной майки, поддернул длинные полосатые трусы (они всегда сползали, где была сила тяжести) и авторитетно

объявил:

— Все равно эта растительность ненастоящая. Минька поднатужился и придумал.

— Нет же! Ты, Коптилка, это назло говоришь! — вступился Кирилка Санин, Минькин ровесник и справедливый человек. Он всегда раньше других выступал за правду.

Коптилка заправил майку и, глядя поверх голов, повторил:

— Ненастоящая.

Аленка тихо сказала:

— Коптилка, как тебе не стыдно. Ты же знаешь: придуманная трава не цветет.

— Если хорошо придумать, зацветет.

Он порой делался ужасно упрямый. Потому что жизнь его раньше была не сладкая.

Сколько себя Коптилка помнил, жил он сперва в Доме малютки, потом в интернате для сирот. В первом классе ему повезло, нашлись бездетные муж и жена, усыновили мальчишку, да потом оказалось: не ради любви, а чтобы получить пособие и лишнюю комнату в квартире. Пили, скандалили, поколачивали приемного сынка Валерика. Впрочем, не сильно поколачивали, и он был все же рад, что есть дом и родители, хотя и не совсем настоящие. Но потом приемный папаша

помер, а жена его, тетя Клава, с горя запила пуще прежнего, продала квартиру и скрылась неизвестно куда. А девятилетний Валерка подался в беспризорники. Куда ему еще было деваться?

Около года он с такими же приятелями болтался по чердакам и подвалам. То попрошайничал, то газеты продавал и мыл машины. В ту пору и получил он прозвище Коптилка.

Потом он попался, засадили его в детский приемник. Казалось бы, хуже не придумаешь, но тут улыбнулось наконец Коптилке счастье. Отыскала его незнакомая родственница, одинокая двоюродная тетка, добрая душа. Забрала к себе и рассказала, что Коптилкина мать жива, только далеко она, на севере, «мотает срок» за воровство. А в письмах сообщает, что сроку осталось немного и что она поумнела, хочет одного: чтобы, как выйдет на волю, отыскать сына, которого грудным младенцем, по молодости да по глупости, сплавила в малышовый приют. Может быть, сын простит ее…

У тетки Коптилка прожил две самые счастливые недели — полный радостного ожидания. И однажды утром пошел на недалекую стройку — поискать среди разрытой сырой земли червяков для рыбалки. Там у съехавшей с рельсов вагонет-

ки стояли двое в беретах, в сером камуфляже и с дубинками.

— Эй, пацан, чё тут шастаешь?

Коптилке, казалось бы, чего опасаться? Не беспризорник теперь, вполне законный человек. Но страх перед милицией сидел в нем с младенчества. Коптилка сперва обмер, а потом — бежать!

— А ну, стой, сявка! — И за спиной: топ, топ, топ!

Коптилка мчался через свалку, где кое-как был зарыт строительный мусор. И вот — ногой за проволоку, виском — о срез железной балки…

— … Нет, ненастоящая, — опять сказал Коптилка. И сморщил губы, словно сплюнуть хотел (но не стал, конечно: кто же плюется на несвоей планете!).

На Коптилку зашумели, но Голован поднял руку:

— Каждый может думать как хочет. Это называется: у всякого своя истина. Только истину надо доказывать делом. Ну-ка, придумай, Коптилка, такие же цветы.

Коптилка помигал и хмыкнул:

— Я же вредный. У меня всякие лютики-малютики не получатся. А живую крапиву могу, будет кусаться пуще прав-дашной.

— Придуманная не кусается, — сказал Кирилка.

— А моя будет.

— Делай, — сказал Голован.

— А вы разойдитесь пошире.

Коптилка набрал воздуха, уставился кофейными глазами в центр пригорка, вытянул растопыренные немытые пальцы. Забормотал. Присел немного… И прямо на камнях вскинулась крапивная чаща. Такая жгучая на вид, что все попятились. А голый Локки даже запританцовывал и начал чесать бока, будто уже побывал в ядовитой зелени.

— Ага, испугались! — Коптилка сделал из воздуха механическую птичку с радужными перьями и пустил в гущу зубчатых листьев, она там затрепыхалась. — Кто достанет? Боитесь?

— Никто не боится! — Кирилка Санин шагнул вперед, сунул голую до локтя руку в крапиву. — Ой, мама!..

Он выдернул руку — она в мелких волдырях.

Все примолкли. Потеряно и виновато. Кирилкины честные глаза сделались мокрыми. Аленка подскочила и принялась тереть ему руку, прогоняла боль.

Больше всех был растерян сам Коптилка.

— Кирпичик, ну ты чего… Я не знал, что так будет… Я просто попугать хотел.

На него и не смотрели. Не в Коптилке дело. И не в Кирил-кином ожоге — он ведь на пару секунд. Всех смутил (даже придавил будто) Кирилкин вскрик.

Кирилка и сам это понял. И теперь стоял с опущенной головой, все тер, тер свою руку, хотя она, конечно, уже не болела.

Он, Кирилка Санин, нарушил запрет. Хотя нет, запретов здесь не было никаких. Но было неписаное правило. Называлось оно «Обратной дороги нет». А раз ее нет, незачем и вспоминать о том, что было раньше. И уж особенно нельзя говорить это слово. Иначе опять навалится Серая Печаль — такая, что не продохнуть. Она, как болезнь, поползет от одного к другому и будет тянуться долго-долго, как ни сжимай время…

Неумытый Коптилка покаянно вздохнул, дунул на радужную птичку, и она с металлическим щебетом умчалась в синеву. Коптилка сказал опять:

— Ну чё, пацаны, я же правда не хотел…

Чтобы разбить общее смущение, Голован шумно заговорил:

— Да не ты это, не ты! Это наверняка Рыкко

Аккабалдо подстроил, змея такая! Наверно, подслушивал нас и поймал момент, сунул в придуманную травку свою ядовитость. Это вполне в его стиле…

— Рыкко? Ну, ладно! — Коптилка подскочил, кувыркнулся назад и умчался вслед за птичкой. Все решили — это он от виноватости. Попереживает на своей похожей на измятую грушу планете и потом появится как ни в чем не бывало.

Крапива стремительно увядала. Падала и сразу исчезала.

Конопатая Аленка поправила в волосах цветок и тихонько спросила:

— Хотите вареников с вишнями? Я научилась придумывать такие, что они два дня не исчезают. И по правде перевариваются в животе.

Все обрадованно зашумели, что «конечно хотим!» (глядишь, Серая Печаль и не подкрадется).

— Пошли в мою голубятню, — позвал Минька. И все опять обрадовались: не хотелось покидать планету с «Венериными башмачками» и синевой.

В голубятне светились солнечные щели. Желтые полоски от них кружились на полу. Музыкант Доня Маккейчик тут же придумал овальный стол с узорами и точеными ножками (как у рояля). И

такие же стулья — на каждого.

Полное имя у Дони было такое, что сразу и не запомнишь — Ардональд. Но не думайте, что он какой-то иностранец. Раньше он жил в Подмосковье и ходил там в музыкальную школу, в класс аккордеона. А сюда попал Доня из больницы, где его пытались вылечить от внезапно открывшейся лейкемии…

Донины стол и стулья все шумно одобрили.

— Ты оставь их мне насовсем, — попросил Минька.

— Пожалуйста. Но это ведь ненадолго, они из дерева…

Дерево — органический материал, придуманные из него вещи долго не держатся, рассыпаются на атомы. Другое дело — металлы, стекло, камень. Они — навечно. Впрочем, если дерево придумано очень старое, оно сохраняется длинный срок. Вон Минькина голубятня сколько времени стоит, и хоть бы хны. Хотя, с другой стороны, что такое в р е м я на Поясе астероидов…

На столе появились фаянсовые тарелки с рисунком из васильков, а потом такое же блюдо с варениками. Все весело задвигали стульями, начали устраиваться. Локки, прежде чем сесть, по-обезьяньи прыгнул через спинку. Сырая Ве-

ранда глянула на него с привычным осуждением. Наверняка опять подумала: «Не может сделать себе какие-нибудь штаны…»

— Руки-то у всех чистые? — спросила Аленка. Это, конечно, смешно: здесь нет никаких микробов. Но все же правила надо соблюдать. Каждый сообщил, что руки у него чище некуда. Аленка не поверила и вздохнула:

— Тогда налегайте… — Перед каждым появились вилка и блюдце со сметаной. — Локки, подожди, я тебе положу.

— Побольше, ц-пожалуйста…

3

Локки был худой и коричневый, будто вырезанный из куска сосновой коры. Черные волосы падали на уши сосульками. Лукавые глаза — как большущие ягоды-смородины. Губы толстые, нос башмаком.

Он все время ходил голышом. Девчонки сперва отворачивались и сопели от неловкости, а потом привыкли, будто так и надо. Сырая Веранда, правда, ворчала порой, но не от настоящего смущения, а по привычке. Чтобы угодить ей, Локки иногда мастерил себе юбочку из травы. Но трава быстро увядала и рассыпалась, а подновлять ее

Локки забывал.

Он ведь гулял в таком виде не из вредности или нахальства, а по обычаю. В тех жарких местах, где Локки жил раньше, все пацаны и девчонки так ходили лет до десяти. А ему не было и восьми.

Непонятно, из какого давнего времени, из какого древнего народа он попал сюда. И главное — почему? Наверно, в пространствах случился какой-то гравито-магнитный и темпоральный сбой и Бесцветные Волны пошли не туда. Не к тем астероидам, что предназначены для детей народа Локки, а в иную грань Кристалла Вселенной. Великий Кристалл — он ведь полон всяких странностей, неведомых науке…

Кстати, настоящее имя Локки было такое, что куда там музыканту Ардональду! Коричневого пацаненка звали Цти-нотакачтилокки-цдана. Попробуйте запомнить и сказать! Вот то-то…

Не думайте, что он из какого-то полудикого племени. У них там была могучая цивилизация. В городе, где Локки жил с родителями, с братьями и сестрами, населения было не меньше миллиона. Каменные дома, храмы, всякие пирамиды, рынки, театры. И школы… Вот только обычаи там процветали зверские. Жрецы, которые командовали всей жизнью, то и дело заявляли, что

для милости богов нужны человеческие жертвы. Обычно для таких жертв брали пленников или бедняков, которые задолжали богачам. Но случалось и по-другому.

Однажды долго не было дождей, и жрецы вопросили своих богов: чего те хотят? Потом бычьей кровью нарисовали поперек мостовой черту и решили: кто из прохожих первым ее перешагнет, того и отправят на жертвенник.

А жители-то ничего не знали! Тем более ребятишки! И беззаботный Цтинотакачтилоккицдана вприпрыжку гнал по плитам звонкий бронзовый обруч — такие недавно появились в городе игрушки. И конечно — через черту…

Нет, жрецы не схватили мальчишку сразу. Проследили, где живет, а потом с бубнами и флейтами явились к его дому и объявили «волю богов».

Мама тут же упала без чувств. Отец — он был покрепче и чтил законы. Встал на колени и благодарил жрецов за великую честь, оказанную его сыну: мальчишке суждено спасти от засухи великий народ Цтаанатаиннакоа-ката… А Локки сперва ничего не понял. Даже интересно было, как его обрядили в яркие длиннополые одежды и под музыку водят по улицам, а люди воздевают

руки и падают ниц. Но скоро он сообразил, что к чему, обмер от страха и попытался бежать из храмовой комнаты для почетных жертв. Но разве от жрецов скроешься!..

Наутро беднягу привели на площадь перед громадной ступенчатой пирамидой (чья вершина упиралась во владения Пернатых Владык). На площади, несмотря на солнечный свет, чадили сотни факелов. Гудели бубны. С Локки сняли парадные одежды (чтобы не запачкать; глядишь, пригодятся для другого). Положили его, ревущего от ужаса, спиной на выпуклый камень-жертвенник, дядька в золоченом колпаке взял кривой бронзовый нож…

Локки так и попал на астероиды — с черно-красной квадратной дырой в груди, где не было сердца.

Конечно, скоро сердце выросло, рана закрылась, коричневый мальчишка повсхлипывал, пооглядывался и — как все — начал привыкать.

Скоро научился Локки языку, на котором говорили остальные. Пытался учить новых друзей своему, но только Голован и Доня усвоили несколько фраз. Остальные — никак. Потому что не язык, а какое-то сплошное «та-та-каканье» и «цеканье»…

Ну, Локки начал разговаривать на выученном языке и рассказал свою историю. Конечно, вы можете удивиться: как рассказал, если на астероидах не принято говорить о прошлом? Да, не принято, но иногда приходится. Если попадаешь сюда впервые. Должны же обитатели здешнего мира знать друг про друга: кто откуда…

Локки с первых дней почти не скучал. Сначала он решил, что попал с жертвенного камня прямо в звездное жилище богов. А когда разобрался, что к чему, сильно тосковать было уже поздно. Хотя кто знает, может, и он потихоньку плакал иногда перед сном в своей хижине…

А сейчас Локки за обе щеки уплетал почти настоящие вареники и каждые полминуты просил еще. Его щеки были перемазаны вишнями и сметаной, он похлопывал по животу. Живот сделался выпуклым, как набитая коричневая сумка с кнопочным замком.

— В конце концов ты лопнешь, — пообещала Сырая Веранда голосом старинной гувернантки.

— Ну и ц-што ц-такого? Лопну и опять склеюсь… Аленка, ц-дай еще…

Однако новый вареник он проглотить не успел. По Вселенной разнесся яростный рев. По всем, даже самым глухим пространствам. От него за-

качались, как елочные игрушки, отдаленные галактики и зашаталась Минькина голубятня.

Все подскочили, а музыкальный Доня поморщился. Он терпеть не мог таких вот негармоничных звуков.

— Опять этот Рыкко…

Да, безусловно, это ревел «великий и непобедимый, грозный и безжалостный, черный и многолапый» Ужас Вселенной — Рыкко Аккабалдо.

Разумеется, в пространствах почти нет воздушных масс и обычные звуковые волны в них не проходят. Но зато хватает всяких других — магнитных, радиокосмических, гравитационных, электрических и таких, у которых пока нет названий. Жители астероидов прекрасно слышали их — так же, как на Земле слышат обычные звуки. И вот Рыкко Аккабалдо ревел на всех этих волнах, причем сквозь ярость пробивались жалобные нотки.

— Чегой-то со стариком не того, — сказал Голован, дожевывая вареник. — Азотную комету опять проглотил, что ли?

Но оказалось, что дело не в комете.

Скоро появился Коптилка, и все стало ясно.

4

Чумазый Коптилка светился удовольствием. Он молча набросился на вареники и жевал их с таким шумом, что у других чмокало в ушах.

— Рассказывай, — велел Голован. Все уже понимали, что вопли «великого и непобедимого» — результат каких-то Коптилкиных дел. (Кстати, приглушенные стоны и ворчание Рыкко все еще были слышны.)

Коптилка дожевал вареник и рассказал.

Вот что было. Когда он улетел с Минькиной планеты, то отправился не к себе, а на поиски Рыкко Аккабалдо. Найти «грозного и безжалостного» было нетрудно — тот улегся отдыхать и похрапывал так, что эхо отзывалось во всех пространствах.

Рыкко соорудил себе лежбище из пушистых магнитных полей и растянулся между галактикой Желтая Сковородка и туманностью Большой Омлет (это Голован придумал такие названия). Он любил принимать иногда громадные размеры, потому что страдал (опять же по словам Голована) манией величия. Не понимал «черный и многолапый», что это смешно и бесполезно. Ведь Вселенная-то бесконечна, в ней раздувайся

хоть до каких размеров, все равно с Бесконечностью не сравнишься.

Перед ней, перед Бесконечностью, одинаковы микроб и самое громадное скопление галактик.

А может, Рыкко Аккабалдо хотел поразить своими размерами жителей астероидов? Но те умели вырастать до любых размеров не хуже Рыкко. Только редко делали это, не было смысла.

Но на этот раз Коптилка поднатужился и вырос — так, чтобы сделаться ростом хотя бы с одну из лап Рыкко. Лапы эти, похожие на черные человечьи ступни, свисали с магнитного матраса по сотне с каждой стороны — как бахрома из пяток и пальцев. Драконий хвост свисал тоже и терялся где-то в созвездии Три Обезьяны. Крокодилья пасть была открыта и при каждом похрапывании выпускала светящийся пар, похожий на клочья Млечного Пути. Лежал Рыкко кверху выпуклым пузом. Пуп его был похож на кратер погасшего вулкана. Рыкко любил, когда его пузо щекочут лучи ярких созвездий.

Коптилка выбрал неподалеку осколок твердого прозрачного пространства, умело смастерил из него большую выпуклую линзу и подобрался к Рыкко снизу (то есть со стороны свисающих лап). Линзой он сфокусировал свет полутора милли-

онов звезд. Когда их лучи рассеяны, они лишь щекочут. Но если собрать их вместе… Коптилка собрал и направил этот луч на одну из толстых черных пяток.

Тогда-то Вселенная и содрогнулась от рева…

Коптилка окончил свой рассказ и с видом скромного героя взялся за новую порцию вареников (они на блюде не убывали). Сперва раздался общий хохот. Даже Сырая Веранда улыбнулась. А Локки, тот взлетел на спинку стула, сделал стойку на руках и от восторга заболтал ногами. Но очень скоро хохот притих. Угас. Почему-то все странно примолкли. И Коптилка, зажав вареник в зубах, с удивлением вертел головой: что такое с друзьями?

А те смотрели виновато.

— М-да, Коптилка… — вздохнул наконец Голован. — Победителей, конечно, не судят, но…

— Что «но»? — Коптилка обиделся и положил надкушенный вареник на тарелку.

— Нехорошо как-то, — нерешительно сказала Аленка.

— Что нехорошо?! — взвинтился Коптилка. — А подпускать ядовитость в придуманную крапиву хорошо? Кирилка вон как… завопил…

Кирилка поднял серые честные глаза. И сму-

щенные, и… твердые. Он так смотрел, если надеялся кого-то убедить в справедливости. А делал он это часто. Даже в ту минуту, когда к ним в третий класс ворвался бандит и заорал, махая автоматом, что всех берет в заложники и пусть ему дадут самолет и миллион долларов, а пока не дадут — всем сидеть и не пикать, Кирилка попытался доказать правду: «Но послушайте, пожалуйста, мы-то здесь при чем? Ведь не мы же виноваты в ваших несчастьях. Ведь…» — «Ма-ал-чать!» — и псих нажал спуск.

Но это случилось давно. Нынешний же случай был, конечно, не страшный, а пустяковый. Однако Кирилка и теперь смотрел очень серьезно.

— Понимаешь, Валерик, это ведь Рыкко подсунул нам ядовитость. Потому что он такой. Но мы-то не такие. Зачем нам быть как он…

Коптилка тяжело сопел. Его немытые уши заметно порозовели.

Сырая Веранда сказала:

— А по-моему, так этому Рыкко и надо.

Аленка возразила:

— Но ведь он спал…

Музыкант Доня, который очень любил книжку «Три мушкетера», поддержал Аленку:

— Надо вступать в бой открыто, а не со спины.

И не с пятки…

— Да, — сказал свое слово и Голован. — Крапивная ядовитость, это, конечно, «казус белли», то есть повод для войны. Но войну надо начинать с объявления.

— А он-то! — опять возмутился Коптилка, но неуверенно. — Он-то разве нам объявлял?!

Минька Порох молчал и хлопал белыми ресницами. По правде говоря, ему нравилось то, что сделал находчивый Коптилка. И зачем каждый раз объявлять этому коварному Рыкко войну, если она и так идет давным-давно? И нападение со спины (и с пятки) на войне дело обычное и справедливое. Но… вот Кирилка сказал: «Мы-то не такие». И в его словах была какая-то более «справедливая справедливость».

А Локки сидел на спинке стула, как мартышка, и ничего не понимал. Его государство Цтаанатаиннакоа-ката и соседние страны никогда не объявляли войну своим врагам. Наоборот, считалось великой доблестью напасть на другой народ неожиданно, уничтожить врагов, пока те не успели взяться за мечи, а уцелевших обратить в рабов… Но, с другой стороны, Локки понимал: он в здешней компании самый маленький и не самый умный. Лучше помолчать.

Минька наконец пришел к определенному мнению:

— Ты, Коптилка, вообще-то молодец. Только надо было сначала крикнуть в пространство: «Ну, погоди, Рыкко, мы тебе это припомним! Берегись!» И тогда уж…

— Подумаешь, прижгли ящерице пятку, — буркнул Коптилка. — Что мне теперь, колотиться башкой о самый большой астероид?

— Не надо колотиться, — сказал Кирилка. — Ты слетай опять к Рыкко да извинись.

— Че-во-о-о?! — Коптилка вытаращил глаза.

— Вот тебе и «чего», — подвел итог Голован. — Кирилка прав. Извинись. Чтобы, так сказать, стабилизировать межзвездную обстановку и не нарушать гармонию Великого Кристалла.

— Ненормальные, да? — жалобно спросил Коптилка.

— Не упрямься, — сказал Доня Маккейчик. — Ты же всё понимаешь.

— Ничего я не понимаю! Привязались…

Но он уже понимал: никуда не денешься. А ребята понимали Коптилку: конечно, извиняться всегда неловко, особенно перед врагом, которому прижег пятку.

— Что мне теперь? Канючить, как перед за-

вучем в интернате: «Простите, я больше не буду»? — В сердцах Коптилка лаже вспомнил прежнюю жизнь, но сейчас на это не обратили внимания.

— Можно использовать и другие выражения, — посоветовал Доня Маккейчик. — Не терять достоинства.

— Ага, не терять! Он обещал, что, если кого схватит, уши надерет!

Здесь наконец вмешался Локки:

— Как же он схватит? Надень скафандр из скользящих полей!

Коптилка посопел:

— Будто не знаете. Когда извиняешься, скользящие поля не действуют… А еще он обещал взгреть своим хвостом. Помните, какой у него хвост…

Хвост помнили. Толстый и могучий в начале, он к концу сужался до толщины (вернее, до тонкости) обычного прута, и были на нем зубчики.

— Ты ведь можешь сделать т о м е с т о нечувствительным, — посоветовала Минька.

— Да-а… а душу-то не сделаешь нечувствительной. На ней все равно останется рана. Душевная…

— Уж будто ты не извернешься, — сказал Голован. — Хватит тебе хныкать, извинись, и дело с

концом. Скажи, что мы, мол, все сожалеем…

— Я не сожалею, — вставила Сырая Веранда.

— Скажи: «Мы почти все сожалеем»…

Коптилке что делать? Против общества не попрешь. Можно, конечно, плюнуть и запереться в своем кирпичном, похожем на старую котельную доме на долго-долго, да только себе дороже. Глядишь, Серая Печаль тут как тут…

— Давят, понимаете, целым коллективом, — пробурчал Коптилка. — Все на одного. — И приготовился умчаться сквозь пространства для объяснений с «этой зловредной ящерицей».

— Постой, — велела Аленка. — Неприлично извиняться в таком виде.

— В каком еще виде!

— Стой, говорю… — Она сжала губы, сморщила конопатый нос, уперлась в Коптилку строгими глазами. У того исчезла с ушей космическая пыль и сажа. Волосы сделались как после парикмахерской. Полосатые трусы превратились в черные отглаженные брючки, а майка — в белую рубашку с синим галстучком. На босых ногах появились синие носки и плетеные сандалетки.

Коптилка глянул на себя со стороны, как в зеркало, и содрогнулся:

— С ума сошла!

— Иди, иди, — тихо велела Аленка.

Голован хмыкнул и тоже сказал:

— Иди уж…

Коптилка плюнул с досады и улетел.

А в пространствах все еще было слышно, как постанывает и кряхтит «черный и многолапый» Рыкко Аккабалдо. Конечно, уже не от боли. Больто он слизнул и успокоил в одну секунду. Но обидно же…

5

Рыкко Аккабалдо был странное существо. Вернее, «существо-вещество-естество» — так он сам называл себя. Существо — потому что живая мыслящая личность. Вещество — потому что он, Рыкко, состоял (по его словам) из всех веществ, которые только есть во Вселенной. А естество — это его натура, его характер. Какой именно характер — вы и сами уже поняли.

Рыкко Аккабалдо мог принимать любой облик — ну, прямо как людоед в сказке про Кота в сапогах. Мог превратиться в межпланетного оранжевого комара, а мог — в гигантского осьминога или в змею длиною в сто пространств. Но больше всего он любил быть чудовищем, похожим на громадного крокодила с сотней лап,

зубастой пастью и чешуйчатой спиной. На спине сквозь чешую торчали рога и зубья и росла кустами рыжая шерсть.

Голован говорил, что Рыкко, скорее всего, обычный сторожевой дракон из пространства Черных Пирамид. Такие драконы там охраняют вход в спиральную воронку, ведущую в Абсолютное Ничто. Какое это пространство, зачем там непонятные пирамиды и что такое Абсолютное Ничто, Голован не знал. Когда-то, еще на Земле, он читал про такие вещи в книгах из серии «Загадки странных миров», но во всех загадках разобраться не успел. Однажды он с такой книжкой шел из библиотеки. Четверо «крутых» спросили, есть ли у него деньги. Денег не было. Четверо спихнули Голована с моста в речку Волчанку, в ледяную воду. Из речки Голован выбрался и даже раскисшую книжку не потерял. Но с навалившейся после этого простудой справиться не смог…

И теперь здесь, на астероидах, Голован часто рассуждал о разных космических проблемах.

Насчет Рыкко он «выдвинул гипотезу», что «этот тип» по вредности характера не ужился с другими драконами и его выгнали из пространства Черных Пирамид.

— Или сам ушел в другие миры. Потому что

индивидуалист. Отыскал во Вселенной такое пространство, где никого похожих на него нет, и объявил себя единственным и неповторимым…

В самом деле, Рыкко Аккабалдо заявлял не раз, что он единственное в Мироздании такое вот черное и бесконечно громадное существо-вещество-естество. Мало того! Он объявил себя носителем Мирового Зла.

— Потому что, — рычал он, — Зло также необходимо, как Добро. Для равновесия Вселенной. Без такого равновесия она рассыплется и наступит конец света.

Тут он, разумеется, загибал. Как ни раздувайся, а для носителя Мирового Зла он был мелковат. Да и не в драконах

Мировое Зло. Оно, к сожалению, рассеяно по всему свету (как и Добро, конечно), поэтому с ним так трудно бороться. А Рыкко… Он был, скорее, носителем Мелких Вредностей и Пакостей. Так ему однажды и сказал Доня Маккейчик.

Рыкко тогда ужасно разъярился, дотянулся хвостом до трех стеклянных мостов, которые Доня построил ради интереса и красоты между необитаемыми астероидами, и разнес их вдребезги. Доня в ответ на ту выходку пожал плечами. Сказал, что придумает мосты лучше прежних и

окружит их таким защитным полем, что Рыкко обломает о него свой хвост и клыки. И придумал…

А еще раз Рыкко отчаянно рассвирепел, когда Минька Порох сложил про него дразнилку (все-таки иногда фантазия у Миньки проявлялась):

Рыкко стукнули кувалдой,
И теперь он — вот беда! —
Стал не Рыкко Аккабалдо,
А простая рык-балда!

Доня Маккейчик тут же сочинил на эти слова музыкальный мотив, и жители астероидов (кроме Сырой Веранды) распевали обидную песенку на все пространства. Рыкко бесновался так, что тряслись созвездия, а несколько астероидов сошли с орбиты и улетели из Пояса. Он орал, что поймает «малолетних преступников и паршивых сочинителей» поодиночке, открутит им головы, ноги и руки и превратит обидчиков в атомную пыль с отрицательными зарядами ядер.

Но поймать Рыкко никого не мог. Все, даже Сырая Веранда, умели делать из скользких магнитных полей невесомые и невидимые скафандры. Эти скафандры были придуманы очень

хитро. Они появлялись на «малолетних преступниках» в тот миг, когда Рыкко протягивал к ним лапы (даже если внезапно, через несколько пространств). И добыча ускользала у «носителя Мирового Зла» между пальцев, как сосулька. За это Рыкко обзывал своих противников склизкими лягушатами.

Порой между ребятами и Рыкко велись настоящие бои. Аленка и Веранда в них не участвовали, а мальчишки носились вокруг ревущего существа-вещества-естества на управляемых кометах и обстреливали его из рогаток мелкими астероидами. Конечно, большого вреда для Рыкко в этом не было, он ведь не хуже ребят умел строить защитные поля. Но порой в таких полях попадались дырки. Если астероид попадал в дырку, Рыкко ревел и зализывал шишку, а его противники радостными воплями отмечали военный успех.

В отместку Рыкко рушил постройки, которые ребята возводили на астероидах и вокруг (если, конечно, они забывали про защитное поле или делали его слабым). Насылал полчища кусачих оранжевых комаров (которые, впрочем, не могли прокусить скользкие скафандры). Подслушивал разговоры и вставлял ехидные замечания.

Минька сперва опасался: не уничтожит ли

Рыкко «Венерин башмачок»? Ведь не будешь все время держать планету в защитном коконе! Но скоро стало ясно: повредить настоящей, непридуманной траве Рыкко не может.

Случалось, что Рыкко Аккабалдо был настроен мирно. Иногда он даже снисходил до бесед с «этими бестолковыми лягушатами». С Голованом он рассуждал иногда о строении Великого Кристалла Вселенной, о хитростях потока Времени и о загадках плоских пространств, где «третий вектор равен нулю, но искривленность плоскостей такова, что выше всякой фантазии и создает эффект многомерности…».

А один раз они заговорили про Абсолютное Ничто. Рыкко сидел в гигантском каменном кресле, которое вращалось в гуще созвездий. Он развалился, закинул сотню левых ног на сотню правых и снисходительно вещал:

— Так и быть, открою вам, головастики, одну из великих тайн Мироздания. Абсолютное Ничто — это всего лишь выдумка древних мудрецов, которые любили заниматься бесконечными рассуждениями о всякой ерунде и высасывать свои идеи из пальца… Ну, скажите на милость: что такое это Абсолютное Ничто по вашему разумению?

— Наверно, это абсолютно черная пустота, — подал голос Доня Маккейчик.

— Ха! Ха! Ха! Если вы эту черноту видите и представляете, значит, она есть. Значит, она уже не Ничто! В том-то и дело! Ничто — это когда ни где ничего нет. Даже черноты и пустоты! А кто может увидеть это и доказать?

— Ну, кто-нибудь. Не все ли равно? — неуверенно сказал Голован.

— Опять ха-ха-ха! Если есть «кто-нибудь», значит, понятие «Абсолютное Ничто» абсурдно. Как же оно «абсолютное», как «ничто», если в нем кто-то или что-то есть? А?.. Вот поэтому я и покинул то дурацкое пространство Черных Пирамид. Какой смысл караулить дыру, в которой будто бы есть то, чего на самом деле нет!

— Про Ничто вообще бессмысленно говорить «есть» или «нет», — вставил свое суждение Голован.

— Тем более! Это ты верно заметил, — одобрительно закряхтел в кресле-астероиде Рыкко. — Я вижу, как в кое-ком из вас появляются признаки некоторого здравомыслия. Беседуйте со мной почаще, и, может быть, постигнете кое-какие закономерности Мироздания. Если я, конечно, до той поры… ха-ха!.. вас не сожру…

Все развеселились и стали наперебой разъяснять Рыкко, что сожрать их невозможно. Пусть попробует схватить!

— А я не буду хватать! Проглочу на лету!

Опять смех. Ну, проглотит! Ну, посидят они внутри у «черного и многолапого». Противно, конечно, да уж как-нибудь выдержат в своих спедскафандрах. А потом придумают «дыробитную машину» и вырвутся наружу. А Рыкко будет заштукатуривать в своем пузе пробоины, сделанные изнутри.

Рыкко Аккабалдо кончиком хвоста почесал пузо, сказал «ну вас» и улетел за созвездие Два Кота. А каменное кресло его чуть не обрушилось на планету Сырой Веранды (вот опять слез-то было бы!). К счастью, Голован успел разнести эту «мебель» в пыль из придуманной в одну секунду ракетной катапульты…

6

Коптилка вернулся от Рыкко довольно быстро. Слегка потрепанный и с частым дыханием. Шумно приземлился перед Минькиной голубятней. Он был в одной сандалии. Вторая прилетела следом и стукнула Коптилку по спине. Он оглянулся и погрозил в пространство кулаком.

— Ну? — сказал Голован.

— «Ну», «ну»! Рога бараньи гну… — Коптилка с сопением надел сандалию. — Он даже слушать не стал. Заорал сразу: «Нужны мне ваши извинения, как клизма с жидким азотом! Мошкара сопливая! Все равно вы мне когда-нибудь попадетесь! Я теперь объявляю вам войну на веки вечные, без всяких перемирий!» И на меня! Лапы растопырил… А скафандр-то не работает…

— Подумаешь, «без перемирий» он объявляет, — хмыкнула Веранда.

— Ну и фиг с ним, — сказал Минька Порох.

— Я вам говорил, что бесполезны эти дурацкие извинения, — хмуро напомнил Коптилка. Хотя и не говорил такого.

— Все-таки ты хорошо сделал, что попытался извиниться, — успокоил его Кирилка. — Теперь уже не мы виноваты, а он.

— Да, — решил Голован. — Мы изменили ситуацию в свою пользу.

Коптилка подергал на груди галстучек, надул щеки и превратил белую рубашку в привычную замызганную майку… но… глянул на Аленку и сердито превратил майку обратно.

Голован зевнул:

— Скоро уже спать пора.

Конечно, здесь не было дня и ночи в привычном понимании. Но ложиться спать и просыпаться все старались в одно время. Потому что трудно существовать совсем без всяких правил.

Аленка подошла сбоку к насупленному Коптилке и шепотом попросила:

— Валерик, ты не мог бы дать мне твоего жирафа? Я вечером поиграю, а утром отдам…

В прошлом рассказе про Коптилку — как он появился на астероидах — оказалась пропущена одна деталь. Дело в том, что Коптилка убегал от мужиков в камуфляже не из-за пустого страха. Он боялся, что отберут игрушку, скажут: «Ты ее украл!»

А он ее нашел!

На свалке, кроме строительного мусора, хватало всякого другого барахла — поломанной мебели, битой посуды, рваных матрасов и тряпья. И вот среди автомобильных покрышек и лопнувших цветочных горшков Коптилка увидел старую, местами порванную тряпичную игрушку.

Это был жираф. Туловище размером с кошку, а шея длиннющая, и на шее головка — улыбчивая и симпатичная, как у добродушной козы. С круглыми кожаными ушами и синими глаза-

ми-пуговками. Были еще рожки из деревянных палочек и деревянные же копытца.

Вообще-то жирафы пятнистые, но этот оказался полосатый, сине-белый. Наверно, из старой тельняшки. Скорее всего, его сшили девчонки, что занимались в кружке мягкой игрушки, в детском клубе «Ласточка». Недавно клуб закрыли, всякое старое имущество отправили на ближнюю свалку. Видимо, этим путем сюда и попал истрепанный, никому не нужный жирафенок.

У Коптилки сроду не было своих игрушек. В интернатах и детприемниках они ведь общие. А тут — вон какой подарок! И Коптилка сразу решил, что назовет полосатого жирафчика Аликом — в память о теткином одноухом коте, к которому он, Коптилка, успел привязаться, но который несколько дней назад исчез из дома…

Шея у жирафа болталась, и Коптилка вставил в нее алюминиевую проволоку, которую подобрал тут же. Так он и стоял с Аликом на руках — туловище на груди, шея на плече, жирафья головка тыкается губами в ухо — когда парни с дубинками окликнули его. Окликнули — и он побежал… И оказался здесь вместе со своей единственной в жизни игрушкой.

…Жители астероидов могли придумать любые

игрушки. Говорящих роботов, веселых бородатых гномов, конструкторы с хитроумными деталями, ковбоев со старинными револьверами, ласковых плюшевых котов и мишек, шахматы с шагающими фигурами, механических лошадей в натуральную величину, которых можно запрягать в золоченые кареты… Ну, короче говоря, всё, что угодно. Живые существа не получались, а игрушки — сколько хотите! И они не исчезали, это ведь не стебельки и листики…

Но вот беда — развлечения с такими игрушками быстро надоедали.

А потрепанный жирафчик Алик, неумело заштопанный Коптилкой, не надоедал. Он был настоящий. Он был оттуда. Тот, кто оставался с Аликом один на один, порой прижимал его к груди и что-то шептал в маленькие уши, сделанные из кожаных язычков от кроссовок. Это, когда Коптилка разрешал другим поиграть со своим жирафом. Все любили такие игры, в том числе и серьезный, знакомый со всякими науками Голован. Но Коптилка даже на короткое время отдавал Алика неохотно.

Вот и сейчас он в ответ на Аленкину просьбу насупился:

— Чего тебе приспичило именно сегодня? По-

том как-нибудь…

Он уже представлял, как уляжется с Аликом в своем кирпичном жилище на подстилке из свежего сена (хотя и придуманного, но пахучего, почти настоящего — до утра его хватит) и будет рассказывать полосатому другу… Ну, что рассказывать, это тайна… А кроме того, Коптилка вдруг забоялся: даст он жирафа Аленке, а другие поймут — он относится к ней не так, как к другим. А он что?.. Подумаешь, сделала для него рубашку с галстучком! Он бы и сам смог, если бы захотел.

Аленка молча отошла. Она была тихая, но с самолюбием. Раньше она занималась в балетной студии, но бросила ее, потому что обиделась на даму-педагога, на бывшую балерину из областного театра. Та однажды во время занятий сказала Аленке:

— Девочка, у тебя есть кое-какие способности, но маловато темперамента. Надо двигаться, двигаться!.. — и хлопнула Аленку между лопаток. В общем-то дело обычное, но Аленка села на скамейку и стала развязывать тесемки балетных туфелек.

— Я от вас ухожу…

— Ах, какие мы гордые! По-моему, ты просто лентяйка. А балет — это труд, труд и еще раз

труд!

— Ну и трудитесь. А я раздумала быть балериной.

— И кем же ты будешь?

— Домохозяйкой, — буркнула Аленка и пошла в раздевалку. Там она услышала, как бывшая актриса балета сказала помощнице: «Ну и пусть. А то представляете, сколько грима пришлось бы изводить перед каждым спектаклем». Эта дама конечно же намекала на Аленкины веснушки. Про таких, как Аленка, говорят: «Загорала сквозь решето». А еще правильнее сказать «сквозь тёрку». Аленкины веснушки сидели на лице равномерно, однако не очень часто. Были небольшие и одинаково круглые. Ничуть они Аленкин портрет не портили, она была симпатичная.

Она попала сюда с самолета, когда возвращалась из Симферополя, где гостила у родственников. Летела одна, вернее, со случайными знакомыми. Самолет грохнулся в километре от посадочной полосы. Что стало с другими пассажирами, Аленка не знала, а сама — вот здесь…

С той поры в астероидной компании оказались две девочки. Вторая — Сырая Веранда. Так ее прозвали за то, что глаза всегда мокрые и красные. Кто-нибудь скажет ей что-то не по душе — и сразу

сырость. Вот такой характер. Смеялась она редко, а дулась почти все время.

Была Веранда длинная, носатая, с жидкими пепельными косами и тощей шеей. Все платья, которые она себе придумывала, висели на ней наперекосяк. Она подолгу сидела одна-одинешенька в своем каменном домике на рыжей от космической пыли планетке. И ничего не придумывала для украшения жилища.

Даже когда Доня и Голован предложили соединить все астероиды хрустальными мостами и пустить по ним старинную железную дорогу с медным паровозом и разноцветными вагонами, Сырая Веранда от такого соединения отказалась, буркнула:

— Вот еще… — И глаза ее намокли.

— Что за натура, — говорил иногда Голован.

А справедливый Кирилка Веранду оправдывал:

— Каждый ведь имеет право на свой характер. Пусть…

Конечно, Сырой Верандой и даже просто Верандой звали ее за глаза. Вообще-то она была Вероника Донцова. Про ее прежнюю жизнь известно было немного. Дело в том, что Вероника попала сюда первая. Потом уже — Голован. Он с

трудом дознался у длинной плаксивой девчонки, что был у нее неродной отец, на которого она однажды сильно разозлилась. Ушла на кухню, открыла аптечку и назло отчиму и матери выпила что-то такое, от чего врачи спасти ее не смогли…

Аленка с Верандой не очень-то дружили, хотя и не ссорились (здесь вообще ссор почти не бывало). Чаще Аленка играла с мальчишками. Веранду это, конечно, огорчало…

7

Когда Коптилка не дал Аленке жирафа, она не стала просить снова. К ней сразу подошел Доня.

— Давай, я поучу тебя играть на аккордеоне. Ты ведь хотела.

— Давай, — кивнула она.

Они перепрыгнули на Донину планету, где стоял домик, похожий на полукруглую садовую эстраду. Доня принес аккордеон. Инструмент был придуманный, но в точности как настоящий. Доня был в белых брюках и белой рубашке с зеленой «бабочкой» в горошек. А что, не таскать же ему вечно на себе больничную пижаму, в которой он попал сюда!

Сели на каменную скамью со спинкой в виде разлапистой лиры (это такой древний музыкаль-

ный инструмент). Белые мохнатые созвездия над головами светили так, что от них веяло теплом. Но Доня взглянул на них с неудовольствием. Наморщил лоб и сотворил над своей планеткой небесную голубизну — почти как у Миньки. Потом рассеял в ней вечернюю желтоватость, а по краю неба пустил закат.

— До чего красиво, — вздохнула Аленка. — Прямо как… — И виновато замолчала.

Доня сделал вид, что ничего не заметил. Сотворил из кусочка заката оранжевое полотенце.

— Накрой ноги, а то меха будут щипать за коленки.

— Спасибо…

Скоро (здесь все бывает скоро, если хочется) Аленка уже вполне освоила инструмент. И умело заиграла вальс «Амурские волны». Сквозь вечерний небосвод осторожно просунулись головы. Даже Рыкко Аккабалдо перестал сопеть в пространствах, тоже слушал.

Потом сквозь закат полностью пролез Коптилка с жирафом на руках.

— На, держи… Лучше уж играй с ним, чем на этой скрипучей шарманке. — Повертел головой и объяснил всем: — А то ведь никак не уснуть от такого концерта.

— Спасибо, Валерик! — Аленка быстро отдала аккордеон Доне и прижала Алика. Потерла его мордочкой свои щеки и губы.

На Коптилку никто не обиделся за слова про «скрипучую шарманку». Знали, что это он от смущения. Аккордеон же был совсем не скрипучий, и музыка хорошая. И Доня продолжил концерт. Заиграл вступление к старому фильму «Дети капитана Гранта». Конечно, это было не по правилам: такая музыка (как и «Амурские волны») была напоминанием. Но куда денешься? Ведь совсем без музыки нельзя, а новую, здешнюю, Доня еще не придумал. Бывало, он что-то сочинял, но до сих пор получалось у него как раньше.

Все, кто глядел сквозь небо, теперь приземлились вслед за Коптилкой и сели на теплый песок перед скамейкой. Слушали. Веранда промокала глаза кончиком тощей косы, но теперь никто на нее не досадовал.

В закатном небе после «десанта» остались дыры и делались все шире. В них из черноты опять смотрели белые мохнатые звезды. Впрочем, хватало и голубых, и зеленых, и розовых…

Потом вечернее небо рассосалось окончательно (видимо, Доня соорудил его лишь на полчаса, для Аленки), и всех опять окружил привычный

космос. Он смотрел на ребят и сверху, и с боков, и даже снизу — планетка-то была крошечная.

А Доня играл… И вдруг перестал. Что-то случилось.

Ч т о-т о случилось в наступившей резкой тишине. Что?

Тишина была не полная. Посапывала Веранда. Издалека долетал тихий скрип: терлись друг о дружку боками две сошедшиеся вплотную спиральные галактики. Но не в этих звуках дело. Вообще не в звуках…

— Первым догадался Локки. Пружиной взлетел с песка!

— Ц-новичок! — *И*метнулся на большой астероид из аметистовых кристаллов.

По какому-то закону (знать бы все эти законы!) такое всегда случалось здесь. На прозрачно-синей планетке, на квадратной каменной площадке, лежащей среди громадных аметистовых друз. По краям площадки горели два фонаря старинного вида, на чугунных узорчатых столбах.

Новичок всегда прилетал на эту площадку.

Вот и сейчас…

Но…

— Девчонки, не смотрите, — быстро велел Голован. — И ты. Кирилка…

Потому что Кирилка был хотя и самый честный, но и самый чувствительный среди мальчишек.

Девочки и вправду сразу зажмурились, а Кирилка смотрел широченными глазами. И будто глотал колючие комки.

Дело в том, что новичка не было. То, что было, нельзя назвать новичком. И вообще кем-то… Что остается от человека, если у него под ногами лопается мина от тяжелого армейского миномета…

Но это там почти ничего не остается. А здесь то, что все-таки осталось, начало сползаться к центру площадки (оставляя на камнях блестящие красные полосы).

Так на киноэкране заново срастается разбитая банка с красным вареньем, когда кадры пущены наоборот.

Сползались кусочки неостывшего тела и костей, лоскутки одежды. Склеивались они на гладких шестиугольных плитах. Постепенно обреталась форма…

И вот уже все (и девчонки, открывшие глаза) увидели на самой большой плите мальчишку. Он лежал ничком. Руки были выброшены вперед. Волосы медного цвета курчавились на затылке, под козырьком синей бейсболки, надетой задом наперед. Лопатки торчали под натянувшейся

клетчатой рубашкой. Ноги с неровным загаром длинно высовывались из джинсовых коротких штанов. Розовели голые подошвы — обувь, наверное, сорвало там, еще до Бесцветных Волн.

Новичок долго лежал неподвижно. Все терпеливо ждали. Он двинул ногой. Тогда Голован согнулся, тронул его за плечо.

— Вставай.

Он не встал, но приподнялся. Повернулся. Сел. Обхватил кровавые колени (они на глазах подсыхали и заживали). Пацан как пацан. Постарше Миньки и Кирилки, помладше Голована и Дони. Сморщился, будто заплакать хотел. Не заплакал, только губу прикусил. А в глазах отчаянный вопрос: «Что случилось? Где я?»

Голован присел на корточки, сказал осторожно:

— Не бойся. Страшное позади.

ЗОЛОТЫЕ ПАРУСА

1

До сих пор обо всем, что было, я рассказывал с чужих слов. А с этого момента начинаю «от своего я». Потому что я и есть новичок. Тот, кому Голован сказал: «Не бойся. Страшное позади».

А страшного-то почти и не было. Я не успел испугаться. Тетя Соня быстро поцеловала меня, крикнула: «Беги к автобусу!», и я помчался от крыльца по белой от солнца улице. Тощий рюкзачок прыгал у меня на спине. Где-то стреляли, но не близко и, казалось, не опасно. И вдруг — свист такой и сразу ка-ак ахнет! И… вот если все-таки бывает Абсолютное Ничто, значит, оно и наступило. Не знаю, на какое время. Его просто не было, времени. А потом уже здесь… Миллионы звезд вокруг, плиты какие-то, два фонаря, как у нашего Краеведческого музея, и ребята…

Я в то лето гостил у маминой сестры, тети Сони, в одной южной станице, в Краснотуманской. Мама сперва боялась меня отпускать: там в недалеких республиках то и дело стреляли, взрывали, заложников захватывали. Но тетя Соня только

посмеялась в ответ на мамины страхи: «Это же у н и х, по ту сторону границы. А у нас такого сроду не бывало. У нас тишина и рай на Земле: солнце, фрукты, климат чудесный, Вовочка отдохнет, как на детском курорте…»

«Вовочка» — это я, Вовка Семыгин, почти двенадцати лет, шестиклассник (то есть семиклассник уже, потому что учебный год закончился) из города Ново-Затомска.

Вначале я не очень рвался в какую-то неведомую станицу. Думал: чего там делать, в захолустье. Мы же с мамой сперва собирались в Петербург. Но оказалось, что денег на Петербург нет. А в нашем Ново-Затомске сидеть все каникулы — какая радость? Да и тетя Соня очень звала. Ее дети выросли, разъехались, и ей хотелось, чтобы, пускай хоть не надолго, появился в доме мальчишка, почти что свой. А я подумал: «Может, загорю там, на юге, по-человечески». А то загар ко мне всегда прилипал неохотно. В сентябре все пацаны коричневые, а я будто все лето в тени отсиживался, неловко даже.

Я и правда начал там загорать, только неровно, пятнами. И это была единственная (да и то маленькая) неприятность. А все остальное — чудесно! Мы со станичными ребятами ездили в

ночное, купались в прудах, лазали по садам (хозяева ругались лишь для порядка: яблок, груш и вишни там — завались). А потом, за неделю до того, как мне уезжать, с юга через степь прорвались какие-то «касаевцы» или «бадаевцы». Они смели военные кордоны, разогнали местное ополчение, постреляли милицию и заняли два ближних хутора. А наутро начали палить по восточной окраине станицы.

Местное начальство отдало оба своих автобуса, чтобы вывезти всех ребят в районный центр, потому что «скоро здесь будет дым коромыслом, подкатят войска, пальба пойдет с двух сторон и в основном по мирным домам».

Тетя Соня наскоро собрала меня, дала денег на билет до Ново-Затомска, сунула в рюкзачок пирожки и помидоры (через минуту его сорвало взрывной волной). Автобус стоял на перекрестке, в сотне шагов от нашего дома. Гудел нетерпеливо. Я и побежал…

Конечно, я не сразу освоился на астероидах. И не верилось, и казалось, что это сон; и вся душа была еще там. «Ох, что же с мамой-то? Она же с ума сойдет… А как тетя Соня? Уцелела? А в автобусе никого не зацепило? А…» Сколько не «акай», не было ответа. И не будет. «Обратной дороги нет».

Постепенно это понимание проникло и в меня.

Человек привыкает ко всему. Я тоже вроде бы привык наконец ко второй своей жизни. Привык, что можно по своим придумкам строить и мастерить какие угодно сооружения и вещи (только не живые). Р-раз — и стоит на планете сверкающий дворец, как в сказке про старика Хоттабыча. Еще р-раз — и плещется голубая вода в бассейне, громадном, как настоящее море. Купайся и ныряй сколько влезет. Привык, что можно вмиг долететь до любой видимой звезды или оказаться в звездной гуще самой отдаленной галактики, которая с астероидов кажется серебряной чешуйкой. Какая там скорость света! Мы могли перекрыть ее в миллиарды раз!

Есть книжка (я не помню название и писателя) про мальчишку, который жил, как мы, на астероиде. Он был не просто мальчишка, а принц, хотя непонятно, почему. И вот он задумал покинуть свою планету, чтобы повидать другие края. Было написано: «Он решил путешествовать с перелетными птицами». Я не раз глядел на звезды и думал: что за птицы такие? Как они могли летать, если в пространствах нет воздуха? Да и зачем они? Можно ведь и так за секунду домчаться куда вздумается! Все пространства были наши!..

Только мы редко покидали свои астероиды. Какой смысл? Залети хоть в самую далекую даль — там то же самое, что и здесь. Такое же сияние звездных россыпей, такое же шуршание и щелканье невидимых силовых полей, та же упругая искривленность пространств (можно было по ним скользить, как по снежным горам, на придуманных лыжах; мы иногда так и делали). Только созвездия меняли свои контуры, а все остальное было прежним.

А к своим планеткам, пористым каменным глыбам, все мы привыкли. Какой-никакой, а все-таки дом. Покидать астероиды надолго не любили. В глубине души опасались даже. Улетишь, а вдруг здесь что-нибудь важное случится. Вдруг… ты кому-то понадобишься? Ну и вообще — мало ли что? Может быть, не зря нас именно сюда, на этот Пояс астероидов, занесли Бесцветные Волны?

Но ничего не случалось, если не считать мелких пакостей со стороны Рыкко Аккабалдо.

Вот еще что надо сказать! Не думайте, будто наши астероиды — это те мелкие планеты, которые тысячами летают вокруг Солнца. Нет, они носятся вокруг совсем иной звезды. Такой маленькой и тусклой, что мы никогда не обращали на нее внимания. Служить настоящим солнцем она

не могла. Если нам хотелось дневного света, мы делали искусственные солнышки.

А где наше настоящее Солнце, где Земля, мы понятия не имели. Скорее всего, мы были в какой-то другой галактике. Или даже в ином пространстве Великого Кристалла…

Мне помогли выбрать планетку. Этакую гранитную картофелину метров двести в поперечнике. На ней было много круглых оспин и большущий кратер от крепкого метеоритного удара. Я накрыл этот кратер придуманным стеклянным куполом, развесил внутри люстры, расставил всюду разукрашенную мебель, как во дворце сказочного султана. Вдоль стен выстроил блестящие рыцарские фигуры, будто в средневековом замке. Такое вот фантастическое получилось жилище. Всем ребятам понравилось. Только Голован сказал непонятное слово: «Эклектика».

— Что это такое?

— Это значит… молодец, фантазируй дальше.

Но мне вдруг надоело фантазировать. Внутри сказочного круглого дома я устроил дощатую комнатку с раскладушкой и маленьким письменным столом — таким же, какой у меня дома (хотя зачем он мне тут?). Деревянный материал время от времени рассыпался в пыль, но я все

восстанавливал как прежде.

Мы жили тем, что придумывали всякие развлечения. Строили разные фантастические сооружения. Про хрустальные мосты со старинной железной дорогой я уже рассказывал. А еще были гигантские карусели, трамплины, многобашенные замки с лабиринтами и подземельями. Коптилка и Локки населили подземелья скелетами и механическими крылатыми чудищами. Мы делали вид, что пугаемся (а иногда и правда пугались, на минутку).

Однажды Голован заявил, что надо устроить Вселенский Новогодний Праздник.

Мы покрыли пушистым снегом крупный астероид (называется он Большая Дыня), водрузили на нем гигантскую елку, украсили ее разноцветными кометами, которые поймали сачками и уменьшили до нужных размеров. Конечно, были на елке и другие игрушки, каждый напридумывал сколько хотел.

Доня включил веселую музыку (опять она напоминала о прежней жизни, но мы делали вид, что этого нет).

Мы играли в снежки и кувыркались в сугробах. Забавно бегать по колено в снегу, который лишь слегка прохладный и щекочет голые ноги, как

наваленный грудами тополиный пух.

Но Кирилка и здесь захотел справедливости. Он сказал, что такая зима — неправильная. Поколдовал и обрушил на Большую Дыню настоящий холод.

Ух как мы завыли! Заплясали и начали придумывать себе теплые куртки и штаны, шарфы и шапки, варежки и валенки. Даже упрямый Локки влез в одежду: на нем оказались меховые сапоги и расшитая войлочная накидка — вроде теплого одеяла с вырезом для головы.

Коптилка засунул Кирилке за шиворот сорванную с елки сосульку.

— Вот тебе, Кирпич! Я из-за тебя простудился по-настоящему, даже сопли бегут!

Кирилка заверещал, но без обиды. Ведь Коптилкина шутка была справедливая. А простудиться по правде никто из нас не мог, мы тут никогда не болели. (Иногда хотелось даже: пусть заболит горло, подскочит температура, а ребята будут навещать и ухаживать; но нет, не получалось.)

Мы катались с ледяных гор, летали вокруг елки на крылатых снежных конях и устроили такой шум, будто нас не девять пацанов и девчонок, а тысяча ребятишек на городской площади. Даже Веранда веселилась.

Рыкко Аккабалдо не выдержал и заколотил хвостом о прозрачный защитный шар, которым Голован окружил на всякий случай Большую Дыню.

— Эй, лягушки мокрозадые! Хватит галдеть! А то заброшу вас на Планету Кусачих Собак! Их там целые тысячи, вмиг вас обглодают, никакие ваши скафандры не помогут.

Голован, одетый Дедом Морозом, задрал голову:

— С Новым годом, Рыкко… Однако ты врешь! Никакой Планеты Кусачих Собак нет!

— Нет?! Вот закину вас туда по правде, сразу узнаете, есть она или нет! Собачки там совсем оголодали, друг дружкой питаются, а уж вы-то для них — прямо конфетки.

Минька Порох вдруг подошел ко мне.

— Вов, а вдруг он не врет?

— Ты что, испугался?

— Я… не знаю. Вообще-то я собак с дошкольного младенчества боюсь, меня тогда соседская овчарка покусала…

— Да он просто так болтает… — И я, как Голован, запрокинул лицо. — Ох и трепло ты, Рыкко! «Ужасное и несравненное»! Где эта твоя собачья планета?

— Где-где! У козла на бороде!

— Ха-ха! Вот видишь! Даже координат не знаешь!

— Я?! Не знаю?! Серая галактика, звезда Ржавый Гвоздь, восьмая орбита! Пятый угловой конус от Всемирной оси, сто тринадцатый вектор… Да вы же все равно в этом ни бум-бум!

— Это как поглядеть, — сказал себе под нос Голован. И повысил голос: — Хватит тебе, Рыкко, скандалить! Мы еще полчасика повеселимся и пойдем спать!

Но веселились мы всего минут десять. Как-то сразу устали.

Потом Доня Маккейчик придумал цирк. На арене крутились акробаты, под куполом летали сверкающие гимнасты. Лупили друг друга резиновыми дубинками клоуны. Скакали через огненный круг рычащие, будто Рыкко, львы и тигры. Веселая толстая тетя в атласном платье выступала с дрессированными пуделями. Они катались друг на дружке, лаем отвечали на вопросы из таблицы умножения и в конце концов, как акробаты, выстроились в пирамиду.

Между пуделями болтался и тявкал рыжий щенок-двор-няжка. Ничего он не умел, только путался под ногами, но было от него самое боль-

шое веселье.

А вокруг арены сидели на десяти кольцевых ярусах шумные и пестрые зрители. Смеялись, аплодировали, топали ногами… Конечно, механические, но издалека совсем как настоящие…

После представления мы все хвалили Доню: постарался человек от души. А потом долго не шли спать. Сидели на перилах стеклянного моста, по которому время от времени со звоном и гудением пробегал медный паровоз, тащил гулкие пустые вагончики.

Мы болтали ногами. Говорить не хотелось.

Наконец Голован подвесил среди звезд белый диск с римскими цифрами и фигурными стрелками:

— Ладно, время бай-бай. Уже одиннадцать часов.

Смешно. Какие здесь часы, какое время… Никто не знает, сколько его прошло, пока мы на астероидах. Может, и Земли-то давно уже нет… И сколько еще этого времени пройдет? Впереди — Вечность.

А что такое Вечность? Разве она бывает? По-моему, это что-то невозможное, вроде Абсолютного Ничто…

Многоэтажные конструкции созвездий сияли

над нами с такой силой, что было светло как днем. У меня порой душа замирала от этой космической красоты. Но… не всегда. Не сейчас. Аленка потерла веснушчатую коленку, уронила с ноги в пространство сандалетку и вздохнула:

— А хорошо бы щеночка по правде. Такого, как в цирке, только не придуманного. Они такие забавные. Играют, бегают, а потом упадут вверх лапами: почешите мне животик. Почешешь ему, а он задней лапой дрыгает, помогает…

Мы молчали. Аленка тронула запретную тему: ведь щенки остались т а м. Но никто не упрекнул Аленку.

2

«Венерины башмачки» росли теперь и на других планетах. Но не так густо, как на Минькиной, отдельными кустами. А у Сырой Веранды всего один стебель с мелкими и бледными, почти белыми цветами. Ну зато она и дрожала над ним…

У меня это растение тоже не очень-то привилось: видать, почва не та. А у Миньки вымахал целый лес. Поэтому я любил бывать у него. Ну и, конечно, не только из-за зелени. Просто мне нравился Минька. Больше всех ребят.

Почти так же сильно нравился Кирилка. Но с

ним я не мог держаться просто. Он… такой весь честный, такая чистая душа, что невольно чувствуешь себя перед ним виноватым. В том, что ты не такой ясный и справедливый.

Другие ребята были тоже хорошие. Никто ни с кем не ссорился всерьез. Бывали мелкие стычки, но так, на пару минут. Даже Веранде прощали ее хныканье и мокрые глаза, терпели героически. Только иногда Коптилка бурчал под нос: «Ну, опять сопли развесила». И умолкал под взглядом Кирилки.

Минька был чем-то похож на Кирилку, но проще и бесхитростней. И хотя он младше меня чуть ли не на три года, мы с ним сделались как друзья-одноклассники. Иногда я оставался у него ночевать, и мы болтали о чем придется. И о прежней жизни вспоминали тоже, хотя это и было нарушением главного неписаного правила. Конечно, «обратной дороги нет» и Серая Печаль обязательно отомстит за эти воспоминания, но как удержишься?

Однако любому из нас хотелось иногда побыть одному. И мне, конечно…

А однажды случилось, что и к ребятам не хочется, и в своей комнатушке надоело, и переделывать ее лень. К тому же наступило время сна.

Я улетел с планеты и повис в пустоте. С четырех сторон от четырех очень ярких звезд протянул к себе крепкие серебряные шнуры. Подвесил на них капроновый гамак. Улегся в него, устроил под собой поле тяжести (потому что, если невесомость, какой смысл в гамаке). Стал смотреть на путаницу созвездий. Они все были незнакомые, не с земного неба.

Господи, хоть бы что-то похожее на Большую Медведицу, на Орион или Кассиопею…

«Не смей», — сказал я себе. И вдруг почувствовал, что хочу есть. По-настоящему, как раньше. Я обрадовался, сел. Придумал себе фаянсовую тарелку с рисунком из кленовых листьев (с трещинкой), а в ней — капустные пельмени, такие, как готовила м… ой! Ну ладно. Я капустные люблю больше, чем мясные.

Я придумал вилку с коричневым пластмассовым черенком, слопал всю пельменную порцию, лег опять, погладил себя *по*животу. Нормально…

А что нормально-то? Пять минут удовольствия, а потом?

Тихо-тихо было. Только шептались звезды и еще слышалось, как за тридевять пространств скребет лапами по магнитной постели дрыхнущий Рыкко…

Вся необъятность космической пустоты вдруг вошла в меня и… нет, не испугала, а как-то оглушила. Своей безысходностью.

Зачем вся эта громадная красота? Для кого? Для нас, семерых пацанов и двух девчонок? Для Рыкко?

Почему больше нет никого? Если по какому-то закону мы попадаем после Земли в этот мир, то почему же нас тут так мало? Потому что Вселенная бесконечна и других Бесцветные Волны уносят в иные края? Но есть же какое-то правило! Ведь недаром почти все мы здесь из одного времени, из одной страны. Только Локки затесался к нам непонятно как, но это, видимо, случайность… А может быть, вообще всё случайность? И то, что с нами сделалось, и… даже вся Вселенная?

Какие здесь законы, кто всем этим управляет? Голован любит иногда беседовать с Рыкко о «закономерностях природы Мироздания». Да чушь это! Ни он, ни Рыкко ничего не знают! Мы, как муравьи, попавшие в компьютер. Кое-как разобрались, где какого цвета провода и детальки, а что за хитрости происходят в магнитной памяти машины, понятия не имеем. И никогда не узнаем…

Если в э т о т мир попадают только дети, то

куда деваются взрослые? Почему нельзя сделать так, чтобы следом за нами прилетали те, кто нас любит?

«Обратной дороги нет»… А путь вперед — есть? Мы здесь — зачем? По каким законам Вселенной? Или не по законам, а просто так?

Я не хочу! Лучше уж Абсолютное Ничто! В нем не помнишь, не чувствуешь, в нем тебя просто нет. Ничего нет. И Серой Печали…

Меня вдруг затошнило. Сильно. Я быстро сел, нагнулся, непереваренные пельмени ушли в мировое пространство.

Я заплакал.

Я всхлипывал, размазывал по лицу сырость и тихонько скулил. Как в детсадовские времена, когда тебя накажут и ты сидишь в пустой комнате, пускаешь слезы и надеешься, что кто-нибудь придет и пожалеет…

Кто?..

Бесшумно спланировал из пустоты Голован. Уселся рядом. Чуть не вывернул меня из гамака, но тут же уравновесил тяжесть.

Я сердито отвернулся — звезды, конечно же, блестели на моих сырых щеках.

— Да не прячься, — тихо сказал Голован. — Чего такого… Думаешь, ты один плачешь по ночам?

— А кто еще? — буркнул я. — Веранда, что ли?

— Все. Когда одни…

Тогда я всхлипнул, не скрываясь:

— Послушай…

— Не надо, Вовка. Я ведь знаю, про что ты хочешь сказать. Это у всех…

— Но все-таки почему так? Почему пусто кругом? Везде-везде-везде… Миллиарды звезд, миллиарды планет, и ни одной живой… Куда ни прилетишь — не то что человека, даже букашки никакой, даже травинки. Камень, камень… Да еще эти оранжевые межпланетные комары… Но они, по-моему, мертвые…

Голован сел поближе, обнял меня за плечо.

— Вовка… я тебе скажу. Я невеселое тебе скажу, даже безнадежное, но ты ведь все равно и сам когда-нибудь это понял бы… Мы никогда не увидим живых планет. Их очень много — и таких, как Земля, и всяких других, но они… но мы не можем видеть их, а они не могут видеть нас. Даже если бы мы отыскали Землю, то все равно увидели бы пустой каменный шар.

— Но по-че-му?

— Потому что мы и они в разных измерениях. Мы ушли с нашей планеты, оставили там свои тела, и теперь… ну, как бы прозрачны для землян…

и вообще для всех живущих. А они — для нас. Мы в разных мирах…

— Да я понимаю… Но Вселенная-то одна!

— Она одна, а измерений… Ну вот представь двух жучков на черном шаре. Один ходит снаружи, другой внутри. Ходят они, ходят, но друг дружку никогда не увидят, никогда не сойдутся. Потому что у них — разные плоскости…

— Но тот, который внутри… он ведь как-то попал туда! Должна же быть в шаре дырка!

— В шаре-то, может, и есть. А для нас… обратной дороги нет.

Я сжал зубы.

— Ладно… А где же те, кто приходит в э т о измерение с планет? Почему здесь никого, кроме нас?

— Наверно, рассеяны в Бесконечности… Нам еще повезло, что вместе. Могло закинуть куда-нибудь поодиночке…

— Это что же? Причуды Бесцветных Волн?

— Не знаю, Вов… Может, какая-то ошибка.

Тогда я сказал про последнюю несбывшуюся надежду:

— Даже Планеты Кусачих Собак нет. Я весь тот пятый угловой конус обшарил. Думал… может, не все собаки там такие уж злые… Хоть бы погладить одну. Или щенка найти для Ален-ки. Щенки-то

всегда добрые…

— Я тоже искал, — признался Голован. — Нету ее нигде. Наврал Рыкко, скотина.

А «великий и непобедимый носитель Мирового Зла» дрыхнул, задрав свои лапы, на магнитной кровати. Довольный такой…

Я пожалел, что не умею делать из пространства линзы. А то (я быстренько прикинул координаты Рыкко) сейчас бы собрал весь звездный свет и прижег бы паразиту… даже не лапу, а что-нибудь почувствительней.

Ладно, линзы нет, но можно и по-другому!

Я придумал гигантскую катапульту, вложил в нее глиняный шар, начиненный механическими осами со стальными жалами-булавками… Едва ли у Рыкко над кроватью сплошной защитный полог: мы давно всерьез не воевали, и злодей не ждал нападения.

Голован смотрел с интересом. Хорошо, что нет рядом Кирилки, некому упрекнуть меня в вероломстве.

Я велел катапульте закрутить свою пружину из синтетических жил и сказал:

— Пуск!

— … А-а-а! Бандиты! Сопляки паршивые! Что я вам сделал, негодяи?!

Слышно было, как Рыкко лупит по спине и пузу лапами и хвостом. Лупи, лупи, всех моих ос быстро не перебьешь!..

Наконец он их все же перебил. И снова:

— За что?! Шпана!.. Я же вас не трогал, спал себе спокойно! Живодеры!

— Если мы живодеры, то ты… драная живность! — громко ответил я.

— Это тебе за вранье! — сообщил Голован.

— За какое вранье?! Я самое честное существо-вещество-естество во Вселенной! Не то что вы!

— А кто пустил дезинформацию про собачью планету! Мы, как дураки, шарили там, и ни шиша! Ни одной самой паршивой собачонки! — проорал в пространство Голован.

— Сам ты дефи… дезин… дезинтерия вонючая, вот кто! Надо уметь искать! Думаете, прыгнули на сто парсеков и нашли, что хотели? Обрадовались на готовенькое!.. Такую планету надо открыть, бестолочи!

— Как это? — спросил я. Небрежно спросил, чтобы Рыкко не почуял моего интереса.

— «Как это», «как это»! Раскакались на все пространства… Вот если бы Колумб с маху перепрыгнул океан, как лужу, нашел бы он там Америку? Хрен с редькой и коровьи кучи он

бы нашел! А он плыл! На кораблях! Он страдал! Потому что открытия бывают лишь в конце трудных путешествий, а не… — Мы услышали, как Рыкко захлопнул пасть. Видно, понял, что сказал лишнее.

Откуда-то спланировал Минька, втиснулся между мной и Голованом.

— Не спится. Рыкко разорался чего-то, да и вы тоже…

Я повозился, чтобы Миньке стало посвободнее.

— А-а-а! О-о-о! — Это каким-то образом оказалась подо мной механическая пчела, из тех, что не попали в шар. — Ой-ёй-ёй! — Так я вопил, пока не догадался сделать укушенное место бесчувственным.

Рыкко в своих пространствах сказал назидательно и высокопарно:

— Всякое коварство чревато возмездием.

И я подумал: будь здесь Кирилка, он бы, наверно, согласился.

Но был Минька. И он вполне одобрил мои действия, когда узнал, что к чему.

И признался со вздохом:

— А я тоже искал ту планету…

— Все, наверно, искали, — сказал Голован.

— Кроме Веранды, — заметил я.

Минька вступился за нее:

— Может, и Веранда искала…

А Голован задумчиво покачал ногами.

— Интересно, откуда эта рептилия знает про Колумба? И… про все остальное.

— Наверно, он подглядывает наши сны, — догадался Минька. — Я недавно видел во сне телесериал про Колумба. Только не весь, а отрывки. Будто я сам там, на корабле… — И смутился: опять вырвалось про земное. Но мы не упрекнули Миньку.

— Ну ладно, сон про сериал, это понятно, — согласился Голован. — А кто же видит сны про коровьи лепешки?

Я сказал с досадой:

— Дались тебе лепешки! Он же сказал про путешествие. Это же…

— Про это я тоже думаю, — спокойно согласился Голован. — Сразу тут ничего не придумаешь. Перелетные птицы не годятся, не тот масштаб…

Значит, он тоже читал про мальчишку-принца!

Минька прислонился головой к моему плечу.

— Вов, а иногда кажется, что весь мир вокруг — это черный шар, а звезды — кем-то проткнутые дырки. А за ними, снаружи шара, такой яркий

свет пробивается лучиками…

— Что? — сказал я. — Да… Ох… — И зажмурился, и уши зажал, чтобы не спугнуть мысль. Вернее, догадку. Может быть, это была догадка о спасении.

— Что ты охаешь? Опять оса? — недовольно сказал Голован.

— Нет… ох… послушайте! Сумеет кто-нибудь придумать, чтобы получилось, как сказал Минька? Небо — черный шар, а мы внутри его. Звезды — проколы в шаре, а за ними — свет…

Голован считал неприличным удивляться. Поэтому отозвался спокойно:

— Вообще-то дело сложное. В масштабе Вселенной… Ардональд, наверно, сможет. Такой шар — это ведь сфера. А Доня — он тоже всегда в сферах. Правда, в музыкальных, но это уже детали.

И мы помчались к Доне. Голован ни о чем не расспрашивал. Он понял: у меня какая-то идея и лишними вопросами можно ее спугнуть. А Минька ничего не понимал, конечно. Он просто во всем доверял мне и Головану.

3

Мы собирались бесцеремонно растолкать нашего музыканта, но тот не спал. Он сидел на

скамейке со спинкой-лирой над шахматной доской. Шахматы были особенные. От обычных они отличались не только тем, что фигуры сами двигались по приказу игроков. Там среди белых и черных пешек были по одной особенной. Назывались «пройдохи». Во время игры они старались незаметно занять наиболее выгодное место, пролезть вперед. Заметит противник — тогда иди обратно. Не заметит вовремя — так ему и надо…

Доня решал какую-то хитрую шахматную задачу. Так, по крайней мере, казалось со стороны. Он сосредоточенно смотрел на доску. Как всегда аккуратный, в белом своем «концертном» наряде, галстук-бабочка, прическа с пробором.

Мы зависли у него за спиной.

Голован тоже был знатоком шахматной игры. Он секунд пять глядел на доску и возмутился:

— Куда ты смотришь! Черная «пройдоха» вот-вот проберется в ферзи!

— А? — Доня будто очнулся. И я вдруг почувствовал: он вовсе не решал задачу. Он думал о чем-то таком. Как я недавно. Впрочем, глаза у него были сухие.

— Извините, я не сразу вас заметил, — наконец сказал он.

— Летим на мост, — сказал Голован.

— А? Да, пожалуйста… А в чем, собственно, дело?

— Там узнаешь, — пообещал я.

Мы опять уселись на перилах. И я объявил Доне, какую задачу он должен решить сейчас. Это покруче всяких там гамбитов и эндшпилей.

Доня взялся за подбородок. Несолидно покачал ногами в белых отглаженных штанинах и белых же башмаках.

— Понимаете… чтобы сделать это, надо знать кое-что заранее.

— Что? — недовольно сказал я. Потому что и сам почти ничего не знал. Только чувствовал. Называется «интуиция».

— Если окружающая нас небесная сфера превратится в твердую оболочку, — начал дотошный Ардональд, — а звезды, соответственно, станут отверстиями, пропускающими внешний свет, то… надо знать: что это за свет? Ты знаешь, Володя?

Я, разумеется, понятия не имел. И засопел от досады. Хотел буркнуть: «Не все ли равно», однако ясно было — Доню это не устроит.

Меня выручил Минька! (Вот и говорите потом, что у человека нет фантазии!)

— Знаете что? А может быть… оно все-таки есть, это… Абсолютное Ничто? Тогда этот свет…

он — наоборот…

Третьекласснику Миньке не хватало слов. Но я сразу уловил — о чем он! Даже обидно стало: ведь и сам я ощущал что-то такое, а до конца осознать не мог! Обиделся я на себя, бестолкового, а не на Миньку.

— Да! Минька правильно говорит! Этот свет — сила, которая обратна Абсолютному Ничто! Это его про-ти-во-по-лож-ность! Вот! Ничто — это ничто, а он — всё. Мировой Свет! Абсолютное Всё!

— Ну, вы философы, — сказал Голован. — Господа, я снимаю перед вами шляпу. — Он тут же придумал себе старинную шляпу-цилиндр, помахал им и выкинул в пространство.

Я почувствовал, как Минька затеплел от похвалы. А Доня осторожно спросил:

— Но Володя… а зачем тебе это?

— Сейчас увидите! Ты только сделай! Сможешь?

— Ну… на несколько минут. Конечно, это будет не всеобщее явление, а только для нас…

— Годится и так!

— Но… нужен аккордеон. Сказали бы сразу…

Доня сорвался и улетел.

А я взялся мастерить лазерный пистолет. Такой, у которого тонкий выжигающий луч может

лететь на любые расстояния, хоть до Бесконечности, и не слабеть… Смастерил, получилось! А ведь раньше-то я даже линзу для прижигания пяток придумать не умел. Вот что значит вдохновение! Оно булькало во мне, как вода в закипающем чайнике.

Прилетел Доня. Сел между мной и Голованом.

— Раздвиньтесь, пожалуйста… — И растянул аккордеон.

Я такую музыку раньше не слыхал. Да, она была не земная. Видимо, здешняя. Меха выдыхали ее с какой-то особой энергией. Будто не аккордеон дышал здесь, а космических размеров орган (я слышал однажды орган в городской филармонии, но этот был в тысячу раз могучее). Вздохи энергетических полей заставили замереть дрожание звезд и стихнуть космические шорохи. Потом сквозь органную мощь прорезалась ясная тонкая мелодия, словно заиграла свирель (или засмеялась Аленка). И тихо стало. И Доня сказал:

— Ну, вот. Всё…

Звезды теперь не висели гроздьями, а виделись на одном уровне — на громадном черном куполе. Будто в планетарии. И я даже почувствовал, какая она твердая, эта угольная сфера.

И… я поднял пистолет. И послал вверх рисую-

щий луч.

Я знал, что буду рисовать. Однажды я уже рисовал такое. На стене в детском клубе «Парус». Там я занимался в судомодельном кружке, и однажды Иван Яковлевич, наш мастер-наставник, предложил нам разрисовать свободную от полок стену силуэтами судов. Пусть каждый из ребят нарисует свой кораблик. Я выбрал многопарусный трехмачтовый фрегат, вроде клипера «Фермопилы». И когда я кончил работу, Иван Яковлевич взлохматил мне на макушке волосы.

— Да ты не только в парусах собаку съел, Рындик. Ты еще и художник.

«Рындик» — это смесь двух слов: «Рыжик» и «рында». Иван Яковлевич так прозвал меня за мои волосы. Говорил, будто они того же цвета, что медный корабельный колокол.

Я, конечно, засмущался тогда от похвалы, словно красна девица.

...Но сейчас было не до смущения. Нужна была твердость и решительность. И быстрота. Ведь «черная сфера» — лишь на несколько минут.

И я повел по затвердевшему звездному небу тонким режущим лучом. Показалось даже, что твердь зашипела. И в ней осталась золотая щель!

Я удлинил щель, и она стала килевой балкой

клипера!..

Я нарисовал острый стремительный корпус и длинный бушприт. Над бушпритом — узкие треугольники кливеров. Над корпусом выстроил нижние четырехугольные паруса, а выше — марсели, брамсели, бом-брамсели. В полукруглых просветах между парусами прочертил вертикальные линии — мачты и стеньги. Между мачтами натянул треугольные стакселя…

Главное сделано, остальное потом! Я еще раз обвел послушным лучом внешние контуры клипера. Вцепился взглядом в корабельный силуэт и… дернул его на себя.

Фигура клипера — словно вырезанная из черной фанеры — опрокинулась и отлетела в сторону, пропала… В небе засиял золотой корабль!

Вернее, окно в форме корабля.

И в это окно хлынул поток Мирового Света.

Я перепуганно охнул: не надо столько, нужна лишь частичка этих лучей. Я замахал ладонями — будто хотел заслонить окно. И оно послушно затянулось чернотой со звездными проколами… Нет, проколов уже не было. Опять висели гроздьями привычные звезды.

А свет, что успел влететь в «корабельную прорезь», никуда не девался. Он висел перед нами

желтой горящей глыбой. Как янтарный астероид, внутри которого включили множество ярких ламп. А по форме астероид был почти что готовый клипер…

4

Я сделался героем. Все меня хвалили, хлопали по плечу. Голован придумал большой орден «Великого Корабельного Мастера первой степени» и прицепил мне на рубашку.

Но корабль, конечно, еще не был готов. Это была лишь грубо обработанная глыба света, из которого следовало сделать настоящий космический клипер. Как говорится, «довести до ума».

И мы доводили!

Можно, разумеется, спросить: а зачем столько хитростей? Не проще ли было поднапрячь фантазию и за минуту придумать готовый корабль? Но одно дело выдумка, вроде Донино-го цирка, а другое — клипер, построенный из лучей Мирового Света. Он-то не фантазия, он создан из всех энергий Вселенной. Он должен выдержать всё, что выпадет нам в дальнем-дальнем пути? и привести нас к настоящим открытиям…

Конечно, главная работа досталась мне. Тут уж пригодились все мои знания судомоделиста. Я

придумывал для парусов тончайшую и прочнейшую золотую ткань, натягивал от мачт к бортам ванты и бакштаги, проводил через блоки шкоты, фалы и топенанты.

Но и для других нашлись дела.

Локки на носу под бушпритом соорудил фигуру шестилапого пернатого ягуара — какого-то персонажа из легенд народа Цтаанатаиннакоа-ката.

Минька и Аленка украшали орнаментом из янтарных листьев корму и борта. Голован и Кирилка придумывали много-лапые якоря, чтобы во время путешествия можно было остановиться, зацепившись за подходящую планету.

Коптилка и Доня проделывали в фальшборте квадратные люки и устанавливали перед ними корабельные орудия — карронады — на тот случай, если Рыкко Аккабалдо или кто-нибудь другой вздумает чинить нам козни. Для карронад они изобрели ядра с начинкой из такой могучей сжатой энергии, что едва ли Рыкко сумеет в ответ придумать подходящую броню.

Мачты и весь рангоут, обшивку корпуса и палубные доски мы сделали будто бы из дерева. Но это было особое дерево, с золотистым отливом. Оно светилось изнутри медовой желтизной. Ясно, что такая «древесина» никогда не рассыплется,

она ведь из Мирового Света!

Хорошо, что в здешнем мире строительство всегда идет быстро. Главное, все придумать как надо, а потом повел ладонью или просто мигнул — и готово! И тем не менее мы работали целую неделю (если считать по тому, сколько раз ложились спать). И наконец — вот он, наш клипер!

Мы смотрели на него с новой, незнакомой до этого момента радостью. Я видел, как он крошечными золотыми корабликами отражается в глазах моих друзей. Даже Сырая Веранда улыбнулась, хотя она одна ничего не делала на строительстве, только поглядывала со стороны. Говорила, что «никаких корабельных фантазий» в голове у нее нет.

Единственное, чего мы не придумали, это название клипера. Спорили, спорили, а потом решили, чтобы никому не стало обидно: пусть будет просто «Корабль». Потому что все равно никаких других кораблей (так мы думали тогда) в обозримой части Вселенной не встречается.

Зато флаг у нас получился замечательный — такого во всех флотах, на всех планетах никогда не было, это уж точно. Придумал флаг Минька Порох (при этом он почему-то застеснялся), и мы его радостно одобрили. На золотом полотнище

— бело-синий полосатый жираф Алик.

Пока мы строили клипер, Алик все время был с нами. Смотрел на корабль синими глазами-пуговками. А мы то и дело поглядывали на Алика. Посмотришь на него, и появляется… надежда какая-то, что ли…

Так уж получилось, что в корабельных делах главным оказался я. Наверно, поэтому Коптилка именно у меня и спросил:

— А куда будет первое путешествие? Зачем?

Вот тебе и на!

Я был уверен, что это дело уже решенное. Но оказалось: все так увлеклись строительством клипера, что о цели путешествия не думали. Я переглянулся с Голованом — уж он-то помнит! И Голован объявил:

— Конечно, на собачью планету, за щенком для Аленки! Помните, она о нем мечтала? Да и все мы… Рыкко проболтался, что такую планету можно открыть лишь в путешествии на корабле.

И наши друзья шумно одобрили эту идею. Нам казалось, что живой щенок — это такое великое дело! Он будет прыгать с планеты на планету, весело тявкать на Рыкко, играючи хватать нас за штаны и за пятки и лизать наши щеки и подбородки…

Ради этого стоит облететь Вселенную!

Конечно, в космосе не бывает воздушных ветров. Да они и не годились для нас: далеко ли улетишь с такой скоростью. Даже скорость света не годилась. Но в пространствах есть потоки космических излучений, которые в миллиарды раз быстрее света. Вот эти межгалактические ветры и надуют наши паруса.

Итак, мы сделались корабельным экипажем. Я посоветовался с Голованом и объявил всем, что нужна морская форма. По правде говоря, я не был сильно уверен, что нужна, однако появилась причина, чтобы наконец одеть Локки. Хватит ему шастать по пространствам без штанов. И пусть попробует заупрямиться! Отныне у нас флотская дисциплина.

Голован сказал, что лучше всего белые шорты и белые голландки — форменные рубашки с синими воротниками. Как у матросов где-нибудь в тропических морях. И никто не спорил (даже Локки). Коптилка добавил только, что нужны еще белые береты с синими шариками на макушках — как у французских моряков из песенки «В Кейптаунском порту с какао на борту «Жанетта» поправляла такелаж». Никто опять не возражал, только Веранда вздохнула почему-то и отверну-

лась. Будто с укором. Наверно, подумала: «Вот опять нарушили правило, вспомнили песню из той жизни». А мы, надо сказать, нарушали это правило все чаще. Что-то изменилось в наших обычаях.

Кирилка подошел ко мне, строго оглядел с головы до пяток.

— Но тебе-то нужна особая форма, с фуражкой и нашивками. Ты же капитан.

— Да с какой стати?! Почему я капитан?

— А кто же еще? — сказал Голован.

Я заспорил: чем я лучше других? Но мне доказали, что так надо. Потому что я один понимаю в парусах.

— Ну, тогда я и буду командовать парусами. Во время плавания… то есть полета. А Голован пусть будет начальником экспедиции и главным штурманом. Он лучше всех разбирается в космических координатах.

— Не очень-то я разбираюсь, — вздохнул Голован, однако согласился. Другие разбирались еще хуже, почти никак.

Коптилку сделали начальником корабельной артиллерии: он всегда метче других стрелял из рогатки астероидами по Рыкко.

Кирилка был назначен старшим помощником

— главным человеком, отвечающим за порядок на корабле. Уж на него-то можно было положиться.

После этого Доня заметил, что хватит командирских назначений. А то не останется матросов, некому будет стоять у штурвала и работать на палубе. Сам Доня в командиры не стремился, он был, как говорится, выше этого.

Конечно, делать себе капитанскую форму я не стал. Не хватало еще красоваться перед ребятами с командирским «крабом» и шевронами. И никто не стал украшать себя лишними нашивками, лишь Коптилка приклеил на рукава два круглых знака: на левом — скрещенные пушечные стволы, на правом — старинная бомба с горящим фитилем. Все решили, что он имеет право…

— А когда отправляемся? Ц-давайте прямо сейчас! — подскочил непоседа Локки. Он очень доволен был флотской формой, особенно беретом с помпоном — все время трогал его на макушке.

— Рано, — решил начальник экспедиции Голован. — Во-первых, сегодня понедельник, а в такой день путешествия не начинают, плохая примета…

— Ц-это глупости и предрассудки! Даже в нашей древней стране с ними ц-боролись!

— Оно и видно, — не выдержав, сказал под нос Доня.

— Почему ты решил, что сегодня понедельник? — вмешался любитель истины Кирилка. И был прав: мы давно потеряли счет дням.

— По космическому календарю..... — Голован щелкнул пальцами, и в небе над мачтами возник белый прямоугольник. На нем: «Понедельник. 13 июля». Только года не было.

— Видите? Еще и тринадцатое число!

— Все равно ц-предра...

— А во-вторых, — невозмутимо продолжал начальник экспедиции, — надо сперва вычислить координаты планеты.

— Но ты же их знаешь! — удивился я. — Все знают!

— Мы знаем, где Планета Кусачих Собак. Но зачем нам она? С кусачими-то...

Тут даже спокойный Доня изумился:

— А куда же мы тогда собираемся?!

— Неужели не ясно? Двигайтесь ближе...

Клипер висел в пространстве над хрустальным мостом между Минькиной и моей планетами. А мы сидели на кормовой палубе, на полуюте (лишь Веранда стояла, прислонившись к основанию бизань-мачты). Мы подползли по желтым

теплым доскам к Головану и сели в кружок.

— Разве не понятно, — сказал он, — что у всего на свете есть противоположность? У Абсолютного Ничто — Мировой Свет, у холода — тепло, у печали — смех… У Зла — Добро… Значит, если есть Планета Кусачих Собак, должна быть и Планета Некусачих…

Это было очень доказательно. Никто не возразил. Лишь Коптилка спросил чуть капризно:

— А где она такая?

— Наверно, точно против той, Кусачей. В другом краю пространств, если мерить от Всемирной Оси… Вот я и хочу рассчитать поточнее. А в путь — завтра… Нет, лучше послезавтра, сразу после сна.

Он был прав. Конечно, перед путешествием полезно провести денек дома, собраться с мыслями, настроиться как следует на дальнюю дорогу. Неизвестно, когда вернемся. И… вернемся ли вообще?

— А сейчас устроим генеральную проверку, — решил я. — И большой смотр… Веранд… Вероника! А ты почему еще без формы?

Она сделала губами не то «пфы», не то «пых». Отвернулась. И сказала в пространство:

— Я, по-вашему, ненормальная? Никуда я не

поеду. Не полечу…

Мы так и сели на палубе с открытыми ртами.

5

Да, мы недолюбливали Сырую Веранду. Порой злились на ее хныканье и надутые губы. Но… не настолько же, чтобы бросить ее! Какая бы ни была она, а все равно наша Веранда. Как-то даже дико представить: мы улетим, а она здесь будет одна…

Как мы ее уговаривали! И вместе, и наперебой! Как убеждали, что без нее не мыслим благополучного путешествия! Она же в ответ опять «пфы» или «да ладно вам», «чего я там не видела», «я собак терпеть не могу», «мне и здесь хорошо, я тут привыкла».

— Минька тоже собак не любит, а летит, — сказал я. — Потому что мы всегда должны быть вместе.

— А зачем? — вздохнула она.

Тут кое-кого злость взяла. И меня в том числе.

— Ну… в конце концов, дело хозяйское, — решил Голован. И мы даже испытали облегчение. А Коптилка сумрачно пообещал:

— Уж теперь-то тебя Рыкко обязательно сожрет, одну-то!

Веранда первый раз улыбнулась:

— Подавится.

Хотя мы и успокоились немного, настроение было испорченное. И мы решили проверку и смотр не проводить. Перенесли это дело на завтрашний вечер. И отправились спать, укрыв корабль пятислойным защитным полем.

Утром я заскочил к Миньке — на заросшую «Венериным башмачком» планетку. Миньки в его голубятне не оказалось. «Может, он у Кирилки», — подумал я и перелетел к Кирилке.

Тот занимался необычным делом: колол дрова. Он был в малиновых трусиках и в майке помидорного цвета с бело-черной буквой К на груди. Щуплый такой, будто красный кузнечик. Еле управлялся с тяжеленным топором. Вскинет его над головой, потопчется на гибких ногах-прутиках под непомерной тяжестью и — бух по чурбаку… Мне почему-то стало жаль его. И тревожно.

— Зачем ты так? Можно ведь придумать сразу наколотые поленья.

Кирилка опустил топор к босым ступням и виновато улыбнулся:

— А они не придуманные.

— Как это?

— Настоящие… Я ночью не спал, глядел в окошко, а за ним вдруг пролегла дорога. Ну, обычная такая, с травкой по краям. И вдруг по ней поехал большой грузовик. Кажется, «КамАЗ». Я даже номер разглядел: «ТЗМ 52–52»… И полный кузов дров. На кочке его ка-ак тряхнет! И несколько чурбаков посыпались на дорогу… Я выскочил — и ни машины, ни дороги. А кругляки эти валяются на песке…

— Тебе приснилось, — убежденно сказал я.

Кирилка опять улыбнулся:

— А дрова-то…

Вот я дурак! Но… такого же не может быть! З д е с ь не может. Дорога какая-то, машина. Откуда?

Кирилка сел на корточки, прижался щекой к чурбаку.

— Понюхай, они еще свежие. Пахнут настоящим деревом. Лесом…

Я понюхал. И… шарахнула меня такая печаль, такая тоска. Я даже зажмурился и чуть не завыл. Хорошо, что это было только на миг…

Я отдышался, открыл глаза. Кирилка, выгибаясь от тяжести, тащил охапку дров к сложенному рядом с глинобитной хаткой очагу. Очаг был кривобокий, из крупных камней. Я сразу понял, что и он не придуманный. Кирилка сложил его

своими щуплыми руками из собранных на астероиде булыжников. Видимо, решил, что раз дрова настоящие, то и очаг должен быть такой же…

Я выхватил у него часть поленьев.

— Сумасшедший! Надорвешься же… — Хотя ни надорваться, ни заболеть мы здесь не могли.

Мы уложили дрова в очаг «клеткой», друг на дружку. Кирилка нарвал с поленьев березовой коры. Спички были, конечно, придуманные, но растопка вспыхнула по-настоящему. И сразу такое тепло… Забытое земное тепло, как от костра или от печки с открытой дверцей. От придуманных дров тепла не бывает, если его не сочинишь специально.

От дыма у меня заслезились глаза (ага, «от дыма»!).

Мы сидели рядом, смотрели на огонь, и у Кирилки на щеке трепетала от тепла приклеившаяся ленточка бересты. Тонкая, как папиросная бумага. Он съежил плечи и тер локти и коленки, будто набегался по холодной улице и теперь отогревается… А может, и правда было ему зябко?

Мне опять стало тревожно. Я сказал:

— Жаль, что мало дровишек. Надо экономить… Хотя все равно завтра в путь.

— Я придумаю такую умножительную… раз-

двоительную машину. Сунешь в нее одно полено, а выскакивает два…

— Тогда, наверно, второе будет ненастоящее. Или даже оба…

— Нет, оба будут настоящие, — сказал он твердо. Но почему-то без радости.

— Кирилка! Давай погрузим дрова в трюм! И машину! Будет на камбузе настоящий огонь! Это ведь неопасно, корабль из негорючего материала!

Он кивнул:

— Да, это можно…

И я со страхом понял, ч т о он скажет дальше. И он сказал:

— Вова, ты не обижайся… И все пусть не обижаются. Я не полечу, я остаюсь. Так надо…

Я уже за полминуты до его слов каким-то больным нервом ощутил это. И даже простонал про себя: «Не надо…» Но все равно…

Вот это был удар! В тысячу раз пострашнее, чем от Веранды. Она… ну, все-таки Сырая Веранда она и есть. А как мы будем без Кирилки?

Я так и сказал упавшим голосом:

— Как мы будем без тебя?

— Доня будет старпомом. Лучше, чем я…

— Да при чем тут старпомы всякие! — взвыл

я. — Тебя-то все равно не будет!.. Ну почему ты не хочешь с нами?!

Он глянул сбоку, убрал со щеки бересту.

— А как она здесь одна-то…

Я даже не понял сперва:

— Кто?

— Как кто? Вероника.

Да провались она трижды… хоть в Абсолютное Ничто!

— Кирилка! Ну она же сама решила! Никто ее здесь не держит насильно! Разве мы виноваты, что ей такая вожжа под хвост!..

— Никто не виноват… А как быть-то, раз она решила? Не бросать же одну…

— Жила она тут раньше одна и ничего!

— Это же раньше…

— Эх ты, Кирпичик… — сказал я уже без всякой надежды. Потому что он такой: если решил, его не уговорить. Он знает, где правда…

Кирилка прошептал:

— Думаешь, мне хочется оставаться? Но кто-то же должен…

Я с досады грохнул себя кулаком по затылку и свечкой взвился с Кирилкиной планеты. Приземлился на палубе клипера. Ударил в корабельный колокол: общий и срочный сбор!

Конечно, мы еще уговаривали его. Но, по правде говоря, не очень сильно. Понимали, что бесполезно.

Голован обвел всех сумрачными глазами.

— Может, кто-то еще хочет остаться? Говорите сразу.

Больше никто не хотел.

Минька сидел с красными глазами, вот-вот заплачет. Аленка спрятала в ладони конопатое лицо. Коптилка вдруг встал перед Кирилкой, сунул в белые карманы острые (опять немытые) кулаки и сказал с хрипотцой:

— Но это же… то, что ты решил… это же…

Все поняли, он хотел сказать «предательство». Но в том-то и дело, что Кирилка считал наоборот: предательство, если он оставит Веранду.

Доня отодвинул Коптилку. Проговорил почти вкрадчиво:

— Кирилл… ведь ты же понимаешь, что мы можем не вернуться очень долго. И может быть, совсем…

Кирилка нагнул голову.

— Я понимаю. Тогда тем более: как она тут…

— Но мы можем больше никогда не увидеться, — выговорил я, глотая комок.

— А может, все-таки… когда-нибудь…

Ему тоже было нелегко. Наверно, даже хуже, чем нам. Мыто все-таки вместе.

И вдруг Кирилка, глядя на свои босые ноги, прошептал:

— Если вы совсем не вернетесь… никогда… я буду ждать, что опять появится дорога. И тот грузовик… И мы с Верандой прыгнем в кузов.

— И что дальше? — удивился Голован.

Кирилка удивился в ответ:

— Что? Не знаю… Что-нибудь…

И вдруг крикнул, звонко так:

— Ладно, прощайте! — И рывком умчался с палубы.

Мы стояли с опущенными головами. Локки вдруг заревел. Аленка тоже заплакала, но тихонько. Минька всхлипнул.

Я понял: чтобы не рвать себе души, надо отправляться в путь сейчас же! Что нас держит? Какая-то генеральная проверка, смотр — чепуха! Это просто игра! Все и так готово!

Чтобы не зареветь следом за другими, я сипло закричал:

— Отход! Приготовиться к постановке парусов!

А чего там было готовиться? По мысленному моему приказу они тут же распустятся и надуются под космическим ветром. Надо только повернуть

под нужным углом реи… Откуда самый сильный поток космических излучений? Кажется, с левого борта…

— Ардональд, на руль! Минька и Локки, на брашпиль, убрать якорь!

Я развернул реи на левый галс, втугую выбрал стаксель— и кливер-шкоты.

«Все паруса ставить!»

Золотые треугольники стакселей и кливеров пошли вверх, контр-бизань потянуло вправо, прямые паруса беззвучно скользнули с реев и сразу стали выпуклыми, упругими. Бушприт с кливерами повело под ветер.

— Доня, вправо два оборота!.. Одерживай!

И клипер двинулся…

Якоря были зацеплены за перила хрустального моста. Носовой мы убрали, а про кормовой, про стоп-анкер, я забыл (ох и капитан!). Цепь натянулась, хрупкие прозрачные столбики и поперечины брызнули осколками под светом звезд… Ладно, наплевать.

Клипер слегка накренило, я нервами ощутил, как длинный киль правой стороной налегает на упругие слои магнитных полей.

— Алена, подними флаг!

Она, все еще всхлипывая, побежала на корму.

Золотое полотнище с полосатым Аликом заполоскало под бизань-гафелем.

Сейчас начнем набирать скорость. Еще минута, и за кормой не будет уже ни астероидов, ни привычных созвездий…

Бесшумно и стремительно упали между гротом и бизанью — на шканцы — Кирилка и Веранда.

Брякнулись на четвереньки, встали.

Веранда сварливо сообщила:

— Тоже мне, рыцарь морковного цвета… «Не оставлю тебя, не оставлю»!.. А у самого не глаза, а Бахчисарайский фонтан… Теперь и я по его милости должна тащиться с вами. Куда-то к черту на рога…

— Ура-а!! — И шлеп! Это с крюйс-марса плюхнулся к основанию бизань-мачты Локки. Сел, раскинув ноги и сияя, как маячная лампа.

— Маккейчик! — заорал я. — Держи штурвал, кофель-на-гель тебе в поясницу! Видишь, уваливает!

А золотые наши паруса надувал такой радостный ветер!

6

Да, мы набирали скорость. Наши астероиды затерялись уже в немыслимой дали. Звезды

пролетали вдоль бортов с такой скоростью, что вытягивались в огненные струны. Галактики в отдаленных пространствах тоже быстро смещались назад. А мы стояли на шканцах перед смущенным Кирилкой и насупленной Верандой. Счастливые такие…

Аленка вытерла остатки слез. Улыбнулась Кирилке. Принялась переделывать его красную одежонку в матросскую. Потом провела над головой ладонью — и на Кирилке берет с помпоном.

Коптилка смотрел на них двоих со скрытой завистью (так мне показалось).

Сырая Веранда вдруг шмыгнула носом и набыченно предупредила:

— Не вздумайте и меня обряжать в матросочки-беретики, я еще не выжила из ума…

— Ты можешь ходить в белом халате, — примирительно предложил Голован. — Будешь корабельным доктором.

Конечно, это была просто почетная должность: мы же ничем не болели, не обдирались, не расшибались. Вон Локки с марсовой площадки хлопнулся — и хоть бы хны!

Веранда опять сделала губами «пфы». Но… вдруг улыбнулась. И поверх ее обвисшего цветастого платья появилась брезентовая сумка с

красным крестом.

Веранда поглядела на Коптилку.

— А где твой Алик?

Коптилка сперва растерялся. Кажется, Веранда заговорила с ним впервые за всю жизнь в этом звездном мире.

— Я… он в каюте. В моей… У него там специальная полка.

У нас у всех были отдельные каюты. Мы позаботились о своих удобствах. Однако, если мы не спали, почти все время проводили на палубе. Не уставали смотреть, как проносятся за корму звездные скопления Вселенной…

По очереди все несли вахту у штурвала. Кроме меня. Мое дело было следить за парусами. Но с ними не было хлопот. Ровный космический пассат дул с левого борта и еще чуть с кормы, реи были развернуты под углом к направлению хода корабля. Клипер мчался курсом крутой бакштаг левого галса.

Теперь корабль не сиял, как золотая драгоценность. От парусов шел неяркий свет медовых и янтарных тонов. Мачты и палуба были как свежее дерево, натертое воском. Палубные доски казались нагретыми солнцем. На них так хорошо было сидеть и лежать.

Голован придумал звездный компас — там были две стрелки. Одна все время показывала на Всемирную ось, а вторую Голован установил сам — в направлении нужного курса. Потому что иначе невозможно было понять: куда направлять клипер? Только рулевой нацелится бушпритом на какую-нибудь звезду, а она р-раз — и уже свистнула вдоль борта, исчезла за кормой.

Мы часто собирались кружком на носу, на полубаке, где лежали желтые, из светящегося волокна, бухты канатов. Коптилка обязательно появлялся с нашим любимым Аликом, прижимал его к матроске. Алик тоже был как бы в морской форме — в тельняшке… Доня приносил аккордеон. Он играл сочиненную здесь, на корабле, дурашливую песенку:

Волны хлещут о борта,
Мимо мчится красота.
Ветер дует в паруса,
Развевает волоса.
Под бушпритом — ягуар,
У него из носа пар.
Он глядит в морскую даль,
А в зубах его сандаль…

Никакого сандаля там не было, да и пара из носа тоже (и даль — не морская). И вообще полная белиберда. Но она веселила нас, и мы сочиняли куплет за куплетом. Такие стихи придумываются бесконечно.

Эй, не разевайте ртов,
Звезды мчатся вдоль бортов.
Зазеваешься — и вот
Полон звездами живот.
Аккабалдо дорогой,
Распрощались мы с тобой!
Как ты там живешь один,
Рыкко-балдо, бал-бал-дин!!

И был еще припев, его срифмовала Аленка:

Я уселась на полу
И кручу у ног юлу.
И жужжит моя юла,
Будто желтая пчела…

Это уж вроде бы совсем ни к селу ни к городу. Во-первых, надо говорить не «на полу», а «на палубе». Во-вторых, при чем тут вообще юла-пчела? И все-таки мы весело голосили припев — он

казался нам подходящим. «Пчела» — потому что палуба отливала восковой и медовой желтизной. А еще Голован сказал, что в звездном компасе («компасе» — говорили мы все) есть юла. Такой особый волчок, он помогает держать нужное направление. Называется «гироскоп».

Но мы не только голосили нашу мореходную песню. Иногда просто беседовали. О том, что за планета нас ждет, много ли там собак и… нет ли кого-нибудь еще? Может быть, она такая, что следует там поселиться навсегда? Что мы забыли на астероидах? Только заросли «Венериного башмачка» немного жаль, но Минька взял с собой семена.

На палубе собирались не все. Рулевой оставался у штурвала, а Веранда обычно сидела в своей каюте. Мне или вахтенному штурману (Головану или Кирилке) полагалось быть на капитанском мостике, на корме. Но так ли уж это обязательно? Можно командовать и с полубака. Да и что могло случиться в этом ровном плавании-полете?

Но однажды оказалось, что случиться — может.

Нас атаковал метеоритный рой. Свистящие камни изодрали верхние паруса, перебили два рея и фор-брам-стеньгу. Ух, мы перепугались!

Хорошо, что атака была короткой.

Я за несколько минут залатал парусину и срастил поломанный рангоут. У Миньки каменным осколком разодрало щеку и плечо. Конечно, он мог бы очень скоро вылечить себя сам, но Аленка и Локки повели его к Веранде. Та сумрачно обрадовалась. Наконец-то ей — корабельному доктору — нашлась работа…

После этого случая мы решили быть бдительней и строже соблюдать дисциплину. Хотя как убережешься от залпа встречных метеоритов? Защитное поле впереди стремительного корабля не поставишь, клипер увязает в нем, как в киселе, и моментально теряет ход…

А один раз случилась буря. Вроде морской, только, наверно, пострашнее. Ровный пассат превратился в бешеные вихри космических излучений. Пространство вздыбилось грудами магнитных, гравитационных и всяких других полей. Нас мотало, швыряло, вертело в чудовищных черных воронках. Я успел убрать паруса, но такелаж лопался, рангоут сыпался сверху, как бревна, которые уронили с крыши строящегося дома…

Наверно, неподалеку столкнулись два скопления галактик, и это нарушило структуру пространств.

Казалось, космический ураган растерзает клипер, а нас раскидает по разным граням Великого Кристалла и никогда мы больше не увидим друг друга. Локки опять громко заревел — как при прощании с Кирилкой.

Спас корабль и всех нас Доня Маккейчик. Он кое-как добрался до своей каюты, выволок оттуда аккордеон и растянул меха…

Я не знаю, не помню, что это была за музыка, только она окружила корабль прозрачной сферой. За пределами этого шара буря бесновалась по-прежнему, а вокруг нас возникла тишина. Спокойствие. Так рядом с кораблем утихают бушующие волны, когда за борт выливают бочку масла (я читал про такое).

Мы долго висели внутри шара, который подрагивал под натиском урагана. И наконец дождались — космическая буря стала утихать… Стихла совсем. И Доня своим аккордеоном рассеял защитную сферу.

Ого-го, как потрепало наш клипер! Я несколько часов прилаживал обратно стеньги и реи, протягивал от них новые тросы и канаты. А Голован чесал в затылке и ругался сквозь зубы. Оказалось, что вдребезги разбит звездный компас, а гироскоп от него унесло в… Голован оглянулся, нет ли

рядом Аленки, Веранды и Кирилки, и конкретно сказал, куда унесло несчастный волчок.

— А новый разве нельзя придумать?

Голован сказал, что можно. Только все равно придется рассчитывать курс заново, потому что буря забросила нас… в общем, туда же, куда и гироскоп.

— Главный штурман Голован, ведите себя прилично, вы на капитанском мостике, — строго сказал я.

Мы посмеялись, и он пошел управляться со своими штурманскими делами.

И, конечно, управился. И мы прежним курсом помчались дальше.

Теперь, после урагана, мы были даже довольны. Досталось нам крепко, но что за корабельное путешествие без бурь и приключений!

Оказалось, что приключения не кончились. Когда я сменился с вахты и уступил мостик старпому Кирилке, из космической черноты грянул залп!

Разнесло фигурное ограждение полубака. Расщепило тонкую приставную трисель-мачту у грота. Свистнуло над головами.

— Тревога! — заорал я.

Кирилка — он же вахтенный командир — тоже

закричал. Звонко и бесстрашно:

— Все по местам боевого расписания! Коптилка — к орудиям!

Доня метнулся к бортовому прожектору, тот, к счастью, не пострадал. Широкий луч ушел в звездную темноту…

С подветра, в кабельтове от нас, тем же курсом, что и мы, мчался корабль.

Он был почти неразличим. Потому что такой же черный, как межзвездная тьма. Но все же мы поняли — именно корабль. Прожектор высветил ряд блестящих бортовых орудий и размалеванную фигуру дракона под бушпритом. Сделался различимым и серый флаг с заковыристым иероглифом.

А потом луч выхватил из мрака пиратского капитана.

Это был Рыкко Аккабалдо!

Да, мы сразу узнали его, хотя злодей и принял другое обличье. У него было теперь почти человечье толстое туловище, укрытое сверху до пояса как бы копной черной растрепанной соломы — такие волосы росли на его башке. Сквозь них светились багровые глаза и торчал похожий на дыню нос.

Рыкко потрясал волосатыми кулачищами, как

пират Бе-налис в старинном фильме про Айболита. Наверно, он подсмотрел этот образ в наших снах и теперь подражал.

— Гы-ы! Ха-ха! — заорал Рыкко на все окрестные пространства. — Вздумали удрать, лягушки паршивые? От меня не уйдете! Сейчас вам будет окончательный и последний конец!.. Огонь!

И его орудия выплюнули красные огни.

Опять свистнуло над головами, что-то затрещало, сверху посыпалось.

Но тут грянули наши пушки!

Ай да Коптилка! Под Рыкко вдребезги разнесло капитанский мостик, а самого его швырнуло к подножью грот-мачты. Там Рыкко вскочил и завопил такие слова, что куда там нашему Головану! Невозможно пересказать даже намеком.

— Чего тебе от нас надо, Рыкко?! — закричал я. — Мы же тебя не трогали!

— Да! — крикнул и Голован. — Сидел бы дома и грел свое раздутое пузо!

— Какие хитрые! — загоготал Рыкко. — Столько всяких пакостей мне понаделали и думаете улизнуть безнаказанно? Фиг вам и еще две большие дули!.. Огонь!

И опять нас потрясло ударом. И снова Коптилкины кар-ронады ответили на вражеский залп.

На корабле Рыкко в щепки разлетелся носовой дракон. Коптилка обрадованно крикнул:

— Разворачивай свою калошу обратно, Рыкко! А то из нее получится дуршлаг! Поварешка с дырками!

Рыкко почему-то очень оскорбился.

— Если у меня калоша, значит, и у вас! Головастики безмозглые! Мой клипер в точности такой же, как ваш! Вот!.. — Во мраке побежали белые полоски и очертили корабельный контур.

Да, пиратский корабль был почти копией нашего. Только не из света, а из черноты.

Голован скрежетнул зубами:

— Вовка, я знаю! Он подобрал тот силуэт, который ты вырезал из черного неба. Мы про него забыли, а он… У, ворюга!

Рыкко понял, что мы догадались. И злорадствовал на своей палубе.

— Вот! Ха-ха! Не будете раскидывать по пространствам обрезки, козявки безмозглые!.. Вы вообще больше ничего не будете! Я вас уничтожу со страшной силой и на целую вечность!.. Огонь!

Ух как по нам шарахнуло!

Но и нам стрелять по врагу стало легче — Рыкко забыл убрать светлый контур. И снаряд Коптилки сделал в пиратском борту во-от такую дырищу

навылет! Сквозь нее засветились звезды.

Однако Рыкко тут же заделал пробоины.

Мы лихорадочно старались укрепить вдоль борта магнитную броню. Но сделать ее сплошной было нельзя: она помешала бы нашим собственным пушкам. А отдельные броневые листы держались плохо. Окружить защитным полем паруса и мачты мы вообще не могли — тут же потеряли бы скорость и маневренность.

Я отодвинул от штурвала Миньку и сам взялся за рукояти — чтобы пойти зигзагами и ускользнуть от вражеских залпов. Хотел развернуться кормой к Рыкко, но в основание штурвальной стойки врезалось ядро. Щепки хлестанули меня по ногам. Штурвальное колесо поскакало по палубе. Локки и Аленка догнали, упали на него животами.

Я вцепился в порванные штуртросы.

— Голован, Доня, помогите! Останемся без управления!

Они подскочили. Я лихорадочно придумывал новое рулевое управление.

А Коптилка больше не стрелял. Он стоял, расставив ноги, и держался за подбородок.

— Коптилка, ты что?! Огонь!

А он:

— Подождите, я думаю…

Вражеское ядро снесло с него берет с шариком. Еще чуть-чуть, и нечем было бы думать. Но он не шевельнулся.

— Коптилка!!!

И в этот миг раздался стр-рашный треск. Но не у нас! На корабле Рыкко полетели все мачты, и он мгновенно остался позади

— Ура! — гаркнул Коптилка и повернулся к нам. — Я придумал для него подводную скалу! То есть подкосмическую! Из такого же твердого пространства, как прижигательная линза!

Было ясно, что если Рыкко и догонит нас, то очень не скоро. Вероятнее всего — никогда!

Мы поздравляли Коптилку. Голован тут же придумал ему орден «За боевую находчивость» с мечами и лавровыми листьями. А наш артиллерист скромно улыбался и прилаживал на косматой голове новый берет. (Интересно, смог бы он приладить новую голову? Или это пришлось бы делать нам? И сумели бы мы?)

Потом Коптилка виновато вздохнул:

— Можно я пойду к себе, поиграю с Аликом? Я чего-то устал…

Конечно, ему разрешили. Герой Коптилка сделал свое дело. А остальные занялись ремонтом.

Даже Веранда помогала Аленке заделывать дыры в парусине. Помашут руками — и нет прорехи…

Наконец клипер опять стал как новенький и мчался с прежней скоростью.

Я ходил по мостику, Локки стоял у штурвала. Он хотя и малыш, но освоил это дело.

Остальные (кроме Веранды) сидели на желтой палубе и голосили под аккордеон:

Старый Рыкко на мели!
Мы опять ему прижгли
Спину, пятки и живот —
Вот!

Я подумал, что не будь здесь Аленки и Кирилки, пели бы не «спину». А еще подумал: «Что-то слишком хвастливая песня, не накликать бы снова беду…»

Но тут на мостик поднялся Голован.

— Капитан, убери-ка половину парусов. Звезда, у которой Планета Некусачих Собак, совсем недалеко.

ЖЕЛТАЯ ПЛАНЕТА

1

Звезда была похожа на Солнце. Такая же ярко-желтая, лучистая и теплая. Вокруг нее летало несколько планет. Та, к которой Голован вывел корабль, из космоса тоже казалась желтой. Наверно, было на ней много пустынь. Хватало там, однако, и синей воды.

Мы несколько раз облетели планету по орбите. Нигде никаких следов цивилизации — ни городов, ни дорог, ни возделанных квадратами полей. Ни зарева огней на теневой стороне.

Были пески, бурые леса, серые и черные горы… — вот и все… Но, может быть, собаки-то все-таки есть?

Мы решили опуститься в круглой бухте среди слоистых обрывистых берегов. С морем бухту соединял узкий проход. С высоты она казалась брошенной в песок фляжкой из синего стекла. Доня тут же придумал для бухты название: «Фляга Морского Бродяги».

У планеты были всякие свои энергетические поля, и они не очень-то помогали нам. Наоборот.

Наши придумки и мысленные команды вблизи от поверхности стали действовать со скрипом, давали сбои. Я еле заставил паруса подняться к реям на гитовах и горденях.

Чтобы опуститься на воду мягко и плавно, мы включили под килем невесомость. Однако планетная сила тяжести оказалась сильнее, и мы плюхнулись так, что брызги выше мачт!

Но никто не пострадал.

Корабль закачался на воде, как обычный парусник, пришедший с океана.

Отдали якоря. Цепи прогрохотали так, что у обрывов отозвалось многократное эхо.

— Вот и все. Приехали, — сказал Голован. Кажется, слегка растерянно.

На палубе появилась Веранда. Оглянулась. Только сейчас я заметил, что глаза у нее синие, как морская вода.

— Ой! Настоящее море! Можно искупаться!

Она скинула на палубу сумку и платье, осталась в обвисшем зеленом купальнике.

— Не вздумай! — сказал я. — Незнакомая же планета!

— Пфы, — и Веранда вскочила на фальшборт.

— Вот сожрет тебя здешняя акула, — пообещал ей в спину Коптилка. Веранда дернула костлявы-

ми плечами. Сказала, как однажды про Рыкко:

— Подавится. — И бултых!

Мы полегли животами на планшир.

Плавала Веранда здорово. Несколько взмахов — и уже далеко от борта. Еще несколько — и опять рядом. Никто ее не сожрал. Подняла мокрое лицо:

— А вода настоящая, соленая! Пахнет как на Черном море!

Я бывал на Черном море, вода там пахнет по-всякому. Не всегда так, как надо бы. Но здесь-то чистота — сразу видно.

Я приказал:

— А ну, давай обратно! Бросьте ей штормтрап!

На этот раз Веранда послушалась. Выбралась — тощая, в облипшем купальнике — и принялась выжимать косы. Прямо на палубу.

Конечно, поведение Веранды было «вне всяких рамок» (как говорила когда-то завуч в нашей школе). Грубейшее нарушение корабельных порядков. Но что было делать с этой дурой? Объявить ей строгий выговор перед строем? («Пфы!») Посадить под арест? Себе дороже. Опять будет столько сырости, что… ну ее.

К тому же и все мы вскоре нарушили морскую дисциплину. Нельзя оставлять корабль без вахты,

а мы оставили. Никому не хотелось дежурить на клипере, когда остальные отправятся на берег. Да и страшновато расставаться. И мы с Голованом решили: места пустынные, погода тихая, опасности для корабля вроде бы никакой. Рискнем.

Спустили желтую (как из некрашеного лакированного дерева) шлюпку и неумело — опыта никакого — погребли к берегу.

Вытащили шлюпку носом на узкий галечный пляж. Здесь пахло не только морской водой, но и водорослями, и нагретыми камнями. Запахи были… ну, просто земные. И вообще очень похоже на Землю. Не нужно было придумывать вокруг себя искусственный воздух, не нужно было делать под собой искусственную силу тяжести, как на астероидах и корабле. Все настоящее.

За пляжем начинался отвесный берег — могучие слои ракушечника, спрессованного за миллионы лет. Мы отыскали расщелину. Вскарабкались по ней наверх (Сырая Веранда бубнила под нос и похныкивала). Увидели степь под пухлыми белыми облаками. Широченную, до горизонта. А горизонт был такой далекий и громадный! Мы на астероидах отвыкли от земных просторов.

Трава была желтовато-серая, наполовину

высохшая. Шелестящая. Ее головки — желтые метелки и шарики с шипами — зацарапали нам ноги.

Из травы торчали редкие высокие камни.

Мы встали кучкой и начали оглядываться.

Над травою, близко от нас, пролетела большая темная птица. Представляете, настоящая живая птица! Не то коршун, не то еще кто-то. Птица летела к мысу, который подымался у входа в бухту.

— Какие там странные скалы, — сказала Аленка. — Будто малыши понаделали куличей из песка.

И правда, желтые скалы были ровной круглой формы. Они стояли, прижимаясь боками друг к другу. А иногда и друг на дружке.

Мы запереглядывались. Потому что многим показалось одно и то же.

— По-моему, это башни, — сказал Минька.

— Похоже на крепость, — согласился Голован.

— Кажется, там амбразуры и бойницы, — добавил Доня, прищурившись.

И только Веранда сказала, что мы ненормальные.

Мы двинулись через шуршащую траву к мысу. Навстречу летел соленый ветерок, трепал матросские воротники.

2

Да, это была крепость. С круглыми башнями, с треугольными выступами бастионов, с черными глазницами полукруглых амбразур. Когда-то она, видимо, охраняла вход в бухту. Но очень давно. Теперь башни и бастионы стояли заброшенные, это видно было даже издалека. Верхние кромки укреплений развалились, по стенам змеились трещины, в них росли кусты с черными листьями.

Перед крепостью лежала мощенная плитами площадь, она полого подымалась к бастионам. Здесь травы было меньше. Редкие высокие камни торчали на площади, как и в степи. Вокруг камней росли мелкие пыльно-белые цветы.

Сердце у меня колотилось. У других, по-моему, тоже. Доня кашлянул и сказал:

— Если есть крепость, должны быть и люди.

— Были когда-то… — негромко отозвался Голован.

— Ты полагаешь, они все покинули планету?

Голован пожал плечами.

«А может, мы, как и раньше, просто не видим людей? — стучало во мне. — Но птица… Но трава… Они-то живые! И мы их видим»…

Всегда желающий справедливости Кирилка звонко напомнил:

— Но собаки-то должны быть обязательно! Иначе зачем же мы летели!

И навстречу нам стали выходить собаки. Из-за камней, из густой травы у подножия бастионов.

Их было множество! Всякие! Мелкие и крупные, терьеры и овчарки, сеттеры (как Белый Бим!) и узкомордые колли, бульдоги и болонки, пудели и таксы, но больше всего — беспородных псов. Клочкастых, вислоухих, с пыльными шкурами разных расцветок.

Мы обомлели. Десятой части этой песьей стаи хватило бы для того, чтобы с ходу сожрать нас без остатка. Бродячие псы — они ведь хищники пострашнее волков.

— Скользящие скафандры! — быстро скомандовал Голован.

Я напряг воображение. Скафандр не получался! То ли с перепугу, то ли от того, что здесь были иные, не астероидные законы. То ли мы забыли какие-то правила. А еще мы со страху забыли, на какой планете находимся.

Но собаки-то этого не забывали!

Они не стали подбегать к нам. Садились там и тут на плиты. Иногда скребли за ушами. И смот-

рели на нас желтыми и коричневыми глазами. Между взрослыми псами резвились щенята. Они гонялись друг за другом, опрокидывались на спины и дрыгали лапами. Тонко тявкали. Но к нам не подбегали.

— Ребята! — опять очень звонко сказал Кирилка. — Вы что? Не бойтесь! Это же некусачие собак и!.. Эй, собаки, идите сюда!

И тогда они побежали к нам! Они тыкались носами нам в животы, лизали наши колени, терлись мордами о наши белые штаны и голландки. Повизгивали и махали хвостами так, что над площадью поднялся ветер и пригибал пыльные цветы.

Две псины — великанский пудель и курчавый терьер прыгали вокруг Веранды и пытались лизнуть ее лицо. Она слабо отмахивалась: «Да ну вас…» А они все равно прыгали.

Минька бесстрашно обнимался с белой остроухой лайкой.

Рыжая большущая дворняга взвалила мне на плечи лапы и дохнула в лицо розовой пастью. В ее глазах были веселые огоньки. Я не удержался и поцеловал псину в мокрый нос.

Из-за мохнатого рыжего уха я увидел нашего Локки. Он сидел на корточках рядом с косматой

кавказской овчаркой и что-то говорил ей на ухо. Овчарка внимательно слушала. Потом лизнула коричневую щеку. После этого она взяла Локки за подол и куда-то повела. Я торопливо погладил рыжую дворнягу еще раз и пошел за Локки и овчаркой. Остальные резвились с собаками и не обращали на нас внимания.

Овчарка подвела Локки к похожему на мельничный жернов камню. Из-за него выкатился нам под ноги серый щенок. Наверно, месячного возраста. С толстыми лапками, круглым животом, полувисячими маленькими ушами и веселой мордашкой. Замахал хвостом, похожим на согнутый мизинец.

Локки взял собачьего малыша на руки и оглянулся на меня.

— Это ц-тот самый щенок. Для нас…

— С чего ты взял?

— Потому что других щенков собаки с нами не отпустят. Не захотят расставаться со своими детенышами. А его маму вчера прибило камнепадом в каком-то ущелье… — Локки потрепал щенка по ушам. — Глупый. Не понимает еще, что мама не придет…

— Откуда ты это знаешь-то? — засомневался я.

— Вот она сказала! — Локки посмотрел на свою

спутницу-овчарку. Та махнула хвостом.

— Ты умеешь говорить с собаками?!

Локки глянул удивленно и честно.

— А ц-што такого? В нашей стране это многие умеют. По крайней мере, ц-дети…

Я оглянулся и закричал:

— Ребята! Эй, ребята! Идите сюда!

3

Собаки были не только некусачие и добродушные, но и… деликатные такие. Поиграли с нами, поласкались, но особенно не приставали. И не стали увязываться, когда мы решили пойти внутрь крепости. И щенка нам отдали. Не спорили, не рычали, когда мы взяли его с собой.

Аленка несла щенка на руках. Иногда тыкалась носом в его шерстку. Она дала ему имя Мухтар. Сказала, что когда-нибудь песик вырастет и станет как служебная собака из всем известного кино. А в том, что он мужского рода, не было ни малейшего сомнения.

«А вырастет ли, если улетит с нами? — подумал я. — Ведь мы-то не растем…» И опять стало тревожно. Вернее, непонятно как-то…

В течение часа мы лазили по крепости. Везде было одинаково. Крутые полуразвалившиеся

лестницы, пустые помещения и площадки. Всюду голый камень и только. Лишь в одном бастионе, в нижних капонирах (кажется, так называются камеры для орудий) мы нашли несколько тупорылых пушек. Они были черные, но пахло от них старой медью. А деревянные лафеты (как у наших палубных карронад) почти полностью сгнили.

Коптилка (он же артиллерист!) застрял у одной пушки и принялся колдовать.

Да, здешний мир не очень-то слушался наших фантазий. Бедный Коптилка взмок, его белая голландка прилипла к спине. Но все же за полчаса он сделал орудие новеньким. Брусья лафета стали крепкими и просмоленными, на скобах и кольцах исчезла ржавчина. Ствол заблестел желтой медью (или, может, бронзой).

Коптилка поднатужился еще и соорудил дюжину ядер с начинкой из космической сжатой энергии.

— А зачем? — спросил Минька.

— Мало ли что…

Наш клипер мирно желтел посреди бухты Фляга Морского Бродяги. Вся Фляга была отлично видна из амбразуры. Слоистые обрывы сделались еще более желтыми — здешнее солнце склонялось к вечеру.

Щенок Мухтар присел у новенького орудийного станка и сделал круглую лужицу. Поднимать ногу по-взрослому он пока не научился.

— Бессовестный, — сказала Сырая Веранда. — Убирай вот теперь за ним…

— Он же еще ребенок, — заступился Кирилка.

— Мало ли кто ребенок! Вот Локки, например… Он, что ли, тоже должен так?

— Я ц-могу… Только во мне сейчас пусто.

Минька присел и погладил Мухтара.

— В нем сейчас тоже сделалось пусто. Он запросит есть и пить. Он ведь не мы…

Аленка ухватилась двумя ладонями за веснушчатый подбородок, насупила брови. И… на каменном полу появилась глиняная плошка с молоком.

— Им в таком возрасте молоко полезнее всего, — сказала Аленка.

Минька поскреб затылок:

— А годится ли для него придуманное?

Мы не знали. Но Мухтар решил, что годится. Вылакал все. И вылизал плошку. Помахал хвостом-мизинцем.

В этот момент резко потемнело. Словно быстрая туча пробежала под солнцем.

Но никакая не туча!

Это спустился с неба и сел на воду рядом с нашим кораблем пиратский клипер.

Мы ничего не успели сделать. Даже подумать ничего не успели! Вдоль черного борта полыхнули огни. На нашем корабле разлетелись надстройки, посыпались реи, рухнула вперед фок-мачта, обрушила своей тяжестью бушприт.

Еще залп — и вообще не осталось мачт!

— Коптилка! — заорал Голован. — Чего ты стоишь как пень! Стреляй!

Коптилка будто проснулся.

— Помогите!

Мы вдвоем с ним закатили в орудийный ствол зеркальноблестящее ядро. Коптилка навел орудие.

— Огонь!

Но я же говорю: в этом мире были другие законы. Здешняя пушка не хотела выплевывать ядро по команде незнакомого мальчишки.

— Нужен заряд! — догадался Голован.

Коптилка уронил руки:

— У меня нету…

И тогда Минька Порох впервые в жизни придумал порох. Кажется, настоящий. Когда-то с соседскими пацанами они баловались у костра вот с такой серой крупой (крупинки взрывались

упругими огоньками). Потом пришел папаша мальчишки, который наковырял порох из отцовских охотничьих патронов, и… но это уже другая история. Минька рассказал ее после. А пока он просто поставил перед Коптилкой красное пластмассовое ведро с чем-то вроде крупного песка.

Коптилка наклонил ствол, выкатил оттуда снаряд. Снова поднял дуло. Встал на цыпочки, высыпал в него из ведра порох (ведро опять сделалось полным, когда оказалось на полу). Сорвал через голову голландку, затолкал в пушку вместо пыжа. По плечо засунул в жерло ствола руку, утрамбовал заряд.

— Вовка, давай ядро!

Потом сбоку подошел к задней части ствола, насыпал в ямку запала серую щепотку…

— Отойдите подальше! — И чиркнул придуманной зажигалкой.

Ух, шарахнуло! В его раз сильнее, чем на корабле. Ядро по дуге ушло к черному кораблю и начисто снесло там бизань-мачту.

Но мы не закричали «ура».

Какое там «ура», если наш собственный корабль, наш золотой клипер медленно уходил на дно.

И ушел.

Остались над синей водой лишь расщепленные обломки мачт.

Стало очень тихо.

В этой тишине заплакала Аленка. А Доня Маккейчик отчетливо сказал:

— Коптилка, отомсти этому мерзавцу.

И Коптилка опять плеснул в пушку ведро пороха. А Голован подал ему придуманный деревянный пыж. А Доня — ядро…

И Коптилка навел орудие поточнее.

Но я крикнул:

— Подожди! Он плывет сюда!

Рыкко в своем волосато-пиратском обличье плыл к берегу. Он стоял в шлюпке, которая сама собой махала веслами.

— Чего ждать-то… — тяжело просопел Коптилка. — В самый раз… Щас из него будут одни брызги.

Но вмешался Кирилка:

— Не стреляй! У него белый флаг!

— Да хоть серый в яблочках… хоть розовый в полосочку, — сказал Коптилка полузнакомые какие-то слова. — Отойдите!

— У него же белый флаг! — отчаянно повторил Кирилка. — Нельзя же!

— Тьфу! — Коптилка плюнул так, что зажигал-

ка погасла.

У Рыкко был не флаг, а целая простыня на жерди. Он ей размахивал изо всех сил.

Шлюпка ткнулась в берег там, где каменная площадь уступами спускалась к воде. Отовсюду понеслось гавканье, по-визгиванье, скулёж. Некусачие собаки негодовали на появление пирата. Но издалека.

Рыкко выпрыгнул на гальку широченными морскими ботфортами. Левой рукой оперся о жердь с простыней, правой подбоченился. Заорал как в мегафон:

— Что, лягушки! Хорошую я вам устроил битву при Трафальгаре?! Ха! Ха!

Смотрите-ка, он знал и про Трафальгар! Но, наверно, не помнил, чем там кончил непобедимый адмирал Нельсон. Впрочем, эта мысль у меня едва мелькнула.

Глаза Рыкко горели, как угли среди черного хвороста. Торчащий, как дыня, нос побагровел и был похож теперь на великанский продолговатый помидор. Даже издалека от Рыкко разило самодовольством, будто запахом гнилой картошки.

Мы вылезли через амбразуру наружу. Кирилка сложил рупором ладошки:

— Что вам опять надо от нас?! Зачем вы утопи-

ли корабль?! Это же несправедливо!

— Гы-ы-ы, «несправедливо»! Великий и непобедимый, черный и многолапый, бесстрашный и беспощадный… и вообще всякий-всякий Рыкко Аккабалдо выше понятия о справедливости! Он — носитель Мирового Зла!

— Вы, Рыкко, сукин сын, — отчетливо сказал воспитанный Доня Маккейчик. Уже после и он, и все мы сообразили, каким неуместным было это ругательство на Планете Некусачих Собак. Но сейчас никто не осудил Доню, даже Кирилка.

Рыкко обиженно завопил:

— А еще музыкант! Сын интеллигентных родителей! Лается как на базаре! Тьфу!.. Когда поймаю, тебе это припомнится особо!

— Хватит психовать, давай ближе к делу, Рыкко! — потребовал начальник экспедиции Голован. — Чего тебе от нас надо?

Рыкко шумно подышал, поскреб пятернейграблей в дремучей макушке и выдохнул на весь берег, на всю бухту:

— Хочу… вашего щенка!

Собаки в отдалении завыли.

— Чего-о? — тонко возмутилась Аленка. И покрепче прижала к груди Мухтарчика, перепуганного выстрелами.

— Зачем тебе щенок, Рыкко? — официальным голосом спросил Голован.

— Зачем, зачем!.. Не ваше дело… Какие хитрые! Улетели, а я там живи один, да?! А так хоть собака будет! Я научу ее рычать на всю Вселенную и кусать каждого, кто прилетит.

— Много хочешь, ящерица! — крикнул Коптилка.

— Отдайте щенка!.. Тогда я больше не буду нападать! И даже помогу вам починить корабль!

— Фиг ему, — тихонько сказал Минька Порох. — Аленка, не отдавай.

— Да я и… никогда в жизни! — Она опять покрепче прижала к матроске Мухтара.

— Можно бы и отдать, — посоветовала Сырая Веранда. — Их тут вон сколько…

На Веранду глянули так, что ее глаза сразу намокли.

— Отдайте щенка! — снова прокричал Рыкко.

Локки вскочил на низкий разрушенный парапет, повернулся к Рыкко спиной, нагнулся и похлопал себя сзади по белым штанишкам:

— А вот это не хочешь, бандитское ц-рыло?!

И все мы одобрили поступок Локки (кроме Веранды).

Рыкко взревел. Бросил и растоптал белый

флаг.

— Тогда я буду атаковать вас!

Он выволок из-под груды волос что-то вроде миномета. Взял его на изготовку и на согнутых лапах двинулся в атаку. Мы кинулись в укрытие. Коптилка опять завозился у пушки, суетливо и злорадно.

— Ну, сейчас… сейчас ты будешь не Рыкко, а дырка в пространстве…

Орудие грянуло, и мы увидели, что снаряд угодил Рыкко прямо в пузо!

Но дырки не получилось.

Да, ядро взорвалось с ужасающей силой и разнесло пирата на множество черных кусков. Однако… куски разлетелись по площади, и каждый превратился в целехонького Рыкко! Штук двадцать! Они одинаково заржали свое «Ха! Ха! Ха!», построились в две шеренги и двинулись на штурм по всем правилам военного искусства. Один нес флаг, но уже не белый, в серый, с какой-то черной загогулиной (возможно, это был символ Мирового Зла). Двое били в большущие барабаны. Остальные начали палить из своих минометов (или из чего-то еще, не поймешь). Столько грохота!

Коптилка пальнул из пушки в ответ, но толку-

то! Врагов стало в два раза больше. И стрельба их — в два раза мощнее!

К счастью, ни один снаряд не попал внутрь капонира. Иначе неизвестно, чем бы все это кончилось.

А сейчас кончилось неожиданно.

Наш малыш Локки под выстрелами вылетел наружу. Опять вскочил на парапет. Сдернул голландку, замахал ей над головой. Голован и Доня заорали: «Локки, назад!» и бросились за этим сумасшедшим. Но выстрелы и барабаны вдруг стихли.

Возможно, Рыкко решил (или решили), что мальчишка подает сигнал капитуляции. Но ведь матроска-то была не просто белая, а с ярко-синим воротником.

И не пиратам сигналил наш Локки!

Он пронзительно закричал на незнакомом языке. К нему подскочила кавказская овчарка. Локки присел, что-то сказал ей и махнул рукой.

Овчарка бросилась вперед.

А за ней кинулось множество собак. Теперь без гавканья и визга, молча. На пиратов.

Все Рыкко сбились в кучу. Затоптались. Пальнули по собачьей стае. Но их снаряды не принесли нападавшим вреда. И не остановили их. Некуса-

чие собаки (кому некусачие, а кому…) были еще и храбрыми.

— А-а-а! Не надо!.. — Это многочисленные Рыкко ударились в бега. Брошенные минометные трубы зазвенели на камнях. Рыкко на бегу сбивались все теснее и наконец опять превратились в одного-единственного «непобедимого и беспощадного» и всякого-всякого там…

Этот «всякий-всякий», чтобы легче удирать, сбросил ботфорты. Но собаки догнали «носителя Мирового Зла», и он остался без штанов. Теперь он был похож на копну гнилого сена с толстыми волосатыми ногами. Черные пятки мелькали, как длинное многоточие…

Наконец Рыкко бухнулся в бухту. Не до шлюпки ему было, он пустился к кораблю вразмашку. И все еще орал сквозь брызги:

— Буль… не надо! А-а-а… буль-буль!..

Несколько собак пустились было преследовать Рыкко по воде. Но скоро вернулись. С довольным видом отряхивались на гальке.

Здоровенный кобель подошел к брошенному ботфорту и поднял над ним заднюю лапу. Второй ботфорт с веселым рычанием таскали по пляжу два собачьих подростка.

Мухтар на руках у Аленки повизгивал и дер-

гался. Кажется, досадовал, что не смог принять участия в погоне.

Между тем Рыкко мчался к своему кораблю, как толстая волосатая торпеда. У борта он с плеском затормозил и ракетой вертикального взлета взмыл на палубу. Сейчас же под уцелевшими реями развернулись черные, как сажа, паруса. Надулись. Пиратский клипер без одной мачты заскользил к дальнему берегу. Он оторвался от воды — с киля бежали сверкающие струи.

Рыкко грозил с палубы кулачищами. Голос его перекатывался над Флягой Морского Бродяги:

— Погодите, жабье семя! Мы еще увидимся! Еще повстречаемся! Я еще нажарю шашлыков из лягушатины!..

Мы не отвечали.

Корабль чуть не зацепил днищем за берег бухты и стал уходить в небо. Вот он уже просто черное пятнышко в синеве среди облаков. Просто капля чернил… Точка… Нет ничего…

4

Мы стояли на берегу и смотрели в небо. Лишь Коптилка сидел, обхватив колени и уткнувшись в них лбом. И мы услышали всхлипы. И один за другим увидели, как голая Коптилкина спина с

острыми позвонками вздрагивает.

Кирилка сразу спросил:

— Ты что, Валерик?

Коптилка не стал сердито дергать плечами и говорить «ничё». Слишком большая была беда. Он всхлипнул громче:

— Алик-то… Он же там…

Ой… Ой-ёй-ёй… Как мы могли забыть про жирафенка! Теперь он был под водой, на затопленном корабле.

Коптилка выговорил сквозь слезы:

— Хотел ведь сперва взять с собой… А потом подумал: зачем таскать на незнакомую планету… Дурак такой… Теперь не достать…

Потом он вскочил.

— А может, достану! Каюта под верхней палубой, поднырну…

Он сделал шаг к воде. Рядом оказалась Веранда.

— Стой ты, водолаз!.. — Ухватила его за плечо. — Это вам не бассейн на Большой Дыне, а море. — И опять сбросила сумку и платье. — Сидите здесь и не вздумайте меня спасать! Без вас управлюсь…

Не успели мы мигнуть, а она уже в двадцати метрах от берега. И стилем брасс — к кораблю. Не

хуже, чем Рыкко!

— К шлюпке! — скомандовал Голован.

Только тут мы вспомнили: у нас же шлюпка! Даже две! Наша и та, что осталась от Рыкко. Пиратская была ближе. Мы попрыгали в нее, и она тут же замахала веслами. Видать, была запрограммирована.

Но как шлюпка ни старалась, догнать Веранду не могла. Когда мы причалили к обломку грот-мачты, никого у корабля не было. Ни на поверхности, ни в глубине. Вода была совершенно прозрачная, только не синяя, как в отдалении, а зеленая. И желтые доски палубы в ней казались тоже зелеными. По ним пробегала светлая рябь. Над ними проносились рыбешки и качались медузы, похожие на большие прозрачные пуговицы.

А Веранда где? Ни слуху ни духу. Ни всплеска…

— Ясное дело, — глухо сказал Голован. Снял берет и начал стаскивать свою матросскую форму.

Я, глядя на него, тоже.

— А ты сиди. На шлюпке должен остаться командир.

Я хотел заспорить, но тут забеспокоился Мухтар. Вскочил на кормовую банку и давай тявкать! И не зря! Из-за толстого основания бизани хлад-

нокровно выплыла Веранда. Одной рукой гребла — небрежно так, лениво, — а другой волокла по воде за шею полосатого жирафа Алика.

Мы запрыгали, заорали «ура», чуть не опрокинули шлюпку (она испуганно замахала веслами). Веранда сказала из воды:

— Чем голосить как ненормальные, помогли бы забраться.

Но пока мы бестолково протягивали руки, забралась в шлюпку сама. Закинула Алика и рывком перебросила через борт себя. Села и стала молча расплетать похожие на веревки косы.

Коптилка прижал Алика к ребристой груди и животу. Из жирафа побежала вода. (Ох и тяжелый будет, пока не высохнет! Ведь внутри вата.)

— К берегу! — скомандовал я шлюпке тоном, не терпящим возражений. И та помчалась к земле так, что весла выгибались и визжали в уключинах.

Приехали…

Собаки ждали нас. Смотрели вежливо-любопытными глазами. Только тут мы вспомнили, что даже не поблагодарили их. И кинулись обнимать и целовать наших спасителей! Всех без разбора! И они сразу же развеселились, начали носиться между нами. Лай, смех, дым (то есть

песок) коромыслом! А щенята — те вообще будто с ума посходили. Кувыркались через голову, а некоторые даже ухитрялись ходить на передних лапах. И Мухтар…

Потом все мы (кроме Веранды, конечно, которая расчесывала волосы большущим гребнем) устроили хоровод.

Аккабалды, Рыкко-бяки
Нам сегодня не страшны!
Некусачие собаки
С них содрали все штаны, —

сочинил Коптилка (он плясал, не выпуская из рук мокрого Алика). Мы подхватили песню и не глядели на Веранду, которая пфыкала.

Пусть пфыкает, мы все равно были ей благодарны за жирафа.

Низкое солнце сделалось оранжевым и очень быстро скатилось за дальний мыс. Проклюнулись звезды.

Собаки начали откровенно зевать и укладываться на камнях. Мы улеглись между ними, под открытым небом. Не сразу, но сумели придумать себе войлочные подстилки, чтобы камни не давили бока. А головы мы положили прямо на

собак. Добрые собаки не возражали. Кажется, были даже довольны.

Я лежал затылком на моей знакомой рыжей дворняге. В ней ровно стучало живое сердце.

Звезды над нами светили все ярче. Они были не такие, как в пространствах. Переливчатые. Потому что над планетой струился теплый воздух.

— Ох, что-то есть хочется… — сказал в сумраке Минька.

— И мне, — отозвался Локки. — Странное ц-дело…

Тогда и я почувствовал: хорошо бы перекусить. И правда

«странное ц-дело». На астероидах мы никогда не хотели есть (тот случай с капустными пельменями был исключением). Мы могли вызвать в себе голод специально и порадоваться придуманным лакомствам, но чтобы он пришел сам собой — такого почти не бывало…

Оказалось, что и остальные проголодались. Ну и новости!

— Я могу сделать вареники с вишнями, — напомнила Аленка. — Помните, как тогда… Только не так быстро, по одному…

— Ох, давай, — простонал Коптилка. — А то пуп к спине приклеился.

И Аленка принялась лепить из воздуха вареники. Мы брали их, обмазанные сметаной, прямо в ладони. Сперва каждый получил по одному, потом еще, еще. Такие восхитительные…

— Надо же и собак угостить, — напомнил Кирилка. И мы стали угощать. Собаки вежливо глотали вареники, но добавки не просили. Наверно, придуманное угощение было для них все равно что воздух.

Да что там собаки! Я тоже чувствовал: аппетитные вареники проскальзывают внутрь и… будто маленькие воздушные шарики. Лопнули — и нет их. Даже тоненькой оболочки не остается.

Но почему же тогда Мухтар с таким удовольствием днем лакал придуманное молоко? Может быть, просто ничего не понял по малолетству?

Ладно, завтра что-нибудь придумаем. А сейчас… Позади был такой сумасшедший день, что тело стонало от усталости. Непонятно! На астероидах мы никогда не уставали так сильно.

Звезды над головой расплывались в разноцветные пятна…

Мне приснилось, что мы с мамой купили в магазине «Электрон» телевизор со встроенным видиком. Будто везем его на хозяйственной тележке по Тополиному бульвару, а навстречу

девочка из нашего судомодельного кружка.

— Здравствуйте, Юлия Даниловна! — это маме. — Рындик, привет!

Только Иван Яковлевич да она звали меня так.

— Ты, Рындик, почему не ходишь на занятия? Надо ведь достраивать «Фермопилы», а без тебя — никак…

Я отчего-то очень застеснялся, хотя в жизни такого никогда не случалось. Мы с ней были давние приятели и, бывало, дурачились и тузили друг друга, будто оба мальчишки.

— Какие занятия? Ведь каникулы!

— Здрасте, откуда ты свалился! Уже октябрь! Юлия Даниловна, скажите ему!

В самом деле, деревья оказались почти голыми, зябкий сухой ветер срывал с них последние листья. Они шуршали на асфальте. А я весь такой летний, в тонкой футболке, со свежими пятнами загара на руках-ногах… Откуда я?

— Ты простудишься! — спохватилась мама. И стала натягивать на меня через голову свой пушистый свитер (от него пахло маминими духами). Я перестал что-то видеть, только мягкая шерсть щекотала лицо. А девочка тянула меня за наполовину надетый свитер и повторяла:

— Идем же, идем, тебя ждут…

Потом что-то стукнуло меня по затылку.

…Это рыжая собака выбралась из-под меня, и я тюкнулся головой о пористый песчаник. Собака зубами тянула меня за подол голландки. Разумно так. Деликатно, однако настойчиво.

Я сразу послушался.

Был серый рассвет, башни угрюмо чернели. Собака повела меня не к башням, а в другую сторону, к траве, окружавшей площадь у крепости. Из травы навстречу нам выползла еще одна собака. Крупная, темная. Она тихо скулила.

Я приложил все усилия и сотворил из пустоты круглый корабельный фонарь.

Собака оказалась серая, со светлыми лапами, остроухая, хвост серпом. Наверно, помесь лайки и овчарки. Да не все ли равно! Главное, что она была израненная. Шерсть на спине и голове слиплась от высохшей крови. Заднюю лапу собака волокла, как перебитую.

— Эй! Скорее сюда! — закричал я на всю планету. — Вставайте! Веранда, возьми сумку!

Примчались ребята. Примчались собаки, сели вокруг, тихонько заскулили. Веранда молча распахнула сумку, достала пузырьки и моток бинта…

Последними прибежали Коптилка и Аленка.

Оно и понятно: неловко со зверями на руках. У Аленки — Мухтар, у Коптилки — Алик. Веранда поливала из пузырька марлевый тампон, протирала им на голове собаки рану. Собака повизгивала и пыталась лизнуть Веранде руки.

Мухтар вдруг извернулся на руках Аленки, выскользнул, плюхнулся на живот и толстые лапы. Кинулся к собаке, ткнулся мордашкой в ее морду, облизал, заскулил.

Никто ничего не сказал.

Сразу ясно — это его мама, которая чудом выбралась из-под завала.

5

Веранда наложила на перебитую ногу собаки лубок. Забинтовала голову. Мы отнесли собаку на травяную подстилку между двух плоских камней, которые домиком соединялись вверху. Придумати глиняную плошку, набрали в нее для собаки настоящей воды — из родника, что пробивался у одной из башен и ручейком бежал к бухте.

Потом напились сами.

И сразу опять захотелось есть.

Мухтар не отходил от матери. Аленка бродила с непонятным лицом. Конечно, она была рада, что Мухтар больше не сирота. Но было понятно, что

теперь покидать родную планету он не захочет.

Значит, зря мы летели сюда через тысячу пространств?

— Может, есть еще щенки без матерей? — неуверенно спросил Минька.

— Ц-нету, — отрезал Локки. — Я спрашивал.

— Что же делать? — угрюмо спросил Голован. — Не ждать же нового несчастья.

Локки сказал, что это было бы «цвинство».

Солнце взошло и сразу стало изрядно припекать.

Мы искупались в настоящем море.

А что дальше?

Ушли в тень — в капонир с нашим боевым заслуженным орудием. Оно остыло за ночь, но все еще резко пахло порохом и обожженной медью.

Собаки за нами не пошли, мы были одни.

— Корабль-то мы поднимем и восстановим, — сказал Голован. — Придется, конечно, повозиться, это ведь не там, не в Поясе, но как-нибудь справимся… А что потом? Возвращаться на астероиды?

Я посмотрел на ребят и понял: никто не хочет возвращаться. Даже Веранда. И я не хотел. Было там беззаботно и… безнадежно. Хотя и весело порой. И красиво. Мы там всё могли. То есть почти

всё. Только — зачем?..

— Можно остаться здесь. Плавать по морю и делать открытия, — неуверенно предложил Минька.

— И, может быть, найдем людей, — поддержал его Кирилка.

— Людей нет, — сумрачно сообщил Локки. — Они улетели много веков назад. Что-то случилось, и все они отправились на другие планеты. Это сказали собаки… Люди бросили здесь домашних псов, те стали вольными, и сделалось их много. А других крупных об… биб… тат…

— Обитателей, — подсказал Доня.

— Ц-да. Других нету. Мелочь только.

— Ну… — еще неуверенней сказал Минька, — можно ведь и одним жить. Пока… А потом мы, может быть, тут сделаемся взрослыми. И тогда… — Он порозовел.

Все поняли, что хотел сказать простодушный Минька.

— Это были бы придуманные дети, — угрюмо отозвался Голован.

Я не был с ним согласен. Почему придуманные?.. Но… как мы тут семеро и одна Аленка? Белоснежка и семь гномов… Веранда не в счет. Потому что она хотя и спасла Алика, но кто же

такую унылую швабру возьмет в жены?

— Вероятно, есть смысл после ремонта корабля продолжить путешествие. Возможно, мы откроем новые планеты, — предложил Доня. Он сидел в уголке и пытался соорудить новый аккордеон, только ничего не получалось.

Голован сердито сообщил, что новых планет мы не откроем. Надо знать координаты. У этой-то координаты были известны — обратные Планете Кусачих Собак (которая нам совершенно не нужна). А где другие? Тыкаться по всему космосу, как слепые котята?

— Можно и потыкаться, — вполголоса сказал Коптилка. — Вдруг… наткнемся на Землю?

— Никогда не наткнемся, — отрезал Голован. Безжалостно, чтобы не было напрасных надежд. — Вы забыли? «Обратной дороги нет»…

С минуту мы сидели примолкшие. Коптилка вдруг предложил:

— Пошли, искупаемся еще раз. Алик посохнет на пляже. А то он все еще набухший.

И мы пошли. Собаки проводили нас до кромки берега. Сидели и смотрели, как мы бултыхаемся в прогретой воде на отмели. Вежливо нюхали сохнувшего Алика.

Мы выбрались из воды и растянулись между

собаками на мелкой гальке. Рыжая опять легла со мной рядом. Мы хорошо накупались, только есть хотелось еще сильнее. До стона в желудке.

— Надо улетать, — будто прочитал мои мысли Голован. — Мы скоро помрем тут с голоду, придуманная пиша не годится. Здесь почти земные законы. А еды нет.

— Но ведь собаки чем-то питаются, — возразил Доня. — Не едят же они друг друга. Каннибализм в собачьей среде не развит.

Локки объяснил:

— Они ищут яйца морских черепах. Некоторые умеют ловить рыбу. А еще охотятся на песчаных кротов и сусликов.

— Мы тоже можем искать яйца и ловить рыбу, — сказал Кирилка.

— Ох уж из нас рыболовы, — заметил Голован.

— Или ловить сусликов, — вставил Минька. Непонятно, всерьез или так, дурачась.

— Гадость, — сказала Аленка. — И жалко их.

— Сперва жалко, а с голоду кого не сожрешь, — вздохнул Коптилка. — Даже живьем…

— Пфы…

«Посмотрим, как ты запфыкаешь через пару дней», — мысленно сказал я Веранде.

Голован поднялся на локтях и спросил по-де-

ловому:

— Вов, сколько времени требуется для ремонта?

Я понятия не имел. Ясно только, что не одна неделя.

— Надо ведь сперва поднять. А здесь вон какая сила тяготения…

— Ц-кушать хочу, — сообщил Локки. Пока еще с шутливой ноткой.

— А в вашей стране было людоедство? — спросил Голован.

— Еще ц-чего!

— Но жертвы-то человеческие были!

— Это разные ц-вещи!

— Прекратите такие разговоры, — жалобно попросил Кирилка. — Это же… даже если в шутку, все равно несправедливо.

— Какие шутки, — с голодным вздохом сказал Голован. — Надо смотреть суровой правде в глаза. С кого начнем? Давайте с Маккейчика. Музыканты самые вкусные… — И он ухватил Доню за пятку.

— А-а-а! Я же худой! У меня наследственный гепатит в скрытой форме! Вы заразитесь!

— Переварим тебя худого и с гепатитом…

Доня на четвереньках убежал в сторону и

стал рассказывать черному терьеру, какие мы нехорошие. При этом использовал слова, не характерные для сына интеллигентных родителей.

Мы еще немного подурачились и опять заскучали.

Раньше мы могли промчаться в пространствах за один миг на любые расстояния. Могли бы в пять секунд оказаться на астероидах. Но корабль нас лишил этого умения. И опять же — что там делать, в Поясе?

Доня на четвереньках снова подошел ближе. Прилипшая галька часто падала с его тощего живота.

— Господи, что за жизнь, — с почти настоящей тоской сказал Доня. — Что делать — непонятно. Куда деваться — неизвестно. И спросить некого.

Мне эта его тоска совсем не понравилась. Я даже разозлился:

— А ты чего хотел? Чтобы стояла будочка, а на ней вывеска: «Справочное бюро»?

— Неплохо бы, — сказал Доня, глядя поверх голов. И вдруг округлил глаза. — Ой… смотрите.

Мы нервно оглянулись.

За нами была плоская желтая скала. На ней белели неровные, будто мелом написанные буквы:

А под буквами — белая стрелка.

6

Оказалось, что от скалы тянется в направлении стрелки тропинка. Кто ее протоптал? Собаки?

Мы пошли. Колючие головки сухой травы дергали нас за штаны. Будто просили: останьтесь! Но как могли мы остаться, когда такая надпись и стрела!

Собаки, чуть поотстав, провожали нас длинной вереницей.

Шли мы долго. На плоских камнях время от времени попадались белые стрелки: мол, правильно шагаете. Да и тропинка была единственная.

Здешнее солнце жарило с высоты.

Наконец Коптилка проворчал:

— Кто-то нам просто пудрит мозги.

Жираф Алик помотал над его плечом головкой на упругой шее: нет, не пудрит.

— Кто бы там ни был, узнать-то надо, — рассудил Голован.

Наконец мы увидели на сером камне еще одну стрелку — она упиралась в белую вертикальную черту. Словно говорила: пришли.

А куда пришли-то? Ничего не было. Только круглая, покрытая бугристыми плитками площадка, а на ней все та же пыльно-желтая трава, только пожиже и пониже. И также, как всюду, торчали камни разной формы. Посреди площадки — самый высокий. Глыба серого ракушечника чуть выше человеческого роста.

— Вот и приехали, — сказал Коптилка. И сел на плитки перед камнем. И остальные сели. Потому что куда еще идти-то? Мы изжарились от зноя. Чесали исцарапанные ноги и оглядывались… Собаки не пошли за нами на площадку, остались неподалеку, в траве.

Я уныло смотрел на ракушечную глыбу. Она слегка напоминала памятник. Будто какая-то особа в длинном платье сидит в кресле на постаменте метровой высоты.

— Глядите, — хмыкнул я. — Может, это и есть сотрудница справочного бюро?.. Простите, сударыня, вы не могли бы ответить на несколько вопросов?

Произошло шевеление воздуха. Камень превратился в сидящую старуху. Так в сказочных фильмах оживают всякие предметы — бесшумно и в одну секунду.

Никто, кажется, не удивился: насмотрелись

уже на всякое. Но, по-моему, все обрадовались.

Это была не просто старуха, а старая дама. В шляпке и очках-пенсне со шнурком (как у Чехова). У груди она держала распахнутый веер из перьев. Серое платье с кружевами спускалось с постамента. Дама стрельнула в меня блеском очков.

— Не следует иронизировать, молодой человек. У нас вполне серьезное учреждение.

— Простите, — пробормотал я.

— Ближе к делу. Что именно вас интересует?

— Мы не знаем, что делать дальше, — честно объяснил Кирилка.

— Это зависит от того, ч е г о ж е вы хотите…

А чего мы хотели?

— К сожалению, это самый трудный вопрос, — объяснил воспитанный Доня. — К сожалению, мы знаем конкретно лишь то, чего не хотим. Возвращаться на астероиды.

И все согласно зашевелились.

Старая дама обвела нас взглядом поверх очков.

— А, собственно, что вас не устраивает на астероидах?

Мы запереглядывались. Как ей растолковать?

— Трудно сказать, — наконец выговорил Голован. — Мы не видим смысла. Не знаем, зачем

мы там.

— Так-так, — сказала дама с особой интонацией. — Вам нужен смысл?

— А как же, — осторожно подтвердил Кирилка. А Минька Порох сказал со слезинкой:

— Почему мы там одни? Никаких ребят больше нет. Взрослых тоже нет…

— Взрослые попадают в иные миры. В соответствии со своими склонностями, заслугами и устремлениями. А для вас… Видимо, так было задумано: играйте, развлекайтесь, делайте что хотите. Разве не о такой жизни мечтали вы раньше?

— Нет, конечно! — звонко воскликнула Аленка. — Мыхо-тели быть с теми, кто нас любит! А еще мы хотели когда-нибудь вырасти, сделаться взрослыми.

— А вот с этим сложно, — вздохнула старая дама. — Взрослыми становятся только на Земле… То, что вы там не успели вырасти, это вообще ненормальность. Нарушение законов Всеобщей Природы. Отсюда и такие вот… несообразности с вашим обустройством. Человек не должен попадать в иные миры, пока он не вырос на родной планете…

— Кто же ц-виноват? — дерзко спросил Локки.

— Никто, голубчик… Понятия «виноват» и «не виноват» слишком узкие и носят чисто земной характер… Впрочем, каждому в конце концов воздастся по его делам.

Вежливый Доня спросил:

— Простите, а когда?

— Понятие «когда» тоже относительно. Природа Времени — особая тема.

— А как это «воздастся»? — подала опять голос Аленка.

— Милочка моя! — Дама впервые улыбнулась впалыми серыми губами. — Уж тебя-то никак это не должно волновать.

— Ну почему же?.. А вот бабушка говорила, что когда человек заканчивает жизнь на Земле, его отправляют в ад или в рай. В рай — это в небесное царство, прямо к Богу…

Старая дама подобралась, опустила веер.

— Все мы на пути к Богу… Только путь этот ох как сложен. Неизвестно, сколько надо пройти, чтобы приблизиться к престолу и вложить свой кирпичик в фундамент Всеобщей Гармонии.

— Это как? — спросил Минька Порох.

— Я сложно изъясняюсь, да?

— Нет, вполне доступно, — утешил ее Доня. — Вы не волнуйтесь, мы потом ему растолкуем.

— Хорошо… Видите ли, Вселенная еще очень молода, она в процессе становления, у многих экспериментов бывает сбой…

— Как с нами? — не выдержал я.

— Видимо, да, голубчик…

— Ну и скажите же нам тогда, пожалуйста, что же нам теперь все-таки делать? — со звоном отчаяния опять вмешался Кирилка.

— А чего вы хотите больше всего?

Тогда я посмотрел старухе прямо в лицо. Глаза ее за очками были непонятные, будто в темном тумане… Зачем она мучает нас?

— Вы же знаете! То, чего мы хотим больше всего, невозможно! Обратной дороги нет!

Она не рассердилась на мой крик. Положила веер на колени, скрестила руки с кружевными манжетами.

— «Обратной дороги нет». Но есть просто Дорога…

Мы притихли. Будто сквозь солнечный жар повеяло резким холодком.

Наконец Аленка шепнула:

— А что это такое?

— Дорога? Это Всеобщий Звездный Путь. Он идет по всем мирам…

— Ну и что? — негромко сказал Голован.

— Ну и то… По Дороге можно прийти куда угодно. И встретить кого хочешь. Были бы желание и терпение… Другое дело, что не каждый может попасть на нее.

Локки тихонько спросил:

— А мы… нас пустят ц-туда?

— Вас — да. Только всех вместе.

— Простите, а за что нам такая привилегия? — недоверчиво проговорил Доня.

— Н-ну… вы заслужили. По меньшей мере, тремя делами. Вы построили замечательный корабль. Вы спасли собаку. Вы ни разу не поссорились по-настоящему и не оставили друг друга…

«Корабль погиб, — мелькнуло у меня. — Собака сама выбралась из-под завала. А ссоры… Да мы не ругались, но чуть-чуть не улетели без Кирилки и Веранды».

Старая дама снова посмотрела на меня.

— Корабль не погиб… во Времени. Собака умерла бы без вашей помощи… А «чуть-чуть» не считается… Только я должна сказать сразу: на Дороге вас не обязательно ждет удача. Все зависит от вас самих…

— А что надо делать? — подался вперед Минька.

— Что делать… Чтобы прийти туда, куда хотите,

надо, как в известной сказке, сносить семь пар железных башмаков…

— Это, разумеется, в переносном смысле? — сказал Доня.

— Отнюдь… — Старуха махнула веером, и перед каждым из нас упала металлическая груда. Со звоном и грохотом. Нас ударило запахом холодного железа. Мы перепуганно заелозили на каменных плитках, отодвинулись подальше.

Это и правда оказались железные башмаки. Остроносые, с пластинчатым верхом, вроде как от рыцарских доспехов.

— Ни фига себе, — выдохнул Коптилка. — Как в таких шагать-то?

— А вы примерьте…

Я потянул к себе тяжелую, как старинный утюг, туфлю. Сунул ступню в железо… Рыцарский башмак превратился в обычную бело-синюю кроссовку.

— Видите, внешне башмаки вполне обыкновенные, — заметила старая дама. — Даже под цвет ваших костюмов. Но прочность у них железная, да и тяжесть немалая… Первую пару надевайте сразу. Остальные шесть возьмите с собой… Когда башмаки развалятся на ногах, надевайте другие. Но не раньше…

— А в чем их тащить, запасные-то? — сказал Минька.

— Ах да… — И на железные груды упали девять брезентовых рюкзаков. Довольно потрепанных.

Мы с лязгом уложили в рюкзаки железную обувь. Пока не на ногах, в кроссовки она не превращалась. Приподняли мешки за лямки. Ого-го!..

— А помогать друг другу можно? — спросил Кирилка.

— Можно. Нельзя только снимать башмаки, когда идете. Тот путь, что пройдете без них, считаться не будет.

— А если мы спутаем, какой башмак из какой пары? — вдруг спросила Веранда. До этой поры она не произнесла ни словечка.

— Совершенно не важно… И вот еще что! Время придуманных деликатесов для вас кончилось. В мешках вы найдете по буханке хлеба и фляжки для воды. Воду можно набрать в любом ручье. А хлеба, если станете расходовать экономно, хватит надолго. Но, увы, не на весь путь. Придется вам как-то выкручиваться. Впрочем, на пути не без добрых людей… Ступайте, голубчики. Дорога начинается прямо здесь, вон за тем камнем…

И старая дама превратилась в камень.

Мы постояли над рюкзаками.

— Вот такие дела… — сказал Голован. — Пошли, что ли?

И вдруг на площадку «справочного бюро» вышли собаки.

И мы вспомнили — надо же попрощаться!

Мы гладили собак, трепали их по ушам, говорили им спасибо. Я опять поцеловал свою рыжую знакомую в нос. Аленка прижала к груди Мухтара. Его мать прыгала рядом на трех ногах, на четвертой был марлевый лубок.

Локки обнял кавказскую овчарку. Потом что-то прошептал. И собаки дружно, как по команде, ушли в густую шелестящую траву. Будто их и не было.

— Что ты им сказал? — спросил я.

— Ц-лишние проводы — ц-лишние слезы…

7

Мы надели рюкзаки. Нас зашатало с непривычки. И ведь не придумаешь невесомость, не те места.

За камнем, на который указала старая дама, увидели мы дорогу. Обыкновенную сельскую дорогу в траве, будто накатанную телегами. Мы пошли по колеям двумя вереницами. В колеях

синели какие-то цветы, вроде цикория. Не надо бы их топтать, да как уследишь, когда мотает от тяжести и ноги будто пудовые.

Голован замыкал правую вереницу, я — левую.

Голован сказал:

— А какой интересный старик, да? Борода золотая, будто из овса.

— Какой старик?

— Ну, этот, «справочное бюро»…

Вот тебе и на!

Малыш Локки оглянулся на нас.

— Какой же это старик? Он даже не ц-человек! У ц-чело-веков не бывают клювы и перья!

Остальные тоже заоглядывались. Наверно, там, на каменной площадке, каждый видел «сотрудника справочного бюро» по-своему. Но никто больше не заспорил — солнце жарило, лямки резали плечи. Голован забрал рюкзак у Локки. Доня — у Аленки. Я хотел взять у Кирилки, но он заупрямился:

— Нет! Это несправедливо…

— Иди ты со своей справедливостью! Сейчас упадешь.

— Ну… вот если буду падать, тогда…

К счастью, впереди оказался мостик, а под ним ручей. Мы сбросили рюкзаки и башмаки. Умы-

лись, поглотали прохладной воды из ладоней. Поболтали в воде ногами. В рюкзаках и правда поверх башмаков у каждого лежала буханка хлеба и солдатская фляжка в брезентовом чехле. Мы наполнили фляжки по самые горлышки.

Потом перешли мостик и двинулись дальше.

В траве стоял сухой стрекот. Кузнечики, что ли? Затем в этот стрекот вплелся другой, более громкий и механический.

Над нами пронеслась громадная птица. У нее были черные с желтыми зубцами крылья…

Да не птица это, а дельтаплан с мотором! Он сел в сотне шагов впереди нас. Из него выбрался толстый косматый пилот.

— Ну вот, началось, — уныло сказал Минька. Потому что пшютом был, конечно же, Рыкко Аккабалдо.

Мы остановились, а он шел к нам, постепенно увеличиваясь в размерах.

— Вот теперь-то он точно сожрет нас с потрохами, — грустно сообщил Доня Маккейчик. — Коптилка, ты можешь придумать пушку?

Коптилка сказал равнодушно:

— Не-а…

Рыкко приблизился. Глянул углями сквозь черное сено. Кулачищем вытер под носом-дыней.

— Послушайте, господин Аккабалдо, — убедительным тоном начал Доня Маккейчик. — Вы, конечно, носитель Мирового Зла и все прочее. Но, может быть, хоть капля совести у вас имеется? Что вы связались с детьми младшего и среднего школьного возраста? Смотрите, среди нас есть совсем маленькие.

— Ага… — прогудел Рыкко. — Особенно вон тот коричневый, который на меня собак натравил… Да ладно. Я же нынче не ссориться пришел, а так… попрощаться.

Мы открыли рты. Изумленно и недоверчиво.

— Ну да… — вздохнул он. — Уходите, значит? Жаль, по правде говоря. Когда рядом были, оно как-то веселее. Бывало, ссорились, конечно, зато интересно. А теперь что…

— Мы иногда сами были виноваты, — сказал Кирилка.

— Теперь чего считать, кто сколько виноват. Дело, можно сказать, прошлое. Я вот что… подарок вам сделать хочу.

— Бойтесь данайцев, дары приносящих, — сказал Голован, охламонистый снаружи, но образованный внутри.

— Да нет же, я по правде! Без этой, значит, всякой… без диверсии. Потому что корабль-то ваш

я все-таки зря потопил. Сгоряча вышло… Ну и за это берите мой.

— Да нам теперь вроде и ни к чему, — смущенно отозвался Голован.

— Это сейчас ни к чему, а после кто знает, как оно обернется…

— Но зачем нам черный корабль! — тонко возмутилась Аленка. — В нем одно только зло!

— Э, милая моя! В кораблях не бывает зла. Зло — в тех, кто плывет на этом корабле. Или не зло, а наоборот. От того зависит, кто что везет. Можно и динамит, и новогодние подарки…

— А где он, ваш корабль-то? — недоверчиво сказал Минька.

— Да вот он, вот! Давайте руки… — И Рыкко толстыми, как черные огурцы, пальцами начал укладывать нам в ладони бумажки. Будто черные метки!

Это были кораблики, вырезанные из вымазанной сажею бумаги. Силуэтики. Невесомые…

— Издеваешься, да? — сумрачно сказал Коптилка и хотел скомкать бумажку.

— Да вы не сомневайтесь! — Рыкко прижал лапы к покрытой волосами груди. — Это он и есть, мой корабль. Только сейчас в таком виде, для удобства. А захотите полететь — приклейте

к стенке и дыхните на него. И он превратится в тот самый. Вот… клянусь всем существом-веществом-естеством!

И мы почти поверили.

Только Локки не поверил.

— Но он же был один! А здесь целых ц-девять!

— Это для удобства. Чтобы у каждого был на всякий случай. А захотите лететь вместе — склейте их, еще прочнее будут… Оно ведь как в природе-то! Один и множество — это часто одно и то же. Называется «диалектика». Вот он знает… — Рыкко глянул на Голована.

Голован смотрел исподлобья.

— А как же ты сам-то будешь без корабля? На этой тарахтелке с крыльями до астероидов скоро не доберешься.

— Доберусь, если надо, у меня опыт… А с другой стороны, что мне там делать одному-то? Устроюсь, может, в другом месте… Ну, не поминайте лихом! — Он помахал черной пятерней над заросшей макушкой, повернулся и тяжело побежал к дельтаплану. И все уменьшался в размерах.

Дельтаплан затрещал. Взмыл и пропал.

Мы поразглядывали кораблики.

— Не такие уж они черные, — сказал Минька.

И правда, корабельные фигурки были, скорее,

темно-синие. На них что-то поблескивало — будто прилипли сахарные крупинки. А обратная сторона — вообще желтая, как простая оберточная бумага.

Мы спрятали кораблики в карманы рюкзаков. Опять надели на плечи брезентовые лямки. И с этого момента началась настоящая Дорога.

СЕМЬ ПАР ЖЕЛЕЗНЫХ БАШМАКОВ

1

Если смотреть по протяженности времени, то главное место в этой истории должна занимать именно Дорога. Столько она тянулась! И столько на ней случилось!

И по стольким разным краям прошли мы по ней…

Иногда она пролегала по бесконечному арочному мосту, повисшему в пустоте, среди созвездий. И тогда на нас опять дышал космос. Дышал настоящим холодом, не то что на астероидах. Иногда она вела нас по каньонам — такая глубина была там, что небо казалось узкой щелью. Порой мы шли по краю воронок, где пространство завихрялось и уходило в черную глубину… Но бывало и так, что Дорога превращалась в обычный проселок среди лугов и перелесков. С ромашками в колеях. И тогда было замечательно: бабочки, всякие пичуги в листве, а в небольшом отдалении — деревни с колокольнями и мельницами…

А случалось, что мы шли по широченным каменным плитам. По сторонам от дороги стояли

белые и желтые развалины с колоннами и разбитыми статуями, Навстречу нам попадались устало бредущие воины в древнеримских доспехах. В одиночку и группами. На нас они не обращали внимания. Кажется, даже не видели.

Впрочем, встречали мы (и нагоняли) и всяких других людей. Крестьян с мешками и сеном на телегах, смуглых мудрецов с белыми бородами, в тюрбанах и халатах; конных рыцарей, чьи латы брякали, как большие бидоны брякают крышками; бродячих музыкантов со скрипками и помятыми трубами; мужчин и женщин из неизвестных нам племен — в странных нарядах и головных уборах; солдат из непонятно каких армий; художников с мольбертами и растрепанными волосами… И много еще кого повидали мы на Дороге. Мы не удивлялись. Здоровались — нам иногда отвечали.

Детей было мало. Чаще всего — малыши у женщин со строгими лицами. Женщины эти всегда шли прямо, как по натянутой нити, смотрели только перед собой. Им все уступали путь.

А еще были замурзанные пацанята и девчонки в цыганских таборах. Они с шумом и любопытством обступали нас.

Цыгане нас кормили и разрешали ночевать под

навесами. Это было здорово! Потому что чаще всего приходилось проводить ночи под открытым небом. Иногда мы разжигали костер. А бывало, что умаемся, свалимся у обочины, прижмемся друг к другу и сразу засыпаем.

Изредка нас обгоняли странного вида машины. Они были похожи на причудливые паровозы с большущими медными шестернями по бокам и трехэтажными надстройками. Ехали они, конечно, не по рельсам, а просто так. Кто там внутри, мы не разглядели ни разу.

И лишь однажды мы видели обыкновенный автомобиль. Это был «КамАЗ», груженный доверху березовыми дровами. И номер его — «ТЗМ 52–52». Кирилка обрадовался и сказал, что это хорошая примета…

Хлеба нам хватило дней на двадцать. Отломишь горбушку, а потом смотришь — буханка опять почти целая. Но в конце концов «эта лафа кончилась», как выразился Коптилка. Мы стали просить еду в окрестных деревнях и у тех, кого видели на Дороге. Надо сказать, нам редко отказывали. Наша матросская форма как-то незаметно превратилась опять в ту одежду, которая была у нас на астероидах. Локки шагал теперь в своей одеяльной накидке с прорезью для головы.

Она была надета поверх рюкзака.

К тяжести рюкзаков и обуви мы постепенно притерпелись. Правда, иногда все же брали у Аленки и Локки рюкзаки — пусть отдохнут. А случалось, брали и у Кирилки. Он, конечно, с твердым характером, но силенок-то… Один раз я хотел взять рюкзак у Веранды: все же девочка. Но она, конечно, сказала «пфы».

Бывало, что шли мы и ночами. Мне почему-то очень запомнилось, как Дорога тянулась по ночному еловому лесу. Кругом была сплошная чернота, мы ступали в песчаных колеях наугад. Пахло хвоей и грибами. А высоко-высоко в темносинем небе чернели острые вершины и между ними переливались голубые и белые звезды. Такие далекие, уже совсем не наши…

Несколько раз наступала осень, а потом зима. Добрые тетушки в придорожных хуторах собирали для нас теплые куртки, штаны и шапки. А один раз мы даже получили овчинные полушубки — старые, но теплые.

Замаскированные под кроссовки башмаки снимать было нельзя. Но мы надевали поверх них взрослые подшитые валенки. А если валенок не было, обматывали ноги тряпками.

И шли, шли, шли…

Зимой мы строили для ночлега снежные хижины. Или — чаще всего — ночевали в тавернах, что попадались на пути — в таких старых приземистых домах, где было шумно, тепло и пахло всякой едой. Там распоряжались толстые решительные хозяйки. Нас они встречали по-доброму. И поесть дадут, и покажут место, где можно улечься на ночь, и потом еще на прощанье положат в рюкзаки хлеба или пирожков…

Но зимы были недолгие. Смотришь — опять весна, а за ней гудящее шмелями и рокочущее грозами лето. Когда тепло — совсем другая жизнь. И ягод можно набрать у края Дороги, и яблок нарвать в садах, что часто тянутся по обочинам, и молока попросить у пастухов. И все люди летом на Дороге добрее.

Но не думайте, что мы то и дело видели людей. Порой Дорога на долгие недели оставалась пустынной. То голая степь, то ущелья и чащи, то опять висящие в пустоте мосты. Или совсем непонятные пространства, где в темноте как бы пересекалось множество плоскостей. Словно мы букашки и движемся по громадным листам черной скомканной бумаги. Чтобы не запутаться, не пропасть, мы крепко держались за руки… И когда после такого пути мы выбирались под солнечный

свет и снова встречали кого-нибудь, это было счастье. Казалось даже, что мы уже на Земле.

Но нет, мы были не на Земле. Доказательство — то, что мы не взрослели.

Мы теперь уже редко думали: что будет дальше? Шли и шли.

Иногда нам было легко и весело. Дурачились, поддразнивали друг друга, пели песенки, которые придумали на корабле, и сочиняли новые. Без досады, со смехом вспоминали Рыкко.

— Вообще-то он ничего мужик, только слишком заводной, — говорил Коптилка. — Верно, Алик?

Полосатый жираф Алик у него на руках согласно мотал ушастой и рогатой головкой на гибкой шее. Улыбался широким ртом. Блестел глазами-пуговками. Кстати, не всегда Алика нес Коптилка. Мы тоже несли, по очереди.

Дорога стала нашей жизнью. Когда она кончится для нас, никто понятия не имел. Железные башмаки — они же почти навечно…

2

Первые четыре пары башмаков мы истрепали одновременно. Посреди пыльного шляха с пирамидальными тополями я вдруг увидел, что мои кроссовки опять превратились в железные

туфли. Их острые носки зарылись в песок. Я дернул ногами. По железу быстро пошла ржавчина, и оно превратилось в рыжую труху. Я даже испугался.

— Ребята…

Оказалось — у них то же самое! У всех!

Мы вытащили из рюкзаков другие башмаки. На наших ногах они тоже стали кроссовками. А скоро — опять ржавчина и труха. И потом третья пара так же. И четвертая. У каждого!

Мы ликовали! Значит, прошагали больше половины пути!

Но радость была недолгой. Заболел Кирилка.

До сих пор мы совсем не болели. Усталость, царапины и шишки, заработанные в пути, не в счет. И мы не сразу поняли, что с Кирилкой. Ноги заплетаются, как два жидких прутика, лицо в каплях пота.

— Кирилка, устал? Давай рюкзак.

— Я не устал. Я… просто не могу… — И сел посреди мощенного булыжником тракта.

Мы отнесли его в травянистую обочину, подложили под голову рюкзак. Веранда потрогала его лоб, ухом приложилась к груди. Сумрачно сообщила:

— Кажется, он совсем плох.

— Разве мы можем болеть по-настоящему? — не поверил Голован.

— Значит, уже можем, — сказала она. И достала из санитарной сумки градусник. Наверно, придуманный, с корабельных времен. Однако температуру он показал не придуманную. И страшную — сорок с половиной.

…Однажды, давным-давно, у меня тоже была такая температура. При жестокой ангине. Мне казалось, что на грудь навалили гору камней, и вообще чудилась всякая чертовщина. Не хватало воздуха… Мама в панике вызвала «Скорую»…

А тут кого вызовешь? Даже никакой деревеньки нет поблизости, где можно отыскать хоть какого-то лекаря или знахаря.

И на тракте, как назло, совершенно пусто.

Веранда вытащила марлевую салфетку, намочила из фляжки, положила Кирилке на лоб. Он улыбнулся через силу:

— Спасибо.

Но скоро его затряс озноб. Локки стащил через голову накидку и укутал Кирилку. А сам — коричневый и несчастный — сел рядом на корточки. Он страдал, кажется, не меньше Кирилки.

А мы все стояли вокруг в полной тоске. Веранда виновато сказала:

— У меня нет лекарств. Да и не помогут здесь придуманные-то…

Мы понимали, что не помогут.

Мы понимали, что Кирилка умрет. И что с ним сделается потом? Куда он улетит, в какие края? Главное, что его не будет с нами!

Но почему, почему это случилось!..

Кирилка закрыл глаза. То ли спал, то ли бредил тихонько. Голован склонился над ним и быстро выпрямился.

— Слушать меня всем! Достать кораблики Рыкко! Делаем корабль! Выход один — астероиды. Может, успеем вернуться, там он не умрет!

Вот так… Когда столько всего испытали. Когда пройдено больше половины пути!..

Но мы не сказали ни словечка. Остаться без Кирилки было немыслимо. Никто нам этого не простит. Ни звезды, ни галактики, ни добрые собаки с желтой планеты, ни та старая дама из «справочного бюро» (или кто она там), ни даже Рыкко Аккабалдо. А главное, м ы не простим — ни себе, ни друг другу.

Да и при чем тут «простим — не простим»! Вообще — как мы без Кирилки-то?

Мы начали торопливо доставать кораблики из рюкзачных карманов. Лишь бы успеть! И услыха-

ли, как зашумел и стих мотор.

У обочины стоял автомобиль. Белый фургон с красным крестом! Вот счастье!

От фургона шагала к нам решительная грузная тетя в белом халате, в белой шапочке и с саквояжем.

— Ну-ка, что тут у вас?.. Та-ак, догулялись, красавчики. Несите мальчика в машину! Быстро!

Доня и я послушались, приподняли Кирилку за плечи и под коленки. Но Голован спросил:

— Куда вы его?

— В больницу, конечно!

— В какую? — робко сказала Аленка.

— В какую, в какую! В ближнюю! В пяти километрах город Клёнов. Ступайте туда следом за машиной, там спросите больницу номер один. В ней и будет ваш приятель… Ну, шевелитесь!

— Она врет! — вдруг сказал Локки. — Нету вблизи города. Ц-никакого!

— Что-о?! Ты как разговариваешь со старшими, малявка голозадая!

— Сама ц-такая! — заявил Локки. А рядом с ним встал Минька.

— Да, она врет! Не отдавайте Кирилку!

Толстое теткино лицо перекосилось… Нет, не перекосилось, а как бы раздвоилось.

Однажды со знакомой девочкой из кружка (я о ней уже упоминал) мы в темной комнате печатали снимки с нашего клубного праздника. Один раз мы нечаянно сдвинули фотобумагу под кадром с гостями-зрителями, и проявилось двойное изображение. Среди гостей, впереди всех, сидела полная женщина. Кажется, инспекторша какая-то. И вот ее двойное лицо… оно просто перепугало меня! Нос разъехался, одна улыбка — на горле, а во второй улыбке, в зубах, — блестящий круглый глаз. Было в этом что-то как из сказки о вампирах. И девочка тоже сказала: «Какая жуть!» Я скомкал и бросил в урну мокрую фотокарточку.

…И вот сейчас, у этой тетки, лицо так же расползлось. И проступил сквозь него то ли череп, то ли… даже не знаю что. Но я знал другое: никакой она не врач! Я догадался, к т о э т о…

Но еще раньше догадалась Веранда. Она села. Быстро, но ласково притянула к себе Кирилку, положила его голову на колени.

— Немедленно отдай мальчика! — взбеленилась тетка. — Он не твой!

— А чей? Твой, что ли? Евсей Фёдорыч! — заголосила эта фальшивая врачиха. — Идите сюда! Надо забрать больного!

Из кабины выбрался квадратный дядька в

форменной фуражке и черной фуфайке. Видимо, шофер. Тяжело зашагал к нам, растопырив руки. Но мы встали у него на пути. Плечом к плечу. Даже коричневый малыш Локки с тощей, как у цыпленка, ребристой грудью. Даже смирная конопатая Аленка. А Коптилка схватил за шею жирафа Алика замахнулся им, как палицей. Это остановило шофера Евсея Федорыча. Он затоптался кирзовыми сапогами. Неуверенно сказал:

— Хулиганы…

— Мальчик умрет! — злорадно заявила тетка. — Это я вам га-ран-тирую!

— Фиг тебе, ведьма могильная, — сквозь зубы сказала Веранда. Она приподняла Кирилкину голову и… запела колыбельную:

Над землей заря алеет,
Время звезды рассыпать.
Мальчик вовсе не болеет,
Мальчик просто хочет спать.

Раньше мы не слыхали ни разу, как она поет. И теперь… не знаю, хорошо ли она пела. По-моему, негромко. Но все замерли. И мы, и тетка с шофером.

Слышишь, сказка сочиняется?

Это для тебя она.
Видишь, в небе улыбается
Очень круглая луна…

И мы увидели луну. Над березами, по ту сторону тракта. Было еще светло, макушки деревьев золотились в вечерних лучах, но большая розовая луна виднелась отчетливо. Она и правда улыбалась. Вы скажете — подумаешь, луна! Но для нас-то она была впервые!

До той поры мы видели над Дорогой много всяких ночных светил: и сказочные рогатые месяцы (даже с носом и глазами), и большие планеты с кольцами, как у Сатурна; и шаровые скопления серебряных звезд, и белые луны с циферблатами и стрелками; и висящие в темной высоте желтые окна… А это была настоящая луна, с земного неба! Родная такая…

Тетка тоже оглянулась на луну. И ее, тетку, передернуло, она стала усыхать. Съежилась и трусцой побежала к машине. Шофер — за ней. Вскочили в фургон. Он взвыл, затрясся, выплюнул синий дым и укатил.

Мы постояли еще секунд пять или десять. Глазами попрощались с луной. Может, навсегда. Потому что сейчас улетим. И Голован опять

сказал:

— Готовим корабль! Быстро!

А Веранда тихо отозвалась из травы.

— Не надо. Уже всё…

Что «всё»?! Мир дохнул на меня кладбищем. Зажать уши и провалиться в Ничто!

— Всё уже, — устало повторила Веранда. — Он спит. Кончилась болезнь, лоб холодный.

Я понял, что сейчас зареву. Ну и… если не можешь удержаться, что делать? Быстро ушел за березы. Потом глянул сквозь мокрые ресницы: рядом всхлипывает Минька. А неподалеку стоял Коптилка, что-то шептал Алику и гладил его полосатую шею. Наверно, просил прощенья…

3

Наутро Кирилка был совсем здоров. Он даже требовал, чтобы мы разрешили ему нести рюкзак. Но это уж «дудки вам, молодой человек», как сказала Веранда.

Дорога была все та же — мощеный тракт с травянистыми кюветами и высокими березами по сторонам.

Сквозь березы брызгало горячими огоньками солнце. Каждому — в правую щеку.

Мы шли по обочине. Никто нас не догонял, ни-

кто не встречался. Потом влево от тракта отошел за березы, в луга, проселок. Вдали виднелись крыши, трубы, высокий ветряк и башня ретранслятора.

И Веранда сказала — просто, будто мы из недальнего турпохода идём:

— Ну ладно, ребята, я сворачиваю. Вон там поселок мой, Сопёлкино…

— Как?.. Какое Сопёлкино? — выговорил Голован. А мы, остальные, открыли рты.

— Ну, какое… Мое. Кто-то же должен вернуться первым. Так вышло, что я…

— Постой! А башмаки? — вспомнил Кирилка.

— А чего башмаки? Вот… — она дернула ногой. На ступнях была ржавая труха. У нас, кстати, тоже.

— Но ведь есть еще по две пары в рюкзаках! — Это опять Кирилка. Он, кажется, никак не хотел расставаться с Верандой.

Она скинула рюкзак и вытряхнула из него всё в кювет. Да никакое не «всё» — там опять же была одна ржавчина.

— Алена, возьми сумку. Будешь теперь походный врач…

И Аленка молча взяла сумку.

— Ну, пока, — сказала сразу всем Веранда. Длин-

ная, в обвисшем платье с полинялым цветастым узором. Обвела нас синими глазами. — Не сердитесь на меня, ладно?

Мы стояли как замороженные. Неужели она правда сейчас уйдет?

А она повернулась и пошла по проселку. И остановилась. Шагнула к нам опять.

— Коптилка… Валера… Я хочу перед тобой извиниться.

— За что? — сипло удивился он.

— Там, на планетках, я несколько раз… украдывала… брала без спросу твоего Алика. Это нехорошо, я знаю. Но очень хотелось поиграть. Ты не сердись…

— Я… не… — выдохнул Коптилка.

Веранда неловко махнула над плечом ладошкой и опять пошла от нас.

Коптилка стремительно догнал ее.

— Вот… На! — и сунул ей в руки жирафа.

— Да ты что!

— Бери, я говорю!.. Потому что… Ну, бери, ют и все! Я кому сказал!.. — Он даже топнул ногой, с которой посыпались остатки ржавчины.

— Бери! Бери! — закричали мы наперебой.

И Веранда взяла Алика. Прижала к груди. Улыбалась и смотрела на нас. А мы — на нее. Потом

пространство сдвинулось, проселок и Веранду закрыли кусты. Мощеный тракт превратился в асфальтовое шоссе. Вместо берез — бетонные заборы и кучи мусора.

Мы снова не удивились, только грустно стало. Вот и сделалось нас меньше на одного. Коптилка стоял совсем понурый. Я подумал: «Наверно, ему все-таки очень жаль Алика». Он будто услыхал мою мысль. Глянул из-за плеча, встряхнулся:

— А может, я найду другого Алика! Нашего кота!

Мы сели на валявшуюся у края асфальта бетонную балку. Надо было надевать новые башмаки — для продолжения пути.

Но в наших рюкзаках тоже оказалась чешуйчатая ржавчина. И мы побросали рюкзаки.

А что дальше?

— Мы так не договаривались, чтобы топать босиком. Я отвык, — пробурчал Коптилка. Потом оглянулся. — Ой, да кажется, уже недалеко топать-то… И вдруг закричал: — Алик! Алик!

Через дорогу шел серо-полосатый тощий кот с одним ухом.

Коптилка бросился за котом. Тот не обрадовался встрече, кинулся прочь. Коптилка за ним. А мы за ними обоими! И выскочили на свалку, где

возвышались мусорные кучи.

Там Коптилка наконец поймал одноухого Алика. Упал на него животом, подхватил на руки.

И тогда между куч возникли двое. В сером камуфляже и беретах. С дубинками у пояса.

— Ты чего мучаешь животное, шмакодявка! А ну стой!

Коптилке чего бояться-то? Встал бы да объяснил: никого я не мучаю, поймал сбежавшего из дома кота Алика. Но прежний страх перед такими вот, с дубинками, не выжгла из Коптилки даже долгая астероидная жизнь. И он кинулся прочь!

— Стой, паскуда!

Коптилка перескочил через ржавую проволоку, она горбилась над землей черными изгибами. Один конец ее был примотан к торчащей балке.

Кирилка и я сообразили одинаково. Прыгнули к другому концу! Дернули, натянули проволоку перед мужиками в беретах!

Грохот, вопли, ругань! А Коптилка с котом Аликом на руках убегал все дальше, дальше, скрылся за трансформаторной будкой.

Дай Бог ему удачи…

Мы торопливо отступили на асфальт. Свалка и бетонные заборы исчезли. Шоссе сделалось прямым, как стальная лента. По сторонам стояли

аккуратные, подстриженные клены.

Мы пошли не по асфальту, а по тропинке рядом с кленами. Все равно Дорога… Или уже не Дорога? Ведь мы износили все железные башмаки.

— Локки, надень свою накидку, — велел Голован. — Здесь цивилизация.

Локки сказал, что это «ц-дурацкая циви-вилизация», но послушался.

— Люди, подождите. Надо посоветоваться, — вдруг остановил нас Доня. Он был теперь не в прежней потрепанной одежде, а почему-то в полосатой пижаме. Она была ему мала, смешно торчали худые щиколотки. — Люди, — повторил Доня. — Возникла непредсказуемая ситуация… Хотя, возможно, и предсказуемая, но… Мы как-то неожиданно отрываемся друг от друга. Да, видимо, мы пришли. Пора… Но давайте тогда хотя бы попрощаемся заранее. Неизвестно, кто следующий. И увидимся ли потом…

Все было неизвестно. И грустно. И непонятно. И, конечно, следовало на всякий случай попрощаться.

Но не удалось. С визгом застопорила на обочине серебристая «Лада». Выскочила из машины очень красивая, очень взволнованная женщина.

— Доник! Ты с ума сошел! Посмотри на папу, у

него больное сердце!

У открытой дверцы стоял мужчина. Не старый, но лысый. Суетливо протирал платком очки.

— Папа, ты только не нервничай, — быстро сказал Доня. — Ситуация под контролем.

— Хорош контроль! — Женщина вцепилась в Донино плечо. — Мы думали, ты уже взрослый мальчик, а ты… Сбежать из больницы! Поставить на голову весь персонал!

— Потому что я здоров!

— Врачи лучше знают, кто здоров, а кто нет! Тебе необходим реабилитационный период!.. Дети, где вы его нашли?!

— Можно сказать, случайно, — уклончиво отозвался Голован.

— Спасибо вам большое! Ардональд, в машину!

Не успел бедный Доня опомниться, как оказался в кабине. Дверца — хлоп! Машина — фр-р… И не стало с нами Дони Маккейчика.

Потом шагали мы вдоль асфальта часа два. Ужасно хотелось есть. Минька догнал каких-то туристов, выпросил у них батон. Наврал, что возвращаемся из похода и не рассчитали запас продуктов, съели, мол, вчера последние.

Один батон на шестерых — это слону дроби-

на. Ну, подкрепились слегка и потопали снова. И каждый думал: что случится дальше? Как? С кем?

«Грустно будет шагать одному, когда все остальные уйдут», — думал я. И тосковал заранее. Потому что был уверен: последним останусь я.

Но все получилось не так.

Асфальт превратился в белую кремнистую дорогу, а друзья мои исчезли.

— Беги к автобусу! Скорее!

И я побежал к автобусу, который ярко желтел впереди под горячим солнцем. Я мчался и уже тоскливо знал, что будет сейчас.

И засвистело. И — тьма…

4

Потом все говорили, что мне повезло необъяснимо. Мина взорвалась в нескольких метрах, но все осколки — через голову. Только шарахнуло взрывной волной. Так шарахнуло, что я со всякими контузиями и сотрясениями провалялся два месяца. Сперва в южном госпитале, потом в нашей городской больнице.

В школу пошел только в октябре.

Конечно, на больничных койках мне казалось, что все случившееся — сон и бред. После такого

взрыва чего только не покажется!

Но тогда откуда взялась песня, которая то и дело всплывала в памяти?

Над землей заря алеет,
Время звезды рассыпать.
Мальчик вовсе не болеет,
Мальчик просто хочет спать…

Разве бывает, что песня сочиняется в голове сама собой?

Было или не было?

Не осталось никаких доказательств. Там, на обочине Дороги, мы легкомысленно бросили рюкзаки и забыли вынуть из их карманов кораблики — подарок Рыкко.

Но оказалось, есть вещи, которые не теряются.

Девочка, с которой я давно еще подружился в кружке, принесла мне в больницу книгу «Фрегаты, бриги, шхуны». Об устройстве парусных судов. Я листал ее, разглядывал чертежи и рисунки, вспоминал золотой и черный клипера (были они или приснились?), и на одеяло мне упал из книги кораблик. Плоский, вырезанный из бумаги. Темно-синий с одной стороны, серо-желтый — с другой.

Я не спал целую ночь, а наутро позвонил из больничного вестибюля девочке:

— Слушай, это ты вложила в книгу закладку-кораблик?

— Нет, я даже не видела такую…

— Тогда откуда она?!

— Рындик, да что ты так разволновался? Книга же библиотечная, кто угодно мог положить закладку.

Но я уже знал, к т о…

А потом была поставлена последняя точка. Меня навестил Минька Порох!

Ушли последние сомнения. Ведь Миньку-то до моей поездки в станицу Краснотуманскую я совершенно не знал! И он меня…

Минькина левая рука была в гипсе.

Мы сели в больничном вестибюле на скамью, и я сразу спросил:

— Всё помнишь?

Он похлопал белыми ресницами и тихонько сказал:

— Конечно… Только тебе, наверно, про это нельзя, ты еще больной…

Можно или нельзя — какая разница? Все равно никуда не денешься от того, что было. Да и зачем?

— Минька, только давай никому ни слова про это.

— Ладно. Я и так…

Оказалось, он живет недалеко от нас и учится в соседней школе. Вот странно. Там, на астероидах, мы столько болтали обо всем, но не сообразили, что на Земле были соседями…

Впрочем, хватало и других странностей. Наша школа находилась не в Техническом переулке, а на углу Партизанской и Смоленской. Клуб, где наш судостроительный кружок, назывался почему-то не «Парус», а «Бригантина». И в комнатах у нас были не привычные голубые, а серо-желтые обои. Возможно, после взрыва у меня кое-что перепуталось в голове… Ну и наплевать! Главное, что Минька был рядом!

Оказалось, что в первых числах сентября Миньку на Кас-ловском шоссе сбила легковая машина. Но не насмерть. Две недели он ходил с загипсованной рукой. А студентку, которая выгнала его с урока, после того случая чуть не исключили из института.

Когда меня выписали, мы с Минькой сделались неразлучными. Девочка даже порой сердилась на меня:

— Что ты все время с этим младенцем? Он же

всего в третьем классе!

Я смеялся и говорил, что у нас крепкая боевая дружба, которая закалилась в летних приключениях.

— Какие приключения? Расскажи! Ну, Рындик…

Я смеялся опять и с ходу придумывал всякие происшествия, которые будто бы случались с нами в летние каникулы… Потом Минька записался в наш кружок, и мы стали дружить втроем. Но, разумеется, при девочке вспоминать астероиды мы с Минькой не могли. Вспоминали, когда было нас двое.

У Миньки тоже был кораблик Рыкко. Минька нашел его прямо в своем дневнике.

Случалось, мы даже грустили по астероидным временам, по пространствам. Но дома, конечно, было в тысячу раз лучше.

Мы часто гадали: что стало с нашими друзьями? Особенно с теми, кто покинул Дорогу после нас. Минька-то ушел с нее сразу же следом за мной. Увидел заросли «Венериного башмачка», свернул на пустырь, пересек его, прыгнул на шоссе…

Странно. Это было, когда я уже долго лежал в больнице.

А с Дороги мы ушли почти вместе. Как перепу-

тывается время в пространствах…

Где теперь Аленка, Кирилка? В какие времена и страны занесло снова Локки?

Он, малыш, очень хотел обратно. Когда мы еще на Дороге говорили об этом, Коптилка довольно безжалостно спросил:

— А если тебя там… опять?

— Ну и ц-што… Зато маму увижу.

И вот чудо! Именно про Локки мы узнали все подробно.

5

Это случилось уже зимой, в каникулы.

Мы с Минькой катались на лыжах с бугров, на том самом пустыре между Касловским шоссе и Корнеевским тупиком. Начинали уже синеть сумерки, и рядом с нами никого не осталось.

Мы съехали с бугра в ложбину. Синева сумерек задрожала, раздался стеклянный звон, и перед нами повис… Ну, не знаю, как назвать такой летательный аппарат. Квадратная площадка с пестрым балдахином на золотых фигурных столбиках, с фонариками вдоль навеса, с узорчатыми перилами, с размалеванными скульптурами пернатых чудищ по углам. Пасти этих чудищ извергали искрящийся дым.

Площадка повисела и плюхнулась в ломкие сухие сорняки, торчащие из снега. А мы плюхнулись перед ней — от удивления.

Минька пришел в себя первым. Вскочил и завопил:

— Локки!!

С освещенных фонариками ступеней спускался кто-то маленький в расшитом хитоне до пят, в головном уборе вроде украшенной перьями короны.

Минька подскочил к пришельцу, они обнялись, корона упала. Тогда я тоже узнал Локки.

История Локки была удивительна. Он остался на Дороге последним. Как исчезли Голован, Кирилка и Аленка, он даже не помнил толком, так быстро это случилось. Локки до ночи шел один. Мимо проносились машины с яркими фарами, пахло бензином и нагретой травой. Локки лег в кустах у обочины, поплакал от одиночества и уснул.

А проснулся у края Большого Каменного Пути, который соединял его город с другими городами страны Цтаанатаин-накоа-ката.

Локки встал и пошел домой. На груди его припух контур красного квадрата — след от жертвенного ножа.

Когда Локки вошел в город, слух побежал впереди воскресшего мальчишки. Люди валились ниц перед маленьким Цтинотакачтилокки-цдана, вернувшимся с небес, из царства Великих Пернатых Владык, которые поручили мальчику вновь сойти на земную твердь, чтобы он вывел к свету народ, погрязший в пучине греха. Отец, братья и сестры и даже мама тоже повалились перед ним, но Локки поднял маму и прижался к ней.

Локки, хотя и малыш, сообразил, что к чему. Он не стал отрицать своего тесного знакомства с Пернатыми Владыками. Народ потребовал, чтобы Цтинотакачтилокки-цдана был объявлен Верховным Правителем страны. Жрецам куда деваться? Они через полгорода, от Главной Пирамиды до жилища мальчика и его семьи, ползли на коленях и долго умоляли его принять высочайшую должность.

Локки поломался и принял.

Прежде всего он строжайше и на все будущие века запретил человеческие жертвы. Именем Пернатых Владык. Главного жреца, который усомнился в полномочиях Верховного Правителя, Локки отправил в ссылку на дикий, заросший тростником островок посреди озера Татикатапупа. Там жреца скушали крокодилы. («Но я не

виноват, ц-честное слово! Он сам зазевался!»)

Печальная судьба жреца была истолкована как проявление небесной воли, и авторитет юного Правителя укрепился.

Локки объявил, что отныне всякую войну (если уж без нее нельзя обойтись) его страна будет начинать только после честного объявления. И предложил правителям соседних государств поступать так же. Те почесали в затылках и обещали подумать…

— А вообще-то ц-паршивое дело быть Верховным Правителем, — признался Локки. — Просто наказание… Советников тьма, а проку от них, как шерсти от черепахи. Как увидят — падают на брюхо и лижут пол. А за спиной делают гадости. И жулье такое… Папаша и старший брат связались с ними, плетут заговоры…

И Локки признался, что скорее всего он плюнет на свое Верховное Правление, заберет маму, сестренок и братишек и сбежит вниз по реке Паратакана. Там в джунглях живут не очень развитые, но славные и мирные племена. Никого не режут, ни на кого не нападают, выращивают себе всякие фрукты-бана-ны и сочиняют песни-легенды. А по ночам веселятся у костров.

— И у них там, говорят, много некусачих собак.

Я очень скучаю по той косматой и серой. Так бы и обнял опять…

Я тоже скучал по собаке, по рыжей дворняге…

Минька спросил:

— А откуда у тебя эта летающая штука?

— Отыскал в подвалах у жрецов. Давным-давно прилетали какие-то дядьки с далекой планеты, оставили. Ну, я и отобрал ее у служителей Главной Пирамиды. Именем Пернатых Владык…

На «летающей штуке» можно было перемещаться с громадной скоростью не только в пространствах, но и через Время. Когда Локки понял это, он первым делом кинулся искать друзей. Перед визитом к нам Локки уже побывал у Кирилки. С Кирилкой все было в порядке. История с заложниками кончилась без крови, пули в Кирилку не попали. Он жил с мамой и папой и воспитывал маленькую сестренку. Одно тревожно — он то и дело спорил с учителями и завучем, боролся за справедливость в школе. Дело совершенно безнадежное — это понимал даже пришелец из далекой страны маленький Цти-нотакачти-локки-цдана. Не пришлось бы Кирпичику тоже удирать в какие-нибудь джунгли — туда, где нет завучей и крикливых учительниц…

Потом Локки сказал, что ему пора.

— Как-нибудь опять прилечу. Только не очень скоро. Эта телега жрет столько энергии! Сейчас я домой, на заправку…

Он быстренько обнял нас, вскочил на платформу, и она взмыла в синеву. Растворилась.

Вот чертенок…

Мы с Минькой потом несколько дней ругали себя и друг друга, что не успели спросить Кирилкин адрес. А как Локки-то его отыскал? Наверно, с помощью магии древних жрецов…

6

В конце февраля мы увидели передачу о зимнем детском фестивале. Там выступал танцевальный ансамбль «Пострелята». В основном мальчишки. Но главным солистом у них была конопатая девчонка. Ух и плясала, ух и кружилась!

Конечно, мы с Минькой сразу узнали Аленку. Да и диктор сказал: «Солистка Алена Травина». Только из какого города ансамбль, мы не расслышали.

Сразу же мы с Минькой написали в Центральное телевидение: просим сообщить, откуда ансамбль «Пострелята» с Аленой Травиной. Но ответа не было. Видимо, на ЦТ приходит очень много писем, там не успевают всем отвечать. Мы

ждали, ждали. А еще надеялись: вдруг повторят передачу.

Передачу не повторили, зато наступило лето.

В конце июня ко мне пришел полосатый жираф Алик. Ночью.

Ночь была светлая, в открытое окошко бросала отблески желтая заря. Если сидеть на подоконнике, можно даже читать без электричества. Ну, я и почитал немного «Одиссею капитана Блада». Потом лег.

И раздался тихий стук.

В полусумерках я разглядел Алика. Это он стучал деревянными копытцами. Вышел из-за книжного шкафа и пошел к моей постели.

Вы же знаете — во сне человека не удивляют никакие странности. И я не удивился, только почему-то слегка опечалился. Алик подошел и положил голову мне на грудь.

— Здравствуй, — прошептал я. — А где Веранда? То есть Вероника…

Алик молчал. Он ведь не умел говорить своим нарисованным ртом. В глазах-пуговках отражалась заря, и похоже было, что это блестят слезинки.

— Ты что, Алик? Что-нибудь случилось?

Полоски на его шее казались черными. Он по-

кошачьи потерся головкой о мою грудь. И снова — стук-стук-стук — ушел за шкаф.

Я полежал с полминуты. Сердце стукало, как копытца Алика. Я вскочил, заглянул за шкаф. Пошарил. Никого там, конечно, не было.

Целый день потом я вспоминал этот сон. Сон ли? И почему так тревожно и грустно?

В девять вечера в «Новостях» передали, что какие-то экстремисты совершили еще один террористический акт. В дальнем городе Иерусалиме. На главном рынке. Взорвали там бомбу. Много раненых, в том числе и несколько русских туристов, которые так некстати оказались на этом базаре. А одна русская девочка погибла. Вероника Донцова, четырнадцати лет…

«Да нет же! — закричал я себе. — Это просто совпадение!»

Конечно, имя Вероника не самое распространенное, и фамилия Донцова — не Петрова или Сидорова. Но все же Вероник Донцовых немало на свете.

Да и как могла Веранда оказаться в Иерусалиме? Вроде бы семейство ее в поселке Сопёлкино, со скандальным отчимом, не из тех, кто путешествует по заграницам.

Но тут показали фотографию…

— … Ты куда?! — закричала мама. — Скоро ночь на дворе!

— Я ненадолго!

Я не надолго. Может быть, это и правда будет недолго по земным понятиям. А может быть…

Я выскочил на улицу. Никакой ночи, конечно, еще не было. Солнце зайдет лишь через час. А пока оно блестело в мокрых после недавнего дождика тополях. Листья тополей пахли так здорово! П о-з е м н о м у.

Господи, что не живется на этой планете людям? Отчего этот мир такой вздыбленный, то и дело давится злостью?

Минька бежал мне навстречу. В старом, истрепанном своем желто-зеленом костюме, похожем на бразильскую футбольную форму. Минька заметно вырос, костюмчик его стал куцым.

— Слышал? — выдохнул он.

— Да.

— Ты думаешь, она теперь там?

А что я еще мог думать?

— Наверно… А где еще? Дорога-то туда знакомая…

— Тогда что? Прямо сейчас? — тихо спросил Минька.

— А чего тянуть? Клипер с тобой?

Минька вытащил из кармана плоский бумажный кораблик. У меня в кармане джинсов был такой же.

Меня вдруг взяла такая злость на Веранду! На эту швабру с вечно сырыми глазами!

Какая холера понесла ее в Иерусалим?! Вечно из-за этой дуры неприятности! Бросай теперь всё и тащись в дальние дали! И еще неизвестно, вернешься ли…

Ну да, она спасла Кирилку. Но все равно…

А что «все равно»? Не хочется лететь? Боишься?

«Еще бы…» — сказал я себе. И спросил Миньку:

— Боишься?

— Ага, — тихо признался он. — А ты?

— Я… Минька, а как ты думаешь, другие слышали это?

— Не знаю… Лишь бы Кирилка не услышал. Кинется как сумасшедший. А ему… лучше не надо. Опять схватит какую-нибудь хворь…

«Ох, а сам-то ты…» — Я мельком прошелся по нему глазами.

Мы зашагали на пустырь, к тем буграм, где зимой катались на лыжах. Уже зацветал «Венерин башмачок», на цветах висели мелкие капли. Мы оба промокли в густой высокой траве. Минькины

трикотажные шорты и рубашка облепили его, и теперь он казался совсем щуплым. И я наконец сказал то, что должен был сказать:

— Минь… тебе, наверно, незачем лететь. Я и один управлюсь. Как-нибудь вытащу эту ненормальную… А чего рисковать двоим…

И тогда впервые в жизни Минька Порох взорвался, как порох!

— Вот как дам сейчас по шее!

Это он-то даст мне по шее! Хотя и подрос, но все равно он мне лишь до уха и руки как у Буратино. Я засмеялся. И сделалось легче.

Мы выбрались на то место, где зимой приземлялся Локки. Неподалеку торчал обломок стены с остатками штукатурки и полустертыми карандашными буквами: «Вовка ду…»

Уж не обо мне ли это? Может, я и правда «ду…»? Ну а что делать?

Не лететь? Может, ничего не было?

Минька нагнулся, отлепил от мокрого колена лепестки «Венериного башмачка». Глянул на меня не разгибаясь, улыбнулся.

— Жалко, что еще не созрели семена. Взяли бы с собой.

— Там и без того, наверно, целые рощи…

— Ой… — ласково сказал Минька.

Из сырых стеблей к нам вышел полосатый жираф Алик. Ткнулся губами в Минькины ладони.

Я опять не удивился, хотя ясно уже — не сон.

Минька взял Алика на руки. Глянул на меня опять:

— Ну?

— Будем склеивать кораблики? Или используем один?

— Лучше один, — рассудил Минька (и Алик закивал головой на тонкой шее). — Другой оставим про запас. Мало ли что…

Я взял свой кораблик, приложил его к сырой штукатурке (где «Вовка ду…»). Бумага сразу приклеилась. Я оглянулся.

— Как там Рыкко говорил? Надо на него дыхнуть, чтобы стал настоящим?

— Ага… Дыхнем вместе. — И Минька с полосатым жирафом Аликом встал рядом.

А я наконец понял, ч е г о я боюсь. Не дальнего полета, не всякой там неизвестности, не долгого обратного пути по Дороге. Я боялся, что ничего сейчас не получится с кораблем Рыкко Аккабалдо.

Тогда что?

«Ладно, не юли», — сказал я себе.

Потому что я знал и другой путь. И знал, что

Миньке он тоже известен.

Не так уж это и трудно, пока по всей Земле рвутся снаряды и мины…

1998 г.

ЛУЖАЙКИ,
ГДЕ ПЛЯШУТ СКВОРЕЧНИКИ

Часть I
БАЛАЛАЙКОЙ ПО ТАНКУ
I. ЗДРАВСТВУЙ, МЕСЯЦ И ЛУНА

1

При ярком солнце, среди городского веселья, на Артема упал страх. Нет, не упал даже, а стремительно вылился — как холодная смола из бочки. Вязкий, тяжелый, липкий. Артем вмиг обессилел, задохнулся, оглох. Люди со смехом обходили его, остолбеневшего.

Наконец мысли запрыгали. Артем дернулся: «Очнись, дурак! Этого не может быть!» Но мысленный крик получился беспомощный, жалобный. Страх был сильнее здравомыслия.

«Опомнись, идиот!»

Сердце ожило, стало отмерять тяжелые секунды. Артем шепотом выругался — длинно и пакостно.

«Слякоть, неврастеник! Ты прекрасно знаешь, что привидений не бывает!»

Хотя нет, привидения, возможно, бывают. Но ходячих покойников не бывает никогда. Это уж точно!

«Отдышись, трус, и пойми: он просто похож».

Да, похож: эти широченные перекошенные плечи, шея толще затылка, искрящийся короткий ежик. Маленькие прижатые уши… Ну и что? Мало ли на свете людей, схожих фигурой, походкой, повадками?

«Ты еще не раз будешь вздрагивать, увидев таких издали и вблизи, — сказал себе Артем. — Это, может быть, на всю жизнь…»

«Ну а если бы… если бы это даже оказался о н? Тогда что? Ты же с самого начала готов был ко всему! С той секунды, когда остановил дыхание и сдвинул предохранитель! Чего же те-перь-то чуть в штаны не напустил?»

Наверно, это от неожиданности… И от обиды, что именно сейчас, когда стала вроде бы налаживаться жизнь. Когда встретилась Нитка…

Впрочем, страх уже таял, оставляя что-то вроде запоздалого озноба. Это как в теплых сенях, куда вошел с крепкого мороза.

Наверно, надо было бы для полного успокоения догнать, заглянуть в лицо и окончательна убедиться, что лицо это — другое. Но… во-первых, противно как-то, унизительно даже. А во-вторых, теперь-то, по здравом размышлении, стало окончательно ясно, что быть такого не может.

«Паникер», — опять обругал он себя. Уже с облегчением. Было стыдно и перед собой, и перед шумным разноцветным людом, что веселился вокруг. Словно кто-то мог что-то знать про Артема!

Нет, все нормально. Все хорошо! И солнце, и теплое раннее лето, и праздничный гомон.

Артем подолом клетчатой рубахи вытер запотевшие от страха очки. Посадил их на нос. Огляделся и зашагал в конец бульвара. Туда, где низко над желтыми и синими павильонами качался от ветерка большущий воздушный шар с фирменной надписью «Нординвест». Что это за фирма, Артем не знал, но шар выглядел красиво — алый на фоне безоблачной синевы.

На открытой эстраде стучал подошвами о доски детский ансамбль «Смородинка». За деревьями, перебивая танец, толчками выбрасывал аккорды старинного марша военный оркестр. Через газоны и клумбы прыгала хохочущая ребятня — в разноцветных летних одежонках, в бумажных мушкетерских плащах, клоунских колпаках и звериных масках: на площади только что кончился детский карнавал. Пацанята и девчонки гонялись друг за другом, размахивали пестрыми вертушками и пластмассовыми шпагами, взрывали кедами и кроссовками желтый песок.

Порой с разбега налетали на взрослых. Взрослые не ругались — праздник.

Праздник был второй или третий за последние две недели. Какая-то очередная местная дата. Власти города и Северо-восточной провинции здраво рассудили, что во избежание новых забастовок, голодовок (а то и баррикад) надо чаще веселить народ. Обходилось это дешевле, чем выплата долгов рабочим Макарьевского вагоноремонтного комплекса, учителям и бригадам «Скорой помощи». Кое-какие газеты уже обозвали такую политику «Танцем пустого живота». Однако нынче пикетов у ратуши поубавилось, народ переместился на бульвары. Этому помогало и наступившее лето — ясное и в меру жаркое.

Особенно радовались лету ребятишки. Но и взрослое, озабоченное жизнью население пооттаяло и сделалось улыбчивей. Не прочь было поучаствовать в конкурсах и аттракционах.

Один такой аттракцион назывался «Вспомни детство!».

Сбоку от аллеи, на лужайке, стоял размалеванный ребячьими рожицами фанерный барьер, а за ним — шагах в десяти — возвышалась стойка с оранжевыми глиняными горшками. Задача игроков была проста до глупости — попасть в

такой горшок из рогатки.

Стрелять позволялось только взрослым. Да пацаны и не смогли бы растянуть резину. Она была шириной в два пальца, а толщиной чуть не в сантиметр. А рукоять с развилкой — будто большущая буква Y с рекламного щита «OLD-YORK-LTD», который торчал позади стойки с горшками. В общем, оружие для крепких дядек: «оттягивайтесь», мужики, во всю силу, вспоминайте беззаботные и озорные годы. И мужики «оттягивались». Причем не только всякая братва крутого вида, но и вполне респектабельные граждане. И даже трое офицеров-летчиков в парадных мундирах.

Посмеивались, целились, стреляли крашеными деревянными шариками. Иногда попадали. И получали приз по выбору — пачку сигарет «Антилы» или жевательную резинку «Мак-Магон». Но это были частичные успехи и мелкие награды. Хочешь заработать приз покрупнее — не просто попади, а разбей горшок! Но глиняные посудины были прочны, шарики рикошетили и улетали за края лужайки. Там их ловили и отнимали друг у друга быстрые мальчишки. Белобрысый толстый распорядитель уговаривал мальчишек вернуть снаряды. Но пацаны с хохотом убегали.

— Ай, какие дети! — несердито возмущался распорядитель и хлопал себя по пестрым штанам. — Совсем несознательные дети! Зачем шарики? Они же не конфеты!

— Таким мячиком твою корчагу ни фига не расшибешь! — завозмущался поддатый чернявый мужичок. — У нее толш-шина, как танковая б-броня…

— Ай, почему так говоришь! Зачем «не расшибешь»! Стреляй правильно! Попади точно в середину — расшибешь обязательно! Кто следующий?! Все удовольствие — полтинник по нынешнему масштабу цен!

В середину попасть не мог никто. Артем постоял, пригляделся и понял: правая резина более тугая, чем левая. И когда стрелок добросовестно целился в центр, шарик слегка уходил в сторону.

— Дай-ка мне…

Артем покачал в ладони толстую рукоять, поправил очки, глянул сквозь развилку на горшок. Потянул на себя круглый кусок кожи со стиснутым в нем синим шариком. Ого, вот это резина! Не для слабого… Он прицелился чуть правее горшка.

Трах! Осколки разлетелись, будто рыжие бабочки.

— Ай, молодец! Кто говорил «не расшибешь»? Ты говорил «не расшибешь»? — Распорядитель укоризненно двинул животом в сторону чернявого мужичка. Потом вытащил из-под прилавка литровую темную бутылку, протянул Артему: — Получай на здоровье! Выпьешь, приходи еще, пожалуйста!

Это было пиво «Старый адмирал». В бутылке с черно-золотой наклейкой и выпуклыми оттисками парусных кораблей на стекле. Стекло было холодным, но Артем для порядка спросил у хозяина горшков и рогатки:

— А оно у тебя свежее?

— Ай, зачем ты думаешь «несвежее»?! — завопил хозяин. Белобрысый и курносый, он почему-то старательно копировал южный акцент (и этим был неприятен Артему). — Совершенно свежее! Пей прямо здесь! Если скажешь «плохое», дам другую бутылку! Или сумму товара, пожалуйста!

— Ладно, ладно… — И Артем пошел прочь.

О железную скобу на садовой скамейке он сковырнул пробку. Прижал пену ладонью, подождал, глотнул. «Старый адмирал» и правда был хорош. Артем, прихлебывая на ходу, снова зашагал к алому шару с рекламой Нординвеста. Недавний страх еще не пропал совсем. Осел в душе свин-

цовой пылью: Да нет, не страх, а память о нем. Досадливая и стыдная.

«Ладно, замнем, — сказал себе Артем. — Перестань думать про это». И перестал думать про это. И начал опять смотреть на праздник.

Скоро он вышел на край площади, заставленной киосками и пестрыми зонтиками летних кафе. Алый шар оказался над головой. Теперь он выглядел совсем громадным. Надписи уже не было видно, зато виднелось широкое горло, а под ним гудящая газовая горелка. От шара тянулись тросы. К ним привязана была обширная корзина — днищем она касалась асфальта. Над плетеным краем виднелись три рожицы перепуганных и счастливых мальчишек. Сейчас парень в опереточной синей униформе начнет крутить лебедку, шар на веревке пойдет вверх, и юные аэронавты смогут с полутора сотен метров обозреть родимый город. С высоты он небось кажется еще более праздничным и беззаботным.

«А ну как перегнутся через край да загремят вниз? Да нет, они там наверняка пристегнуты… А если лопнет веревка?.. Тьфу, какая же ты зануда, Тём! Всю жизнь у тебя на уме одни страхи…»

Не оглядываясь больше на шар (а хотелось!), Артем пересек шумную площадь, вышел на темную

от старых лип Ковровую улицу. Прихлебывал изредка. Пиво по-прежнему было холодным, и оставалось его в бутылке еще много. И почти не убавилось, когда Артем прошел Ковровую навылет.

А собственно говоря, куда он идет? Ну да, к Кирпичному поселку (где, кстати, почти нет кирпичных домов), на заросшую лебедой Конно-заводскую улицу, где невпопад орут петухи и у щелястых заборов пасутся меланхоличные козы. Это понятно — если не знаешь, куда идти, ноги сами поворачивают к дому.

А дома-то что? Сидеть в голой, с запахом извести комнатушке и слушать, как старая тетка на кухне гремит кастрюлями? Ей, тетке, всегда хочется, чтобы Артем вышел на кухню и завел беседу. Но ему не хочется…

Впрочем, жаловаться на тетку грех, она к нему добрая (хотя даже не родная, а отдаленная: мамина двоюродная сестра). Сразу приняла Артема как своего, когда он появился у нее и робко спросил, «нельзя ли приткнуться тут на пару недель».

— Живи хоть сто лет! Угловая комната в аккурат будет для тебя! Я же одна в этой хибаре!..

— Ну что вы, тетя Анюта, какие сто лет. Самое большее — до осени. В институте к сентябрю

обещали общежитие…

2

В институте его восстановили без всякой волокиты. В один момент. Он-то думал, что скажут: сдавай-ка, голубчик, все заново или поступай опять на первый курс. Но пожилая декан-ша, подслеповато щурясь, закивала и завздыхала понимающе:

— Ну, как же, как же. Помню вас, Темрюк. Зачетка сохранилась? Вот и хорошо. Подайте заявление, и начнете заниматься с третьего семестра.

Заявление Артем написал тут же. Деканша прочитала, покивала одобрительно:

— Все правильно. Только вы слегка ошиблись в наименовании института. Мы уже в разряде государственных вузов. И теперь, кстати, вас из нашего учебного заведения не призовут, не имеют права…

— Меня, Алла Юрьевна, и так больше не призовут. Никогда…

Кирпичный поселок лежал на северной окраине города. Широким клином он врезался в обширные пустыри. Это были территории забро-

шенных заводов. Когда-то заводы работали во всю мощь и выпускали такую секретную продукцию, что говорить о ней было принято шепотом и с оглядкой. Потом наступили иные времена и оказалось, что продукция эта всем «по фигу». Гулкие бетонные цеха начали пустеть и оседать. Рельсовые пути заросли буйным репейником и нежным розовым кипреем. Линии трансформаторных подстанций полопались и обвисли. И через десять лет казалось, что запустение, безлюдье и дикая зелень царствуют здесь уже целый век. Над громадами, которые когда-то чадили и гудели, струился и дрожал теперь тихий бездымный воздух…

Местами заводские пустыри были по-прежнему обнесены кирпичной стеной или бетонным забором. Кое-где сохранились даже проходные будки. Но давно там не было вахтеров и сторожей. И, наверно, всё уже, что по силам, растащили с бывших заводов охотники за цветными металлами и прочим даровым добром…

Теткин домик — бревенчатый, кривой, в три окошка — стоял в начале улицы. Артем прошел мимо. Прихлебывая из бутылки, двинулся в дальний конец Коннозаводской. До встречи с Ниткой оставалось не меньше четырех часов, надо было

как-то израсходовать время.

Мысли о Нитке опять стали главными и грели все сильнее. И окраинная тишина после праздничного гвалта бульваров и площади была теперь особенно по душе. Гудел шмель, перекликались на огородах петухи, но это не мешало тишине.

Артем шагал вдоль палисадников, и сперва никто не попадался навстречу. Ни машины, ни люди. Потом по заросшей обочине прокатили на одном велосипеде две девчонки в шортах и ярких безрукавках — веселые, с длинными летучими волосами (как у Нитки, только светлыми). Та, что за рулем, громко сказала незнакомому Артему «здрасте», потом обе захохотали. Наверно, был он для них смешон — сутулый, длинноносый, волосы торчком, на носу «очки-велосипед». Да еще пиво дует на ходу, как заправский «бизнес-бой»... Ладно, для Нитки он хорош и такой.

Артем не рассердился на девчонок. Оглянулся. Помахал им бутылкой.

Улица уперлась в изгородь из перекошенных бетонных плит. Плиты стояли в могучих лопухах. Вдоль лопухов тянулась тропинка. Артем пошел по ней, посматривая, где бы присесть. В стеблях с белым мелкоцветьем лежала каменная балка. Артем сел, вытянул ноги, поднял бутылку. Глянул

на солнце сквозь темное стекло с выпуклыми корабликами. Вот это да! Жидкости еще почти половина! Воистину волшебный сосуд.

Артем опять приложился к горлышку, а когда опустил бутылку, увидел в двух шагах мальчика.

Это был довольно потрепанный пацаненок. Не беспризорник, но и не из тех нарядных деток, что резвились на бульварах. Окраинный житель примерно десяти лет от роду. В пыльных вельветовых штанах с проплешинами на коленях, в стоптанных полуботинках на босу ногу, в куцей замызганной майке с неразборчивым узором из рекламных этикеток. Наверно, когда-то мальчишку постригли ежиком, а теперь светлые волосы отросли и торчали беспорядочной щеткой. Темные глаза были вопросительные и робкие. Но смотрели на Артема неотрывно.

— Тебе что? Бутылку? — понимающе сказал Артем. И подумал: «Такую ведь нигде не примут. Или он не для продажи, а как игрушку? Потому что с корабликами?» — Подожди, сейчас допью…

— Да мне бутылку не надо… Мне вас…

— А что такое? — Странно: он почему-то встревожился.

— Мне… *можно я спрошу?*

— Валяй, — ободрил пацана (и себя) Артем.

— Вы, если отсюда пойдете, то в какую сторону?

— Знаешь, мне абсолютно все равно, — честно сказал Артем.

— А тогда… можно вон туда? — Он махнул вдоль тропинки тонкой (не очень чистой) рукой. — Можно? А я с вами…

— Ну… давай. А в чем дело?

— Да там… какие-то хиппари. Поймать могут…

«Хиппари» — это ведь, кажется, хиппи. Они вроде бы миролюбивый народ, — мелькнуло у Артема. — Хотя кто их знает, нынешних…»

— А чего они тебя невзлюбили?

— Да они со всех пацанов деньги трясут…

— А ты что, при больших деньгах? — усмехнулся Артем.

— Да я ни при каких… — Мальчик чуть улыбнулся, ощутил, видимо, симпатию Артема. — А это еще хуже. Не найдут ничего в карманах, запсихуют, испинают всего… Они всегда звереют, если у них ломка, а дозу добыть не могут…

«До чего же все-таки сволочной этот мир…»

— Ладно, пошли… — Артем крупными глотками допил наконец «Старого адмирала», аккуратно поставил бутылку на камень. Поднялся.

Тропинка была узкая, мальчик пошел впереди.

Артем смотрел на его щетинистый затылок, на тонкую, успевшую загореть шею с потеками от неряшливого умывания. «А ведь он похож на тех двоих. Вернее, на одного из них, на младшего. Не лицом, конечно, а щуплостью своей и беззащитностью». И локти у пацана были такие же — острые и немытые…

Изгородь и тропинка сделали плавный поворот. В чертополохе валялся остов какой-то допотопной легковушки. Рядом с ним кучковалась компания парней лет пятнадцати. Двое бритоголовых, двое заросших по плечи, а один с шевелюрой, покрашенной надвое: в желтый и зеленый цвета. В обвисших «адидасовских» фуфайках, в разноцветных штанах, похожих на широченные футбольные трусы.

Они медленно глянули на тех, кто подходил.

— Можно я возьму вас за руку? — торопливо шепнул мальчик.

— Лучше вот так… — Артем взял его за щуплое плечо, придвинул к себе. Тот сразу притиснулся — благодарно и доверчиво. Идти по тропинке рядом было неудобно, тесно, лебеда и сурепка стегали по штанинам, но Артем и мальчик именно так, вплотную друг к другу, прошагали мимо «хиппарей». Те проводили их тусклыми взгляда-

ми. Мол, накакать нам на весь белый свет, а на вас двоих — в первую очередь…

Когда прошли шагов сорок, мальчик отодвинулся. А еще через полминуты шепотом сказал:

— Ну вот, всё… Спасибо.

— Постой, а куда ты теперь? — Артем спиной чуял, что «хиппари» маячат еще неподалеку.

— А вон туда… — В плите бетонного забора, за репейником и бурьяном виднелся пролом.

— Не боишься, что они тебя там догонят?

— Там-то? — слегка удивился мальчик. — Они туда и не полезут даже…

— Думаешь, не полезут? Давай я все же провожу еще…

— Да не надо. Вам туда… вы туда тоже не пролезете.

— Почему? Дыра вполне обширная.

— Да не в том дело, что обширная… ну, вообще… у вас не получится, — мальчик говорил это неловко и даже с сожалением.

— А может, попробуем? — поддразнил его Артем.

— Не надо… — это было уже почти с испугом.

«Может, игра такая. Или какие-то тайны у них там, у ребят…»

В это время из пролома выбрался сквозь сорня-

ки косматый пес. Ростом с овчарку, но беспородный, с полувисячими ушами. С мусором в серой шерсти. Расставил крепкие лапы, беззлобно глянул янтарными глазами.

— Бом! — стремительно обрадовался мальчик. Сел на корточки, взял пса за уши, ткнулся своим носом в собачий нос. Бом замахал серповидным лохматым хвостом.

Потом пес освободил голову, обнюхал колени Артема. Глянул на него снизу вверх, снова помахал хвостом.

Мальчик осторожно обрадовался:

— Ой, да он будто знает вас…

— Просто меня любит всякая собака… Ну, теперь ты не один. В случае чего этот зверь тебя в обиду не даст. Правда, Бом?

Пес опять махнул хвостом.

— Счастливо, — сказал Артем мальчику и собаке. Захотелось ему на прощанье снова тронуть мальчишку за плечо, но не решился. И пошел все той же тропинкой. А когда оглянулся, мальчишки и пса уже не было.

3

Случайная эта встреча почему-то порадовала Артема. И первые две минуты он шел вдоль бе-

тонных плит с улыбчивым настроением. Но вдруг без всякой причины — опять! Будто мутный осадок всколыхнули над донышком стакана. Страх — не страх, но… И Артем ощутил желание уйти с открытого места. Куда-нибудь в тень… Может, в тот пролом, следом за мальчиком и собакой?

Словно там, за забором, было совершенно безопасно.

Господи, а здесь-то какая опасность, откуда? Не было вокруг никого, даже «хиппари» исчезли.

«Не долечился ты, приятель, вот что. Сам это понимаешь. А раз понимаешь, держи нервы в кулаке…»

«Ладно, буду держать… Да и чего я боюсь-то? Давай поразмыслим трезво. Ну, допустим, случилось невозможное. Допустим, это в самом деле был о н. Живой. Как-то оказавшийся здесь, в трех тысячах верст от того места. Ну и что? Какой вред он сумеет причинить? Что сможет доказать?.. И почему *я* должен бояться его, а не *он* меня?»

Это рассуждение наконец все расставило на места. Артем с облегчением шевельнул плечами и рассмеялся. Горечь и опасение пропали. Но… не пропало желание пролезть в тот пролом. Только теперь толкала туда не тревога, а… ну, непонятно что. Вроде ребячьего жгучего любопытства.

«Неловко получится. Мальчишка решит, что я за ним шпионю».

«Но его уже и нет там, наверно! Что он будет пастись у забора…»

«К тому же у меня есть причина. Чтобы не добираться до Фонтанной площади через центр, я могу перейти пустыри напрямик — вот так, на восток — и там выйти к Арбузному рынку. Оттуда на автобусе до фонтана совсем недалеко…»

А кроме этой причины Артем ощутил внутри себя еще одну, очень вескую: дало знать себя выпитое пиво. Конечно, можно приткнуться к забору и здесь — кругом никого. Но все же как-то неловко. А там, за оградой, наверняка есть совсем глухие уголки. И надо поспешить, елки-палки…

Артем прошел по тропинке назад, поравнялся с проломом. Пролез в него через чащу бурьяна. За плитами тоже была бурьянная чаща, а рядом — целая роща великанского репейника с цветущими, мягкими еще головками.

Артем проник в узкое пространство между репейниками и забором. Здесь валялся непонятный механизм с кривыми трубами и ржавыми шестернями. Уединение и тишь… «Уф…»

В середине процедуры (в ней было великое удовольствие и облегчение) репейники закачались.

Артем скосил глаза. Из листьев высунулся Бом. Хорошо хоть, один, без мальчишки. Бом смотрел внимательно, Артем засмущался.

— Понимаю, не одобряешь…

Бом философски мотнул головой: чего, мол, там, дело обыкновенное.

— Пойдем, дружище.

Они выбрались на солнце. В мелких ромашках и клевере Артем различил тропинку. Вела она вроде бы туда, куда надо, на восток. Потому что стоявшее на юге дневное солнце светило справа. «Вот так и свети», — сказал ему Артем. И глянул в другую сторону. Там, над синеватой громадой заброшенного цеха, висела почти круглая, слабо различимая в синеве луна. «Привет», — сказал ей Артем.

В детстве Артема удивляло и радовало, если днем замечал он луну. Это казалось волшебством: ведь луне полагается светить ночью!

— Мне надо вон в ту сторону, чтобы сократить путь, — сказал Артем Бому. Тот, видимо, одобрил это намерение. Затрусил впереди.

Тропинка вела Артема то по невысоким луговым цветам, то по зарослям иван-чая (он же кипрей), то по лужайкам, желтым от большущих одуванчиков. Кругом подымались заросшие

бугры — под ними угадывались груды бетонных конструкций и остатки непонятных великанских машин. За буграми в струящемся воздухе туманно виделись корпуса цехов-исполинов. Темнели решетчатые эстакады и башни.

Кажется, вместе с пивом из Артема вылились остатки тревог и беспокойных мыслей. На него сошло полное умиротворение. Да и не могло быть иначе среди громадной солнечной тишины, безлюдья и зелени.

Кустились по сторонам рощицы кленов. Высоко подымались стоявшие поодиночке вековые тополя (как они тут сохранились во времена индустриальной мощи?).

Иногда встречались строения: вышки водокачек, приземистые здания старинных мастерских с выбитыми окнами, кирпичные домишки диспетчерских служб, трансформаторные будки. Порой тропинка ныряла под толстенные, причудливо изогнутые трубопроводы на подпорках. По трубам ходили деловитые вороны, отрывали клювами куски от сгнившей теплоизоляции. Здесь же мельтешили воробьи-пацанята: видимо, дразнили сердитых теток-ворон.

Один раз попался на пути совсем не «производственный», а обычный домик: кособокий, с

обломанными наличниками, но с целыми стеклами в рамах. За стеклами виднелись занавески, на палисаднике висел сплетенный из тряпиц выстиранный половик. На изгороди сидел рыжий петух, который глянул на Бома равнодушно, а на Артема подозрительно.

«Неужели здесь кто-то живет?»

Бом иногда шел в двух шагах перед Артемом, а случалось, убегал вперед и пропадал на несколько минут. Ну и правильно, он ведь в проводники не нанимался…

Миновав «сельский» домик, Артем вышел на обширную лужайку среди иван-чая. Густо летали белые бабочки. Их порой трудно было отличить от ромашек. Потом в траве что-то зашуршало, словно Артема испугался мелкий зверь, бросился наутек. Да нет, не зверь, а странный предмет. Будто убегал сквозь ромашки фанерный ящик. Вроде тех, что делают для посылок.

— Бом, что это?

Но пес очередной раз усвистал куда-то.

Может, здешние ребятишки играют? Таскают на шнуре ящик. Воображают, что это трамвай или луноход… Или просто почудилось. В этой солнечной и зеленой завороженности и впрямь возможны всякие наваждения.

Вот еще одно…

Артем услыхал дробный жестяной стук и слева от тропинки, на глиняной проплешине, увидел существо. Длинноухое. Оно передними лапами барабанило по ржавому ведру.

Больше всего этот зверь был похож на крупного зайца — и ушами, и мордой, и повадкой. Только вот шерсть… Она была как у лисы (правда, не яркая, а грязноватая, в травяном мусоре).

Заяц перестал барабанить и глянул на Артема слегка самодовольно: вот, мол, как я умею.

— Врешь ты, — сказал Артем. — Рыжих зайцев не бывает.

Рыжий заяц чихнул. Повернулся к Артему коротким хвостом. Задними ногами отбросил ведро, потом сильно заскреб ими, послал в Артема заряд глиняных крошек. Так рассердившиеся собачонки показывают недругу свое презрение.

— Хулиган, — сказал Артем, отряхивая джинсы.

Рыжий хулиган по длинной дуге сиганул в иван-чай. Артем задумчиво посмотрел ему вслед. И пошел дальше.

В десяти шагах от кирпичной хибарки он встретил старика.

4

Старик вышел из-за угла, встал у края тропинки. Следом вышел Бом, сел у его ног. Подмел хвостом подорожники.

Старик был высокий, безбородый, в белой панамке. Он смотрел на Артема сквозь старинное (прямо чеховское) пенсне. Оно чудом держалось на крошечном вздернутом носу. Глазки за стеклами были круглые, светло-голубые. Доброжелательные.

«Надо бы поздороваться», — дошло до Артема. Но старик опередил:

— Добрый день, хороший человек…

— Добрый день… — Артем чуть принужденно улыбнулся. — А откуда видно, что я хороший?

Старик помял пальцами дряблый подбородок с тремя торчащими волосками.

— Да знаете, сударь мой, плохие здесь не встречаются. Что им тут делать?

— «Чужие здесь не ходят», да? — вспомнил Артем название давнего фильма.

— Получается, что так, — покивал старик. — Да вот и Бом вас за своего признал…

Бом опять подошел к Артему. Потерся кудлатой мордой о штаны.

— Меня всякая собака любит…

— Бом — не всякая собака, — деликатно, хотя и с ноткой осуждения, возразил старик. С усилием нагнулся и потрепал Бома по ушам.

— Менее всего я помышлял обидеть столь достойного представителя четвероногих, — галантно оправдался Артем. — Наоборот…

Старик выпрямился, глазки за стеклами заискрились.

— А смею ли я полюбопытствовать, что привело вас в столь мало посещаемые места? Свойственное молодости любопытство или некое конкретное устремление?

— Конкретное. Увидев пролом в стене, я вознамерился пересечь пустыри в восточном направлении, чтобы значительно сократить путь к намеченной цели. Бом вначале поддержал меня и вызвался служить проводником, но потом устремился вперед… Уж не затем ли, чтобы способствовать нашей встрече?

Излишне светский стиль общения слегка забавлял Артема. Старика, видимо, тоже.

— Бом всегда знает, что делает. Он, видимо, решил, что я могу быть вам полезен. Однако же чем?

— Буду признателен, если укажете верное

направление. Попаду ли я к Арбузному рынку, двигаясь на восток. То есть когда справа от меня солнце, а слева луна?

— Какая именно луна?.. Ах, да!.. Одну минуту… — Старик вытянул из-под мятого подола синей, надетой навыпуск рубахи часы на цепочке. — Сейчас три минуты третьего. Тени только начали расти. Ежели вы двинетесь сей момент, выберетесь за ограду лишь к вечеру. А если помедлите около часа, путь ваш займет не более тридцати минут.

— Однако же… — озадаченно сказал Артем. Озадаченность была, впрочем, не сильная. Не больше, чем от встречи с оранжевым зайцем.

— Что поделаешь… — Старик не спеша спрятал часы. — Приходится считаться с некоторыми странностями здешних мест… А пока — даже не знаю, чем вам помочь. Может быть, желаете чайку? Так сказать, в ознаменование встречи? Жилище мое убого снаружи и внутри, но чай хорош, скажу не хвалясь. В здешней округе растет травка, именуемая местными обитателями «рысье ухо». Я добавляю ее в зеленый чай, и сочетание, смею вам признаться, необыкновенное. Советую убедиться.

Старик был симпатичный. Несмотря на по-

мятый вид (рубаха эта балахонистая, жеваные штаны, шлепанцы на босу ногу), ощущалась в нем принадлежность к интеллигентному сословию. Этакий зав. библиотекой или работник архива, подавшийся на пенсии в сторожа-отшельники. К тому же Артем понял, что очень хочет есть. Завтраком его был стакан молока с горбушкой, а сейчас уже минуло время обеда. Может быть, старик даст к чаю хотя бы сухарь или пряник?

— Если мой визит не слишком обременит вас…

— Что вы, что вы! Гости здесь так редки, они всегда в радость…

Бом подтвердил слова старика интеллигентным движением хвоста.

Старика звали Александром Георгиевичем. Это он сообщил, когда возился с большим и маленьким чайниками, накрывал бумажной скатертью дощатый шаткий стол и доставал из висячего шкафчика фаянсовые кружки.

— А меня зовут Артем…

— Позволите без отчества?

— Разумеется. К чему лишние сложности…

— Вы правы. Мои пожилые соседи меня называют тоже попросту — Егорыч. А более юные — дядя Шура.

— Александр Георгиевич… — Артем поудоб-

нее устроился на скрипучем стуле. — Вы уже не впервые упоминаете обитателей здешних мест. А у меня создалось впечатление почти полного безлюдия этих пространств. Я шел по пустырям довольно долго, и вы — первый встречный. За исключением Бома и странного существа, похожего на рыжего зайца. Оно отнеслось ко мне пренебрежительно.

— Рыжего, говорите? Это, скорее всего, Евсей. Личность невоспитанная, но беззлобная. Здешние зайцы все такие. Рыжих, впрочем, мало. Больше серых в полосочку, черных с белыми грудками и пестрых — типичная кошачья окраска…

— Откуда же столь странная порода?

— Трудно понять. Возможно, результат здешних аномалий. Это не самая большая загадка наших мест… Кстати, появились зайчики всего года три назад. Они почти ручные. Иногда шалят на огородах, но в меру. Знаете, как озорные мальчишки, из любви к приключениям.

— Огороды… Значит, пустыри и впрямь не совсем безлюдны?

— Эти пространства если и называют Безлюдными, то как бы с большой буквы. Отмечая их тишину, необустроенность и относительную малолюдность по сравнению с городскими райо-

нами. А вообще-то жители здесь есть… А то, что их мало, оно и понятно. Не многие стремятся сюда. А из тех, кто захочет, не всякий еще и попадет…

— Почему же?

— Ну… это требует долгих объяснений. Да и не всегда они есть… Вот вы, к примеру сказать, проникли сюда через пролом в стене. Большинство же этого пролома не заметит и пройдет мимо…

— Гм… А если кто-то решит через забор?

— Это может кончиться неприятностью. Не слишком большой, но болезненной: ушибом или вывихом… Впрочем, ведь и заборы не везде, а посторонних здесь тем не менее мало. Почти никому до Безлюдных пространств нет дела, город забыл про эту окраину… Возможно, вы обратили внимание на одну примечательность?

— Какую же?

— Здесь над заброшенными цехами осталось немало высоких труб. А с городских улиц не видно ни одной…

«А ведь в самом деле!»

Разговор этот шел, пока на газовой плитке булькал зеленый эмалированный чайник, а старик в другом чайнике — маленьком — заваривал травки. Запах пошел необыкновенный. Так, наверно, пахнет в цветочных зарослях экваториального

леса. Из хлипкого, с черными пятнами побитой эмали, холодильника старик достал масленку и банку с темно-красным содержимым, выложил на стол батон. Артем переглатывал слюну. Потом он откусил от ломтя со слоем масла и земляничного варенья, вдохнул из большущей кружки тропический запах и понял, что ему никуда не хочется идти.

Ой, нет, увидеть Нитку хочется, конечно! Но хорошо бы посидеть здесь подольше. Пахучий чай и прохлада кирпичного домика принесли ощущение полного покоя. И безопасности…

Артем жевал бутерброд и поглядывал по сторонам. Наверно, домик раньше был диспетчерской будкой. Крошечная прихожая и большая квадратная комната. Жил старик и правда убого. Старый диван-кровать, небрежно покрытый вытертым шотландским пледом, кривые стулья, окошки с занавесками из разномастных кусков ткани, лампочка под треснувшим стеклянным колпаком. Но чисто — половицы выскоблены и побелка на стенах свежая…

Между окнами висел большой календарь с тропининским портретом Пушкина. В углу пристроилась шаткая этажерка. Книги распирали ее. Среди книг немало тяжеловесных словарей. Да,

старик Егорыч, видать, и вправду не прост.

На верхней полке этажерки стояли высокие бронзовые часы с завитушками и фарфоровым циферблатом — наверно, вещь из какой-то прошлой жизни Александра Георгиевича. А рядом с часами Артем увидел деревянного кота. Фигурка была ростом со стакан. Симпатичный косматый котик сидел на пеньке и водил смычком по виолончели. Инструмент и музыкант искрились бесцветным лаком.

— …Часы эти весьма примечательны, — услышал Артем старика. — Их пожилой механизм оказался весьма чуток и приспособился к здешнему течению времени, которое, прямо скажем, не без фокусов…

— Я, по правде говоря, на кота смотрю. Знакомая личность. Такими торгует в сквере у Мельничных прудов конопатый мальчишка…

— Это Андрюшка, мой сосед. Большой талант. Сам вырезает, сам продает… Э, да это случайно не вы помогли Андрюшке, когда к нему привязались некие беспардонные субъекты?

— Было…

Три дня назад по дороге из института Артем зашел в сквер на берегу пруда. Там всякий люд продавал мелкий самодельный товар. Бабки

предлагали вязаные шапочки и пестрые вертушки, тряпичных кукол и раскрашенные холщовые коврики. Бородатые художники расставляли вдоль поребриков пейзажи небывалых цветов и готовы были за умеренную плату с каждого сделать моментальный портрет. Подвыпившие дядьки сидели у клеенок с разложенными на них старинными ключами, медными дверными ручками и подсвечниками… А в сторонке от других, между кустами желтой акации, сидел по-турецки пацан с удивительно веснушчатым круглым лицом, к которому совсем не подходила гладкая белобрысая прическа. Перед ним на картоне были расставлены деревянные фигурки: рыцари, клоуны и коты-музыканты…

— Может, купите? — спросил мальчик, когда увидел, что Артем приглядывается. Глаза у мальчишки были зеленые — такие же, как его яркая майка. И просящие. Артем виновато хлопнул себя по карманам: без гроша, мол. И пошел… И почти сразу услышал тихий вскрик.

Мальчик уже не сидел. Его держали на весу два тощих типа джинсово-ковбойской внешности, в шляпах «вестерн». Вернее, держал один — за майку и такие же пестро-зеленые шор-тики. Второй — совсем сопляк, лет пятнадцати, — хихикал и

приседал, заглядывая пленнику в лицо. Пленник попискивал и болтал пятнистыми от комариных укусов ногами, с которых слетели хлипкие сандалеты.

— Тридцать процентов выручки, — говорил «ковбой», потряхивая продавца. — Считать умеешь?

— Нету у меня! Я еще ничего не продал!

— Нету? Билли, разберись с товаром…

Юный Билли отвел ногу, чтобы техасским башмаком шарахнуть по деревянному народцу. Не успел. Артем был уже рядом и легонько направил сопляка головой в кусты. Тот захныкал там и зашарил, пытаясь найти шляпу.

Старший уронил мальчишку.

— Ты чё… интеллигенция. Щас разоришься на очках!.. Ой-я!

Артем крутнул ему руку за поясницу, не дал присесть, придвинул к себе — нос к носу. Глядя в глаза песочного цвета, доступно объяснил:

— Это, милый, не «ой-я». Хочешь «ой-я» по-настоящему?

— Пусти!.. Ну, ты чё, в натуре!.. Ай!

— Я «в натуре, ничё». А ты «вот чё»: сейчас вы с дружком пойдете далеко и быстро. И больше никогда здесь не появитесь. А если где-нибудь

увидите этого пацана, заранее гуляйте за угол… Ну?

В песочных глазках появилась болезненная осмысленность:

— Понял…

— Умница! — Артем развернул парня к себе спиной и придал ему легкое ускорение.

— … Ну и они пошли, — со вздохом сказал он старику. — И я пошел. Вот и все.

— Андрюшка хотел догнать вас. Говорит, хотел даже подарить рыцаря. Но вы ушли так быстро, что он не решился бежать следом, побоялся оставить товар. Жаль…

— Жаль не это… — Артем опять ощутил намек на тревогу. — Жаль, что не защитишь их всех. Да и этого Андрюшку!.. Где гарантия, что завтра к нему не привяжутся другие?

— Вы правы… Хорошо, что хотя бы здесь они в безопасности. Потому и резвятся от души. Слышите?..

И Артем услыхал за открытым окном ребячий смех и крики. Так шумят, когда веселой гурьбой играют в жмурки или гоняют мяч. Тревога опять ушла…

Побеседовали еще — о том о сем. Старик неторопливо и недлинно рассказал, что работал

в сценарном отделе местной телестудии, но, «видимо, не вписался в рамки современных требований» и на пенсию его отпустили с охотою.

— После пенсии поехал в Муром к дочери, но, как говорится, не прижился. Вернулся в родные места. А квартира-то уже продана, понимаете… Рассчитывал снять угол у старого знакомого, а тот взял да и помер. Куда деваться? И тут знающие люди посоветовали: если ты, мол, человек без предрассудков и не боишься излучения, поищи жилье «за забором», на Пустырях. Брошенных строений там хватает, земли лод огород — тоже…

— А что за излучение?

— Да никакого его тут нет! Я добывал приборы, измерял, все нормально. Разговоры одни… То есть фокусы встречаются, но для жизни совершенно безвредные… Так что если у вас вдруг проблемы с жилплощадью, подумайте… Тут, кстати, неподалеку вполне приличный домик, почти не требует ремонта, лишь стекла кое-где надо вставить. И никем пока не занят… Я сперва сам вознамерился перебраться туда, а потом подумал: зачем они мне, три комнаты? И здесь неплохо. К старикам, знаете ли, приходит со временем этакое ощущение разумной самодостаточности…

— А что… пожалуй, буду иметь в виду, — сказал Артем. Наполовину всерьез.

— Имейте, имейте… Кстати, там и печка, и даже батареи. Теплотрасса здесь до сих пор действует. Она проходит через Пустыри в Нежинский микрорайон, перекрыть ее невозможно без ущерба для новых кварталов. И кое-какие электрические линии работают. Телефона, правда, нет…

— Не до жиру, быть бы живу…

— Да… И что еще плохо, почта сюда не ходит, за письмами *и* газетами надо шагать в ближайшее отделение. Впрочем, недалеко…

— Вы, кажется, всерьез меня уговариваете.

— А почему бы и нет? Почему бы и нет, сударь!.. Хотя, извините, я ведь не знаю ваших обстоятельств.

— Я пока и сам их не знаю…

— Тем более, тем более… Если надумаете, то лучше оформить жилье официально, в Городской управе. Муниципальная власть распродает здешние участки за чисто символическую цену. А строения вообще не принимаются в расчет, можете даже завладеть бывшим сталепрокатным цехом… А можете поселиться и явочным порядком, если чиновники вдруг закапризничают.

— Думаю, они не стали бы капризничать. У

меня есть сертификат на бесплатное получение участка среди незанятых пригородных земель. Такие бумаги давали тем, кто увольнялся из Южной армии… Ну, не всем, а так называемым участникам миротворческих акций…

— Значит, успели повоевать?

— К счастью, недолго. Не хочется вспоминать…

Обоим стало неловко, но тут переливчато заиграли и ударили три раза часы. Бодро, не по-старинному.

— Надо же! Час прошел, как пять минут! — Артем торопливо встал. — Чай у вас чудный, Александр Георгиевич. Однако мне пора…

— Я надеюсь, это не последняя наша встреча?

«Зачем я ему?» — подумал Артем. Но сказал учтиво:

— Я тоже.

5

Они вместе сошли с крыльца.

Собственно, крыльца не было, а была лишь утоптанная площадка перед низкой дверью. А вокруг площадки — клевер и подорожники. В траве играли Бом и рыжий заяц Евсей. Заяц наскакивал сзади, молотил пса передними лапами по спине, а потом удирал. Но недалеко, носился

кругами. Бом догонял его и опрокидывал тяжелой лапой. Евсей отбивался задними ногами. Это у него получалось здорово, не подступишься. Бом отпрыгивал и обиженно гавкал. Евсей вскакивал и удирал опять. Наконец он умчался далеко, в кленовые заросли. Бом хотел было кинуться следом, но раздумал. Подошел к деревянному столбу, по-кошачьи потерся о него мордой…

Косой этот столб врыт был на краю площадки. К нему прибили узорчатый чугунный кронштейн (похоже, что от старинного фонаря) и в метрах полутора от земли подвесили плоскую железяку — вроде небольшого полукруглого щита. Здесь же висела на шнуре березовая колотушка, совсем низко.

— Это что же, пожарная сигнализация? — усмехнулся Артем.

— А вот сейчас увидите…

В ту же секунду из кленовых зарослей, в которые удрал Евсей, выскочил пацаненок лет семи. Коричневый, голый до пояса и босой, но в длинных камуфляжных штанах. Подбежал, ухватил колотушку.

— Дядя Шура, можно я ударю?

— А здороваться кто будет?

— Ой… — Мальчишка посопел. У него была

круглая голова с темным ежиком и темные восточные глаза. Ими он прошелся по Артему — от головы до башмаков. Стукнул себя колотушкой по тугому немытому животу и задумчиво сказал:

— Большой привет…

— Привет, — улыбнулся Артем.

— Дядя Шура, ну можно я ударю? Я хочу раньше всех.

— Ладно, поддержи традицию…

Мальчишка медленно, даже чуть торжественно отвел колотушку вытянутыми руками и вдарил по железу. Чистый громкий звон разошелся над лужайкой, умчался за кленовую чащу, иван-чай и тополя, многоразовым эхом отозвался вдали…

Нет, это было не эхо. В разных местах — и вблизи, и в дальних далях — тоже били по звонкому металлу.

— Похоже на колокола, — сказал Артем.

— Кое-где и вправду колокола, но не много. Больше рельсы развешаны. Или баллоны от газа. Тоже звенят красиво.

— А зачем это? Игра такая?

— Пожалуй, что игра. Но не только. Можно сказать, обычай. Дети верят, что, если звонить несколько раз в течение дня, все в этом краю будет славно: и погода, и настроение. И удачи во всяких

делах… Ребятишки так и говорят: «Позвоним хорошую погоду»… А один мой знакомый выразился однажды наукообразно: «Этот ежедневный перезвон стабилизирует автономную структуру здешних пространств». «Не знакомый, а ты сам, наверно, вывел эту формулу», — подумал Артем. Но не решился сказать. Ему и самому захотелось ударить в певучее железо, да постеснялся…

Перезвон плавно затих. Голопузый звонарь колобком укатился в заросли. Бом кинулся за ним. Артем пожал старику прохладную сухую руку и вновь двинулся через Безлюдные пространства.

Помня указания старика, он прошел между длинными бетонными цехами, пересек площадку с упавшим мостовым краном и минут десять шагал по заросшему рельсовому пути. По краям полотна рос буйный цветущий репейник, а между шпалами густо желтели одуванчики и сурепка — такой солнечный цвет.

Впереди стоял на рельсах разбитый товарный вагон. Из-за него выскочили пятеро пацанов. В юбочках из лопухов, в уборах из перистых листьев, с размалеванными рыжей глиной и черной грязью телами. С луками и копьями. Ясное дело, ирокезы. «Держись, бледнолицый!»

Но индейцы оказались мирными. Отошли со

шпал, уступив дорогу. Глянули на незнакомца без робости, но и без вызова. Самый маленький (вроде недавнего звонаря) с той же задумчивостью произнес:

— Здрасте…

— Привет славному племени… — Артем придержал шаг.

Тогда мальчик постарше глянул Артему в глаза, наклонил к плечу голову в шлеме из белоцвета:

— А вы кто?

— Я… Артем.

Старший мальчик — тощий, высокий, тонколицый, в почти таких же, как у Артема, очках — звонко обрадовался:

— Значит, это вы тогда в городе спасли Андрюшку-мастера!

— Ну… было, — опять признался Артем. И запоздало изумился: — А откуда вы знаете? Я же ему не говорил, как меня зовут!

Они засмеялись — не обидно, а будто звали повеселиться вместе:

— Тут все уже всё знают. Раззвонили потому что…

Они проводили Артема вдоль вагона, помахали вслед луками и копьями. Потом вдруг самый маленький догнал его и торопливым шепотом

спросил:

— А вы к нам насовсем или в гости?

— Не знаю, — вздохнул Артем.

Здесь было хорошо. И не хотелось уходить. Но Нитка ждала и времени оставалось уже немного. И мысли о Нитке с каждым шагом делались все крепче и радостнее. Становились главными.

Он миновал приземистую башню станционной водокачки и спустился с полотна в траву. Рельсы поворачивали влево, а идти нужно было вперед. На восток. Так, чтобы солнце было справа (и теперь уже чуть позади), а слабо различимая луна — с левой стороны.

Впрочем, сейчас луну закрывала водокачка. Зато впереди… тьфу ты, что за напасть!.. Рядом с верхушкой столетнего тополя висел месяц — лунная половинка. Тоже бледный, похожий на обрывок желтого облака.

Артем обмер — не от страха, а от жутковатого веселья. Такое бывает в раннем детстве, когда ты в полутемном зале смотришь театральную сказку. Артем попятился, сделал шагов десять назад. Месяц спрятался за тополь. Круглая луна выплыла из-за башни. На «лице» у нее было выражение: «Я здесь ни при чем».

«Смотри у меня…» — погрозил ей Артем. И за-

шагал вперед. Луна укатилась за башню опять, месяц с готовностью выскочил из тополиной листвы.

— Издеваетесь, да?.. Ладно, посмотрим, что дальше.

Луна опять показалась из-за водокачки, месяц вновь укрылся за тополем — уже за другим. На какой-то миг Артем успел ухватить их размашистым взглядом вместе. И… больше не стал их ловить — со странным ощущением, что излишнее любопытство может что-то сломать в здешней сказке. Что-то нарушить. А! «Стабильность автономной структуры здешних пространств»!

«Черт возьми, почему я не удивляюсь?.. Непонятные места. «Странная страна»… Воздух звенит… Или это в ушах? Или, может быть, звенит время? Вдруг оно здесь совсем другое? «Скажите, дети, мне: какое тысячелетье на дворе?» Кажется, это чьи-то стихи… А вот еще стихи:

Здравствуй, месяц и луна,
Здравствуй, странная страна…

А они откуда?..

Ох, да ясно же откуда!
Здравствуй, месяц и луна…

Это из давней поры, когда познакомились с Ниткой…

Было это полжизни назад.

II. ГЕРДА И КЕЙ

1

Стихи сочинил шестилетний Кешка Назаров по прозвищу Кей. Он принес их в редакцию лагерной газеты «Дружная смена».

Редактором газеты был Артем Темрюк.

Почему его сделали редактором, Тём не понимал. Видимо, за «ученый» вид и очки. Писать заметки Тём не умел ну вот ни настолечко. Правда, он мог разрисовывать фломастерами заголовки, но это же дело художника, а не редактора! Но художником был Мишка Сомов.

Поскольку журналистских способностей Тём не проявил, настоящим редактором сделалась вожатая Шура — решительная девица с квадратной фигурой и толстыми косами. К Тёму она испытывала некоторую симпатию — наверно, оттого, что, как и он, ходила в очках. Тём сделался у нее «на подхвате». Бегал по отрядам и выпрашивал у пацанов и девчонок «ну, хоть две строчки про

последние новости». Тыкая двумя пальцами, перепечатывал ребячьи каракули на допотопной машинке «Олимпия». Иногда помогал «худреду» Сомову раскрашивать буквы…

Однажды Шура велела Артему нарисовать объявление о литературном конкурсе. Пишите, мол, дорогие ребята, сказки и рассказы, поэмы и сонеты, трагедии и комедии и несите в редакцию любимой газеты. Лучшие творения напечатают. А за самые лучшие выдадут призы.

Ватманский лист с объявлением Тём прибил к фанерному щиту рядом с умывальниками. Народ сбежался. Оценили фигурные разноцветные буквы («Во Тём-Тём расстарался!» — «Рюк, да ты, наверно, все лагерные фломастеры извел!» — «Труд художника весом, краски как у Пикассо!» — «Не Пикассо, а Пикассо!» — «Наградить бутылкой кваса!»).

Однако никто не кинулся создавать немедля прозаические и поэтические шедевры. Позубоскалили и тихо рассосались, ничего не пообещав. Артем растерянно скреб макушку. Признаться, он ждал иного результата… И вдруг его легонько тронули за локоть.

Рядом стоял худой пацаненок с пепельными, подрезанными ниже ушей волосами. И вопро-

сительно глядел на Тёма серыми глазищами — такими, что им тесно было на маленьком треугольном лице с носом-клювиком, с припухшими обветренными губами и острым, украшенным коростой подбородком.

— Тебе чего? — осторожно сказал Тём. Люди такого размера и возраста казались ему слишком хрупкими.

Малыш переступил разбитыми сандалетками, заправил в цветные трусики белую, измазанную земляничным соком и золой матроску, глянул на объявление, потом вновь на Тёма. Сипловато спросил:

— Можно, я сочиню стих?

— Конечно! Здесь же написано! Стихи, сказки, рассказы! Что хочешь!

— Я стих…

— Валяй! — Тём не ждал от новоявленного стихотворца полноценных строчек — совсем же кроха. Но рад был, что хоть кто-то откликнулся на разноцветный призыв.

— Пиши и приноси в штабной домик. Там редакция.

Малыш кивнул, снова поправил матроску и пошел. Глядя ему вслед, на мятый синий воротник, Тём вспомнил, что юное дарование кличут

Кеем. Как героя «Снежной королевы». «В самом деле, этакое скандинавское дитя, — подумал начитанный Тём. — Только для настоящего Кея мелковат»...

Кей пришел в редакцию сразу после тихого часа. Протянул Тёму мятый тетрадный листок. И молча остался у двери — ждать редакторского решения.

Кривые строчки были написаны синим карандашом, печатными буквами.

Стих

Ёлки-палки, лес густой.
Путь по лесу непростой.
Там колючие шипы
Всех хватают за штаны.
Но за лесом тем, я знаю,
Сто волшебнистых лужаек.
Солнце светит с высоты
На цветущие цветы.
Там избушки Бабов Яг
Стопом пляшут краковяк.
Здравствуй, месяц и луна,
Здравствуй, странная страна.

Впрочем, запятые и точки Тём расставил мысленно, на бумаге их не было. Зато хватало ошибок. Например «елки-палки» было написано слитно, а «непростой» — через «а». Но разве в этом дело? Все равно это были стихи! И Тём протянул листок вожатой Шуре. Она и вожатый Демьян (влюбленный в Шурины косы) сдвинули над листом головы. Над ними навис художник Мишка Сомов. Из-за его плеча высунула голову длинная Кристя Самсун — командирша второго девчоночьего отряда и главная репортерша «Дружной смены».

Мишка хихикнул. Шура искоса глянула на него. И сказала деловито:

— Ну что же, Назаров. По-моему, это неплохо… А откуда ты знаешь про танец краковяк?

— Мы его разучивали в детском саду. Это польский танец, его в городе Кракове придумали.

— Какой эрудит! — шепотом восхитился Демьян.

— Чего? — подозрительно сказал Кей. Он по-прежнему топтался у двери.

— Я говорю, что ты знающий человек, — разъяснил кудрявый Демьян.

— А почему он написал, что избушки пляшут «со стопом»? — придирчиво вмешался глуповатый художник Сомов. — Они, что ли, тормозят во

время своего краковяка?

— Не «со стопом», а «с топом», — сумрачно разъяснил от порога автор. — Топают, значит. Они же тяжелые.

— Тогда «сы» надо отдельно!

— Чего ты, Сом! Он же еще в школу не ходил никогда, — ревниво заступился Тём.

— Конечно, — поддержала Тёма Кристя Самсун. — Только… «Бабов Яг» — это все-таки немножко неправильно. Или я ошибаюсь?

— Ошибаешься! — разозлился на нее Тём. А вожатая Шура сказала, что в стихах можно по-всякому.

— Это же поэтический образ, — вставил Демьян и провел пальцами по своей пушкинской шевелюре. Кей стеснительно подышал у двери и сообщил:

— А если это не правильно, я могу еще по-другому. Вот…

А избушки Баб Ягов
Прыгают на семь шагов…

Редакция полегла животами на стол, застонала от сдавленного хохота.

Кей опять подал голос от порога. Негромко, но уже с дерзкой ноткой:

— А если не нравится, то отдавайте назад… Сами просили…

Его наперебой заверили, что «всем ужасно нравится, оттого мы и радуемся». Шура привела юного поэта к столу. Усадила на колени, дунула ему на волосы. Вытащила из них два репья. Он не противился, но и не размяк от этой ласки.

Шура обрела деловитость:

— Тём, перепечатай это, пожалуйста, набело… с необходимой корректурой. А черновик… то есть оригинал я возьму на память. Можно, Кей?

— Да, — великодушно сказал он и слез с колен. — Я пойду.

— Постой. А какую подпись поставить? С фамилией ясно, а имя? Иннокентий или лучше Кеша? Или… Кей?

— Лучше Кей, — сказал он, не отзываясь на улыбки. — «Иннокентий» — это долго писать. А «Кешу» я не люблю, это попугай из мультфильма.

2

Газета вышла на следующий день. «Стих» Кея был напечатан в первоначальном варианте, где «краковяк». А строчки про «Баб Ягов» и «семь шагов» Тём поместил в конце — в виде приложения.

Потому что редакция так и не смогла решить, что лучше.

Тём сделал к стихотворению большущую иллюстрацию. Бревенчатые избушки на курьих ногах водят хоровод в зарослях «цветущих цветов», а в ярко-синем небе «странной страны» — улыбчивая луна и рогатый месяц с хитрым глазом…

Кей сделался знаменит. Куплеты про «Бабов Яг» и «Баб Ягов» распевали по всему лагерю (на мотив модной песенки «Я люблю тебя, Катрин»). А малышовый отряд, в котором состоял автор, хором декламировал по дороге в столовую:

Ёлки-палки, лес густой!
Путь по лесу непростой!

Но Кей не возгордился. Он был по-прежнему тих и сдержан и старался держаться уединенно. Тём заметил это, когда в суете лагерных дел несколько раз натыкался на этого малыша с длинными пепельными волосами.

После полдника Тём заросшей тропинкой у забора (чтобы отдохнуть от многолюдья и гвалта) возвращался из столовой. И вышел к лужайке, на краю которой стоял в лебеде дощатый мусорный контейнер. Из-за контейнера появился Кей.

— Тём…

— Чего? — Тём (странное дело!) почему-то смутился.

— Вот… на, — Кей протянул ему промокший от ягодного сока кулек из тетрадного листка. Такого же, на котором были стихи.

— Что это?

— Тебе… — В кульке была крупная луговая клубника.

— Да ты что, Кей… Зачем?

Серые глазищи глянули требовательно.

— Потому что ты не смеялся. Когда читали стих. Все смеялись, а ты нет…

— Ну… спасибо, Кей. Давай пополам. Подставляй ладони.

Он мотнул светло-серыми легкими волосами:

— Нет… Ой!

— Что, Кей?

— Нитка сюда идет. Подожди… — И малыш опять укрылся за контейнером.

А на лужайке возникла Анита Назарова.

Это была ровесница Тёма. Из второго отряда девочек. В лагере «Приозерном» все ребята, кроме самых малышей, были почему-то поделены по «мальчишечьим» и «девчоночьим» отрядам. На Тёма Анита не взглянула. По-журавлиному прошагала через лебеду к контейнеру. Уперлась

руками в бока, расставила длинные коричневые ноги. Отчетливо сказала:

— А ну, вылезай, обезьяна.

Кей покорно выбрался из укрытия.

«Ох, да это же брат и сестра! — сообразил наконец Тём. — Фамилия-то одна…»

Кроме фамилии, в них не было ничего похожего. Анита Назарова — с черными густыми волосами ниже плеч, с резкосиними глазами. Нельзя сказать, что красивая, — худая, очень курносая, редкозубая, но эти волосы, этот синий блеск… Многие пацаны заглядывались. Но Назарова держалась всегда строго, хотя и позволяла называть себя попросту Ниткой. Тём порой тоже поглядывал на Нитку с интересом. Но украдкой. Признаться, он ее даже побаивался…

Братишка стоял перед Ниткой — голова ниже плеч. Волосы закрыли все лицо. Он переминался и кулаками заталкивал матроску под резинку на поясе.

— Перестань ежиться, — металлическим голосом потребовала Нитка. — Встань прямо!

Кей слегка поднял голову и обнял себя за плечи.

— Бродячая кошка, а не ребенок! На кого ты похож! Опять перемазался, как чертенок в камине!..

Где ты был? Я тебе что говорила? Если будешь еще болтаться неизвестно где, получишь о-пле-уху!.. Ну-ка, опусти руки! Кому сказала!..

Кей прижал локти к бокам, вцепился в кромки трусиков, зажмурился. Потом приоткрыл один глаз.

«Если ударит, сразу дам ей по шее», — с отважным обмиранием подумал Тём. Результат мог быть плачевным: Нитка Назарова не из тех, кто позволяет безнаказанно давать себе по шее. Но Тём держал у груди мятый, истекающий соком кулек с клубникой, и подарил ему этот кулек малыш Кей, и как можно допустить, чтобы этого малыша кто-то лупил на глазах у Тёма! Пускай хоть самая родная сестра!

К счастью, сестра не дала брату обещанной «о-пле-ухи». Из кармана таких же, как у Тёма, джинсов, — истертых и обрезанных выше колен, — она достала платок, помусолила его и принялась оттирать у Кея щеки и локти.

— Трубочист! Сейчас же иди к умывальнику и отмывай все черные места! А потом отправляйся в палату и жди меня там, я дам тебе чистую рубашку… чучело…

Кей виновато глянул на Тёма и, чуть косолапя, ушел с лужайки. И тогда Тём удостоился внима-

ния Нитки.

— А ты чего глядишь? Не видел, как воспитывают обормотов дошкольного возраста? — Это она не сердито, а, скорее, с усталостью.

Тём честно сказал:

— Я боялся, что ты его ударишь.

— Я?! Его?! О, боже мой… Да я его только раз в жизни отшлепала, да и то с перепугу…

— С какого? — спросил Артем. Было почему-то неловко обрывать разговор.

— С какого перепугу? Он весной удрал из детского сада. И на соседнем дворе забрался в пустую голубятню. В такой домик на столбах… Я прихожу за ним в садик, а там все на ушах стоят, в милицию звонят… Тём, я чуть не померла…

Так у нее вдруг доверчиво получилось: «Тём, я чуть не померла…» И Тём увидел, что она не строгая, а в самом деле уставшая.

У Тёма не было ни братьев, ни сестер, но он представил себя на месте Нитки, и… холодок по коже. Тут и правда помереть недолго.

— А что дальше?

— И тут какой-то дядька приходит, держит этого паршивца за руку и говорит: «Полез я голубятню чистить, а там этот гражданин свернулся калачиком и спит. Не ваш ли?» Ну, тут я заревела

и надавала ему сумкой по штанам. Пустой, хозяйственной… А он хоть бы хныкнул. Только моргает глазищами… Я говорю: «Чего тебя туда понесло?» А он: «Потому что эта будка — как избушка на курьих ногах…»

— Ему, видать, эти избушки сильно нравятся… — Тём был доволен, что можно не кончать беседу. — Вот и в стихах он про них…

— Ты не знаешь! Он же целую сказку про них выдумал. Даже не сказку, а… прямо научную теорию. Будто такие избушки к Бабкам Ягам попадают со стороны. Будто бабки их крадут и угоняют, как цыгане лошадей…

— У кого?

— У какого-то кочевого племени, которое называется «бом-зайцы». Или «бомзайчане»… Будто это племя живет за дальними сказочными лесами и полянами, в таких вот избах. И прямо в них кочует с места на место, целыми деревнями. И будто каждая собачья конура тоже с куриными ногами, их конур этих много, они ходят за избушками… А еще скворечники. Только не все, а те, в которых не захотели жить скворцы. Эти скворечники слезли с шестов и крыш и бегают за избушками и конурами, как цыплята за наседками. Я говорю: «А кто в них живет, если не скворцы?» А он: «У

этих жителей еще не придумалось название...» Семи лет человеку нет, а уже всякие фантазии в голове. Что дальше будет?

— Дальше будет хорошо, — пообещал Тём. — Писателем сделается, станет фантастику сочинять, как Кир Булычев...

— Но сначала он сведет меня в могилу!

— Да что ты, Анита, — осторожно сказал Тём. — Он хороший. Только его понимать надо. Маленькие это любят. Вот смотри, он мне клубнику подарил за то, что я вчера над ним не смеялся... На... — И он протянул кулек.

Нитка глянула ему в лицо блестящими, как осколки синего блюдца, глазами и... взяла ягоду.

— Да бери еще!

Нитка взяла еще две.

Она и Тём неторопливо пошли вдоль забора. Тропинка была узкая, Тём сошел с нее. Сорняки хватали его за ноги, но он терпел, чтобы идти рядом с Ниткой. А ее беспокоило все то же:

— Думаешь, этот «писатель» умываться пошел? Опять ус-вистал куда-нибудь... Если бы он свои фантазии в нормальных местах сочинял, где все дети! А то ведь заберется в самую глушь и мечтает там. А потом — брык на бок и засыпает. Сразу! Такое у него свойство. И не докричишься... Его и

Кеем назвали поэтому…

— Почему?

— Потому что он как тот Кей, который удрал со Снежной королевой. Надо обойти полземли, чтобы отыскать его…

— Тогда почему тебя не зовут Гердой?

— Пробовали. Но я… выпустила все когти. Я это имя терпеть не могу. Оно какое-то… «г-р», «г-р», будто камни во рту перекатываются.

— Анита лучше, — согласился Тём. Набрался смелости и добавил: — Даже «Нитка» и то лучше.

— Анита — испанское имя. Моя мама была на четверть испанка. По своему дедушке.

«Была… — отдалось в Теме. — Была?!»

Нет, не отдалось. Это он сказал. Шепотом. И сразу испугался.

Нитка отозвалась тихо и просто:

— Ну да. Мама умерла в позапрошлом году. От сердца.

— Нитка… ты меня прости.

— Господи, да чего ты такого сказал? Спросил только…

Они вышли еще на одну лужайку — позади домика, где обитал малышовый отряд. Фанерное строение аж выгибалось наружу от веселого гвалта. Но на лужайке никого не было. На пе-

рекладине между столбом и высокой березой висели качели — широкая доска на канатах. Тём и Нитка поглядели друг на друга и… сели рядом на доску.

Качнулись.

— Кей, наверно, ждет тебя с чистой рубашкой, — осторожно напомнил Тём. Для очистки совести. А чтобы Нитка ушла, ему не хотелось.

И она не ушла.

— Никого он не ждет. Я же говорю: наверняка удрал. Он не терпит вот такого… коллективизма. — Она кивнула на домик. — Перед ужином опять придется искать.

— Ты… так и нянчишься с ним два года? Вместо мамы…

— Ох… скорей бы в школу. Может, поумнеет…

«А может, наоборот», — подумал Артем, у которого к школе было особое отношение. Но сказать это не решился.

Он не знал, как продолжить разговор. Сильно согнулся, стал чесать щиколотки. Искоса глянул на Нитку. Она пыталась дотянуться сандалеткой до валявшегося в траве красного мячика. Нога Нитки была в загаре, словно в длинном коричневом чулке. А между загаром и разлохмаченной джинсовой кромкой открылась полоска свет-

лой кожи. На ней краснела длинная царапина — свежая, припухшая. Артем пожалел Нитку за эту болезненную царапину и тут же отвел глаза. А то перехватит Нитка его взгляд, подумает что-нибудь…

Он выпрямился. Они опять покачались. При каждом качании Ниткины волосы легко подымались над плечами. Она вдруг спросила:

— Ты о чем думаешь?

И тогда Тём, ужасаясь своей смелости, сказал:

— Я думаю… обычно у всех, у кого волосы черные, они прямые, гладкие и… тяжелые какие-то. А у тебя летучие, как паутина.

— Это я в маму.

Тём обрадовался, что знает теперь, о чем говорить:

— А Кей? Он в кого такой? В отца? — И тут же прикусил язык! Болван! А что, если отца тоже нет?

Своего-то отца он не видал, не слыхал. Мама говорить про него не любила: «Это был случайный в нашей жизни человек. Он не захотел про тебя знать. И куда-то исчез раньше, чем ты появился на свет… Тёмчик, разве нам плохо вдвоем?»

Ему было неплохо с мамой. Но у Нитки-то и у Кея — все по-другому!

Нитка сказала со вздохом:

— Нет, отец у нас не светловолосый. Он… коричневый такой и с веснушками. А Кей — сам по себе, ни на кого не похожий.

— А он… — чуть не задал новый вопрос Тём. И опять примолк.

Нитка в очередном качании толкнула наконец мячик. И усмехнулась:

— Я знаю, ты хотел спросить, не привел ли отец Кею и мне мачеху.

Кей затеплел ушами. Глядя перед собой, Нитка сказала как-то отрешенно:

— Он не раз приводил. Толку-то… Поживут, поскандалят, и она уходит. Лучше бы никого не было… Лучше бы деньги на хозяйство давал, а то лишь пиво да приятели на уме…

«Вот она какая у них жизнь!»

Что тут скажешь?

И чтобы хоть как-то сравниться с Ниткой в семейном неблагополучии, Тём сумрачно признался:

— А я папашу своего никогда не видел. Он подался в бега, когда узнал, что я должен родиться.

— Может, и к лучшему, — так же сумрачно отозвалась Нитка.

— Может быть…

Они покачались еще. Потом Нитка прыгнула с доски, небрежно бросила: «Пока», и пошла прочь, будто вмиг забыла про Тёма… Но нет, шагов через десять все же оглянулась. Быстро так, почти незаметно.

3

До ужина Тём ходил в сладковато-тревожном раздумье. Был ли этот разговор с Ниткой совсем случайный или… протянулась между ними какая-то паутинка? Хотя — какая? Зачем он Нитке?

Тём не обольщался по поводу своей личности. Понимал: и характер, и внешность не такие, чтобы нравиться девчонкам. Да не очень это и огорчало Тёма в его двенадцать с половиной лет. Хуже другое: не было друзей и среди мальчишек. Не принимали его всерьез. Видимо, был он в глазах пацанов типичный «ботаник». То есть книгочей-зубрильщик и всегда послушный маме ребенок.

А ведь это не так!

Впрочем, Тёма не обижали и сильно не дразнили. Знали, что в случае чего он может снять очки, попросить кого-нибудь «подержи, пожалуйста» и полезть в драку — не очень умело, но без боязни. И подтягивался на турнике он не так уж хило, и

плавал не хуже других, и четвертое место занял в беге на шестьдесят метров, а все равно… Рисовали на него беззлобные карикатуры. Наверно, потому, что это было очень легко: перевернутая единица — нос, два ноля по бокам от него — очки, длинный минус под единицей — рот. А несколько торчащих в две стороны лучинок над очками — волосы. А каких только прозвищ не придумывали, так и сяк переворачивая имя и фамилию!

«Ар-тем-рюк».

«Тём — всё путем!»

«Тём-рюкзачок».

«Тём-рюк-зак — лихой казак».

Иногда окликали коротко: «Рюк!» (что было совсем уже глупо; известно, что «рюк» по-немецки — это «спина»; хорошо хоть, что не другое место).

Была еще кличка «Терем» и даже «Тём-теремок».

Тём не обижался. А последнее прозвище даже нравилось: Теремком иногда называла его и мама.

…А Нитка… интересно все-таки, чего это она разговорилась с ним, с Тёмом? У нее и без того друзей и подружек пол-лагеря. Только и слышишь: «Ниточка, пошли с нами!.. Нитка, пойдешь на

дискотеку?.. Нит, мы с тобой в одной команде!» Или это не те друзья, с которыми, повздыхав, можно поговорить о жизни?

За ужином Тём поглядывал в сторону девчоночьего стола, но стол был далеко, да и сидела Нитка к Тёму спиной.

После ужина была дискотека, Тём не пошел (осточертело — одно и то же), гулял просто так. В одиннадцать часов (на час позже, чем полагается) вожатые наконец всех разогнали по постелям. В палате и за открытыми окнами была духота. Тём помаялся и улизнул через окно, чтобы освежить голову под умывальником. Но вода из крана бежала теплая. Не прогоняла из головы ни тяжести, ни всяких мыслей. Досадуя, побрел Тём обратно. Сосновые шишки кололи ступни. Нагретый воздух ну прямо липнул к спине — Тём улизнул из постели как был, в одних трусах и босиком.

На полпути к своему домику «М-2» (мальчики, второй отряд) Тём встретил Нитку.

Она тащила на руках Кея.

Тём узнал их издалека, хотя стояли густые сумерки.

Вообще-то летние ночи были светлые, хоть читай без лампочки, но сейчас в небе сошлись душные тучи, вдали погромыхивало, и сумрак

сделался такой, что не разглядишь макушки высоких сосен (они росли по всему лагерю). Однако голова Кея светилась в темноте и Ниткины глаза, кажется, тоже. Будто синие огоньки.

— Ого, — сказал Тём, когда они с Ниткой сошлись на песчаной дорожке. — Это сокровище опять было в бегах? Где ты его нашла?

— В кладовке за игровой комнатой. Мечтал там один среди старых барабанов, а потом носом в коленки и бай-бай где сидел. Не разбудишь из пушки… — Она дышала с усилием.

— Давай его мне, — храбро потребовал Тём. — Умаялась ведь…

— Да ладно, я привыкла.

— Давай говорю.

Ого-го! Хотя и кроха, а вес нешуточный. Как Нитка таскает его каждый день? Тём выгнулся назад. Нести малыша было не только тяжело, но и неудобно. Волосы его отчаянно щекотали Тёму плечо и нос — он даже чихнул на спящего Кея. Ноги у того болтались, твердая сандалия била Тёма по бедру. К тому же приходилось придерживать локтем свои новые, с чересчур слабой резинкой трусы.

— Куда его? В цыплятник? — Так назывался домик для малышни.

— Сперва надо ему лапы сполоснуть. Тут бочка недалеко.

Бочка с дождевой водой стояла рядом с длинной бревенчатой кухней, под водосточным желобом. Нитка стряхнула с брата сандалии, поболтала его ноги в теплой воде, вытерла их платком.

Потом они вдвоем (за ноги и за плечи) подтащили Кея к цыплятнику, там под лампочкой дежурила толстая вожатая Даля (для малышей — Магдалена Львовна).

— Наконец-то! Где вы его отыскали?

— В барабанах, — выдохнул Тём.

— Давайте сюда, я сама его уложу.

Потом, с сопящим Кеем на руках, Даля оглянулась в дверях и сказала для порядка:

— Вы оба тоже брысь немедленно спать.

— Само собой… — Ниткин голос был усталый и честный. — Я так набегалась за ним, что с ног ватюсь. Лишь бы не уснуть по дороге…

Но когда они отошли, Нитка сказала теплым шепотом:

— Я наврала. Совсем не хочется спать.

— И мне… Ох, а сандалии-то остались у бочки! — вспомнил Тём. — Пошли за ними!

— Да ну их, никуда не денутся… Тём…

— Что?

— Давай сбежим куда-нибудь, а?

Он радостно обмер.

— Куда?

— Духотища такая. Искупаться бы…

— В купалке, наверно, вожатые бултыхаются. Сразу нас выловят.

— А давай на Запретку…

— С ума сошла, — искренне сказал Тём. И тут же перепугался: Нитка его запрезирает.

Но она зашептала очень убедительно:

— Тём, я ничуточки не сошла. Там же сейчас точно никого нет. Сторожей там и днем-то не бывает, а сейчас тем более. И купальщиков — тоже. Кто туда сунется в такое время?

Запреткой называлась водозаборная зона. Откуда качали воду для окрестных лагерей. В кирпичной будке стоял могучий насос, он гнал воду по трубам в цистерны и резервуары. Но включали его только днем и всего два раза в неделю. Техник придет и уйдет, а сторожей там и правда не водилось. Охранял Запретку лишь щелястый забор с остатками колючей проволоки наверху и поблекшими фанерными объявлениями, которые все запрещали и грозили штрафами.

За купание без спросу отдыхающим в лагере грозили суровые кары. «Вплоть до…» Но, конеч-

но, самовольщики находились. И на Запретку проникали. Очень уж чистыми были там берег и твердое песчаное дно. Случалось, нарушителей ловили. Но пока еще никого не выгнали, дело кончалось каждый раз шумным нагоняем на лагерной линейке… Впрочем, ни ребята, ни вожатые не попрутся на Запретку сейчас, чуть не в полночь, это же больше километра по кустам и буеракам. К тому же там неподалеку заброшенная мельница, про которую, конечно же, полно историй. Про всякие там блуждающие огоньки и туманные фигуры…

Тём не боялся огоньков и фигур (то есть не очень боялся). Он страшился разоблачения и скандала. Но если бы даже грозило Тёму сожжение на костре, он все равно не сказал бы о своем страхе. Тем более что сильнее страха было уже «замира-тельное» ожидание приключений. И не просто приключений, а с Н и т к о й. По коже разбегались то ли искорки, то ли снежинки.

— Нитка, только ты пойдешь впереди, ладно? Я и днем-то сквозь свои стекла вижу не всё, а сейчас, в зарослях…

— Конечно, Тём! У меня глаза как у кошки!

Пригибаясь, как два разведчика, они побежали к забору,

где была всем известная щель. И скоро оказались за лагерем, в мягких, неколючих сосенках.

— Тём, тут тропинка, давай руку, — и Нитка взяла его пальцы в горячую ладошку. Шагала она быстро, Тём поспевал следом, подхватывая левой рукой то очки, то трусы.

Потом сосенки кончились, начались валуны и шиповник — ладно хоть, не густой. А вверху — ни звездочки. Только низкая глухая тьма. Изредка выступали из нее кудлатые тучи с беспросветными провалами — это очень далеко зажигались медленные зарницы. Нитка при этом вздрагивала и сильнее сжимала пальцы Тёма.

Густо пахло соснами, мхом, шиповником и всякой лесной и луговой травой. И еще был запах — от Ниткиных волос. Как у нагретого солнцем тополиного пуха, когда возьмешь его в пригоршню и уткнешься носом… Волос видно не было, но они отлетали назад и щекотали правое плечо Тёма, когда он очень приближался к Нитке.

— Тём…

— Что?

— Уже скоро.

— Ага…

— Ты не очень исцарапался?

— Нисколечко.

— Тём… кроме тебя, никто из мальчишек, наверно, не пошел бы.

Теплая волна прошла по Тёму. И от смущенья он брякнул сердито:

— Ох уж… что я, самый храбрый, что ли?

— Не в этом дело…

«А в чем?» — чуть не спросил он. Однако не посмел. Нитка решит, что совсем глупый…

— Нитка, а ты бывала на Запретке раньше? — «Вот дубина! Иначе откуда бы она так хорошо знала этот путь?»

— Конечно! И с девчонками, и одна… Я там знаю одно тайное местечко, в котором даже днем человека трудно заметить… Тём, я туда в тихий час бегала. А сейчас одна бы ни за что на свете…

Опять стали попадаться высоченные, как в лагере, сосны. И скоро возник в сумраке забор. Тём угадал его по запаху сухих досок и ржавой проволоки. Нитка выпустила пальцы Тёма.

— Где-то здесь доска отодвигается… А, вот! Лезь за мной.

Тём расцарапал живот. Зато за щелястым шатким забором он ощутил уют и защищенность. По дороге сюда ему, правду сказать, чудились неземные чудища, вроде черных великанских осьминогов. А сейчас он… такое чувство, будто с

ночной зловещей улицы попал на свой родной двор — тоже темный, но добрый и безопасный.

Вот странно… и хорошо. Ожидание близких приключений не пропало, но в этих приключениях не чудилось теперь никаких опасностей. Только радостное замирание и азарт.

— Нитка, где здесь твое секретное место?

— Идем… — и опять взяла его за пальцы.

Место было между остатками кирпичной стены и чем-то похожим на кривой домик, чья двускатная крыша одним концом уходила в воду. От крыши пахло теплым кровельным железом. Тём попытался приглядеться сквозь сумрак. Здесь, у воды, тьма была не очень густой. Вода слабо светилась и мерцала, будто в ней растворили алюминиевую пыль.

— Это старый ледорез, — шепнула Нитка. — Такая штука с острым гребнем на крыше. Раньше здесь была еще одна насосная станция, а ледорез защищал ее от льдин, когда весной они лезли на берег. Понимаешь, вода прибывает, а они лезут…

— Ага… — Тёму ясно представилась атака ноздреватых ледяных пластов.

— А внутри там пусто, как в избушке. В случае чего можно укрыться…

— А куриных ног у этой избушки нет? — хи-

хикнул Тём.

— Не знаю. Надо спросить у Кея… — Они сели рядом на песок.

Было тепло, влажно, пахло осокой.

— Купайся, — вздохнул Тём. — А я покараулю.

— А зачем караулить-то?

— Ну… ты же сама призналась, что боишься.

— Тём, я боялась идти сюда. И не к о г о-т о боялась, а темноты. А еще — грозы. Вдруг она подкатится близко! — И выдохнула ему в плечо: — Тём, я грозы боюсь уж-жасно.

— Нитка… если честно, то и я. Ну, не совсем ужасно, но тоже. Только про это никто не знает. И ты — никому…

— Конечно.

Иногда быть откровенным совсем не трудно. Особенно в темноте и когда так вот… доверие друг к другу. И Тём не боялся, что честное признание уронит его в Ниткиных глазах. Скорее наоборот…

— Но здесь-то уже не страшно, Нитка.

— Да… Пошли вместе в воду.

— Нитка, я не могу. Я без *плавок*…

— Ну… можно ведь и так.

— А потом в мокрых трусах в постель?

— Дурачок. «Так» это значит без всего… Я ведь

тоже без купальника. В нем нельзя. Наша Валентина постоянно у всех купальники щупает: не лазил ли кто-то в воду без спросу…

— Ты рехнулась? — слабым шепотом сказал он.

— Тём, да ты что? Темно же. И мы же… ничего такого. Давай ты отвернешься и зажмуришься, а я в воду. А потом я зажмурюсь, а ты — бултых. А в воде-то уже все равно… Тём, а то ведь обидно: шел сюда, продирался и даже не окунешься…

«А и правда…» Нырнуть, смыть с себя вязкую духоту и зуд захотелось отчаянно. И все же не это главное. Еще сильнее — желание сладкой запретной радости: частое стуканье сердца и веселый озноб. Вот оно — тайное приключение!

От приключений убегать нельзя, это нечестно. Это все равно, что убегать от судьбы. И… Нитка решит, что он трус…

— Только ты зажмурься как следует…

— Конечно! И ты. Давай…

Тём отвернулся, прижал к глазам ладони. Так, что в навалившемся мраке — желтые огоньки.

— Тём, считай до двадцати! — Шуршанье, легкий топот, плеск. — Ух, какая теплая вода! Тём, давай!

— Ты отвернулась?

— И зажмурилась!

Тём суетливо сбросил на песок трусы, положил на них очки. Сквозь «безочковое» туманное пространство различил на мерцающей воде темное пятно — Ниткину голову. Скорее, скорее… Головой вперед!

Ох, и правда тепло! Как в молоке, постоявшем полдня на солнечном подоконнике… Тём проплыл под водой несколько метров.

Оказалось, что купание без единого клочка одежды — совсем не то, что обычное купание. Сперва была стыдливая (и приятная) беззащитность, но почти сразу вода избавила его от этого чувства. Она была такая ласковая! Озеро приняло в себя мальчишку как свое родное существо, как рыбку, как… свою каплю! Тём растворился в нем. Он сделался частичкой этого озера, частичкой теплой темноты, частичкой природы. И даже… частичкой Нитки. Потому что она ведь наверняка ощущала то же самое.

Тём вынырнул, встал на твердом дне по грудь в воде. Дурашливо и бесстрашно фыркнул. Ниткина голова темнела в трех метрах, и слабо светились плечи.

— Тём… хорошо, да?

— Ага…

— Давай руку. Нырнем вместе…

— Нырнем… Ниткина ладонь была по-прежнему горячая.

Они нырнули вдвоем и плыли в глубине секунд десять.

Расцепили руки, выскочили на поверхность.

— Нитка, давай от берега и назад. Двадцать гребков туда и двадцать обратно.

— Давай!

Она плавала не хуже Тёма.

Потом они по грудь в воде брызгали пригоршнями друг в друга и прыгали, опять взявшись за руки.

Один из таких прыжков осветила беззвучная, но яркая зарница.

— Ой! — перепугались оба и сели в воду по уши.

— Тём, ты извини, но я не успела зажмуриться… Такая предательская вспышка. Но ты не пугайся, ты все равно был в воде выше пояса.

— А ты… я даже не знаю, я сразу ослеп. Да я и не вижу толком без очков, не бойся…

Тут над ними наконец грохнуло. Нитка взвизгнула и весело сказала в рифму:

— Ой-ёй-ёй, пора домой.

— Беги на берег, я отвернулся… Позовешь, когда

оденешься.

Она позвала очень быстро:

— Тём, иди, я зажмурилась.

Стало темнее прежнего, Тём почти не различал Нитку, но все же опять застеснялся. Как назло долго не мог найти на берегу трусы и очки… Ох, вот они! Он торопливо запрыгал на песке. В этот миг ударили крупные капли, сверкнуло опять и грянуло.

— Ай! Тём, ты готов?! Бежим под крышу!

Они забрались внутрь ледореза. В запах гнилого дерева и грибов. Сверху застучало, забарабанило, загудело. Между досками на секунду высветились щели. И снова: бах, трах, тара-рах! Тысячи железных ящиков с каменной горы!

— Мама… — Нитка мокрым плечом приткнулась к Тему. «Господи, а ведь у нее и мамы-то нет…»

— Не бойся…

«Не бойся, я сам боюсь…»

Ногами Тём нащупал позади себя широченную балку. Потянул Нитку:

— Давай сядем.

— Ага… Ой! — И прижалась опять. Потому что опять разгорелись щели и ударил трескучий разряд! Мокрые Ниткины волосы облепили Тёма.

— Тём…
— Что?
— А все равно хорошо… Да?
— Конечно!
— А… давай завтра опять…
— Ох, Нитка… давай…

После этого гроза пожалела их и стремительно заглохла.

4

Обратный путь был труднее, но показался короче. Наверно, потому, что среди мокрых кустов и колючек было не до страха. Одного хотелось — поскорее добраться до сухой постели… Хотя нет! Хотелось еще, чтобы поскорее пришло завтра.

Попрощались у домика, где спал и ничего не ведал Ниткин отряд (тучи не разошлись, было все так же темно). Потом Тём пробрался к себе. Никто не проснулся. Тём натянул до носа простыню, стал смотреть в еле различимый потолок и вспоминать, что было. И так уснул — с ощущением радостной и запретной тайны.

В течение следующего дня они с Ниткой не подходили друг к другу. Даже не переглядывались издалека — чтобы никто ничего не заподозрил. Все было условлено заранее. Вечером, после

одиннадцати — в таком же теплом сумраке, как накануне — они встретились у бревенчатой кухни, там, где бочка. Но в этот миг ударила гроза — похлеще вчерашней. И главное, долгая. Пришлось отсиживаться под навесом, где лежали дрова для кухонной печи. На плечи сыпалась древесная труха, и к щекам липли невесомые ленточки бересты. Нитка испуганно дышала у плеча Тёма.

А когда стало ясно, что на Запретку сегодня не попасть, она шепнула:

— Тём, давай утром, а? Рано-рано, в четыре часа…

— Ты что! В четыре уже светло! Рассвет!

— Нас же никто не увидит. И мы… тоже друг друга не увидим. По очереди закроем глаза — и в воду… А в воде утром знаешь как здорово… И туман над ней. Будто в тумане купаешься…

— Ох, Нитка… А ты не проспишь?

— Нет, я умею просыпаться, когда задумано.

Тём тоже умел…

Сосны в раннюю пору казались черными, но заря на севе-ро-востоке набирала силу. К этой заре, к светлой воде, Нитка и Тём выбрались после четверти часа пути по сырым зарослям и буеракам. Хотя нет, воды в тот момент не было

видно. Ее скрывала пушистая шуба тумана. Будто облако легло на озеро. А в небе облаков не было, там растворялся золотистый свет.

— Тём, вода под туманом знаешь какая теплая! Как под платком из пуха!

— Не потеряться бы в этом тумане…

— Найдем друг дружку по голосу… Ну, я пошла первая, отвернись и закрой глаза.

Тём не только отвернулся и зажмурился. Не только прижал веки пальцами. Пальцы он растопырил и зачем-то большими зажал уши, а мизинцами нос — будто купальщик-нови-чок, собравшийся окунуться с головой. Закрытыми ушами он не сразу услышал, как Нитка зовет:

— Тём!.. Ну, Тём! Где ты? Давай! Не бойся, я тебя не вижу!

Он оглянулся. Нитки под медленно клубящимся туманом **не**было видно. Только синие трусики и белая безрукавка валялись на песке. Тём глянул вокруг. Светло, но пусто и… безопасно. Он бросил трусы и майку рядом с Ниткиной одежонкой, уронил на них очки. Потянулся, впитал в себя прохладу утра и бросился головой в туман.

Вода и правда была очень теплая — теплее, чем прошлой ночью. И Тём опять начал радостно растворяться в ней.

— Тём, ты где?

— Здесь я!

— Иди сюда! Я — вот…

Он смутно различил Ниткину голову и плечи. Почти наугад протянул руки. И снова Нитка и Тём сцепили пальцы. И заплясали среди шевелящихся туманных волокон, среди теплых брызг…

Трудно понять, сколько времени резвились они в этом первобытном, только для них двоих созданном и спрятанном от всего мира озере. Наконец выкатилось над дальним берегом солнце, похожее на громадную влажную звезду. Оно в полминуты съело взвившийся туман. Стала видна широченная золотистая вода. Ржавая крыша ледореза сверкала от влаги.

— Тём, пора. Отворачивайся, я побежала… Я заберусь в ледорез, буду волосы там отжимать. Крикну — и ты входи.

— Не вздумай через щели глядеть, когда я…

— Бессовестный, — почти всерьез обиделась она. — Вот надавать бы тебе шлепков, как Кею.

— Я хотел сказать: не взгляни в щель случайно…

— Глупый. Да я даже там зажмурюсь, пока ты не скажешь, что готов.

Потом она крикнула из укрытия:

— Выходи! Можно!

Тём, пока одевался, с опаской, но весело поглядывал на ледорез. Потом окликнул:

— Нитка, можно к тебе?

— Иди…

Было похоже на старый чердак. Низкое солнце разрезало сумрак плоскими горизонтальными лучами. Нитка сидела на балке и выжимала черные густые пряди.

— Тём, помоги, а? Чтобы скорее высохли… Бери в две руки и выкручивай, как сырое полотенце. Только не дергай.

Тём послушался. Сбивчиво затюкало сердце. Он сказал сердито:

— Все равно они останутся влажные. Вот заметит ваша Валентина, будет тебе.

— Навру, что бегала под душ, спасалась от духоты… Да они быстро сохнут… Ай, я же сказала: не дергай!

— Нитка…

— Что, Тём?

— Завтра опять, ладно?

Так было пять дней подряд. Вернее, пять рассветов. Рано-рано удирали они на озеро, и начинался праздник, от которого сладко замирала душа. Они понимали, сколько запретов нарушают (недаром

же — Запретка!), но этот риск делал их тайную игру приключением.

Каждый раз они были на Запретке совершенно одни. Только один раз бесстрашно прошлась по песку похожая на кулика птичка — от нее осталась цепочка мелких трехпалых следов. Птичка весело поглядела на мальчишку и девчонку и вспорхнула.

— Не вздумай наябедничать, — весело сказала ей вслед Нитка с крыши ледореза.

Теперь Нитка и Тём, выбравшись из воды, не спешили одеваться. Пока Тём жмурился, Нитка забиралась на скат ледо-резной кровли. Там она отворачивалась, и тогда залезал туда же Тём. Они оказывались почти рядом, но между ними стоял торчком полуоторванный кровельный лист. Тём и Нитка видели только головы и плечи друг друга.

От вздыбленного листа пахло теплой домашней крышей. То железо, на котором лежали Нитка и Тём, тоже было теплым, не успевало остыть за короткую душную ночь. Они обсыхали на утреннем ветерке, под первыми, не жаркими еще, но ласковыми лучами…

А потом — как всегда:

— Тём, я пошла, закрывай глаза.

Ни разу не нарушили они свое слово: даже краешком глаза не взглянули друг на дружку, когда раздетые. Ну… по крайней мере когда на берегу.

В глубине Тём позволял себе открывать глаза. В воде он видел без очков гораздо лучше, чем на суше. Хотя виделось-то не много. Озерная вода была не очень прозрачная, в ней стоял желтоватый сумрак. Раннее солнце только гладило ее, но не проникало внутрь. Но когда Нитка проплывала совсем близко, Тём различал ее светлое тело, черный поток волос и темные от загара ноги.

Однажды Тём и Нитка сошлись под водой лицом к лицу.

И Тём увидел, что Ниткины глаза тоже открыты! Даже здесь было видно, какие синие! Нитка чуть улыбнулась и… погрозила пальцем.

Тём перепуганно вылетел на поверхность чуть не по пояс. Нитка — следом. Тём успел заметить, что Ниткина грудь совсем как у пацана — никаких выпуклостей. Ну, или чуть-чуть… Оба тут же плюхнулись обратно — по горло. Поглядели друг да друга и… ничего не сказали. То, что случилось под водой, было там, в другом мире. А здесь опять все сделалось как раньше…

5

Наконец их кто-то выследил и «настучал» начальству. Кто именно, Тём не знал, и было ему на это наплевать. Нитке тоже. Плохо другое — чуть не растоптали сказку.

…Раннее утро этого дня было чудесным, как и прежние. Но к полудню стало пасмурно, зарядил дождик. Сперва теплый, не сильный, но упорный.

Этот дождик шумел за открытым окошком и после обеда, когда Тём лежал в кровати. Был тихий час.

Летний лагерь «Приозерный» был не то, что давние пионерские лагеря, никто не требовал, чтобы в тихий час «дети» непременно спали. Можно было играть в шахматы, поставив между койками табурет с доской, можно болтать потихоньку. Главное, чтобы каждый был в своей постели. Некоторые читали — те, кого жизнь еще не отучила от такой старомодной привычки.

Тём взял с подоконника наугад чью-то потрепанную книжку. Оказалось, это «Повести и рассказы» А. Куприна. Тём быстро пролистал давно знакомые истории про белого пуделя, про кошку Ю-ю, про слона, которого привели в гости

к больной девочке… И наконец наткнулся на не читанный раньше рассказ «Храбрые беглецы».

Речь шла о мальчишках, живших в давние времена в сиротском пансионе, вроде приюта. Ничего себе, приют! В бывшем дворце графа Разумовского! И постели за воспитанниками там заправляли специальные горничные или дядьки Матвей и Григорий… Хотя все равно сиротская жизнь — не мед.

Девочки обитали в другой, строго отделенной от мальчишек половине пансиона («Как у нас, разделение на разные отряды», — подумал Тём). Десятилетний воспитанник Нельгин влюбился в смуглянку Мухину и однажды во время урока танцев сунул ей в руку записку с признанием.

Про «тайную связь» как-то узнало начальство.

«А на другой день, на уроке закона божьего, — читал Тём, — раздался в коридоре тяжкий топот и звон колокольчиков, отчего чуткое сердце Нельгина похолодело и затосковало…

— Нельгин! Иди-ка сюда, любезный!

И бедного влюбленного повели наверх, в дортуар, разложили на первой кровати и сняли штанишки…»

Тём от души пожалел беднягу, получившего за свою любовь от бесчувственного дядьки Матвея

«двадцать пять добрых розог», но вместе с жалостью ощутил и тревогу. Предчувствие какое-то. Оно нарастало вместе с шумом дождя, который делался все неласковей. И стало совсем худо, когда в сенях фанерного домика послышались тяжелые шаги — у Тёма тоже было чуткое сердце.

Шаги принадлежали дежурной вожатой Шуре.

— Темрюк, пойдем-ка со мной, голубчик…

На крыльце Шура накрыла Тёма полиэтиленовым дождевиком. Но в этой заботе было что-то казенное, и она не успокоила Тёма. По дороге к штабному домику Тём уже знал, зачем его туда ведут.

И не ошибся.

Нитка была уже там. Стояла перед голым дощатым столом, за которым разместился «состав суда». Она посмотрела на Тёма понимающим взглядом, и он встал рядом, уронив на пол накидку.

За столом восседали вожатые Даля-Магдалена, Валентина, Демьян и директорша лагеря Анастасия Климовна. Младших инструкторов не было. Наверно, из-за деликатности вопроса решили их не приглашать, не играть в демократию. Шура тоже подсела к столу — рядом с кудрявым Демьяном (он часто задышал и отодвинулся).

Худая, похожая на пожилую английскую леди, Климовна с полминуты сокрушенно смотрела на Нитку и Тёма — как добрая тетушка, которая не хочет, но обязана разоблачить и выпороть провинившихся племянников.

Нитка нагнулась и стала гладить пальцем свежую царапину под коленом. Дождь гулко стучал о фанерные стены, из окна пахло, как бедой, мокрыми сорняками.

Климовна села попрямее и сказала:

— Ну? Будем сразу признаваться или сперва поломаемся-поотпираемся? — Ее простецкая лексика не вязалась с английской внешностью.

Нитка, не разгибаясь, стрельнула в директоршу взглядом:

— Знать бы, в чем признаваться…

— В самовольном купании, дорогие мои! В побегах с территории лагеря и в проникновении в запретную зону! Вам разве не известно, что за каждое из таких дел, взятое даже в отдельности, грозит исключение?

Тём одолел противную слабость в животе и дрожание коленок. Что бы ни случилось потом, а надо поддерживать Нитку. Слабым голосом, но с намеком на дерзость, он выдал, глядя поверх судейских голов:

— Подумаешь. Сколько народу самовольно купается, всех выгонять, что ли?

Климовна далеко вытянула из воротника худую шею.

— Они просто купаются. Не в т а к о м виде, как вы…

Вот оно! Масштаб скандала и тяжесть неизбежного позора были столь велики, что Тём не смог их почувствовать до конца. Умом все понимал, но большого страха (вот удивительно!) не было. Только тошно.

Нитка распрямилась, чуть улыбнулась Тёму — быстро так — и скучновато спросила Климовну:

— А в каком виде?

— Ты сама знаешь!

— А ни в каком не «в виде», — тем же тоном сообщила Нитка. — «В виде», это когда люди друг друга видят. Амы даже ни разу не взглянули друг на дружку, *когда в*воду шли и обратно… Тём, скажи!

— Да! — Тём ощутил, что Нитка смелее его, крепче его. А он что, разве совсем хлюпик?

— Так мы вам и поверили, — деревянно сказала Ниткина вожатая Валентина.

В ответ Нитка так пфыкнула губами, что полетели брызги:

— Ну и не верьте! Мы-то все равно знаем.

Климовна запыхтела и стала слегка полнеть.

— Не знаю, что в ы знаете. А вот когда об этом узнает весь лагерь… Что скажут ребята, а?

Помирать так с музыкой.

— Лопнут от зависти, — сказал Тём.

— Темрюк!! — Фанерный домик содрогнулся от вопля начальницы лагеря. Кудрявого Демьяна отшатнуло от нее прямо к Шуре. Он шарахнулся обратно.

А Нитка не дрогнула. И Тём почти не дрогнул.

Климовна отдышалась и застегнула верхнюю пуговку у ворота. И слегка успокоилась.

— Если ты, Назарова, утверждаешь, что вы «не смотрели», то какой смысл был купаться вот так… без всего?

Нитка пожала плечами:

— Чтобы не узнали. Валентина все время купальники щупает…

— А Демьян наши плавки проверяет, — мстительно добавил Тём.

— Не ври! — мальчишечьим голосом возмутился Демьян. — Это… один только раз! Потому что… стоит отвернуться, как вы уже в купалке!

— Ага, один раз…

— Пусть он не увиливает, — прежним деревян-

ным голосом заявила Валентина. — Сейчас он еще скажет: «Чего такого, мы просто играли»… А от таких игр потом дети появляются.

— Валя… — сдержанно осудила дуру начальница.

— А что? Бывали случаи… Вы, Анастасия Климовна, сами знаете…

Тём не решился взглянуть на Нитку. Но «чутким сердцем» уловил: она вдруг ослабла, может заплакать даже.

И тогда он оглядел вожатых и начальницу. И отчетливо разъяснил им всем:

— От того, что люди в одном озере купаются, «дети» не бывают. Они бывают, если двое ночуют вместе. Где-нибудь в заброшенной сторожке. За территорией лагеря.

Демьян закашлял, а уши его зацвели. Девицы приоткрыли рты, Шура стала дергать косу. Климовна грудью легла на стол:

— О чем это ты, Темрюк?

— Да ни о чем. Просто пример… — А в душе тихое злорадство.

— С примерами надо быть поаккуратнее, — с назидательностью, но не очень уверенно разъяснила Климовна. — И… не знаю даже, что с вами делать… Для начала имейте в виду, что вы

получили по строгому выговору на педагогическом совете лагеря. А чтобы не было хуже, вы должны дать честное слово, что впредь… ничего такого… Ни разу! — Она опять выпрямилась по-королевски.

Нитка и Тём опять глянули друг на друга.

— Дадим, Тём? — спросила Нитка (а в глазах, кажется, смешинки). — Все равно погода испортилась.

— Ага, — с простодушным видом согласился он. А в душе, признаться, великое облегчение («Неужели все обошлось?»).

— Нахалы, — печально сказала начальница. — Марш по палатам и сидеть там как мыши, до конца тихого часа.

Тём поднял с пола накидку. Нитка — свою, такую же. И они вышли на крыльцо. Там они молча глянули друг на друга и взялись за руки. А чего говорить-то? Грустно, что тайна и приключения закончились, но все равно они были… И… возможно, будут когда-нибудь еще.

Нитка и Тём пошли рядом по песчаной дорожке, под шуршащим дождем. Но всего несколько шагов. Сзади послышался голос Демьяна:

— Артем, постой! Разговор есть…

Тём попрощался с Ниткой глазами и дождался

Демьяна. У того не было накидки, но Тём не сказал «давай накроемся вместе». Вот еще!

— Слушай, Темрюк, зачем уж ты так-то? — с нерешительной ноткой выговорил Демьян.

— Как «так»?

— Ну… ябедничать-то нехорошо.

— Вы это мне говорите?! Сами разнюхали, настучали про нас, а теперь…

— Тём, это же не я! Клянусь! Я даже не знаю кто!.. Я за тебя перед Климовной заступался. А ты на меня такое… Как-то не по-мужски…

— А плавки лапать у пацанов — по-мужски?

— Да я не об этом. Зачем про сторожку-то?

— А-а! — Тёму стало смешно. — А с чего вы взяли, что это про вас? И вообще… Туда ходят все, кому не лень. Весь лагерь знает. И Климовна. Она что, глупее других, по-вашему?

— М-да… Ну, ладно… Слушай, Тём, а можно задать тебе прямой вопрос? На честность…

— Ну…

— Вы, что ли, правд а ни разу не взглянули там друг на Друга?

— Да конечно же! — Тём вскинул лицо, по нему сразу ударили капли. Тём опять нагнул голову. Бесполезно объяснять. Как тут скажешь? «Мы же обещали друг другу… Иначе поломалась бы

сказка… Тогда бы мы перестали быть теми, кто есть — Ниткой и Тём ом, у которых тайна…»

Демьян несколько долгих секунд шагал молча. Потом вздохнул:

— Ну, значит, я прав. Я Климовне так и говорил: «Ничего у них не было, просто игра в пионерскую любовь»…

В давние времена летний лагерь «Приозерный» назывался пионерским и были здесь трубы и барабаны, маршировки с бодрыми песнями, утренние построения отрядов с выносом знамени и подъемом мачтового флага. Потом пришли другие времена, и теперь все, что связано с пионерами, полагалось обхихикивать. И, если кто-то дурачась говорил «честное пионерское», значит, ясное дело, врал. Пионеры прошлых лет считались недоумками. Они умели только отдавать салюты, коллективно бороться за отличную успеваемость, каждый день гладили свои красные галстуки и не знали, чем девочки отличаются от мальчиков…

Тём сказал тихо и ожесточенно:

— А что, настоящая любовь, это когда только там, в сторожке? Ну и… — Он сдернул и скомкал накидку. — Вот, отдайте вашей Шурочке, это ее… — И побежал к домику «М-2». Хотелось

заплакать, но в подступивших слезах не было горечи. Наоборот, что-то хорошее. Благодарность Нитке…

6

Больше они не бегали в Запретку. Не удалось бы теперь удрать незаметно. Да и рассветы сделались не те — пасмурные, хотя и не холодные.

Зато днем Тём и Нитка постоянно были рядом — как бы назло всем (хотя, по правде говоря, мало кто обращал на это внимание). В одной команде играли в волейбол, вместе вызывались дежурить на кухне, рядом сидели у вечерних уютных костерков. И вместе каждый день искали Кея. Вытаскивали его из таких закоулков, куда нормальный человек и не догадается забраться.

— Все-таки ты настоящая Герда, — тяжело дышал Тём, выволакивая Ниткиного братца с кухонного чердака или из обширной конуры, валявшейся в репейниках (в прошлом году в конуре обитал сторожевой пес Тимка, осенью он сбежал; Кей был уверен, что у конуры скоро вырастут ноги). Потом они под навесом у цистерны отмывали пойманного беглеца. Нитка терла его, голого и тихо визжавшего, большущей деревенской мочалкой, а Тём поливал его из шланга. И зорко

следил, чтобы рядом не появились посторонние. Нитки и Тёма Кей не стеснялся (сестра она и есть сестра, а Тём тоже вроде бы свой, Ниткин друг), но отчаянно боялся, что банную процедуру увидит кто-нибудь еще.

Потом он, вытертый насухо и одетый в чистое, убегал, чтобы исчезнуть снова.

— Нитка, а почему он иногда прихрамывает? Связку растянул, что ли?

— Нет. Это у него врожденное. Сперва сильно косолапил, а потом выправили… Вообще-то у него все нормально, он ведь даже танцами в детском саду занимался. Но если забудется — глядишь, опять начал ступню подволакивать. Такой раз-гильдяйщик…

Так прошла последняя неделя лагерной смены. Затем все разъехались. Нитка и Кей жили в поселке Коробчиха, в сотне километров от города. Тём понимал, что часто видеться не придется.

Так и случилось. Они переписывались иногда, но в письмах не было почти ничего от той короткой и почти сказочной дружбы в «Приозерном». Лишь один раз проскочило: «Кей, мы вчера чинили голландскую печь, отрывали железные листы, и они пахнут так же, как тот железный лист на ледорезе, в За-претке…» Да еще Кей иногда при-

рисовывал на письмах сестры кривую избушку на курьих ногах…

Минуло два года. И письма стали совсем редкими, а встретились Тём и Нитка лишь однажды, в девятом классе, на весенних каникулах. Ниткин класс приехал в городской театр на спектакль «Снежная королева» (бывают же совпадения!), и Тём тоже оказался там. Маме на работе дали бесплатный «благотворительный» билет. Тём поворчал для порядка, что «детская сказка для младшего школьного возраста», но что-то шевельнулось в его «чутком сердце», ожидание какое-то. И — правда…

Они увиделись в антракте, обрадовались, но было в этой радости и смущенье. Вязкое такое, с трудом одолимое. Говорили ни о чем — в первом антракте, во втором. Наконец Тём ухватился за спасительную тему:

— А как поживает бродяга Кей?

— Ну, как… Во втором классе уже.

— Учится-то нормально?

— А, троечник…

— Троечники тоже люди…

После спектакля Тём проводил Нитку до поезда. Обещали друг другу писать чаще. И правда, в течение недели написали по два письма. Но потом

опять все «спустилось на тормозах»…

Так бы оно и ушло в прошлое. Сделалось «памятью о детстве», если бы не новое обстоятельство. Нитка с отцом и Кеем (и с очередной мачехой) перебралась в город. Как-то удалось им поменять коробчихинский дом на городскую квартиру. Это случилось, когда Тём заканчивал школу.

Опять они увиделись и обрадовались друг другу. Но той весной и летом встречались не часто. И все как-то на бегу. Оба сдавали выпускные экзамены, потом Артем подал заявление в Гуманитарный институт, на истфак. Хотелось в археологи. Все лето он сидел над учебниками, пришлось даже уйти из секции дзюдо.

Вступительные экзамены закончились в середине августа, и почти сразу будущих первокурсников послали копать картошку на сельских полях. Вуз был не государственный, однако его начальство с официальными властями спорить не хотело, себе дороже. Раз нужны на осенней уборке «молодые и сильные», пусть едут. Тем более что будущим археологам лишнее копание в земле не повредит — тренировочка…

Вернулись в октябре. И вот тогда-то у Артема и Нитки началось что-то вроде настоящего романа. Впрочем, нет, не настоящего, а тоже «пионерско-

го». Потому что дальше поцелуев дело не пошло. Целовались в подъездах, в озябшем парке, в полутемном студенческом кафе. Осень была сухая и золотисто-оранжевая. Предновогодняя зима — ласковая, с искрящимся под фонарями летучим снегом, который был теплым, как тополиный пух. А Ниткины губы сперва были холодные, но быстро согревались и почему-то пахли, как мандариновые дольки.

Но целоваться удавалось не всегда. Потому что часто с ними был Кей, даже по вечерам. Нитка не любила оставлять его дома с отцом, который «опять взялся за свое…».

Подросший, одиннадцатилетний Кей вел себя деликатно. Случалось, что надолго отходил от сестры и Артема — то к игровым автоматам в кафе, то к ледяным горкам в саду с праздничной елкой. Но в этой деликатности Артем угадывал иронично-спокойное понимание: «Пожалуйста, я вам не мешаю…»

Никаких планов на будущее Артем и Нитка не строили. Было им хорошо, вот и все.

Потом надвинулась на Артема зимняя, первая в жизни сессия, которая убедила первокурсников, что студенческая жизнь — не сахар. И, «спихнув» последний экзамен, Артем отсыпался две недели

— почти все каникулы.

В феврале Нитка поступила на какие-то портновские курсы, а у Артема заболела мама.

Весна прошла суетливо и тревожно. Свидания опять сделались редкими и короткими. Когда маму выписали из больницы, был уже май, и тень новой сессии грозно нависла над первокурсником истфака Темрюком. Артем был не из тех храбрецов, что учатся через пень-колоду, на экзаменах уповают на счастливую судьбу, а при провале философски посвистывают сквозь зубы. Перед каждым зачетом он изрядно трусил, и это выматывало нервы. Так что о Нитке вспоминал он в ту пору далеко не каждый день.

А когда сдал последний экзамен, спохватился: что-то долго она не звонит, не приходит. У Нитки телефона не было, звонила она всегда с автомата. Артем побежал к ней домой.

Дверь открыл Ниткин отец. Щетинистый, опухший, полупьяный. Из-за него выглядывала помятая тетка в вязаном, с прилипшим мусором, платье.

Артем сразу понял: что-то не так.

— Анита дома?

— Может, и дома, — ухмыльнулся папаша. Рыгнул селедкой. — Только дом у нее теперь не тут…

— А где?

— Тю-у… — опять усмехнулся он.

— Я спрашиваю: где?

— А чё ты орешь?.. Уехала вместе с братцем.

— Куда?

— Куда? — вдруг скривился он. — А ты поищи! У вас ведь никак любовь? А любовь — она сила. Она это… через все преграды… Вот и… преодолевай… — И захлопнул дверь.

— С-сука, — сказал в эту дверь Артем. И вдруг изо всех сил разозлился на Нитку. Похоже, у нее что-то случилось, но предупредить-то могла! Хотя бы звякнула перед отъездом.

Несколько дней ходил он, то маясь от беспокойства, то глотая обиду, то вдруг успокаиваясь: «Ну, уехала, и ладно. Проживу… А что между нами было-то? Не невеста же…»

С этим странным, тяжелым спокойствием он уехал на летнюю практику, на раскопки в Юташскую степь, где под слоем впервые распаханной целины были найдены остатки неизвестной культуры. Когда-то стоял там город — ужасно древний и непонятно чей.

И было все, как мечталось: сухая земля курганов, черепки с таинственным орнаментом, запах полыни, черные ночи с белыми звездами, кост-

ры, гитара. Друзья-приятели… Только тревога нет-нет да и возвращалась.

А потом покрытый пыльным загаром пацан-велосипедист привез из ближнего поселка телеграмму для Артема Темрюка. Телеграмма была от тетки. Умерла мама.

Умерла она не от своей давней и привычной болезни, а от сердца. Внезапно…

И потянулось потом длинное, пустое, похожее на пролившийся черный клей лето. Жизнь в пустой трехкомнатной квартире, где висели в прихожей мамины пальто и плащ, где стояла на кухонном столе мамина чашка, где полосы солнца лежали на нетронутой, аккуратно застеленной маминой кровати. Где в каждом пятнышке света, в каждом скрипе паркетных плиток чудилась мама…

Довольно скоро напомнила о себе «суровая жизнь», которой плевать было на тоску и потерянность восемнадцатилетнего студента-историка. Нужны были деньги: тратить их на хлеб и картошку, платить за квартиру и телефон, покупать башмаки и брюки взамен совсем истрепавшихся…

Нашлись советчики: продай-ка ты, Тёма, эту большущую квартиру, купи однокомнатную,

по дешевке, а оставшихся денег хватит тебе не меньше чем на все годы учебы. Спасаясь от тоски, Артем окунулся в эту торгово-обменную компанию. Маклеры, фирмы, юристы, продажа вещей и мебели, беганье по конторам за всякими справками. Квартира ушла к другим владельцам. Артему сулили другую, маленькую, плюс изрядную сумму. Даже выдали небольшой аванс. Остальные деньги обещали вручить в день его вселения на новую жилплощадь. Но в этот самый день оказалось, что жилплощадь принадлежит другим людям, которые очень удивились визиту Артема: они только что вернулись с дачи и слыхом не слыхивали, что кто-то продал их квартиру. Идите-ка молодой человек, пока мы не вызвали участкового…

Все документы оказались липовыми. Улыбчивых маклеров как ветром сдуло. Артем пошел в милицию. Там поухмыляли и сказали: не надо было подписывать бумаги о продаже, не проверив десять раз, кто есть кто. Теперь обращайтесь в суд, но «дружески» предупреждаем — дело гиблое.

Артему опять стало все равно. Он перебрался к тетке, отдал ей почти все деньги и стал жить, ни о чем не думая. В серой беспросветной пустоте. На-

чались занятия в университете, но Артем почти не ходил на лекции. Болтался по городу или целыми днями лежал на кровати. Когда принесли повестку, он не сделал ничего, чтобы избавиться от призыва. Да, вуз не государственный, и студентам не полагалась отсрочка. Но можно было все же протестовать, отбиваться. Может быть, и отбился бы, если бы очень постарался. Кое-кому удавалось. А Артем к тому же в очках… Но не было желания что-то делать. Наплевать. Пусть все идет, как идет. По крайней мере не надо ни о чем думать.

Ну и пошло. Казарма, «деды», разбитые очки. Пару раз он вспомнил приемы дзюдо. Это не очень помогло: чего ты можешь со своими приемами один против дюжины? Помогло другое. Однажды, глядя в бесцветные глаза щекастого сержанта, Артем процедил: «Пойми ты, ублюдок, — мне все равно, что будет со мной. А тебе, я вижу, твоя шкура дорога. Вот и делай вывод…» Тот вместе с «дедами» вывод сделал, жить стало малость полегче. Но очень скоро оказалось, что первогодок Темрюк подписал заявление, чтобы его добровольцем отправили в неспокойные южные края. Доказывать, что подпись фальшивая, Артем не стал. Подумал: «Хуже не будет». Только

сказал один на один командиру взвода: «Сука ты все-таки, подпоручик». И тот ничего, стерпел.

А потом было… Ну, в общем все, что было. И госпиталь. И возвращение. И утренняя летняя улица. И визг затормозившего «москвичонка» — Нитка выскочила из машины, бросилась через дорогу:

— Тём!

Они успели только обняться — вот так, с маху, посреди улицы — и обменяться парой слов. Пожилой дядька в «Москвиче» нетерпеливо давил на сигнал.

— Это наш начальник смены на фабрике, он взялся подвезти меня. Там у нас спецзаказ… Тём, давай в пять вечера у фонтана, где раньше! А?

— Ладно, Нитка! Обязательно!

А может, она замужем? А может, все, что было, давно уже не имеет значения? Да и что было-то? Детство… И эти объятия посреди улицы — тоже память о детстве… И все же светлый зайчик прочно поселился в душе Артема. Этакая надежда на будущую радость…

7

Они сидели на бетонном ограждении квадратного бассейна с тремя каменными дельфинами

посредине. Фонтан не работал. Он и раньше не работал — в те дни, когда Артем и Нитка назначали здесь друг другу свидания. Впрочем, это было чаще всего зимой, а тогда какие фонтаны! Дельфины сидели, нахохлившись, в снежных шапках. А сейчас на сухом дне — лепестки отцветающих яблонь и пивные пробки.

Нитка, в пестро-синем сарафанчике, с синей лентой на черных волосах, прижалась к нему голым поцарапанным плечом (совсем как прежняя Нитка, еще там в «Приозерном»). Глядя перед собой, сказала требовательно:

— Давай без охов и ахов. По порядку, каждый про себя, что с нами было. Сперва ты.

— Нет, сперва ты…

— Нет, ты…

Он рассказал. Про то, предармейское, лето — подробно. Про армию — коротко.

— А теперь вот опять… нищий студент. А ты? Небось замужем?

— Дурень…

— Ты же так пропала тогда. Нежданно-негаданно…

Плечо у нее дернулось, затвердело.

— Тём… не было выхода. Я была такая… вся не в себе… Кея схватила — и на вокзал. В Ново-Кар-

тинск, к бабушке. Куда деваться-то…

— А что случилось?

— Ну… он же совсем с ума сошел. Сперва не сильно приставал, будто играючи, а в ту ночь полез по-настоящему…

— Кто?

— Ну, кто… Отец.

— Как полез?

— Тём… ну, ты совсем дитя, да?

— Гад какой… — выдохнул Артем.

— Нуда… Тём, я тебе писала потом. Два письма. Ты, значит, не получил… А после уж не до писем стало, когда случился этот ужас…

«В этом ужасе ты и нужна была мне», — хотел сказать Артем, вспомнив безысходность похоронных дней. Только вдруг, как у мальчишки, намокли глаза.

— А теперь ты… значит, опять здесь?

— Отец завербовался куда-то на Север. Он развелся с той… ну, которая тогда была у него. И она отсудила у него квартиру.

— А где же ты теперь?

— В общежитии, на фабрике. У нас комната на двоих.

— С Кеем?

Нитка отодвинулась.

— Господи… Тём…

— Что? — сразу ахнуло в нем темное эхо беды.

— Ты же… ну да. Откуда ты мог про тот ужас знать…

— Нитка, что?!

Она заплакала сразу, взахлеб, с крупной дрожью. Прижалась опять.

— Нету Кея…

Здравствуй, месяц и луна,
Здравствуй, странная страна…

Там избушки Бабов Яг
Стопом пляшут краковяк…

Наверно, не случайно сегодня вспомнились эти стихи. Там, на Пустырях.

Кей… Задумчивый малыш в полинялой матроске. Потом — независимый пацан с нестрижеными пепельными волосами. Щуплый, невысокий — даже и не скажешь, что двенадцатый год… Последний раз Артем видел его позапрошлой весной, теплым майским днем. Случайно встретились на улице. Тём спешил в институт, Кей топал навстречу — в тесной выгоревшей футболке с цифрой «7» на груди, в стареньких пыльных джинсах.

— Тём, привет! Ты куда?

— Сдавать английский, будь он проклят…

— Ни пуха ни пера!

— К черту! Скажи Нитке, что я скоро забегу к вам.

— Ага! — И зашагал вдоль усыпанного желтыми одуванчиками газона — легонький, беззаботный, и проскакивала в походке чуть заметная привычная хромота…

Оказалось, что в Ново-Картинске житье — тоже не радость. Никто не ждал там Нитку, да еще с братом! Бабка сама обитала в старом двухэтажном бараке, которому было уже полсотни лет, в тесной комнате. Конечно, приняла внуков, но, прямо скажем, без восторга. Нитка поняла, что везде надо пробиваться самостоятельно.

Хорошо, что нашлась в этом городе старая мамина знакомая, тетя Роза. Обещала устроить Нитку на местный швейный комбинат, где вроде бы всегда вовремя давали зарплату. Сказала, что поможет снять недорогую комнатку на окраине. На свои деньги купила какую-то льготную путевку для Кея — чтобы тот четыре недели прожил в летнем лагере и не путался у сестры под ногами, пока она будет хлопотать о жилье и работе.

Кей не хотел в лагерь. Ужасно не хотел! Потому

что знал: будет скучать без Нитки. Он еще никогда не расставался с сестрой надолго.

— Тём, он даже заплакал, когда надо было садиться в автобус, — всхлипнула Нитка. — Будто чувствовал…

Автобус был маленький, на двадцать человек. Почти никто не уцелел, когда под ним взорвался могучий заряд тротила. Это случилось уже в конце рейса, недалеко от лагеря «Три богатыря». Говорили, что мафия свела счеты с каким-то бизнесменом, чьи дети ехали в этот лагерь… Чушь какая! Дети бизнесменов не ездят в такие места отдыха. Они ездят в Анталию и на Канары…

— Ты разве ничего не слышал про это?

— Слышал, конечно… Только разве я мог подумать, что там — Кей?

Он и правда слышал про взрыв автобуса, в котором погибли школьники. И, конечно, ужаснулся. Но ужаснулся привычно, на короткое время, потому что каждый день где-то кто-то взрывался, падали вертолеты и самолеты, летели с путей поезда, горели поселки, а на южных границах шла стрельба, от которой тоже гибли вместе со взрослыми ребятишки. Артем заслонился от событий взбесившегося мира своими заботами, потому что все равно ничем никому помочь он

не мог. Так он говорил себе… И уж не потому ли вскоре с ним случилось… то, что случилось?

Так подумал он теперь. И через минуту спросил:

— Нитка, а где его похоронили?

— В Ново-Картинске… В общей могиле… Тём, многих ведь… было и не узнать. Да не то, что не узнать, а… Я Кея нашла только по браслету на левой руке. По плетеной «феньке» из черных и оранжевых проводков, я сама ему сплела незадолго до того… Тём, я тогда при этом при всем… при опознании… как-то окаменела. А потом уже, после похорон… меня почти месяц не могли привести в себя. Все чудились эти цинковые столы и… то, что на них. Тём, ты не представляешь…

Он сказал осторожно:

— Я представляю. Я видел…

— Что?.. А, да, конечно… — И Нитка взяла его холодными пальцами за локоть.

Все с той же осторожностью Артем спросил:

— Значит, сейчас ты совсем одна?

— Значит… — шепнула она. От волос ее пахло чем-то хорошим, знакомым.

— И я… Нитка…

— Что, Тём?

— Ты одна, и я один. Мы… будто давно шли друг

к другу. Может, судьба?

Он был уверен сейчас, что все говорит и делает абсолютно правильно. Потому что и правда — судьба. А что же еще? Тем более что была в душе и щемящая жалость, и ласковость, и резкая нежность от касания этого тонкого поцарапанного плеча.

Артем решительно прижал ее к себе.

— Нитка…

Она — умница. Не стала бормотать: «Я не знаю… Как же так сразу… Давай подумаем…» Прошептала только:

— Тём, а жить-то где?

— Я найду где. Я знаю. Может, это даже лучше, чем… Ну, ты мне поверь. Идем!

— Ой, Тём! Я не могу! Мне сейчас опять на работу. Во вторую смену.

— Какая вторая смена в наши дни! Когда фабрики неделями стоят без работы!

— А у нас особый заказ, срочный, я же говорила! Мы шьем костюмы для концертных бригад, которые будут выступать на летнем городском празднике. На него приедут иностранцы…

— Опять пир во время чумы!

— Зато обещали заплатить сразу же! А если не приду, уволят…

Артем проводил Нитку до фабричной проходной. Поцеловал решительно, на глазах у всех. Сказал, что завтра в восемь утра придет за ней в общежитие.

— А сейчас я пошел выбирать замок для принцессы.

— Тём… мы там повесим фотографию Кея, ладно? У меня есть большая. Пусть он будет с нами…

— Да, — сказал Артем.

Вот уж не думал он, что так скоро придется вспомнить о предложении старика в панамке. Милейшего Александра Георгиевича. О свободном домике на Пустырях. Но пришлось. И хорошо! Все к лучшему… Только вот куда денешься от этой печали:

Ёлки-палки, лес густой.
Путь по лесу непростой…
Но за лесом тем, я знаю,
Сто волшебнистых лужаек…

Эта печаль будет с ними всегда, с Артемом и Ниткой. Так же, как печаль о маме, о прежних годах. О всем хорошем, что было…

Прежней дорогой Артем вернулся на Пустыри. Был восьмой час, но солнце светило еще вовсю

— начало июня. Только тени стали длиннее. И круглая луна стала ярче, отчетливей. А месяц спрятался за крышами пустых цехов.

Среди эстакад и кирпичных будок, под изгибами ржавых трубопроводов, между упавших башенных кранов и опрокинутых вагонеток мирно, нетревожно звенела предвечерняя тишина.

Потом в тишину вплелись ребячьи голоса.

Несколько пацанов — уже не в индейских костюмах, а в обычных штанах и майках — кого-то выслеживали в чащах иван-чая и белоцвета. «Может, гоняют местных зайцев вроде Евсейки», — мелькнуло у Артема.

Ребячьи головы мелькали среди высоких стеблей, листьев и лиловых цветов-свечек. Один из мальчишек звонко скомандовал:

— Вы бегите к ручью, а я покараулю здесь! — и спиной вперед выбрался из зарослей на лужайку с желтым мелкоцветьем. Остановился, не оглянувшись на Артема.

И Артем остановился. Не вздрогнул. Просто подумал с печалью: «Это называется «отражение памяти». В самом деле, бывает так: о ком-то сильно думаешь и вдруг будто встречаешь его. А потом видишь — просто похожий.

Очень похожий. Знакомые пепельные волосы,

знакомо растопыренные локти и узкие плечи… Господи, даже футболка та самая, с цифрой «7» на спине. Вдруг он обернется, и…

Артем скомкал в душе нелепую надежду. Сердито сказал себе: «Идиот. Прошло два года».

Если бы даже чудо (вернее, какое-то «сверхчудо»!), то все равно — он был бы уже не такой. Он превратился бы теперь в тощего длинного «тинейджера».

«Уходи», — с тоской попросил его Артем. Мысленно, конечно. Мальчишка попятился, приближаясь к Артему, но не оглядываясь. Остановился. Повел плечами. Постоял и пошел снова в заросли. Он чуть заметно припадал на левую ногу. Артем не выдержал. Не мальчишке, а себе сдавленно сказал:

— Кей…

Тот оглянулся. Обрадовался. И удивился, но не очень:

— Ой, Тём! Как ты сюда попал?

III. СТРАННАЯ СТРАНА СОМБРО

1

Нитка отмывала Кея в глубоком жестяном ко-

рыте, которое одолжили соседи. Их, соседей-то, здесь, на Пустырях, оказалось не так уж мало. Нитка с усердием, с частым дыханием мылила густоволосую голову, драила тощую, с острыми кочками позвонков спину. Пузырчатая летучая пена светилась в затененной комнате, как снегопад. Кей повизгивал.

— Ты меня протрешь навылет!

— А как я иначе отскребу двухлетнюю грязь?

— Всего трехнедельную!

— Ты опять? Поговори у меня!

— Ай! Пена в рот…

— Вот и не открывай!

— А будешь спорить — получишь «о-плеуху», — хмыкнул Артем. Вспомнил первый день знакомства в «Приозерном».

— Вот именно! — И Нитка вылила на брата полведра чистой воды. — Ну-ка, вставай!

Кей опасливо глянул на завешенное окно — нет ли щели между косяком и шторой? Сестры и Артема он, как и раньше, не стеснялся, но знал: рядом с домом крутится любопытная Лёлька, его шестилетняя подружка. Вообще-то он и Лельки не очень стеснялся, но все же не хотел предстать перед ней в таком вот недостойном обличии. Это могло повредить его авторитету, а он привык

держать малявку в строгости. Дружба дружбой, а все же он в два раза старше.

Щели не было. Всю ширину окна плотно закрывала пестрая ситцевая скатерть Александра Георгиевича — его подарок к новоселью. Желтые и красные зигзаги светились от сквозных лучей. Когда Кей встал, по его скользкой спине и ногам потекли размытые цветные отсветы. А самое незагорелое место засветилось не хуже оседающей пены. Нитка вылила на него оставшиеся полведра. Суровым вафельным полотенцем (тоже от старика; а где еще взять-то?) принялась вытирать взъерошенную голову и плечи.

— Господи, костлявый-то какой! Оно и понятно: два года впроголодь!

— Три недели… Ай! — послышался мокрый шлепок.

— Видишь! Я предупреждал, — напомнил Артем.

— Подумаешь. Это не оплеуха, а оплежопа, — строптиво уточнил Кей. И заработал еще одну.

— Беспризорник! Нахватался всяких словечек! — Нитка выставила брата из корыта. Потом набросила на него клетчатую рубашку Артема. Больше надеть было нечего: выстиранная одежда Кея болталась снаружи на веревке.

— Теперь сиди и не пикай, пока не просохнешь.

Кей уселся на корточках в углу, натянул на колени клетчатый подол. Тряхнул головой. Потемневшие от влаги волосы торчали частыми рожками. Кей подергал их двумя руками.

— Смотри! После того, как ты сгоняла меня в парикмахерскую перед Пасхой, я ни разу не стригся. А за два года они отросли бы до пупа!

— Кого-то сейчас выдерут всерьез, — пообещала Нитка.

— Значит, «кто-то» пострадает за правду, — не сдался Кей. Он был уверен, что прожил на Пустырях всего три недели.

…Когда автобус выехал из Ново-Картинска и повез ребят в лагерь «Три богатыря», Кей затосковал еще сильнее. Высунул голову в окошко, чтобы встречный воздух сдувал слезинки и сушил щеки. Сидевший рядом пацан, ровесник Кея, оказался не насмешливым и понимающим:

— Неохота в лагерь, да?

Кей кивнул головой в окошке.

— Мне тоже, — вздохнул мальчишка.

Кей проглотил слезы и стал разговаривать с соседом. Минут через двадцать они сделались как приятели — общая печаль сближает людей.

Даже обменялись феньками. Мальчик Валька дал Кею синюю с белым и коричневым, а тот ему свою черно оранжевую (правда, царапнула совесть: Ниткин подарок; но чего не сделаешь ради новой дружбы).

Однако тоска все же победила дружбу. Дорога пролегала через город, где еще недавно жили Кей и Нитка, по знакомым, просто родным улицам. И от грустной памяти душа Кея сжалась опять. Как он будет в лагере один, среди незнакомых людей? Такого еще не бывало!

Конечно, Валька хороший человек, но все-таки не свой. Тоже почти незнакомый.

— Валька, ты не обижайся… я сбегу. Вот как остановимся опять, я тут же… А потом обратно, домой…

— Влетит. И снова в лагерь…

— Я не сразу домой. Я побуду здесь несколько дней, у меня тут куча знакомых… Ты только не выдай меня.

Жаль было Вальке расставаться с неожиданным другом, но выдавать Кея он, конечно, не стал.

Автобус остановился почти сразу за городом — для известного дела: «Девочки — направо, мальчики — налево»… Кей с разбега ушел в гу-

стой орешник и остановился лишь через десять минут, у окраинной автозаправки. Видимо, его не хватились или хватились не сразу. Впрочем, он ничего не знал. И о том, что стало с автобусом, не слыхал.

Кей решил, что к отцу и очередной мачехе не пойдет ни за что на свете. Поживет несколько дней у одноклассника Данилки Котова, а потом как-нибудь вернется в Ново-Картинск. Нитка отругает, конечно, но не станет же отсылать в лагерь после срока.

Данилка был не очень близкий приятель, но человек славный. И мама его тоже. Не прогонят небось.

Но все получилось не так. Котовых не оказалось дома, соседи сказали, что Данилка с мамой уехал куда-то отдыхать. И **что**теперь? Побрел Кей один-одинешенек по улицам.

В киоске у Арбузного рынка он купил две плюшки — еле хватило собранной по карманам мелочи. Стал шагать по заросшим окраинным переулкам. Потом сел в лопухи, прислонился к бетонному забору. Подошел откуда-то, встал перед Кеем клочкастый серый пес, ростом с козу. Вопросительно глянул желтыми глазами.

— Тебе, что ли, тоже некуда деться? — спросил

Кей. И отдал псу одну плюшку.

Пес деликатно сжевал угощение. Но, видимо, ему было куда деться: он махнул хвостом и пошел прочь.

— Эх ты… — сказал Кей. Впрочем, без упрека, просто так.

Пес оглянулся. Подошел опять, обнюхал у Кея джинсы, вновь двинулся от него, но медленно. Шагов через десять он остановился, вернулся. И все повторилось: медленный уход с оглядкой.

— Ты зовешь меня с собой? — вдруг догадался Кей. Пес часто замахал репьистым хвостом. Кей пошел следом, и захотелось ему заплакать — от непонятной надежды и благодарности. Пес привел мальчишку на заросшие заводские пустыри. Кей, хотя и давно жил в этом городе, раньше здесь не бывал. Его странно успокоила солнечная, полная бабочек тишина. А потом встретились мальчишки. Такие же незлобивые и понимающие, как Валька. Узнали грустную историю Кея и сказали: «Живи пока с нами».

И он стал жить. То у Андрюшки-мастера и его старого дядюшки, то у тети Агнессы, в ее шумном, обтрепанном и многодетном семействе, то у вечно пьяненькой бабы Кати, приходившейся не то бабушкой, не то теткой Лельке — лохматому

существу, которое с первого дня стало смотреть на Кея преданными очами.

Сперва-то он думал: поживет здесь дня три-четыре и рванет к сестре в Ново-Картинск. Тем более что здешние добрые жители обещали собрать денег на билет. Но в том-то и дело, что с ними, с добрыми — и пацанами, и взрослыми — расставаться не хотелось. Да и время, отмеряемое звоном колоколов и рельсов, текло как-то странно: то еле двигалось, то казалось непонятно быстрым, то… чудилось, что длинный день как бы возвращается к собственному утру. Да и некогда было особенно раздумывать. Жизнь сделалась похожей на хороший сон. Было на Пустырях столько замечательного, столько загадочного. И столько мест для всяких игр…

Кей решил, что поживет здесь положенные по путевке четыре недели. Пусть Нитка думает, что он в лагере, и спокойно решает свои проблемы. О судьбе автобуса он по-прежнему ничего не знал. А то, что в лагере должны были сразу обнаружить исчезновение Иннокентия Назарова и поднять тарарам, ему как-то в голову не пришло. Наверно, потому, что Пустыри навевали безмятежность: никаких страхов, никаких забот…

По прикидке Кея, он пробыл здесь около два-

дцати дней, когда на вечерней лужайке его окликнул Тём…

— Кей, это ты?! Это в самом деле ты? Живой?!

Он удивился. Даже испугался, будто очнувшись:

— Тём, а что случилось?.. Ой… меня ищут, да?

После короткого и бестолкового разговора Артем понял: Кей не врет про свои три недели. Видно, старик Егорыч был прав: странностей в этом мире хватает:

Здравствуй, месяц и луна,

Здравствуй, странная страна…

Было сейчас не до изумления, не до ужаса перед загадками пространства и времени. Было другое, главное: Кей — вот он! Настоящий, родной, как братишка!..

И две тревоги, две заботы стремительно одолели Артема. Во-первых, ни в коем случае не отпускать от себя Кея: чтобы не исчез вновь, не растворился, не сделался опять просто памятью и болью. Во-вторых: как подготовить Нитку? Ведь такая стремительная радость бьет иногда по нервам и сердцу с той же силой, что беда.

Впрочем, Кей тоже не хотел расставаться с

Тёмом.

Вдвоем они явились к Александру Георгиевичу. Артем в сторонке шепотом коротко рассказал старику про Кея и Нитку. Тот почти не удивился, обрадованно покивал:

— Ну что же, я и говорю — не случайно все это. Значит, судьба…

— Но время… два года там, три недели здесь… Как такое могло быть?

Старик покивал опять:

— Могло. Здесь всякое бывает. Поживешь — привыкнешь.

— Это что же? Выходит, здесь, на Пустырях, за два года ни разу не было зимы?

— Для кого как… Возможно, и в самом деле не было. А зачем она?.. Да и двух лет не было тоже… Видно, кто-то берег мальчонку для нынешнего дня… Ты, Артем, не бери пока в голову. Со временем в ней, в голове, все уложится…

«С каким в р е м е н е м?» — мелькнула беспомощная мысль. Но старик продолжал:

— А теперь, как я вижу, вам самый момент посмотреть тот домик, о котором я говорил…

Кей возликовал, узнав, что отныне они будут жить вместе: он, сестра и Тём.

— Давно бы так! А то с малолетства ходите

друг возле друга, как боязливые кошки у чужих сливок…

Артем слегка хлопнул его по пушистому затылку. Кей прошелся колесом по клеверу и ромашкам прямо к дверям будущего жилища.

Домик им понравился. Три комнатки, кухня… Правда, ни ванны, ни всего остального, ну да ладно, зато своя крыша над головой. Надо только выкинуть хлам да сделать кое-какой ремонт.

— Только не вздумай пристраивать к дому курьи ноги, — предупредил Тём. Кей радостно захихикал.

Решили, что новосельем займутся завтра. А сейчас… Артем подавил отчаянное желание немедленно мчаться на швейную фабрику, разыскать через диспетчера Нитку… Нет, нельзя так. Надо привести в порядок «состояние души», тщательно обдумать будущий разговор с Ниткой.

Но ничего не обдумывалось. Солнце вдруг стремительно съехало за дальние цеха, глаза у Артема начали слипаться. Кей тоже обмяк и почти висел на Тёме, вцепившись в его локоть. Старик забрал их к себе, заставил выпить чаю с медом, уложил на куче какого-то старья, покрытого ветхим одеялом. Укрыл еще одним одеялом. Артем уснул, ощутив напоследок, что Кей крепко

держится за его руку.

2

Утром Кей спал как убитый («Тьфу ты, какое дурацкое сравнение! Лучше так: без задних ног!»). Ну и ладно, это, наверно, и хорошо.

— Егорыч! — Артем уже так называл старика, а тот говорил ему «ты». — Только ради Бога никуда не отпускайте его от себя, пока мы не придем! А то вдруг опять исчезнет, что тогда? В крайнем случае, заприте!

— Да не бойся ты, Тёмушка, никуда не денется! Здесь с ним ничего не случится… Хлебни чайку-то на дорогу.

Было семь часов. Около часа Артем добирался до фабричного общежития. Только шагнул к неуютному бетонному крыльцу — Нитка навстречу. Смеется, придерживает летучие волосы. На плече — замшевая сумка с белой бахромой, синие капельки-сережки в ушах.

Она с разбега храбро чмокнула Артема в щеку. И сразу насторожилась:

— Темчик, ты чего?

— Чего?

— Не такой какой-то…

— Нет, я «такой». Все в порядке. Даже лучше,

чем в порядке. Только…

— Что «только»? — Синие глаза потемнели до черноты. — Говори сразу.

— Сразу… это трудно. Нитка… Понимаешь, сперва получается снова о печальном. Об автобусе… Слушай, а ты точно уверена, что Кей был в нем во время взрыва? — Это он как в холодную воду прыгнул.

— Тём… ну ты прямо совсем наивный мальчик, да?

«Не заплакала бы…»

— Видишь ли, я подумал… Бывает, что мальчишки иногда сбегают по пути в лагерь… если им туда неохота… Ты не говорила с ребятами, которые уцелели?

— Как с ними говорить? Они все были такие… кто в шоке, кто еле жив… Да и зачем? Ведь фенька-то…

— Ребята, бывает, меняются феньками…

Нитка чуть отодвинулась. Будто захолодела.

— Тём, зачем ты это… бередишь? Мне иногда и так снится, что он живой… бежит навстречу…

— Извини… Пойдем… — И они пошли по пыльному асфальту — рядом, но будто каждый сам по себе. — Нитка… ты пойми. Разве я стал бы говорить это… если бы совсем никакой надежды…

— Тём… какой надежды?

— Ну… надежда всегда есть, — сказал он глупо. Шел и смотрел на асфальт, под ноги. Боялся взглянуть на Ниткино лицо.

— Тём, ну, если бы он спасся… потом-то куда девался?

— Видишь ли… я знал там, на войне, такие случаи. Люди после взрывов, ранений иногда теряют память, их долго никто не может найти. А время для них как бы замирает…

— Сказочник, — вздохнула она уже без обиды, ласково даже. Щекой погладила его плечо. Волосы со знакомым запахом щекотнули ухо. — Ты, кажется, сам начинаешь верить… Зачем?

— Затем… Нитка, разве бы я стал резать по живому? Если бы не знал…

Она обогнала его, встала на пути.

— Тём… Ты… видел его?

— Да… — И снова сказал: — Да! — Потому что по белым Ниткиным щекам побежали крупные капли.

— Тём, он… сильно вырос, да?

— Ничуть. Я же говорю: время замерло для него… Ну, ты только не реви, слышишь! Не смей!..

Все же случилось то, чего он боялся. Увидев Кея,

Нитка на минуту потеряла сознание. Кей громко заревел — решил, что сестра умерла. Потом они ревели вдвоем, вцепившись друг в друга, но это было уже не страшно.

К удивлению Артема, Нитка пришла в себя довольно быстро. Уже через час она деловито осматривала «свой» дом и попутно негодовала по поводу «совершенно запущенного вида» своего вновь обретенного братца. Ну и в итоге — корыто, стирка, отмывание и педагогическая беседа.

— Ты, сокровище мое, тут совсем отбился от рук. Придется начинать воспитание заново.

— Не-е! Я и так воспитанный! Я очень ин-тел-ли-гент-ный! — веселился Кей, кутаясь в рубаху Артема.

— Станешь еще интеллигентнее, когда я возьмусь за тебя вплотную… Тём, надо купить ему приличную одежду. Сходишь в «Детский мир»?

— Конечно!

— Хотя… нет, Тём, не надо.

— Почему?

— Я… боюсь. — Нитка растерянно обмякла. — Вдруг уйдешь и… с тобой что-нибудь…

— Господи, до чего глупая девочка.

— Ага… Но давай лучше вместе.

— Давай! Конечно!

— Ой. Нет… Уйдем, а Кей вдруг… куда-нибудь…

— Да куда этот партизан денется, без штанов-то! Я даже рубашку у него заберу, а он будет сидеть… в этом бурнусе. — Тём дернул с окна пеструю скатерть-занавеску. Сразу стало солнечно и весело.

— Ладно… Нет. Пусть он вместе с нами.

— Но его рубище совсем еще сырое!

Нитка вновь обрела уверенность.

— В рубище идти в город все равно немыслимо. Стопроцентный беспризорник. — Она толкнула наружу оконные створки. — Лелька! Скажи, здесь у кого-нибудь есть швейная машина?

— У нас есть! — раздался полный радостной готовности детский голосок. — Только мне ее сюда не дотащить!

— Мы дотащим! А баба Катя разрешит?

— А ей уже все равно!

Артем пошел с кучерявой и чумазой, одетой тоже в «рубище» Лелькой. Она жила с бабой Катей в однокомнатной, осевшей среди репейников развалюхе со старинной голландской печью. Баба Катя мирно почивала на узкой железной кровати. У кроватной ножки была аккуратно поставлена четвертинка.

Машина оказалась могучим, столетней давности «Зингером». Артем понес ее Нитке с большим

сомнением. Желтая сурепка и лебеда шуршали по штанинам. В солнечной, привычной уже тишине прокатились колокольные удары (середина дня уже, что ли?). Поперек тропинки проскочили два зайца — рыжий Евсей и незнакомый, с кошачьим черно-белым окрасом. Несколько мальчишек окликнули издалека:

— Кей сегодня выйдет?

— Кей сегодня занят, — отозвалась Лелька с важностью человека, причастного к серьезным делам.

Вопреки опасениям Артема, Нитка обрадовалась «Зингеру»:

— Это самая надежная модель, не то что нынешняя электроника!

Она взяла с подоконника цветастый бурнус, растянула на руках, глянула поверх него на брата глазом опытного закройщика.

Кей сразу понял. Взвыл:

— Это чтобы я ходил в такой девчоночьей пестрятине?! Не буду!

— Дурень, — сказала Нитка. — Сразу видно, сколько времени ты тут проторчал. Сейчас у мальчиков это самая мода. Считается, чем разноцветнее, тем…

— Прикольнее, — подсказал Артем. А Кею

украдкой показал кулак.

Он понимал: в Нитке еще крепко сидят нервные страхи, а привычная работа хотя бы немного успокоит ее.

В замшевой сумке Нитки нашлось все, что нужно (сразу видно: профессионал). Всякие пуговицы, белая и черная катушки, зловещего вида ножницы, рулетка с клеенчатой мерной лентой.

— Все равно я не буду обмеряться, — надулся Кей.

— И не надо. Я тебя и так знаю до последнего сантиметрика. За два года ты не увеличился…

— За три недели!

— Тем более. Иди сюда, будешь вертеть ручку.

Кей подчинился. Вертел. Но смотрел набыченно, в сторону, и, кажется, не видел, как елозит под стрекочущей иглой желто-черно-красная материя, как из ее кусков возникает легонький ребячий костюм. Да, Нитка была мастер! Часа не прошло — и готово! Нитка безжалостно отодрала от сумки белую бахрому, украсила ею боковые швы на коротеньких штанинах и нагрудный карман.

— Хватит губы-то дуть! Это индейский стиль, называется «Миннесота». Я же не зря в цехе детской одежды спину гну… Надевай.

Кей, сопя, бубня и оглядываясь на окно, натянул обновку прямо на голое тело. А что ему оставалось делать?

— Во! — показал палец Артем. Кей стрельнул глазами: «Это ты к ней подлизываешься».

Заглянула в окно Лелька, обомлела от восторга:

— Кей! Ты как салют по цветному телевизору!

Но Кей продолжал дуться. Даже когда выбрались с Пустырей и ждали у Арбузного рынка автобус, он поглядывал вокруг с опаской. Однако в центре города он скоро убедился в Ниткиной правоте насчет разноцветной мальчишечьей моды. Его настроение переключилось на веселую волну. Щелчком! Он заскакал вокруг сестры и Артема. Как выпущенный на волю козленок (правда, с легкой виноватостью в глазах).

Он удивлялся, сколько вокруг незнакомого. Пестрые, похожие на теремки, магазинчики и ларьки, бело-синие, длиннющие автобусы новой марки, шумный фонтан в сквере у Театра кукол; узорчатая часовенка с позолоченными луковками, выросшая напротив музея… Потом вдруг опять притих. Потому что увидел электронный календарь на фасаде Центральной почты. Число, месяц и… год. Совсем не тот год, в котором он,

Кей, поехал в лагерь «Три богатыря».

Он потерянно оглянулся на Нитку.

— Это… что? Это, значит, правда, да?

— Наконец-то до тебя дошло, — сказала она. Не сердито, а даже ласково.

Кей с минуту шел с опушенной головой. Потом спросил полушепотом:

— Значит, Вальки в самом деле больше нету на свете?

Нитка вздохнула, положила ему на плечо ладонь. Артем тоже, со своей стороны. Кей мягко выскользнул из-под ладоней, остановился. Повернулся на месте. И вдруг, ни на кого не обращая внимания, медленно перекрестился на золоченый крест часовенки, который блестел в конце квартала. Артем и Нитка переглянулись. Кей же, обернувшись к ним, глянул с легким вызовом.

— Ну, пойдем. Нам же в «Детский мир», — осторожно напомнила Нитка.

И пошли.

— Тём… а ты, значит, в самом деле был на войне? — Кей взглянул на него быстро и насупленно.

— Да. Я же говорил…

— А у тебя… тоже погибали товарищи?

— Тоже. Там многие погибают. И товарищи,

и враги…

Дернуло же мальчишку спросить про это! День помрачнел, а в толпе будто мелькнули перекошенные плечи и широкий затылок Птички. И на душе сразу тоскливая зябкость… Но тут, сверкнув уличными отражениями, распахнул перед ними стеклянные ворота главный детский универмаг.

Нитка самозабвенно кинулась к прилавкам и полкам. Чтобы «одеть обносившегося беспризорника с ног до головы». Все ей казалось нужным: рубашки и футболки, джинсы и шорты, курточки и свитера.

Кей наконец рассудительно «затормозил» сестрицу:

— Ты кто? Миллионерша? Да и куда мне столько? На лето мне хватит этого, — он дернул на бедре бахрому. — А к осени я из всего, что купишь, вырасту.

«Вырастешь ли?» — кольнула Артема опасливая мысль. Но, к счастью, не сильно — много было вокруг веселой суеты.

Нитка, конечно, купила кое-что для брата, но в пять раз меньше, чем собиралась.

— А еще надо платье, — заявил Кей. — Да не мне, Лельке! А то она совсем в лохмотьях…

Справедливость этого требования никто не

оспорил. Нитка выбрала красное с белыми лошадками платьице. Потом сунула свертки в пластиковый пакет, велела нести Кею. Здесь же пришлось приобрести две дешевые, но просторные сумки — для других товаров. Покупок-то надо было сделать ого-го сколько!

В спортивном отделе купили три походных надувных матраса — надо же на чем-то спать, пока нет настоящих кроватей. А еще нужны были простыни, посуда. Лампочки, крючки для вешалки и… в общем, все и не вспомнишь.

Вернулись на Пустыри с раздутыми сумками и комплектом разборной садовой мебели (стол и табуретки), который Артем, как индийский кули, тащил на голове.

3

С покупкой мебели можно было и не спешить. Пока ходили по магазинам, кто-то позаботился о новоселах. В самой маленькой комнате стояла раскладушка — видимо, для Кея. В той, что побольше — старомодная широченная кровать с медными шишками на железных спинках и панцирной сеткой, немного ржавой, но вполне целой. Здесь же вздыбился под потолок платяной шкаф — перекошенный,обшарпанный, зато с зер-

калом в дверце. А в «главной» комнате поселился раскоряченный дощатый стол в окружении разномастных табуретов.

На столе блестели две эмалированные кастрюли и несколько щербатых тарелок.

Пока Артем, Нитка и Кей оглядывались, появилась Лелька. Пыхтя и выгибаясь назад, она притащила куст герани — он рос в жестяной прямоугольной банке из-под испанских маслин.

— Вот. Баба Катя сказала, что это вам для красоты.

Герань с благодарностью водрузили на подоконник. Лельку одарили платьем. Она обомлела от счастья. Размахивая платьем, как знаменем, помчалась к своей хибарке:

— Баба Катя, смотри!

Потом она явилась опять, в обновке, и принялась помогать. Вместе мыли полы, застилали постели, делали из старых газет временные занавески, передвигали мебель.

— Лелечка, кто же это столько добра нам подарил? — радовалась Нитка.

— Ну, кто-кто! Люди! — Лелька, пользуясь передышкой, крутилась перед зеркалом шкафа.

«Люди Безлюдных пространств», — мелькнуло у Артема. И почему-то стало чуточку грустно. Кей

разъяснил:

— Здесь в старых домах можно много всякого добра отыскать. И на свалках…

Нитка сказала, что хорошо бы все-таки обойтись без свалок. Кей встал перед зеркалом позади Лельки.

— Ну, вся извертелась. Красивая, красивая… — Ниткиным гребнем он решительно расчесал Лелькину кудлатую голову. — Вот так еще лучше. Только отмыть бы тебя как следует…

— Как тебя? — простодушно спросила Лелька. Вот пролаза! Все-таки подглядела! Кей с досады снова взлохматил ей голову. Лелька не обиделась. Ее отражение смотрело на Кея бесхитростно и преданно. Потом она обернулась, облапила своего строгого друга поперек груди. Кей смущенно оглянулся на Нитку и Артема: что возьмешь с малявки…

Ужин сварили на камельке. Кей с приятелями сложил его из кирпичей недалеко от крыльца. Кстати, среди приятелей оказался и Ванюшка — тот пацан, которого Артем проводил мимо «хиппарей». На будущее мальчишки обещали поискать на свалках электроплиту. «Здесь всякого добра полно! Конечно, старого, но исправного! Мы и холодильник вам найдем!»

И нашли через несколько дней. Грязно-белый, обшарпанный ящик, который трещал, когда включался, но холод вырабатывал исправно.

В общем, жизнь понемногу налаживалась. Полунищен-ская, но в то же время уютная. И бумаги на владение участком с домиком Артем получил без волокиты. В Городской управе только пожали плечами:

— Дело ваше. Но имейте в виду: если потом вздумаете отказаться, новый участок уже не получите.

— Понял…

Но это было потом, через несколько дней. А в тот, в первый вечер все еще напоминало привал туристов. Бестолково и… хорошо.

На вечерний чай позвали старика Егорыча и Лельку. Потом остались одни.

Умотавшийся за день Кей уснул в своей комнате на раскладушке. Так прочно уснул, что Нитка несколько раз пугалась — дышит ли?

На пружинистой ржавой сетке лежали два резиновых застеленных: матраса. Артем выключил лампочку. Синий свет летних сумерек осторожно вошел через два окна. Вставленные добрыми соседями стекла были завешены газетами на канцелярских кнопках, но верхние части окошек

остались открытыми. В одно из них смотрел похожий на ярко-желтый банан месяц (а круглой луны не было видно).

— Тём, чего он так…

— Как?

— Ну… будто подглядывает. Я его стесняюсь. Нахальный такой…

— Не бойся. Мы ляжем, и его не станет видно. — Тём пе-реглотнул и сел на кровать — она отозвалась пружинным звоном.

— Тём, тише! Кей проснется!

— Ага, проснется он! Его сейчас землетрясение не разбудит… Нитка… иди сюда.

— Тём… может, пока не надо?

— Смешная девочка…

— Тём… может, ты думаешь, что я… а я еще никогда, честное слово. Подружки смеялись, они еще со школьных лет это… а я… Тём, я боюсь.

«Господи, может признаться ей, как боюсь я?.. Честно сказать, что еще тоже… никогда… Ни до армии, ни там… Стрелять научился, пить водку научился, похабные анекдоты травил не хуже остальных, а э т о…»

То, что для других было раз плюнуть, в каждой деревне, где перепуганные девчонки боялись пикнуть, он н е м о г. Не мог через их страх, их

горе, в едком запахе сгоревших домов… А сейчас? А что, если госпиталь помог не полностью?

Но… сердце стучало с обмиранием и нетерпеливо. Он мягко, но быстро посадил Нитку рядом, опоясал руками тонкие теплые плечи. Лицом зарылся в густые длинные пряди.

— Нитка, твои волосы пахнут как трава «рысье ухо»…

4

Утром их разбудил Кей. Заколотил в запертую дверь:

— Ну, сколько можно дрыхнуть!

Нитка перепуганно села в загудевшей кровати.

— Кейчик, подожди, мы сейчас!

Артем весело потянулся под простыней.

— Что? Подъем?

— Тём, отвернись. Я буду одеваться.

— Ой-ей-ей, какие мы церемонные! Будем как в детстве, на берегу озера? Мы ведь уже большие, девочка.

— Ну… все равно.

Артем послушно отвернулся. По шелесту догадался, что Нитка натянула платье, нащупал на табурете очки и штаны. Вскочил. Дурашливо пропел строчку из давней радиопередачи:

— На зарядку! На зарядку ста-но-вись!

— Вот видишь! Сам как в детском лагере!

— А вот и нет! Я же не канючу «отвернись»… Да я и там не очень-то боялся!

— Ну да! Все время твердил: «Зажмурься!»

— Потому что… ладно, я признаюсь честно. Думаешь, мне страшно было, что ты увидишь мой незагорелый зад? Пфы!.. Я боялся одного: вдруг ты разглядишь, какой я еще совсем младенец… по всем признакам. Почти ни чем не отличался от тогдашнего Кея…

Эта «скромница» вдруг насмешливо сморщила нос:

— Не воображай, пожалуйста, что сейчас ты очень отличаешься.

— Ох уж, ох уж… — сказал Артем с некоторой горделивостью, потому что вечерние страхи его оказались напрасными. И… как жаль, что за окнами был уже солнечный свет и голоса.

Он сцапал Нитку за плечи.

— Пусти, хулиган! Я… пожалуюсь вожатой Валентине!

В этот миг опять забарабанил Кей.

— Ну, скоро вы? Люди работают, а вы как на курорте!

Нитка отодвинула щеколду.

Кей предстал в свете ясного утра. Тощий, коричневый, в новых оранжевых трусиках и блестящих белых кроссовках. Поперек лба — пестрая, скрученная жгутом косынка (из остатков костюма «Миннесота»), Эту моду Кей вчера подсмотрел у городских мальчишек. Живот и колени были в земле.

— Где ты успел извозиться? — Нитка обрела привычно строгий тон.

— Потому что вкалываю на грядах, не то что некоторые. Там люди огород нам копают, а вы…

С крыльца Артем и Нитка увидели «огородников». Десятка полтора самых разных людей. Были тут большие и маленькие, знакомые и незнакомые. Среди них — Егорыч, баба Катя, какая-то тетка в цветастом халате, Лелька, несколько пацанов, среди которых Артем узнал Андрюшку-мастера, Ванюшку и других вчерашних строителей камелька.

Все, даже Лелька, усердно работали лопатами. Было вскопано уже не меньше сотки — черный квадрат земли, расчесанный на ровные гряды.

Егорыч учтиво помахал панамкой. Рядом с ним работал длинный парень в порванной спартаковской футболке. Он воткнул с размаха лопату и пошел к «хозяевам», шагая через гряды жу-

равлиными ногами. Светски поклонился Нитке. Подмигнул Кею, вытер ладони о замурзанные джинсы и протянул руку Артему:

— Володя. Свободный художник…

Он был на голову выше Артема и очень худой. Худобу лица несколько смягчала русая шкиперская бородка — она подковой охватывала подбородок и щеки. Светлые глаза глядели с дружелюбием, которое бывает у добрых соседей. Это дружелюбие как бы еще увеличивали толстенные круглые линзы.

«Ну и очки, не то что мои, — отметил Артем автоматически. — С такими едва ли он пахал срочную службу…»

Но рука «свободного художника» оказалась твердой. По-дружески крепкой.

— Вот, решили вскопать вам огородик. Своя картошка в здешней жизни не помешает.

— Даже неловко, — сказал Артем. — Столько народу ради нас хлопочет.

— Да какие хлопоты! Для нас это вроде легкой физкультуры, сплошная польза.

— Но у нас же и сажать-то нечего! — вмешалась Нитка. — Ни одной картошечки!

— Об этом не беспокойтесь. Как говорится, с мира по клубню…

— Ане поздно ли? — спохватился Артем. — По-моему, сажать картошку надо раньше.

— Не поздно. У нас тут свой климат. Через два месяца будете с урожаем… Хотя, конечно, понятие «месяц» — оно здесь относительное.

— Тогда надо включаться, — бодро двинул плечами Артем. — Найдется еще лопата?

— Вам не надо включаться! — заспорил Володя. — Вы обустраивайтесь! А копальщиков и так хватает…

— А вы какой художник? — неожиданно спросила Нитка. — Я имею в виду: живопись, графика или…

— Он всякий! — торопливо сунулся Кей.

— Да, — сказал Володя. — Всё понемногу. Но в основном я скульптор. Творю из всякого здешнего материала. Если будет у вас желание и время, покажу свои «шедевры». Хотя скажу сразу, не всем они по вкусу. Как говорится, на любителя…

Время для «шедевров» нашлось у Артема в тот же день, после обеда. Нитка позвала Кея, и они вдвоем отправились в общежитие, чтобы принести оттуда кое-какие вещи. Артем остался, думая заняться ремонтом. Надо было в большой комнате сбить половицы и вогнать между ними еще одну доску. Доска была, а инструментов не

было. Требовались тяжелый молоток, фуганок, ломик, стамеска.

Артем двинулся к Егорычу. Старик развел руками: молоток — пожалуйста, а все остальное — увы…

— Но множество всяких инструментов есть у Владимира! Без сомненья! Он мастер на все руки!

— Это который «свободный художник»?

— Да, да! Я сейчас объясню, как до него добраться…

Путь оказался не очень-то близкий. Но приятный и полный любопытных примет. Уже не стесняясь и не прячась, торчали в небе круглая луна и месяц. Изредка прыгали через тропинку пестрые зайцы. Один раз мелькнуло в стеблях белоцвета квадратное, как фанерная коробка, существо, и два зайца погнались за ним. Один был, кажется, Евсей.

Солнце, бабочки, пестрое мелкоцветье, тишина. Отдаленные громады уснувших цехов слегка размыты в воздухе и похожи на синеватые тени. Один раз тишину мягко растолкали приглушенные удары колоколов и рельсов. Потом, чуть позже, медно позвенел еще один — совсем близкий. Воздух на миг будто застекленел. Ко-

ричневые и желтые бабочки замерли, но тут же снова затрепетали. Из-за расколотой бетонной будки вышел мальчонка лет семи — загорелый до такого бронзового блеска, будто был воплощением этого самого колокольного удара. В руках у мальчишки была длинная березовая дубинка — с набалдашником на одном конце и пластмассовой конской головой на другом. Мальчонка глянул на Артема, как на друга-заговорщика, вскочил верхом на дубинку и смело ринулся на ней куда-то сквозь сухостой прошлогоднего репейника.

Артем обогнул будку. На торчащем из стены рельсе висел блестящий, словно только что начищенный, колокол. Размером с большое ведро. Явно корабельный, потому что по нижнему краю тянулась выпуклая надпись: «©емистоклъ». Чудеса…

Извилистая тропка обогнула свалку железного хлама и привела Артема под столетние липы («Откуда здесь такие? Среди всякой индустрии…»). Лип было много, целая роща, а за ней — дощатый высокий забор с дырами. Сквозь одну выбрался навстречу Володя.

— О-о! — округлил он толстые подвижные губы. Весело заблестел очками. — Ты ко мне? — Это «ты» получилось как давнишнее, приятельское,

хотя утром они были на «вы».

— Да. Старик растолковал дорогу. Ты не занят?

— Не очень. Хотел поискать на свалке железяку нужной конфигурации, но это успеется… *Идем!* — И *опять нырнул в*дыру, сложившись, как складной метр.

За досками открылась обширная, с мягкой травой, площадка, дальний край ее замыкало длинное строение — не то приземистый барак, не то сарай с окошками. А перед ним на площадке возвышались «шедевры».

Артем никогда не понимал всяких абстракций и формализма в картинах и скульптурах. Однажды, еще в школьные годы, сказал Нитке, которая любила порассуждать о полотнах Пикассо и Малевича, «щекочущих подсознание»: «Знаешь, я, наверно, не дорос. Не дано мне постичь своеобразие столь глубокого творческого мышления». Она тогда слегка надулась даже… И сейчас Артем внутренне напрягся, увидев угловатые конструкции из шестеренок, патрубков, решеток, маховиков и всякой «прокатной продукции». Придется кивать с умным видом: «Да, любопытно. Оригинально. Весьма выразительно, чувствуется идея…» Но почти сразу он увидел балерину.

Балерина изогнулась в танце и вскинула руки.

Из бетонной плиты торчал длинный арматурный стержень — это была нога танцовщицы. Вторую ногу она, слегка выгнув, отвела в сторону, оттянула носком вниз башмачок — острый кусок железа. Балетной юбочкой служило колесо вагонетки, а туловищем — укрепленный на тонком патрубке мотоциклетный бак с приваренными к нему двумя чашками школьных электрических звонков. Трубчатые руки с гибкими пальцами из арматурной проволоки балерина в волнистом изгибе вскинула над головой… Хотя головы не было. Вернее, не было лица. На длинной шее держалось железное кольцо с обломком шестеренки сверху — не то гребешок, не то маленькая корона. Глаза, губы — все это зритель мог вообразить сам. Да и не в них было дело. Секрет крылся в движении. Скульптор наделил железное создание такой живостью, что металл совершенно потерял природную тяжесть. Еще секунда — и балерина бабочкой взлетит над бетонной глыбой, над подорожниками и клевером. Недаром в них так нетерпеливо стрекочут кузнечики.

— С ума сойти… — вполголоса сказал Артем.

Володя молчал рядом, нервно расчесывая пальцами бородку…

Неподалеку вел опасную игру с быком матадор.

Почти такой же гибкий, как балерина, он сильно выгнулся назад и махнул плащом из листов кровельного железа. Он пропустил в смертельной близости от себя рогатое страшилище с корпусом из железной бочки и ребристых батарей отопления. Безоглядная ярость монстра вызывала живую жуть. Но матадор был неуязвим в своей изящной и насмешливой беспечности…

Потом Артем увидел еще одного монстра. Добродушного. Склепанный из всякого металлолома, Горыныч улыбчиво разевал зубастую пасть, похожую на капкан для мамонта. Глаза этого трехметрового чудища были сделаны из белых эмалированных кастрюль с пробитыми дырами зрачков. Вокруг кастрюль наивно растопыривались ресницы из рельсовых костылей…

— Этого зверя зовут Игогоша, — пояснил Володя. — По ночам он иногда ржет, как конь-богатырь. Впрочем, дети не боятся.

Артем понимающе кивнул. Перед Игогошей бесстрашно стояли мальчик и девочка. Протягивали ему ведро с угощением. У Игогоши от аппетита вывалился из пасти язык-лемех, на котором блестели капли слюны — электрические лампочки.

Было видно, что детям трудновато держать

увесистую посудину. Их ноги из тонких водопроводных труб согнулись и напряглись, одежонка из железных обрывков и патрубков скособочилась и взъерошилась, трубчатые руки с растопыренными пальцами-штырями, казалось, дрожат от усилия. Но мальчик и девочка улыбались. Их головы в основном и состояли из улыбок-подков. На уголках этих улыбок держались оттопыренные уши (расплющенные консервные банки). От банок шли стерженьки бровей, из-под которых весело глядели крупные шестигранные гайки. У мальчика над бровями щетинился проволочный чубчик, а у девочки — что-то вроде прически с пробором, из которой торчали плетеные косички…

Ближе к дому, почти у дверей, стоял юнга. Он вскочил на бочку из-под мазута, обмотанную ржавым тросом (к бочке был прислонен сбоку шлюпочный якорь). Башмаками у мальчишки были древние чугунные утюги. Его тощие арматурные щиколотки торчали из клешей, для которых были взяты две широченные помятые трубы. Телом служила могучая спиральная пружина — видимо, от вагонной рессоры. Ее почти горизонтальные витки очень напоминали полосы тельняшки. А голова — почти такая же, как у

приятелей Игогоши, — рот, уши да глаза. Только рот был не улыбчивый, а буквой «о» (видимо, кольцо от тракторной цепи). И вместо проволочных волос — бескозырка из сковородки. За спиной вздыбился, как от ветра, кусок автомобильной обшивки — матросский воротник.

В руках из толстых ребристых прутьев юнга держал железные флажки. Правая рука была совсем опущена, левая направлена вниз по диагонали. У Артема в памяти закрутилась флотская семафорная азбука — в «Приозерном» все мальчишки изучали ее для всяких морских игр и викторин. Кажется, такое вот положение флажков означало букву «о» (как и рот мальчишки).

…Были еще перед домом «Чудо-дерево» с развешенными на нем чайниками и канистрами, изящные «Пеликан и цапля» и «Дама, у которой улетел зонтик».

— Кстати, он иногда к ней прилетает, — усмехнулся Володя. Артем опять покивал и вернулся к балерине. Выговорил наконец:

— Знаешь, я никакой не знаток. Наоборот… Но, по-моему, ты талант…

— Да брось ты… — Володя смущенно и довольно заскреб опять шкиперскую бородку. — Так, экспериментирую помаленьку…

— Ты небось во всяких выставках участвуешь?

— Ну… было пару раз. Только не с этими вещами, а со всякой мелочью и с графикой… А с этими-то куда? Их даже до ближайшего павильона не допрешь. А сюда посетители, само собой, не ходят.

— Наверно, можно все-таки постараться…

— Как? Да и рассыплется это хозяйство, если его дергать… Разве что попросить помощи у них… — Володя усмехнулся. — Но где их найдешь, если сами не захотят?

— Ты это о ком?

Володя смотрел сквозь очки странновато, и Артем ощутил тревожный холодок.

Володя сказал чуть виновато:

— Да ты не пугайся… Ты, я смотрю, вроде меня: нервами сразу чуешь… непривычное. Но здесь никакого страха нет. Наоборот…

— И все-таки… — сказал Володя, уже не скрывая нервности.

— Я расскажу. Все равно ты, наверно, столкнешься с этим… рано или поздно. Давай зайдем ко мне, у меня есть бутылка «Массандры»… Да ты не думай, я не богемная личность, которая вдохновляется портвейном. Так, по глотку за знакомство… И потолкуем заодно.

— Ну, что же… — вздохнул Артем.

5

Узкая дощатая комната была такой, какой, видимо, и должна быть мастерская художника и скульптора. Маски и рисунки на стенах, гипсовый женский торс в углу, кавардак, подрамники, металлический и деревянный хлам, запах дерева и олифы. Солнце весело било в широкие окна.

Володя смахнул с непокрытого стола куски картона и графитовые стержни. Стукнул о доски зеленой бутылкой и стаканами, принес распечатанную пачку овсяного печенья.

— Значит, за твое появление в этом краю.

— Угу…

Звякнули, глотнули. Артем смотрел нетерпеливо.

— А история, значит, такая, — сказал Володя и поглядел на свет сквозь стакан с недопитым портвейном. — Соорудил я однажды фигуру по имени Большая Берта…

— Вроде пушка такая была когда-то у немцев, — припомнил Артем.

— Не знаю… В школе, которую я кончал, так звали нашу завуч. Стерва была, прямо скажем, немалая. Ну, я и вложил всю ее стервозность в

этот… монумент. Не пожалел металлолома…. Получилась фигура метра два с половиною. И сходство мне удалось весьма, скажу без лишней скромности. Конечно, не о внешности говорю, а о внутренней сущности. Этакое воплощение педагогической системы, что мордовала меня в розовом детстве. Да и тебя, наверно…

Артем вспомнил Климовну, начальницу «Приозерного».

Володя продолжал, покачивая стакан:

— Ну, установил я это изваяние посреди других, два дня ходил вокруг и мстительно радовался. А другие мои «детки» косились на нее с явной антипатией. Игогоша даже вздыбился, а матросик просигналил флажками нехорошее слово…

Артем вежливо посмеялся. Володя отколупнул от стакана соринку и тоже усмехнулся.

— А на третий день приходят ко мне два человека. Очень симпатичные — и снаружи, и внутри. Один — наших с тобой лет, белокурый такой, улыбчивый, в футболке с мексиканским всадником на пузе и в джинсах «родео». Второй — постарше. Лысоватый, круглолицый, в очках, в костюме и при галстуке. Вежливые такие.

«Владимир Петрович, — говорит тот, что с галстуком, — не могли бы вы пойти нам навстречу в

одной просьбе?»

А я стою, глазами хлопаю: ни разу не встречал на Пустырях столь цивилизованных личностей. А потом думаю: «Может, хотят заказ какой-нибудь сделать?.. Но как они сюда проникли?» Помолчал, а потом говорю в их же тональности:

«Располагайте мной, господа. Я весь к вашим услугам».

Тогда молодой деликатно, однако решительно берет быка за рога:

«Дело в том, Владимир Петрович, что хорошо бы перенести вашу Большую Берту с Пустырей куда-нибудь подальше».

И как имя-то узнали?

Меня малость царапнуло, я выпустил пару колючек:

«А позвольте спросить, с какой стати? Кому эта дама здесь мешает? И, кстати, какие у вас полномочия?»

Тогда старший своего коллегу как бы попридержал взглядом и начинает разъяснять:

«Видите ли, дело не в полномочиях. Упаси боже, мы не собираемся принуждать вас. Но… это изваяние действительно мешает. И другим вашим созданиям, и вам самому, хотя вы этого еще не осознали. И… всем. Оно вызывает в окружающей

среде дисгармонию, это может иметь негативные последствия и даже вызвать нарушение структуры Безлюдных пространств».

Ну, когда я услышал, как он это сказал: «Безлюдных пространств» — будто с большой буквы, — кое-что включилось в моей голове.

«Что же делать, — говорю, — придется, значит, демонтировать старушку. Хотя, конечно, жаль…»

Тот, что в футболке с мексиканцем, обрадовался:

«Не обязательно демонтировать! Можно перенести за пределы Пустырей!»

«Да как же я перетащу такую конструкцию? Тут нужен грузовик с краном!»

«Вы не беспокойтесь! Вы только скажите: куда?»

Я сперва подумал (даже хихикнул внутри себя): может, поставить в сквере у любимой школы? Но ведь разломают, черти!.. И решил:

«Можно к моему дому, на задний двор…»

Точнее говоря, это не мой дом, а старшей сестры и ее мужа. Но у меня там есть комната и мастерская в сарае, я ведь не всегда здесь обитал… Дом на окраине, рядом огород, а за ним лопуховая пустошь. Ну, думаю, можно там… Начал объяснять, а старший мне:

«Всё-всё, Владимир Петрович, мы поняли. Принято к исполнению. Дальнейшее не должно вас беспокоить. Позвольте откланяться…»

Пожали мне руку. Я по-светски проводил их до двери, шагнул следом за порог. Смотрю: Берты нет… Присвистнул. Тот, что в футболке, улыбается:

«Не волнуйтесь, Владимир Петрович, она уже на новом месте».

А другой:

«Вы нам очень помогли. И себе…»

И тут я спросил прямо:

«Вы кто?»

Они переглянулись, и старший почему-то завздыхал:

«Понимаете, Владимир Петрович, мы обязаны всегда отвечать на этот вопрос, таково одно из главных условий… А вопрос непростой. Для ответа не хватает конкретных формулировок… Вы обратили внимание на некоторую необычность здешних мест?»

«Естественно», — говорю.

«Вот именно… Естественная необычность. Или необычная естественность. Здешние пространства, вернее, их свойства имеют множество воплощений. Одно из таких воплощений…

позвольте уж признаться… это мы. Поскольку Пространствам порой необходим осмысленный контакт с… разными представителями человечества».

«А вы… значит, не представители человечества?»

Он, который в костюме, чуть посмеялся:

«Мы, если угодно, представители Пространств».

«То есть вы не люди?»

Тут молодой будто обиделся слегка:

«Ну, почему же не люди? Вот его зовут Леонид Васильевич, а меня Сережа. У меня мама в Краснодаре…»

В этот момент Игогоша заскрежетал — он порой меняет позу. Я на него глянул, а когда опять повернулся к гостям — тех уже нет. Вот такие дела…

— Дела удивительные, — согласился Артем, — не ощутив, однако, особого удивления. От нескольких глотков портвейна внутри растекалось тепло. Было хорошо. А что касается чудес, то… хочешь жить на Пустырях — привыкай…

— А Берта? — спросил он.

— Да! Приезжаю в тот же день к сестре, а она:

«Ты когда успел тут это чудовище соорудить?!

Васька вышел погулять, увидел — и в рев! Другого места не нашел, что ли?»

А Васька — это мой трехлетний племянник, впечатлительная личность.

Ну, разобрал я любимую завуч на детали, сложил в сарае до более подходящих времен…

— А потом эти двое не появлялись?

— Нет, это был единственный раз. И больше — никаких таинственных представителей здешнего мира…

— Кроме пестрых зайцев и бегающих скворечников, — усмехнулся Артем.

— Ну, зайцы — это просто мутанты. А скворечники — по-моему, плод ребячьей фантазии. Сам я не видел, а здешние пацаны любят сочинять легенды о местных чудесах… Да и прямо сказать, поводов хватает. Тут масса неизведанных мест. Взять хотя бы подземные коммуникации и цеха… А склады! Заводы-то выпускали отнюдь не кофеварки, а все, что для войны, даже для космической. И работать они должны были бесперебойно даже под бомбами. Поэтому многое — в глубине. Говорят, там же — и казармы для рабочих, и квартиры для начальства, и хранилища всякого добра. Здешние жители то и дело добывают всякую консервированную еду из под-

земных кладовых и холодильников. Никакой продовольственной проблемы.

— Это хорошо, — хмыкнул Артем. — А то наши с Ниткой финансы на пределе, а будущее туманно… Покажешь, где эти склады?

— Покажу… Если хочешь, многое здесь могу показать. Можно бродить как по неизведанным краям. Или по заповеднику. Тут ведь всякое встречается, даже старые городские кварталы. Заводы расширялись быстро, захватывали целые улицы, не успевая срывать их. Заводское начальство приспосабливало жилые дома под всякие склады и мастерские. Есть даже старое кладбище и остатки парка. Есть церковь… Правда, стоит она только по средам, а в остальные дни — лишь туманный контур или вообще ничего. И приходится местным старушкам все церковные праздники отмечать в среду, с поправкой на здешний календарь…

— Не понимаю…

— Поймешь… Ты сюда через липовую рощу шел?

— Через нее…

— А вот пойдешь обратно и увидишь — липы эти далеко в стороне. А перед забором ручей и через него каменный мостик… Ну, давай по

глотку…

Так и случилось. Когда выбрались через дыру в досках, липовая роща темнела в отдалении, а вдоль забора тянулись заросли осоки, и в них ворковала вода. Каменный мостик с перилами из чугунного узорчатого литья горбился над осокой и струями. На перилах сидела грузная голубая лягушка. Она дерзко посмотрела на Артема и сиганула в воду.

Артем поправил на плече ремень брезентовой сумки с инструментами. Этим обыденным движением он постарался прогнать нахлынувшее ощущение нереальности.

— Вов, неужели никто не пытался разобраться в здешних хитростях?

— А кому они нужны? У властей до этих мест руки не доходят. За нее, за власть-то, надо все время бороться, на другое сил не остается. Даже на городское хозяйство, не то что на окраины с разными аномальными явлениями… Только старик пытался кое-что копать…

— Егорыч?

— Да… Ты же знаешь, он не чужд литературным занятиям. В давние годы печатал очерки и рассказы. Писал даже книгу, нечто вроде повести-притчи из истории какой-то гражданской войны.

Но случилась драма. Дописавши до половины, понес он рукопись в какой-то толстый журнал, чтобы напечатать отрывки. А там подняли крик: «Что вы нам предлагаете! Пропаганду монархической идеологии, поэтизацию дворянства!..» Дело в том, что речь там шла об офицерах конной гвардии, которые спасали наследника престола. Пускай и страна выдуманная, и события фантастические, а все равно… Рукопись изъяли, сам Александр Егорыч еле спасся от суда. Времена были такие. Мы-то уж почти не помним, но они были…

— Нынешние лучше? — сказал Артем.

— Это уже второй вопрос, господин профессор, как говорится в старом студенческом анекдоте. А я о Егорыче… С той поры он малость сдал. И нет, даже не малость…

— А закончить книгу не пробовал?

— Не закончить, а написать заново. У него ведь отобрали все черновики… Говорит, пробовал, но уже силы не те, память не та…

— И он решил заняться историей здешних мест? — Артем спросил это с непонятной опаской. И почему-то с тенью раздражения. Впрочем, это сразу прошло.

— Да… Для начала он попытался составить кар-

ты. И представь себе, составил. На все дни, кроме, разумеется, пятницы…

— А что пятница? Тяжелый день? — усмехнулся Артем, хотя ничего почти не понял.

Они давно уже перешли мостик и шагали вдоль низкого кирпичного цеха. В щелях его стен росли березки. Володя почесал бородку.

— Старик иногда выражается наукообразно: «Нестабильность пространственных конфигураций заметна в любые дни, но в пятницу она не имеет никаких закономерностей…» Да ты поговори с ним сам. Давай зайдем прямо сейчас, он всегда рад гостям. И про дела свои побеседовать не прочь…

— Ладно, зайдем!

Спешить было некуда. Нитка с Кеем обещали вернуться к вечеру. А половицы… да подождут,будь они неладны. Время теплое, из щелей не дует.

От цеха с березками Володя взял круто влево, и сперва Артему казалось, что они идут по незнакомым ему местам. Мимо поваленных железнодорожных цистерн, потом через цветущие сиреневые заросли, где прятались заброшенные домики. Но шаткий деревянный тротуар неожиданно вывел их к бетонной будке с колоколом.

— Узнаёшь? — спросил Володя.

— Да, я проходил тут недавно. *И*встретил юного ковбоя.

— А колокол какой был?

— С надписью «Фемистокл». По-старинному.

— А теперь смотри…

Колокол был вроде тот же самый, но по ободу тянулась неразборчивая славянская вязь.

— Вот так… А завтра появится еще какой-нибудь. Не угадать…

Раздвигая густые стебли, вышли к будке конопатый Анд-рюшка-мастер, незнакомый дошкольник в потрепанной морской фуражке на оттопыренных ушах и Лелька в своем красном платьице с лошадками.

Лелька с упреком взглянула на Артема.

— Раньше здесь Кей всегда звонил. А сегодня его нету и нету. Где?

— Ушел по делам, — развел руками Артем. — Будет к вечеру.

Лелька ухватила веревку у языка колокола, дернула. «Дон-н-н!» И сразу — вблизи и в отдалении — отозвались негромким, но проникающим звоном колокола, рельсы и всякий другой звенящий металл.

— Как появится, пусть ко мне зайдет, — сумрач-

но потребовала Лелька.

— Слушаюсь, ваше благородие! — Артем дурашливо сдвинул каблуки. И почему-то вдруг скребнула его тревога о Кее. И о Нитке. Но больше — о Кее. Непонятное такое беспокойство. Впрочем, оно растаяло через несколько секунд…

Артем думал, что Володя поведет его прямо к Егорычу — здесь было недалеко. Но Володя выбрал странную дорогу. Опять мимо старых домиков. Потом через гулкую громаду пустого цеха, а после — вдоль рухнувшей кирпичной трубы. И вдруг остановился.

— Взгляни. В среду она стоит там настоящая, а сейчас — вот…

Над высокими травами пустошей, над сплетением трубопроводов рисовалась в золотистом мареве полупрозрачная церковь. С шатровой колокольней, с узорчатыми крестами над маковками тонких башен. Она была словно соткана из солнечной пыльцы. Сквозь нее виднелось желтое облако.

— А если подойти ближе? — шепотом спросил Артем.

— Растает…

Артему вдруг вспомнилось, как недавно в городе Кей молчаливо и строго перекрестился на

часовню — видимо, в память о погибшем друге. И тревога толкнулась опять. И снова исчезла, растворилась в мирной и безопасной тишине Безлюдных пространств.

Старик обрадовался Артему и Володе. Засуетился, заварил чай. Фаянсовый чайник накрыл панамкой, а большой, зеленый, водрузил на плитку.

О странностях Пустырей заговорил охотно. Достал с полки свой «Атлас» — несколько ватманских листов с планами здешних мест.

— Я, конечно, в картографии смыслю мало, но кое-что изобразил. Пришлось немало полазить по буеракам. И такое вот дело: в понедельник зарисуешь, а во вторник придешь — там все по-иному. Хорошо, что ребятишки помогали. Как говорится, старый да малые. Они тут, можно сказать, все уголки знают…

О своей работе по описанию Безлюдных пространств старик отозвался со вздохом:

— Да по сути дела не о чем писать. Никакого объективного материала, одни разговоры и сказки. Нацарапал пока лишь несколько страниц, вроде предисловия. Вот, если угодно… — Он протянул Артему серые листы с пляшущим текстом старой пишущей машинки.

«Есть основание считать, что история Безлюдных пространств уходит корнями в глубокую древность, во времена библейских пустынь. А может быть, еще дальше — к неизведанным красным пескам Марса, которые в незапамятные времена неведомым способом соединялись с песками Земли (так говорит одна туманная легенда). При некоторых размышлениях можно сделать вывод, что Пространства возникали там, где в какой-то момент цивилизация начинала уставать от собственных противоречий и жестокостей. Впрочем, это лишь одна из догадок.

…Автор этих записок далек от мысли исследовать проблему во всей ее глубине и широте. Это по силам лишь объединенным общей задачей специалистам разных профилей, которым для изучения фактов и анализа общих закономерностей потребуется немало времени.

…Где эти специалисты и это время?

…Следует отметить, что в данном процессе важен не столько тот момент, когда Пространство возникает, сколько тот, когда оно начинает осознавать себя.

…Не исключено, что моментом осознания Пустырями (или Буграми) своего «Я» был случай с воздушным змеем. Восьмилетний мальчик

смастерил этот змей и запускал его среди заросших бугров, уверенный в своем одиночестве и в своей безопасности, как вдруг наткнулся на двух подростков, которые строили игрушечный город. Этим мальчишкам не нужен был свидетель их тайны. По всем законам логики ребята должны были поколотить и отправить прочь незваного гостя со строгим наказом больше не соваться куда не надо. Мальчик понял это и обмер от страха.

Они сказали:

— Не бойся. Хочешь играть с нами?

Привычная, присущая данному времени жестокая логика рухнула. Выстроилась новая структура. Та, которая отрицает безжалостный рационализм военных заводов и недоверие человека к человеку. И ребята стали строить город вместе.

Теперь среди детей ходят рассказы, что этот город стал превращаться в настоящий и что он расположен в одном из ближних миров здешнего Безлюдного пространства, которое, как и вся вселенная, многомерно. Если даже это всего лишь легенда, то все равно она весьма показательна. Дети осознали новые закономерности Безлюдных пространств — поскольку эти Пространства осознали себя…»

— А те странные гости… — сказал Артем и посмотрел на Володю. — Те двое… Они тоже продукт данного осознания?

Старик знал про визит загадочных Леонида Игоревича и Сережи. Он с готовностью покивал:

— Конечно! Я слышал про таких… Сам не встречал, но слышал. Дети называют их «сомбро». Вероятно, потому, что те называют себя так сами.

— Я не знал, — сказал Володя. — Кстати, «сомбро» — это на каком-то языке означает «тень»…

— На испанском, — вспомнил Артем. — Отсюда «сомбреро», шляпа защищающая от солнца. Как у всадника на майке того Сережи…

— Не лишено логики, — заметил Егорыч. — Сомбро — люди затененной страны.

— Почему же затененной? — вступился за Пространства Артем. — Она вполне солнечная.

— Да, для нас. А для многих других скрыта тенью недоступности. Разве не так? Прячет под этой тенью свои… странности…

— Странная страна Сомбро. Это звучит лучше, чем Пустыри, — сказал Володя.

— Вот именно, вот именно… А ты, Тём, кстати, мог бы помочь мне в изысканиях. Как-никак будущий археолог.

— Я, Егорыч, уйду из археологии. В историографию.

— Что так? — удивился Володя.

— А вот так… В археологии, где ни копнут, сразу натыкаются на оружие. Всех времен и народов. А я насмотрелся на него… Аллергия…

— А в историографии что? — хмыкнул Володя. — Какая эпоха без войн?

— Ну… там все академично и абстрактно.

— Да милый ты мой, я же не землю рыть зову тебя, — заволновался Егорыч. — Раскопать хочется суть и природу здешнего края. Почуять их, так сказать, философию… Кстати, пока это всё лучше нас чуют здешние дети. Взять хотя бы твоего же Кея. Он в Пространства врос, можно сказать, по уши. Сделался сам почти что сомбро.

Это… да, это почему-то не очень понравилось Тёму. Хотя что плохого? Артем насупился, пытаясь понять себя. А Володю будто дернули за язык:

— С этим пацаном вообще странная история. Почти мистика.

— Почему? — дернулся Артем.

— Ну, посуди. Как попал сюда — неизвестно. Как уцелел в автобусе — непонятно. Просто передача «Очевидное-неве-роятное»…

— Все известно и понятно! — неожиданно для

себя ощетинился Артем. — Сюда пришел, потому что некуда было. А спасся от взрыва, потому что сбежал из автобуса.

— Да знаю я… — Володя не заметил сердитости Артема (может, оттого, что она была слабенькая). — Эта история мне известна. Водитель автобуса был приятель мужа моей сестры… Странно, что никто не заметил побега, будто… мальчик был там до конца… Кстати, ведь и после ничего не заметили. Объявили, что погибших девять, хотя должно было оказаться восемь. Разве не мистика? И на общей могиле в с е их имена. И его… Ты разве не знал?

— Я не знал… Но к чему ты мне все это изложил?! — вдруг взорвался Артем. Чтобы заглушить всколыхнувшийся страх.

Володя вцепился в бородку.

— Артем, ты чего? Ты… извини. Я же к чему это? Потому что… ну, повезло парнишке, и слава богу. Это я и хотел сказать.

— Я к тому, что… Нитка все еще не пришла в себя, — остыл Артем. — Ты с ней про такое не говори…

— Да ни за что на свете!

Страх поубавился, но не улегся совсем. Артем допил чай и заспешил домой. Ремонт, мол. А сам

думал об э т о м. Дурацкие такие мысли прыгали: «А что, если… Да брось ты! Совсем спятил, что ли?.. А почему «спятил»? Если вокруг столько непонятного, разве не может быть и такое?.. Сомбро… Тени… А если и о н?»

К счастью, сомнения длились недолго. Когда Артем подходил к дому, с другой стороны появились Нитка и Кей. Со всякими свертками и сумками. Кей уронил поклажу и с веселым воплем кинулся навстречу.

— Тём! Ура! Я соскучился! — Он подпрыгнул, повис на Тёме, облапил его руками и ногами, подбородком уткнулся в плечо. Горячий, костлявый, пахнущий городской пылью и недавно съеденным мороженым. Настоящий.

— Ну, ладно, ладно, — счастливо задергался Артем. — Большой уже. Что за телячьи нежности!

— Не телячьи, а братьи… то есть братские! Нитка твоя же-на, а я ее брат, значит, и твой! Разве не так?

— Так, — выдохнул Артем Кею в щеку и понес его к дому.

IV. СЕКРЕТ НА БЕЙСБОЛКЕ

1

Время являло собой странную смесь быстроты и неподвижности. Дни мелькали, а на календарях оставалось одно и то же число. По-крайней мере на электронном календаре Центральной почты: Артем видел это, когда выбирался в город.

Следовало удивляться. «Казалось бы, должно быть наоборот, — думал Артем. — Ведь у Кея-то время там, в Пространствах, еле двигалось, когда здесь, в городе, бежало нормально. Почему же сейчас не так? Но он возвращался домой, и удивление проходило. Странный мир, где рядом светили месяц и луна и где плыл над руинами и травами колокольный перезвон, уже лег на душу Артема — плотным слоем спокойствия.

К тому же совсем неплохо, что Ниткин отпуск и каникулы Артема растянулись на неизвестно какой непомерный срок. Плохо только, что деньги не растянулись. Финансовые проблемы были неподвластны эффектам Безлюдных пространств. Скоро семейная касса сократилась до нескольких рублей, и Нитка объявила их неприкосновенны-

ми. Хорошо, что в подземных складах мальчишки добывали консервы. А соседи снабжали новоселов картошкой и капустой.

Дни проходили в суете обустройства: в ремонте, в поисках всяких мелочей, в наведении уюта. Это была путаница забот и праздника.

А вечера были синие и тихие…

Артем поставил в доме добытую на свалке электроплиту, но вечерний чай все равно кипятили на камельке — на том, что Кей с приятелями сложил недалеко от крыльца.

К огоньку собирались соседи. И взрослые, и ребятишки. Подходили порой и незнакомые — те, кто обитал в дальних краях Пустырей, в старых городских кварталах, которые когда-то вобрала в себя территория заводов…

Среди ребят усаживались Бом и Евсей. Приятели Евсея, пестрые зайцы, скрытно поглядывали из репейников. Кей и его друзья садились к огню ближе всех. Это были Андрюшка-мастер, очкастый тонколицый Костик (командир «ирокезов», повстречавшихся Артему в первый день), старый знакомый Ванюшка, бледный белобрысый Валерчик — говорил он тихо и мало, улыбался и того реже…

Совсем рядышком с Кеем усаживалась Лелька

— на самодельную лавку из кирпичей и доски. Порой терлась щекою о его плечо, как любящий ласку котенок. Кей вздыхал и ерошил ей спутанные волосы. Иногда осторожно выбирал из них репьи…

Один раз, в тихую минуту, Лелька шепотом попросила:

— Кей, расскажи про скворечники.

— Про скворечников. Они ведь живые, — недовольно сказал Кей.

— Ага… расскажи.

— Сколько можно! Ты и так про них все знаешь.

— Всего про них никто не знает, — серьезно возразила Лелька. — Даже ты. Но тебя слушать интересно, ты каждый раз по-новому рассказываешь… Главный скворечник… то есть главного скворечника звали Санька?

— Не главного, а просто первого… из тех, кто все это придумал. Он был самый сообразительный, потому что прибит был к самой высокой жерди и видел дальше других. А поскольку скворцы в нем не поселились, делать ему было нечего, только торчи на высоте да размышляй…

— А почему скворцы не поселились?

— Ох, Лелька! Ну, ты же знаешь!.. Потому что

птиц в том городе, в Тридевятом Посаде, с каждым годом становилось все меньше…

— А почему?

— Не встревай, а то не буду говорить… Сперва он был добрый город, зеленый такой, полный птичьего свиста и заросший одуванчиками. Они цвели почти круглый год, потому что осень и зима там были очень короткие, а весна и лето очень длинные… А люди там были добрые. И взрослые, и пацаны с девчонками…

— С девочками…

— Не придирайся… Каждую весну ребята строили скворечники и прибивали их над крышами и на уличных столбах — не на тех, что с проводами, а на специальных. И в каждом жили скворчиные семьи. Некоторые жили круглый год, не улетали, потому что в Тридевятом Посаде никогда не было больших холодов… И долгое время все было хорошо. Но потом в городе завелся один такой гад. Возрастом не совсем уже мальчишка, но и не взрослый еще, а так…

— Ни то ни сё, да?

— Да. Но не в годах дело, а в характере. Он стал приманивать к себе ребят и учить их всяким делам. Сперва вроде бы забавы как забавы. А потом все больше такие, когда стреляют. Из рогаток,

из поджигов, из самострелов… Ну и стреляйте себе, если охота, — по банкам, по картинкам на заборах, по всяким специальным мишеням. А он говорил: «Надо учиться по живому. Вы же мужчины, а каждый мужчина в душе охотник и воин…» Ну, не все его слушали, но многим пацанам было интересно. Особенно когда он придумал вместо рогаток и самопалов электронные стрелялки. Из них почти невозможно промахнуться, а когда попадаешь, птица вспыхивает, как звезда, и сгорает без остатка. С виду даже красиво, если не помнить, что она живая…

— А как это не помнить? — шепотом сказала Лелька. Остальные ребята тихо дышали, обступив Кея и Лельку со спины и с боков.

— Не знаю как, — сердито отозвался Кей. — Меня там не было… И так продолжалось несколько лет, и птиц в Тридевятом Посаде становилось все меньше. Никто уже не строил новых скворечников, но и прежние во множестве стояли пустые.

И было этим скворечникам тоскливо…

Потому что скворечники умеют чувствовать. В них, даже в пустых, живут живые души. То ли от птиц остаются, то ли рождаются сами по себе, не знаю…

— Наверно, никто не знает, — все с той же се-

рьезностью сказала Лелька.

— Наверно… Я Егорыча спрашивал, но и он ничего про это не слыхал… Да ладно, неважно. Главное, что живые… И вот однажды опустевший скворечник Санька обратился к друзьям. К тем, что поближе. Скворечники умеют переговариваться вроде как по радио. Санька сказал:

«Ребята, что же так торчать без пользы, мокнуть да рассыхаться? Айда начинать новую жизнь!»

Другие скворечники, конечно, спрашивают:

«А как?»

Санька говорит:

«Напрягайте свои живые силы, отращивайте руки-ноги и спускайтесь на землю».

И они стали отращивать…

— Да нет у них никаких рук! — взъерошенно заспорил семилетний коричневый Гулька (тот, что в день знакомства Артема и Егорыча лупил колотушкой по железу).

Кей отозвался необидчиво:

— Есть, Гулька, есть. Только скворечники их прячут внутрь, когда бегают в траве. Им четыре лапы не нужны, чтобы бегать, не зайцы ведь… А чтобы спускаться с высоты руки были нужны. Даже больше, чем ноги… А с ногами вышло не всё, как хотел Санька. Он думал, вырастут ноги,

как у ребятишек, а получились птичьи лапы. Это и понятно: руки-то скворечникам были известны человечьи, те, что их строили, а ноги они знали только такие, как у скворцов. Вот и стали скворечники, будто крошечные избушки на курьих лапах. Не совсем на курьих, но похоже… Первым обратил на это внимание самый маленький и самый молодой по возрасту скворечник Ерошка.

— Он даже песенку сочинил, да? — опять сунулась Лелька,

— Да. Вот такую.

Мы избушки-лилипуты,
Но на месте не стоим мы.
Мы, конечно, не обуты,
Но зато неутомимы.

Мы не будем на насесте,
Словно куры, спать все ночи.
Будем мы шагать все вместе
В те края, куда захочем!

Вообще-то полагается говорить не «захочем», а «захотим», но он был еще не очень образованный. Зато он любил сказки…

Но песенка — она уже потом. А когда все скво-

речники спустились на землю, они собрались на лужайке за городским рынком, спорят, что делать дальше, а Ерошка выбрал секунду тишины и говорит:

«Послушайте! Ну, пожалуйста!.. Надо нам на наших птичьих ногах идти в леса и поля!»

Многие засомневались, заворчали. Мы, мол, жители городские, к дикой природе непривычные, что там, в лесах и полях, делать-то? А Ерошка им:

«Как что! Будем квартиры предлагать всяким мелким жителям: полевым мышам, болотным лягушкам, диким пчелам да пичугам! Разве плохо?.. А еще слышал я, — говорит Ерошка, — что на ромашковой поляне позади дальнего елового леса живет избушка на куриных ногах. Раньше в ней занимала жилплощадь вредная старуха с протезной ногой, но потом то ли померла, то ли уехала в дом для престарелых, а избушка осталась сама по себе. И, чтобы не скучно было, начала, как взаправдашняя курица, нести яйца, из которых вылупляются избушата. Их там у нее целый выводок. Избушка эта добрая, не то что ее бывшая бабка. Попросимся, может, примет нас в семью…»

Некоторые спрашивают:

«А зачем нам это?»

А Ерошка говорит:

«Ну, тогда у нас будет мама… как у маленьких скворчат мама-скворчиха…»

Вот они и пошли. Некоторым понравилось Ерошкино предложение (и Саньке тоже), а другие просто так, за компанию. Добрались до ромашковой поляны и прижились там, перемешались с избушатами, стало уже не понять, кто откуда. И начали потом размножаться, расселяться по разным лесам, лугам и окраинам. Но не по всяким, а где есть для них подходящие условия…

— Какие? — таинственным шепотом спросил Ванюшка.

— Ну… особые. Где их не обижают всерьез. Играть с ними можно — в пряталки, в охоту, в догонялки, — а обижать нельзя. Это вредит не только им, а даже и Пространствам… И живут в этих скворечниках всякие разные существа. Не только обыкновенные, но и редкие. Например, гномы самой маленькой породы, говорящие кузнечики, Дюймовочки, черные жуки-астрономы и много еще кто. Все, кто не боится, что дом их часто бегает с места на место. А некоторые скворечники никакого населения внутри не держат, живут сами по себе. Дружат с зайцами, с больши-

ми гномами, с говорящими воронами… А в ясную ночь, в полнолуние, или, наоборот, в яркий такой полдень, если только кругом нет посторонних, скворечники собираются на лужайках и устраивают пляски, водят хороводы… Но это не всегда, а перед какими-то важными событиями…

— Перед какими? — спросил бледный тихий Валерчик.

— Этого никто не знает… Может, они и сами не знают, а только чувствуют. Ну, например, как здешние зайцы чувствуют грозу или путаницу между понедельником и вторником…

— Смотри-ка, — шепотом сказал Артем скульптору Володе. — У Пространств уже есть свой фольклор.

— Это скорее не фольклор, а попытки объяснить кое-ка-кие явления, — шепотом возразил Володя. — Я, кстати, слышал… от одного тут… что в пустых скворечниках не просто пустота, а частичка Безлюдных пространств. И эти лихие из-бушата разносят Пространства по тем землям, куда мигрируют.

— И… ты веришь в это?

Володя пожал плечами. Потом шепнул что-то очкастому Костику, тот убежал и очень скоро вернулся с гитарой. Володя взял гитару, сел непо-

далеку от Артема. Тонкими сильными пальцами перебрал струны. Сыграл переливчатую мелодию (у Артема охнуло сердце). Запел дребезжащим голосом:

Да-ри, да-ри,
Да ай, да ай,
Да… ай…

Ночь настала,
Природа вся устала,
Играли мы весь день-деньской,
Пора нам на покой…

Да-ри, да-ри,
Да… ай…

Пусть звезды ярко светят.
Они нас не заметят,
Во сне ты будешь, как в раю,
Да баю-баю, баюшки-баю…

Видимо, не только Артем, но и другие слушали здесь эту колыбельную впервые. Притихли по-особому. Лелька даже посапывать перестала. Вроде бы простенькая песня и даже по-старинному слащавая, а было в ней что-то задевающее

душу. Не в словах, конечно, а в мотиве. И ласка, и покой, и тревожная догадка, что покой этот непрочен и короток.

С полминуты молчали, потом Артем осторожно спросил:

— Володя, ты откуда знаешь эту песню?

— Не помню… Слышал когда-то, давно еще. А что?

— У нас пластинка была… мамина любимая. Старая-ста-рая, фирмы «Коламбия». Это поет певец-гитарист Коля Негин. Наверно, эмигрант, фамилия на этикетке через «ять» написана. Пластинка для патефона, прямо раритет. У нас патефона не было, мы с мамой ставили ее на старенький проигрыватель… Теперь не знаю, куда она девалась…

— Я такую пластинку тоже помню, — вдруг подал голос Егорыч. Его панамка белела чуть поодаль. — На одной стороне эта колыбельная, а на другой песенка про гусар.

— Да, да! — обрадовался Артем. — И зеленые наклейки с двух сторон…

— Зеленые… А колыбельную эту пели в старину черные кирасиры. Те, про которых я не дописал книжку.

Грустную историю про недописанную книжку

знали многие. Поэтому опять примолкли. Потрескивала в камельке лучина. Поглядывали сверху редкие звезды….

Рыжий заяц Евсейка вдруг стреканул с места и пропал в лопухах. Раздался стремительный шелест — это другие зайцы кинулись за Евсейкой. И Бом!

— Что это с ними? — слегка встревожился Артем.

— А! У них свои дела, — беспечно отозвался Кей. — Может, учуяли, что сегодня будут пляски скворечников. Зайцы любят смотреть на это дело и подыгрывать. Сядут на краю лужайки и барабанят по животам….

— Разве сегодня полнолуние? — с непонятным беспокойством спросила Нитка. Она сидела рядом с Артемом, и волосы ее знакомо щекотали ему ухо.

— Да кто ж его знает, — вздохнул Егорыч. — Сейчас вроде бы ни одной луны, а через минуту вдруг возьмет да и вылупится красавица… А может, ушастые чуют, что завтра хоровод планет. Любопытное, скажу вам, зрелище. Жаль только, что долго смотреть нельзя, закоченеете…

В сотне шагов от домика Егорыча косо целилась в небо железная большущая труба. Длиною

была она метров пятнадцать, а диаметром около метра. Черная, с бурыми заплатами ржавчины. Казалось, что когда-то стояла она вертикально, потом начала падать и остановилась на полпути, с наклоном градусов сорок пять. У самой земли под трубой была решетчатая подпорка. Никто, однако, не мог понять, как жиденькая арматура может удерживать колоссальное тело замершего в падении великана. Впрочем, никто и не пытался разбираться в этом. Здесь, если разгадывать все хитрости, мозги свихнешь.

Труба напоминала исполинское орудие, изготовленное для дальней стрельбы. А для чего в самом деле служила в давние времена эта конструкция, никто не знал, даже Егорыч. Зато он знал, зачем труба теперь. Говорил, что она превратилась в телескоп особого свойства. Точнее — в туннель, связывающий данную точку Земли с одним из космических пространств, в котором «очень своеобразная, судари мои, звездная структура...».

И в самом деле, глянешь в трубу, и там, даже при ярком солнце, виден черный круг нездешнего мира, в котором дрожат и движутся по своим, непонятным земному жителю путям сотни разноцветных светил. Один раз старик дал глянуть

Артему. Зрелище завораживало. Плохо только, что смотреть можно было три-четыре секунды, не дольше. В лицо веяло таким космическим холодом, что леденела кровь и застывали глаза.

Чтобы ребятишки (да и некоторые взрослые тоже) не совались к опасному «телескопу», Егорыч давно еще приварил аппаратом (который смастерил ему Володя) к заднему срезу трубы щит из листового железа. Оставил в нем только маленькую форточку с дверцей, которую запирал на висячий замок. Лишь изредка он дверцу отпирал и разрешал мальчикам и девочкам глянуть на «хитрую механику вселенной». Подпустит к форточке, сосчитает до трех и тут же оттаскивает за плечи. И юный «астроном» приплясывает, трет обожженные морозом щеки и радуется, что вернулся из галактической черной глубины в мир летнего солнца, мягких лопухов и желтых веселых бабочек. Попляшет с минуту, а потом:

— Егорыч, можно еще? Одним глазком!

— Сегодня больше нельзя. А то вмиг схватишь космическую лихорадку. С этим не шутят…

После того вечера, когда Володя спел колыбельную, назавтра ожидался какой-то особенный «звездный парад». Старик почуял это еще накануне (следом за Евсейкой и другими зайцами). И

утром оповестил ребят, что разрешит им глянуть на «редчайшее зрелище».

— Если только будете соблюдать очередь и дисциплину…

Артему тоже хотелось посмотреть: что там за звездный праздник в неведомой дали? Но Нитка сказала, что она «совсем замоталась с уборкой и стиркой, а дома ни крупы, ни соли, да и стирального порошка осталось чуть-чуть…». Артем вздохнул, чмокнул Нитку в щеку и взял хозяйственную сумку.

Кей заметался между желанием пойти с Артемом и посмотреть «космическое чудо».

— Оставайся, — решил Артем.

— Ладно, я останусь. Надо еще Евсея поискать, куда-то пропал, рыжий черт, Егорыч волнуется…

— А чего волноваться-то? Евсей со своими приятелями по всем пустырям шастает!

— Шастает, да… Но он раньше каждое утро к Егорычу за капустой приходил, на завтрак…

— Найдется, — сказал Артем. И двинулся с Пустырей в город.

Обычно такая вылазка занимала часа полтора, но на этот раз Артем вернулся лишь в середине дня.

Нитка вытерла цветастым передником руки,

обняла Артема и сразу спросила шепотом:

— Тём, что случилось?

Как она учуяла? Ведь он с виду был совсем беззаботен!

— Тём…

— Да ничего особенного. Просто встретил одного… так сказать, сослуживца. Поговорили, как жилось-воевалось… Мне вспоминать про те дни тошно, вот и…

Нитка поверила лишь наполовину. Видела, что говорит он не всё. Тут на счастье появился Кей. Артем к нему:

— Ну, как астрономические дела? Впечатляющая была картина?

Кей, однако, смотрел сумрачно. И Ниткина тревога теперь обратилась к нему:

— Кей, что с тобой?

— Со мной-то ничего. Лелька заболела. Вся трясется от простуды.

— Как это? Она утром скакала здоровехонька!

— Так это утром. А когда смотрели в телескоп, она сунулась к нему два раза. Глупая же… Поглядела, отошла и встала в очередь снова, Егорыч не уследил. Потом заметил, но уже поздно, она затряслась. Эта лихорадка, она ведь сразу… Теперь лежит под одеялами и хнычет. Я пойду к

ней, а то баба Катя опять под градусом, говорит, что с горя…

— Постой! — Нитка метнулась на кухню, принесла темнокрасную банку. — Это малина с сахаром. Вскипятите чай, и пусть малину ест до отвала. Первое средство…

Кей посмотрел с сомнением. Потом прижал банку к своей «индейской» рубашке и осторожно ушел из дома.

Нитка опять обратила на Тёма черно-синие глаза — в них страх и приказ.

— Тём, говори… До конца.

— Ладно. Все равно когда-то надо…

Он потоптался, непонятно зачем задернул на окнах занавески, сел на их с Ниткой пружинное заскрипевшее «лежбище».

— Садись рядом… И не пугайся.

— По-моему, ты сам перепуган.

— Я — нет. Это ведь уже не первый раз… Понимаешь, я встретил призрака…

2

Наверно, со стороны это признание выглядело театрально. И глуповато. Однако Артем говорил без всякой мысли об эффекте. Просто такая получилась фраза. Просто — так и было:

— Понимаешь, я встретил призрака.

— Может… ты просто устал?

— Нет… ты, Нитка, не перебивай… Конечно, это не призрак в полном смысле. Он — оживший гад. Я думал, все ушло, а он…

— Говори. По порядку…

— Я, Нитка, по порядку… Я в какой-то степени сам виноват, что очутился в Саида-Харе. Мог бы поднять скандал, что подпись в рапорте поддельная, но… мне было все равно…

— Ты про это уже рассказывал.

— Да? Ну, ладно… Нашу патрульную полуроту поместили в брошенном поселке. Добротные дома, оставленная хозяевами мебель. Только жратвы почти никакой. Подвозили продукты с перебоями. Вода в колодце — вонючая. Но зато спирта хватало… Без него бы совсем тоска. С одной стороны — глинобитная степь с рыжими холмами, с другой — горный массив Саи-даг…

Впрочем, сперва даже нравилось. Вместо прежней казарменной муштры этакая вольная жизнь. И ребята были вроде бы ничего. Правда, за очки дали мне кличку Студент, но это так, без злобы…

Знаешь, Нитка, страха не было. С двух сторон громыхает — и в степи, и в горах, а кажется, что ты как в санатории.

Пока мина не грохнется посреди улицы… Но это случалось не часто…

Бывали и нападения. И несколько раз мы палили из окон по чужим транспортерам и по людям. Казалось даже, не по людям, а так, про пятнистым фигурам, вроде подвижных мишеней. Были и убитые — с той стороны и с нашей, и я, про правде сказать, смотрел на них почти спокойно. Привыкаешь…

Выпустишь из автомата два-три рожка, отобьешь атаку, хлебнешь, и теплеет внутри. И все вокруг хорошие, этакое фронтовое братство… Особенно если не думать, зачем все это…

— Тём… а думалось?

— Порой. Особенно по ночам… Лежишь и понимаешь: они ведь тоже люди и есть у них та же правота, что у нас. И та же неправота. А потом, как хоронишь кого-нибудь, с кем вчера глотал из одной фляжки, думаешь уже другое: «С-своло-чи…» То есть не думаешь даже, а так, вроде зубовного скрежета. И на них, и вообще…

Но главная-то наша задача была контроль за дорогами. Были дежурства на блокпостах, были подвижные патрули. И, по правде говоря, трудно было там понять, кто оказался в задержанной машине: боевик или мирный торговец. Если с

оружием — под арест и в город, были там особые пункты. Если без оружия — кати дальше и благодари Аллаха, что мы добрые. Только продукты и водку отбирали у всех поголовно. Как говорится, чтобы выжить… Так и выживал я там три месяца.

А потом появился Птичка…

— Кто?

— Помнишь, Нитка, мультик про птиц и ящериц? Назывался, кажется, «Ноги, хвосты и крылья». Там один такой при-блатненный орел воспитывает страуса, учит его летать. Пугает гримасами, смеется: «Ха, птичка!»

И вот у этого типа была привычка. Если кто ему не нравится, он рожу скривит, сделает такой жест… ну, не буду показывать… и тоже: «Ха, птичка!» Так его и прозвали.

Знаешь, был он не дурак. Ну, если не интеллект, то инстинкты у него были развиты даже оч-чень. И чутье… И во мне он почуял такого… не вполне еще остервенелого внутри. Говорит: «Я, Студент, в детстве таких, как ты, за версту чуял. Они в пионерском лагере среди ночи по мамам плакали… Ха, птичка!» И пробовал меня учить жизни. Видать, опыт у него был. Не знаю, как там в детстве, а потом он, кажется, успел хлебнуть

всякого. Судя по всему, и в зонах побывал… И терпеть не мог очкастых «ботаников».

Но приставал он не часто. И не открыто, а так, под видом дружеских наставлений. Как бы делился жизненными навыками. «Ты меня, Студент, слушай и набирайся житейской эрудиции, пока ихний снайпер тебя не взял на мушку… Ха, птичка!»

И был он к тому же не трус. Наоборот. В бою такой не подведет. Может, потому что на свою жизнь он давно наплевал, так же, как на чужие. Порой делался совсем как боевой товарищ. Так сказать, друг и брат. Один раз оглушило меня и царапнуло осколком, так он перевязал, дал глотнуть из фляжки. «Ничего, Студент, держись, еще не вечер…» Ну, прямо как в кино про Великую Отечественную…

Я тогда как-то затеплел, расслабился, даже разоткровенничался с ним. Ну, про жизнь вообще и про эту дурацкую войну, где непонятно, за что люди гробят друг друга. А он: «Ты, Студент, похож на дурачка из кружка народных инструментов, которой пошел воевать против танка. Танк на него прет, а он по броне балалайкой… И вообще запомни: лучше сидеть внутри танка, а не брякать снаружи «Во поле березонька стояла…». Ха,

птичка!»

Больше я с ним разговоров не вел…

Были у него три дружка. Ну, не совсем дружки, а скорее подпевалы, но держались они друг друга крепко. И однажды пошли они в секрет на излучину горной тропы, в хитрое место под названием «Бейсболка», Это мы его так прозвали. Потому что тропа идет по круглому козырьку, который нависает над пропастью. Там иногда ходили связные и разведчики. Не наши, а их. Не по тропе, разумеется, а поверху, среди скал. Не часто ходили, потому что место известное, они знали, что наши секреты бывают там регулярно.

Ну, секрет — дело такое. Протянули по траве и камням проволоку с гремучими жестянками, на тропу, сразу за поворотом, кинули кольца проволоки-колючки, сами — в кусты. И так на полсуток…

Но тут полсуток не получилось. Надо было заткнуть брешь в другом, более опасном месте, и наш майор говорит мне:

«Студент, сгоняй на Бейсболку, скажи, что я велел перебраться к Бараньей Кости, там на перевале ждут гостей…»

Фамилия этого майора была красивая такая, «цветочная» — Орхидеев. Хороший мужик, хотя и

говорили, что странный немного. Мол, чересчур задумчивый. Неизвестно, почему его послали командовать полуротой, должность-то капитанская…

Ну вот, сказал мне это Орхидеев, я говорю «есть, Андрей Да-нилыч» и пошел. Как говорится, «заместо радио». Потому что секрету полагалась рация, но с этим делом был бардак.

Вообще-то одному не положено ходить по таким местам, только людей у нас совсем было мало… И ничего, добрался.

А там, Нитка, эти четверо не в укрытии сидят, а прямо на тропе, на козырьке, готовятся… к одному делу… Вот тут это и случилось.

— Что, Тём? — зябко сказала Нитка.

— Они поймали двух пацанов… Один лет тринадцати, а второй вроде Кея. Даже поменьше. И по виду совсем не горец, а светленький такой. Ну, совсем городской мальчик, который на лето приехал в деревню. Впрочем, такие там, среди местных, тоже встречаются… Связали Птичкины парни этих мальчишек, бросили к скале и совещаются.

Я говорю:

«Это кто?»

А Птичка мне:

«Это, Студент, те птенчики, что вчера запустили гранату в наш транспортер на повороте у Кассадара. Все приметы сходятся, особенно вот у этого, беленького. До чего симпатичный, прямо отличник. Ты, Студент, наверно таким же был, когда жил у мамы под крылышком… Ха, птичка!»

Мальчишки молчат, губы закусили и стреляют глазами. У младшего глаза мокрые… А двое Птичкиных дружков разматывают проволоку. Не простую, а колючую…

Теперь, Нитка, ты сожми зубы и слушай… даже если невтерпеж. Потому что я должен про это наконец рассказать…

Зверства там было много. С той и с другой стороны. Много есть книжек и кино про войну, но там такое не показывают. Все больше про геройство. А геройства на войне гораздо меньше, чем зверства. По крайней мере, в наше время. Может, раньше и было какое-то благородство, а нынче… И с лазутчиками, со снайперами там не церемонились, если поймают… И если убьют сразу, это еще повезло бедняге. Многие считают, что просто убить — нету смысла. Это, мол, с каждым из нас может случиться в любой миг. А пойманный должен расплатиться сполна… И вот придумал кто-то такой «аттракцион». Говорят,

что они придумали, да не все ли равно… Ты уж терпи, раз хочешь все знать… В человека сзади втыкают заостренную проволоку. Ну, как раньше на кол сажали. Но кол, он толстый, а проволока проходит легко. Человек, говорят, сперва даже не кричит. Может, от шока… И выходит эта проволока иногда изо рта, иногда откуда-нибудь из-под ключицы… Потом этот конец проволоки приматывают к чему-нибудь наверху, к дереву, например, а другой конец спускают под обрыв… И толкают человека. И он едет по проволоке вниз. А чтобы ехал не очень быстро, к гладкой проволоке привязывают снизу другую, колючую, сколько хватит длины…

— Тём…

— Помолчи, Нитка. Я про это никому еще не говорил. А ты должна понять, почему я… там…

— Что?

— Тяжелые мужики едут вниз быстро даже по колючкам. Ате, кто полегче… такие вот пацанята… Кстати, остряки-ин-теллекгуалы назвали это «через тернии к звездам». Только звезды, мол, не вверху и даже не внизу, а из глаз… И вот Птичка с дружками разматывал проволоку…

— И ты… их…

— Всех четверых, веером. Из-под локтя… Авто-

мат короткий такой, тяжелый, называется «Б-1». Буйносов, первая модель, десантный вариант. Носят сбоку на ремне, как сумку. Можно одной рукой, от пояса… Но я же не сразу…

Я не сразу…

Я сперва им сказал:

«Ребята, Данилыч велел срочно двигать на Баранью Кость, затыкать дыру. А этих я, давайте, доставлю Данилычу, он разберется».

Птичка оскалился:

«Ха, за дурачков держишь? Данилыч сдаст их на фильтро-пункт или отпустит совсем. За недоказанностью. Он же чистоплюй, как ты… Если боишься глядеть, отвернись, а мы этих цыпляток — на шашлычок… — И говорит одному из своих: — Ну-ка, сними с них штаны, чтобы поточнее…

Нитка, я не сразу… Я им сказал с самой последней убедительностью:

«Ребята, не надо. Вы же все-таки хоть немножко еще люди. Вас же… матери тоже молоком кормили когда-то… Ребята…»

А Птичка мне:

«Что, Студент, хочешь опять балалайкой по танку?»

А трое других смеются:

«Может, хочешь с ними, Студентик? Никто не

увидит, внизу глубоко…»

Один шагнул к мальчишкам, я — палец на спуск. «Назад», — говорю. Тут Птичка все понял. Глянул на меня и понял. Ему бы уйти и увести других. А он стал нагибаться за снятым автоматом. Я еще раз говорю: «Не надо, Птичка…» Он поднял, навел… Не успел…

— Ты их… наповал?

— «Бэ-один» всегда наповал, раненых почти не бывает. Там пули-перевертыши…

— А потом?..

— Потом смотрю — они лежат. Кто как… И ничего не чувствую. Лишь мысль: вот ведь странное дело — только что были живые, и нате вам… Наверно, дело в том, что я и сам в тот миг как бы умер. Отрезал себя от жизни. Осталось сделать немного.

Я развязал ребят и сказал:

«Идите».

Старший говорит мне:

«Идем с нами, ты будешь наш брат».

Но я не хотел с ними. Зачем? Я вообще ничего не хотел. Только старался не смотреть на тех, кто лежал. Но все же капелька любопытства оставалась во мне, я спросил старшего:

«Правда, что ты кинул гранату?»

А тот: «Это не я, это он кинул, — и кивает на маленького. — Он не сумел, она не взорвалась. У меня-то взорвалась бы…»

«Вам так нравится воевать?»

А старший опять про маленького:

«Его мать придавило в доме, от бомбы. Она там сгорела живьем…»

Я снова сказал:

«Идите».

И тут маленький мне:

«Если вы не пойдете с нами, вас убьют».

А чего меня было убивать? Я и так…

«Уходите, ребята…»

И они ушли. Скользнули между скал, как змейки.

А я… Мне надо было, конечно, сразу пулю в себя, но… Нет, я не боялся. Просто казалось, что не все еще сделал. Не все сказал.

Я вернулся на базу, положил автомат перед Орхидеевым.

— Майор, я только что расстрелял состав секрета на Бейсболке.

Он… как-то сразу поверил. Так мне показалось. Наверно, такое было у меня лицо. Но не дрогнул, приказал спокойным голосом:

«Доложи в деталях».

«Докладываю. Они поймали двух пацанов и хотели устроить самосуд. С проволокой. Я просил: не надо. Они смеялись… Они обязательно убили бы их…»

Орхидеев молчал, молчал. По-моему, очень долго. Начался обстрел из минометов, но мины рвались далеко за поселком. Кажется, в той стороне, где Бейсболка. Майор встал.

«Поехали. Я хочу посмотреть, что там…» — И подвинул мне автомат. И я взял, и мы поехали на его «козленке». Вдвоем. Пока позволяла дорога. А дальше — пешком. Он шел впереди, а я за ним. С автоматом. И он ни разу не оглянулся. Потом мы увидели за кустами и скалами дым и почуяли запах, такой, как после взрыва. Подошли к повороту и видим: «бейсбольного» козырька нет. Обрушен минами. Ничего нет. Пустота…

Орхидеев обернулся, но посмотрел не на меня, а мимо. И говорит:

«Надо докладывать то, что есть, а не молоть всякую чушь, Темрюк. Если ты увидел, что секрет погиб от взрыва, нельзя давать волю нервам. У всех мозги сдвинуты, но надо держать себя в руках… Ты понял меня, Студент? Иди выпей водки и опомнись. А я буду писать рапорт начальству…»

Мы пошли, и я выпил бутылку и сразу уснул.

Потом меня рвало, но уже казалось, что и правда н и ч е г о не было. Так я прожил еще сутки. Через день майора Орхидеева убил горский снайпер. А еще через два дня рядом со мной рванул фугасловушка. Тех, кто шел впереди, — в клочья, а я очнулся в госпитале.

И там, когда поправлялся, я, Нитка, снова вспоминал все, что было. Иногда спокойно, а иногда с мучением. Но всякий раз я знал: если бы такое началось снова, я бы опять нажал на спуск…

— Бедненький ты мой… — сказала Нитка, словно малышу, который запнулся и ободрал коленку. И погладила его плечо. А потом вдруг дернулась: — Тём! А при чем тут призрак? Какой?

— Птичка…

3

Они встретились на рынке, между овощных рядов. Лицом к лицу.

— Ха, птичка! Привет, Студент!

Всё тот же. Шея толще головы, пегий ежик волос, желтые глаза. Рот врастяжку… Только на широченных косых плечах не камуфляж, а черная майка с дурацкой надписью: «Я — хороший!»

Артем удивился, что ничего не чувствует. Лишь стукает в голове спокойная такая, отрешенная

мысль: «Выжил все-таки… Ну, что ж… Значит, судьба…»

— Не ждал, Студентик?

— Нет, почему же… — Артем пригладил волосы, поправил очки. — Ты ведь не первый день таскаешься за мной.

— Заметил, значит!

— Заметил. Хотя сперва думал, что показалось. Не верилось, что уцелел…

— А вот уцелел! Рассказать как?

— Не надо, Птичка. Неинтересно… Впрочем, догадываюсь. Я плохой стрелок… А потом ты — ужом в сторону, взрыв, плен… Героическое возвращение. Поиски врага…

Они пошли рядом. Этакие добрые знакомые, случайно встретившиеся после разлуки. Улыбались.

— Ты прав, Студент. Умеешь мыслить. Интеллигенция все-таки… Но ты не просто враг. Ты теперь смысл моей жизни. Я буду искоренять тебя не как личность, а как явление. Этой самой жизни…

— Да ты философ, Птичка, — усмехнулся Артем.

— Ага, — сказал он с удовольствием.

— Но глупый. Искоренишь меня, и смысла не останется.

— А я буду делать это долго.

— Как? Заведешь судебный процесс? Ничего не докажешь…

— Я не буду заводить! Я сам! Я буду убивать тебя медленно… и с удовольствием.

— Можно узнать, каким способом?

— Страхом, Студентик! Ты теперь всегда и всюду будешь ходить с оглядкой, не зная, где и как получишь плямбу в затылок. Или «перо» под лопатку. Или гранату в штаны…

— Не страшно, Птичка, — вздохнул Артем. Хотя стало страшно.

— Врешь, — довольно сказал Птичка. — Ты боишься.

— А ты? Думаешь, я буду «искореняться», как послушная овечка?

— А что ты можешь? Опять с балалайкой против танка?

— Ты, значит, танк?

— Я — из тех, кто в танке…

— Ну и как там? По-моему, сильно воняет.

— Случается. Зато безопасно.

— Не обольщайся, Птичка… — Артем постарался говорить очень спокойно и очень увесисто. — Ты не в танке, а я не с балалайкой. Там, на Бейсболке. Ты убедился…

— Ха! Тогда у тебя была просто истерика!

— Отнюдь! Это была осознанная необходимость. Я ведь спасал не только пацанов, но и себя, — сообразил он лишь сейчас, задним числом. — Вы ведь не оставили бы меня живого. Свидетеля…

— А ты умен. Недаром незаконченное высшее…

— Да. А ты, видать, плохо учился. Иначе бы понял: когда кого-то пугаешь, надо бояться и самому.

— Ха, птичка! Мне-то чего бояться? Я уже умер. Там, на Бейсболке. Ты разве это не понял?

Артем шагов десять шел молча. А потом:

— Птичка… это т ы ничего не понял. Я ведь тоже умер. Там же. Сразу, как дал очередь. Так что мы с тобой на равных, Птичка.

— Во как… — выговорил Птичка после некоторого молчания. И хмыкнул. — Тогда что ж… Может, пивка по случаю встречи? Вон там…

На краю рынка блестела стеклянная забегаловка с высокими столиками.

Плохо было Артему. Нет, не страшно уже, а както пусто на душе и тошнотворно. И в то же время — облегчение: то, чего он тайно боялся и ждал, случилось. По крайней мере, нет неизвестности.

И с этим облегчением Артем сказал:

— А чего ж! Давай…

Они взяли по кружке. Пиво было холодное и вкусное. Артем тянул его сквозь прижатые к стеклу зубы.

— Постой… — Птичка приподнял кружку. В желтых глазах его (как пиво!) опять было спокойное удовольствие. — Давай, Студент, за трех наших боевых товарищей, которые там, на Бейсболке… В общем, вечная им память…

— Я лучше за тех двух мальчишек. Пусть живут.

— Что ж, каждому свое… как написали умные люди на воротах лагеря, куда сгоняли неполноценные нации… Ха, птичка! Я знаю, о чем ты думаешь! Плеснуть мне в рожу свою кружку!

Артем удивился. Об этом он не думал.

— Буду я еще тратить пиво…

— Правильно. Пей… И помни, о чем я говорил. Хотя мы и неживые, а ходи с оглядкой. Усёк?

— И ты… — вздохнул Артем.

А думал он вот о чем: хорошо бы разжиться пистолетом. На Пустырях, наверно, можно отыскать оружейные склады. С одной стороны, конечно, криминал, а с другой… жить-то надо, если даже ты и умер однажды на горной тропе Саи-дага…

Про этот разговор Артем рассказывать Нитке не стал. Постарался стать беззаботным.

— Вот такая, значит, встреча. Поговорили, вспомнили, что было. Даже по кружке пива выпили. Ничего…

— Тём… если «ничего», почему ты так боишься?

— Я?! Боюсь?! Господи, кого? Этого громилу? А что он может?.. Да он ничего ко мне и не имеет…

— Тём, я же тебя знаю. Ты сейчас, будто… выпотрошенный весь…

— Ну… да. Если честно, Нитка, то я боюсь. Конечно. Боюсь воспоминаний. Думал, что все это там, за чертой. А теперь — опять. Три жизни на совести, никуда от этого не уйдешь.

— Тём, но ты же и спас троих! Тех ребят и себя… Они же не оставили бы тебя в живых!

Смотри-ка! Тоже догадалась!

— Тём!

— Что?

— Я теперь тебя одного никуда не отпущу!

— Глупенькая. Будешь как нитка за иголкой?

— Да!

— Успокойся. «Все будет хорошо», как любят говорить в американских фильмах… Слушай, Володька не заходил? Он обещал показать свое

новое творение, называется «Перст судьбы».

— Еще не легче! В самую точку…

— Нет, в точку было бы название, которое он придумал сначала. Но оно неприличное.

— Хулиган!

— Он или я?

— Оба!

Артем притянул Нитку, стал обнимать и смеяться. Сперва не очень натурально, а потом по правде. В конце концов сюда, на Пустыри, никакой Птичка проникнуть все равно не сможет.

— Прекрати, дурень! Ты мне прическу испортил!

— У тебя не прическа, а «вихри враждебные веют над нами»…

— Тёмка, прекрати сейчас же!.. Ну, перестань… Кей может прийти…

— Не придет, у него своя любовь.

— Что ты мелешь! Девочка болеет, а ты…

— Поправится… А я запру дверь… Разве ты не хочешь вернуть мне душевное равновесие?

Кей пришел через два часа. Сказал, что Лельке стало лучше и она заснула. Но глаза у него были темные и тревожные. Он быстро перекусил на кухне и заявил, что пойдет к Лельке снова. Потому что «бабка не просыхает и толку от нее мало».

— У нас есть аспирин?

— Есть! — засуетилась Нитка. — Вот… Подожди, мы пойдем с тобой, поможем…

— Лучше вечером. А сейчас чего помогать, если спит…

Он был сдержан и деловит. И Артем подумал, что ему, Кею,

можно, пожалуй, рассказать всё. И даже закинуть удочку насчет пистолета. Но не сейчас, конечно. Сейчас у Кея на уме только его ненаглядная больная Лелька.

Ладно, подождем, когда поправится…

Но Лелька не поправилась. Кей вернулся в сумерках и со звонкой слезинкой в горле сказал, что Лельке совсем плохо.

Нитка была где-то у соседей. Артем не стал ее звать, кинулся следом за Кеем.

V. СЕМЬ ПЯТНИЦ

1

В хибарке бабы Кати беспощадно светила у потолка голая лампочка. Баба Катя сгорбилась у Лелькиной кроватки. Кивала и пьяно бормотала. Артем отодвинул бабку вместе с табуретом. Она

икнула и всхлипнула.

Артем ничего не понимал в медицине, но сейчас, взглянув на Лельку, почуял сразу: девочка не доживет до утра. Тощее Лелькино тельце в длинной серой рубашке было беспомощно скорчено, коленки торчали сквозь холстину и часто двигались, будто малышка вертела педали. Пальцы на поднятых к плечам руках сжимались и разжимались. Лицо было розовым, как клубничное мыло. Сквозь ресницы резко светились белки. А губы — в сухой плесени.

Баба Катя потянулась к девочке, натянула на нее одеяло, но Лелька суетливым движением сбила его к ногам.

— Тём, ее надо в больницу, сейчас же, — выдохнул у плеча Кей.

Артем и сам видел: надо! Сейчас же! Может быть, в этом — последний слабенький шанс.

«Скорую» не вызовешь: нет здесь телефона, нет сюда дороги. Артем двумя взмахами замотал Лельку (горячую, как бутылка с кипятком) в одеяло, прижал к груди.

— Кей, идем!

Бабка что-то слабо заголосила им вслед.

— Кей, к ближнему проходу на шоссе! Там поймаем машину!

Кей кинулся вперед, напрямик. Острые макушки иван-чая заметались в свете его фонаря. У Артема колотилось в груди, в ушах: «Успеть бы! Успеть бы! Успеть бы! Усп…»

— Подождите…

Не окрик, а будто просьба издалека. Детский негромкий голос. А после него — особая тишина. Такая, что Артем остановился, как перед стенкой. Фонарь метнулся в сторону голоса.

Сперва среди кустов был только мрак. Но почти сразу на нем, как на темной фотобумаге, стала проявляться светлая фигура. Ростом с Кея. Девочка? Нет, явно мальчишка, хотя и с волосами до плеч. Босой, длинноногий, в белой рубашке навыпуск. Рубашка колыхалась, будто она из тумана. «Видение…» — мелькнуло у Артема. А Кей не удивился, обрадовался:

— Зонтик!

Непонятный туманный Зонтик сказал тихо, но ясно:

— Не ходите на шоссе. Здесь она все-таки буксует, а там доберется до вас раньше первой машины.

— Кто? — машинально выдохнул Артем.

Мальчик сказал просто и бесстрашно:

— Смерть, кто же еще…

Артем поверил сразу. Так же, как верил всем законам и приметам здешних Пространств. Но слабо возразил:

— Девочке нужен врач.

Мальчик мотнул головой — светлые волосы так же, как и рубашка, туманно колыхнулись на фоне тьмы. В голосе Зонтика прорезалась звонкая досада:

— Не поможет никакой врач! Поможет лишь одно лекарство: витанол-альфа. Но такого нет ни в больницах, ни в аптеках, его не делают очень давно. Он сохранился только в аптеке на площади Горбатого Фонарщика, в Городе…

— Но мы и хотим в город, — неуверенно сказал Артем. В голове запрыгало: «А где такая площадь?»

Звонкая, как у Зонтика, досада послышалась и в голосе Кея:

— Да не в здешнем городе, Тём, а там, где семь пят-н и ц! Да, Зонтик?

— Ну, конечно, — отозвался тот опять негромко, даже устало. — Отнесите Лельку к Аните, пусть делает холодные компрессы. А сами — т у д а…

Кей растерянно мигнул фонарем.

— Зонтик, мы же не знаем дороги!

— Давайте скорее! — Мальчишка даже притоп-

нул босой ногой. — Несите, я вас подожду!

Артем втащил раскаленную Лельку в дом, уложил на кровать. Нитка оказалась дома. Кей начал давать сестре поручения и объяснения. Короткие, решительные. Потом потянул Артема к двери. Нитка, что ни говорите, молодец. Не заохала, не закричала им вслед: «Ах, куда вы, как я без вас!» Молча кинулась доставать полотенце для компресса. Артем и Кей оказались на крыльце.

Из окна падал широкий свет, и в нем Артем опять увидел Зонтика. Теперь оказалось — обычный пацан. Лицо вовсе не «ангельское», как сперва привиделось Артему, а самое простое: круглое, большеротое. Правда, волосы длинны чересчур, но есть у нынешних ребят и такая мода (а в волосах темные шарики репьев). Синяки и царапины на тощих ногах тоже как у всех мальчишек. Обтрепанные кромки джинсовых шортиков торчат из-под белой рубашки. Правда, сама рубашка не совсем обычная: чересчур широкая, и по ней белыми же, но с серебристым отливом, нитками вытканы изогнувшиеся крылатые драконы. Но и она — достаточно потрепанная, а сбоку даже порвана и зашита через край крупными стежками.

Зонтик нетерпеливо топтался в подорожниках. В руках его был мятый листок.

— Давайте скорее… Пойдете до церкви, потом вдоль Ботанической решетки, к разваленной водокачке, а как дальше — я начертил. Вот…

— Разве ты не пойдешь с нами? — откровенно огорчился Кей. Испугался даже.

— Мне туда соваться пока нельзя. Вам, конечно, тоже нельзя, ну да ладно. Вам-то все равно ничего не будет. А мне знаете как влетит, если догадаются! Один раз уже досталось за распечатанный колодец на лужайке Четырех Скворечников. Целую неделю не выпускали на белый свет… Кей, вам надо самим. — Артема Зонтик держал как бы на втором плане. Видно, знал, что Кей не в пример больше посвящен в загадки здешних мест.

Кей взял листок, поднял фонарь, хотя от окна и так было светло.

— Давай поменяемся фонариками, — вдруг сказал Зонтик. Отвел Кея от окна, взял его фонарь и протянул светящийся зеленоватый шарик. Размером с грецкий орех.

— Он вас поведет по нужному пути. Если пойдете правильно, будет светить ярко. А как отвернете куда не надо, сразу потускнеет.

— А зачем тогда план? — дернуло за язык Артема.

Зонтик объяснил терпеливо:

— План — это приблизительная схема. А шарик — для точного поиска. Разве не ясно?

— Виноват. Понял, — отозвался Артем почти по-армейски.

— Я буду здесь караулить, — тихо пообещал Зонтик (опять же главным образом Кею). — Если она сунется, сразу не пролезет… Но вы все же постарайтесь с этим делом до рассвета.

— Да, — вздохнул Кей. И без лишних слов — с бумагой в правой руке, с шариком-фонариком в левой — шагнул от крыльца. Сквозь обступившие домик заросли белоцвета. Артем за ним. Почти на ощупь, потому что зеленоватый шарик освещал лишь белый листок да руки спешившего Кея.

«Если она сунется… Если она сунется…» — толкалось в Артеме при каждом шаге.

— Кей… А не страшно ему там одному?

Кей понял стразу.

— Не-а. Он не боится Смерти. Он умирал уже два раза. И теперь у него против нее… этот… как его…

— Иммунитет?

— Ну да! Защита… Но все-таки нам надо успеть до рассвета.

— Кей, а он кто? Я раньше не видел его среди ребят.

— Вообще-то его зовут Шурка. А Зонтик — это прозвище.

— Я не о том. Он… из этих? Сомбро?

— Ну, конечно! Это же сразу видно. И по прозвищу можно догадаться.

— Как это?

— Ну как! Он — маленький сомбро. Уменьшительное слово от «сомбро» какое? «Сомбрильо». Или «сомбрилья», не помню точно. В общем, это и есть «зонтик» по-испански, по-мексикански. «Маленькая тень». Там, на юге-то, зонтики нужны не столько от дождя, сколько от солнца. Это даже глупому ясно…

Артем сказал, слегка запыхавшись (они ломились через заросли чертополоха):

— Мне, глупому, вот что неясно. Ты на меня злишься, что ли?

— Тём… я не злюсь. Я… просто я думаю каждую секунду: как там Лелька?

— Ну… так ведь и я думаю. Мы же спешим…

И они спешили — сквозь темноту и цепкие стебли. Артем полностью доверился Кею. Лишь бы не отстать от неудержимого мальчишки. Беспощадная «волчья трава» цапнула Артема за ладони, он тихонько взвыл. А голорукий и голоногий Кей пробивался сквозь крапиву и татарник, не

сбавляя напора. Самые колющие и жгучие сорняки были добры к здешним пацанам. Артем же, видать, еще не заслужил такого снисхождения.

Они выбрались к штабелям бетонных плит, за которыми угадывался в сумраке великанский шар газовой емкости. Резко пахло ржавой жестью и пасленом. Мрак неожиданно раздвинулся. Это над головой разошлись облака, открыли куски белесого летнего неба с горстью переливчатых звезд. На северо-западе, за тополями и черным кружевом эстакад проступила желтоватая щель негаснущей зари.

Кей остановился, часто подышал, придвинул шарик к бумаге. Сказал чуть виновато:

— Теперь уже недалеко.

Артем сердито дул на обожженные ладони.

Справа, словно сотканная из светлых волокон, выступила тонкобашенная церковь.

Двинулись дальше. Слева потянулась полуразбитая чугунная ограда решетки между каменными опорами. Узор и тонкость литья были достойны петербургских парков. Ходила легенда, что лет триста назад, когда на этом месте лишь набирал силу маленький чугунолитейный завод, хозяин его решил среди цехов и печей разбить сад с заморскими деревьями. Это чтобы

заезжие столичные чиновники дивились и знали: владельцы здешнего края не лыком шиты. Но пальмы и кипарисы не выжили в здешних зимах. Помнила их только эта старая решетка, у которой осталось давнее название — Ботаническая.

Кей отыскал в решетке заросший пролом. Артем пролез вслед за Кеем, цепляя на футболку сухие репьи.

— А вот и водокачка, — бормотнул Кей через сотню шагов. Черная постройка громоздилась над низким ольховником. От него несло зябкой влагой. Опять остановились. Кей светил шариком на бумагу. Артем глянул через его плечо. Схема как схема — вроде тех, что рисуют мальчишки, играя в разведчиков: квадратики, треугольнички, линии, стрелки… Но Кей шепнул с опасливым восхищением:

— Ух ты! Он нарисовал настоящую карту на пятницу. Будет ему, если узнают…

— Но ведь сегодня не пятница, — глуповато заметил Артем.

— В Городе сейчас все дни — пятница, — веско разъяснил Кей. — Потому что его заложили именно в этот день, назло дурной примете. И там всегда будет «добрая пятница», пока Город не вырастет окончательно…

— Ничего не понимаю…

— И не надо. Ты, главное, не отставай, потому что Город здесь уже дышит через щель. Заплутаешь так, что целый год никто не найдет — ни сомбро, ни милиция… Наверно, Евсей-ка сунулся сюда ночью, балда рыжая, вот и пропал…

Шепот Кея был странным, незнакомым. У Артема даже куснуло холодком позвоночник. Может, Кей — немножко сомбро?

Кей повел светящимся шариком перед собой. Тот вдруг обрадованно разгорелся — уже не фосфорическим, а белым электрическим светом. Впереди встала глухая стена приземистого бетонного цеха. От макушек травы до верха она была расколота извилистой чернотой.

Ох как не захотелось Артему в эту тьму! Но Кей сказал нетерпеливо:

— Идем.

2

Напрасно Артем боялся. Да, они оказались в сплошной тьме, но тьма была не страшная. Наоборот — добрая. Теплая, мохнатая, она терлась об Артема, как черные ласковые коты. И еще — сразу стало ясно, что это не тьма закрытого помещения. Она была слишком обширна. Артем

и Кей оказались не внутри цеха, как можно было ожидать, а на открытом пространстве. Во мраке ощущались теплые каменные дома и брусчатка старой площади. Они дышали.

Артем вспомнил. Такое он однажды видел во сне. На блокпосту, во время короткого ночного отдыха. Снилось, что он вернулся домой. Навсегда. В свой город. Это не совсем тот город, но родной и добрый. Артем вышел на привокзальную площадь. Здесь медленно погас единственный фонарь и в наступившей тьме началось таинственное передвижение пространств. В этом передвижении не было ни малейшей угрозы, а была лишь добродушная хитрость. Так родители не пускают своего малыша раньше срока в комнату, где наряжается елка и готовятся подарки…

И Артем там, в этом сне, вдруг понял, что сейчас будет. Мигая неяркими подфарниками, выкатит из темноты бесшумный автомобиль-такси. Пожилой водитель опустит в дверце стекло.

— Ну что, паренёк? Поедем к маме?

И он поедет к маме. Она снимает двухкомнатную квартиру на втором этаже деревянного старого дома. Кто сказал, что мамы нет на свете? Она ждет Тёма в комнате с потертыми кофейными обоями, ворчливым пожилым холодиль-

ником, желтой лампой и охапкой ромашек, что стоят в трехлитровой банке на обшарпанном подоконнике с чешуйками пересохшей краски. Артем заранее видел все это, хотя машина еще не появилась, он только ждал ее. В ожидании не было нетерпения и страха. Была спокойная радость, потому что ничего плохого случиться уже не могло…

Потом застреляли, и Артем вскочил с топчана. Какой-то автомобиль (совсем не т о т) хотел пробиться через шлагбаум. Неизвестных отогнали очередями. Те пальнули в ответ, оцарапали плечо сержанту Анохину и укатили в степь. Анохин матерился, стаскивая тужурку с набухшим рукавом. Артем же старался одно: удержать в памяти недавний сон, в котором была странная надежда…

А сейчас вокруг была такая же тьма. И Артем шепотом сказал Кею:

— По-моему, вот-вот подъедет такси.

— Нет. Подъедет трамвай. Слышишь, дребезжит?

Тогда и Артем услышал где-то за границей теплого мрака позвякивание. (Вот странно: на т о й привокзальной площади даже не было трамвайных путей.) Дребезжащий вагон с тремя желтыми

фарами — по бокам и сверху — выдвинулся из дальней черноты. Проступили и неяркие окошки. А по блестящим рельсам побежали впереди трамвая два блика. Трамвай звякнул и замер в пяти шагах.

— Тём, скорей!

И они прыгнули на заднюю площадку.

Внутри не было ни души. Непонятно даже, был ли кто-нибудь впереди — за непрозрачным стеклом водительского отсека. Может быть, пустой трамвай бегает по загадочному Городу сам по себе?

Вагон дернулся и поехал. Молочные лампочки на полукруглом потолке засветились поярче.

— Кей, надо ведь, наверно, платить? — Артем опасался нарушить правила незнакомого мира. Но не было никакого намека на кассу. Не говоря уже о кондукторе. Кей махнул рукой. — Старина какая, — заметил Артем. Трамвай был как из прошлого века. Маленькие квадратные окошки, медные трубки поручней, красные плюшевые диванчики (изрядно потертые), пол из деревянных реек. Стекла дребезжали, лампочки мигали, поручни звякали.

Задняя площадка была полукруглая, сиденье — в форме подковы. На нем подрагивал пластмас-

совый розовый поросенок в синей бескозырке. Он смотрел на Кея и Тёма с опаской и просьбой: «Не трогайте меня, ладно? Меня позабыли, но за мной обязательно вернутся». «Конечно», — улыбнулся ему сквозь тревогу Артем.

Город за трамвайными стеклами неторопливо убегал назад. Редкие фонари, квадратные, овальные и полукруглые окна с частыми переплетами. Дома были в три-четыре этажа. Темносерые на фоне черноты. Порой их выступы напоминали носы старинных дредноутов.

Артем и Кей не садились. Артем держался за поручень, а Кей прижимался к его боку спиной. И светил шариком на план, хотя и без того рисунок был различим.

— Кей, куда мы едем?

— Ты же знаешь: на площадь Горбатого Фонарщика.

— Я понимаю. Но ты уверен, что трамвай идет туда?

— Пока да. Шарик горит ярко… Только Зонтик не очень разборчиво тут нацарапал, я не пойму… Да он не виноват. Город-то растет, меняется каждый день. Каждую пятницу…

— Почему?

Кей на миг вскинул сумрачные глаза. Ему не

хотелось говорить. «Он думает каждую секунду: как там Лелька?» — вспомнил Артем.

И все же Кей сказал:

— Он еще не достроен… Его начали строить три мальчика, а потом он взялся расти. Сам. Ну… не только в размерах расти, а как бы вообще. Во времени. Вперед и назад. И у него появилась своя история. Видишь, он даже старинный…

Артем не очень-то видел. Чего там: фонари да окна. Но поверил.

— Ну вот, — вздохнул Кей. — Город растет, а сомбро ничего не могут понять. Он вроде бы не их рук дело, хотя и часть Пространств. Он с Пространствами взаимосвязан. Но сомбро не решаются входить в него, чтобы не нарушить непонятную структуру. И другим не велят.

— А как же мы? Вдруг что-то нарушим?

Кей дернул плечом:

— Да ничего не будет! И… у нас же нет выхода,

— Кей, а жители-то тут есть?

— Как везде…

— Откуда? Не мальчишки же их вылепили из пластилина!

— Конечно, нет… Зонтик говорит, это люди с другого этажа Пространств. Может, они в чем-то даже мы сами….

— Непонятно.

— Ага… Тём, не в этом дело. Достать бы витанол-альфа…

Артем примолк. А спрятанный где-то динамик сказал хрипловато, как труба старинного граммофона:

— Господа, трамвай идет в парк. Если кому-то в центр, соблаговолите сойти на следующей остановке.

— А где этот парк? — испуганно спросил Кей у Артема.

Динамик отозвался с готовностью:

— Парк за Грушевым мостом, у Мельничного болота.

Тогда Кей спросил уже громко, в пространство:

— А где площадь Горбатого Фонарщика?

И снова динамик отозвался с охотой:

— Это недалеко от центра. Можно пройти по улице Старых Пивоваров, потом под Колокольную арку. — Голос был мужской, солидный. Так и представился пожилой кондуктор с закрученными усами и в форменной фуражке.

Трамвай начал тормозить, и Кей прыгнул с подножки, не дожидаясь остановки.

— Мальчик, нехорошо, — сказал вслед невидимый кондуктор. Артем попрощался глазами с

пластмассовым поросенком и прыгнул за Кеем.

Трамвай укатил. Кей стоял на дощатом перрончике, шарик ровно горел в его пальцах, они розово просвечивали.

— Ну? — сказал Артем.

Кей махнул шариком вперед:

— Кажется, нам туда.

Они перешли трамвайный путь и оказались на улице, освещенной неяркими фонарями. Фонари висели у старинных дверей и ворот на кованых кронштейнах. Свет от граненых стекол веером падал на тротуарные плиты, желтыми крыльями пролетал по мелькающим ногам Кея — тот быстро (и чуть прихрамывая) шагал впереди. Костюм Кея странно загорался в лучах: темные зигзаги индейского узора терялись в сумраке, а желтые и ярко-алые вдруг начинали светиться изломанными контурами. Светились и бело-пепельные волосы.

«Сон какой-то», — мелькнуло у Артема.

Он не мог даже разглядеть домов. Они над фонарями уходили ввысь, как темные изломанные утесы. Среди утесов горела россыпь окошек разной величины и цвета — голубоватых, розовых, желтых. А небо над улицей было совсем не то, что над Пустырями, — не летнее, а густо-черное,

как в теплом безоблачном сентябре. С белыми стеклянными звездами.

Изредка попадались прохожие: тетушка с двумя тяжелыми кошелками, высокий мужчина в кителе и красной фуражке дежурного начальника станции, небритый дядька в войлочной шляпе — он тащил на спине большущий оркестровый барабан. Потом — девушка в белых джинсах и безрукавке, с желтыми волосами до пояса. Она ехала на роликах. Ехать было неловко, ролики спотыкались на стыках плит. Она досадливо глянула на Кея и Артема.

«Спросить бы, правильно ли идем», — подумал Артем. Но тут под фонарем заблестела белая эмалевая таблица в рамке из железного кружева. На ней синие слова: «Ул. Ст. Пивоваров».

— Я же говорил! — быстро оглянулся Кей. И опять: топ-топ-топ кроссовками по камням. Проплыл над домами белый, как яйцо громадной птицы Рух, купол. Наверно, его подсвечивали специальными фонарями. Где-то перекликались дети — в точности как в сумерках на Пустырях. Пахло теплым ракушечником и какими-то цветами, кажется, резедой. В ночную завороженность Города можно было бы окунуться как в приключения. Если бы не стучащая мысль о Лельке….

«Господи, как она там? И где аптека?»

Улица вывела на выгнутый дугою каменный мост. У входа на него вздыбились на постаментах два чугунных кентавра с натянутыми луками. Прямо на перилах горели похожие на ребристые стаканы фонарики. Из-под моста тянуло сыростью и осокой… Посреди моста Кей вдруг оглянулся:

— Тём, ты не бойся, мы идем правильно.

— Я не боюсь…

«Я не боюсь. Но скорее бы!»

За мостом улица Старых Пивоваров вильнула и вывела к арке. Это были высокие сводчатые ворота. С двух сторон в них горели цилиндрические, оплетенные фигурными решетками фонари. А в центре арки, под каменным сводом, висел темный, метровой ширины колокол.

От колокола опускался толстый, с частыми узлами канат. На канате по-обезьяньи висел мальчишка лет восьми-девяти, качался туда-сюда. Рядом стояла девочка — то ли подружка, то ли сестренка. В желтом светящемся платьице. Прижимала к щекам ладони, взмахивала тощими косами:

— Ой, Гришка! Ну, перестань! Ведь ударишь сейчас!

— А вот и не ударю! У меня все рассчитано!

Лучи фонарей отражались от серых плит и слабо высвечивали непослушного Гришку. Можно было различить, что он в штанах и рубашке с рисунком из пальм и африканских зверей, что волосы у него песочного цвета, что глаза его весело блестят и что на ноге, ловко уцепившейся за канат, белеет повыше колена крестик из пластыря.

А от колокола несло теплой медью — это Артем ощутил, когда они с Кеем замедлили шаги. Повизгивало кольцо, в котором подвешен был могучий колокольный язык.

Девочка оглянулась на Артема.

— Дяденька, скажите хоть вы ему! Сейчас ведь он ударит!

— И что будет?

Девочка опустила руки.

— Как что? Никто не знает… какая-нибудь пер… рер… тру… турбация…

— Не будет, — успокоил Кей. Он наблюдал за Гришкой с явной симпатией. — У него же правда все рассчитано. Лучше скажите: площадь Горбатого Фонарщика далеко?

— Там… — девочка слабо махнула рукой. За аркой темнело пространство все с той же пестрой россыпью окошек.

— А есть там аптека? — дернулся Кей.

— Есть. Прямо через площадь, — качаясь, отозвался Гришка. — Она круглосуточная… Но вы все-таки поспешите!

И они поспешили через теплый сумрак площади, посреди которого вдруг выступил и засветился маленький памятник: фигурка сгорбленного старика с лестницей на плече.

Сзади защелкали подошвы. Артема и Кея догнала девочка. Что-то сунула Кею в нагрудный кармашек.

— Мальчик, возьми. Вдруг пригодится… — И щелк-щелк-щелк — заспешила к своему неугомонному Гришке.

— Что она тебе дала?

— Не знаю… Сейчас… — Кей посветил в карман. — Катушка с нитками… Зачем?

Но было не до разгадок. Они заспешили опять (и шарик ярким светом подтверждал — верно!). Впереди голубовато засветился одноэтажный дом с башенками. Желто загорелось дверное окошко с т-образным переплетом. На стеклах чернели буквы:

АПТЕКА

Артем потянул тугую дверь, звякнул коло-

кольчик, навстречу дохнуло запахом йода и валерьянки…

Внутри аптека была как аптека. Прилавок, стеклянные шкафы с колбами, пузырьками и клизмами. На прилавке рядом с кассовым аппаратом спала серая кошка. «Наверно, это не очень-то стерильно», — мелькнуло у Артема.

А кроме кошки, никого не было.

— Эй… — негромко сказал Артем.

Вышла из-за шкафа пожилая круглолицая тетенька. В белом халате, в белой шапочке — значит, продавщица-прови-зор. Хотя лицом больше похожа на сторожиху.

— Ну, чего там «эй»? — заспанно отозвалась она. — Иду… Чего там у вас?

Кей качнулся вперед:

— Нам нужен витанол-альфа!

Тетушка будто проснулась. Глянула не сердито, но и не ласково.

— Ишь как! Это кто вам про него сказал?

— Ну… кто… Сказали в общем… — сбился Кей. Он явно боялся выдать Зонтика.

— Сказали… А рецепта-то небось нету?

— Нет рецепта! И времени нет! — с отчаянием объяснил Артем. — Там каждая минута дорога! Девочка…

— В том и вопрос, что каждая минута… — Лицо у тетки подобрело. — У меня есть еще один пакетик. Последний, да срок годности кончается завтра, так что не мешкайте… — Она вдруг резво нырнула под прилавок и сразу выпрямилась опять. — Вот…

Артем взял на ладонь серую невесомую облатку размером с почтовую марку. «Господи, неужели спасение?»

— Спасибо вам!

— Ладно, ладно… Поскольку ребенок, то по одной пилюльке через каждый час, а на первый случай — сразу две. Да там написано мелкими буквами…

— Спасибо вам! — звонко сказал и Кей. — Ой… надо ведь, наверно, заплатить?

— Это за витанол-то, за альфу? «Заплатить»… Идите-ка вы скорее… Ан, нет, постойте! — Она грузно выбралась из-за прилавка. Неожиданно ловко присела, ухватила Кея за щиколотку, вздернула его ногу. На ноге пониже колена алели незасохшие капли — будто злой зверек цапнул когтями. — Глянь-ка, ободрался, носит вас нечистая сила. Схватишь инфекцию.

У стеклянного шкафа тетушка позвякала пузырьками, вернулась, приложила к ранкам

коричневую примочку (Кей пискнул), крест-накрест приклеила ее ленточками пластыря (Артем сразу вспомнил Гришку под колоколом).

— Вот теперь торопитесь… — вздохнула аптекарша.

Они оказались на крыльце. Ночь по-прежнему пахла теплыми камнями и резедой. Кей затолкал в нагрудный карман свернутый листок с планом и шарик (тот слабо засветился сквозь желтый участок ткани). Обратный путь был известен.

— Тём, пошли!..

И в этот миг раскатился в ночи тугой медный удар. Так, что розоватые окна вздрогнули, будто игрушки на новогодней елке, которую встряхнули.

— Вот балда! — со стоном сказал Кей. — Он все же ударил! Не рассчитал…

3

Мир вокруг неуловимо изменился… Хотя что там «неуловимо»! Заметно. Небо из черного сделалось темно-синим, звезды в нем — трепещущими, как бабочки. Множество окон поменяло места, перестроился контур зданий. Все предметы теперь словно кто-то прорисовал более светлой краской. Стало видно, что памятник

посреди площади — уже не Горбатый Фонарщик, а мальчишка с лесенкой на плече и с воздушным змеем в опущенной руке. Наверно, мальчик снял его с дерева или крыши. Но это все Артем отметил мельком.

— Идем, — нетерпеливо сказал он.

— Куда? — слабо огрызнулся Кей. — Видишь ведь, все не так.

— Это из-за колокола?

— Ну… То есть из-за Гришки. Балда такая…

— Но шарик покажет дорогу!

Кей вытащил шарик — тот не светил. Наверно, он был рассчитан только на дорогу до аптеки. Или дело в том, что перестроилась структура Пространств…

«Может быть, не так уж перестроилась?»

— Мы же помним направление, Кей!

Они перешли площадь.

Арка оказалась на прежнем месте. Но колокола под ней не было. И улица, которая тянулась от арки через мост с кентаврами, называлась теперь не «Старых Пивоваров», а «Ступенчатая». Да это была даже не улица, а цепь кривых переулков, что прыгали по лестницам, каменистым дорогам и темным проходам среди заборов и могучих крепостных стен.

«Мы не найдем дорогу, — безнадежно подумал Артем. — Тем более до рассвета…»

Очередной переулок вывел их в травянистую ложбину. Вдоль нее тянулись изгороди и горели редкие фонари. Где-то раздавалось лязганье и пыхтение. Стало ясно — вблизи проходит железная дорога.

Над рельсами горели редкие синие огоньки. Пахло углем, просмоленными шпалами и машинной смазкой. Чернели в синем небе башни водокачек. Через пути вел железный горбатый мостик. Кей взбежал на него, Артем за ним — зазвенели шаткие ступени.

Под мостиком с гулом и шипением прокатился старинного вида паровозик. Шумный пар ударил вверх, сквозь щели в дощатом настиле. Его мохнатые теплые лапы забрались Артему в брючины. Кей вдруг засмеялся, запританцовывал, потирая ноги. Артем не сдержал досады:

— Нам надо скорее домой! Аты развлекаешься…

— Я не развлекаюсь, а думаю… — Кей взялся за поручни и встал прямо, как на капитанском мостике. Лицом к луне. Луна эта лишь сейчас выступила в ночной синеве. Не обычная луна, а будто матовый стеклянный шар, наполовину

наполненный подсвеченным лимонным соком — только половина эта была вертикальная. Вокруг луны торчали серебристые гвоздики звезд.

Из-под луны, вдоль ложбины с рельсами потянул уверенный теплый ветерок. В нем были явные запахи травы «рысье ухо».

— Чуешь? — обрадовался Кей. — Пахнет Пустырями! Они недалеко.

— Но г д е? — раздраженно сказал Артем. — Как мы туда попадем?

— А нам не обязательно! Главное, чтобы туда попало лекарство!

— Как? По почте, что ли?

— Не-а… То есть да! Подожди, надо к свету…

Кей сбежал с мостика. Встал у кирпичной будки, на которой горела под жестяным козырьком сиротливая лампочка. Из нагрудного кармана Кей выхватил свернутый листок. Расправил его, прижав к стене, сложил по-новому. Получилось что-то вроде бумажного голубя. Точнее — треугольная «стрела» с отогнутыми уголками-лапками.

Потом Кей вытащил катушку.

— Как хорошо, что девочка догадалась про нитки, да, Тём?

Он оторвал метровый кусок и привязал его

концы к бумажным лапкам — как уздечку. А к уздечке прикрепил нить катушки.

До Артема дошло: Кей мастерит простенький воздушный змей. Кажется, такая конструкция называется «монах».

— Хвост еще надо… — Кей суетливо повертел головой. — А, вот так… — И он рванул от штанины «индейскую» бахрому.

— Ты думаешь, этот змей выведет нас? — сумрачно не поверил Артем.

Но Кей думал не про то. Он ловко привязал змею хвост, отлепил от ноги полоски пластыря и к широкой части «монаха» приклеил ими пакетик с витанолом.

Артем понял наконец!

— Ты спятил! Мы его потеряем, а другого нет! — Он потянулся к змею.

— Не вздумай… — Тихо ощетинился Кей. — Ты разрушишь структуру… — И сказал уже мягче: — Не бойся. Он прилетит прямо в руки к Зонтику. Ты просто еще не знаешь всего такого, а я знаю.

И Кей опять взбежал на мостик — легко, так что не звякнула ни одна ступенька. Артем увидел его силуэт. Кей толкнул «монаха» в поток теплого ветра. Змей дернул мохнатым хвостом и стал косо уходить вверх.

Еще было несколько секунд, чтобы подскочить, помешать сумасшедшему мальчишке. Но… вязкая слабость охватила Артема. Как во сне, когда не можешь спастись от страшного. Ну и, кроме того… может быть, Кей в самом деле знал? Змей ушел высоко и вдруг загорелся желтым отблеском — словно поймал частицу лунного лимонного света. Сделался звездочкой и пропал. Кей резко дернул локтями: видимо, оборвал нитку. Подержался за поручни и сбежал вниз.

Он виновато постоял рядом с обмякшим Артемом. Потом сказал тихо и упрямо:

— Он правда долетит. Не бойся…

— А я и не боюсь! — вдруг понял Артем. Настроение изменилось. Он как бы впитал в себя спокойную убежденность Кея. В самом деле: здесь свои законы, своя структура пространств и событий. Надо ей довериться, и все кончится счастливо.

— Все будет нормально, — добавил ему уверенности Кей. — Мы рассчитали правильно. Теперь можно не спешить… Тём!

Мы, конечно, найдем выход на Пустыри, но давай побродим здесь до рассвета! Неизвестно ведь, когда снова попадем в Город Семи Пятниц!

— Как это? Бродить и не знать, что там с Лелькой?

— Да все хорошо с Лелькой! Зонтик уже поймал в руки змей, Лелька уже проглотила две пилюли. Утром она проснется здоровая и запросит молока… Ты уж мне поверь!

И Артем поверил.

Они перешли по мостику через рельсы и оказались на улице Паровозных Гномов, о чем сообщила эмалевая вывеска под фонариком — такая же, как на улице Старых Пивоваров. Здесь стояли двух- и трехэтажные дома с нависающими балконами и острыми башенками по углам. Прохожих не было, окна светились очень редко — Город Семи Пятниц спал. Небо среди черных крыш синело все резче. Еще не рассветное, но уже с намеком на близкий конец ночи.

Тепло нагретых за день стен и панелей висело пушистыми слоями. У Артема мягко кружилась голова. Кей вдруг сказал:

— Меня только одно тревожит…

— Что?! — сразу испугался Артем.

— Не влетело бы Зонтику за то, что дал нам план…

— А что с ним могут сделать?

— В угол поставят, — хмыкнул Кей. И сказал уже иначе: — Да нет, ничего ему не будет. О ниже понимают, что Лельке нужно было помочь…

«Паровозные Гномы» вывели их на узкую лестницу, по краям которой действительно стояли гномы ростом Кею до пояса. Каждый держал горящий фонарик — оранжевый или зеленый. Было ощущение, что гномы живые, только притворяются каменными.

По крутым ступеням Артем и Кей спустились на плиты маленькой площади. По краям ее горело несколько полукруглых окошек, а в середине — желтый огонек. Кей ухватил Артема за руку и потянул к огоньку. Оттуда доносились журчание и плеск.

Оказалось — маленький круглый бассейн с фонтаном. За невысокими струями можно было разглядеть светлую (наверно, мраморную) скульптуру — девочку на валуне. Девочка была с длинными косами. Она стояла, подобрав левой рукой подол старомодного платья, а на правой ладони держала то, что светилось изнутри. Кажется, это был домик с горящим окошком.

Кей выпустил руку Артема. Дернул ногами — сбросил кроссовки, перескочил каменный барьер. Уклоняясь от струй, пошел, пошел по колено в воде к девочке. Скользя, забрался к ней на камень.

— Тём, у нее скворечник! Не простой, а с лап-

ками! Той самой породы! А внутри пляшут жуки-светляки… Тём, значит, в самом деле все хорошо! Если бы плохо, разве бы они плясали и светили?!

Этот довольно-таки спорный довод вдруг окончательно успокоил Артема. Обрадовал. Артем весело помог Кею выбраться из бассейна. Кей, дурачась, вытер о его футболку ладони.

— Тём, идем дальше!

И пошли — туда, где ярче всего горели огоньки. Кей быстро шлепал по плитам сырыми голыми ступнями.

— А башмаки-то! — спохватился Артем.

— Ой… — Кей хихикнул, оглянулся, свистнул. Из темноты со щелчками прибежали сами по себе (будто на ногах у невидимки) стоптанные кроссовки. Кей, как ни в чем не бывало, сунул в них ноги.

— Как это у тебя… получилось? — оторопело сказал Артем.

— Что?

— Ну, это… как они сами-то?

Кей засмеялся:

— Тебе показалось… Тём, тут бывает в с я к о е, ты не удивляйся.

И Артем решил не удивляться ничему. Только

взял Кея за руку — чтобы тот не превратился в гнома или в скворечник (в «скворечника»!) с лапами в кроссовках…

Дальнейший путь Артему запомнился путаницей лестниц, переулков с редкими огнями и крутых мостиков, под которыми что-то булькало и орали лягушки. А потом — освещенная цепочками фонарей площадка у подножья замшелой крепостной башни. Здесь оказалось многолюдно. Гуляли парочки, наигрывали на флейтах и виолончели бродячие музыканты, перекидывались пестрым мячом ребятишки. Длинноволосая девица на роликах — та, которую уже видели однажды — наехала на Артема и кокетливо сказала:

— Ох, извините, пожалуйста, я еще только учусь.

— Пожалуйста, пожалуйста… — растерянно отозвался Артем. И сказал Кею: — А может быть, спросить кого-нибудь про выход? Или… это нельзя?

— Да можно, — беззаботно отозвался Кей. — Только никто ничего не скажет, все перемешалось. Этот хулиган Гришенька накуролесил тут… — Кей опять хихикнул. — А недавно еще был такой воспитанный ребенок. «С-скажите, пожалуйста, вы не будете возражать, если я с

вами немного поиграю...» — Это он, видимо, передразнил «воспитанного ребенка».

— А ему не попадет за это... за перестройку структур?

— От кого? Он сам из тех, кто строит Город.

У крепостной стены был натянут парусиновый тент с фонариками — открытое кафе. Несколько молчаливых парней в мушкетерских шляпах пили там пиво. Кей сказал, что ужасно хочет есть. Они купили у расторопного усатого продавца два стакана апельсинового сока и пару плюшек — довольно черствых, но вкусных. Сжевали, запили, и Кей, облизываясь, сообщил, что «жить стало лучше, жить стало веселей — шея стала тоньше, но зато длинней»...

Вышли из-под навеса, оказались у сложенного из валунов цоколя башни и в нем увидели дверь с могучими чугунными петлями. Над дверью — вывеска: «Букинистъ».

— Книжная лавка! — обрадовался Кей. — Зайдем!

— Среди ночи-то!

— Видишь, зеленый фонарик горит! Значит, открыто! — Кей ухватил медное кольцо, прогнулся назад, потянул. Дверь с подвыванием отошла. Из нее пахнуло теплым «библиотечным» запахом.

— Добро пожаловать, милостивые государи! — навстречу спешил сутулый старичок архивно-профессорского вида. Голос его был высокий и дребезжащий. — Какой интерес привел вас под эти старинные потолки?

— Признаться, простое любопытство, — учтиво сообщил Артем.

— Замечательно! Прекрасное качество человеческой души! А когда оно касается книг, это вдвойне, вдвойне! Ходите, смотрите, любопытствуйте! Времени сколько угодно, все пятницы в вашем распоряжении! — И давая гостям полную свободу выбора, старичок устроился в уютном кресле у лампы.

Книги стояли на полках и лежали на столах. Артем и Кей пошли вдоль столов. Книги были — ну, самые-самые разные. Их раскидали тут без малейшего порядка (может быть, нарочно?). «Золотой ключик» лежал рядом с «Историей мирового флота», «Индийская философия» вместе с «Госпожой Бовари», «Вино из одуванчиков» Рея Брэдбери — на подшивке старинного журнала «Живописное обозрение». Альбомного формата «Ветхий Завет» — среди россыпи миниатюрных книжек с поэмами Пушкина и афоризмами Козьмы Пруткова… Могучие тома словарей темнели

вперемешку с разноцветными сказками и лаково-пестрыми детективами…

Здесь было много любопытной старины, в том числе подшивки «Археологического вестника» девятнадцатого века. Артем, поколебавшись, раскрыл одну и тут же услышал звонкий вскрик Кея:

— Тём, смотри!

Кей стоял у соседнего стола. В руках его была серая книжица со стершейся позолотой.

— Тём, это она!

Артем шагнул ближе. Книжка была из малой серии «Библиотека приключений». В детстве у Тёма душа замирала при виде таких вот томиков: «Аэлита», «Капитан Сорви-голова», «Таинственный остров», «Лунный камень»… Здесь название было незнакомое: «Легенда о черных кирасирах». На потрепанном коленкоре, в центре «приключенческого» орнамента оттиснут был рисунок — какие-то всадники на полном скаку…

— Что, Кей? Хочешь купить?

— Конечно! Это же дяди-Шурина! Егорыча! Смотри!

Под рисунком, повыше названия — имя автора: А. Скворцов.

— Помнишь, Тём? Он же говорил! Так называ-

лась повесть, которую он не дописал!

Артем наморщил лоб. В самом деле… Да! Егорыч говорил что-то о черных кирасирах. Но…

— Кей, но он же не дописал. Значит, эта — не его… — И подумал: «Видать, Егорыч просто позаимствовал старую книжку для своих фантазий. Ну что же, простительно для старика…»

— Тём! Это он! Смотри… — Кей открыл последнюю страницу, где были данные об авторе. — Вот! Скворцов Александр Георгиевич!

— Но это же просто совпадение…

— А это тоже совпадение? Да? — Кей перебросил обратно все листы. На обороте титула был напечатан штриховой рисунок. Портрет. Безусловно, это был Александр Георгиевич Скворцов, дядя Шура, Егорыч. Только гораздо моложе, чем сейчас.

— Ну? — с тихим торжеством сказал Кей.

— Но… тогда зачем он говорил, что не дописал?

— Потому что не знал! То есть не помнил… Он не закончил книжку там, а здесь закончил и напечатал! Что тут непонятного?

— Все непонятно… Как он мог жить там и здесь? Так не бывает.

— Бывает! Сколько хочешь! Просто люди не помнят, потому что разные пространства! Там

пространство обыкновенной жизни, а здесь сбывшихся мечт… мечтов… тьфу! Выполненных планов!

«Там избушки Баб Ягов…» — усмехнулось внутри у Артема. Мельком. А главная мысль была, что этот чертенок, кажется, прав. Почему бы и нет? Если может стоять на Пустырях невидимый людям Город, если есть в нем аптека с чудесным лекарством, если может улетать по указанному адресу воздушный змей… Если могут сами собой бегать за хозяином кроссовки… Это последнее развеселило Артема.

— Тогда покупаем! — радостно вскинулся он. — Егорыч обалдеет от счастья!

Старичок уже спешил к ним.

— Что-то отыскали, сударь мои?

— Да! — качнулся ему навстречу счастливый Кей. — Вот! Знакомого писателя!

— В самом деле? Поздравляю от души!

— Только… ох… — вдруг смутился Артем. — Будет ли у нас чем расплатиться? Сколько она стоит? — Книжка была издана давно и вполне могла считаться антикварной.

— Да сколько не жаль, — вздохнул старичок. — У нас заведение частное, договоримся.

— Нисколько не жаль, — честно сказал Ар-

тем. — Но у меня всего двадцать рублей. — Он вынул из кармана четыре металлических пятирублевика.

— И вот еще! — Кей торопливо вывернул карман на штанах со следом оторванной бахромы. Протянул на ладони мелочь. Старичок глянул на него поверх очков. Аккуратно пересыпал денежки в свою ладонь, а руку Артема с крупными монетами деликатно отодвинул:

— Достаточно, молодые люди, благодарю вас. Я рад, что вы уйдете отсюда с удачной находкой. Милости прошу, заходите еще…

Пятясь и кивая с неловкой учтивостью, Артем и Кей покинули магазин. Дверь звякнула колокольчиком и сама собой весомо закрылась за гостями. И оказалось, что они не на площади с летним кафе, а в пустом переулке с забором из серого пористого камня. Наверно, перепутали в магазине выход…

Не горело ни одного фонаря, но уже занималась синяя заря. С каждой минутой делалось светлее. Кей задрал рубашку и заталкивал книжку за поясок. «Нитка небось беспокоится о нас, — подумалось Артему. — И все-таки как там Лелька?» Но мысли были без тревоги. Видимо, в этом городе сбывшихся мечт… («мечтов»? Тьфу…) не было

места для страхов.

…Нет, было! Тупой удар страха заставил Артема замереть, согнуться. Полная уверенность, что в спину целится Птичка!

Артем заслонил Кея, обернулся рывком.

Не было никого…

— Тём, ты чего?

— Ничего… Нервы…

— А почему нервы?

— Да так… Называется «рецидив»…

Неужели правда не было никого?.. Нет, они все же были. Только не живые. На сухих камнях забора Артем увидел детский рисунок мелом. Не то гориллы, не то инопланетяне. Один — с широченными косыми плечами, с шеей шире головы.

— Гады какие… — передернулся Артем.

— Ты и х, что ли, испугался?

— Не испугался, а… противно. В таком хорошем городе вдруг такая пакость…

— Это же мишени! Смотри! — Кей стремительно нагнулся, ухватил из травы несколько камней. Вернее, осколков кирпича. — Огонь! Тах! Тах! Тах! Тах!.. — Он частыми взмахами пустил в забор кирпичные снаряды. Они очередью ударили по уродам, оставили на них следы красной пыли. Артема опять передернуло. Но это был уже как бы

последний озноб. Страх ушел. Только пакостный осадок остался на душе.

— Кей, нам ведь надо как-то возвращаться!

— Я про то же думаю. Но как? Мы, кажется, заблудились окончательно.

— Ты будто радуешься этому!

— Не-а…

— Должен же быть какой-то выход!

— Должен… Тём, наверно, он недалеко! Смотри, этот переулок будто для нас! Читай!

Неподалеку, у врезанной в серый камень калитки висел круглый щиток с лампочкой, с номером «5» и с надписью по краю:

Пер. Тех, Кто Потерялся

— Мы не потерялись, а заблудились, — сумрачно уточнил Артем.

— Ну, тогда… тогда мы должны найти того, кто потерялся…

— Кого именно, черт возьми? — Артем начал злиться всерьез.

— Подожди… У меня какое-то чувство… как у локатора. — Кей встал перед калиткой.

Собственно, это была не калитка, а высокие двухстворчатые двери — как на парадном крыльце старинного особняка — с медными ручками, с

деревянными узорами в стиле модерн.

Кей взялся за обе ручки. Дернул раз-другой…

— Кей, зачем? Будет скандал!

Кей дернул снова. Двери распахнулись. Из-за них выскочило рыжее ушастое существо! Запрыгало вокруг Кея и Артема, как обалдевший от радости щенок.

— Евсейка! — Кей сел на корточки. Рыжий заяц перепрыгнул через него, хлестнул ушами по джинсам Артема, кувыркнулся в скачке и забарабанил по воздуху. Так, что зазвучала настоящая барабанная дробь.

Кей чуть не плакал от радости.

— Евсеюшка, почему ты здесь оказался?

Тот и рад был бы объяснить, но как? Он только прыгал и прыгал.

— Евсейка, ты знаешь выход? — Кей вскочил.

Заяц с готовностью пустился вдоль переулка. Потом сел, оглянулся.

— Тём, он знает! Идем!

Выход оказался недалеко. В крепостной стене, что замыкала переулок, виднелась извилистая щель. В нее светило низкое малиновое солнце. Евсейка прыгнул в щель первым — на миг золотом вспыхнула рыжая шерсть.

— Лезем, Тём… Ну вот. Уже знакомые места…

Путь к дому при свете оказался проще и короче. Евсей ускакал куда-то, но Кей и без него знал теперь дорогу. В сотне шагов от дома их встретили Лелька и Нитка. Лелька — в красном своем платьице с лошадками — повисла на Кее.

— Ну, чего ты? Ладно тебе… Совсем уже здоровая, да? Быстро ты…

— Ничего себе «быстро», — упрекнула Артема похудевшая большеглазая Нитка. — Ушли во вторник, а сейчас уже пятница. Мальчик какой-то принес лекарство, а вас все нет и нет… Он сказал «не волнуйтесь», но я вся извелась…

Кей поставил в подорожники Лельку. Поднял с травы опавший кленовый лист.

— Смотрите-ка, совсем желтый. Скоро осень…

Часть II
ПАРУСИНОВАЯ ПТИЦА
I. ЧЕРНЫЕ КИРАСИРЫ

1

«С минуту всадники на вороных конях кружились друг возле друга, затем быстро съехались и махнули тонкими саблями. Клинки разлетелись со стеклянным звоном. Сталь учебных эспадронов оказалась чересчур хрупкой. Маленький всадник покачнулся в седле. Ротмистр Реад отбросил рукоять с обломком, снял каску. Зеленый маскировочный лак местами осыпался с медного гребешка, и желтый металл блестел на солнце. Блестели и очки Реада в тонкой золотой оправе — но без привычной иронии, а вполне доброжелательно.

— Браво, суб-корнет, у вас сильный удар. Не ожидал. Но в седле следует держаться покрепче.

Мальчик поднял сломанный клинок перед лицом. Затем спохватился, что салютовать обломком, наверно, не следует, засмеялся, бросил его в траву. Двумя пальцами коснулся козырька.

— Благодарю, барон… Я действительно неваж-

ный наездник. Меня учили, но я был лентяй. Часто удирал из манежа, чтобы клеить и запускать воздушные змеи… Если бы знать заранее…

— Ничего, ваше в… простите, суб-корнет. Думаю, у вас теперь будет время наверстать упущенное. Боюсь даже, что слишком… — Реад порой был весьма прямолинеен. Но, впрочем, никогда не переходил границ этикета. Этим он выгодно отличался от других кирасир герцогской гвардии. Те позволяли себе порой сменить изысканность манер на этакую простецкую разудалость и откровенность выражений. Реад же всегда оставался безупречен.

Ротмистр черных кирасир барон Даниил Реад был потомком английских аристократов, которые эмигрировали в Хельт-ское герцогство еще во времена Кромвеля. По правилам его фамилию следовало бы произносить — Рид. Но традиции хельт-ского языка требовали, чтобы написание и звучание слов обязательно совпадали. Так бароны Read'ы стали Реадами. Это, впрочем, не мешало им в течение нескольких поколений служить Великим герцогам с чисто британским хладнокровием и храбростью.

Даниил Реад обладал всеми достоинствами предков. Кроме того, среди собратьев-кирасир

был он, без сомнения, самым ученым. Закончив военно-исторический факультет столичного университета, барон успешно защитил реферат о тонкостях офицерского кодекса и получил звание магистра. Об этом звании он, случалось, высказывался со свойственной ему иронией, но изложенных в реферате правил гвардейской чести придерживался неукоснительно. Это, впрочем, не делало ротмистра сухарем и не мешало ему быть добрым товарищем и собутыльником…

Маленький всадник, как и барон, снял каску (она была великовата). Волосы мальчика были того же цвета, что у барона — светлые, желтоватые. Только у Реада они завивались в крупные кольца, а у мальчика опускались ниже ушей прямыми прядями.

От палаток, стоявших среди редкого орешника, подошел, слегка косолапя, пожилой, с седыми бакенбардами, капрал. В такой же, как у всадников, полевой форме с черными гарусными эполетами, в летней фуражке с гвардейской кокардой. Он сказал чуть насупленно:

— Вы, господин барон, совсем замотали мальчонку. Глядите, он еле в седле держится.

— Ничуть не еле! — воскликнул мальчик. Собрав всю ловкость, он хотел было лихо прыгнуть

с коня, но крепкие руки* капрала ухватили его в воздухе, поставили в траву.

— Идем, голубчик, полковник тебя кличет в свой шатер к обеду. И вас, барон, тоже… Ты, Максимушка, умойся сперва, пойдем, я полью. Ишь как взмок да запылился… — И старый ординарец взъерошил маленькому суб-корнету волосы.

Седой капрал мог позволить себе некоторые вольности в общении с офицерами. Таковы были традиции. Конечно, правила воинского этикета и дворянского кодекса соблюдались у черных кирасир в полной мере, однако же боевые заслуги здесь чтили выше титулов. Поэтому ветераны с солдатскими и унтер-офицерскими петлицами во время праздничных застолий сидели вместе с командирами, а на саблях носили такие же, как у корнетов, темляки. К старшим офицерам обращались они не «ваше высокоблагородие», а «господин ротмистр», «господин полковник», младших же, если не в строю, могли окликнуть и просто по имени.

Оно и понятно. Тот же ротмистр Даниил Реад гулял еще в кружевном детском платьице, когда рядовой кирасир Филипп Дзыга (тот, что сейчас заботился о юном суб-корнете) в конном строю атаковал лесные завалы северо-чумских парти-

зан у Сантагайского озера. За что, кстати, получил первую солдатскую Звезду победы. Потом за кампанию на западных рубежах появилась у Филиппа и вторая Звезда. Поэтому капрал (как и многие другие ветераны) уклонялся от предложений сдать испытания на офицерский чин. Тогда пропала бы надежда на третью Звезду, поскольку офицерам солдатские награды не полагались. А три Звезды давали, как и офицерам, право на личное дворянство, а кроме того, множество всяких выгод при выходе на пенсию.

Да и что за радость становиться корнетом на старости лет! Это все равно что парню жениховского возраста обряжаться в школьный костюмчик. Нет уж, пускай оно будет как написано на роду: солдат — значит, солдат. Тем более что уважение к нижним чинам конной гвардии не меньше, чем к офицерам. Сам Великий герцог не раз дружески беседовал с ветеранами и пожимал руки. К тому же на первый взгляд рядового кирасира от офицера было и не отличить. Звание узнать можно было, лишь разглядев звездочки или лычки на петлицах стоячих воротников. Форма же у всех одинаковая — из черного офицерского сукна. И эполеты одинаковы — гладкие, с золочеными вензелями герцога Евгения. Те же

вензеля и на парадных вороненых кирасах.

Правда, сейчас, в боевых условиях, было не до кирас, которые пробивала даже револьверная пуля. И форма была не черная, а цвета пыльной травы. А вензеля на эполетах пришлось замазать маскировочным лаком. Но это опять же у всех, независимо от чина.

Кстати, в особой рейдовой бригаде полковника Глана капралов и унтеров было всего пятеро. И пятнадцать офицеров. Почти каждому приходилось заботиться самому и о коне, и о собственных удобствах. Не то что в полку, где всякому офицеру полагался ординарец. Здесь ординарцы были только у полковника и юного суб-корнета. Почему у полковника — это ясно. А что касается мальчишки… да тоже ясно! Тринадцатилетнему новичку, не нюхавшему ни пороха, ни даже обычной лагерной жизни, попросту нужна была нянька.

В обычных условиях никому бы в голову не пришло назначать мальчику в «няньки» двухзвездного ветерана. Сейчас, однако, условия были явно не обычные. Да и мальчишка… Все, разумеется, делали вид, что понятия не имеют, к т о на самом деле этот стеснительный мальчуган в наскоро перешитом для него походном костюме

гвардейского всадника и слишком больших, черными крылышками торчащих эполетах. Но все, конечно, знали…»

— А кто он? — нетерпеливо спросил Андрюшка-мастер.

— Узнаешь чуть позже, — благосклонно отозвался Егорыч. Это он читал вслух повесть о черных кирасирах. Книжку, которую вручили ему Артем и Кей, когда вернулись из Города.

Старик был счастлив. Потому что это, значит, все-таки было. Значит, он ее написал до конца. Пусть не здесь, в другом каком-то мире, но все равно о н. Это были его герои, его сюжет, и м придуманная история. И книжку с этой историей напечатали! Не все ли равно где, в каком пространстве, главное — вот она! Самая настоящая. Старик гладил потертый коленкор обложки, трогал ее бритой дряблой щекой. Ему теперь помнилось, будто он и вправду ходил когда-то по издательствам, спорил с редакторами, беседовал с художником, рисовавшим иллюстрации, читал корректуру… Может быть, в сознание проникли силовые линии параллельных измерений? Может быть, это был подарок тех, кто называл себя «сомбро»…

За окнами была сухая ветреная осень, скребли

по стеклам облетающие листья. По календарю «наружного» мира стоял конец сентября. Да и здесь, видимо, тоже.

Наверно, поход Артема и Кея в невидимый Город что-то нарушил в устоявшейся летней структуре Пустырей. Так по крайней мере сказал Кею Зонтик (которому, наверно, была большая нахлобучка за отданную Кею самодельную карту; впрочем, сам он говорил, что ничего не было). Да, что-то сломалось в неподвижности вечного лета, и время побежало. И пришла зябкая осень.

Зато Лелька выздоровела! Стремительно! После первой же порции пилюль! И теперь она была веселая старательная первоклассница.

Да, пришлось местным ребятишкам впрягаться в школьные лямки. Куда денешься, если сентябрь?

«Школьный вопрос» первой подняла Нитка. В самом деле, не могут же здешние дети оставаться неучами! Что с ними станет, когда вырастут? А вырастут они обязательно, раз время сдвинулось и пошло.

Артем и Нитка обошли заброшенные кварталы: покосившиеся бараки, спрятанные в лопухах сторожки и будки. Переписали всех, кому полагалось учиться. Набралось таких три десятка

— пацаны и девчонки от семи до четырнадцати лет. В основном сироты: племянники, внуки и просто приемыши тех мужиков и теток, что вели бесхитростное существование на Пустырях. Лишь в двухэтажном кирпичном здании (в котором угадывался давний стиль «фабричного модерна») обитало многолюдное семейство с мамой и папой. Бедное, обтрепанное, но относительно благополучное. Непьющий папа работал «на стороне», на складе горюче-смазочных материалов, мама (тетя Агнесса) хлопотала по дому, обихаживала многочисленных деток. Их было шестеро: три пацана и три девочки. Все десятилетние. Близнецы Ванюшка и Танюшка — «свои», остальные — приемные. Пришедшие кто откуда. Видно было, что разницы между родными и неродными нет никакой. Дружные ребятишки, спокойные такие, даже ласковые. Впрочем, злых на Пустырях не водилось вообще.

Артем напечатал список на институтском принтере и отправился с бумагой в районное учебное ведомство. Помятый лысый чиновник затравленно глянул через лакированное пространство стола.

— Вы где были раньше-то?

— В Саида-Харе, — отчетливо сказал Артем. — А

вот где были в ы? Даже не слышали, что рядом с вами на задворках столько заброшенных пацанов.

Чиновник тонко и сварливо сообщил, что в его компетенцию не входит обследование задворков.

Артем ощутил на лице колючий холодок.

— А что входит в вашу компетенцию? Только взятки брать?

Чиновник по-куриному вытянул шею.

— Молодой человек. Я в жизни не взял ни одного рубля. Ни с кого. Иначе бы я сидел не здесь, а в министерстве.

Глаза его были бледные, с припухшими веками. Артем почуял, что этот потертый клерк говорит правду.

— Ладно… я приношу извинения. А если этого недостаточно, можете подать в суд или вызвать меня на дуэль. Кажется, это снова входит в моду…

— Да, но не решает вопроса с учениками…

— Не решает, — вздохнул Артем.

— Давайте вашу бумагу… Господи, в какие классы я их рассую? Они, наверно, даже читать не умеют.

— Всякие есть, — буркнул Артем.

Ребята и правда были «всякие». С самыми отставшими от школы дополнительно занималась Нитка. В двухэтажном доме тети-Агнессиного семейства нашлась комната, в которой устроили почти настоящий класс…

Пришлось заняться учебой и Артему, ходить в институт. Правда, посещение лекций было необязательным, но все же следовало иногда появляться под «ученой крышей». Нитке — той проще. Она уволилась с фабрики и теперь ушла в заботы о доме и ребятишках.

Ребячий народ надо было чем-то занимать. Осенью — не то, что летом, не будешь гулять с утра до вечера. Телевизоров на Пустырях было раз-два и обчелся, да и те принимали передачи с перебоями. Приходилось добывать где только можно книги.

Кстати, плешивый чиновник ошибся. Читать умели все, даже Лелька. Ее обучил грамоте заботливый наставник Кей. Но больше одиночного сиденья над книжкой ребята любили собираться где-нибудь у лампы или печки и пусть кто-нибудь громко читает для всех. И, конечно же, набивались в комнату Егорыча, когда он объявлял, что продолжит чтение своих «Черных кирасир».

2

«…Командирский шатер был просвечен полуденным солнцем. На полотняном потолке мельтешила тень листвы. Воздух был зеленоватым, и в нем светились свежеоструганные походные столы. Они были сдвинуты вместе. На досках — металлические тарелки, блюда с вареной капустой и жареными курицами, несколько темных бутылок…

Собрались все, за исключением двух часовых — подпоручика Радича и унтера Кваха. Полковник встал со складного табурета, встали и остальные.

Полковник Глан…

Это был типичный полковник. Такой, за которым и академия, и гвардейские парады, но гораздо больше походов и кампаний — с немалой стрельбой и сабельными атаками. Подобного толка командиры — чаще всего вдовцы, а взрослые дети их живут где-то далеко, редко напоминая о себе…

Был он грузноват, но подтянут, с резким лицом служаки — седые усы, большой прямой нос, выцветшие глаза, ежик неприхотливой стрижки. Бледный шрам на щеке — без него что за командир конного полка…

— Гвардейцы. К сожалению, не могу обещать вам привычного послеобеденного отдыха. Сразу после трапезы мы сворачиваем лагерь и уходим к Совиному урочищу. Мне сообщили, что «знающие истину» скоро будут здесь. Не могу судить, какую истину знают эти господа, но нашу дислокацию знают точно.

— А много их? — запальчиво спросил Виктор Гарский, румяный юноша девятнадцати лет.

— Около полуэскадрона, корнет. И два полевых орудия. В случае схватки исход предрешен. К тому же вам известен приказ, исполнить который мы должны неукоснительно. Не вступать в бой без крайней необходимости и стараться достичь границы как можно незаметнее…

Многие понимали, что столь обстоятельно и округло полковник изъясняется ради мальчика. В ином случае он выразился бы короче: «Противник на хвосте, пора бить копытами». В походных условиях такой стиль не противоречил этикету.

— Однако же, — продолжал командир, — у нас есть еще полчаса на обед и около часа на сборы. *И*посему — раскупорим…

Тут же пробки ударили в полотняный потолок — по нему сильнее заметались тени.

Реад был рядом с мальчиком. Наклонился к

самому его уху.

— Простите, суб-корнет, мы здесь все равны, но… вам дома позволяли пить вино?

— Папа разрешал иногда попробовать чуть-чуть… если праздник.

— Ну, тогда вы сами определите это «чуть-чуть». А нальем вам, как всем.

Шипучее старохельтское нетерпеливо запузырилось в походных оловянных кружках.

— Кирасиры, прошу внимания… — голос полковника был негромок и значителен. — В подобных случаях следует пить вначале за успех кампании. Но я, сломавши ритуал, хочу предложить: поднимем прежде всего тост за самого юного нашего собрата и… за то, что судьба подарила нам такое предприятие… Вива, герцог!

— Вива! — гаркнули офицеры и унтеры. Но не пили, смотрели на мальчика. И он понял, что надо что-то сказать.

— Я… господа, благодарен вам за то, что вы делаете для нашей страны. И рад, что я с вами… Спасибо…

— Вива! — крикнули снова и застучали о доски опустевшими кружками. Мальчик сделал глоток, чихнул. Признался Реаду:

— В носу чешется, как от лимонада.

Сказал он негромко, но услышали все. Засмеялись, однако, ничуть не обидно. Засмеялся и Максим.

— Ничего, товарищ, привыкнете, — баском пообещал корнет Гарский. — Без умения пить старохельтское нет конного гвардейца.

— Однако же, спешить не следует, — заметил Реад. — Умение это придет само собой, и, право же, оно не самое главное в воинском деле.

Корнет Гарский покраснел и хотел запальчиво ответить барону, но общий шумный разговор помешал этому. Пришло время выпить наконец за успех похода, и налили всем, кроме Максима — у него и так оставалась полная чарка.

Потом Гарский и молодой капрал Гох ушли сменить часовых, и обед продолжался еще около получаса — с тостами, беседой и смехом, которые со стороны могли бы казаться вовсе беззаботными.

Вскоре, однако, пришло время труда и тревоги. Быстро были свернуты палатки, разобраны столы, упакованы постели. Имущество уложили на две легкие фуры. На них же поручик Дель-Сом и капрал Гох установили большие скорострельные ружья на коленчатых ногах — похожие на великанских кузнечиков. Через час все было готово к

пути, стал на поляне строй, два десятка всадников. Несмотря даже на пыльно-маскировочный цвет мундиров и касок, угадывалась в кавалеристах гвардейская стать. И вороные лошади были — загляденье. Крупные, поджарые, с красивыми, как у чугунных лошадей-памятников, головами. Одинаково годные для парадов, для походов и неудержимых атак.

Лишь под Максимом была темно-гнедая лошадка горной породы. Она едва ли вписалась бы в церемониальный строй на дворцовом плацу, но сейчас была для мальчика в самый раз — небольшая, под стать всаднику, спокойная. И, пожалуй, повыносливее черных кирасирских жеребцов и кобыл.

…Близко к вечеру пришли в деревушку Кабаны, за ней начинались поросшие мелколесной чашей склоны. Там — горные дороги и откосы, негодные для колес. Распрягли лошадей, навьючили на них самую нужную кладь, остальное же вместе с фурами отдали многословному и услужливому деревенскому старосте — в обмен на запас вяленого мяса и обещание молчать про кирасир и про их желание идти к Совиному урочищу.

Староста клялся в молчании с таким рвением, что ясно было всякому: скоро не только люди во

всей округе, но даже звери и птицы будут знать про всадников и про все их планы… Того и требовалось. Мили через три, уже в сумерках, свернули с дороги, ведущей к Совиному урочищу, круто на запад. В тесный распадок. По нему путь вел к перевалу Горный Лис, от которого до границы было четыре конных перехода (если, конечно, не будет по дороге препятствий).

Вскоре разбили тихий бивак с незаметным, в яме спрятанным костром. Трое, передернув затворы, ушли во тьму — в караул.

В котелках разогрели мясо и походный напиток, похожий на солоноватое какао, — чаку. Поужинали под короткую и негромкую, в треть голоса, беседу. Палатки не ставили — где уж тут среди скальных зубьев и непролазных кустов. Раскатали их на траве, улеглись под шинелями. Ночь пришла зябкая, но звездная, не обещающая ненастья.

Капрал Дзыга стянул с мальчика узкие сапоги («Да не надо, Филипп, я сам…» — «Нет уж, позволь, голубчик, я на то поставлен…»). Он укрыл Максима своей шинелью, от которой пахло шерстью и дымом. Дымом пахло и от погасшего костра. А еще стоял в воздухе горький запах коры здешнего низкорослого дубняка. Все, кто лег, тихо дышали,

не было разго-_ воров. Не поймешь, спят или не спят. В темноте топтались стреноженные кони, журчал недалекий ручей.

Сквозь черную листву мигали звезды. Максим смотрел на это мигание и вновь печально удивлялся, как обходится с людьми судьба.

Две недели назад он и подумать не мог, что с ним случится такое. Поход, ночь, опасность, лошади. Настоящий карабин и сабля у изголовья. Тайная дорога… Суб-корнет…

Производство в гвардейские офицеры произошло без всякой торжественности, в кабинете полковника Глана при штаб-квартире черных кирасир, в городке Серая Крепость. Были при этом, кроме полковника и Максима, барон Реад, рыжий полковой писарь и профессор Май-Стерлинг — учитель и гувернер, доставивший мальчика в полк.

Максим был еще, конечно, без формы, в костюмчике школь-, ника, в круглой соломенной шляпе с коричневой лентой — знаком столичной гимназии. Впрочем, шляпу он теперь почтительно держал в опущенной руке. Тем не менее полковник встал перед мальчиком официально, почти навытяжку.

— Рад поздравить вас, в… господин… Мак-

сим Шмель, со вступлением в наше полковое братство. Волею его королевского высочества командирам гвардейских полков дано право присваивать младшие офицерские звания каждому, кого они сочтут достойным. Поэтому отныне вы суб-корнет черных кирасир — любимого полка Великого герцога… чья память всегда в наших сердцах.

— Благодарю, полковник… виноват, господин полковник. — Мальчик помнил, как следует себя вести в данных обстоятельствах. Пожалуй, он только слишком часто трогал на щеке под ухом родинку, похожую на маленькую восьмерку — два круглых бугорка, сросшиеся краями. Родинка была припудрена и все же заметна. Волнуясь, Максим шевелил ее мизинцем. Это беспокоило гувернера. Он что-то сказал мальчику на ухо. Тот замигал, как первоклассник, пойманный за ковырянием в носу.

Полковник прервал неприятное:

— Вы, профессор, очевидно, будете сопровождать нас в наших летних маневрах?

— Увы, нет, господин полковник. Моя миссия окончена, мне предписано вернуться в… распоряжение учебного округа. Гимназиста Шмеля я вынужден препоручить полностью вашим забо-

там. Полагаю, вы отнесетесь со всем участием к судьбе сына… вашего погибшего боевого друга. Надеюсь, вы сделаете все возможное…

— Все возможное, — бесстрастно подтвердил полковник. — И невозможное. И сверх невозможного — тоже. Мы понимаем свою миссию. В этом вы можете заверить… учебный округ.

Барон и писарь понимающе молчали. Гимназист Шмель опять потянулся к родинке, но опустил руку.

Профессор откланялся. Как стало известно позже, он отправился в столицу не поездом, потому что пути были взорваны, а на лошадях. На второй день пути экипаж перехватили «знающие истину». Кучера они, побив для порядка, прогнали, а профессора Май-Стерлинга отвели к командиру повстанческой бригады, лесному полковнику Гавриилу Духу.

Командир Дух пожелал знать о профессоре всё: кто таков, зачем ездил в Серую Крепость и что за мальчишку отвез «этим герцогским лизоблюдам-кирасирам». (Про поездку вовремя донесла лесная разведка.)

Профессор сперва молчал. Командир Дух пообещал сделать его разговорчивым. И когда Валентин Май-Стерлинг увидел, что готовится

для развязывания его языка, храбрость его померкла. Что взять с ученого мужа, не знающего до той поры боли и крови? Бог ему судья…

Гавриил Дух сдержал слово: после «откровенной беседы» профессора, как было обещано, с насмешками вывели к дороге и отпустили. Нужда в нем отпала, повстанцы узнали все, что хотели…

Но узнали о случившемся и кирасиры: герцогская разведка тоже не дремала. И офицерский отряд раньше срока ушел в дальний летний лагерь. И каждый понимал, что уходить придется еще неоднократно: «знающие истину» не оставят намерений получить свою добычу…

Все это вспомнил сейчас гимназист Максим Шмель, вдыхая запах шинельной шерсти и горной ночи. И наконец мысленно приказал себе: «Спать, суб-корнет».

3

Звание суб-корнета было довольно редким. Так же, как звание младшего лейтенанта на флоте и звание прапорщика в пехотных частях. Такие чины давали только в военное время — добровольцам из дворянской молодежи и студентов. Считалось, что негоже образованным юношам

ходить в рядовых.

Чаще всего суб-корнеты и прапорщики гибли в первых же боях, ибо по недостатку военного опыта и по чрезмерной храбрости кидались на врага безоглядно. Впрочем, такое случалось обычно при больших атаках и штурмах, нынче же война была иная: с засадами, стычками малых групп и тайными рейдами по тылам — то, что бывает при кровавых конфликтах внутри одной страны.

Гражданскую войну развязала партия «Желтого листа». Те, кто был в ней, объявили, что они знают досконально, как сделать счастливым все население державы. Ну, если не все, то почти. За исключением бездельников: дворян, «шибко грамотных студентов» и «всяких там аптекарей и торгашей». Впрочем, лавочников хватало и в «Желтом листе». Сам их лидер Михал Дай-Кордон был сыном провинциального купчика, выбившимся в адвокаты. Это он больше всех кричал на собраниях «мы знаем истину», за что и объявлен был вождем нации и любимцем народа.

Нация, однако, далеко не вся поддержала «любимца». За ним стояло главным образом сельское население Западного края, жители портового города Дай-Коффета и часть высшего духовенства.

Епископ Ново-Дальский предал Великого

герцога анафеме за жестокое обращение с подданными. Многие верующие, однако, епископа не одобрили, потому что герцог Евгений жестокостей никогда не чинил. Был он добродушен, храбр, не терпел воров и охотно пускал к себе во дворец всяких просителей и «гостей из народа». В том же Дай-Коффете, который теперь предал его, он не раз при овациях толпы и вспышках магния над сундуками-фотокамерами участвовал в состязаниях по перетягиванию причальных канатов и поднятию якорей. И, случалось, побеждал.

Другое дело, что правил он, бывало, бестолково. Вернее, не он, а государственный секретарь и министры, которым владетель Большого Хельта, увы, доверялся иногда сверх меры. Ну да что поделаешь, дураков и жулья хватает и в других странах.

Самым большим грехом герцога Евгения было, пожалуй, тщеславие. Он не раз подавал апелляции в Совет монархов, требуя, чтобы собрание их величеств присвоило ему королевское достоинство. Ибо, утверждал он, его многие предки в средние века были королями, и он ничуть не хуже их. И держава его не хуже других, даже крупнее соседних королевств — Сонноры и Юрландии. Государи, однако, отвечали уклончиво.

Герцог шумно досадовал, а подданные над этой досадой не совсем почтительно подтрунивали: им было все равно где жить — в королевстве или герцогстве…

Последняя апелляция Великого герцога рассматривалась не так давно. Государи опять развели волокиту, надеясь вытянуть из Евгения в обмен на королевскую корону всякие торговые льготы. И наконец приняли хитрое решение: вплоть до нового заседания (через два года!) оставаться «нашему брату Евгению» Великим герцогом, но именоваться не просто «ваше высочество», а «ваше королевское высочество» — в память о достославных предках.

Великий герцог заперся в своем кабинете и двое суток размышлял: принять новое звание или оскорбиться и двинуть к рубежам Сонноры конную гвардию (так, для демонстрации).

За этими размышлениями и застала его весть о восстании. И о том, что немалая армия «знающих истину» подходит к столице.

Осада тянулась около месяца. Наконец стало ясно, что город обречен. Верные офицеры Службы защиты вывезли семью герцога из столицы, миновав заслоны осаждавших.

Скоро Великая герцогиня и две семилетние

принцессы-близняшки оказались в сопредельной Сонноре. Юному герцогу Денису повезло меньше. Он с группой горных егерей двигался к морю отдельно от матери и сестер — таков был хитрый план. И в последний день пути их отрезал от побережья батальон повстанцев приморского капитана Клаца. Пришлось уйти в лесистые предгорья хребта Дан-Катара.

Но герцог Евгений ничего этого не знал. Он остался в столице и заявил: «Пока я жив, ни одна нога продажной сволочи не ступит во дворец владетелей Большого Хельта». И не ступила. Пока он был жив…

Дворец обложили со всех сторон. Тявкали полевые пушки, в разбитых залах сыпались люстры и зеркала. Почти не осталось уже ни дворцовых гвардейцев, ни патронов. Наконец сотня пьяных смертников из батальона «Горные духи» — в мохнатых безрукавках и звериных масках — с воем пошла на приступ. Герцог встал во весь рост в проеме дворцового окна с золоченой саблей в левой руке и с дымящейся фитильной гранатой в правой. И размахнулся, чтобы кинуть снаряд в предателей и плебеев. Очередь из трескучей скорострелки прошлась по его полному орденов мундиру. Великий герцог запрокинулся, черный

шар в его руке рванул оранжевым огнем…

Победители не стали глумиться над погибшими. По приказу «вождя нации» Михала Дай-Кордона защитников дворца под ружейный салют закопали в общей могиле на главном столичном кладбище, а то, что осталось от герцога, погребли в склепе Хельтской династии. Но сразу после этого «знающие истину» объявили власть Великих герцогов низложенной навечно, и в Большом Хельте провозглашена была Всенародная Республика.

Расцвету счастья в новом государстве мешали две причины. Во-первых, несознательная часть народа не хотела жить в республике своего имени и продолжала сопротивляться доблестной армии Дай-Кордона. Во-вторых, где-то укрывался юный герцог Денис, а пока жив наследник престола, жива и опасность для «народной власти».

О наследнике говорили всякое. И то, что прячется в гор-ных джунглях Дан-Катара, и то, что все-таки сумел переплыть залив и сейчас на пути в столицу Сонноры. И даже то, что погиб в стычке с «горными духами». Но это были слухи, а правду знали немногие. И даже те, кто знал, учтиво делали вид, что им ничего не ведомо. По-прежнему обращались к мальчику «суб-кор-

нет» или просто «Максим». Ибо сказано было, что их попечению вверен гимназист Шмель, сын давнего друга полковника Глана, артиллерийского майора Шмеля, погибшего весной в бою с мятежниками. Мальчика у матери не стало еще раньше, вот и определили сироту к черным кирасирам. Правда, теперь уже Максиму не пудрили под ухом похожую на восьмерку родинку — ту, что помнил каждый, кто видел юного герцога Дениса лично или на больших фотопортретах. Чего притворяться перед своими! Да и до пудры ли на трудном горном пути…

А путь и правда был труден. Гораздо тяжелее, чем думалось вначале. Несколько раз от неожиданных ливней вздувались горные речки и перекрывали дорогу. Однажды на сланцевой осыпи заскользили две вьючные лошади и ухнули со стосаженного обрыва — вместе с частью продовольствия и медикаментами. Пришлось сокращать рацион и надеяться, что обойдется без серьезных ранений.

Двигались по горным дорогам уже неделю. То верхом, то с лошадьми на поводу. Путь был однообразен и, кажется, бесконечен. Воздух полон запаха горькой коры. Этот запах навечно впитался в форменное сукно и попоны. Короткий отдых

давали только остановки в горных деревушках: можно было купить молока и свежего хлеба. В этих же деревушках узнавали, что следом за кирасирами, на расстоянии одного перехода, движется полусотня горной конницы мятежников. Откуда это знали крестьяне, было непонятно. Может быть, здесь, в горах, действовал какой-то особый тайный телеграф.

Мальчик Максим был по-прежнему немногословен и застенчив. Не жаловался, только осунулся и потемнел лицом. Но каждое утро старательно умывался ледяной горной водой — ординарец Филипп поливал ему из котелка. Остальные офицеры тщательно брились — тоже без теплой воды и с плохо выстиранными в ручьях полотенцами. Все стали сдержаны и очень учтивы друг с другом. Потому что вместе с усталостью копилось раздражение — дай ему прорваться, и недалеко до стычки.

Один раз такое случилось между корнетом Гарским и подпоручиком Радичем. На глазах у всех прочих. Уговоры о примирении оказались напрасны, уже сверкнули вынутые сабли.

— Господа, одумайтесь, — последний раз проговорил барон Реад. Без всякой пользы. Более ничего не препятствовало дуэлянтам, ибо вмеша-

тельство противоречило гвардейскому кодексу.

Максим широко раскрыл глаза и закусил губу. Корнет Виктор Гарский, ставший в позицию, вдруг оглянулся на мальчика.

— Попросите суб-корнета удалиться, — произнес он слегка заносчиво. — Лишний вид крови не идет детям на пользу.

Тогда тихо, но решительно суб-корнет Шмель сказал:

— Прекратите, господа. Я… о ч е н ь прошу.

Сабли дрогнули. Подпоручик Радич первый правильно оценил сказанное и кинул клинок в ножны.

— Воля вашего в… ваше слово — закон, суб-корнет.

И все сделали вид, что происшедшее — шутка. Кроме полковника, который лишь сейчас подоспел к месту действия и вмиг разобрался в случившемся.

Изменивши обычной сдержанности, полковник Глан наорал на «этих растопыривших перья петухов», поставил их по струнке.

— Вы ведете себя как сопливые школяры, не поделившие промокашку! Забыли, кто вы и какая у вас задача? Срам! При повторении подобного будете разжалованы в рядовые! Помните,

что в походных условиях у меня есть право на такой шаг. По крайней мере, до решения Всегвардейского офицерского суда, который сделает окончательные выводы… А теперь приказываю немедленно позабыть глупую стычку и помириться! Протяните руки…

Глядя в землю, корнет и подпоручик сунули друг другу ладони и разошлись. Этот случай разбил на какое-то время однообразие похода. Уже через полчаса все вспоминали о нем со смехом. Лишь Максим держался в сторонке. Сидел на валуне У края поляны, где остановились на привал, отвернулся к зарослям шиповника, сгорбился неприкаянно. Ротмистр Реад мягко подошел к мальчику со спины.

— Примите мои поздравления… суб-корнет. Ваша решительность спасла, возможно, жизнь кому-то из этих офицеров…

Максим, не поворачивая лица, шевельнул плечами. Реад встал сбоку, нагнулся.

— Ну, право же… Максим… Я понимаю, вас расстроило это нелепое происшествие, но… зачем уж так… Возьмите мой платок. Он почти чистый.

— У меня свой… тоже почти… — И Максим шмыгнул носом.

Мятой тряпицей мазнул по щекам. — Барон…

не говорите никому про… это. Ладно?

— Слово чести. Хотя что здесь особенного? Ведь причина ваших слез не страх…

— Именно страх… — Максим опять шмыгнул ноздрей. — Я испугался, что они порубят друг друга…

— Это не тот страх, которого следует стыдиться. Впрочем, я дал слово…

Эти слезы не были у Максима единственными. Однажды ночью Реад растолкал капрала Дзыгу.

— Филипп, встань. Только тихо… Мне показалось, что мальчик всхлипывает. Или во сне, или… так. Пойди и взгляни, тебя он стесняется меньше…

Филипп вернулся к Реаду через полчаса — тот был в ближнем карауле у чуть заметного костерка.

— Ну что? Уж не заболел ли?

— Нет, слава Господу…

— Тогда что? Может быть, обиделся, что не назначили в ночной секрет?

— Не то, господин барон. Просто дитя еще. Замаялся, затосковал по дому. А особо горько — по матушке…

— Так успокой, ты же умеешь…

— Пробовал. Да в полной мере как тут успо-

коишь…

— Ну как… Скажи, что осталось еще немного. Скоро будет с мамой…

— Кабы все так просто, — вздохнул капрал.

— Ты, я вижу, тоже измотался изрядно. Не веришь, что дойдем?

— Да не то… Виноват, господин барон, сильно разговорчив я стал к старости, не судите…

— Все мы стареем, Филипп. Ладно, ступай…

И капрал Дзыга пошел от барона, который был душевный человек, но не ведал многого…»

4

Далее старик читал о разных других случаях в трудном походе. О том, как Филипп Дзыга рассказывал мальчику ночью у огонька сказку про горных гномов и заколдованной дочке атамана разбойников и вспоминал приключения собственного давнего детства. О короткой, всего на полдня, дружбе Максима и белоголовой девочки из крохотного, прилепившегося к скалам селения. Они, взявшись за руки, бродили среди ореховых зарослей и говорили друг другу что-то неслышное остальным. И на прощанье она сплела мальчику венок из синих горных ромашек…

«А еще через день передовой разъезд «знающих

истину» настиг черных кирасир. Пальба завязалась нешуточная. Максиму строжайше велено было не высовывать головы. Но он высовывал и палил из-за камня из своего карабина (правда, не очень видел, куда именно). Карабин при каждом выстреле больно толкал его в плечо.

Противника отбили, нанеся ему немалый урон, ибо кирасиры были не только умелые рубаки, но и стрелки отменные. Однако же не обошлось без беды. Пулею в голову убит был поручик Дель-Сом, который из своей скорострелки бил по врагам кинжальными очередями. А еще ранили в плечо Радича.

Дель-Сома похоронили у поросшей алым шиповником скалы. Написали на камне остатками маскировочного лака имя и день гибели. Подержали у плеч вскинутые в салюте сабли. Максим опять плакал, теперь уже не прячась. Впрочем, не он один. Многие вытирали глаза, открыто всхлипывал корнет Гарский. Гребешок на каске корнета был разворочен пулей из тяжелого горского мушкета.

Раненого Радича оставили у двух пастухов, что пасли на травяных проплешинах среди скал маленькое стадо косматых коз. Пастухи, судя по виду и речи, были мужики твердые и честные.

Рану поручика обещали за неделю вылечить воском диких пчел, а в случае опасности спрятать его в надежном укрытии. А когда рана закроется, они проводят офицера в долину по тропам, которые не известны никаким «горным духам».

Все по очереди попрощались с беднягой, и нежнее всех — корнет Гарский, недавний противник Радича в несостояв-шейся дуэли. И опять дорога.

…Новый бой случился через сутки. На сей раз опасности было больше, поскольку кирасир догнала вся полусотня. К тому же маю оставалось патронов — запас их упал в пропасть вместе с погибшими лошадьми.

К счастью, позиция оказалась удобная, за скальным гребнем. Из-за него кирасиры меткими выстрелами сшибали одного врага за другим.

Капрал Дзыга бесцеремонно отобрал у возмущенного субкорнета карабин, чтобы мальчишка не пробовал вновь соваться в перестрелку. Тот, однако, успел выхватить из-за пояса у молодого унтера Гоха длинный револьвер и несколько раз пальнул в сторону противника (хотя, по правде говоря, вновь не разглядел цели).

Потом кирасиры, выпустив по «горным духам» счетверенную ленту из скорострелки, отошли через ущелье по зыбкому висячему мосту, а мост

обрушили за собой гранатами.

«Духи» остались ни с чем и не могли радоваться даже в малой степени, потому что на сей раз кирасиры не потеряли ни одного человека. Лишь корнету Гарскому пуля оцарапала ухо, чем он заметно гордился.

Можно было двигаться дальше, долгое время не опасаясь погони. Однако бой измотал всех изрядно, для немедленной дороги не было сил. Отвели лошадей в ложбинку, сами же спрятались у края ущелья за камнями, поглядывая, как на том берегу беснуются в злом бессилии «духи».

А затем и поглядывать перестали. Пусть вопят и стреляют без пользы, сюда им все равно не добраться.

Лежали в колкой, пряно пахнувшей траве, глотали воду из нагретых солнцем фляжек. А кто-то и не воду…

И всех резанул мальчишкин крик:

— Тревога!

Максим стоял на камне и саблей показывал в сторону кривого скального зуба. У его плеча свистнуло…

Ах как глупо, недостойно опытных бойцов проглядели они опасное место! Скала прятала от глаз маленький, заросший дубняком участок на

том берегу. И оттуда «духи» неслышно метнули канат с крюком. И теперь, цепляясь по-обезьяньи, ползли по канату двое. Еще полминуты, и окажутся у кирасир в тылу. Начнут палить по ним, по беззащитным, из-за кустов. И в этой перепалке по канату ринутся другие…

— Назад, суб-корнет! — рявкнул полковник. Но тот, вы-палив из револьвера, кинулся к месту, где крюк с канатом застрял в расщелине. Стрельба в одну секунду разгорелась с двух сторон. Максим выстрелил опять — по тому, кто лез впереди. «Знающий истину» махнул руками и молча полетел в ущелье.

Максим саблей ударил про канату'. Рядом с крюком. Опытный рубака рассек бы канат сразу. Но что взять с мальчишки! Туго скрученные пряди пружинили, лезвие не попадало по одному и тому же месту, пеньковые волокна лопались неохотно. А пули вокруг Максима плющились о камни и выбивали из них серую пудру.

И все же, когда ординарец Филипп оказался рядом (то ли помочь, то ли заслонить отчаянного мальчишку от выстрелов), канат лопнул. Второй «дух» с воплем улетел в невидимую отсюда речку. Капрал ухватил Максима в охапку, двумя прыжками унес за скалу и там в сердцах дал ему леща

по тугим гвардейским брюкам. Уронил в траву.

С минуту стоял еще великий шум: крики, ругань, стрельба с двух сторон. Потом разом стихло. Мятежники и кирасиры вновь укрылись за каменными гребнями.

Сидя на камне и опираясь на карабин, полковник Глан бесцветным голосом потребовал:

— Подойдите ко мне, суб-корнет.

Максим подошел. Он все еще сжимал саблю и револьвер. Каска слетела, волосы торчали.

— Корнет Гарский, возьмите у суб-корнета оружие, он подвергнут недельному аресту за… безответственное поведение в боевой обстановке.

Гарский с удовольствием забрал у Максима револьвер и саблю.

— Станьте как следует, суб-корнет, — полковник уперся в мальчишку безжалостным взглядом. — Извольте отвечать: как вы посмели столь необдуманно рисковать головой, невзирая на мой особый приказ всячески беречь себя?

Максим торопливо встал навытяжку и смотрел на свои разбитые сапоги.

— Я жду ответа, суб-корнет…

— Я же… первый это увидел. Я был ближе всех к канату, другие могли не успеть…

— И тем не менее вы не имели права…

— Как же не имел? — Максим вскинул намокшие глаза, и голос его сделался очень тонким. — В гвардейском кодексе сказано: «Проявлять смелость и находчивость с учетом боевой обстановки, заслоняя от вражеской угрозы своих товарищей»… Ведь сказано же, барон? — Максим просительно глянул на знатока всех кодексов, который стоял рядом.

Реад отозвался уклончиво:

— Тем не менее, суб-корнет, вы обязаны учитывать свою особую роль. В чем смысл нашей экспедиции, если случится… непоправимое?

— И потому неуемную храбрость вашу, коей вы, кажется, даже гордитесь, я считаю легкомыслием и непростительным мальчишеством, — заключил полковник.

Глаза виноватого суб-корнета намокли заметнее. Тем, кто стоял рядом, стало ясно, что дело может кончиться недостойным гвардейского офицера образом. Полковник тихо крякнул, плотнее прижался к стволу карабина впалой щекой и усом.

— Нет, в самом деле… Будь ты моим сыном, я, честное слово, за такое дело взгрел бы тебя по известному месту…

Максим ощутил послабление строгости. И обрадованно вспомнил:

— Филипп уже взгрел… — Сморщил нос, посопел и дурашливо шевельнул поясницей.

— И правильно сделал, — заметил сторонник суровой субординации Реад. — Впрочем, строго по уставу, вы вправе, субкорнет, подать рапорт о нанесении вам со стороны капрала Дзыги оскорбления действием.

— Ага, только шляпу зашнурую… — буркнул Максим. (Это была неведомая офицерам, но привычная среди школьников поговорка.) И опять уперся взглядом в носки сапог. — А где мне отсиживать арест? В седле, что ли? Я в нем и так… всё отсидел.

Среди стоявших в отдалении послышались смешки — отзыв на прорвавшуюся мальчишкину дерзость.

— Отсидите где положено, когда достигнем цели похода, — насупленно сообщил полковник. — Ежели до той поры примерной дисциплиною не заслужите отмены взыскания.

Максим стукнул друг о друга сбитыми каблуками.

— Слушаю, господин полковник.

— Вот то-то… И советую не забывать о своей

вине.

Смелая нотка прорвалась у Максима опять. Ведь как-никак, а все-таки именно он разрубил канат и пресек вражескую вылазку. С ресниц слетела капля, голос Максима стал сиплым и упрямым:

— Если я столь виноват, господин полковник, вы имеете право разжаловать меня.

Полковник мигнул. Выговорил с почти настоящим сожалением:

— Увы, такого права у меня нет. Разжалуют за недостойные поступки и за трусость. А за храбрость, даже столь безоглядную, в соответствии с гвардейским кодексом, полагается награда… Корнет, не сочтите за труд, достаньте из вьючной сумы мой портфель. У меня что-то… поясница. Явно окажусь на пенсии, не дождавшись генеральского чина.

Корнет Гарский сунул Максиму в руки его саблю и револьвер, убежал к лошадям и скоро принес требуемое. Этот потрепанный желтый портфель, подходящий для бедного адвоката или школьного учителя, но никак не для боевого офицера, полковник всюду возил с собой. Такова была его странная привязанность к старой вещи, порой вызывавшая добродушные подшучивания.

Полковник сердито куснул ус, покопался в недрах портфеля, достал белую медаль на черно-зеленом муаровом бантике. Встал, морщась от боли в пояснице.

— По праву, данному Великим герцогом всем командирам гвардейских полков, вручаю вам, суб-корнет Шмель, медаль «За воинское отличие». — И пришпилил бантик с булавкой к пыльному сукну на груди Максима. — Однако же помните сказанное мною прежде…

— Слушаю, господин полковник. Благодарю, господин полковник. — И не удержался: улыбка расползлась по курносому лицу, округлила исцарапанные пыльные щеки, где одна предательская капля все же оставила тонкую дорожку…

5

Было ясно, что в ближайшие сутки враг не решится преследовать черных кирасир. А дальше… Дальше и пути-то оставалось всего ничего. За городком Верхний Саттар — спуск в долину, к реке Хамазл. А за рекой уже другая страна, княжество Малый Хельт. Владетель Малого Хельта, князь Людвиг, был сторонником Евгения (хотя, в отличие от Великого герцога, не требовал себе королевского чина). В гражданскую войну соседей

княжество не вмешивалось, хранило подчеркнутый нейтралитет, но в глубине ее территории формировалась дивизия, в нее входили местные добровольцы и беженцы из Большого Хельта. По слухам, настроение в дивизии было решительное. И конечно же, когда в рядах добровольцев окажется юный герцог Денис — законный монарх Большого Хельта, поскольку Евгений, увы, погиб, — дивизия станет могучей ударной силой. Перейдя рубеж, она двинется к столице и в короткие сроки принесет победу законной власти…

Городка достигли перед закатом. Вернее, не самого городка, а деревушки, лежавшей в полутора милях от Верхнего Сат-тара среди обломков скал и кривых низкорослых сосен. Было ясно, что без полного дневного отдыха пускаться в дальнейшую дорогу немыслимо. Необходимо было набраться сил, привести себя в порядок и перековать лошадей. В деревне была кузница. От ее хозяина узнали, что здешнее население не одобряет мятежников и едва ли они посмеют сунуться сюда открыто.

Тем не менее лагерь вблизи деревеньки разбили по всем правилам и выставили охрану. Полковник же принял относительно себя особое решение. Оставив командиром Реада, он отпра-

вился в Верхний Саттар. И взял с собой Максима.

Он объяснил это намерение необходимостью разведки. Многие, однако, понимали: не в разведке дело (ее можно было провести иным способом), а в том, что мальчику для отдыха необходим хотя бы день обыкновенной жизни: ванна, чистая постель, свежая еда и ощущение домашней безопасности. Он был измотан более всех (оно и понятно!) и держался даже не на остатках сил, а просто на нервах.

— Дойдет ли он, господин полковник? — шепотом обеспокоился о «Максимушке» ординарец Филипп.

— В крайнем случае донесу.

— Да ведь и сами-то вы… Я же не слепой, вижу, как вы порой держитесь за сердце. Может, мне с вами?

— Втроем будет подозрительно. А про сердце — не надо… К тому же город-то курортный, там немало аптек, загляну в лучшую…

Филипп перекрестил их вслед.

В городок полковник и Максим вошли при свете редких фонарей. Оба они были в длинных глухих плащах и кожаных шляпах, которые носят любители горных путешествий. Одежда эта до сей поры лежала в переметных сумах на

всякий случай и теперь пригодилась — скрыла мундиры.

Верхний Саттар был известен ключами с целебной водой. До войны в курортное местечко съезжался небогатый разночинный люд — и недорого, и ландшафты приятные. Теперь же, судя по пустынности улиц, приезжего люда было немного.

Хозяйке маленькой гостиницы — полной пожилой тетушке — была рассказана краткая история. Мол, дядюшка-профессор и его племянник-сирота решили провести лето подальше от стрельбы и политики и побродить по горным тропам, однако не уберегли от опасности и здесь. Какие-то вооруженные негодяи угнали у них мула с поклажей. Хорошо хотя бы, что не отобрали портфель с бритвой и ассигнациями.

Добродушная тетушка всплескивала пухлыми руками и верила.

— Я, хозяюшка, дам вам денег, а вы окажите любезность, раздобудьте в какой-нибудь лавке костюмы и белье для меня и для мальчика, чтобы завтра мы не пугали добропорядочных горожан потрепанным видом… Ах, надо бы снять с нас мерки, но мы еле держимся на ногах.

— Не беспокойтесь, сударь, у меня верный

глаз, я запомню. Муж мой по складу фигуры был совсем как вы, а у сестры сынишка — точно как ваш мальчик…

Она проводила гостей в комнату с двумя пышными кроватями, креслами и печью, изразцы на которой изображали мирную пастушью сцену.

— Сейчас я пришлю ужин и теплое молоко для мальчика.

— Душевно вам признателен.

Хозяйка ушла, колыхая накрахмаленным чепцом.

— Максимушка! Сперва ванна, потом ужин и — в постель. Вспомним, как живут люди в мирное время. А?

Но мальчик уже спал в глубоком кресле, головой на пухлом подлокотнике.

Полковник, вздыхая, стащил с Максима рваный мундирчик, перенес беднягу на кровать, стянул с него порыжелые сапоги и дырявые пятнистые носки. Укрыл мальчика накидкой, взятой с другой кровати. Тот не проснулся. Какая ванна, какой ужин…

Девушка в твердом белом переднике и кружевах принесла поднос. Глянула на пожилого постояльца в мундире (черт, забыл снять!) с удивлением, а на спящего мальчика с пониманием

и улыбкой.

— Доброй ночи, сударь.

Максим неразборчиво шептал во сне и облизывал потрескавшиеся губы. От него пахло пылью, дымом, горькой корой.

«От меня, впрочем, тоже».

А от подноса пахло очень аппетитно. Там же стояла темная высокая бутылка. Полковник твердыми пальцами вытащил пробку, сделал глоток из горлышка. Подышал. Сел в кресло, подержался за грудь с левой стороны. Усилием воли прогнал тревогу за оставленных в лагере подчиненных. Реад опытен и строг, а место тихое…

За сводчатым окном негромко позвякали городские часы. Кажется, одиннадцать. За печью потрескивал сверчок — неизменный обитатель таких вот уютных жилищ.

Господа, чего людям не живется мирно на той земле?..

Максим заметнее прежнего шевельнул губами. Не то шепотом скомандовал: «Марш…», не то позвал: «Мама…»

Вот в том-то и дело, малыш. Где твоя мама…

Проснулся полковник рано. Царапал горло кашель, болело внутри. Однако ванна и бритье с горячей водой оказались блаженством. За две-

рью номера уже стояли два клетчатых портшеза, в которых оказалось все, что нужно дядюшке и племяннику.

«Племянник», однако, проспал почти до полудня. Наконец полковник растолкал его и прогнал в комнатушку, где над обширной эмалевой ванной выжидательно сопели краны. Сказал в закрывшуюся дверь:

— Отмывайся добела, наследник. А то попрошу хозяйку, чтобы самолично отскребла ваше высочество терками и щетками.

— Еще чего!..

Через полчаса, полных плеска, бульканья и радостных повизгиваний, Максим появился, закутанный в простыню, с торчащими сосульками волос.

— О-о, какой вы, господин полковник!

— Не «полковник», а «дядюшка».

— Ой, да… и правда дядюшка.

Полковник был в полосатом костюме с жилетом, в светлой сорочке с пышным галстуком и в башмаках с белыми чехлами. Не то владелец магазина, не то важный конторщик из банка. Усы расчесаны, седоватые волосы — с ровным пробором. Максим не удержался, хихикнул.

— Нечего потешаться над старым дядюшкой.

Облачайся-ка и ты в цивильный наряд. Вон там он, в сумке… — И полковник сделал равнодушное лицо.

Полковнику думалось, что, наверно, успевший повоевать и привыкший к боевой кирасирской форме мальчик постесняется влезать в школьный костюмчик. Однако Максим, напевая под нос, привычными движениями натянул длинные черные чулки и синие суконные штанишки. Ловко бросил на себя через голову голубую блузу с флотским воротником и галстучком. С бодрым зубовным скрежетом расчесал перед высоким зеркалом сырые волосы. Глянул на себя с одобрением, а на отраженного в зеркале полковника — чуть ли не с вызовом: «Да, я такой. Это вам непривычен штатский наряд, а мне — в самый раз, я мальчик».

Потом он сунул ноги в желтые ботинки с кнопками. Обувь оказалась впору. Слегка громоздкая на вид, она была, однако, легкой и удобной в беге. Максим крутнулся на каблуке и предстал перед дядюшкой. Тот улыбнулся в усы.

— Что, суб-корнет, иногда приятно вспомнить детство?

Максим глянул удивленно, будто спросил: «А разве оно кончилось?» Он ловко отвернул под

колено левый чулок — нынешняя мальчишечья мода, которую не одобряли учителя, а все школьники столицы считали признаком особого шика и смелости. Взял со стола круглую соломенную шляпу со школьной лентой. Примерил так и сяк, отогнул по-мушкетерски один край.

— Ну-с, братец. Теперь ты и вправду как настоящий гимназист.

Мальчик ответил прежним удивленным взглядом:

— А кто я на самом деле?

— Ну да, ну да… Давай-ка прогуляемся и позавтракаем в каком-нибудь ресторанчике. Точнее говоря, пообедаем…

6

Тощий, гладко причесанный хозяин ресторанчика «Горный воздух» был словоохотлив и, можно сказать, интеллигентен. Изъяснялся длинными правильными фразами.

— Помилуйте, сударь, — вздохнул он в ответ на вопрос полковника. — О каких новостях может идти речь? Мы живем как в отдельной вселенной. Если половина грешной нашей планеты отколется и улетит в мировое пространство, мы узнаем об этом последними…

— Поэтому и закрыты все газетные киоски?

— Они открываются позже, после обеда. Что в них продавать? Прошлогодние журналы и старые календари? Газеты попадают к нам от случая к случаю. Два раза в неделю выходит местная, но что она может сообщить? Известие о кошке, застрявшей в каминной трубе в доме городского судьи, да о проделке местных озорников, которые выдумали самодельный порох и выпалили из старинной пушки у памятника генералу Дай-Каррату. Это был самый громкий случай за последний год.

— Настоящим же порохом, как я понимаю, не пахнет?

— Слава Всевышнему!.. Дороги, ведущие сюда, не приспособлены для войны. Да и кому мы нужны, чтобы устраивать здесь штурмы и осады! Исконно мирный край. Ученые говорят, что сам воздух здесь имеет особые свойства. Все гости Верхнего Саттара через неделю по прибытии обретают полное спокойствие духа и перестают проявлять интерес к событиям остального мира. Правда, сейчас приезжих немного, но те, кто есть, ведут совершенно безмятежный образ жизни… Не поверите, сударь, но даже известие о падении столицы и гибели Великого герцога (вечная ему

память) взволновало здесь всех не более, чем весть о наводнении в Китае… Хотя должен сообщить, что город наш по традиции всегда верен монархии…

— Разве в городе до сих пор нет телеграфа?

— До недавнего времени действовал семафорный, но теперь… сами понимаете. В прошлом году проложили кабель, но не из столицы, а из-за реки, так что телеграммы приходят кружным путем, через заграницу. С великим опозданием… Завтрак или обед, господа?

— Пожалуй, обед.

— Могу предложить суп с шампиньонами, котлеты из индейки, салат с креветками и мороженое «Сокровище гномов» с медом и орехами. Особенно для молодого человека. Это мороженое — наш фирменный продукт. Пользуется колоссальной популярностью у наших юных горожан. Пришлось открыть для детишек особый кредит. А вам, юноша, угощение бесплатно, на память о знакомстве с нашим заведением. Причем в любом желаемом количестве.

— Вы рискуете разориться, — вежливо сказал Максим.

— Ничуть! Опыт показал, что никто не может осилить за раз более трех порций «Сокровища»…

Сядете в зале или на веранде, господа?

— На воздухе, — решил полковник.

Хозяин сам обслужил гостей. Веранда с мраморными столиками была почти пуста. Лишь в дальнем ее конце два мальчика в таких же, как у Максима, костюмах и девочка в желтом платье с оборками молча уплетали мороженое. Видимо, то самое «Сокровище гномов». Проходя мимо, хозяин погладил одного мальчишку по голове.

Глядя хозяину вслед, полковник задумчиво сказал:

— Не нравится мне этот господин.

— Мне тоже, — отозвался Максим, налегая на вкусный салат. — Но он же ни о чем не расспрашивал, только сам болтал.

— Да. И поглядывал. Впрочем, ладно. Мы здесь не задержимся. Погуляем, посмотрим на тихую жизнь — и назад. — При этом полковник потрогал ногой стоящий у стула портфель, с которым не расставался. В портфеле, кроме бритвы и всяких мелочей, лежал длинный револьвер «барт» с горстью запасных патронов…

После обеда пошли наугад по улицам, как и положено беззаботным туристам. Улицы — тесные, мощеные. Дома — с лепными фигурами на фасадах, с витыми решетками балконов и мозаиками.

Старина. Максим вертел головой, здесь было совсем не похоже на столицу. Иногда каменные тротуары выводили на крохотные площади с часовнями, колодцами или чугунными бюстами. Порой попадались навстречу степенные тетушки с корзинами и босые беззаботные мальчишки, которые гнали по плитам прыгучие обручи от бочек.

Зашли в парикмахерскую, где молчаливый (не в пример хозяину ресторана) мастер подстриг отросшие мальчишкины волосы, окончательно превратив Максима в образцового «дядюшкиного племянника». Максим подчинялся с удовольствием. Сегодня он как бы вновь открывал для себя ласковые мелочи полузабытой прежней жизни: цветастые фаянсовые тарелки в ресторане, мороженое (хватило одной порции), легкость матросской блузы и ребячьих башмаков, витрины с игрушками, щелкающее касание парикмахерских ножниц, одеколон, свежесть полотенца…

— Осторожнее, мальчик, не верти головой.

А как не вертеть, если за зеркальными окнами проехал самоходный экипаж с трескучим мотором (кажется, единственный в городе, такие и в столице-то редкость). А когда проехал… да ладно,

ерунда…

От парикмахерской улица Стрекоз привела путешественников на площадь пошире других. По краям росли столетние ясени и стояли скамейки.

На площади шумно резвился десяток мальчишек. Всяких. Одни «благопристойного» вида, другие — довольно потрепанные, «уличные», но все одинаково голосистые и без башмаков. Потому что во время игры им то и дело приходилось бегом пересекать бассейн фонтана. Бассейн был широкий, квадратный, с бронзовыми русалками на каждом углу, которые лили из раковин шумные струи. Мальчишки прыгали с гранитного ограждения и с хохотом, с криками мчались к другому краю — в брызгах и радугах. Уворачивались от красного мяча, который кидали другие, с «берега». Пожилой, с перетянутым портупеей круглым животом полицейский добродушно наблюдал за игрой, не находя в ней ничего предосудительного (это же не пушка с порохом).

Полковник не улавливал смысла игры. А Максим разобрался сразу. Задышал чаще, азартно заперебирал ногами. Полковник опустился на скамью.

— Позволь, я посижу, голубчик. Сей штатский костюм, видимо, имеет свойство наделять чело-

века соответствующим характером, и я ощутил себя бюргером преклонных лет с разыгравшимися недугами. Ты же, дабы соответствовать роли, порезвись пока со здешними юными гражданами, если тебя примут в компанию…

Он понимал, как Максиму хочется т у д а, а шутливой витиеватостью речи скрыл это понимание.

Максим в один миг скинул башмаки, бросил на скамью чулки и шляпу, и — к фонтану!

Его приняли в компанию. Он объяснился двумя словами с ближними мальчишками и уже через полминуты носился по колено в воде, перехватывая скользкий мяч…

Полковник наблюдал за ребятами из-под опущенных век. Время от времени прижимал к левому боку локоть и придерживал дыхание. Прошло минут десять. Игра вдруг остановилась. Потому что вблизи появился рыжий мальчуган лет девяти с воздушным змеем странной конструкции — вроде коробки с дырами. Из газеты и длинных лучин. Хозяина змея обступили, оставив мяч в воде. Рыжий мальчик объяснял что-то остальным деловито и обстоятельно. Все внимательно слушали. Видимо, здесь не принято было задирать маленьких. Затем все отошли к

дальнему краю площади. Туда выходил переулок, из которого тянул ощутимый ветерок — от него шелестели ясени.

Самый высокий мальчик взял у рыженького змей, поднял над головой и выпустил. Белая угловатая конструкция неторопливо пошла вверх, потянула за собой тонкий шнур. Мальчишки запрыгали, заплясали. Полицейский с интересом подошел к ним ближе.

Змей пересек пространство над площадью и остановился в стороне от готической колокольни на фоне очень синего неба с двумя перистыми облаками. Он чуть покачивался в воздушном течении. И от вида этого белого летуна и синевы полковнику вдруг стало удивительно спокойно, боль исчезла.

Но змей держался в небе недолго. Он рыскнул, сделал петлю и косо пошел на снижение. Рыженький мальчик торопливо завертел катушку со шнуром. Однако спасти змей не удалось. На половине пути он снизился окончательно и упал в фонтан. Ребята вытащили раскисшее бумажное сооружение и горестно обступили его. Лишь Максим не поддался общему унынию. Что-то горячо заговорил, махая руками. Потом побежал к скамье.

— Госп… дядюшка! Дайте денег на газету! Вон там как раз открылся киоск. Каркас у змея уцелел, а бумажную обтяжку мы быстро сделаем новую…

Полковник, морщась, вынул монету в десять крон.

— Купи, голубчик, и мне.

— Да они же наверняка старые!

— Ну, все-таки…

Максим, стуча мокрыми пятками, помчался к киоску. Старичок-продавец угадал в нем приезжего:

— «Саттарский листок» двухдневной давности, молодой человек. По нашим понятиям, совсем свежий. Новости заречного телеграфа.

— Два, пожалуйста…

Одну газету он бегом отнес «дядюшке».

— Вот. И сдача…

— Оставь на мороженое.

— Нет, она бренчит в карманах, ребята скажут, что хвастаюсь деньгами… Мы еще не очень спешим? Я хочу показать мальчикам, как правильно делать центровку.

— Играй, я почитаю…

Но почти сразу над площадью разнеслось:

— Максим! Скорее сюда!

В громком голосе были прежние командирские интонации, и суб-корнет повиновался мгновенно.

Полковник заталкивал в портфель газету и заодно башмаки и чулки Максима.

— Обстоятельства изменились. Возвращаться надо немедля.

— Позвольте, я обуюсь.

— Некогда, ступай так. Здесь это, кажется, позволено… — «Дядюшка» уже спешно шагал от площади, и Максим засеменил рядом.

— А что случилось?

— Многое…

— Плохое?

— М-м… нет. Но неожиданное. Объясню позже… Как назло ни одного извозчика…

Кажется, полковнику трудно было говорить на ходу. Несколько раз он останавливался и коротко вбирал воздух. Так прошли два квартала, и до гостиницы оставалось столько же. Максим вдруг заговорил негромко и быстро:

— Господин полковник, за нами идут двое. От самой площади с фонтаном. Я видел их еще раньше, в парикмахерской сквозь окно, они смотрели на нас. Тогда я подумал — случайность… Не оглядывайтесь, господин полковник, посмотрите на

отражение…

Улица как раз кончилась, уткнувшись в почтовую контору с большим, до земли, окном. В стекле полковник увидел, как приближаются два подчеркнуто ленивых господина в клетчатых мешковато сидящих костюмах. Они совершенно не смотрели на дядюшку и его мальчишку.

— Подержи-ка, мальчик… — Полковник дал Максиму портфель, открыл его неторопливо, словно решил достать и бросить в ящик письмо. И выдернул револьвер (причем вылетел на тротуар один ботинок).

Полковник толчком пригнул Максима к земле и, глядя на клетчатые отражения, выпустил назад, из-под левого локтя, несколько пуль. Один клетчатый упал, другой широко махнул рукою и побежал назад. У Максима заложило уши. В тишине он увидел, что в переплете окна торчит широкий, с дрожащей рукоятью кинжал. Это был тяжелый метательный нож — любимое оружие «горных духов».

Полковник бросил револьвер в портфель.

— Идем! — услышал Максим будто сквозь вату.

Они оказались в безлюдном переулке, среди садовых изгородей.

— А ботинок… — глупо сказал Максим.

— Плевать… Вон извозчик. Кликни… — И полковник закашлялся.

— Эй, извозчик! — завопил Максим. Тот стоял у тротуара, к ним спиной. Лошадь попятилась, сдавая назад открытую коляску. Полковник с усилием ступил на шаткую подножку, откинулся на сиденье. Максим прыгнул следом.

— Что за стрельба там была, господа? — опасливо спросил извозчик. Это был длиннолицый прыщеватый парень в мятом цилиндре.

— Мальчишки безобразничают, — часто дыша, объяснил полковник. — Все им неймется после того случая с пушкой.

— Управы на них нету… — Извозчик тронул лошадь.

— В том-то и беда, — сказал ему в спину полковник. И Максиму: — Не смей никогда связываться с такими хулиганами, уши оторву… — Этакий строгий дядюшка с племянником-со-рванцом.

— Я не буду…

— Куда прикажете? — опять оглянулся парень.

— За город, в сторону деревни Ключ. Там у нас что-то вроде пикника, мы спешим… Аты без башмаков! — Это опять Максиму. — Там приличные люди собрались, а ты в таком босяцком виде. Срам! Чтобы этого больше не было!

— Я не буду…

— Быстрее, голубчик!

Лошадь, однако, пошла тише.

— Сударь, за город это будет подороже.

Откинувшись к стеганой спинке, «дядюшка» велел:

— Максим, достань у меня из нагрудного кармана пятьдесят крон и дай кучеру… Сдачи не надо…

— Благодарю, сударь! Мы мигом, сударь! — Коляску затрясло на булыжниках.

В десять минут пересекли городок. Побежали назад придорожные кусты и камни. Полковник молчал, прикрыв глаза. У Максима в ритме конного бега прыгало в голове: «Кто они?.. Хотя ясно кто… Чего хотели?.. Хотя ясно чего… Взрослого — наповал, мальчишке зажать рот, и в горы его…»

Он сбоку посмотрел на полковника, надеясь получить в ответ хотя бы понимающий взгляд. Но полковник по-преж-нему сидел с полуоткрытыми глазами, кадык обострился, голова неестественно тряслась. Из-под век резко блестели белки. Ужас, какого ни разу не было в бою, сжал Максима. Он рванулся из жутких тисков, он крикнул пронзительно:

— Стой! Стой сейчас же!

Коляска стала. Максим затряс полковника за плечо:

— Дядюшка! Господин полковник! Ну, пожалуйста!.. — Обернул к извозчику мокрое лицо: — Его надо к доктору! Скорее!

Извозчик прыгнул с облучка, подошел, пригляделся. Понял важность происшествия и значимость своей нынешней роли. Сипловато сказал с важностью:

— Чего ж к доктору. Теперь это дело полиции. Туда и поедем.

— Стой, — опять сказал Максим. Тихо и с болью в горле. — Тогда… вперед. Куда велели…

— Да как же вперед? С покойниками не положено.

— Вперед я сказал! — Это он уже со звоном.

— Ну, вот что, малой, — снисходительно заговорил парень. — Ты мне тут свои законы не…

Максим рывком дотянулся, дернул из портфеля револьвер. Вылетел на дорогу второй ботинок, а на ствол с мушкой намотался чулок. Максим сорвал его с ругательством, слышанным от капралов. Теперь он снова был военный человек, хотя душа застыла от горя.

— Марш на место! Застрелю! Пошел!

Парень метнулся на облучок. Огрел вожжой

лошадь. Та ударилась вскачь. Максима отбросило назад, но он тут же вскочил, уперся стволом в спину извозчика.

— Быстрей!

На миг оглянулся: полковник медленно валился боком на сиденье.

— Быстрей я сказал!

Хотя куда уж быстрей! Встречным воздухом с парня сорвало цилиндр, с Максима шляпу, В две минуты долетели до деревни. Дорога огибала ее по краю. Вблизи деревни, за рощицей — лагерь. Подлетели к палаткам. Здесь Максим прыгнул из коляски, обхватил подбежавшего Филиппа и, захлебываясь плачем, рассказал всё…»

II. ПИЛОТ

1

Осенние дни шли своим чередом. И вечера. Егорыч почти каждый вечер читал вслух о походе черных кирасир. Всем ребятам нравилось. Артем тоже старался не пропускать чтений, хотя стиль старика ему казался порой старомодным, а описания растянутыми. И к тому же эпизоды со стрельбой в горах напоминали многое… Однако

хотелось узнать о судьбе наследника. Хотелось, чтобы конец был хороший. Можно было, конечно, попросить у Егорыча книжку и дочитать ее за два-три часа, но Артем не решатся на это. Он словно боялся нарушить какой-то ритуал (или структуру Пространств?). Он даже опасался, что, если поспешит, финал повести может оказаться печальным. И это не была оставшаяся с детства боязнь плохих концов у книжек и кино; копошилось какое-то суеверное ощущение взаимосвязи в судьбах придуманного Максима и его, Артема Темрюка. Смешно, конечно, и все-таки…

Поэтому Артем слушал с терпеливостью прилежного школьника…

«Не оставалось времени для долгого похоронного обряда. Многое было неясно, однако главное понимали все: враг по-прежнему «на хвосте» и уходить надо скорее.

Но все равно — не сию ж минуту…

Пятеро ушли в усиленный секрет, заправивши полные ленты в две скорострелки. Остальные свертывали палатки и готовили коней (всех перековать так и не удалось). Деревенский плотник в это время сколачивал гроб из досок, оторванных от ближнего забора.

Коляску извозчика распрягли, кобылу его

стреножили, а ее хозяина посадили в сарайчик — чтобы, вернувшись в город раньше времени, не болтал лишнего. Парень хныкал и упирался сначала, но, разглядев ассигнацию, данную Реадом, благодарно замолчал.

А полковник лежал на траве, укрытый с головою шинелью. Его ординарец, капрал Фома Варуш, с затвердевшим лицом и саблей у плеча нес караул. Капрал Гох и унтер Квах неподалеку, на маленьком деревенском кладбище рыли могилу.

Четыре офицера отнесли гроб к яме. Поодаль толпились притихшие деревенские жители. Куски твердой земли вперемешку с камнями застучали о доски. Потом все с минуту стояли со вскинутыми клинками. Кто-то тихой скороговоркой произнес молитву. Кто-то, кажется, плакал. А Максим — нет. Он уже до того потратил все слезы. И теперь он стоял рядом с Филиппом, опустив голову и закусив губу. Сабли у него не было. Конечно, если бы он взял клинок, никто бы не заспорил. Но Максим понимал: нелепо же — сабля в руках у зареванного мальчишки в школьной матроске. Иногда он потирал правую ступню о левую щиколотку. Ступня надсадно болела: где-то Максим наколол ее.

Но боль была как бы в стороне, позади мыслей. А думал Максим о своей вине. О том, что, конечно же, все считают: причина смерти полковника — он… А почему о н? Максим и сам не мог понять. Но вина легла на него тяжко, без надежды на прощение.

…Оказалось, однако, что никто его не винит. То, что не было упрека ни в чьих словах, — это само собой. Но не было их и во взглядах. И, видимо, в мыслях. Наоборот, все говорили с Максимом подчеркнуто ласково. Никто не счел недостойными гвардейца мальчишкины горькие слезы. Пытались утешить.

Ротмистр Реад сказал вполголоса:

— Что поделаешь, у каждого сердца свой запас прочности. У полковника оно давно болело, только он скрывал… А ваше поведение, суб-корнет, выше всяких похвал.

Максим горько усмехнулся: «Суб-корнет…» Однако полегчало.

Филипп натер холодной мазью и забинтовал ему ступню. Обрезал свою шинель и сделал из суконных лент обмотки. Иначе лошадиные бока скоро натерли бы мальчишкины ноги. Подходящих сапог, конечно, больше не нашлось, формы нужного размера — тоже. Так и двинулся он в

путь — в матросском костюме и босиком, только сверху Филипп набросил шинель. Теперь она казалась твердой и колкой.

Барон Реад оставил плотнику бумагу со словами, которые тот обещал выжечь на свежеотесанном кресте, вкопанном в кремнистый холмик. Потом спешно снялись с места. Полковничьего коня — вороного жеребца Беса — силою вели на поводу. Он упирался, ржал и норовил вернуться.

Ехали с карабинами и скорострелками на седельных луках. Сабля и карабин Максима тоже были при нем. Это уравнивало его с остальными, невзирая на отсутствие мундира.

На ночевку стали, когда конная тропа совсем потерялась во мгле.

Максим просился в ночной секрет, но Реад отказал.

— Я ценю ваше рвение, но с больной ногой вы не сможете нести караул как положено.

Тогда Максим стремительно уснул под шинелью на расстеленной палатке, и снился ему живой полковник, с которым они пытались запустить громадный коробчатый змей. Почему-то змей никак не взлетал.

Поднялись на рассвете. Шинель была мокрая от росы, Максим дрожал. Филипп закутал его в свой

мундир. У Максима не было сил спорить. Зябкость и боль в ступне пробирали его до позвонков.

Позавтракали сухарями с холодной водой.

Максим выбросил суконные обмотки — они натирали и жалили ноги не меньше, чем лошадиная шерсть. Впрочем, верхом пришлось двигаться немного. Спуск в долину оказался таким крутым, что пришлось вести коней на поводу. Они скользили на скальных тропинках. Лошадка Максима (смирная темно-гнедая кобылка Нянька, которую Максим полюбил) более других была приспособлена к горным дорогам, и он оставался в седле дольше всех. Но пришлось наконец спешиться и ему. Ступил, охнул, присел. Оказалось — идти не может. Ступня под бинтом распухла и налилась тугой болью.

Филипп взял мальчика на руки, а поручик Дан-Райтарг и унтер Квах пошли сзади и спереди, чтобы в случае чего подхватить.

На пути попалась ровная площадка. Здесь, при короткой остановке, Филипп размотал ногу Максима, покачал головой, глянул на худого веснушчатого капрала Уш-Дана, который сведущ был в лекарских делах. Тот разглядывал мальчишкину ступню минуты две. Тронул осторожно. С напряженным лицом отошел к Реаду. Они о

чем-то немного поговорили.

Реад наклонился над Максимом — тот полулежал на раскинутой, уже высохшей шинели.

— Ваше высочество… — видимо, Реад решил, что титул прибавит мальчику твердости. — Вам придется проявить немалое мужество. Буду откровенен: положение с ногой таково, что необходимы немедленные и решительные меры. Иначе исход может быть самый плачевный.

От резкого испуга у Максима округлились глаза.

— Ка… кой?..

— В самом легком случае — ампутация. И то лишь тогда, если мы в ближайшее время окажемся у наших друзей и там есть лазарет. При иных же обстоятельствах, если упустить время, случится самое худшее… Капрал Уш-Дан говорит, что операция будет быстрой.

— Давайте… — Максим хотел сказать это храбро, а получился писк.

У офицеров собрали остатки крепкого одеколона. Уш-Дан заправил им спиртовку, которую смастерил из флакона. Начал греть на ней искрящийся инструмент, похожий на половинку ножниц.

— Не смотри ты, Максимушка, — ворчливо ска-

зал Филипп. — Чего на это смотреть? И не думай об этом раньше срока, вон на птичек гляди…

Но Максим смотрел не на юрких горных голубей, а на блестящую сталь и на руки Уш-Дана, которые тот протирал вылитым из спиртовки одеколоном… Потом Уш-Дан подошел…

Филипп протянул Максиму оловянную чарку.

— Выпей все. Оно, говорят, замораживает чувственность…

Максим глотнул и сплюнул. Вино было совсем не то, что на обеде в шатре полковника. Кислятина с запахом сырых кожаных башмаков.

— Не надо. Ты лучше держи меня покрепче, Филипп.

Тот обнял Максима, прижал к пропотевшей рубахе. Кто-то крепко взял его за ноги…

— А-а!! — все мышцы мальчика вздулись отчаянной протестующей силой. Но крик был короткий. То есть нет, долгий, но уже внутри. Максим прижал зубами нижнюю губу. Навалилась звенящая красная мгла. А потом ее сменила обычная тьма, без чувств.

…Филипп сырой холодной тряпкой обтирал его лицо.

— Ну, Максимушка, ну, герой… Только зачем губу-то до крови искусал. Уж орал бы лучше изо

всех сил для облегчения.

— Разве я не орал?

— То-то и оно, что нет… Дай-ка смажу от заразы… — Губу чем-то защипало, но это был пустяк.

Забинтованная ступня болела пуще прежнего, словно жгучий уголь внутри. Но в боли этой, как ни странно, чувствовалось облегчение. Отсутствие опасности. Капрал Уш-Дан показал Максиму похожий на коготь осколок стекла, который воткнулся в ступню мальчика где-то на мостовой Верхнего Саттара.

— От такого вот дрянца могли помереть, господин субкорнет. Ну а теперь, Бог даст, все обойдется…

Двинулись в путь снова, и Максим по-младенчески уснул на руках у ординарца капрала Дзыги. Боль он ощущал и во сне. Виделось, что он, маленький еще, украдкой от няньки убежал босиком в сад. К ногам прилипала клейкая кожура тополиных почек. Он будто бы сел на скамейку, достал из кармана стекло подзорной трубы, вывернул ногу, чтобы разглядеть кожурки. Была у него тогда любимая забава — разглядывать всякие мелочи в увеличенном виде. На голой ступне зашевелилось круглое солнечное пятнышко, защекотало кожу. Он уменьшил его, сгустив

лучи до крепкого жжения… Сколько выдержу?.. Ай! — и заревел, отбросив стекло. Тут же рядом появилась мама. Посадила его на колени, взяла ногу в прохладные ладони. «Какой ты неосторожный, малыш. Ничего, сейчас пройдет…»

Максим всхлипнул во сне. А впереди уже была густая зелень долины. За деревьями сверкнула река.

Пока шли к берегу, не встретился ни один человек. Река Хамазл вздулась и бурлила, несла в струях вырванные кусты. Видимо, в верховьях опять прошли обильные дожди. Нечего было и думать о переправе. Кони и всадники ни за что не осилили бы течение. Ширина составляла саженей семьдесят, не меньше. Были где-то особые места для брода, но река, прихотливая и бурная, часто меняла их.

По тайному уговору с той стороной каждый вечер здесь, на берегу, должен был появляться человек, знающий переправу. Более весомую помощь с другого берега ждать не стоило. Власти Малого Хельта не хотели рисковать и открыто вмешиваться в дела соседней страны.

Оставалось ждать.

Лошадей напоили в реке и укрыли в дубовой роще с густым подлеском из орешника. Набрали

для каждой по охапке травы. Пускать их пастись открыто было рискованно. Кто знает, может, противник не столь уж далеко. На опушке рощи, в сотне шагов от воды, стоял кирпичный дом с провалившейся тесовой кровлей и крепкими стенами — наполовину из камней, наполовину из кирпича. То ли заброшенный приют рыбаков, то ли бывшее жилье разорившегося хозяина-овцевода. Здесь и устроили привал — последний на земле Большого Хельта.

Кинули на пол шинели и палатки, поставили у окон две скорострелки с последними лентами, двоих по жребию отправили в караул, и пришла наконец пора для тризны по командиру. Ибо нельзя оставлять погибших товарищей без прощальной чарки и доброго слова.

В доме был очаг, разожгли сучья, сварили из последних запасов овсяной крупы и вяленой баранины похлебку, нарезали купленные в деревне два каравая. *Налили из*бурдюка в оловянные чарки черно-красную жидкость. Вино было то самое, что не смог недавно выпить Максим. А теперь он выпил, зажмурившись и задержав дыхание. Полную чарку, как все. Потому что — память о полковнике, отдание последней чести.

Выпили, не сдвигая чарки, посидели молча

минуту (потрескивал очаг). Сперва Максиму стало тошно, скоро же, однако, противное чувство растаяло и потекла по телу приятная теплота и слабость. Максим закрыл глаза.

Кто-то сказал вполголоса:

— Рай, давай-ка ту, любимую полковника.

…Здесь пора сказать о поручике Дан-Райтарге, которого чаще звали просто Рай. До сих пор почти не было случая, чтобы упомянуть о нем (как и о некоторых других) в этом рассказе. Ибо задачи и дела у всех были одни, и каждый выполнял их одинаково, пока гибель или ранение не выбивали их из общего строя. Между тем был Дан-Райтарг личностью примечательной. «Сумрачный гитарист», — говорили про него. Он никогда не улыбался — ни во время бесед и застолий, ни во время своих песен. Ходил слух, что мрачный характер его — результат какой-то давней сердечной драмы, о чем он, впрочем, сам никогда не упоминал. Улыбка же на его лице появлялась порой лишь во время боя — этакий белозубый оскал.

Кстати, этот поручик один из всех офицеров ни разу не вступил с Максимом в беседу, а столкнувшись лицом к лицу, молча наклонял голову в коротком гвардейском полупоклоне или двумя

пальцами касался козырька каски. Максиму казалось, что Дан-Райтарг тайно досадует на него.

А струнами Рай владел как бог, хотя сумрачность его часто не вязалась с лихими гитарными переборами. По правде говоря, такая музыкальная удаль более была бы к лицу офицеру из гусар с их традициями шумных сборищ. Однако же Дан-Рай-тарг был потомственный кирасир. А страсть к гитаре объяснялась в нем, наверно, каплей южно-хельтской крови — так же, как и кудрявость черных волос.

Рай, сидя на полу, дотянулся до гитары, прислоненной к бугристой стене, взял ее. Прикрыл глаза. Пробитая в двух местах гитара зазвучала слегка дребезжаще, но с послушным переливом мелодии. Рай запел высоким, почти женским голосом:

Да-ри, да-ри,
Да ай, да ай…
Да ай…

Ночь настала,
Природа вся устала.
Играли мы весь день-деньской,
Пора нам на покой…

Так спи же, спи,
Так баю-бай…
Да ай…

Песня кончилась, Рай положил на струны ладонь, тихонько покачал головой. Максим посмотрел на Рая и опять прикрыл глаза. Песня была хорошая, ласковая, и захотелось заплакать, потому что вспомнилась мама. Чтобы не выпустить наружу слезинки, Максим зажмурился покрепче. Переглотнул. Он сидел недалеко от очага, привалившись спиной к неподвижному, как камень, капралу Филиппу. Тот не шевелился, чтобы не побеспокоить «Максимушку».

Боль в ноге не утихла совсем, но стала глухой, спокойной. Не мешала.

Было жаль полковника (и заодно, немного, жаль себя). Но жалость эта смешивалась с теплом — и с тем, что внутри, и с тем, что долетало от огня, пушисто обмахивало ноги и лицо…

Кто-то (Максим не понял кто) сказал негромко:

— Думал ли когда-нибудь полковник, что его похоронят вот так. Без формы, в чиновничьем костюме…

Максим почему-то вспомнил отчетливо, какой просторный шкаф в номере гостиницы. Там,

наверно, до сих пор висят рядом просторный мундир полковника и тесный его, Мак-симкин, мундирчик. И Максим сказал — не тем, кто рядом, а скорее себе самому:

— Моя форма тоже осталась в гостинице.

— Ну, вам-то, суб-корнет, чего жалеть, — усмехнулся корнет Гарский. — Вас впереди ждет еще немало всяких мундиров.

Стало тихо, и в общем молчании ощутилось осуждение бестактности, которую позволил молодой офицер. А Максим отозвался, не открывая глаз:

— Да не мундира мне жаль, а медали, которая была на нем. Одну и ту же награду ведь не дают по второму разу…

— Отчего же не дают! — живо откликнулся барон Реад. — Если знак ордена или медаль утеряны не по вине награжденного, ему выдают дубликат… Кстати, такие медали наверняка есть в портфеле полковника, он всегда носил при себе запас… Господа, где портфель?

Портфель отыскался немедля, его вручили Реаду. Максим открыл глаза, сел прямо.

— А разве позволено носить медаль не на мундире, а вот… прямо так? — Он пальцами потянул на груди ткань матросской блузы.

— На чем угодно позволено, если заслужили… Вот, получите, суб-корнет…

Максим встал, поджав забинтованную ногу, принял на ладонь увесистый металлический кругляк с ленточным бантом.

— Благодарю, барон…

Реад кивнул и продолжал исследовать содержимое портфеля.

— Смотрите-ка, любимая бритва полковника, он с ней не расставался никогда… Письма… С ними надо разобраться и, по возможности, вернуть адресатам… О, вот удача, господа, здесь газета! И, кажется, довольно свежая. Узнаем наконец, что делается на белом свете… Боже, что это?

Реада обступили. И Максим (вспомнивший наконец, что именно из-за газеты заспешил полковник) сунулся вперед.

Барон держал развернутый газетный лист. На нем — в свете упавшего сквозь широкое окно солнца — четко виднелся гравированный портрет мальчика. Мальчик был Максим. Только гладко причесанный и в непривычном мундире с орденами. Крупные буквы торжественного старо-хельтского шрифта извещали:

«Его королевское величество Денис I вступил на престол!

На голову наследника возложена корона предков! Пора безвременья кончилась! Враг потерпел сокрушительный разгром! Нас ждет новая жизнь под скипетром законного владетеля страны! Совет монархов преподнес юному Великому герцогу Денису I королевский титул!»

— Невероятно… — вполголоса сказал барон Реад. — Всего можно было ожидать, но такого…

— Измена! — тонко воскликнул корнет Гарский. — Господа! Мы должны… Нам необходимо пробиваться в столицу! Чтобы скорее разобраться с этим самозванцем!

«Вот и все, — с горьким облегчением подумал Максим. — Наконец-то…»

Он сжал в ладони так и не надетую медаль. Осторожно ступил на забинтованную пятку, вскинул голову.

— Господа, не надо никуда спешить. Он не самозванец. Самозванец — я…

2

Ему поверили быстро. Почти сразу. В самом деле, какой же это наследник престола — взъерошенный мальчишка в мятой школьной одежонке, с испуганными мокрыми глазами?

И — словно какая-то стенка встала между ним и офицерами.

— Объяснитесь, суб-корнет, — сказал наконец барон Реад.

Максим не думал, что когда-нибудь ему придется все объяснять. Обещано было, что это сделают другие. Но теперь куда деваться-то?

— Я… мне велели… то есть меня попросили… отправиться с вами. Ну, пришли специальные люди к отцу, потом к директору гимназии, потом позвали меня. Сказали: ты должен помочь наследнику. Такая, говорят удача, что вы похожи… Мол, врагу будто бы случайно дадут знать, что группа офицеров увозит принца за границу, в безопасность. Враги начнут охоту, и это отвлечет их от настоящего наследника… Ну… видите, так и случилось…

Помолчали.

— Нельзя сказать, что ситуация блещет благородством, — заметил наконец подпоручик Тай-Муш. — Право же… делать наживку из ребенка…

— Я ведь сам согласился, — тихо сказал Максим.

— Так кто же вы на самом деле? — стараясь говорить мягко, поинтересовался барон Реад. —

Гимназист Максим Шмель, как и было сказано?

— Да… — и он опустил голову.

— Ну… и зачем же вы плачете, Максим? — Реад осторожно взял его за плечо. — Вы прекрасно выполнили свое задание.

— Мне совестно, что я обманывал вас…

— Вы поступали в соответствии с приказом. Иобманы-вали вы прежде всего противника, что и было вашей задачей… По-моему, вы прекрасно сыграли свою двойную… вернее, даже тройную роль: гимназист, изображающий наследника, который притворяется гимназистом…

Максим чуть улыбнулся сквозь слезы. И вздрогнул от резкого голоса поручика Дан-Райтарга.

— Гимназист блестяще сыграл свою роль, что, конечно же, будет высоко оценено его высочеством… величеством. Но какова наша роль? Марионеток на ниточках, за которые дергает неизвестно кто? Роль болванчиков, не ведающих собственной задачи?

— Задача была ясна, поручик, — возразил Реад.

— Да. Но нас обманули! Нам дали понять, что мы спасаем наследника, а подсунули… Простите, мальчик, я не хотел вас оскорбить, вы здесь ни при чем…

— Спасая мальчика, мы спасали наследника! —

запальчиво отозвался корнет Гарский.

— Но мы имели право это знать, корнет!

— Видимо, наше незнание штаб счел дополнительной гарантией успеха, — возразил Реад. Возможно, в глубине души он был согласен со вспыльчивым Раем, но… — Право же, господа, обсуждать приказы генералитета не входит в круг полномочий гвардейских офицеров.

— А недоверие к гвардейским офицерам я считаю оскорблением! — опять вспылил Дан-Райтарг. — И я уверен: будь здесь полковник, он со мной согласился бы!

Максим медленно оглянулся на поручика.

— Полковник знал… И еще вот он знал… — Максим, припав на забинтованную ногу, шагнул к Филиппу Дзыге, взял его за локоть, щекой прижался к суконному рукаву. Старый ординарец пятерней накрыл взлохмаченную голову мальчишки.

— Так оно. Знал… Да и мудрено было бы не знать. Каждое утро после умывания заново клеил ему родимое пятно…

Максим опять боязливо улыбнулся, потрогал на щеке под ухом свою родинку-восьмерку. Оторвал ее и бросил через плечо, в очаг. Будто сжег свою прежнюю роль…

И это как бы поставило точку всей истории. Каждый почувствовал облегчение. Начали опять рассаживаться. Только поручик Дан-Райтарг остался непримирим. Садясь на чурбак, он отодвинул ногой гитару и сообщил остальным, что, когда вернется в столицу, подаст новому государю прошение об отставке.

— И этим обидите его, — заметил Реад.

Поручик сообщил, что себя он считает обиженным не в пример больше.

Реад пожал плечами:

— Но при чем здесь юный король? Он-то наверняка ничего не знал о нашем походе.

— Значит, из него сделали такого же болванчика, как из нас!

— Господин поручик, — очень мягко сказал барон Реад. — Я понимаю ваше состояние, но тем не менее извольте выбирать слова, когда ведете речь о государе.

— Если вам не нравятся мои слова, барон, вы знаете, как разрешить наше несогласие.

С той же мягкостью Реад возразил:

— Я не имею права сейчас драться на дуэли, поручик. После гибели полковника я остался старшим по званию и, следовательно, являюсь командиром полка.

— Господи, какого полка! Полк — там, где знамя и основной состав!

— Вы же знаете, что знамя отдано на хранение в арсенал, составу объявлено о временном переводе в резерв, а полк — там, где его командир и выполняется генеральная задача.

— Задача, как мы убедились, выполнена.

— Отнюдь! Наше задание сформулировано однозначно: любой ценой доставить на ту сторону, в штаб добровольческой дивизии гимназиста Максима Шмеля. И никто не отдавал нам иного приказа.

— Да, но, наверно, мне уже незачем являться в дивизию, — вздохнул Максим. — Я слышал, что ниже по реке, за порога **ми,**есть пристань Птичьи Поляны и будто бы оттуда ходят пароходы…

— Есть она, такая пристань, — согласился капрал Максим Дзыга. — На левом берегу, в Малом Хельте. У меня там племянница живет, у нее муж помощник начальника в аккурат на этой пристани… Да тебе-то там что делать, Максимушка?

— Сяду на пароход и вернусь в столицу, к отцу.

— Там видно будет, — неопределенно откликнулся барон Реад. — Надо еще сперва переправиться.

— Разве я не могу теперь решать сам? — тре-

вожно вскинулся Максим.

— Можете, конечно, — успокоил Реад. — Просто надо все обсудить. Я понимаю, вы соскучились по дому, по родителям…

Максим промолчал.

Поручик Дан-Райтарг сумрачно сказал издалека:

— Не понимаю, как родители могли отпустить мальчишку на такое дело…

Максим медленно оглянулся.

— А как могли не отпустить? Я уже не маленький. Мамы у меня нет, а отец сказал: «Решай сам»… Ему было не до меня…

— Почему? — обиделся за Максима корнет Гарский.

— Потому что… только что женился второй раз, а тут из-за войны разорилась нотариальная контора, которой он управлял… А за меня ему, наверно, посулили немалые деньги.

Новое молчание было неловким. Всех, наверно, удивило (а может, и покоробило), как прямо и без всякой любви мальчишка говорил об отце. А возможно, почуяли в словах его давнюю горечь. Но поручик Дан-Райтарг высказался с прежней бесцеремонностью:

— А лично вам что посулили, если не секрет?

— А я ничего не просил, — отозвался Максим без обиды.

— Что же заставило вас согласиться на опасное дело? — осторожно спросил Реад.

— Многое… — сказал Максим. — Да. Тут много причин… Ну, конечно, хотелось приключений, как в книжках про войну. А еще я думал: если я сделаю это, ко мне перестанут придираться в гимназии. А то один раз чуть не исключили…

— Вы не похожи на нерадивого ученика, — заметил Реад.

— Там другое… А еще дома мне стало как-то… не так. Когда он женился… А главное то, что я думал: если я помогу спасти Дениса, это же будет удар по мятежникам! Верно? Значит, получится, что я отомстил за маму…

— А что случилось с вашей мамой? — тихо сказал Реад.

— В прошлом году она слегла с сердечным приступом. Нужен был доктор, очень срочно. Я побежал за ним, и мы заторопились к маме, но на улицах были баррикады мятежников. Их солдаты не хотели нас пускать, издевались над доктором, говорили, что шпион, расстрелять обещали… Ну, потом все же пропустили, но было поздно…

Реад подсел ближе.

— Максим… но, если дома вам несладко, зачем вы туда спешите?

— А куда деваться-то?

— Как куда? Вы же суб-корнет черных кирасир!

— Господи, ну какой я суб-корнет! Это же было понарошку…

— А вот здесь вы крайне заблуждаетесь, — веско сообщил ротмистр Реад. — Вам командир полка официально присвоил это звание. И вы, кстати, доказали, что вполне достойны его… Лишить вас этого звания может по уставу лишь тот же командир. А если он погиб или ушел в отставку, то сделать это вправе лишь Великий герцог. То есть теперь уже король…

— А он, если это и сделает, то лишь затем, чтобы присвоить более высокий чин, — подал голос Дан-Райтарг.

— Поручик, вы несносны! — подскочил корнет Гарский. — И если вам угодно…

— Да ничего мне, корнет, не угодно, и мысль свою я высказал без всякой подоплеки…

Реад, переждав перепалку, продолжал:

— Вы, Максим, имеете право на офицерское содержание и квартиру. И, поскольку вы не окончили образование, вас обязаны будут зачислить

в военную гимназию. Но, конечно, не кадетом, а слушателем, на правах офицера…

— Да, но я не хочу быть военным, — тихо сказал Максим.

— Вот как? Жаль, — вздохнул Реад. — Мне кажется, вы были бы прекрасным офицером. Впрочем, звание в любом случае останется за вами, вы будете считаться в бессрочном отпуске. И кирасиры своими заботами не оставят вас, это их долг…

— Благодарю, — одними губами сказал Максим.

— А кем же вы хотите сделаться? — слегка ревниво спросил корнет Гарский. — Конечно, если это не тайна.

— Простите, корнет, но это как раз тайна, — неловко сказал Максим. — То есть… ну, я просто боюсь сглазить.

— Тогда не надо, — быстро отозвался Гарский с тем пониманием, какое бывает у одного мальчишки к другому в окружении взрослых. Остальные негромко и необидно засмеялись.

3

Тем временем наступили сумерки. Поручик Дан-Райтарг — в роли разводящего — повел в

дубовую рощу смену караула, корнета Гарского и капрала Уш-Дана. Через минуту раздались три выстрела — сигнал особой тревоги. Кирасиры, схватив карабины, кинулись в рощу. И Максим кинулся — с револьвером полковника.

На поляне, в желтом свете фонарей лежали с перерезанными горлами два прежних часовых — подпоручик Тан-Саль-ский и бывший ординарец полковника Фома Варуш. Лошадей не было.

Мигом заняли круговую оборону, дали залп в чащу (и Максим выстрелил), но лесная тьма ответила молчанием. Тогда в боевом порядке отошли, унося тела убитых. Распределили позиции у окон. Реад разделил всех (и Максима) на боевые вахты. У Максима от нервной встряски перестала болеть нога — когда бежал вместе с другими в рощу, хромал, но боли не чувствовал.

Теперь все изменилось — и в обстановке, и в состоянии душ — война.

Горько было и стыдно. Прозевали врага! К тому же для кирасир потерять лошадей — почти то же самое, что потерять знамя. Особенно когда лошади — любимые. Но в тысячу раз страшнее была гибель боевых товарищей. Если в походе, в стычках, это еще понятно, а сейчас, когда операция была уже завершена…

Барон Реад почернел лицом. Он понимал: полковник бы не простил такого поражения. Хотя, с другой стороны, в чем вина? Караул был выставлен по всем правилам. Противник оказался хитрее и коварнее, но это и понятно: повстанцы — жители гор и лесов, охотники и лазутчики, они умеют подбираться незаметно.

Впервые Реад подумал, что в этом деле полезнее был бы не офицерский отряд, а группа опытных егерей, привычных к войне в лесной глуши. Но высшее начальство, видимо, рассудило, что гвардейская стойкость и неукоснительная верность офицерскому кодексу в данной операции более важны, нежели егерские навыки…

Впрочем, сейчас было не время для укоров и терзаний. Надо было думать про оборону. Каждый понимал, что скрытый по кустам и роще противник охватил дом широкой подковой. Не пробьешься. И проводников теперь ждать бессмысленно.

Путь к реке, через открытую поляну, оставался свободным, в темноте нетрудно было добраться до воды, без лоша-дей-то. Но попытка переправы через вздувшийся стремительный Хамазл была бы равна самоубийству. Враг понимал это и не стал блокировать дом со стороны берега.

Погасили очаг и фонари, чтобы окна не светились, не служили мишенью (лишь слабый потайной фонарик тлел в углу).

Сколько они продержатся? Патронов почти не осталось, провизии тоже. На быструю помощь с той стороны надежды не было. И врагам, если их немало, утром не составит труда взять приступом последнее убежище кирасир. Особенно если у них, у врагов, есть орудие…

Все было неясно. Все было хуже некуда. И оставалось одно: держаться до конца, а затем погибнуть достойно, не уронив чести гвардейского полка. Если не случится чуда. Но откуда оно возьмется, чудо-то?

Это понимали все. И Максим. И он удивлялся, что почти не боится. Лишь временами тоскливо, но не сильно сосало под сердцем.

Он занял место рядом с капралом Гохом у выбитого окна, где поставили одну скорострелку. Задача суб-корнета была во время стрельбы ровно и беспрерывно подавать в щель казенной части патронную ленту.

Ствол скорострелки был направлен во тьму. Из тьмы в окно залетал ветер. Он был теплый, пахнувший дубовой листвой. Подымал в погашенном очаге неостывший еще пепел.

— Прошу всех быть предельно внимательными, — сказал со своего места Реад, хотя ясно было, что противник едва ли пойдет в атаку до рассвета.

Тьма была непроглядная.

Потом в этой тьме мигнул и описал два круга огонек. Фонарь. По нему сразу ударили несколько карабинов. Когда перестало звенеть в ушах, Максим услышал издалека:

— Эй, не стреляйте! Примите парламентера!

— Не стрелять, — сказал Реад. И крикнул во тьму: — Хорошо! Один человек и без оружия!

— Ждите!

Через минуту послышались шелестящие шаги. Корнет Гарский оттянул на себя тяжелую дверь, на нее направили луч. В проеме возник высокий человек.

Это был типичный повстанец-южанин: курчавый, с тонким носом и темной щетинистой бородкой, с бровями вразлет. В узкой черной одежде и замшевой безрукавке. Но акцента никто не различил, когда незнакомец негромко и буднично сказал с порога:

— Здравствуйте, господа. Честь имею представиться: горный полковник Док-Чорох.

— Садитесь, полковник, — тем же тоном ото-

звался Реад. И парламентеру подвинули невысокий чурбак. Док-Чорох сел. Реад — напротив.

— Слушаю вас, полковник.

— Господа. Отдавая дань вашему военному искусству и храбрости, я все же должен сказать: эту партию вы проиграли. Не так ли?

— Мы пока не видим проигрыша, — возразил Реад.

— Свое положение вы знаете не хуже меня. Пути через реку нет. Блокада наша крепкая. В пешем строю вам не пробиться, а коней у вас… Что делать, таковы превратности войны. А в этом блокгаузе вы не продержитесь и часа. У нас две горные пушки.

— Ну — и… — сказал Реад.

— Предлагаю, господа, вполне разумный выход. Его высочество станет гостем в нашем лагере, а вы получите возможность вернуться в свое расположение. На конях. Безопасность гарантирую…

Стало тихо. В этой тишине совсем по-мальчишечьи фыркнул насмешливо корнет Гарский.

Барон Реад сказал неторопливо и утомленно:

— Делая это предложение, полковник, вы уже предвидели ответ, не правда ли?

— Не торопитесь, барон. Советую подумать.

— Вы меня знаете?

— Я помню вас по военному факультету. Вы учились на три курса младше… Неисповедимы пути наши…

— Да… Но как выпускник этого факультета, вы тем более должны понимать, что ваше предложение — не для гвардейцев. И вообще не для порядочных людей…

— Всякие люди, даже порядочные, хотят жить, барон. И прежде всего мальчик. У него почти нет шансов уцелеть в случае нашего штурма. Он ведь не станет отсиживаться в подвале… И в любом случае — живым или мертвым — его высочество окажется у нас. Таким образом, ваша задача все равно не будет выполнена. Вы, конечно, погибнув, сохраните честь, но… увы, не совсем. Гибель наследника будет на вашей совести.

— А не на вашей? — сказал со своего места Максим.

— Нет, ваше высочество. М ы вашу безопасность гарантируем полностью. Если вы любезно согласитесь пожаловать к нам…

Реад помолчал, видимо, принимая решение. И сообщил:

— Вынужден огорчить вас, полковник. Субкорнет Шмель, которого вы видите среди нас, не герцог. Наследник уже занял законное место

в столице. Если вы доберетесь до ближайшего городка, сможете купить газеты и прочитать о коронации. А одну могу подарить прямо здесь… Так что вы неверно оцениваете ситуацию. Отвлекая противника от настоящего наследника, мы все же выполнили задачу. И ваша блокада теперь бессмысленна.

Горный полковник Док-Чорох не потерял невозмутимости.

— Мы знаем о коронации. И знаем также, что это неуклюжая хитрость нового столичного правительства. Наш долг — возвести на престол настоящего монарха, которого мы и просим быть с нами… Не понимаю вашего упорства, барон. В конце концов, у нас одна цель.

— Вы полагаете?

— Да. И я надеюсь, вы придете к тому же выводу. Только прошу учесть, что времени у вас до восхода, а восходы нынче ранние… Честь имею… — Он встал.

— Не имеете вы чести, — вдруг звонко сказал Максим.

— Отчего же, принц?

— Вы бандиты. Напали тайком, перерезали горла…

— Это не бандитизм, принц, а жестокая практи-

ка боевых действий. А ля гер ком а ля гер, — как говорят просвещенные французы… До встречи, ваше высочество… виноват, ваше королевское величество. — И, согнувшись, он ушел в черный дверной проем.

Реад встал.

— Слушать внимательно. Не исключено, что они не станут ждать рассвета… Поручик Дан-Райтарг, смените на крыше часового у скорострелки, ровный ветер навевает сонливость…

— Слушаю, барон… Хотя едва ли стоит опасаться ночной атаки. Горный полковник сказал «время до восхода», а он кажется человеком слова.

— И тем не менее…

— Слушаю, господин ротмистр… — Рай поднялся по внутренней лестнице в люк, а Максим сказал от окна:

— Господин барон…

— Да, Максим, — отозвался тот с непривычной ласковостью.

— А может быть, правда…

— Что?

— Может, мне… пойти к ним? Ну что они мне сделают? Убедятся, что я не тот, и отпустят… А вы все вернетесь в столицу.

— С какими лицами! — вскинулся корнет Гар-

ский. — Вы забыли, суб-корнет, о гвардейской чести! Отдать своего товарища в руки врага!

— Отдать, чтобы спасти, — вмешался молчаливый поручик Тай-Муш. — Честь честью, но, когда речь идет о жизни мальчика, надо думать прежде всего о ней. Почему ребенок… извините, Максим… почему он должен расплачиваться жизнью за кровавые игры взрослых людей?

— Вы уверены, что там он не расплатится? — вздохнул Реад.

— Этот полковник… он же гарантировал, — напомнил Максим.

— Допустим, — кивнул Реад. — Полковник Док-Чорох действительно производит впечатление человека слова. Но… он может держать слово, пока жив. Его соратники не остановятся ни перед чем, если… им нужен будет труп наследника.

— Но я же не Денис! Зачем им убивать меня?!

— Да потому, что мертвый вы им нужны больше, чем живой! Мертвый вы не будете твердить «я не тот», «я не он». Ваше тело сфотографируют, найдут людей, которые опознают в вас юного короля! Вас торжественно похоронят, сделают из вашего имени знамя и кинутся на столицу свергать «самозванца»! Такое уже бывало не раз… — Барон прекрасно знал историю.

И Максим больше не спорил. Умирать, так уж среди своих.

А как это «умирать»? Наверно, погрузиться вот в такую же тьму, как за окном? И ничего не чувствовать, ничего не думать? Или… все же есть другие миры, куда после смерти уходит душа?

Он и раньше думал про такое, но так, между делом, без большой боязни. А теперь это подошло вплотную. И Максима тряхнула сильная дрожь. Кто-то подошел сзади, накинул на него палатку. Наверно, решили, что мальчишка дрожит от ветра. А ветер-то был теплый!

А палатка была легкая, офицерская, из плотной, но очень легкой шелковистой ткани. Еще в походе Максим думал не раз: «Вырезать бы из ткани кусок, натянуть на длинные скрещенные распорки…»

Вырезать… Натянуть…

— Господин барон! Подойдите, пожалуйста! Я хочу что-то сказать… — Сам он не решился оставить пост у окна, да и нога опять болела.

— Что, Максим? — Реад склонился над мальчиком.

— Господин барон, я хочу признаться. За что меня чуть не выгнали из гимназии. Мы с мальчиками сделали из простыней и реек большой

змей, и я поднялся на нем в воздух. И пролетел сотню саженей…

4

Согласились, конечно, не сразу. Сперва Реад сказал, что это безумие. Даже если Максим и взлетит, то разобьется наверняка.

— Не разобьюсь! Ну… не наверняка! По крайней мере, это шанс! Всё равно мы все… на краю…

— А ведь мальчик прав, — заметил рассудительный Тай-Муш. — Это действительно шанс уцелеть. Пусть спасется хотя бы он…

— Да вы что! — заполыхал возмущением Максим. — Вы думаете, я это для себя? Я шнуром от змея перетяну на тот берег канат. Здесь есть в кладовке несколько мотков, я видел!.. Я его привяжу там, и вы по канату — за мной! Если пристегнетесь поясами, можно переправиться, вода не сорвет…

— А если вы разобьетесь, как мы посмотрим в глаза людям? — запальчиво сказал корнет Гарский.

— Тогда вы никому не посмотрите, — жестко напомнил Максим. — Все ляжете здесь.

Как бывает в самых решительных случаях, проголосовали.

Все — и офицеры, и унтеры. Все были за полет. Потому что, возможно, это как раз то чудо, на которое теплилась надежда.

…В кладовой с брошенным рыбацким хозяйством нашлось все, что нужно. Легкие бамбуковые шесты для сетей, клубки тонкого прочного шнура (из таких вяжут неводы), две бухты пенькового троса в дюйм толщиной. Нашлись даже маленькие кольца непонятного назначения. Их можно было надеть на канат для скольжения — и уже к ним пристегнуться ремнями.

Завесили палатками окна, засветили два фонаря, начали вязать каркас, похожий на трехметровую букву Х с перекладиной. Натянули прямоугольник палаточной ткани. Надо было бы для прочности подшить края, да некогда. Ладно, для короткого перелета сойдет и так…

Сделали узду, прикрепили к ней шнур. Максим сам привязал к нижним концам распорок пятиметровый канатный хвост — чтобы не опрокинуло в полете.

— Вы думаете, эта конструкция поднимет вас? — осторожно спросил Реад.

— Да! Я умею облегчать свой вес! Спросите Филиппа! Когда он нес меня с пораненной ногой, я нарочно делался легче!

— Было такое, — кивнул капрал Дзыга. — Говорит: «Тяжело тебе, Филипп? Сейчас полегчаю». И правда…

Реад, Филипп и корнет Гарский (человек, помнивший недавнее детство и запускание змеев) неслышно вынесли конструкцию через дверь (еле пролезла). Тихо понесли к воде. Было нелегко: ветер нажимал на громадный змей, как на парус, еле удерживали. Хвост цеплялся за траву. Корнет Гарский цедил сквозь зубы школьные ругательства.

Враг, видимо, ничего не подозревал.

Вода вблизи уже не шумела, а трубила. Пена мутно светилась в темноте. В небе клочьями мрака летели через реку облака. Змей поставили на нижний край. Максим, морщась, вставил забинтованную ступню в веревочную петлю. Просунул в такие же петли кисти рук, вцепился в распорки.

— Натяните шнур и держите втроем. Когда поднимусь, начинайте отпускать, но не быстро, чтобы шнур был натянут. А когда отмотаются сто саженей, быстро ослабьте и я там опущусь…

Шнур был отмерен заранее.

— Если окажетесь в воде, ни в коем случае не отпускайтесь, мы вас вытянем, — сказал Реад.

— Ладно… Не окажусь я в воде. Только делайте все правильно… Вы готовы?

— Да, — отрывисто сказал Реад.

— Храни тебя Господь, птаха, — шепнул Максимушке Филипп.

— Натяните шнур! Еще… — Максим толкнулся здоровой ногой, и змей ровно взмыл на несколько саженей. У Максима все ухнуло внутри.

Змей косо пошел в высоту, оказался над водой, влажный воздух и водяная пыль ударили Максима по ногам. Он задергал правой ногой, стараясь поймать ею петлю, не сумел. Крутнуло, понесло… Еще. Еще… Не заорать бы… Он-то думал, что сможет управлять, а тут… Господи, когда это кончится?!

Змей остановил полет, задрожал в потоках воздуха на месте. Но не спускался. «Мама… Я не знал, что это такая жуть!»

— Да ослабьте же шнур! — завопил Максим, хотя это было бесполезно. Кто услышит сквозь гул воды?

Не услышали, но сообразили. Змей быстро пошел вниз. Углом врезался в траву, захрустел. Максима с маху ударило о землю и узловатые корни. В недавно пострадавшей ноге взорвалась новая боль. Максим заплакал.

Но, плача, он помнил о главном: не упустить шнур. Складным ножом отрезал его от узды, намотал на крепкий, торчащий из травы корень. Потом дернул три раза: я жив, привязывайте канат. Натянувшийся шнур задергался. Видать, привязывали.

А нога болела нестерпимо.

Шнур дернули сильнее, чем прежде, три раза подряд: тяните, суб-корнет…

Тянуть было нелегко. Тонкий шнур отчаянно резал ладони. Тяжелый канат не хотел двигаться через бурлящие потоки. Максим будто вытягивал из реки упрямую лошадь.

И когда уже совсем не было сил, кто-то перехватил шнур, шепотом сказал у плеча:

— Держись. Давай вместе…

По шепоту, по дыханию Максим понял: мальчик. Такой же, как он сам. Затеплел от благодарности и всхлипнул:

— Ты кто?

— Гель. Проводник… Должен был просигналить, где брод.

— Теперь уже не нужен проводник, — опять всхлипнул Максим. — Они нас взяли там… со всех сторон…

— Я понял, когда услышал стрельбу.

— А что, — продолжая тянуть, не сдержал укора Максим, — не могли послать сюда людей побольше?

Он имел в виду: побольше числом. А мальчик, видимо, понял: постарше.

— Взрослые не могут…

— Не захотели, да? — со слезами прошептал Максим. — Узнали, что я ненастоящий, да?

— Не в том дело, — сквозь частое дыхание сказал маленький проводник Гель. — Здесь такая степь… Не пускает взрослых, путает дороги. Будто не хочет, чтобы кто-нибудь воевал. Будто устала от всех…

Мокрый канат пришел наконец в их изрезанные ладони. Вдвоем они поволокли его к одинокому ясеню (Гель указывал дорогу), обмотали вокруг ствола, затянули узел. Тремя рывками Максим послал кирасирам новый сигнал.

И потом они с Гелем долго стояли у ясеня, трогая натянувшиеся пеньковые пряди и ощущая движение боровшихся с водою людей.

Первым выбрался корнет Гарский. За ним стали появляться другие. Мокрые, злые и веселые. Порой ругались совсем не по-гвардейски. Но каждый шепотом говорил что-то хорошее Максиму. И мальчику Гелю — когда узнавали, что

помощник.

Перетянули завернутые в брезент тела погибших. На той стороне остались теперь только барон Реад и поручик Дан-Райтарг.

Когда стали переправляться и они, противник что-то почуял: поднялась стрельба. Барон выбрался благополучно, а поручика вытащили с пулей в плече. Он ругался вслух. Не столько из-за раны, сколько из-за того, что другой пулей расщепило гриф привязанной к плечу гитары.

Пули посвистывали над берегом. Кирасиры и Гель залегли. Но скоро стрельба стихла. Видимо, люди горного полковника Док-Чороха поняли, что добыча ушла безвозвратно. Чего же зря тратить патроны.

Начался мутно-серый рассвет.

Все отошли дальше от берега, за чащу дубняка. Убитых оставили в этой чаще, чтобы потом вернуться, увезти их и похоронить достойно.

— А степь пустит? — шепотом спросил Максим у Геля.

— За ними пустит…

При свете утра Гель оказался белоголовым, тонким и невысоким, помладше Максима. Одет был как мальчишка из бедной рыбацкой деревни: в разлохмаченных у щиколоток штанах и рваной

вязаной безрукавке. Но говорил по-город-скому — точно и правильно, не хуже любого гимназиста. Потом оказалось — сын речного капитана, который был теперь среди офицеров добровольческой дивизии.

Из разбитого змея сделали носилки для Дан-Райтарга. Тот говорил, что рана пустяковая и он может идти сам, но какое уж «сам».

Когда встало солнце, двинулись через степь. Гель шел впереди и Максим рядом с ним. Сильно хромал, опираясь на саблю в ножнах, как на костыль. Филипп хотел взять его на руки, но тот — ни в какую. Шли медленно, без дороги, через траву, и шустрые кузнечики то и дело прыскали возле ног.

— А я умею дрессировать их, — сказал Гель Максиму.

— Покажешь?

— Ладно… А ты покажешь, как летать на змее?

— Ох, Гель… Я не знаю, получится ли снова.

— Но говорят, ты поднимался уже два раза.

— Гель… ты только не выдавай меня. Я наврал про первый раз, когда в гимназии. Там скандал был совсем из-за другого. Я назвал одного учителя ржавой поварешкой… А нынче ночью, на берегу… ну, просто не было выхода.

Через версту отряд кирасир был встречен разъездом добровольцев.

5

А дальше было много всего, но уже без всяких опасностей и крови.

Несколько дней провели в лагере дивизии. Суб-корнету Шмелю быстро сшили новую форму. Но он надел ее только однажды, когда хоронили подпоручика Тан-Сальского и капрала Варуша. А после бегал в своем потрепанном матросском костюме. Бегал (все еще прихрамывая) вместе с новым приятелем Гелем, который открывал ему тайны загадочной степи. Той, что не пускала взрослых.

Однажды Максима позвали в госпитальную палатку. Там одиноко лежал поручик Дан-Райтарг. Морщась, улыбнулся:

— Что, суб-корнет, догоняете чуть не сбежавшее детство?

— Ага, — сказал Максим без обиды.

— А я вот… Это, наверно, расплата за мои необдуманные слова там, в доме на берегу… Не обижайтесь на меня, Максим.

— Да что вы, Рай! Я… знаете что? Можно я подарю вам новую гитару, когда поправитесь?

— Приму с душевной радостью. Только… вот будет ли работать как прежде рука…

— Будет! Не сомневайтесь!

— А вы… мне почему-то это очень любопытно… правда умеете уменьшать свой вес?

— Да. Если это очень надо. Когда поправитесь, я докажу. Вы возьмете меня на руки и вдруг почувствуете, что я стал в три раза легче!

Руку поручику Дан-Райтаргу и правда вылечили. И он вместе с другими уцелевшими кирасирами вернулся в столицу. Полк черных кирасир был сформирован заново, и командиром назначили Реада.

Но Максим Шмель не вернулся в столицу с остальными. Он остался в Малом Хельте и жил то в семье мальчика Геля, то с Филиппом Дзыгой, в доме капральской племянницы и ее мужа. На пристани в городке Бай-Отт. Филипп тоже остался здесь. Он испросил у Реада отставку, и тот подписал ее (он имел на это право). Филипп сказал, что не претендует ни на третью Звезду, ни на дворянство, а будет служить на пристани сторожем и следить, чтобы «этот сорванец не свернул себе шею, когда носится по плотам и старым баржам со своим приятелем, таким же неслухом. И чтобы исправно учил уроки, когда

пойдет в местную школу».

Впрочем, до школы случился еще ряд событий. Из Большого Хельта прибыл майор Генерального штаба со свитой и просил «господина суб-корнета» прибыть в столицу по личному приглашению его королевского величества.

Максим (что делать-то!) прибыл. И были торжественные встречи, и чин поручика черных кирасир, а также лейтенанта личной королевской лейб-гвардии. И орден «За особые заслуги» с серебряными мечами. И офицерский банкет в «своем» полку. И, конечно, встреча с отцом и его супругой, которая (встреча) прошла с положенным числом улыбок и объятий.

А еще были встречи с его величеством Денисом Первым, робесником Максима. Непротокольные встречи. Несколько раз Денис и Максим запирались в королевском кабинете и разговаривали там по несколько часов. Никого к себе не пускали, только требовали иногда «чего-нибудь пожевать».

— Ваше величество, вас ожидают представители парламентских фракций! — со стоном взывал иногда у запертых дверей государственный канцлер. — Государь, вам необходимо быть на встрече с послом Юрландии…

— Сообщите им, что я нездоров.

— В таком случае дайте соизволение пригласить к вам врача.

— Ага, только шляпу зашнурую… — отзывался через дверь король Большого Хельта.

О чем говорили два похожих друг на друга мальчишки? О государственных делах? О хитрых конструкциях воздушных змеев? О своих приключениях? О том, какие вредные бывают учителя?.. О том, как плохо без мамы? Ее высочество Великая герцогиня Анна-Елизавета два месяца назад скончалась в Со-норре от жестокой южной лихорадки. А сестренки Дениса все еще жили там, за границей…

Наверно, юный король уговаривал Максима остаться в столице.

Но Максим не остался. Он вернулся на левый берег реки Хамазл, в городок Бай-Отт. И стал жить у Филиппа Дзыги (которому, кстати, привез от короля патенты на все положенные награды, звания и льготы).

Иногда Максим и Гель на несколько суток уходили в недоступную взрослым степь и жили там по-индейски. В такие дни отставной капрал не находил себе места. Но мальчишки возвращались в назначенный срок — загорелые, исцарапанные

и счастливые.

Гораздо больше тревог появилось у Филиппа осенью. Максим поступил не в простую школу, а в частное училище авиаторов, которое открыли в Бай-Отте два смелых конструктора летательных аппаратов. Мальчика взяли в курсанты в виде исключения — знали про его ночной полет над бурной рекой и прочие заслуги…

С той поры Максим был счастлив. Лишь одно горькое событие еще раз ворвалось в его жизнь. В ноябре телеграф сообщил, что в столице неизвестными террористами убит юный король. Максим долго плакал взаперти и неделю не ходил в училище. Гель, как мог, утешал друга и уговаривал все же не пропускать занятий, а то исключат. Сам Г ель не стремился стать летчиком, он хотел сделаться капитаном парохода.

Убийц Дениса Первого, конечно, не нашли. Конечно, объявили его мучеником, повсюду поставили памятники, и разные партии, которые воевали друг с другом, сделали его своим знаменем. То есть государственная жизнь Большого Хельта пошла как обычно.

Максима, разумеется, не исключили из училища. И весной он в числе нескольких курсантов-отличников первый раз поднялся в воздух

на аэроплане тогдашней конструкции. Это была птица из ткани и реек, которая трепетала в потоках воздуха, как воздушный змей. Максиму тогда не было еще четырнадцати лет…

Дальше следы юного пилота теряются. По одним сведениям, он стал прекрасным авиатором и участвовал в перелете эскадрильи «L-5» через Южную Атлантику. Но, возможно, это был другой Шмель. Потому что иные источники утверждают: тем летом, через три месяца после первого воздушного старта, юный курсант Максим не вернулся из тренировочного полета. Аэроплан ушел в сторону Безлюдной степи. И потом не нашли никаких следов — ни летчика, ни аппарата. Появились слухи, что Максим не погиб, а улетел в дальние края, которые называются Закрытые пространства. Это вроде Безлюдной степи, только дальше и недоступнее. И все это похоже на правду, потому что юнга речного флота Гель не очень горевал об исчезнувшем друге.

Среди школьников Малого и Большого Хельта появилась легенда, что Максим Шмель навсегда остался мальчишкой, потому что время в тех пространствах не подчиняется привычным законам. И что, если с кем-то случается беда, юный летчик может прилететь на помощь. Надо только знать

особый сигнал, чтобы позвать его...»

III. МЕСТЬ СНЕЖНОЙ КОРОЛЕВЫ

1

Выпал первый снег. Укрыл поляны, мохнатыми шариками застрял в серых засохших кустах репейника. На снегу отчетливо рисовались заячьи следы, их было много. Это Евсейка и его приятели резвились, радуясь пушистой нехолодной зиме. Некоторые зайцы заметно побелели, но Евсейка остался прежний, рыжий.

Среди заячьих следов иногда встречались и другие — будто от крупных куриных лап...

Ребятишки радовались зиме не меньше зайцев. Многие уже и не помнили, что такое снег. Теперь им казалось, что пришла сказка. Дни сделались короткими, но в ранних сумерках тоже была сказочность. Остроконечный месяц, который теперь не уходил с неба, сделался большущим, ярко-серебряным. Внешний край у него был резко очерченный, а тот, что внутри, — неровный, как поспешно оторванная бумага. Казалось порой, что месяц позванивает, как фольга... А круглая луна оставалась прежней. Появлялась она лишь

изредка. Но если уж появлялась, все Пустыри застилал феерический зеленоватый свет и самые корявые черные развалины и эстакады казались волшебными сооружениями…

Но сказочность эта не сделала жизнь более легкой. Приходилось думать о дровах. В двухэтажном доме, где обитало семейство тетушки Агнессы, исправно работали батареи. Были они и в некоторых одноэтажных домиках (в том числе и у Артема), но там они то грели, то нет. Последнее — чаще. Хорошо, что стояли там и печи. Но возни с ними было немало, приходилось топить каждый день. Для этого нужно было отыскивать штабеля старых шпал, балки, доски, столбы, пилить их, рубить… А отвыкшие от огня печи дымили, то и дело требовали ремонта и чистки.

По утрам, когда в доме зябко, а за окнами еще зимняя тьма, ребята подымались неохотно. А ведь надо в школу! Артем и Нитка сперва сами обходили заснеженные кварталы, стучали в окна, собирали ватагу одетых кто во что пацанят и девчонок, провожали их до школы. Потом за это взялся умница Бом. И привлек зайцев. Зайцы разбегались по Пустырям и барабанили в окна. Бом гавкал так, что с лип и кленов сыпался снег и, отчаянно вопя, срывались возмущенные вороны.

Затем Бом, как опытная овчарка, сбивал «отару» и вел ее до школы, что светилась квадратными окнами в двух кварталах от западной границы Пустырей…

Но не все учились с утра. Некоторые — во вторую смену. Таких Артем встречал после уроков. Сам. Часто не один, а все с тем же Бомом (если шел с Пустырей, а не из института).

Один раз, в декабре, не доходя до института, Артем столкнулся с Птичкой.

Надо сказать, в последнее время Артем о Птичке не вспоминал. Дни проходили в заботах. Дрова, еда, ребята, лекции и зачеты…

И вот он опять — Птичка. В рыжем свете фонаря, что одиноко болтался на столбе в квартале от школы.

— Ха, птичка! Не ожидал, Студент?

Был он в широченной темной куртке, в черной вязаной шапочке. Этакий «крутой» из мелкой мафиозной компании. Знакомая растянутая улыбка…

— Как живешь, Темрючок? Не скучно ли там, на ваших мусорных свалках?

— Что ты знаешь про те свалки, — спокойно отозвался Артем. — Ты там не был и не будешь. Те места не для таких пернатых…

— Как знать, как знать… — игриво хихикнул Птичка.

— Так и знай…

Птичка вдруг присел, быстро вынул из-за пазухи большой пистолет с набалдашником..

— Ха!.. Ну?

Артем не испугался. Своим пистолетом он так и не обзавелся, но особые силы Странной Страны Сомбро уже прочно жили в нем. Он знал, что в самый последний момент сумеет уйти из-под пули. А в следующий миг прыгнет на Птичку Бом.

Пес деликатно сидел в трех шагах, но Артем знал, как напряжено его бойцовое тело.

Птичка опять сказал «ха» и крутнул пистолет на пальце.

— Не дрожи, Студент. Время твое еще не настало. Я же обещал, что буду изничтожать тебя медленно. Чтобы ты усыхал от страха.

— Клоун ты все-таки, Птичка, — слегка зевнул Артем.

— Ага! А ты думал! Клоуны, они бывают пострашнее иных. Так что бойся, Тёмчик, это твоя расплата.

— За что? — с новым зевком спросил Артем.

— За трех боевых товарищей, которых ты отправил к предкам, Студентик. А? Или хочешь

сказать, что в тебе оно не сидит?

Оно сидело в Артеме. Но не так страшно и колко, как думал Птичка. Сидело просто как память, без муки. Потому что он помнил и спасительные Ниткины слова. В начале осени, когда опять заговорили про это, Нитка сказала:

— Артем, не грызи себя. Это судьба. Я уверена: когда ты спас тех мальчишек, ты спас и Кея…

— Как?!

— А вот так! Кей ушел из автобуса потому, что ушли с Бейсболки те два мальчика. Тут взаимосвязь. Я не могу объяснить, но знаю…

И Артем поверил, что она знает. Может быть, какая-то интуиция Безлюдных пространств проникла и в нее…

— Ты хреновый психолог, Птичка, — вздохнул Артем. — Твое место — или в шайке, или в частной охранной структуре, что, впрочем, одно и то же. Там и служишь? Я угадал?

— Ха, птичка! Бери выше! Я консультант по делам безопасности у известного бизнесмена Хлобова. Слыхал про такого?

— Слыхал. Говорят, большая сволочь.

— Ха! Ба-альшая… с точки зрения глупого честного обывателя.

— А я такой и есть.

— Не-ет! Не совсем! Ты ведь убийца! За то и платишь теперь… За то и боишься!

— Недоумок ты, Птичка. Я же сказал тебе в тот раз: это ты должен меня бояться. Потому что недостреленный…

— Ха!.. Ну и что? Так даже интереснее. Достреливай, если можешь! — Он подбросил пистолет и поймал на ладонь. — Хочешь подарю? Уравняем шансы!

— Засунь его себе в задницу. Глушителем вперед. Или рукояткой, если больше нравится.

— Ха! А еще интеллигент, — сказал Птичка и убрал пистолет за пазуху: — Ну, бывай, боевой друг. До следующей встречи. Она будет не такая мирная. — И спиной вперед ушел в темноту улицы. Пусто стало под фонарем, только летели снежинки.

Артем не сказал Нитке про эту встречу. Ей, бедной, и так было нелегко. Она «тянула на себе весь дом». И не только свой. Ей хватоло забот и о чужих, полубеспризорных ребятишках. Артём порой замечал с тревогой, как похудела, даже потемнела лицом Нитка. Порой она сердилась. На Кея кричала, когда приносил двойки и тройки. На Артема дулась, если что-то не сделал, не успел, забыл… «Конечно, ты институтский человек, в

ученых кругах, а я тут кручусь, кручусь...»

Он прижимал ее к себе, лицом зарывался в пушистые волосы, целовал в затылок. Случалось, что она обмякнет и растает, а бывало — высвободит плечи и отойдет.

«Ничего. Наступит весна, и все наладится», — утешал себя Артем.

К тому же какими бы ни были трудными дни, а вечера всегда приносили мир и тепло. Потрескивал огонь в самодельном камине. Посапывал у стола над задачками старательный Кей. Возилась в углу с игрушками пришедшая в гости Лелька. Деловито выкусывал блох прилегший у порога Бом. Неугомонный Евсей постукивал снаружи по стеклу, звал пса-приятеля: айда, погуляем.

Нитка и Артем сидели у огня. Огонь был похож на костер в лагере «Приозерном». Нитка читала вполголоса Гумилева или штопата носки Артема и Кея.

Порой удавалось наладить добытый на свалке телевизор, но он принимал только две программы: на одном канале взрывались автомобили и палили автоматчики, на другом сытые сенаторы обливали друг друга словесными помоями — близились очередные выборы.

Один раз Нитка сказала:

— Артем, мы тут совсем как в тайге…

После этого они дважды ходили в театр. Один раз на чеховские «Три сестры», а потом на «Синюю птицу» в ТЮЗе, вместе с Кеем и Лелькой. А еще раз, когда Артем получил стипендию сразу за три месяца, были в кафе «Неаполь» на дискотеке. Нитке там, кажется, понравилось, Артема же этот музыкальный лай и электрическое мигание утомили до полусмерти. К себе на Пустыри он вернулся, как возвращается в воду с раскаленного берега измученный дельфин.

Впрочем, Нитке он этого не сказал и старательно радовался…

На другой день Нитка спросила будто случайно, между делом:

— Артем, а мы будем жить здесь всегда?

— Нет, конечно! Кончу институт, получу направление. Уедем в новые места, накопим денег на квартиру!

Нитка почему-то вздохнула и накинулась на Кея:

— Я же просила тебя не разбрасывать учебники по кровати!

— Это не мои, а Тёма! Погляди хорошенько!

— Вы два сапога пара!

Дни стояли без сильных морозов, светило низ-

кое желтое солнце, под ним, как мелкие кусочки слюды, искрились снежинки. Подошло Рождество.

Церковь — та, что в летние дни возникала в Пространстве лишь по средам, теперь прочно стояла среди заснеженных кустов и сугробов. Ребята поставили там елочку, украсили самодельными игрушками и цепями из фольги. Никто не знал, разрешают ли это строгие христианские каноны, но Егорыч решил: «То, что на радость детям, — все от Бога».

В сочельник зажгли перед образами свечи, Егорыч рассказал девчонкам и мальчишкам о Марии, Иосифе и Святом Младенце, о Вифлеемской звезде и волхвах. Слушали тихо, шел от лиц чуть заметный парок, потрескивали огоньки. Кое-кто из ребятишек неумело крестился.

Потом был праздник в большом доме тетушки Агнессы, в «классной» комнате. Было угощение из картошки и добытой на складе тушенки, сладкий чай с плюшками, которые напекли Нитка и тетя Агнесса (опять же из муки, найденной в подземельях стратегического склада).

После ужина расселись у печки с открытой дверцей, и Егорыч стал рассказывать историю про Снежную королеву. Переплелись в истории

и сказка Андерсена, и пьеса Шварца, и фантазия самого Егорыча…

Речь старика текла неторопливо, угли потрескивали, луна и месяц заглядывали в окна с разных сторон. Месяц при этом спустился так низко, что порою казалось, будто нижний серебряный рог его просовывается сквозь двойные стекла в комнату.

— …И тогда ледяные иглы в сердце Кея стали таять одна за другой. Превращались в безобидные теплые капли. Сердцу сделалось больно, но это была спасительная боль. С нею в сердце оживала память. Он узнал Герду! Они обнялись. Прозрачные колонны и пирамиды рушились теперь вокруг счастливых мальчика и девочки, но ни одна ледяная глыба не задела Кея и Герду. Снежная королева увидела, что ее царство гибнет безвозвратно. Она кликнула еще уцелевших снежных коней и умчалась куда-то на другую планету. Здесь-то, на Земле, ей больше нечего было делать. Правда, напоследок она прокричала, что когда-нибудь еще отомстит этим непослушным упрямым детям, а заодно и многим другим людям, но Герда и Кей не слушали ее. Они взялись за руки и отправились домой. Дорога предстояла длинная, впереди их ожидало много трудностей,

но детей они не пугали. Теперь они были вдвоем, и это — самое главное…

Старик замолчал и повозился на скрипучем стуле, давая понять, что сказке конец.

— А все-таки как они добрались домой? — полушепотом спросил тихий Валерчик.

— А вот этого я не знаю, — ворчливо отозвался Егорыч. Он устал и фантазировать больше не хотел. — Главное, что добрались. А к а к, придумывайте сами.

— А я знаю, — вдруг сказал Андрюшка-мастер. К нему за-оборачивались. Он смутился, но все же объяснил: — Им повстречался летчик Максим. Посадил их в свой самолет и отвез в ихний родной город…

И никто не заспорил. Видимо, все решили, что такой конец — самый подходящий.

А когда кончились новогодние каникулы, Нитка ушла от Артема. Вместе с Кеем.

2

В тот день Артем вернулся из института рано, желтые лучи еще падали в окно — прямо на покрытый синей клеенкой стол. И там ярко светился вырванный из тетради лист.

«Тём, прости меня! Хотя здесь нечего прощать, никто не виноват. Мы разные. Ты врос душой в эти Пустыри, а я не могу. Я хочу нормальной жизни. И Кей. Ему надо нормально расти и учиться, у него жизнь впереди. Я не прошу тебя: уйдем вместе. Ты не уйдешь. А я больше не могу.

Не сердись. Н.».

Бесшумная лавина пошла на Артема, накрыла его с головой. Какой-то нездешней прозрачной тьмой, глухотой, полной ненужностью жизни.

Он постоял, медленно втянул в себя воздух, зажмурился, рванулся. Стряхнул с себя глыбы этой глухой не жизни.

Как это «ты не уйдешь»? Он сию минуту! Немедленно, следом! Но… куда?

Артем повернул листок: нет ли чего-нибудь на обратной стороне? Ничего, только прилипшая кожурка луковицы.

Артем сел на кровать, вжался теменем в стену. И сидел так, сидел, сидел. И понимал, что это должно было случиться. Э т о или что-то такое же. Птичка грозил не зря. Он, Птичка-то, понимал: расплата не обойдет Студента. Судьба не забудет вину ефрейтора Темрюка.

«Господи!» Ка-ку-ю ви-ну? Разве у меня был выбор?»

«А судьба казнит и без вины виноватых. Наверно, для баланса…»

«Да какая судьба! Просто я дурак! Затащил девчонку в берлогу! Разве ей э т о г о хотелось?»

Он догонит, найдет, вернет!.. Нет, не вернет, а уйдет следом! Вместе уйдут!

Артем оттолкнулся теменем от стены. Встал. Помотал головой и начал методично собирать вещи в обшарпанный чемодан. Белье, бритва, тетради с конспектами…

А куда идти? Где искать?

Сейчас он пойдет к тетке, переночует там. Составит за ночь план: список всех мест, всех знакомых, где могут быть Нитка и Кей. Он их найдет и скажет ласково, без обиды: «Ну, куда мы друг без друга? Мы же связаны одной ниткой. Одной Ниткой…»

За окнами уже синел вечер. Артем с чемоданом шагнул с порога в холод, захлопнул за собой дверь. Наверно, навсегда. Звезды вздрогнули. Серебряный месяц съежился и смущенно укрылся за черной заводской трубой. Артем со скрученным нетерпением в душе зашагал по тропе среди занесенных снегом репейников. Стреканули с тропы несколько зайцев.

Артем дошел до поворота, и там навстречу ему

шагнули трое.

Артем тут же понял, кто они. Потому что двое были взрослые, а третий — Зонтик. Артем сразу узнал его.

Мужчины были в длинных старомодных пальто и меховых шапках, а Зонтик в короткой расстегнутой курточке и с непокрытыми длинными волосами.

— Артем Викторович, простите, — сказал один мужчина голосом старого курильщика. — Можно вас на полминуты? Тут такое дело…

— Какое еще дело! — Они что, намерены удержать его?

— Тём, ну пожалуйста, — вдруг попросил Зонтик. Голосом, похожим на голос Кея.

— Ну… что? — Артем обмяк.

Второй мужчина (с голосом и повадками молодого человека) начал осторожно:

— Мы всё понимаем. Но если вы уйдете сейчас…

— А я уйду!

— Да… но тогда здесь никогда не наступит весна.

— Почему? — глупо спросил Артем.

— Не знаем… Мы ведь тоже не всё знаем. Видимо, таковы законы Пространств.

— Мне-то что до них… теперь?

— Вам-то уже, возможно, ничего, — виновато откликнулся «курильщик». — А им до вас — много чего, Пространствам-то. Вы здесь самый молодой из взрослых жителей, самый сильный. На вас замкнута надежд а.

— Мне-то что…

— Тём, но без тебя не будет весны, — тихо и, кажется, со всхлипом вставил свои слова Зонтик. — И тогда… как же ребята? И Лелька, и все… А Нитку и Кея все равно до весны не найдешь.

— Почему?!

— Потому что надо, чтобы не перестал разрастаться Город…

Самый момент был, чтобы психануть для облегчения души. Чтобы скинуть всю эту чертовщину! Но «и Лелька, и все…».

«А разве я за них отвечаю?»

«А разве нет?»

Артем с отчаянием представил цепь грядущих одиноких вечеров.

«Нет!»

Но сказал угрюмо и неуверенно:

— А когда же весна?

— Возможно, скоро, — отозвался «молодой». — Возможно, совсем скоро, если попросить Егорыча

заварить поплотнее на трубе заслонку. Чтобы не сочился холод.

«Вот и попросите? А я-то при чем?!»

Но вслух Артем ничего не ответил. Вместо отчаянного желания спешить, искать было теперь вязкое утомление.

А Зонтик сказал шелестящим шепотом:

— Тём… если ты уйдешь, дом станет пустой. Вдруг они вернутся, а тебя нет?

«Да! А вдруг они в е р н у т с я?»

Месяц выплыл, и у Зонтика в волосах заискрились застрявшие снежинки. Зонтик повернулся и стал уходить. Двое мужчин пошли за ним. Бесшумно так…

Артем постоял и пошел домой. Разжег в камине дрова. Бросил в пламя Ниткино письмо. Обессиленно сел у стола, лег щекой на клеенку. Оранжевый огонь плясал, трещал. Даже чуточку успокаивал. Конечно же, зашевелились в памяти стихи (то ли бунинские, то ли чьи-то еще):

Что ж, камин затоплю, буду пить.

Хорошо бы собаку купить…

Пить было нечего. Покупать собаку не было необходимости. Она пришла сама, умело открыв лапой все двери. Положила морду Артему на

колени.

— Ты уже про все знаешь, Бом?

Тот виновато шевельнулся.

— Бедолаги мы с тобой, Бом…

Пес вздохнул. Он-то не был бедолагой, но выразил Тёму полное сочувствие.

— А может, они и правда вернутся?

Бом неуверенно постучал хвостом. Видимо, он не исключал такой возможности, но большой уверенности не испытывал.

На дворе холодало, ледяное кружево быстро затягивало окна. Снаружи его серебрил месяц, а из комнаты золотил огонь. Узоры мельтешили, складывались в незнакомые рисунки. На миг возникло в окне лицо Снежной королевы — как в известном с детства мультфильме.

Артем еще малышом-дошкольником любил смотреть этот фильм. Вместе с мамой. Любопытно было и страшновато: не пробралась бы в комнату прямо с телевизора или через щель в форточке эта красивая, но ледяная тетка. Однажды Тём, будто шутя, спросил маму: не проберется ли? Мама засмеялась:

— Не проберется, если будешь хорошо себя вести.

А сейчас? Он вел себя хорошо? Или кругом ви-

новат? Мама-то все равно простила бы. А Снежная королева не прощает — никого и никогда…

Потом пошли дни и вечера одиночества. Впрочем, днем одиночества почти не ощущалось. Артем глушил себя делами. Сжав зубы, сдал зимнюю сессию (а что делать: не сдашь — останешься без стипендии, тогда хоть подыхай). Занимался с ребятами историей, раздобыл для них на институтской турбазе старые, списанные лыжи, устраивал походы по дальним окраинам Пространств. Их было много, неизведанных окраин…

Ребята деликатно не спрашивали про Кея и Нитку. Только Лелька сперва приставала с расспросами. Артем сказал, что у Нитки завелись всякие простудные хвори и ей пришлось уехать на юг, к дальним родственникам, а Кей не мог отпустить сестру одну в дальнюю дорогу.

— А когда они приедут назад?

— Когда Нитка поправится.

— А когда поправится?

— Ох, Лелька, кабы знать. Может быть, к лету…

— А когда лето?

— Не знаю, Лелька. Может быть, скоро…

Однажды по дороге в институт Артем встретил скульптора Володю. Тот с осени жил в своей

городской квартире, у сестры, и на Пустырях появлялся редко. Но, оказалось, он знает про Нитку и Кея. Мало того!

— Еще бы не знать, Артем! Она и Кей два дня прожили у меня, прежде чем уехали из города.

— Куда уехали?!

— Не знаю, честное слово. Они не сказали, чтобы я тебе не проболтался.

— А когда они жили у тебя, ты не мог мне сообщить?!

— Я обещал Нитке, что не скажу. Иначе она сразу ушла бы… Артем, это все равно не помогло бы, если бы ты прибежал. Только хуже…

— Володька, почему она так? В чем я виноват?.. То есть виноват, да, но почему она ничего даже не сказала?

— А я знаю?.. Тём, она мне говорила, что, может быть, потом…

— Что потом?

Он пожал плечами, молча пожал Артему руку и ушел, сутулясь.

3

Вечера были порой невыносимы. Иногда Артем покупал четвертинку. Но водка помогала не надолго. После нее приходила новая тоска. Спасаясь

от тоски, Артем часто уходил к Егорычу. Пили чай, говорили о том о сем. Егорыч иногда рассказывал про детские годы. Говорил, что думает написать про них книжку «Солнце Лопуховых островов». Она будет совсем не похожа на «Черных кирасир».

О Нитке и Кее не говорили. Но однажды Егорыч не выдержал, оборвал рассказ о пережитом, глянул внимательно.

— Тём, друг любезный, так нельзя, перестань изводить себя.

— Да я вроде бы и не извожу…

— Изводишь. У тебя уже лица нет, остались очки да нос. Взгляни сам… — Старик снял с полки зеркальце. То, перед которым брился по утрам.

Зеркальце было размером с открытку. Простенькое, без рамки. Артем взял. Плоское стекло оказалось почти невесомым. И… будто не зеркало, а окошко в соседнее пространство. Из того пространства глянул на Артема худой, похожий на очкастую растрепанную ворону парень с кровавыми трещинками на губах.

«Это я?» — охнул Артем.

Он и раньше видел себя в зеркале. Ведь брился же, хотя и не регулярно! Однако это зеркало было особое. Словно выпячивало всю его, Артема, сущ-

ность, всю правду…

— Что это за… оптический аттракцион?

— А ты такие штучки не видел раньше? Их много на свалках.

— Не попадались…

— Это элементы облицовки боевых звездолетов… Было время, когда господа генералы решили: на Земле воевать уже тесно, пора выбираться с этим делом в космос. И разместили на заводах заказы, чтобы построить несколько орбитальных крейсеров. Но дело оказалось чудовищно дорогое, не потянули. А потом начались вообще другие времена… А обшивку успели сделать, валяется теперь на складах и в мусоре… Говорят, эта чешуя способна была отразить даже термоядерный удар. Мало того… смотри…

Егорыч взял зеркальце, поймал им свет яркой лампочки, пустил на стену зайчик.

— Ну-ка подставь ладонь.

Артем подставил. Мягкое тепло надавило на кожу, разогрело ее. Сделалось горячо. Артем отдернул руку.

— Видишь, — с удовольствием сказал Егорыч. — Собирает и усиливает всякую энергию. Идеальный отражатель. Я этими штучками выложил заслонку трубы, когда заваривал

окончательно. Чтобы не просочилось никакое космическое зло…

— Крепко заварил-то? — спросил Артем, потирая обожженной ладонью холодную щеку.

— Намертво…

Но каждый вечер торчать у Егорыча было неловко. Артем оставался в своем доме сам с собой. Иногда — с Бомом. А случалось, что с Бомом и рыжим Евсеем, который вел себя как домашний кот, только не мурлыкал.

Что было делать? Вспоминать и ждать. Но вспоминать — значит, травить душу. А ждать… чего? Сколько?

Однажды… пришел Зонтик. Постучал в дверь, шагнул через порог и сказал просто, будто уже не раз бывал здесь:

— Здравствуй. Можно я у тебя посижу?

— Входи… — Артем посторонился. Со странным, похожим на слабенькую ожившую надежду чувством.

Зонтик сел у огня, вскинул на Артема курносое лицо.

— Я не помешал?

— Ничуть… — Артем сел напротив.

Зонтик был в легкой расстегнутой курточке и клетчатой рубашке, в мешковатых подвернутых

джинсах, в плетеных сандалетках на босу ногу.

— Ты чего так по-летнему гуляешь? Сугробы на улице.

— А, нам все равно! — он улыбнулся, как умел иногда улыбаться Кей.

Артем дрогнул сердцем, но сказал ворчливо:

— Кому это вам? Сомбро? Тогда почему те двое были в зимних пальто?

— Для порядка. Они же большие, соблюдают правила.

— А ты… для тебя правил нет?

Зонтик посмеялся негромко, сандалеткой безбоязненно шевельнул горящее полено.

— Для меня как когда. Как захочу…

«Зонтик, ты кто? Ты человек?» — чуть не сказал Артем. Но вместо этого сказал другое:

— Хочешь чаю?

— Ага! А то я с утра ничего не ел.

«Ты человек. Ты пацан, у которого какие-то неприятности…»

Зонтик выпил две кружки с большущими порциями сахара. Сжевал несколько черствых ватрушек, которые вчера принесла от бабы Кати Лелька.

— Тём, а можно я у тебя переночую?

— Да пожалуйста! Хоть насовсем оставайся… А

что случи-лось-то?

— Да ну их! Я с ними опять поругался. С теми, с большими…

— Почему?

— Потому что… думают, если взрослые, значит, всё понимают. А на самом деле… Я им говорю: когда начнется весенняя миграция скворечников, надо их обязательно пустить через Нулевой темпоральный пояс. Это в сто раз увеличит распространение. А они: «Ты безответственный мальчишка! Мало тебе той истории с картой! Опять вызовешь временной дисбаланс…» Я бестолково объясняю, да?

— Вполне толково… Зонтик, а ты ничего не знаешь про Нитку и Кея?

Он поскучнел. Поцарапал ногтем заплату на джинсах.

— Ничего не знаю. Правда… Я бы и сам хотел знать, ведь мы с Кеем стали почти совсем уже друзья. А он вдруг… — И Зонтик стал смотреть в огонь.

— Зонтик. А может, знаешь другое? Когда придет весна?

Зонтик опять посмотрел на Артема. Глаза были темные от серьезности. И все-таки — уж не мелькнула ли в них искорка лукавства?

— Тоже не знаю, Тём. То есть точно не знаю. Может, через две недели, а может, и завтра…

Плотный и мягкий, совсем не зимний ветер тряхнул стекла и крышу. Шарахнулось в камине пламя, замигала и ярче разгорелась лампочка.

Зонтик повернул к потолку лицо. Быстро встал.

— Тём, я, пожалуй, не буду ночевать у тебя. Кажется… уже…

Он шагнул к двери. Та открылась сама собой (ветер затрубил в дымоходе). Зонтик прыгнул с крыльца, махнул Артему ладонью и пропал в сером влажном сумраке. И… почти сразу вернулся. Шагнул опять к дому.

Нет, не Зонтик. Тоже мальчишка, но в длинной куртке, в шапке с пушистым шариком.

— Тём…

Сон? Причуда тьмы и ветра?

— Кей?.. Господи, Кей!

IV. ЗЕРКАЛА

1

Артем сразу понял: Кей — один. Но все равно счастье! Все равно это ниточка! «Ниточка — к

Нитке…» Да и сам Кей — это же радость! Братишка…

Он втащил Кея в дом, вытряхнул из заснеженной куртки, усадил к огню. «Откуда ты явился? Где ты был? Где Нитка? Что с ней?» Ничего этого он не сказал. Спросил, как недавно у Зонтика:

— Хочешь чаю?

— Конечно! Я целые сутки не ел. Сперва поезд, потом автобус, а деньги я посеял, карман дырявый… Тём…

— Что?

— Тём, я вот… пришел. Потому что больше не могу. Ну, без всего, что здесь… Без Пространств… Сперва Нитка не отпускала, трудно было одной, а теперь полно подружек, помогают. И она сказала: «Иди уж, ничего с тобой не поделаешь…»

Тогда Артем все же сказал:

— А где она, Кей?

— В Неплянске, в общежитии живет, у нас отдельная комната. Работает в ателье «Атлантида»… Тём, ты не думай… про такое. У нее никого нет, только подружки…

— Я и не думал, — с облегчением соврал Артем. — Кей, но все-таки…

— Тём, подожди. Я поем и расскажу…

Они, не раздевшись, улеглись рядом на кро-

вати. Кей притих под боком у Артема. И Артем понял, что пришло время спрашивать.

«Почему же она ушла? Как она тебе объяснила? Как вы там жили? Что будет дальше?.. И что делать мне?»

Вместо этого он неуклюже спросил:

— Ты в школу-то там ходил?

— Ага… Тём, Нитка ушла, потому что боялась.

— Чего?

Кей вздохнул.

— Пространств? — тихо сказал Артем.

— Да…

— Но… мы же могли уйти вместе!

— Она поняла, что ты не сможешь. Что ты слишком врос.

— Что за чушь!

— Не чушь, Тём… Я тоже врос. Но про меня она думала, что это не насовсем, потому что не взрослый. А потом поняла и отпустила… И еще не хотела, чтобы ты тут был один…

— Спасибочки… — глупо буркнул Артем.

— А еще не хотела, чтобы ты уходил отсюда… потому что Птичка…

— Что — Птичка?

— Она боится, что он достанет тебя. Сюда-то он не сунется, а в других местах…

— Вот уж бред-то! — старательно возмутился Артем.

— Не бред…

— Что же мне теперь? Из-за Птички всю жизнь сидеть на Пустырях? Все равно я каждый день хожу в институт, ребят встречаю у школы…

— Ага. Я так же говорил. А она свое… А главный ее страх — за ребенка.

Артем быстро сел.

— За кого?

— За ребенка… Ну, ты чего? Как в детском садике. Столько прожили вместе, и ты думаешь, никто в ней не завёлся?

Артем посидел. Лег навзничь. Сказал тихо и железно:

— Завтра же поедем к ней. Покажешь дорогу.

— Ладно. Только… Тём…

— Что еще?

— Давай не завтра, а через несколько дней. Нитке там ничего не грозит, а ребенок будет только через три месяца.

— Но зачем эти несколько дней?

— Понимаешь, весна только-только началась. А надо, чтобы появилась трава. Это будет скоро, дней через пять…

— Ну и что?

— Начнутся весенние переходы скворечников, и в Пространствах откроются пути. Ну, такие, вроде как до Города. И можно до всяких дальних мест добраться за полчаса, без автобусов и поездов.

— Бред какой-то, — опять сказал он.

— Ну, Тём… Ты же знаешь, что не бред.

— Ничего я не знаю… А почему она боится за малыша? Думает, что здесь он родится уродом каким-нибудь? Мутантом?

— Боится, что родится «вросшим». И не сможет без Пространств, как рыба без воды.

«А что, если правда?»

— Чушь!

— Тём, я ей тоже говорил, что чушь! А еще говорил: «Ну а если даже и так? Разве нельзя жить на Пустырях? Чем плохо?» А она: «Всю жизнь в этих развалюхах и буераках?»

— А ты?

— А я… Тём, ну и пусть буераки! Зато кругом друзья! Никто никого не обижает!

— Кей, ты рассуждаешь как дитя. От жизни не спрячешься ни в каких Пространствах. Не будешь ведь до старости играть в индейцев среди репейников и развалин.

— И не надо! Скоро тут будут не только репейники и развалины!

— А что будет?

— Город же растет! И приближается! Ну, тот Город, где мы нашли лекарство! Скоро он будет виден сквозь Пространства. Как тень. А по пятницам станет открываться полностью… Помнишь, как церковь открывалась по средам? А потом, как она, Город сделается настоящим. Насовсем…

— Представляю, какой в здешнем городе подымется тарарам, — сказал Артем утомленно. Почти без удивления.

— Никакой не подымется! Все решат, что так и надо. Что так было всегда…

— Кей, я, может быть, и в р о с, но еще не готов к такой мистике.

— Ну и не надо. Когда она случится, привыкнешь.

И Артем… стремительно привык. Будто наяву увидел, как они втроем — Нитка, Кей, Артем — идут по вечернему Городу среди старинных домов, среди запаха цветущих трав и шороха фонтанов, под неярким светом узорчатых фонарей. Кто-то смеется в сумерках, а на руках у Артема, уткнувшись носом в его плечо, тепло посапывает малыш с пушистой, пахнущей одуванчиками головой. И нет впереди ни горестей, ни страха…

Но на самом деле горести и страхи были. И

Артем дернулся опять:

— Кей, мне надо к ней скорее… Если я… если ей на меня наплевать, то пусть! Это ее дело! Но малыш-то не только ее, но и мой!

— Тём, ей не наплевать. Иначе она разве бы отпустила меня к тебе…

— Тогда почему она…

— Я же сказал. Боится за маленькую. Я ей говорю: ну и пусть родилась бы у нас, где жили, росла бы на Пустырях с малолетства. Стала бы как ниточка между Пространствами и всей Землей. И где бы она потом ни оказалась, вокруг нее появлялось бы новое такое же Пространство… А то пока лишь скворечники делают эту работу.

— Кей, а почему ты говоришь «она»? Мне кажется, будет мальчишка…

— Врачи сказали, что девочка. А что? Разве плохо? Будет сестренка. Вроде Лельки…

— Да нет, не плохо… Кей, а почему Нитка ни разу не написала? Я ходил на почту, спрашивал, нет ли писем до востребования, а она…

Но Кей уже спал, подтянув к подбородку колени в продранных джинсах. А за стеклами и крышей победно трубил весенний ветер.

Весна пришла стремительно. Так бывает лишь в сказочных странах. Утром все увидели, что

почти не осталось снега. К полудню он исчез совсем и проклюнулись первые травинки. К вечеру зацвела мать-и-мачеха. Набухли почки и замелькали первые бабочки.

— Дождались-таки тепла, слава Создателю, — крестилась бабка Катя. По случаю весны она приняла «грамулечку». Лелька утром как вцепилась в Кея, так и не отходила от него ни на шаг. И Кей вместе с нею носился по Пустырям, отыскивая старых друзей.

В полдень кто-то ударил в колокол, откликнулись другие колокола и рельсы, и поплыл над Пространствами перезвон, которого не было слышно с осени.

Да, весна неудержимо набирала силу. По крайней мере, на Безлюдных пространствах. Как там на улицах, за границей Пустырей, Артем не знал. Он не выходил в город. Весь день просидел в доме у окна, слушая звон и ребячьи крики. Были в нем и странная расслабленность, и тревожное нетерпение… и боязнь пошевелиться. Вдруг двинешься — и пропадет весна, пропадет надежда и окажется, что не было Кея.

Кей примчался под вечер. Сдернул и кинул в угол курточку.

— Тём, ух и теплынь! — Он загремел на кухне

крышками от кастрюль. — А почему пусто? Ты весь день ничего не ел?

— А ты?

— Я-то у ребят!..

— А мне не хотелось…

— Твое счастье, что Нитки нет! Она бы тебе показала «не хотелось»!

«Ох уж счастье…»

— Кей, трава уже показалась. Когда пойдем?

— Ну, Тём… Скворечники еще не двинулись, только сбиваются в стаи.

— Ну тебя со скворечниками! Давай поездом.

— Тём…

— Что еще?

— Понимаешь… прежде, чем уходить, надо убедиться, что Пространствам ничего не грозит.

— Новое дело! Что им может грозить? Старик намертво заварил трубу.

— Не из трубы… Зонтик сказал, что они чуют опасность снаружи. Может, и ничего страшного, но давай подождем пару дней, а? На всякий случай…

2

Опасность проявила себя буднично, казенно…

На следующее утро Артем пошел в институт,

чтобы узнать

о предстоящем февральском семинаре по философии. Какой там семинар! Оказалось, что на улице уже конец марта. Причем такого же теплого, как весна на Пустырях.

«Ох и скандал будет в деканате…»

Артем зашел на почту, и там ему дали письмо. Нет, не от Нитки. На конверте был жирный гриф: «Городская управа. Отдел социальных программ». Внутри оказался листок с тем же грифом и мелким компьютерным текстом:

«Г-ну Темрюку А.В.

Настоятельно просим Вас 28.03 с.г. зайти в удобное время в наш отдел к г-ну Хатову Ю.Ю. по вопросам, касающимся Вашего земельного участка и др.».

И стояла рукописная закорючка.

Выяснилось, что (конечно же!) двадцать восьмое именно сегодня. Время было не очень-то удобное, надо бы в институт, но тревожное ожидание неприятностей оказалось сильнее здравых рассуждений. И Артем на троллейбусе поехал в центр, в мэрию.

«Что им за дело до моего участка? И какие там еще «др.»? Наверняка Зонтик был прав…»

Г-н Хатов Ю.Ю. оказался моложавым, гладко

причесанным клерком довольно интеллигентного вида.

— Садитесь, прошу вас, Артем Викторович. Очень хорошо, что откликнулись на приглашение. Суть дела вот в чем. Компания господина Хлобова договорилась с городскими властями о строительстве кооперативного рынка и зоны с автостоянками и гаражами на северо-западной окраине города. Частично строительство захватывает и так называемые Пустыри. Вы, как нам известно, некто вроде неформального лидера в этом… гм… своеобразном жилом районе. И управа была бы благодарна вам, если бы вы провели среди населения разъяснительную работу. Так сказать, о необходимости переселения…

— Какого переселения? У меня там законный земельный участок! Собственность! Или уже отменили конституцию? В угоду господину Хлобову?

— Артем Викторович, всем, у кого участки, будет выплачена положенная по закону компенсация…

— Знаю я ваши компенсации! Гроши!

— …Положенная по закону. Однако же большинство участков там занято самовольно и строения заселены, как говорится, явочным порядком.

Не хотелось бы эксцессов, но вы же понимаете, что городские власти при необходимости не остановятся перед самыми интенсивными мерами…

— Господин Хатов Ю.Ю., — сказал, закипая, Артем. — Надеюсь, вы не самая высшая инстанция в решении этого вопроса?

— Разумеется, нет. Я лишь исполнитель. Но решение принято во в с е х инстанциях. Расчистка начнется уже завтра, так что советую поторопиться. Бригада бульдозеров уже выдвинута на границу Пустырей…

Уходя, Артем изо всех сил грохнул дверью. Вернее, хотел грохнуть. Но она пошла плавно и тихо чмокнула мягкими амортизаторами, словно подчеркнув беспомощность протеста.

В самом деле, куда жаловаться, с кем спорить? Этот Хло-бов наверняка заплатил за нужное решение столько, что куплена вся управа. И к тому же они в самом деле поступают «по закону».

Неподалеку от Городской управы (вот уж одно к одному!) Артем столкнулся с Птичкой. Тот был в добротном костюме и при галстуке. Но прежний.

— Ха, Студент! Пытался обжаловать свои Пустыри? Не выйдет, птичка, наша фирма сбоев не дает.

— Значит, в этом сволочном деле есть и твоя

доля?

— Не доля, а идея! Я же обещал тебе «сладкую жизнь».

— П-понятно. Выходит, отказался от пистолета?

— Он мне пока ни к чему…

— Значит, сделал с ним то, что я советовал? Молодец, — злорадно сказал Артем. И пошел прочь.

Он возвратился на Пустыри и первым делом пошел к Его-рычу. Тот уже все знал. Потому что у него сидел Володя. Здесь же притулились по углам несколько пацанов: Андрюшка-мас-тер, очкастый Костик, белобрысый Валерчик. И, конечно, Кей с Лелькой.

Артем сумрачно изложил беседу с Ю.Ю.

— Ничего у них не выйдет, — вдруг подал голос тихий Валерчик. — У бульдозеров на Пустырях заглохнут моторы.

— Боюсь, что не заглохнут, — отозвался Володя. — Машины мощные. Да и вообще «против лома нет приема».

— Задержать бы их до того дня хотя бы, когда приблизится Город, — тихо сказал Кей. — Зонтик говорит, что никто уже тогда не сунется.

— Мифы Безлюдных пространств, — вздохнул Володя.

— Да не мифы, — возразил Егорыч. — Но… как задер-жишь-то?

— А может, они сюда не скоро доберутся? — неуверенно сказал Артем. — Пока что собираются расчищать западный край. Я видел — бульдозеры стоят именно там. А жилья там, к счастью, нет.

— Не все ли равно, в каком месте проткнут воздушный шарик, — мудро заметил очкастый Костик.

Они с Кеем посмотрели друг на дружку и стали пробираться к выходу. Поманили за собой Андрюшку и Валерчика, а потом Кей незаметно поманил и Артема.

У домика Егорыча по-прежнему висела на столбе железная пластина. Кей поднял с земли березовую колотушку, ударил по ржавому металлу. Звон упруго разошелся в теплом воздухе. И всюду послышались ответные удары. И еще, еще: колокола, рельсы, гулкие стальные баллоны… И пошло звенеть — празднично и беззаботно — над всеми Безлюдными пространствами, которые уже курчавились весенней зеленью, желтели россыпями одуванчиков.

Но разве этот звон может прогнать реальные беды и тревоги?

Артем поглядел на ребят.

— Боюсь, вы что-то надумали…

— Почему ты б о и ш ь с я? — хмыкнул Кей.

— Вот и хочу знать, почему…

Кей тряхнул головой:

— Не бойся. Зонтик сказал, что Пространства защитят себя.

— Значит, вмешаются сомбро?

— Нет… Сомбро не имеют права воевать с людьми. Ни с какими. Это разрушит их структуру. Но мы ведь тоже частичка Пространств!

— И вы хотите воевать? — холодея в душе, но с усмешкой умудренного взрослого спросил Артем.

— А чего? — бросил зеленый взгляд исподлобья Андрюшка. А Костик стал протирать очки подолом грязной майки.

— П-понятно. Даже догадываюсь, как именно. Взяли бутылки с горючей смесью — и на бульдозеры. Да?.. Уши оторву.

— Тём, ну при чем тут бутылки? — сказал Кей с тихой укоризной.

— А тогда — что?

— Помнишь, как Архимед сжег вражескую эскадру?

— Не помню, меня там не было… А! Он направил на корабли солнечные отражения зеркал!..

Ну и что? Там были громадные бронзовые зеркала. Где вы возьмете такие?

— А нам и не нужны такие! Помнишь то, которое у Его-рыча?

«О-о-о…» — сразу все понял Артем.

— Вы обалдели? Там в бульдозерах люди!

— К счастью, там нет людей, Артем, — деликатно возразил Костик. — Это машины-роботы. Кто же пошлет водителей живьем в аномальную зону…

— Ну, сожжете, а что дальше?

— А дальше они поймут: нечего сюда соваться, — дерзко отозвался Кей. — Себе дороже…

— Ничего у вас не выйдет, — сумрачно сказал Артем. — Зеркала маленькие.

— Выйдет, — веско сообщил Андрюшка-мастер. — Мы уже пробовали. Железные бочки загораются как бумага.

— А если будет пасмурно, без солнца?

— Пфы! — сказал Кей. — Зачем этим зеркалам солнце? Им хватит одной свечки. Ты только не мешай нам, Тём.

— Что значит «не мешай»?

— Ну… не говори все время «пошли, пошли к Нитке». Потерпи до завтра…

Утро и правда было пасмурным. Серым и теп-

лым. Ребята, будто играя в войну, заняли позиции в репейниках. Было человек пятнадцать мальчишек, девочек на опасное дело не взяли.

Артем остался в стороне — как взрослый, которому неудобно участвовать в детских шалостях. Он сохранял насмешливо-снисходительный вид. «Если не веришь, зачем идешь?» — незадолго до этого сказал ему насупленный Кей. «Балда! Чтобы никто не попал под гусеницы!»

Андрюшка-мастер зажег не свечу, а старую керосиновую лампу. Издалека огонек ее казался желтым, похожим на озябшую бабочку.

«Господи, на что они надеются? Они просто играют…»

Андрюшка пристроил лампу на проплешине среди молодых лопухов. Костик заслонил ее со стороны «противника» ржавой железной пластиной.

«Противник» расположился по ту сторону щелястого забора, который на этом участке огораживал Пустыри. Семь громадных оранжевых бульдозеров с задранными лемехами.

Они стояли на голой кремнистой площадке, которую обступали низкие кирпичные здания (не то старые казармы, не то мастерские). Артем видел их сквозь широкий пролом в досках забо-

ра, напротив которого занял наблюдательный пункт. (Чувствовал он себя по-дурацки и тревожно; а позади ожидания и тревоги настойчиво толкалась мысль, что надо скорее в Неплянск, к Нитке.)

Вокруг бульдозеров было тихо и пусто. И казалось, что так будет всегда. Ребят тоже не было видно. Лишь скользили иногда по лопухам и доскам желтые пятна — усиленный «космическими» зеркалами свет керосинового огонька. Артем мельком посочувствовал лампе: она, старушка, в давние времена освещала, наверно, уютный стол в какой-нибудь кухне или гостиной и не помышляла о войне в аномальной зоне, и вот на тебе… Он и сам-то ощущал себя чем-то вроде такой лампы, против воли ставшей деталью боевого излучателя.

Желтые зайчики метались по забору. Несколько сошлись было в яркое пятно и сразу разбежались, потому что доска задымилась.

Надсадно вскрикивали вороны…

А если сегодня бульдозеры не начнут работу? Ждать и маяться еще сутки?

На площадку выехал пыльно-зеленый железный фургон. Вроде походного генератора (Артем видел такие в армии). Никто из фургона не вы-

шел, но бульдозеры ожили. Замигали фарами, зарокотали, залязгали. Выстроились в тесную неровную шеренгу. Опустили свои блестящие лемехи, как рыцари перед атакой опускают забрала. Дернулись туда-сюда, зарычали сильнее и двинулись вперед.

Стая ворон с гвалтом поднялась над ближними березами.

Чего хотели машины? Вернее, люди, которые командовали ими из фургона. Разровнять ближние мусорные кучи? Снести несколько полуразвалившихся кирпичных будок? Или просто показать, кто здесь настоящий хозяин?

Бульдозеры смяли забор, как ограду из спичек, прошли еще несколько метров и… дальше все случилось очень быстро.

Машины вспыхнули одна за другой оранжевым огнем. И выше этого огня выбросили черный крутящийся дым. Да, ребятишки действовали умело.

Некоторые машины стали сразу. А другие проползли еще метров пять, закрутились на месте и тоже замерли. Пламя было бесшумным, стояла тишина (только орали вороны).

Ребята стреканули из зарослей назад. Кей подскочил, дернул Артема за рукав.

— Всё! Уходим!

И они побежали. И Артем чувствовал себя, как один из мальчишек, поджегших сарай вредного соседа…

Остановились только в сотне метров от «поля боя».

— Тебе не кажется, что мы преступники? — часто дыша, сказал Артем.

— Не-а… — Кей беззаботно вытаскивал мусор из кудлатых светло-пепельных волос.

Вдали послышался вой пожарных машин.

— Не проедут, — с удовольствием сказал Кей. — Тоже загорятся. Не сразу, конечно, сперва задымят… Сейчас будут загораться все, кто захочет проехать сюда для всяких вредных дел… — Он хихикнул: — Ученые станут ломать голову. А разгадка легкая: Пространства впитали в себя программу…

— Ох, Кей… — только и сказал Артем, глядя на дымные столбы.

В это время разошлись облака, и горячее утреннее солнце буквально вылилось на Пустыри. От пасмурности не осталось следа. И поплыл над Безлюдными пространствами привычный перезвон.

Артем шагнул было к дому.

— Ты куда? — весело сказал Кей. — Идем в Неп-

лянск. Пора…

3

Пустыри не кончались. Они незаметно перешли в луга и перелески. Возможно, это было продолжение все тех же Безлюдных пространств. Сделалось уже совсем лето. Цвел на полянах клевер, травы сделались высокими, над ними гудели шмели. Струился жаркий луговой запах.

Кей снял свою тонкую курточку, начал скручивать жгутом. Что-то мешало. Кей выхватил из кармана зеркальце. Одно из т е х.

— Тём, возьми себе, пожалуйста…

Артем сунул зеркальце в широкий нагрудный карман рубашки. От стекла шло приятное тепло. Кей свернул курточку, опоясался ею. Затем сдернул разорванные вконец кроссовки. Повертел их и зашвырнул в траву. Подвернул джинсы и зашагал босиком. Артем заметил, что он опять прихрамывает. Но не сильно, чуть-чуть.

Артему тоже захотелось разуться, но он не решился. Он опасался излишней беззаботности, словно можно было искусить судьбу.

Так шли они через лето с полчаса или дольше. Кей впереди, Артем за ним в двух шагах. Иногда впереди кто-то шастал среди высоких стеблей и

листьев — будто пробегали стайки небольших животных. Может, правда, скворечники?

Артем посмотрел по сторонам и слева, над заброшенной линией электропередачи, увидел бледную круглую луну. А справа, над верхушками ближнего ельника, висел маленький, какой-то карманный месяц.

Здравствуй, месяц и луна,

Здравствуй, странная страна, —

сказал Артем в спину Кею. Он думал, Кей оглянется и улыбнется. Тот и правда оглянулся, но… какая уж там улыбка! Он чуть не плакал.

«Господи, что опять?!»

— Кей…

— Тём… Я не знаю… Я, наверно, зря повел тебя. Наверно, ничего не выйдет…

— Почему? Боишься, что она не захочет со мной разговаривать?

— Да я не про то! Боюсь… что не дойдем.

— Почему? Ты заблудился?

— Я не заблудился… Это… дорога заблудилась. Или нарочно ведет не туда. Тём, Зонтик говорил, что в Нулевом поясе бывают такие истории. Но мы-то здесь при чем? Мы шли точно за скворечниками!

В таких случаях кто-то должен оставаться спокойным. Очень спокойным.

— Кей, иди сюда, поближе. И ничего не бойся.

Он подошел, вскинул большущие мокрые глаза.

— Тём, разве я за себя боюсь? Мне-то что… я один раз уже умирал. — И уронил голову.

— Я тоже, — холодно сказал Артем. — Значит, мы в одинаковом положении. Не паникуй. Ничего нам не грозит.

— Я даже не про то, что нам. Я… вообще… — Кей зябко съежил плечи.

Артем впервые видел его таким беспомощным. Полным страха. Этот страх едко просочился и в Артема.

— Да что с тобой! Очнись! — рявкнул Артем (на Кея и на себя). — Что случилось-то?! Все спокойно, все тихо кругом…

— Ну да, — горько отозвался Кей, — в том-то и дело. Послушай эту тишину.

Артем прислушался. Тишина была полна тонким, на грани ультразвука, звоном. Не тем добрым звоном безмолвия, который нагоняет обычно летний загородный день, а чем-то вроде неслышной напряженности электросхем.

— Ну и что? — Артем старательно прогнал

страх. — Все нормально. Выражаясь поэтически, «дыханье летнего полдня»…

— Это дыхание Нулевого темпорального пояса, — обреченно сообщил Кей. — Боюсь, что мы вляпались, Тём.

— Но куда?

— Не «куда», а в «когда».

— Не понял.

— Я и сам не понял…

— Кей, не вибрируй. Куда-нибудь все равно выберемся. Наткнемся на знакомые места, и…

— Да места-то и так знакомые! — звонко сказал Кей. — В том-то и дело! Сейчас перейдем холм и будет шоссе!

— Ну и что?

— Если бы знать, *«что»,* —со взрослой ожесточенностью отозвался вредный мальчишка. — Ладно, идем…

Они перешли плоский бугор и оказались в высоком сосняке. Пахло молодой разогретой хвоей. Сквозь лесок шла разбитая асфальтовая дорога. В кюветах синели густые тяжелые колокольчики. Стоял кривой столб с числом 144 на облупленной табличке.

— Вот… — Кей сел у кювета и обхватил продранные джинсовые колени. Оглянулся на Артема

через плечо. — Здесь то самое место, где взорвался наш автобус… Или должен взорваться.

— То есть? — сказал Артем. Подчеркнуто холодно, чтобы задавить в себе новый страх. — Что значит «должен»?

Кей лег навзничь, закинул руку, дотянулся до обрывка газеты, застрявшего в колокольчиках. Наверно, эту бумагу бросили неряхи-туристы. Кей подержал ее у лица. Непонятно хмыкнул. Протянул Артему.

— Посмотри. Тут число…

— Да. Восьмое июля. Лето… Ну и что? Мы и не такие фокусы видели… А может, газета прошлогодняя?

— Бумага-то совсем свежая. Это вчерашняя газета.

— А почему тогда не сегодняшняя?

— Потому что это местная «Вечёрка». Сегодня еще не вышла.

— Ну и черт с ней! Нам-то что?

— Тём, погляди на год…

— Ну и… о черт! — На свежем, еще сохранившем газетный запах клочке значилась дата трехлетней давности…

— Тём, восьмое июля т о г о года было здесь всегда. И это… день, когда случился взрыв… Тём,

он еще не случился.

Артем ощутил, будто внутри у него тикающий прибор с шестеренками. Похожий на часы, но с несколькими циферблатами, где вместо чисел частые черные деления, по которым скачет множество стрелок. Он как бы даже видел этот прибор…

— Кей…

А тот лежал все так же, навзничь, и смотрел в небо. И сказал устало, уже без боязни:

— Ну, Тём, ты же все понимаешь. Мы шли через Н и к о г — д а. Так называется Нулевой пояс Пространств. И Пространства привели нас с ю д а. А время еще не наступило, автобус еще не проезжал.

Все стрелки на циферблатах щелкнули и замерли вертикально. Только самая маленькая еще пометалась, подрожала и лишь через несколько секунд застыла, как другие.

— Кей, ты уверен, что это тот день?

— Да, Тём… И времени осталось полчаса.

— Надо встретить и предупредить!

— Тём, его встречали и предупреждали. Шофер не поверил, обругал только…

— Ясно.

Оно и в самом деле было ясно. Видимо, судьба

(или Пространства, или этот чертов Нулевой пояс, или еще что-то или кто-то) давала последний шанс.

«Почему — мне?»

«А почему — там, на Бейсболке?»

«Может быть, это искупление?»

«Искупление ч е г о? Не комплексуй идиот, теряешь время».

— Кей, от чего случился взрыв?

— Говорят, под асфальтом была мина. Или заряд…

— Но зачем?! Кому это надо?!

— А кому это надо вообще? Во всем мире?

Артем выпрямился (стрелки дрогнули и замерли опять).

Он окинул взглядом узкий асфальт — с трещинами и колдобинами. В трещинах росли ромашки.

— Автобус пойдет в какую сторону?

— Вон туда… — слабо махнул Кей.

Артем опять метнул взгляд. Недалеко от кювета он различил кусок асфальта, очерченный трещинами, в которых не было травы. Этакий неровный шестиугольник чуть не метровой ширины. Артем с усилием, будто по колено в болоте, шагнул к нему.

— Тём! — Кей быстро сел. — Тём, постой… Я должен сказать…

— Что?

— Если ты сделаешь это, мы можем не попасть в Не-плянск… И вообще…

— Что «вообще»?

— Многое будет совсем не так. Или… не будет совсем.

— Не понял.

— А ты пойми! — со злой слезинкой сказал Кей. — Ты можешь никогда не увидеть Нитку. Не встретиться ни с ней, ни со мной. И… не будет малышки…

«Правда?»

«Да, правда. Ведь сейчас три года назад. Ия изменю ход событий».

Он замер на миг и сразу как бы встряхнулся от данной себе оплеухи.

— Кей! Там же двадцать пацанов! И в том числе твой Валька!

— Ну да! — звонко отозвался Кей. — Да, Тём! — вскочил и прыгнул к нему.

— Кей, стой!.. И слушай. Бес-пре-кос-ловно. Отойдешь на сто шагов. Ляжешь в кювет. И будешь ждать, когда позову. Марш!

Кей послушался удивительно легко.

— Ладно! — И стал уходить спиной вперед. И сказал уже издалека: — Тём, не бойся, ты не взорвешься.

А он уже и не боялся. Лишь бы найти, успеть… Вцепился в край асфальтового пласта. Мягко, но с пружинистой силой поднял его, отвалил…

«Эта штука» оказалась круглая, плоская, размером с небольшой таз. Примитивная. Артем слабо разбирался в саперных делах, но сразу увидел, что примитивная. Похожий на пробку от канистры взрыватель был ввинчен в середину. Артем взялся за него без боязни. Было ясно, что «пробка» рассчитана только на сильный нажим по вертикали, от тяжелых колес.

Артем попробовал повернуть. Сильнее… Взрыватель послушался и пошел мягко, как по смазке… Вот и всё… Артем встал, оглянулся и пошел с «пробкой» в руке от дороги. Шагов через тридцать он увидел в мелколесье круглую яму с бурой водой (кажется, про такие говорят «бочага»). Бросил взрыватель в воду. Потом, выгибаясь от тяжести, принес мину и тоже утопил в бочаге.

В это время за соснами и осинами прокатил пузатый крас-но-желтый автобус. Показалось даже, что слышен ребячий смех.

Артем вернулся к шоссе.

По-прежнему звенела тишина, но уже без тревожного ультразвука.

— Кей!

Тот не отозвался. Видать, далеко залег.

— Кей! Иди сюда! Все в порядке!

Снова не было ответа. Лишь сзади в сосенках раздался шелест. Вот балда, нашел время играть в индейцев! А впрочем, почему бы и не поиграть?

Артем оглянулся. В двух шагах стоял Птичка.

4

Знакомый Птичка с растянутым в улыбке ртом, с ежиком на маленькой голове, с шеей шире плеч. С буграми мускулов на перекошенных плечах, обтянутых камуфляжным трикотажем безрукавки.

— Ха, птичка! — И губы сжались. Ехидная улыбка заползла внутрь рта.

Нет, это был не прежний Птичка. В глазах не ядовитая уверенность, а только усталая злоба. Майка на груди обуглена, щеки в саже. Пахло от Птички бензином и гарью. Из кармана десантных штанов он вынул пистолет — все тот же, длинный, с набалдашником-глушителем.

— Ну что, Студент? Кажется, мы слишком затянули нашу разборку. Пора ставить точку. А?

— Такое впечатление, что ты был в одном из

бульдозеров, — сказал Артем. Он не верил, что Птичка выстрелит.

— Был! В правом крайнем, на всякий случай… Там ты меня переиграл, Студент, надо признать…

— Опять переиграл, — уточнил Артем и поморщился. — Ну и разит от тебя, Птичка…

— Потерпи, это недолго… Хочешь еще что-то сказать напоследок?

— Спросить хочу.

— Валяй.

— Ты и к этому делу, со взрывом автобуса, имел отношение?

— Чего?.. А! Вот этого ты, Студентик, так и не узнаешь. Так и помрешь с неразгаданной тайной в мозгах.

— Ну и хрен с тобой, — зевнул Артем, краем глаза следя за глушителем. — Теперь все равно. Взрыва не было.

— Ха, птичка! Еще будет! Все равно будет! Для баланса! Потому что ты отпустил тех двоих на Бейсболке!

— Идиот! Какая связь?

— Всеобщая связь, Студентик. Спасаются одни, гибнут другие… И ты среди них. Ну? Ты готов?

— Последний вопрос… Ты чего ко мне привя-

зался-то? Мы с тобой даже не знакомы.

Птичка мигнул:

— Ваньку валяешь?

— Ну, посуди сам! Какой сейчас год? Не было еще Саида-Хара, не было секрета на Бейсболке. И вообще ничего того не было. И, дай Бог, не будет. А ты тут возникаешь со своей пушкой. Ты пойми, у тебя даже этой пушки нет. Ее сделают только через год.

— Ха! Нету? — И Птичка вскинул пистолет. И Артем упустил миг.

Пистолет не выстрелил, а пукнул. Пуля выскочила из тугого оранжевого огонька и попала в левую сторону груди. Это закаменевший Артем увидел в растянувшемся почти до бесконечности времени. Потом время со звоном лопнуло, и удар тяжелой пули откачнул Артема. Он отступил на два шага. Но не упал. Потому что пуля пистолета «кобра» не смогла пробить космическое зеркальце, лежавшее в нагрудном кармане.

Птичка изумленно выкатил глаза. Выстрелил снова. Но на этот раз пуля прошла выше пригнувшегося в броске Артема.

Да, кое-чему его все же научили. Захват, подсечка, удар в подбородок — и пистолет у него в руках. Птичка явно не ждал такого от Студента… Еще

одно обманное движение, переброс пистолета в левую ладонь и — рукояткой по башке!

Птичка всей своей грудой мышц завалился спиной в колокольчики.

Артем поправил очки («Смотри-ка, даже не слетели»). По всем правилам военного искусства следовало сделать контрольный выстрел. Артем поморщился. («Интеллигент сопливый», как сказал бы Птичка.) У Птички из-под век мертво белели закатившиеся глазные яблоки. Едва ли встанет когда-нибудь. Артем вынул обойму, снял затворную раму, достал боевую пружину и ударник. Все это отнес к бочаге и утопил по отдельности.

Вернулся к дороге (в стороне от Птички).

— Кей!

Отсутствие Кея тревожило теперь больше всего. Даже больше мыслей о Неплянске и Нитке. Куда канул этот паршивец? «Ну, я ему…»

Колючая боль с размаха вошла Артему под левую лопатку. Он хрипло крикнул, шагнул вперед, обернулся. Увидел сквозь жидкий туман Птичку с длинной трехгранной заточкой в откинутой руке. Птичка привычно ухмылялся.

Туман сгустился, стал плотным, как темная вода. И Артем, остановив дыхание, упал в него

лицом. «Скорее бы прошла эта боль…» Но сквозь боль пробилась и другая мысль: «А все-таки автобус прошел… Вот и всё…»

Но это было не всё. Боль стала помягче, он передохнул. Увидел свет. Сильный, но ласковый свет, который образовал уходящий в неведомые пространства коридор.

«Значит, правду говорили, что бывает так…»

Свет струился, убегал вдаль и там сиял особенно радостно. Звал Артема. Все, что за пределами этого света, осталось в прошлом и было совсем не важно. А впереди — Артем знал это! — ждала мама. В этом было великое облегчение и счастье.

Боль пропала. Артем глубоко вздохнул. Понял, что сейчас встанет и пойдет. Нет, не пойдет даже, а поплывет среди струящегося света. И это будет путь нарастающей радости.

И в предчувствии этой радости он решил полежать еще, передохнуть полминуты.

И над ним склонились трое.

Артем понял сразу — это Те, кто решают его судьбу.

Они сказали:

— Ну, Тём! Ты готов?

— Да… Да!

— Тогда шагай. Или плыви…

— Да… — Свет звал его, принимал в свои теплые волны… Но…

— А Нитка? А малышка?

— Послушай, — ласково сказали ему. — Теперь это неважно. Не бойся и не думай. Твой свет — впереди.

Конечно, это было правильно! И все же…

— Не тревожься, Тём. Когда-нибудь они догонят тебя.

Вот и хорошо. Но… это ведь «когда-нибудь». А что теперь?

— А Кей? Птичка не настигнет его в лесу?

— Тём, ты пойми. Э т о уже далеко. Это там. Аты здесь. Ты исполнил все, что полагалось, и не должно быть в тебе тревоги.

Но если она есть…

Артему было очень неловко. Он не хотел обидеть Тех Добрых, кто склонился над ним. И маму…

«Мама, прости».

«Да я-то что. Я подожду…»

— Ну так что же? — опять мягко, без досады спросили его.

— А Птичка… он больше не обидит ребят?

— Птичка скорее всего остался на Бейсболке…

— Да? А кто же тогда… меня?..

— Просто сорвалось сердце.

Ну, ладно. Пусть так, но… а если опять начнется атака на Пустыри? Не бульдозерами, а чем-нибудь похлеще?.. А кто будет встречать пацанов у школы?.. И что с Кеем? И опять же — Нитка, Нитка, Нитка! И та кроха, которую она ждет…

— Ты должен решить наконец, Тём, — сказал один из Тех, и в ласковости тона была уже нотка нетерпения.

— Он уже решил, — сказал другой.

— Но учти, снова будет очень больно, — предупредил третий.

— Пусть, — виновато выдохнул Артем.

Свет медленно, как в театре, угас, и колючая боль снова вошла под лопатку. Артем застонал.

…Но боль была недолгой. Проткнув Артема безжалостным лезвием, она ослабела. Милостиво и быстро. Возможно, это была награда за его, Артема, решение. Через минуту казалось, что он просто напоролся спиной на острый сучок… Может быть, так и случилось?

Артем сел, подобрал из травы очки, помотал головой. Ощутил запах цветов, нагретого асфальта и хвои.

— Тём!

Путаясь в синих колокольчиках длинными

незагорелыми ногами, бежал к нему по кювету Кей.

V. ТРЕПЕТ КРЫЛЬЕВ

1

Кей был в летнем пестром костюме, который сшила из шторы Нитка. Веселый и встрепанный, с длинной царапиной на щеке. Остановился, мигнул. Сквозь веселье в глазах — темные точки тревоги.

— Тём, что с тобой?

— Да вот, на какую-то дрянь наткнулся спиной. Посмотри-ка…

— Ух ты, куртка разодрана… Сними… И рубашка в крови… Тём, да ничего особенного, ранка неглубокая. Сейчас найду подорожник…

— Только не плюй, когда будешь приклеивать. А то знаю я ваши обычаи…

Кей захихикал и убежал.

Артем посмотрел на карман рубашки. В ткани была дыра с обугленными краями (и как это Кей не заметил?). Но зеркальце, когда Артем вытащил его, оказалось гладким, без всякого следа.

«Спасибо тебе…»

Прибежал Кей с пучком листьев.

— Ну-ка, подставляй спину…

Подорожник оказался прохладным и влажным.

— Плюнул все-таки, обормот!

— Не плюнул, а лизнул. Не бойся, я стерильный.

— Щеку себе тоже залепи, стерильный… Где ты болтался?

— Тём! Я побежал навстречу автобусу! У них там как раз остановка была, чтобы сбегать в кустики, я затесался между остальными. Будто так и надо. И поехал…

«А ты не встретил там… самого себя?» — чуть не спросил Артем. Но прикусил язык. Впрочем, и так ясно, что не встретил…

— Зачем тебя туда понесло?

— Ну… Тём. Я должен был объяснить Вальке, что мы встретимся через несколько лет. Чтобы он не удивлялся, что он уже вырос, а я все еще… такой…

— Объяснил?

— Ну да. Он поверил… А еще, Тём…

— Что?

— Если бы я не попал в автобус, я не смог бы из него сбежать. Значит, н и ч е г о бы не случи-

лось! Я не попал бы на Пустыри, и все было бы по-другому…

— Может, и к лучшему…

— Ну да! А кто бы тогда спас Лельку?

— А как ты удрал из автобуса?

— Да очень просто, на следующей остановке. Два малыша запросились опять, я тоже выскочил — и сразу сюда…

— Сразу сюда? — Артем прошелся по нему глазами от макушки до новеньких кроссовок.

— Да… А чего?

— Ты был в джинсах, в ковбойке и с курткой. Босой. А сейчас… Откуда на тебе этот прошлогодний наряд? И обувь…

— Ой, Тём, правда… — Кей взялся за щеку с прилепленным подорожником. — Я не знаю… Тём, я правда не знаю!

— Ладно, — вздохнул Артем. — Фокусы Нулевого пояса или как его там… Но, может быть, ты теперь знаешь другое?

— Что?

— Дорогу на Неплянск.

— Ох… — Кей стремительно поскучнел.

— Что еще?! — капризным от нового страха голосом воскликнул Артем.

— Дорогу-то я найду. Но, Тём… там ведь сейчас

тоже… нынешнее число. И Нитки там… еще нет.

— Елки-палки… — Артем сел, вдавившись спиной в колючие ветки сосенки. Глянул вверх, на Кея. Тот стоял перед ним тощий и виноватый.

— Что будем делать? — сухо спросил Артем.

— Не знаю. Кажется, мы влипли…

— Кой черт тебя понес через это Никогда? Ехали бы поездом…

— А тогда… кто бы достал с дороги мину?

— Д-да, ситуация… — выдохнул Артем. — Будто кто-то все спланировал заранее.

— Мы сами, — сказал Кей. — И еще Пространства… Тём, надо все обсудить. — Он сел рядом, завозился в колючих ветках голыми локтями. — Тём, не сердись…

— Какая разница, сержусь я или нет. Чтобы остыть, будет время. И для обсуждения тоже… Три года!

— Ага… И главное, нам нельзя уходить с этого места. Чтобы не наделать новых событий.

— Черт возьми! Но здесь-то мы можем сидеть вообще вечность! Здесь одно и то же число, время не движется!

— Уже двинулось. Когда прошел автобус…

— Ну, все равно… Ничего себе перспектива! Три года жить Робинзонами на этой обочине?!

— А что делать? Зато через эти три года все наладится. Войдет в русло…

— Я тебя сейчас вгоню в такое русло… Скажи, ты это серьезно?

— Кажется, да. Нулевой пояс не выпустит нас…

— А кормить тут он нас будет? А зимнюю одежду и жилье с печкой даст?

— Шиш он даст, — убежденно сообщил Кей.

— Слушай, сейчас я дам тебе по шее!

— Дай. Только разве это поможет?

— Это облегчит душу.

— Ну, дай тогда… Ай!

Артем дал. Правда, слегка. Кей коротко посмеялся, почесал в затылке, запрокинул голову и стал смотреть в небо. И вдруг будто закаменел. От обиды?

— Кей, ты чего? Я же шутя!

— Тём, смотри. Вверху…

В синеве среди редких желтых облаков покачивался воздушный змей. Белый. Сложной коробчатой конструкции. Чуть различимая нитка шла от него вниз, далеко за шоссе.

— Тём, пошли! Скорее!

— Куда?

— Туда! Не спрашивай! — Кей вскочил, потянул Артема за руку (подорожник отклеился от щеки).

Через дорогу, через осинник и сосняк, потом через густой низкорослый ельник.

Затем пересекли луг и болотце. Кей не спускал с нитки взгляда (она делалась все заметнее). И вот они выбежали на широкую поляну. Здесь среди зацветающего иван-чая стоял пацаненок лет девяти. Это он держал нить.

Он был с желтыми пушистыми волосами, в пестро-зеленой рубашонке с рисунками из мультфильмов про короля-льва и Маугли, в таких же трусиках и с плямбами зеленки на коленках и подбородке. Он следил за змеем и долго не замечал Артема и Кея.

— Подожди, — строго сказал Кей Артему. И тот послушно замер. А Кей пошел к мальчику.

Они что-то тихо сказали друг другу.

Кей взял мальчика за плечо, и с полминуты они молча смотрели на змей. Потом заговорили опять. Мальчик серьезно и часто кивал.

Кей оглянулся на Артема.

— Иди сюда.

И Артем пошел — с ощущением, что его снисходительно (и не полностью) приобщают к какому-то тайному делу. Мальчик смотрел со стеснительной улыбкой, но доверчиво. Прижимал к груди большую катушку, от которой

тянулась нить.

— Тём, это Гриша Сапожкин. Один из тех, кто построил Город.

— Приятно познакомиться, — сказал Артем с неуклюжей учтивостью. Мальчик застеснялся, шевельнул губами: что-то вроде «здрасте». Поднял катушку и стал скрести ею зеленку на подбородке.

— Да вы знакомы, — весело напомнил Кей. — Вы виделись в Городе, под колоколом. Забыл?

— Там было темно, — шепотом оправдал Артема Гриша.

— Тём, дай зеркало, — велел Кей.

Артем ничего не понял, но дал. Хорошо, что нет следа от пули…

Кей в полуметре от катушки взял нить, обмотал зеркало несколькими витками.

— Правильно, Гриша?

— Да, — шепнул он.

Кей щелкнул по краю зеркала ногтем. Послышался негромкий, но какой-то всюду проникающий звон. Он ощутимо, почти заметно для глаза побежал вверх по нити, и Артем следил за ним и увидел, что змей шевельнулся как живой.

Потом был еще один короткий звон, и еще, еще. Они слились в дребезжащую морзянку, и

змей в дальней синеве дрожал, как от щекотки. А потом замер.

— Тём, возьми зеркало. Да не потеряй, может, еще пригодится.

«Не дай Бог», — вспомнил Артем Птичку.

Гриша стал наматывать на катушку нить.

— Смотаю, чтобы о н не зацепился…

— Да. Спасибо, — сказал Кей.

Змей спускался, спускался, вырастал и наконец лег среди иван-чая. Этакая конструкция вроде метровой этажерки. Гриша Сапожкин легко вскинул его над головой.

— Я побегу?

— Беги, — согласился Кей. И еще раз сказал: — Спасибо.

И Гриша побежал, не оглядываясь. Скоро он, зеленый, затерялся среди высоких стеблей, и змей как бы летел над верхушками сам собой. А потом растаял в мареве и он.

— Ну и… что же означало это действо? — спросил Артем. В нем опять зашевелились нетерпение и досада.

— Означало… Змей был как антенна.

— Ну, допустим. А дальше-то что?

— А дальше — ждать, — веско сказал Кей. — И не спрашивай больше, а то сглазишь.

2

И Артем не спрашивал. Он ждал чего-то, стоя посреди поляны, которую накрывал летний жар. Струился воздух, жужжала какая-то крылатая мелочь. Время от времени сквозь траву пробегали непонятные существа. Стайками. Пробегут и скроются. Возможно, это были скворечники.

— Они ждут, когда мы уйдем, — сообщил Кей. — Будут здесь устраивать летние пляски. Видишь, месяц и луна опять выкатились вместе.

Артем видел. Но этим его было не удивить.

— Ты мне зубы не заговаривай. Скажи, чего ждем.

Кей молчал. Поджимал по очереди и почесывал исколотые в ельнике ноги.

— Я, кажется, с тобой разговариваю…

— Тём, ну я же просил не спрашивать! Потерпи… Или, если хочешь, дай мне снова по шее.

— Очень нужна мне твоя шея!

— Тём…

— Что еще?

Кей придвинулся к нему, коснулся плечом.

— Тём, а ты простишь ее, если она вернется? Т у д а, к нам.

— Да! — сказал он быстро, будто качнулся впе-

ред. — Да! — И лишь потом спохватился. — Господи, да за что мне прощать ее? Это она должна…

— Нет, она тоже виновата.

— В чем?!

— Ну… в том, что боялась… Тём, слышишь?

— Что?

— Слушай. Не дыши…

В тихий звон летнего луга проник новый звук. Похожий на кузнечиков, но не прерывистый, а ровный. Словно кто-то за дальними кустами вертел швейную машинку.

— Ура… — шепотом сказал Кей.

— Что ура?

— Тише…

Среди двух пухлых облаков возник в синеве белый трепещущий клочок. (Еще один змей? Нет…) Он увеличивался вместе с нарастающим стрекотом, обретал форму и наконец превратился в дрожащую парусиновую птицу с колесиками и мерцающим пропеллером. Эти колесики с пухлыми шинами и перепончатые белые крылья пронеслись в трех метрах над головой Артема и Кея, обдали ветром (Кей даже присел). Аппарат зачиркал шинами по верхушкам иван-чая, сел, пробежал немного и остановился в десяти шагах. Желтый винт помахал лопастями и замер.

— Чудеса… — выдохнул Артем.

— Тише, — опять сказал Кей.

На матерчатом, со шнуровкой и рейками фюзеляже был странный знак: пятиконечная морская звезда с изогнутыми концами. Ярко-голубая. Над бортом со звездой показался мальчик. С длинными светлыми волосами, в синей матросской блузе старинного покроя — с широким воротником и галстуком. Был он постарше Кея, лет четырнадцати на вид.

Он спросил негромко, но с тем же проникающим звоном, что у зеркальца:

— Это вы сигналили мне?

— Да, — сказал Кей. Взял Артема за руку и повел сквозь траву к самолету. И опять глянул строго: «Не спрашивай…»

Мальчик смотрел спокойно и весело.

— Садитесь… — И спустил из кабины легонький трап — два деревянных бруска с бамбуковыми перекладинками. Кей легко взлетел по ступенькам, оказался внутри.

Летний мир звенел волшебно и празднично. Скворечники, уже не таясь, шастали в траве. Коричневые бабочки стаями носились над лиловыми и желтыми соцветиями. Было все как во сне. И все же Артем спросил с сомнением:

— Вы думаете, эта штука выдержит меня?

Юный пилот улыбался белозубо и бесстрашно:

— А вы уменьшите свой вес.

— Как? Похудеть? Я и так кожа да кости.

— Представьте, что вы мальчик. Как он, — пилот озорно кивнул на Кея.

Проще всего было возмутиться и заспорить: до шуток ли? Но здесь, на лужайке, где собирались плясать скворечники, были свои законы. Артем поправил очки, помолчал несколько секунд и… представил. Как он, двенадцатилетний, в лагере «Приозерном» бежит к будке-водокачке, за которой ждет его Нитка. По такой же высокой траве, как здесь. И метелки травы щекочуще пролетают у его голых локтей. И ребячья невесомость вошла в Артема (он потом еще долго будет ощущать эту невесомость — много дней после того, как закончится эта история).

Артем вскочил на лесенку, взялся за матерчато-рейчатый борт (самолет заходил ходуном; сама собой повернулась лопасть воздушного руля — белая с синим номером «L-5»). Позади плетеного пилотского сиденья распирала борта доска-скамейка. Кей подвинулся. Артем втиснулся между ним и тонким шпангоутом, самолет закачало опять. «Ох, брякнемся», — подумал Артем, но без

боязни, а как мальчишка, усевшийся на высокие качели. Он уселся поудобнее.

— Тише ты. Прямо как бегемот, — шепотом сказал Кей.

— А ты как школьная завуч: только и знаешь воспитывать…

Мальчик-пилот засмеялся и оглянулся. Глаза его были синие, лучистые. И чем-то он (чуть-чуть) был похож на Зонтика.

— Летим? — все с тем же звоном спросил он.

— Да! — радостно выдохнул Кей.

Желтый винт качнулся, замелькал, превратился в размытый стрекочущий круг с россыпью солнечных искр. Крылатый аппарат задрожал, зашевелился, будто пробуя силу в напружиненных птичьих мышцах. Поехал… Побежал. Зашуршала по парусиновому днищу трава. Из-под колес прыснули скворечники. Артем на миг разглядел даже их тонкие птичьи ноги. Самолет подпрыгнул и повис в летящем навстречу теплом воздухе. Кусты, шоссе, перелески стали уменьшаться, земля наклонилась в плавном развороте.

Перед пилотским сиденьем был изогнутый стеклянный щиток, но летчик не прятался от ветра. Левой рукой покачивал рычаг управления, а правым локтем лег на кромку борта и подста-

вил встречному воздуху лицо. Голубой воротник затрепетал как флаг, волосы рванулись назад. В них, как в пропеллере, задрожали искристые огоньки.

Летчик оглянулся.

— Ну как?

Мотор урчал негромко, будто отлаженный холодильник, было слышно каждое слово.

— Прекрасно, — сказал Артем, вцепившись в скамейку. А Кей показал большой палец:

— Во!

Летчик опять белозубо засмеялся, и тогда Артем спросил, позабыв о строгостях Кея:

— Вы — Максим?

Острый локоть Кея тут же саданул его под ребро. Но летчик, не гася улыбки, отозвался сразу и просто:

— Да! Меня так зовут! — И плавно вывел аппарат из долгого разворота.

Кей сердито шевельнул губами:

— Говорил: не болтай…

— Я больше не буду.

Внизу медленно-медленно плыла пятнисто-зеленая земля с желтыми жилками дорог и тенями облаков. Потом проступила еще одна жила: набухшая, голубая.

Мальчик снизил самолет и повел его вдоль русла. Все ниже, ниже…

— Что-то случилось? — спросил Артем, пряча опасение под небрежностью тона.

— Не-а… — небрежно отозвался Максим. — Просто у самой воды легче лететь, больше подъемная сила. А то ведь нас все-таки трое…

И они полетели у самой воды. Ударил навстречу запах речного песка и камышей. Один раз во время крена колесо зацепило воду и потом долго вертелось, искры спиц перепутались с искрами брызг.

Потом река ушла в сторону, парусиновая дрожащая птица опять набрала высоту. Ее накрыла тень облака.

Вместе с тенью к Артему вернулась тревога и память о недавнем.

— Кей, а куда мы летим-то? В Неплянск?

Кей сидел, как в саду на лавочке. Поставил ноги пятками на скамью, обхватил колени и смотрел перед собой. Будто не слышал Артема.

— Кей!

— Нет, не в Неплянск. Туда пути по воздуху нет. Да и что нам теперь делать в Неплянске…

— Там все еще то самое число?

— Не в этом дело…

— Объясни!

— Да ничего я не могу объяснить! Потерпи.

До чего же вредная личность! Так бы и дал «опле-уху». Или другую «опле…», ниже спины. Ну, ладно… Артем стал терпеть.

Показался город. И х город. Со знакомыми колокольнями, многоэтажками и башней Главной почты. С похожими на бугристый, изрытый плюш Пустырями. Там и тут на этом плюше виднелись длинные коробки цехов, трубы и нитки рельсовых линий.

Заблестела маковка церкви. За нею на миг возникло прозрачное пространство, где угадывались очертания причудливых зданий и башен. Впрочем, возможно, что Артему это лишь показалось. Мысли его были о другом.

Самолет стал снижаться круто-круто, почти падал. Кей даже взвизгнул тихонько и вцепился в борт. Побежали под колесами кусты и кочки. Толчок… И почти сразу аппарат замер посреди ровной лужайки.

Артем узнал эту лужайку. В ста шагах от дома!

Подбежал Бом, взвалил на борт тяжелые лапы, заулыбался розовой пастью. Максим потрепал его по украшенным репьями ушам. Рядом высоко прыгал рыжий Евсейка — и при каждом

скачке ухитрялся сделать лапами множество движений.

Кей, не дожидаясь трапа, махнул через борт. Упал на четвереньки, вскочил. Артем дождался, когда Максим сбросит лесенку. Выбрался.

— Пока… — шепотом, без улыбки сказал Максим и протянул руку в полосато-голубом обшлаге. Артем осторожно пожал ее — пальцы были тонкие и легкие, как трубчатые птичьи косточки.

— Пока… Максим.

Бом все прыгал и ластился.

— От винта, — строго сказал ему летчик. Бом отскочил. Винт взорвался шуршащим свистом, и самолет взлетел почти без разбега. Евсейка перепуганно сел, по-человечьи раскинув задние лапы. Кей запоздало замахал вслед парусиновой птице. Она ушла за тополя.

Кей взял Артема за руку.

— Пошли.

— Да, скорее! — рванулся Артем. Хотя непонятно: куда спешить?

— Нет, не скорее. Нельзя торопиться.

— Почему?

— Нарушишь структуру…

— Ох и зануда… — И Артем пошел рядом с Кеем неторопливо (тот опять слегка прихрамывал).

Внутри у Артема все стонало от непонятного ожидания, и под левой лопаткой напомнила о себе колючая боль.

Из кустов цветущей сирени повернули к дому.

Нитка стояла на крыльце. С распущенными по плечам волосами, в цветастой, очень широкой кофте, которая охватывала ее колоколом.

Артем и Кей подошли. Стали.

— Нагулялись? — сказала Нитка. — Ох и бродяги. Я жду, жду… Кей, почему ты опять такой растрепанный? Нет на тебя управы…

Из дверей показалась Лелька. Подскочила, ухватила Кея за рубашку. Заставила нагнуться, что-то зашептала в ухо. Он закивал. Потом независимо сообщил Нитке и Артему:

— Мы пошли, погуляем. — И они пошли.

— Опять! Тём, посмотри на этого беспризорника! Не успел появиться, и снова…

— Беспризорник и есть, — сокрушенно согласился Артем.

— Ты возьмись за него наконец.

— Ладно, — и Артем встал к ней близко-близко. Щекой коснулся ее волос.

Из кустов к Лельке и Кею вышел мальчик. Похоже, что Зонтик. Только в незнакомой одежде. В старинном матросском костюме, вроде как у

Максима, только солнечно-желтом. И они пошли втроем.

Потом их догнал маленький желтый скворечник на петушиных ногах. Втиснулся между Кеем и Лелькой. Они взяли его за тонкие обезьяньи ручки.

— Кей! Чтобы к ужину был дома! А то я не знаю, что с тобой сделаю! — пообещала с крыльца Нитка.

Ребята не оглянулись. Спинами они говорили: «Мы немало повозились с вами, сделали все как надо. Теперь дайте нам заняться своими делами».

Над Пространствами поплыл знакомый полуденный звон.

БАБУШКИН ВНУК И ЕГО БРАТЬЯ

Ты каждый раз, ложась в постель,
Смотри во тьму окна
И помни, что метет метель
И что идет война.

С. Маршак. Зимний плакат. 1941

ДОСКА НА СЕДЬМОМ ЭТАЖЕ

Когда я родился, бабушка хотела, чтобы меня назвали Алешей. Но это было никак нельзя. Мама и отец решили, что я буду Александром. И я стал Сашей.

Но бабушка, если мы были одни, часто называла меня Аликом. Алик ведь может быть и Александром и Алексеем — одинаково…

И в летнем лагере меня стали звать Алькой. Услышали, как бабушка, когда она приезжала в родительский день, называла меня так, и многие это подхватили. Может, потому, что и без меня в отряде было восемь Саш, Сань и Шуриков.

Я не спорил. Мне и самому это нравилось.

И ребята нравились. И лагерь. Здесь было совсем не то, что в школе.

Можете считать меня кем угодно: злодеем, психом, садистом, но я понимаю тех молодых солдат, которые вдруг хватают автомат и — веером по своим обидчикам. По всей этой дембельской и дедовской сволочи, которая издевается над первогодками. Над теми, кто слабее.

Потому что я знаю по себе, как могут довести человека. И не в какой-нибудь там казарме, а в

нашей замечательной школе-гимназии номер шесть — такой английской и такой джентльменской, такой музыкальной и такой танцевальной, такой знаменитой на весь город…

Первые три класса я проучился там нормально. Крепких друзей не завел, но и не приставал ко мне никто. Четвертого класса, как нынче водится, в гимназии не было, после начальной школы — сразу в пятый. В этом пятом люди оказались уже не те, что прежде, появилось много новеньких. Среди них — Мишка Лыков, которого все почему-то звали Лыкун-чиком. Говорили, что папаша Лыкунчика ворочает делами в каком-то банке. Не знаю. Дорогими игрушками Лыкунчик не хвастался, в гимназию приезжал не на папиной машине, а на трамвае. И богатыми шмотками не выделялся.

Выделялся он другим — подлым характером. Любил по-выделываться перед тем, кто не может дать сдачи. Самым таким неумеющим в классе оказался я. Потому что по натуре своей я трус, никуда не денешься.

Лыкунчик это почуял быстро.

У него была компания приятелей, человек пять. Вот с ними-то он и начал меня изводить. А остальные помалкивали.

Изводили подло. Бить почти не били, только изредка дадут по шее или поваляют в сугробе. Но все эти щипки и тычки, подначки, дразнилки… Соберутся вокруг и давай припевать:

Милый мальчик, съешь конфетку
И утрись скорей салфеткой… —

и тряпкой, которой вытирают доску, по губам…

Потом деньги стали с меня трясти. Ну, я один раз отдал, сколько было:

— Подавитесь, только не лезьте!

Но они снова. Тогда я не выдержал, рассказал дома.

Бабушка пошла к нашей директорше. Лыкунчика и его друзей поругали. Даже папашу Лыкова вызывали, и был слух, что он дома Лыкунчику крепко врезал. Больше эта шайка денег с меня не требовала. Но изводить меня они стали еще пуще. То дымовуху мне в парту сунут, а потом вопят, что я сам принес. То в спортивной раздевалке одежду спрячут или брюки завяжут тугими узлами. То обступят на улице и опять:

Милый мальчик, съешь сосиську,
А не то отрежем…

И это на весь квартал.

Я старался уходить из школы крадучись, выбирал окольные переулки, чтобы не заметили, не догнали. А для них это — новая забава. Охота. Выслеживали и гонялись. А я убегал…

А что делать-то? Если бы честная драка, один на один, я бы как-нибудь скрутил свою боязливость. Но ведь их целая свора.

У Лыкунчика было круглое лицо и серые глаза с длинными, будто кукольными ресницами. Если не знать, то можно подумать: вполне нормальный пацан, славный такой.

Но я-то знал, какой он «нормальный». Ох и ненавидел же я его! И всех его «шестерок». И появись у меня автомат, я бы не дрогнул.

Так по крайней мере я думал тогда.

Автомат у меня, конечно, не появился. Говорят, на черном рынке можно добыть, но стоит это полтора миллиона.

Я бы, наверно, не пожалел, но где возьмешь такие деньги? Да и не продадут мальчишке.

Но все же судьба сделала мне подарок. Не хуже автомата. Однажды, в начале апреля, они опять стаей погнались за мной.

Милый мальчик, съешь сосиську,
А не то…

И я бежал, всхлипывал и задыхался, а рюкзак с учебниками колотил меня по спине. И я думал, что скорее сдохну, чем завтра опять пойду в гимназию. Но до завтра надо было еще дожить. Я бежал к своему кварталу. И решил — напрямик через площадку, где стоит недостроенная кирпичная многоэтажка. А там до родного дома рукой подать.

Я оглянулся. Лыкунчик далеко опередил своих дружков. Те постепенно замедляли бег, а Лыкунчик мчатся, как гончий пес. Видимо, гнал его повышенный охотничий азарт. Если догонит, то один…

И здесь на бегу обожгла меня (или наоборот — холодом обдала!) убийственная мысль. Я испугался ее отчаянно и в то же время — подчинился ей. Сразу!

В недостроенном корпусе мы с ребятами из нашего двора играли не раз. Работы были там остановлены, забор вокруг повален, сторожей — никаких, лазай кому не лень. И я знал, что на седьмом этаже есть *доска.*Толстая, широкая, перекинутая через верх квадратной кирпичной шахты. Шахта эта была пустой сверху донизу. Этакий широченный колодец, уходящий в подвальную глубину. Зачем она, мы не знали. Может,

в ней собирались смонтировать грузовой лифт или какой-нибудь эскалатор. Говорили, что в этом доме собираются устроить почту.

Мы с мальчишками иногда ложились животами на кирпичное ограждение, смотрели в квадратную черноту и вскрикивали:

— Эй!..

В глубине отзывалось ленивое эхо.

Зачем через шахту перекинули доску, тоже никто не знал. Может, по ней с края на край перетаскивали какой-то груз, например, носилки с цементом или кирпичи. Но она была не закреплена. Просто лежала концами на барьере — он поднимался над полом седьмого этажа на полметра.

Однажды Семка Расковалов (тоже пятиклассник, но из другой школы) потрогал край доски и задумчиво так сказал:

— Интересно, есть на свете человек, который мог бы пройти по ней?

— Цирковой канатоходец — запросто, — отозвался Сем-кин друг Вовчик Матвеев.

— Я не про циркового, а про нормального человека, — недовольно сказал Семка.

Тогда я вскочил на кирпичный край. И увидел широченные глаза маленького Ивки. Он открыл

рот, будто хотел сказать «не надо», но потерял голос.

Я вообще-то трус, но высоты не боюсь ничуточки. Правда, меня укачивает в самолете, но это не от боязни падения, а от чего-то другого. Бабушка говорит — от перепадов давления.

Ну, вот я вспрыгнул и пошел. Доска прогибалась, но не очень. Да и длина-то — всего семь шагов! Я прошел их, можно сказать, играючи. Даже никакого замирания не почувствовал. Вернее, почувствовал, но уже после, когда прыгнул на пол.

Прыгнул — и опять увидел Ивкины глаза, большущие и со слезами. Ивка был без шапки, и волосы его, светлые и легкие, были странно приподняты. Наверно, про это и говорят «встали дыбом».

Ивка вцепился в мой рукав и шепотом сказал:

— Ты больше никогда… Ладно?

— Ладно, — пообещал я, чтобы он не заплакал.

— Ну, ты герой, — выдохнул Семка.

Я сказал:

— Герой — это когда боишься и все равно идешь, назло страху. А если не страшно, какое геройство?

Семка и Вовчик замигали, обдумывая такую

мысль.

— Давайте скинем вниз эту доску, — насупленно предложил Ивка.

— Грохот будет, взрослые прибегут, — рассудил Вовчик.

— Ивка, не бойся, я правда больше не буду, — снова пообещал я.

Но теперь я знал, что нарушу обещание. Меня толкала ненависть и… радость. Сейчас ты добегаешься, Лыкунчик!

Я взлетел по лестничным пролетам на седьмой этаж. Лыкунчик не отставал. И я понял — не отстанет. Обогнуть шахту было нельзя: слева мятая арматурная сетка, справа нагромождение лесов.

Я проскочил доску с лету, в один миг. И сразу обернулся, замер.

Да, Лыкунчик не остановился. Азарт, видать, был сильнее ума. Или он просто не понял сгоряча, над *чем*этот мостик. Лыкунчик вскочил на доску — и за мной. Но… то ли доска прогнулась чересчур (он был тяжелее меня), то ли он как бы ударился о мой встречный взгляд. Замер посреди доски. Покачнулся и встал очень-очень прямо. И смотрел на меня во-от такими глазищами. И рот разинул…

А я упирался каблуком в конец доски.

Видимо, кто-то недавно двигал ее — конец, что лежал на кирпичах, был совсем короткий, сантиметров пять от края. И не надо никакого автомата. Чуть нажал — и…

Никто не заподозрит меня. Я убегал, а он гнался! Я проскочил по доске, а он не сумел! Ни один человек не подумает, что я виноват, когда его, Лыкунчика, подберут внизу на груде битых кирпичей.

Я смотрел на него неотрывно. Он все сразу понял.

«Что, Лыкунчик, не хочется падать, да? А может, ты надеешься, что это не насмерть? Не надейся, здесь двадцать метров…»

Да, ровно двадцать. Мы мерили, капроновый шнур специально принесли для этого. Он и сейчас здесь, в тайнике между двух кирпичей, мы спрятали для игры…

Небо в оконных проемах было уже синее, весеннее. И солнце яркое-яркое. Но это было не его, не Лыкунчика, небо и солнце. Его была только черная квадратная глубина над доской.

Лыкунчик беззвучно заплакал. Он не морщил лица, не жмурился, просто слезы побежали струйками из его вытаращенных глаз. И стали падать с подбородка.

Потом он качнулся и замахал руками.

— Сядь, дурак! — громко сказал я. — Сядь, схватись за края!

Он сел. Захлопнул рот, закусил губу. Но из глаз все бежало. Куртка его была распахнута. Я вдруг увидел, как на серых брюках спереди, между ног, разрослось темное сырое пятно. Лыкунчик всхлипнул, уперся в доску руками и заерзал: наверно, хотел таким образом добраться до края.

— Замри, балда!

Конец доски опасно шевелился. Еще чуть-чуть — и вниз. Потянуть на себя? А если не справлюсь, только хуже сделаю? Или дерну — и сорвется другой конец?

— Не двигайся!.. Не смотри вниз, закрой глаза!

Он послушно закрыл.

— Сиди и жди! Я сейчас…

Отбежав, я выхватил из-за кирпичей моток шнура.

— Сейчас брошу, ты поймаешь… Только без дерганья!

Он открыл глаза и закивал.

— Не дрыгайся! Лови!..

Лыкунчик правой рукой поймал конец.

— Теперь обвяжи себя под мышками. Осторожно…

Пришлось Лыкунчику отцепить от доски и вторую руку.

Он опять зажмурился, но все же обмотал себя на уровне груди, завязал два узла. Трясущимися пальцами.

Я отступил, слегка натянул шнур и намотал его на штырь, торчащий из крепкой балки лесов. Теперь, если Лыкунчик сорвется, то не страшно — повиснет и поболтается, а я его вытяну. Веревка выдержит.

— Ну, давай. Ползи.

И Лыкунчик заелозил вперед, упираясь руками. При этом наверняка всаживал занозы в штаны и глубже. Но я не злорадствовал. Мне надо было одно — чтобы Лыкунчик остался жив. Потому что непонятнее всего на свете — если человек только что был живой и вдруг сразу мертвый. Даже такой гад, как Лыкунчик… Да и не был он сейчас гадом — перепуганный, зареванный, с мокрым пятном на штанах.

Да, я не злорадствовал и не геройствовал. Правда, мелькнула все же мысль: «Больше не будешь петь про сосиску…» Но мелькнула и пропала. Лишь бы выбрался…

Наконец Лыкунчик упал животом на кирпичную кромку. Я вцепился в его куртку. Вот тогда

конец доски сорвался, и она с гулом ушла вниз, грянулась там.

Но никто не прибежал. И дружки Лыкунчика были неизвестно где. Видимо, они не знали, куда мы подевались.

Лыкунчик полежал, отдышался. Встал.

— Идем, — сказал я.

— Куда? — Он посмотрел вниз, на штаны: сырость достигла колен.

— Там внизу лужа. Упадешь в нее будто случайно. С кем не бывает…

Он посмотрел на меня, кажется, с благодарностью. А как он еще должен был смотреть?

Мы спустились, выбрались наружу из окна первого этажа. Вокруг серели груды талого снега, хотя на припеке уже расцвела мать-и-мачеха. У железной бочки с остатками извести скопилась мутная вода.

— Толкни меня, — сдавленно попросил Лыкунчик.

Я толкнул. Надо сказать, от души постарался. Лыкунчик ненатурально взмахнул руками, упал на колени, а потом животом — прямо в воду.

— Вставай! — почему-то испугался я.

Лыкунчик встал, с него текло. К штанам, куртке и рубашке прилипла грязь, глиняные ошметки.

— Папаша меня за это изничтожит вконец, — глухо признался Лыкунчик. — За куртку он пол-лимона высадил. Французская…

«А по виду и не скажешь. Самая обыкновенная», — мелькнуло у меня.

— Пошли ко мне. Постираешь, отчистишь…

Лыкунчик глянул удивленно.

— Пошли, — повторил я.

— А дома у тебя что скажут?

— Ничего не скажут. Родители на работе, бабушка в гостях, никого не будет до вечера.

Конечно, во мне уже копошилась этакая горделивость: недавно еще убегал, как заяц, а теперь стал благородным спасителем, помиловал своего врага. Но копошилась она так, слегка. А главное было то, что мне было просто жаль Мишку Лыкова, который сделался совсем непохожим на прежнего Лыкунчика.

Дома я нагрел в газовой колонке воды. Жилье наше было старое, деревянное, поэтому ванна с таким вот несовременным устройством. Дал я Мишке мыло, чтобы он выстирал одежду. Потом посоветовал и самому ему забраться в ванну, потому что заляпался он здорово.

Лыкунчик не спорил.

Горячим утюгом мы высушили и отгладили

брюки и рубашку Лыкунчика. С курткой было хуже, ее ведь не выстираешь. Как могли, мы посушили ее у горячей колонки, потом почистили, но все же местами она осталась замызганной.

— Может, обойдется, — вздохнул Лыкунчик.

Пока он мылся, я сходил наверх, в мезонин, достал из бабушкиного комода банное полотенце и заодно включил магнитофон. На полную громкость. Запись группы «Левый локоть». Вообще-то я не очень ее люблю, но решил, что для нынешнего случая в самый раз. Не Спивакова же ставить для этого Лыкова! Лыкунчик, когда выбрался из ванной, поднял к потолку голову:

— Кто это там у тебя?

— Не слышишь разве? «Левые локти», новые знаменитости…

— А слушает-то кто? Ты же говорил, что никого нет!

И тут меня словно толкнуло:

— А! Это брат пришел, пока ты там барахтался!

— Какой брат?

— Какой-какой! Старший. Алексей… Да ты не бойся, он сюда не спустится. Он если музыку слушает… его от колонок за уши не оттащишь.

— Парни говорили, что у тебя нет никакого брата, — неловко выговорил Лыкунчик. — Мол,

ты один у бабушки…

— Как это нет! Да ты его зимой видел! Такой высокий, с веснушками…

Лыкунчик мигнул. Видать, вспомнил. Зимой они пихали меня головой в заснеженный газон, а тут подошел «высокий с веснушками» и шуганул их. Но это был не мой брат, а Ивкин. Митя. Только Лыкунчик этого, конечно, не знал. Поверил.

Но все же он спросил:

— А чего ж тогда… — И осекся.

Я понял: «А чего ж тогда он заступился всего один раз и больше не вмешивался, когда мы тебя изводили?»

— Он в Москве учится, в декабре приезжал на пару дней, повидаться. А сейчас у него преддипломная практика, ему разрешили писать диплом дома.

Ловко я вывернулся, да? Быстро так и правдоподобно.

Мы оба снова посмотрели на потолок. «Левые локти» пели, как глупо устроены люди: все время убивают друг друга.

— Ты не бойся, — снисходительно повторил я.

— Да я и не боюсь, — сказал Лыкунчик не очень уверенно.

Когда Лыкунчик уходил, на пороге он посопел

и неуверенно протянул руку.

— Ты… это… Про то, что было раньше, забудь, ладно?

— Чего там, — сказал я и мысленно добавил: «Главное, что ты живой».

Потом я до вечера думал про то, что случилось. Даже размечтался: может, Лыкунчик вовсе не плохой парень и мы сделаемся друзьями…

Ну, ладно, друзьями там или нет, но уж лезть ко мне он больше не станет.

На следующее утро я шел в гимназию, как говорится, «со свободным дыханием». Без всякого страха и уныния — чуть ли не впервые за весь учебный год. Лыкунчик мне кивнул довольно дружелюбно, хотя в разговор и не вступил. Ну, это и понятно. Все же неловко ему за вчерашнее. Дружки Лыкунчика меня будто не замечали.

С последнего урока нас отправили в медицинский кабинет — делать прививки от энцефалита. Уже вторые в этом году.

Кто-то заныл и заспорил. Но я спорить не стал: в июне я собирался в летний лагерь, а там клеща подцепить проще простого. А Лыкунчик пробовал упираться: это, мол, дело добровольное — не хочу и не пойду. Но наша классная пообещала позвонить отцу и узнать, как тот относится к

принципу добровольности. Лыкунчик поежился и пошел…

Мой укол к вечеру заболел, даже температура слегка поднялась. Утром я объявил, что «болит по-прежнему» и по этой причине в школу я идти не могу. Бабушка меня поддержала.

Весь день я с удовольствием провалялся в кровати с книжкой про пиратов Карибского моря. И порой для видимости постанывал. Пока бабушка не сообщила, что ничего у меня не болит и что она это прекрасно знает, а на уроки не ходить разрешила потому, что в детстве сама была не прочь прогулять школу.

— Да, мы с тобой понимаем друг друга, — с удовольствием сказал я.

В шесть часов пришел отец. Я и бабушка на кухне пили чай с ванильными сухариками и смородиновым вареньем. Отец посмотрел на меня как-то очень внимательно.

— Ольга Георгиевна, могу я поговорить с сыном один на один?

— Кто же вам не дает? Странно даже…

Отец поманил меня в их с мамой комнату. Я ничего не понимал. Струхнул даже. Отец откинулся в кресле, помолчал и сказал:

— Непонятное дело. Меня вызывали к вашему

директору. Она говорит, что ты позавчера избил своего одноклассника Лыкова…

Меня — будто подушкой по голове. Даже пошатнулся.

— Я? Избил?!

— Так говорят.

— Кто говорит? Да ты видел этого Лыкова? Он сильнее меня в два раза, бугай такой! Он тот гад, который ко мне все время прискребался!

Отец поморщился.

— Оставь эту… терминологию тинейджеров. И послушай. Вчера он разделся для прививки — и у него спина в следах от побоев. И он сказал, что вы подрались на улице, он упал в лужу, а ты испугался и повел его к нам домой, заманил в ванную, а потом… вот тут самое непонятное. Он утверждает, что вы били его ремнем вдвоем с *братом.*С высоким веснушчатым парнем по имени Алексей.

— Ну и скотина… — выдохнул я. — Подонок! Я его спас, а он…

И тут я заревел. Как первоклассник.

— Перестань, — потребовал отец. — И расскажи, что было на самом деле.

Реветь я перестал не сразу, не так-то это просто. И рассказывал сквозь слезы. Но все откровенно.

А чего скрывать, если не виноват!

Хотя кое-что все же скрыл. Не сказал про свои мечты об автомате и про то, зачем заманил Лыкунчика на доску. Объяснил, что просто хотел оторваться от погони.

— Думал, он не решится… там, через шахту…

Отец не перебивал. А потом сказал, что трюк с доской — это идиотская выходка и чтобы я больше не смел так глупо рисковать. Но в глубине души, по-моему, он был доволен, что я не совсем трус. Помолчал и признался:

— Я сразу понял, что здесь что-то не то. Так и заявил директрисе. Сказал, что позавчера ты был дома один и никого избить не мог…

— Его наверняка папаша взгрел! За грязную куртку! А он побоялся сказать про отца, вот и все! Или решил мне отомстить… за то, что оказался передо мной… такой вот, беспомощный… А я-то с ним возился, когда он в штаны напустил… — И опять я всхлипнул. И снова отец поморщился.

— Ладно, все это ерунда. Вашей Валентине Константиновне я все объясню. Истина, как говорится, всплывет на поверхность. А теперь скажи-ка все-таки самое главное…

— Что?

— Откуда ты узнал про брата?

— Про какого?
— Про Алексея.

Оказалось, что у меня и правда есть старший брат Алеша (только без веснушек). Дело в том, что папа был женат дважды. Я про это слышал и раньше. Но я никогда не знал, что у отца и той женщины есть сын.

Сейчас отец изложил мне это сухо и будто через силу. Но я видел, что это просто от неловкости.

— Он живет с матерью в Калуге. Заканчивает школу. Ему восемнадцатый год…

— Почему вы мне раньше ничего не говорили?! — Я был ошарашен.

— Мама не хотела. И бабушка. Они считали, что та моя жизнь — дело прошлое и нашей семьи не должно касаться. На этих условиях мама и согласилась выйти за меня… Но надо отдать ей справедливость: она не спорила, когда я уезжал, чтобы повидаться с Алексеем.

Понятно теперь, почему меня не назвали Алешей. Не могут быть два Алеши у одного отца. — Целых одиннадцать лет я не знал, что у меня есть брат!

— Да. Это… было неправильно. Но я обещал. Я бы и дальше молчал, но сейчас мне показалось, что ты все уже знаешь. Решил, что поэтому ты и

сказал о брате тому… Лыкову…

— Нет. Это просто такое вот совпадение, папа…

На следующий день я разболелся по-настоящему. Может, от переживаний. В гимназию опять не пошел. И с утра до вечера укорял бабушку за то, что она всю мою жизнь водила меня за нос.

Бабушка оправдывалась и ссылалась на маму.

Но с мамой про Алексея говорить я не стал. Понимал, что в этом случае у них с отцом начнется «выяснение позиций». Мама у меня очень красивая и потому очень решительная. Хорошо, что мое воспитание она передоверила бабушке, а то всегда ходил бы по струночке.

А потом, через день, я вдруг успокоился. Ведь ничего в моей жизни не изменилось. Ну и что же, что брат? Во-первых, не совсем родной, а только наполовину. Во-вторых, далеко. В-третьих, гораздо старше меня, у него небось девицы и дискотеки на уме, а малолетние родственники ему в друзья не годятся.

Мама к тому, что секрет открылся, отнеслась довольно спокойно: «Вот и хорошо, одной проблемой меньше».

Теперь отец мог без утайки звонить в Калугу. Раза два говорил с Алексеем и я. Но разговоры были ничего не значащие: «Привет!» — «Привет!»

— «А я и не знал, что у меня есть брат…» — «Ну, ничего, теперь знаешь…» — «Может, когда-нибудь увидимся…» — «Обязательно увидимся. Возможно, этим летом. Вот поступлю в институт…» — «А ты куда будешь поступать?» — «Наверно, в политехнический». — «Ну, ни пуха ни пера». — «Ага. К черту…»

Это первый такой был разговор. Но и второй в том же духе. Алексей признался, что он-то знал про меня с младенчества и

не раз спрашивал про меня у отца. Но меня такое внимание почему-то не очень тронуло.

К нашей директорше меня не вызывали. Видимо, она во всем разобралась сама. Вот и хорошо. Не очень-то мне хотелось с ней беседовать, с нашей твердокаменной Валентиной Константиновной. Я бы, чего доброго, разревелся там, как при отце. Или, наоборот, вскипел бы и наговорил чего-нибудь «вызывающего».

Лыкунчик меня не задевал и не глядел на меня. Его приятели — тоже. Ну и прекрасно! Ничего другого мне и не надо было от этого предателя. Конечно, предатель!.. И все же я ни разу не пожалел, что там, на седьмом этаже, не ударил каблуком по доске. Как бы я сейчас жил? Иногда мне снилось, что я все-таки ударил. Будто никто этого не

знает, но я все время помню размозженное тело Лыкунчика на кирпичах. «Убийца…Убийца…»

Да на кой черт он мне сдался, чтобы я из-за него всю жизнь потом мучился!..

Впрочем, ну его, Лыкунчика. Больше в моем рассказе его не будет.

Я благополучно окончил пятый класс и в начале июля уехал в летний лагерь «Богатырская застава».

ГОРЯЩИЕ ТОЧКИ

Бывают же такие злые совпадения!

В ту ночь, когда заполыхал наш дом, я тоже чуть не сгорел, хотя находился далеко от города.

Наш отряд «Алеша Попович» отправился в двухдневный поход, и на ночевку мы встали в сосновом лесу на берегу Птичьего озера.

В палатке было душно, и среди ночи я с одеялом на плечах выбрался наружу. Сел у костра. Здесь было еще несколько «поповичей», которым не спалось. Я смотрел, как искры летят к черным лесным верхушкам. Вверху искры не гасли, а продолжали гореть, как очень далекие стоп-сигналы. Так мне казалось. Их можно было принять за звезды. Только звезды голубые и белые, переливчатые, а горящие точки были пунцовые. Может быть, они намекали на беду. Но я ничего не предчувствовал, было только немного грустно.

Скоро меня сморило. Я на этом же месте улегся на бок и уснул. Уснули, видимо, и другие. Даже те, кого назначили костровыми.

Никто не видел, как ползучий огонь по сухой хвое подобрался к моим ногам и начал глодать правую штанину. Он выел изрядный кусок

джинсовой ткани и наконец куснул меня за щиколотку. Я взвился ракетой, взвыл и заплясал.

Перепуганный костровой облил мне ноги из «дежурного» ведра. Инструктор Володя, студент медицинского института, смазал ожог каким-то холодящим кремом и забинтовал.

— Держись, «попович», это не смертельно, через пару суток заживет. Со штанами хуже, терапия здесь бессильна. Разве что хирургическое вмешательство.

Но я махнул рукой. Подвернул штанины до колен — обгорелую и уцелевшую. А вернувшись в лагерь, сунул джинсы в самую глубь рюкзака. У меня были еще шорты из палаточной ткани — потертые, много раз чиненные, но прочные — мне их потом хватило до конца лета.

А про пожар я ничего не знал до конца смены. Лишь за день до прощального праздника приехал на нашем красном «жигуленке» отец. И все рассказал — коротко и насупленно.

Почему-то я сперва не очень огорчился. Наверно, просто отупел от неожиданности. И обиделся:

— Почему сразу-то не сообщили?

— А зачем? Чтобы испортить тебе здешнюю жизнь?

— Какая здешняя жизнь? Я бы тут же приехал!

— Зачем? — опять сказал он.

— Ну… помог бы. И вообще…

— Какая там помощь! Только путался бы под ногами.

…Отец раньше был пилотом на местных самолетных линиях. Потом рейсы стали сокращать — у авиакомпании не хватало денег. Летчики увольнялись: кто по собственному желанию, кто по сокращению штатов. Уволился и отец. Тем более что к тому времени у него вдруг стало сдавать зрение.

Жаловаться на судьбу он не стал. Поступил конструктором в фирму «Альбатрос», где проектировали и выпускали дельтапланы. Ну, и не только дельтапланы, а много чего — от коек-раскладушек до разборных павильонов для выставок. Но отец занимался главным образом дельтапланами, летчик все-таки.

Впрочем, теперь он не был похож на летчика. Вместо синей формы носил костюм, отпустил бородку и сделался похожим на Чехова с фотографии из собрания сочинений. Особенно когда надевал очки (а надевал он их все чаще). Мамина знакомая Клара Ивановна как-то сказала, что «у Максима

Аркадьевича в общении с людьми появилась «чеховская мягкость». Так оно, видимо, и было. Но в трудные моменты и в минуты досады проявлялся в папе и прежний командир воздушной машины. А иногда этот командир и «Чехов» сливались в нем. Это и был мой папа Максим Аркадьевич Иволгин.

От слов отца, что я только путался бы под ногами, обида у меня усилилась.

— Тогда почему ты сейчас приехал? Уж дал бы мне дожить тут до конца! Завтра у нас закрытие смены, я уже богатырский костюм приготовил для выступления. Зря, что ли, старался?

— Завтра я не могу. Масса дел.

— Ну и не надо. Я с ребятами вернулся бы на электричке…

— И приехал бы к головешкам. Представляю твою реакцию.

Да, в самом деле…

Пока мы говорили, один за другим подбегали ребята.

— Уезжаешь, «попович»? Жалко…

— Почему тебя Поповичем дразнят?

— Никто меня не дразнит! Мы все друг друга так зовем. Потому что имя отряда такое!

Отец понял, что задел мою больную струнку

— напомнил о неприятностях в гимназии.

— Ладно, иди попрощайся с «поповичами» и возьми вещи, начальника я уже предупредил. Не канителься, пожалуйста.

Я и не канителился, через пять минут вернулся с рюкзаком. Кинул его на заднее сиденье, а сам устроился рядом с отцом. Пристегнулся. Отец покосился:

— Ты же знаешь, что впереди можно ездить с двенадцати лет.

— Ну как гаишники определят, одиннадцать мне или двенадцать?

— Могут потребовать мой паспорт. Ты туда вписан с датой рождения.

На все у него есть короткий ответ. Как пункт из летного устава. Я засопел и стал отстегивать ремень. Отец покосился опять:

— Ладно, сиди…

Я сказал примирительно:

— Все равно на этой дороге до самого города нет ни одного поста.

— Мы не в город, а в Старые Колодцы.

— Почему?

Отец внимательно посмотрел на меня.

— Саша, я понимаю: ты еще не вник в ситуацию до конца. Ты пойми. От дома не осталось почти

ничего. Мы все живем сейчас на участке.

У поселка Старые Колодцы в коллективном саду у нас кусочек земли и похожий на скворешню домик. Теперь, значит, это наш единственный дом. Я наконец осознал, какая же случилась беда. И крепко замолчал, чтобы не разреветься.

Отец по проселку вывел машину на тракт. И тоже молчал. Меня это молчание скоро стало давить не меньше, чем сама беда. Я сказал насупленно:

— Значит, это тринадцатого числа случилось?

— В ночь на тринадцатое… Вот и не верь после этого приметам.

— А я в эту ночь тоже чуть не сгорел. Заснул у костра. Смотри, след на ноге… — Выше косточки было коричневое пятно, похожее на маленький кленовый лист. Сказал и пожалел. Сейчас услышу: «Нельзя быть таким растяпой».

Отец, однако, глянул на ожог и спросил:

— Больно было?

Я сразу затеплел от этой нотки сочувствия.

— Сперва больно, конечно. Но быстро прошло, есть мазь такая, специальная… Джинсы только спалил…

— А вот это досадно. В чем в школу-то пойдешь? Вся одежда сгорела.

— В школу в джинсах все равно не пускают. Не знаешь разве нашу Валентину Константиновну? Она установила: только в школьной форме или в костюме с галстуком. Это же гимна-азия…

Отец быстро посмотрел на меня опять. И снова — вперед. Встречные самосвалы и автобусы проносились так, словно рядом лопались громадные воздушные шары. Выбрав минутку, когда машин стало меньше, отец сказал:

— Ну посуди, какая теперь гимназия. Не будешь ведь ты ездить туда через полгорода. Нам придется заводить новое жилье, квартира в центре стоит таких денег, какие нам и не снились. Будем искать на окраине. Да и то придется вывернуть все карманы и влезть в долги.

— Но ведь дом застрахован! — вспомнил я.

— Этой страховки хватит лишь на прихожую… А нам надо не меньше трех комнат с кухней… Если бы Ольга Георгиевна не отстаивала грудью родовое гнездо и продала дом, когда ей это предлагали, хватило бы на четыре комнаты в центральном микрорайоне.

Владелицей дома по закону была моя бабушка — мамина мама и папина теща. Наш покосившийся дом она очень любила. Он был столетний, с обломанной резьбой наличников и маленьким

мезонином (в котором летом обитал я).

Дом сохранился от старого городского квартала и стоял, зажатый со всех сторон многоэтажками. И районные власти, и всякие частные фирмы не раз предлагали бабушке деньги или большую квартиру взамен «вашей музейной развалины». Бабушка сопротивлялась, даже в суд ходила. И суд защитил ее права («Хотя это весьма странно», — говорил отец). Но всякие посетители продолжали осаждать нас. Очень уж хотелось им построить на этом месте что-то свое, современное. Отец утверждал, что в конце концов нас все равно сроют или сожгут.

— Думаешь, подожгли?

— А ты думаешь, от жучка-светлячка загорелось? Подпалили с четырех углов. В точности, как я предрекал твоей бабушке.

Мне стало обидно за бабушку, и в отместку я сказал:

— А тебе жалко лишнюю каплю бензина истратить на меня? Все равно ведь будешь ездить на работу. Мог бы завозить меня в гимназию, не большой это крюк…

О гимназии я, конечно, не жалел. И отец это знал. Еще до случая с доской на седьмом этаже он не раз говорил мне: «Никто человеку не поможет,

если он боится. Надо уметь преодолевать себя и научиться давать отпор». — «Себя-то я преодолею! А их? Попробуй, когда десять на одного!» — «Трус всегда найдет оправдание…»

Мама за меня заступалась:

— Мало того, что в армии дедовщина, так еще и в школе ее завели! А считается, что это элитное учебное заведение!

Отец отвечал, что дедовщина — общий признак нынешней современной жизни.

— И никуда от этого не денешься, такова система. Надо учитывать реальные условия.

Они с мамой отвлекались от меня и начинали спорить об условиях жизни. Мама заведовала отделом в налоговой инспекции и утверждала, что, если бы все предприятия не уклонялись от уплаты налогов, в стране был бы уже рай. А папа отвечал, что, если с фирм по-прежнему будут сдирать такие подати, скоро наступит всеобщее разорение. Такая вот у них была государственная тема для дискуссий. Но вообще-то они жили дружно (хотя, конечно, случалось всякое).

Я в государственные споры не лез, уходил к бабушке. Она-то меня понимала…

Ну, а сейчас я был только рад, что пойду в другую школу. Пускай без всяких там эстетических

программ и бальных танцев. Зато, может, легче жить станет. И про бензин я сказал просто так, с досады.

Отец не рассердился. Объяснил печально:

— На машине мы едем скорее всего последний раз. Она тоже пойдет в уплату за новую квартиру. Хотя много за эту тележку не дадут, не «Мерседес». А потом придется проститься и с участком. Тем более что страховку надо еще выколачивать, не так-то это просто… Короче говоря, мы — классические погорельцы.

Я вдруг представил черные обгорелые бревна и провалившуюся крышу. Будто наяву увидел. И перехватило горло.

— Папа, останови, — попросил я сипло.

— Зачем?

— Ну, зачем-зачем! В кусты хочу…

Отец затормозил на обочине. Я ушел подальше в придорожное мелколесье. Там уперся лбом в березку и коротко, взахлеб выплакал подступившее горе. Размазал слезы по щекам.

К счастью, рядом оказалась лесная лужица. Я умылся. Вода пахла брусникой.

Когда я вернулся, отец сразу заметил:

— Почему у тебя разводы на щеках?

Мог бы и не спрашивать.

— Я умылся оттого, что меня укачало.

— Не знал, что тебя укачивает даже в машине.

«Даже» — потому что однажды он взял меня в полет до Со-сновки. И в самолете я умотался так, что обратно пришлось отправлять рейсовым автобусом. Хорошо, что нашелся знакомый попутчик.

— Да, бывает и в машине. Я не только трус, но и неженка.

— Александр, что с тобой?

— А с тобой? Ты со мной говоришь так, будто это я виноват в пожаре.

— Разве? — Он помолчал. — Ну, извини… Ты ведь должен понимать, как мне сейчас тошно.

— Я… понимаю…

И маме, и бабушке тоже было несладко. Но бабушку несчастье не сломило. Она стала еще более маленькой и сухой, но походка ее осталась твердой. И рот был сжат упрямо.

Я понимал: бабушка чувствует себя как полководец, который держался в осажденной крепости до конца. Да, крепость сожгли, но не в бою, а предательством. Честь знамени осталась незапятнанной. И моя замечательная бабушка, Ольга Георгиевна Ясницкая, смотрела на всех с печалью, но гордо.

Правда, когда мы оказались вдвоем, твердость бабушку на минуту покинула. Бабушка обняла меня и всплакнула:

— Видишь, Алик, остались мы почти без всего.

Но это «почти» было не таким уж и маленьким. Судьба сделала нам кое-какие поблажки. Во-первых, уцелели все документы. Бабушка, словно чуя беду, хранила их в могучем дубовом сундуке, вместе со старыми письмами и фотографиями. А паспорта и страховые бумаги дополнительно прятала еще в жестяную шкатулку из-под старинных леденцов. Сундук обуглился, но не пустил внутрь пламя и жар, все бумаги уцелели.

Во-вторых, незадолго до пожара бабушка временно уступила краеведческому музею фамильный фарфоровой сервиз (со всякими нарисованными дамами и кавалерами) и двухметровые часы со стеклянными дверцами и похожим на медную сковородку маятником.

А кроме того (вот удача!), за день до беды отец отвез в мастерскую наш телевизор «Айва». Это моноблок со встроенным видеомагнитофоном. Теперь он был нашим утешением. Без телевизора современному человеку ох как тяжело. Особенно когда живешь в дощатом домике, вдали от городской цивилизации.

Домик этот был очень тесный, мы вчетвером еле помещались. Я, посмотрев какое-нибудь кино, укладывался спать снаружи, на раскладушке отцовской фирмы.

Иногда я подолгу не спал. Смотрел в белесое летнее небо, на звезды. Среди звезд были теперь не только голубые и белые, но и розовые. И даже красные. Горящие точки. Я вспоминал искры походного костра.

Но ведь по правде-то это не искры. Громадные солнца. А вокруг них — планеты. Может, там тоже пожары?..

На яблонях шевелились черные листья, качались незрелые яблоки. Маленькие, кислые, сорт был неважный. Иногда я срывал и жевал их. И, кроме кислоты, мне в них чудилась горечь. Горечь прощания. Ведь нашими-то эти яблони, этот щелястый дом-скворечник будут совсем недолго.

И даже торчащее над грядками пугало по имени Данилыч будет не нашим.

Данилыч был с головой из пластмассовой канистры, с ногами из старых валенок, с руками из веников. В растерзанной соломенной шляпе, в драной отцовской рубахе. Поверх рубахи была надета моя жилетка, сделанная из старой школьной курточки.

Эта жилетка была у нас с Данилычем одна на двоих. Иногда, если моросило или делалось зябко, я надевал ее на себя. Но это случалось редко, лето стояло теплое.

Несмотря на грусть, жизнь у меня была довольно беззаботная. Зато родителям доставалось. Ранним утром они на электричке (машины уже не было) уезжали в город. Там — и работа, и квартирные хлопоты. Я знал, что квартиру уже присмотрели, теперь торговались и оформляли бумаги.

Бабушка тоже иногда уезжала. Она взяла на себя школьные хлопоты. Меня записали в шестой класс неизвестной мне школы номер двадцать девять.

— Вполне приличная школа, — сказала мне бабушка. — И самое хорошее то, что там есть класс с усиленным изучением английского языка. В него тебя и определили. Ну, а немецким придется пожертвовать, что поделаешь…

Английский мы изучали в гимназии с первого класса. А с пятого начали и немецкий. Бабушка этому радовалась. А я ничуть. Не был я прилежным учеником, надо сказать это прямо.

Когда я оставался на участке один, то уходил бродить по окрестным перелескам, или десятый

раз читал роман «Трудно быть богом», или включал видик со своей любимой кассетой. Книжка и кассета во время пожара оказались в сундуке (бабушка их спрятала на время моей летней смены) и поэтому сохранились.

На кассете была никакая не модная группа и не боевик. Был старый-старый фильм «Остров сокровищ» и выступление мальчишечьего хора из Ленинградской области. Я его сам однажды записал. Особенно мне нравилась песня «Аистенок». И мелодия нравилась, и слова, и как ребята ее поют… Такие замечательные лица были у этих мальчишек! У всех! Вот бы мне хоть одного такого друга…

Наконец мы перебрались в город. На окраину, в поселок Стекловск. Раньше это было отдельное большое село. Старинное, со стекольной фабрикой. Потом оно срослось с городом. Сейчас отсюда до центра ходили трамвай и автобус.

Несколько лет назад городское начальство решило строить в Стекловске новый микрорайон. Денег, однако, хватило на один дом. Он был длинный, изогнутый дугой, светло-серый.

А при ярком солнце издалека дом выглядел даже белым. Наверно, если смотреть с самолета, похоже было бы, что среди пестрых крошечных

домиков и зелени бросили кусок обсыпанного мукой кренделя.

Наша трехкомнатная квартира оказалась в крайнем левом подъезде, на самом верхнем, на девятом этаже. Взрослые говорили, что это плохо, зато дешевле. А я был доволен. Из окон открывался широкий вид — до лесов на горизонте. И хорошо, что никто не будет топать над головой (мне про такое думать было тошно). Достаточно того, что под нами еще аж целых восемь жилых слоев. Когда я вспоминал про это, почему-то делалось муторно, почти как в самолете. Словно меня поселили в какой-то неземной многопространственный мир.

Бабушка со мной соглашалась, но говорила, что привыкнем.

— Лишь бы не ломался лифт.

К счастью, лифт работал нормально. Мне он понравился, не то что папин самолет.

Были у новой квартиры и еще кое-какие хорошие стороны. Например, электроплита. Не надо бабушке по десять раз на дню вздрагивать: выключен ли газ? И центральное отопление — тоже здорово! Конечно, плохо без уютных печек, зато никакой возни с дровами. И воду для ванны не надо греть в колонке, открыл кран — и

пожалуйста! Ржавая газовая колонка в старом доме часто ломалась. Взрослые предпочитали ходить в ближнюю баню, где были «номера». А для меня бабушка грела воду на плите. И мыла меня в ванне, как малое дитя. Аж до десяти лет, пока я не начал отбрыкиваться. Не то чтобы я очень стеснялся, но отец сказал однажды:

— Он же не младенец, сколько можно играть с ним, как с пупсиком…

Комнаты были полупустые, ничего лишнего. Кое-какую мебель отец раздобыл у друзей. Стол, шкаф и табуретки привезли из садового домика. Спали на раскладушках (в фирме «Альбатрос» дали их папе бесплатно). Зато уютно, как в старом доме, тикали высокие стенные часы, которые (если верить бабушке) появились на свет еще при жизни Пушкина.

Тикали они, тикали и натикали время, когда надо собираться в школу.

К счастью, в садовом домике сохранилась моя прошлогодняя школьная форма. Бабушка увезла ее туда в начале лета, чтобы у меня была «спецодежда для сельхозработ». Но по причине жаркой погоды спецодежда тогда не понадобилась, а теперь пригодилась.

Конечно, костюм оказался маловат, особенно в

длину. Бабушка чудом каким-то нарастила рукава, распустила внизу штанины, использовав весь подгиб. Почистила, погладила.

Все равно брюки были коротковаты. Но, если приспустить их под курткой, то сойдет. Все равно другого ничего не было.

Получив пенсию, бабушка купила мне две белые рубашки и черный галстучек. Я содрогнулся.

— В новую школу надо идти в приличном виде, — сообщила бабушка. — Хотя бы в первый день…

Я покорился.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ В ДЕНЬ ЗНАНИЙ

Но первого сентября в школу я не пошел.

Ночью у меня нестерпимо заныл зуб. А утром оказалось, что левая щека значительно круглее правой.

— Идем в поликлинику! — категорически решила бабушка. — До обеда успеем. Ведь у вас занятия с двух часов.

Я обомлел. До той поры у зубного врача я не лечился ни разу.

— Не хочу!

— Как не стыдно!

— Ты же знаешь, что я трус!

— А если случится воспаление челюсти и сепсис? Тебе известно, сколько людей умерло от такого заражения?

Мне это не было известно. Бабушке, наверно, тоже. И все-таки я сник. Бабушка знала, чем меня взять. Всякой инфекции и смертельных заболеваний я боялся не меньше, чем хулиганов и самолетной болтанки.

— Надень сразу школьный костюм. Возможно, потом будет некогда.

На трамвае мы поехали в центр, потому что

на учете в поликлинике я стоял еще по старому адресу. Трамвая ждали долго, ехали чуть не час. А надутая тетка в регистратуре сказала:

— Без медицинского полиса на прием не записываем.

Полис у меня был, не сгорел. Но, конечно же, мы его забыли.

— Вы же видите, мальчик с острой болью! — вознегодовала бабушка.

— Мальчик с болью, а я с инструкцией. Идите к главному врачу.

Главный врач был, естественно, на совещании. Видимо, обсуждали вопросы о борьбе с бюрократизмом в обслуживании пациентов.

Бабушка разменяла последнюю крупную ассигнацию, и мы помчались за полисом на такси. А потом обратно. Бабушка сказала, что на эти деньги мне можно было бы купить половину новых брюк — левую или правую, на выбор. Я на это не откликнулся — зуб разболелся так, что солнце казалось фиолетовым.

Когда вернулись в поликлинику, была уже половина двенадцатого. Оказалось, что врач ушла на перерыв и появится только через час. Ой, ма-ма-а!..

— Если невтерпеж, идите во взрослую по-

ликлинику, там примут с сильной болью. Это недалеко.

Ничего себе недалеко! За пять кварталов!

В зубе и щеке бесновались горящие точки, которые я привык видеть в небе.

Наконец пришли, отыскали. В регистратуре очень симпатичная девушка сказала, что пожалуйста, но лечащий врач будет лишь после двух, а сейчас работает только хирург. Чтобы удалять…

Ага, знаем мы это «удалять»! Щипцами…

Бабушка взглянула на меня с горьким состраданием. И за плечо развернула к двери.

— Идем.

— Куда еще-то? — простонал я.

— Последний шанс.

И через квартал привела меня к двери с вывеской «Детская и взрослая стоматология».

— Это платная лечебница. Но делать нечего…

В платной лечебнице все пошло быстро.

— Пожалуйста, на второй этаж, в первый кабинет.

Видимо, с перепугу зуб перестал болеть. Совершенно перестал. Только, если тронуть языком, чувствовалось. Но назад пути не было.

В первом кабинете оказались два врача — женщина и мужчина. Женщина сказала:

— Игорь Васильевич, взгляните, что у мальчика… — И вышла.

Игорь Васильевич был приземистый, полный, разговорчивый.

— Устраивайся, дитя мое…

Я взгромоздился на узкое кресло и беспомощно откинулся в нем. Ноги далеко вылезли из школьных штанин.

— Раствори пасть, отрок… Та-ак. Картина ясна. Что же ты, друг мой, этак запустил свой клык?

— Не болел же…

— Ну, ладно… Здесь два варианта. Или лечить, или сразу долой. Но с лечением будет много возни. И едва ли пломба удержится долго. Зуб на последнем издыхании. И ходить сюда придется не раз…

В такую-то даль!

— А что… — начал я жалобно и устыдился неоконченного вопроса.

— Что больнее?

— Что дороже? — с остатком мужества сказал я.

— Пломба не в пример дороже. Раз в десять.

И он назвал число, от которого я чуть не катапультировался в окно вместе с креслом.

— Дергайте!..

— Вот речь не мальчика, но мужа… Потерпи чуток, сейчас будет самое неприятное. Зато остальное — пустяки…

Что? Укол? Ну, это пусть. Это все же не щипцы… Ай! — в десну ощутимо кольнуло.

— Теперь надо подождать несколько минут. Или в коридоре, или можно здесь. Все равно никого больше нет.

— Лучше здесь.

Я стал ждать и смотреть в окно. И незаметно двигал ногами, чтобы приспустить задравшиеся штанины. За окном дробно стучали пневматические молотки — дробили асфальт. Игорь Васильевич закрыл форточку.

— С утра барабанят. Будто по затылку.

Я вспомнил недавнюю телепередачу и поддержал разговор. Чтобы доктор не думал, будто «отрок» совсем сомлел.

— Как автоматы в горящих точках.

— В горячих…

— Ну, все равно. В «горящих», по-моему, правильнее.

— Да?.. Возможно… Как твоя нижняя челюсть?

— Будто задубела… Так и надо, да?

— Так и надо.

Тут меня укусил новый страх.

— Скажите, а шприц… он был одноразовый?

— Вполне одноразовый и совершенно стерильный. СПИДа опасаешься?

Как он догадался? От стыда я на миг весь задубел, как челюсть. Игорь Васильевич подошел, взял со стеклянной тумбочки блестящие щипцы. Я резко озяб. Даже ноги покрылись гусиной кожей.

— Боишься? — понимающе спросил он.

Я сказал с отчаянной честностью:

— Естественно. Кто этого не боится…

— Открой пошире… И подожди бояться, это еще не сейчас, я только примеряюсь… Смотри! — и показал зажатый в щипцах длинный зуб с черной дырищей.

— Это… мой, что ли?

— Ну, не мой же… Сплюнь.

Я плюнул в блестящую чашку розовой слюной.

— Вы… прямо артист своего дела. — Я таял от счастья.

— Бесспорно. Теперь слушай совет: старайся никогда не бояться раньше времени. «Гамлета» не читал еще?

— Фильм смотрел. Со Смоктуновским. А еще в гимназии отрывок ставили на сцене. На английском языке…

— Ага, образованное дитя… Помнишь в его знаменитом «Быть или не быть» такие слова:

Так трусами нас делает раздумье,
И так решимости природный цвет
Хиреет под налетом мысли бледном…

— Ага, — соврал я, — помню. Но, кажется, это не совсем про то.

— Оно про то, что воображаемые страхи часто оказываются гораздо больше, чем настоящие… Ну, ладно. Заткнем пробоину ватой, держи ее пятнадцать минут. Два часа не есть и не пить. Потом сутки полощи рот после еды… Вставай, гимназист. До свидания. С Днем знаний тебя.

— Спасибо… Ой! Я сейчас у бабушки деньги возьму.

— Оставь деньги бабушке. Или пусть она ими порадует тебя. В порядке компенсации за душевные терзания.

— Ну… неудобно как-то… — промямлил я.

— Удобно, удобно. Ты уже расплатился пережитым ужасом. Больше не бойся так, помни Шекспира…

— Спасибо, — опять пробормотал я.

Бабушка нетерпеливо переживала за меня в коридоре. Я гордо оттянул нижнюю губу:

— Э!.. А?

— С ума сойти! Ты же не хотел удалять!

— А знаешь, сколько стоило бы лечение? Уже не полштанов, а целые штаны!

— А… дерганье сколько?

— Нисколько! Из уважения к пациенту в галстучке. И в награду за его беспримерное мужество.

— Ты достойный потомок храброго кавалергарда Льва Андроновича Шеметилова-Гальского, — величественно произнесла бабушка. Глаза ее смеялись.

— А ему тоже дергали зубы?

— Не исключено. Хотя прославился он не этим, а подвигами на полях сражений.

Бабушка любила вспоминать своего прадедушку, который, по ее словам, был блестящим офицером, храбрецом и дуэлянтом.

Мы пошли к трамваю. Не спешили. В школу я все равно опоздал, был второй час. Да и опухоль со щеки не сошла еще. Не идти же «первый раз в новый класс» с перекошенной физиономией…

— Ладно, там сегодня, конечно же, не уроки, а всякие линейки-приветствия, — утешил я бабушку и себя.

«Наградные деньги» я просить у бабушки не

стал. Она и так вон сколько высадила на такси. Самое обидное, что зря: в частной поликлинике полис никто не спросил.

Наркоз отходил, десна слегка ныла, но это был пустяк. Душа у меня радовалась. Так, наверно, бывает у каждого, кто избавился от больного зуба.

ВТОРОЕ СЕНТЯБРЯ

Второго была суббота. Бабушка напомнила:

— По субботам у вас занятия с двенадцати.

Я сказал, что хоть с какого часа, все равно это свинство. Даже в гимназии с ее раздутой программой была пятидневка.

— Зато здесь не бывает по восемь уроков. Не ворчи… Проводить тебя?

— Я, по-твоему, первоклассник, да?

Мне очень хотелось, чтобы бабушка заспорила и проводила. Но она обрадовалась:

— Вот и прекрасно, люблю самостоятельных мужчин… Найдешь в школе завуча Клавдию Борисовну, она про тебя знает. Отведет в класс и все объяснит.

Мама и отец были на работе — их тоже не баловали пятидневкой.

Мой старый школьный рюкзачок погиб на пожаре. Я сложил книги и тетради в пластиковый пакет с маркой фирмы «Альбатрос».

— Ни пуха ни пера, — значительно сказала бабушка.

Я молча посмотрел на нее: ответ, мол, знаешь сама.

Школа была недалеко, в четырех кварталах. Ее крышу я видел из окна. Путь к школьному крыльцу лежал через широкий двор с кленами и тополями вдоль заборов. Над левым забором поднимались высокие прямые сосны — там был то ли сквер, то ли просто остатки леса. Недавний сильный ветер накидал во двор сухие легкие шишки, они трещали под подошвами. Этими шишками кидали друг в друга веселые пацанята — наверно, второклассники. Побросав у скамеек ранцы, они со смехом носились среди тех, кто постарше. Старшие стояли кучками. Все такие пестрые, не то что в нашей гимназии. Может, вчера, в торжественный день, они и приходили в пиджаках и галстуках, но сегодня все опять по-летнему.

Я в своей отглаженной форме сразу почувствовал себя идиотом.

Но надо было держаться.

Я потрогал языком «пробоину» между зубов и окликнул одного шишкометателя — растрепанного, тонконогого, в красной майке со слоненком Денди.

— Эй, камрад! Где у вас кабинет завуча?

Он склонил к плечу лохматую голову, прищурил один глаз, а другим — голубым и веселым

— глянул с любопытством.

— Тебе которую завуч? Для маленьких или для старших?

— Для таких, как я. Которая Клавдия Борисовна.

— Она не в кабинете, а вон она! — Он вытянул коричневую руку. — Которая в зеленом платье.

Я глубоко вздохнул для храбрости и пошел навстречу новой жизни.

— Подожди! А что такое «камрад»? — Голубой глаз мальчишки требовательно смотрел мне вслед.

— Ну, это вроде как «боевой товарищ»…

— А! Тогда годится!

Завуч Клавдия Борисовна выслушала меня и покивала:

— Да, помню. Твоя бабушка приносила документы… — И одной из учительниц, которые оказались рядом: — Дора Петровна, это ваше пополнение, я предупреждала.

— Пойдем, пополнение, — сказала Дора Петровна.

Она мне понравилась больше, чем завуч. Молодая еще, с такой же короткой прической, как у мамы. Когда шли к школьному крыльцу, она спросила:

— С немецким-то как у тебя?

— Нормально, пятерка была за год… Но зачем он тут? Мне сказали, что я в английском классе.

— Видишь ли… с английским не получилось. Он переполнен, там конкурс, а ты опоздал…

Ну вот, начинаются сюрпризы, подумал я.

— Ты не огорчайся. Английским ты можешь заниматься самостоятельно или с репетитором, а потом, если захочешь, сдашь экзамен…

Ну да, этого еще мне не хватало.

В школе затарахтел звонок. Такой же, как в гимназии…

А дальше все как водится:

— Ребята, это ваш новый товарищ Саша Иволгин. Надеюсь, вы подружитесь… Где бы тебе сесть?.. Настя Пшеницы-на, ты ведь одна? Катя от нас уехала в Новгород… Саша, ты не против, чтобы сидеть с девочкой?

Я пожал плечами. Со своим уставом в чужой монастырь не суются. Потом посмотрим.

— А ты, Настя, не против новичка?

Настя сказала, что пусть. Катя уже не вернется, а мальчики тоже иногда бывают людьми…

Парты в классе были ужасно старинные. А может, просто старые. Я такие раньше только в кино видел: наклонные, с выемками для чернильниц,

которые давно уже не в ходу. Покрашены они были зеленым. Я неловко влез на свое место. Пакет с книгами примостил сбоку, на полу. У столов в гимназии были крючки для ранцев и мешков, а тут…

— Положи книги в парту, — шепнула Настя. И откинула на зеленой столешнице крышку. Под крышкой была полка. Вот здесь, значит, как! Пакет я положил, а крышку опускать не стал — так просторнее.

Я украдкой глянул на соседку. У Насти Пшеницыной было круглое и немножко обезьянье лицо. Не очень-то красивое, но, по-моему, славное. Глаза серые, светлые волосы подстрижены в кружок, будто у мальчика-пастушка из фильма про русскую сказку. А в ушах — колечки из позолоченной проволоки.

— Значит, ты — Саша?

— Одиннадцать лет и три месяца, — буркнул я. И стал смотреть под крышку, на свои ноги. Для ног была специальная подставка. Но как их ни пристраивай, штанины все равно ползли вверх. Носки были короткие, голые щиколотки беспомощно торчали из брюк.

Я тихонько завозился, чтобы незаметно стянуть штанины ниже. Настя шепнула опять:

— А тебе нравится твое имя?

— Не знаю. Имя как имя. Обыкновенное.

— А мне мое нравится. Знаешь, почему?

— Не знаю…

— Потому что из него нельзя сделать пренебрежительное. Нину можно назвать Нинкой, Свету — Светкой, ну и так далее. А Настю как? «Настька» — это трудно выговаривается.

— Можно просто «Наська», — не удержался я.

— Не смей! — она дурашливо толкнула сандалеткой мою кроссовку. — Не вздумай называть меня Наськой!

— Слушаюсь, ваше благородие… — Мне стало гораздо свободнее. И я решился: — Вообще-то меня иногда зовут Алька. Ребята… Ну, друзья-приятели…

Она не удивилась. Сказала просто:

— Да? Вот и хорошо.

Я опять повозился и поглядел на ноги. На свои, а потом и на Настины. На черные лаковые сандалетки и тугие белые гольфы. Она была в коротеньком клетчатом платье, а коленки — твердые и блестящие, как бильярдные шарики из слоновой кости… Я вдруг испугался, что она проследит мой взгляд, закашлялся, закрыл парту.

Настя опять шепнула:

— А мне одиннадцать будет только в октябре. Пятнадцатого.

— Значит, ты еще маленькая.

— Подразнись, подразнись…

Дора Петровна громко сообщила:

— Беседовать перестали. Вздохнули, сосредоточились… — Класс старательно завздыхал. — Достали тетрадки по русскому языку. Не будем отступать от традиций: сейчас короткое сочиненьице о каком-нибудь интересном случае из летней жизни…

— У-у-у!!

— Понимаю. «У» — тоже традиция. Каждый год…

— Времени же мало!

— Я сказала: сочиненьице. На страничку, не больше. Как заметка в стенгазету…

Я это дело предвидел. Так и в гимназии бывало. Только придешь — и сразу: «Пишем! Тема «Как я провел лето»!»

Поэтому я прихватил листок с прошлогодним сочинением. Про то, как однажды вечером я и Вовка — мальчик с соседнего садового участка — увидели над лесом НЛО. Большой светящийся шар. И Вовкин пес увидел. И завыл — то ли от ужаса, то ли от восторга. А потом он долго ходил

за нами и тыкался в нас холодным носом. Кажется, спрашивал: что же это такое было? А мы сами не знали. Ведь природа НЛО до сих пор неизвестна… С той поры пес каждый вечер садился у калитки и смотрел в сторону леса. Наверно, ждал, не появится ли светящийся шар снова. Может быть, в собаке проснулась тоска по космосу. Ведь имя у пса было как у самой удаленной от Земли планеты — Плутон.

Сейчас я скатаю свое гениальное творение в новую тетрадь — и никаких проблем. А у Пшеницыной, видать, были проблемы. Она сморщилась, как обманутая мартышка.

— Я ничего-ничегошеньки интересного не могу вспомнить.

— Придумай что-нибудь.

— Я бестолковая.

Ах, как приятно быть рыцарем-спасителем. Я положил листок ей на колени.

— Скатывай. Только меняй мужской род на женский. Не «я увидел», а «я увидела» и тэ дэ.

— Ой, Алька… Вот спасибо-то.

— На здоровье. Ты же сама сказала, что среди мальчишек встречаются люди.

— Конечно…

На рассохшейся парте у крышки была щель.

Широкая, в палец. Настя прямо через нее и прочитала мое сочинение.

— Ух ты, пятерка… Только тут написано: «Я жил в садовом домике». А у нас ведь нет сада за городом.

— Кто тебя будет проверять? Ну, скажешь: гостила у знакомых…

— А ты как? Ты ведь это для себя…

— Подумаешь! — И я с ходу написал название: «Старик-огневик»…

«Летом я жил в лагере «Богатырская застава». Наш отряд однажды отправился в поход. У Птичьего озера мы остановились на ночной привал. Поужинали кашей и печеной картошкой и легли спать. Я лег у костра, потому что в палатке было жарко. Лежу и вижу: из огня выбрался старичок. Ростом он был с полено, а борода у него была очень длинная, и в ней горели искры. Он стал что-то говорить, но без звука. Я смотрел на него и старался расслышать. А он сердился и мотал бородой. Вдруг мне сильно обожгло ногу. Это конец огненной бороды зацепил ее. Я вскочил и заплясал как сумасшедший. Старик пропал. Когда я рассказал про него, ребята смеялись. Ногу смазали и забинтовали. А инструктор Володя объяснил: «Ты уснул близко от огня».

Получилась как раз страница. Наверно, хватит. Но я еще дописал на обороте:

«Тлеющую траву залили из ведра. Но мне еще долго чудилась в траве борода старика-огневика, в которой мерцали горящие точки».

Уф… Я откинулся к спинке скамьи. Настя тоже поставила последнюю точку. Смотрела и улыбалась.

— Готово?

— Списывать — не сочинять. Возьми листок… — И опять слегка задурачилась: — Данке шен.

— Биттэ шен, фройлен.

— Не отвлекайтесь, господа, — сказала в пространство Дора Петровна.

Мы притихли.

Настины гольфы были, наверно, слишком тугие. Я заметил, что она их приспустила и тихонько трет рубчатые следы от резинок. Она почуяла, что я смотрю, перехватила взгляд. Я, кажется, заполыхал ушами, но прятать глаза было поздно. Настя виновато сказала:

— Я теперь поняла, что «резинка» от слова «резать»…

Чтобы не сгореть, я притворился равнодушно-деловитым:

— Скрути вниз — и не будет резать.

— Ага… — Она чуть не с головой спряталась под партой и скатала гольфы на сандалетки белыми баранками. И глянула на меня, не разгибаясь: — А откуда у тебя на ноге такой… кленовый листик?

— Здесь написано, — я толкнул ей свою тетрадку.

Она прочитала. Глянула опять вниз и на меня.

— Очень больно было?

— Сперва да… Но не так уж… — И соврал бессовестно: — Когда зуб дерут, хуже. Видишь? — И оттянул губу.

— Ой, какая дыра! Ты поэтому и не пришел вчера?

— Естественно. Щека была — во! Как дыня… — Я понял, что пора тормозить вранье, опять заегозил на скамейке.

— А почему ты все время вертишься? — спросила Настя (с насмешкой или без?). — Будто и сейчас болит что-то.

Я сказал нахально:

— Штаны пытаюсь нарастить. Они прошлогодние, ноги вон как торчат.

Она так же деловито, как я, посоветовала:

— Чиркни у колен — и будут бермуды. Вон как у Игоря Тулеева, — она показала вперед. — Или вон, у Вальдштейна…

Игоря Тулеева на передней парте я не разглядел. А Вальд-штейн сидел неподалеку, на соседнем ряду. Тощий, с редкими и почти белыми волосами, большеухий. Выставил в проход незагорелую, в царапинах, как от кошки, ногу, грудью лег на парту и быстро-быстро писал в тетради. И при этом водил по губам языком. На губах лопались крошечные пузырьки.

Иногда Вальдштейн быстро оглядывал класс из-под упавших на лоб прядок. Встретился глазами и со мной. Глаза были рыжие. Вальдштейн усмехнулся без всякого дружелюбия. «Неприятный тип», — решил я, а Насте сердито разъяснил:

— Бермуды хороши для Бермудских островов, там климат тропический. А здесь, когда придут холода, я в них куда денусь? Головой в Бермудский треугольник? Других-то штанов у меня нет, мы же погорельцы.

— Кто?

— Дом сгорел! Недавно. Со всем имуществом. Сожгли…

Она трубочкой вытянула губы. Тихонько свистнула.

— Пшеницына! Тебе не стыдно?

Настя прижала к щекам ладони.

— Ой, Дора Петровна, я нечаянно! Честное сло-

во. Это у меня так выдохнулось.

— Если выдохнулось, значит, ты закончила писать? Дай тетрадь.

Я взял свою и Настину тетради, отнес к учительскому столу. Дора Петровна тут же нацелила в них авторучку.

— Та-ак… Прекрасно… Молодец, Саша Иволгин. Очень образно и без ошибок… А Настя… тоже хорошо… Но слово «удаленная» пишется через два эн, пора бы запомнить. Четверочка…

И раздался звонок. Почти со всех парт пошло: «У-у, мы не успели!»

— Кто не успел, допишет дома и принесет в понедельник.

Это мне понравилось. В гимназии наша Лизавета Марковна шиш бы пошла на уступки: «Ничем не могу помочь, вам следовало уложиться в урочное время…»

В коридоре я сказал Насте:

— Все же следует обозвать тебя Наськой.

— Это почему?

— За ротозейство. Не могла списать без ошибки!

— У тебя так и было написано: с одним эн!

— Не сочиняй. Тогда бы не было пятерки. Я всегда пишу без ошибок.

— Ой-ой-ой! Хвалиться — не молиться…

— Я не хвалюсь. Это у меня от природы. Зато по математике — полные тормоза…

— А для меня четверка по русскому — это счастье, — выдохнула Пшеницына. — Пошли во двор, а? -

На дворе опять стоял веселый гвалт и мелькали в воздухе шишки-снаряды. Слышались крики:

— Эй, камрады, не отступать! Обходи их с тыла!

Не двор, а «горящая точка».

Разглядел я и старого знакомого — с Денди на майке. Майка выбилась из шортиков и моталась, как боевое знамя.

Сквозь эту свистопляску шагал коренастый дядька в синем спортивном костюме. Видимо, учитель физкультуры. За ним укрывались несколько хитрецов с шишками в руках. Мой «камрад», изогнувшись, пустил свою шишку в одного из них. Ой!.. Легкая шишка взлетела в потоке воздуха и угодила физкультурнику точно в лоб.

Мальчишка обомлел. Потом качнулся, чтобы удрать.

— Стоять! — басом приказал учитель.

Он держался за лоб. Потом подошел к виноватому. У того голова ниже плеч. Сдвинул коленки и

мотал на кулак оранжевый трикотажный подол.

— Ну, что теперь с тобой делать?

Тот глянул снизу вверх одним глазом. Шепотом угадал:

— Привести родителей, да?

— Гм…

Учитель показался мне похожим на врача Игоря Васильевича. Я взял Настю за руку, раздвинул зрителей, и мы встали за спиной несчастного «камрада».

— Простите его, пожалуйста, — сказал я. — Здесь виновата неоднородная плотность атмосферы. Он не хотел.

— Да. Я не хотел, — с сокрушенным вздохом подтвердил бедняга.

— Он больше не будет, — в тон мне пообещала Настя.

— Да. Я больше не буду, — мальчишка глянул уже двумя глазами.

— Ничего себе! Вкатить человеку в лоб такую дулю, а потом «не буду».

Продолжая мотать майку, «камрад» насупленно сообщил:

— Это вовсе не тяжелая дуля. Мне два раза в лоб попало, и ничего…

— Милый мой! Не сравнивай высокоученый

лоб педагога со лбом необразованного второклассника.

— Нет. Я образованный, — тихо, но решительно заявил наш подзащитный.

— Андрей Андреевич, он образованный, — на полном се-рьезе подтвердила Настя.

— Да? Ну, тогда ступай. Но смотри…

«Камрад» облегченно ускакал. Физкультурник подмигнул нам.

Неподалеку перекидывались мячиком мальчишки из нашего класса.

— Иди к ним, — понимающе сказала Настя.

И я пошел. И меня приняли в круг как своего.

РЭКЕТИР

По причине субботы расписание было облегченное. После русского — история, а потом два урока физкультуры.

Я угадал — учителем был Андрей Андреевич, перед которым мы с Настей заступились за второклассника. Он сказал, что заниматься будем на спортплощадке.

Площадка оказалась позади школьного двора, за забором, там, где сосны. За ней зеленел сквер — березы и клены. Хотя не только зеленел: в кленах было много желтизны. Но погода стояла — как в июле.

К забору были привинчены крючки-вешалки, словно в гардеробе. Удобно. Почти все мальчишки прихватили с собою сумки и рюкзаки, чтобы не возвращаться потом в школу. Переодеться можно было и здесь. А кто одет был полегче, вообще не стал переодеваться. Но мне, конечно, пришлось вылезти из своей тесной отглаженной формы.

А девчонки застряли в школьной раздевалке — у них с переодеванием всегда много возни. Пока девчонок не было, мы играли волейбольным

мячом в «вышибалу». Вальдштейн почему-то все время метил в меня, хотя в глаза при этом не смотрел. Ну, черт с ним.

Наконец пришли девочки. Настя была в белых шортах и белой майке, и я подумал, что теперь она похожа на мальчишку (если бы не золоченые колечки в ушах). И еще подумал, что в девчоночьем наряде она все-таки симпатичнее. Потом я испугался, что она заметит мое разглядывание и мои мысли. Упал в траву и стал отжиматься для разминки.

Андрей Андреевич объявил: сейчас будет кросс. На километр. Два круга по аллее, которая опоясывала площадку и сквер.

Сперва я старался бежать недалеко от Насти, но потом испугался: решат еще, что я все время льну к ней. Начал набирать скорость. В лагерной спартакиаде у меня было четвертое место по бегу, и тут я скоро оказался среди тех, кто впереди.

Первым бежал Игорь Тулеев в своих широких бермудах с бахромой у колен. С виду неуклюжий, полноватый, а вон как припустил! Следом за ним — его дружок, маленький Ренат Латыпов. Они так старались, что на бегу бросили в траву свои безрукавки, сделанные из школьных курточек.

Я, наверное, мог бы их обойти, но высовываться

не стал, прибежал третьим.

После этого Андрей Андреевич сказал, что в награду за блестящие спортивные результаты отпускает всех нас домой раньше срока. Девчонки, радостно визжа, кинулись в школу, в раздевалку. Мальчишки тоже разбежались в одну минуту. На крючках не осталось никакого имущества. Даже моего!

Я обалдело стоял перед пустым забором. Потом заогляды-вался. Ну, слава богу! Мой костюм и пакет с книгами висели на сосне. Метрах в трех от земли, на сухом сучке прямого ствола.

Шуточка! Ну да ладно, может, и не злая. Просто слегка подзаводят новичка.

Я небрежно плюнул через плечо, обхватил ствол руками-ногами, забрался по нему немного вверх и дернул повисшие штанины. Сучок обломился, имущество свалилось мне на голову. А я — на колючие шишки. Ой…

Покряхтев, я поднялся. Влезать снова в тесный жаркий костюм не хотелось страшно. На мне были баскетбольные трусы с лампасами и майка с надписью «Lada». Сойдет для прогулки до дома. Я аккуратно уложил в пакет белую рубашку и галстук, свернул в муфту брюки и пиджак, затолкал туда же. Пакет раздулся и заскрипел, я шепотом

обругал его (пострадавшие от шишек места болели). Разогнулся и увидел Вальдштейна.

Тот стоял в двух шагах.

По виду никак не скажешь, что пацан из шестого. Скорее, очень длинный третьеклассник. Был он тощий и суставчатый, с тонкой шеей. Просторные короткие штаны из камуфляжной ткани свалились бы с него, если бы не тугой ремешок. И клетчатая рубашка обвисла, как на палке. Но смотрел он своими рыжими глазами не как младший, а прицельно и дерзко.

К его поцарапанным ногам прилипли чешуйки сосновой коры. Я посмотрел на них, на сосну. Пнул пакет кроссовкой и спросил:

— Твоя работа?

Без обиды спросил. Понимаю, мол, шутка. Ссориться не хотелось, хотя Вальдштейн мне явно не нравился.

Он облизнул губы и откликнулся охотно:

— Моя. Скажи спасибо, что твои шмотки не унесли совсем. В залог.

— В какой залог?

— Потому что ты их повесил на чужой крючок.

— Я не знал, что крючки тут персональные.

— Потому и помиловали, что не знал. А за вешалку надо платить. На первый раз с тебя пол-

бакса. В рублях, по нынешнему курсу.

Я быстро прикинул: полдоллара — это не так уж много. В пересчете это сейчас чуть больше, чем два трамвайных билета… Но с какой стати? Я сказал:

— Мальчик, ты ушиб головку, когда лазил на сосну, да?

Вальдштейн в ответ сощурился. Сунул в широкие карманы кулаки. Подошел ближе. Опять облизал губы.

— Завтра не принесешь полбакса, послезавтра потребуют целый. Потом два. По счетчику. А через неделю сдерут шкуру.

— Надуй пузо, — посоветовал я. — А то штаны свалятся.

Он проговорил негромко, но увесисто:

— Сам-то не надувайся. Ты, наверно, думаешь: стоит тут такой нахал и берет меня на понт. А знаешь, кто с тобой будет говорить, если не заплатишь? — И печально так наклонил голову к плечу.

Я не знал. Но догадывался. Наслышан был про школьное рэкетирство. Даже в гимназии с меня пытались деньги выбить. Но там хоть процентов не требовали! Да и не разгуляешься с этим делом в гимназии-то. В ней каждый день дежурили два

милиционера. А здесь…

Дело известное. Компания посылает вперед такого вот нахального шкета, а когда тот получает отпор, подваливают старшие: «Зачем обижаешь маленького?»

Видать, сомнения и страхи написались на моем лице. Вальдштейн довольно хмыкнул:

— Вот так. И не думай кому-нибудь вякать про это.

Что же такое делается? Мало мне было, что ли, «радостей» от Лыкунчика и его подручных? Здесь, значит, все по новой? С первого дня!

А может, врет эта глиста в камуфляже? Пудрит мозги новичку? Нет, не посмел бы… Но мне-то что делать? Завтра такая беспросветность начнется!

Я ощутил, что проваливаюсь в отчаяние, как в яму. И… будто кто-то завладел моей рукой. Стремительно отвел ее назад, бросил вперед. И ладонь моя вляпала Вальдштейну трескучую оплеуху.

Вальдштейн полетел с ног. Почему-то не назад, а вперед, мимо меня, к сосне. И лицом — о подножие ствола. Полежал секунды три и рывком сел. Из ноздри у него ползла красная гусеница. Он пальцем размазал ее по щеке. Меня чуть не стошнило. Но я сказал чужим голосом:

— Хочешь еще?

— Стоп! — Неизвестно откуда возник Андрей Андреевич. — Что тут у вас? — На круглом лице его выступили твердые скулы.

Мы молчали.

— Я вас спрашиваю! Иволгин и Вальдштейн!

— Пусть он скажет, — я подбородком показал на Вальд-штейна.

Тот, хныча, поднялся. Всхлипнул:

— Псих…

— Иволгин, почему ты его ударил?

— Пусть он объясняет… Вы знаете, с чем он ко мне пристал?

— Пошутить нельзя, да? — Вальдштейн поддернул на плече ремень сумки и пошел прочь.

— Шуточки… — выдохнул я.

— Постой! — велел Вальдштейну Андрей Андреевич. Но тот, шмыгая носом, нырнул в гущу кленовой поросли.

— Иволгин, дашь объяснение здесь? Или пойдем в учительскую?

— Никуда я не пойду! Хоть волоком тащите! — Дрожь у меня не проходила, но и злости прибавилось. И от всего этого я откровенно хамил.

Физкультурник проговорил уже другим тоном:

— Днем ты показался мне более благородной

личностью.

— Значит, первое впечатление обманчиво!

— Значит, обманчиво…

— Вы же не знаете, что он мне тут… наговорил…

— Но он только говорил. А ты — в кулаки! А весовые категории у вас явно разные.

— А я не взвешивался, когда он… Пускай не лезет! Рэкетир сопливый…

— Что? Вальдштейн — *рэкетир*? Силы небесные… Ладно, ступай. Но имей в виду, я не намерен скрывать этот инцидент от педагогической общественности…

— Ну и не скрывайте.

По дороге к дому я успокоился. День был такой солнечный, ласковый. И я подумал, что Вальдштейн, скорее всего, просто брал меня на пушку. Недаром же физкультурник засмеялся. И вряд ли станет Андрей Андреевич ябедничать завучу и классной про драку. Все-таки он мужчина…

Ну, а если и правда найдутся у Вальдштейна дружки и заступники… И если возьмет меня в оборот «педагогическая общественность»… Что же, значит, опять злая судьба. Придется воевать. Сейчас я почему-то не боялся. Может, потому, что сегодня впервые в жизни не струсил до конца и

дал отпор этому нахалу.

Нет, героем я себя ни капельки не чувствовал. Велика ли заслуга огреть по уху такого хлюпика! Я не его победил, а себя. Впервые в жизни я не отступил, не начал боязливо раздумывать. Может, в глубине души помнились слова:

Так трусами нас делает раздумье…

Бабушка слегка удивилась моему спортивному виду, но сказала не про это:

— Завтра папа поедет в сад, съезди с ним, забери все, что там осталось. И поищи жестяной гребешок. Тот, что я давала тебе в лагерь. Куда ты его девал?

— Знаю куда… А тебе зачем? Колдовать будешь?

— Сейчас получишь по косматому загривку.

— Ба-а, я есть хочу.

— В школе-то как дела?

— Нормально, — соврал я.

Потому что, может быть, и правда потом все будет нормально? В конце концов, в школу еще не завтра. Как говорится, доживем до понедельника.

ИЗГНАНИЕ

«Жигуленка» у нас давно уже не было. В сад мы поехали на чужой «Волге», с человеком, который собирался купить наш участок. Это был худой, очень высокий дядька. Мне почему-то казалось, что таким станет Вальдштейн, когда вырастет.

Было по-прежнему тепло, ветер влетал в открытое окно машины и дергал меня за волосы. Отец сидел впереди и разговаривал с худым дядькой про президентские выборы. Нашли тему…

Я скинул кроссовки, забрался на заднее сиденье с ногами и вспоминал вчерашнее. Но главным образом не плохое, а Настю Пшеницыну.

В саду я сразу пошел к пугалу Данилычу. Тот по-прежнему караулил грядки, хотя урожай был убран.

— Извините, сударь, но безрукавку я заберу. У меня самого в гардеробе негусто…

Во внутреннем кармане безрукавки я нащупал плоский гребешок.

Волосы у меня густые, пластмассовые расчески то и дело ломаются. Когда я поехал в лагерь, бабушка дала мне старинный железный гребешок, свой любимый. Пластмассовые ей не нравились,

потому что волосы от них сильно искрили. «Это притягивает нечистую силу…» Бабушка была очень образованная, но и очень суеверная. От моих родителей она суеверия пыталась скрыть, а от меня — нет.

— Как же ты сама-то без гребешка будешь, пока я в лагере?

— Обойдусь как-нибудь.

— А Квася?

— Квасилий сейчас в отпуске.

Бабушка была уверена, что у нас в доме живет мелкое добродушное существо по имени Квасилий. Что-то вроде помеси гнома и пушистого кота. Иногда оно безобразничало, но не сильно. То пережжет лампочку в коридоре, то сквасит молоко в холодильнике (отсюда и такое имя). Иногда, по словам бабушки, Квася ночью забирался к ней на кровать и просил расчесать железным гребешком свалявшуюся шерсть.

Я, когда был маленький, верил в Квасю всей душой. Потом перестал, конечно. Но бабушка продолжала утверждать, что Квася есть. Или по крайней мере был, пока мы жили в старом доме. Где-то он теперь…

Безрукавка сильно выгорела, стала белесая, словно в нее втерли алюминиевую пыль. Ну и

хорошо, так и надо…

Потом я отыскал в домике свой рюкзак с забытым лагерным имуществом. Вытряхнул из него спущенный волейбольный мяч, спортивные носки с вытканными на них ракетками, испорченный фонарик, фляжку, бейсболку с надписью «SHARP». И пострадавшие от огня джинсы.

Володя тогда, у костра, сказал про хирургию. Однако ножницы — это было бы слишком просто. В груде хлама на краю участка я нашел дырявое ведро. Затолкал в него штаны. Сплющил ведро ударами полена и топора. Так сплющил, чтобы наружу торчали обгорелая и целая штанины — насколько нужно (вернее, насколько не нужно).

На соседнем участке, у Вовки Лопатина, жгли мусор. Вовка там кочегарил. Я перелез к нему через изгородь и сунул джинсовые «языки» в огонь. Вовка сразу понял, что к чему.

— Ух ты, клево придумал…

Кромки получились обугленные и разлохмаченные, будто я выбрался из горящих джунглей.

Когда вернулись домой, я пришил к безрукавке желтые костяные пуговицы — отыскал их у бабушки. Потом выбрал для этого костюма просторную лиловую рубашку.

В понедельник бабушка чуть не упала.

— Ты *так*собираешься идти в школу?

Белые теннисные носки гармошками спускались на кроссовки. Колени щекотала обгорелая оторочка. Рубашку я надел навыпуск. Поверх нее лоснилась безрукавка, на которой дерзко, будто медали, светились желтые пуговицы, пришитые вкривь и вкось. Бейсболку я сбил козырьком назад. А книги и тетради я затолкал в свой сизый рюкзачок — он был небольшой, сойдет за школьный.

— Круто, да? «Бой оф Калифорниа»…

— По-моему, ты сошел с ума.

— Да тут многие так ходят. Здесь же не гимназия!

— Дело твое. Но имей в виду, тебя выгонят, — решительно предупредила бабушка.

Она оказалась права. Меня выгнали. Но вовсе не за костюм.

Сначала-то все шло хорошо.

На полпути к школе я издалека заметил Настю. Узнал по клетчатому платью, пастушковой стрижке и золотым искоркам под ушами. Только вместо гольфов были красные носочки. Я пружинисто и бесшумно догнал ее. Пошел сбоку в трех шагах. Она глянула рассеянно и отвернулась. Я сказал «учительским» голосом:

— Пшеницына! Ты почему не здороваешься со старшими?

— Ой!.. Я тебя не узнала, думала, кто-то незнакомый… А почему это ты старший?

— Мы же вчера выяснили. Я родился раньше на четыре с половиной месяца.

Она засмеялась:

— Да, правда… А все равно мальчики должны здороваться первыми.

— В самом деле? Тогда гутен таг, сударыня.

Настя пробежалась по мне веселыми глазами.

— Ты сегодня совершенно… не такой.-

— Я раскопал эти лохмотья на пожарище… Но я только снаружи не такой, — резвился я все пуще. — А внутри я прежний: благородный и очень воспитанный. Давайте вашу сумку, фройлен, она тяжелая.

— Не тяжелая. Помоги лучше Доре Петровне, вон она книги несет.

Дора Петровна шла по другой стороне Троицкого переулка и поглядывала на нас. В руке у нее была авоська с пачкой книг. Мы перебежали через пыльный асфальт и заросшую канаву.

— Здрасьте!.. Дора Петровна, Алька хочет вам помочь. Он — рыцарь.

Я взял увесистую авоську.

— Да, я рыцарь. В блестящих, как самовар, латах и с петушиными перьями на шлеме. Разве не видно?

— Ну… если чуть-чуть напрячь воображение… А ты, Настя, выходит, прекрасная дама?

— Со шлейфом… — Она пальчиками взяла коротенький подол и присела в придворном поклоне.

— Дюжина пажей в бархатных беретах волокут шлейф за дамой, чтобы он не нацеплял репьев, — сообщил я. — А бродячий щенок пытается ухватить его зубами. Он не знает этикета…

— Великолепная картина! Прямо Вальтер Скотт… Но у меня, когда я смотрела на вас, появилось другое сравнение. Знаете, на кого вы похожи?

— На Тома Сойера и Бекки Тэчер, — догадливо сказала Настя.

— М-м… возможно. Но я подумала про Герду и Кея из «Снежной королевы».

— Это значит, мне придется сидеть в ледяном дворце? — Я по-настоящему передернул плечами. — С ума сойти!

— Я же тебя спасу! — храбро пообещала Настя.

— Но до этого я схвачу кучу всяких ОРЗ!

— Я быстро спасу…

— Тогда ладно… — Я шел, изгибаясь от тяжести книжного груза. Авоська царапала мне ногу кусачими узелками. — Дора Петровна, это у вас пособия по литературе?

— По литературе, по русскому языку. И даже по немецкому… Саша, ты очень жалеешь, что попал в наш немецкий класс?

— Теперь уже ничуть, — сказал я честно.

Потому что думал о Насте. Правда, и о Вальдштейне я думал, причем все время, но эти мысли были на втором плане. Опасение скребло мне душу, но не сильно.

Вальдштейн, конечно, тоже не забыл вчерашнее. На первом уроке он то и дело поглядывал на меня. Быстро и словно из-за кустов. И так сумрачно, что Настя сказала:

— Почему это Вячик глядит на тебя, как кобра?

— Кто глядит?

— Вальдштейн. Вячик…

— Что за имя!

— Вячеслав.

— Вячеслав — это Славка.

— У кого как. Он — Вячик. Вячик-калачик, так его в первом классе дразнили. Да и потом…

Бедный Вячик, бедный Вячик,

Почему не ешь калачик?
Тише, Вяченька, не плачь,
Дам тебе большой калач…

Я поморщился — повеяло чем-то знакомым. Но я сказал хмуро:

— Глиста он негодная, а не калачик.

— А что случилось-то?

Я не удержался и шепотом рассказал. И добавил:

— Тоже мне, мафиози недорезанный…

— Дурачок он, а не мафиози, — грустно отозвалась Настя. — Никаких дружков у него нет. Ни уголовных, ни вообще… Просто хотел новичку свою силу показать, потому что в классе самый затюканный. Мальчишки раньше знаешь как его доводили…

«Знаю», — чуть не сказал я. И сделалось гадко на душе.

— …Пока Дора Петровна их совесть не расшевелила. Она это умеет…

— Я не хотел ему нос разбивать. Он сам им о сосну треснулся. Я просто его по уху стукнул. Если честно говорить, то с перепугу…

— Ну, ничего. Может, дома не заметили, что нос распухший…

— А если заметили?

— Тогда хуже. Его в такой строгости держат. Как двойка или запись в дневнике, он боится домой идти… Да ты не переживай. Он же сам виноват.

«Я и не переживаю», — сказал я себе. И стал смотреть в другую от Вячика Вальдштейна сторону. В открытое окно. Там были тонкие сосны и безоблачное небо. И летнее тепло. Только тепло это сегодня пахло горьковатым дымом: за городом от сухости и жара начал гореть торф. От такого запаха слегка першило в горле.

Но все-таки я чувствовал радость. Нет, значит, за спиной Вальдштейна зловещих рэкетиров. И все будет хорошо.

Но дальше не было ничего хорошего.

На второй урок, на литературу, вместе с Дорой Петровной пришла завуч Клавдия Борисовна.

— Садитесь. Только без шума… А новичок пусть встанет снова… Где ты, Иволгин?

«Ну, началось», — понял я с упавшим сердцем. Но встал спокойно.

— Вот я. Только не ИвОлгин, а Иволгин.

— Хорошо. Не вижу разницы.

— А я вижу. Моя фамилия от слова «иволга». Есть такая лесная птица.

И завуч почуяла, что я готов к бою.

— Я уже поняла, что ты за птица… Скажи, почему ты в субботу, после физкультуры, избил своего одноклассника? Его мама говорит, он пришел домой весь в крови!

«Ага, значит, не физрук накапал, а мама заступилась. Это понятно. Небось нагородил дома жуткую историю: иду, никого не трогаю, а тут новичок ка-ак налетит!.. Чего не сочинишь, если могут взгреть…»

— Я жду, ИвОлгин… Иволгин!

А Дора Петровна молчала. И, по-моему, жалела меня. Видимо, она узнала про все только сейчас.

Настя вдруг сказала с места:

— Клавдия Борисовна, Вячик же сам виноват!

И, конечно, услышала в ответ, что Пшеницыну никто не спрашивает.

— А спрашиваю я… Иволгина. Кто дал ему право разводить здесь дедовщину? У нас не казарма, а школа!

«А в казарме, значит, можно?» — подумал я. И ответил, что вовсе не избивал Вальдштейна.

— Только дал один раз, а он носом о дерево… Вальдштейн, скажи! — Я оглянулся на него.

Вячик сидел так, что видно было только темя с белобрысыми прядками. И уши по сторонам. И показалось, что с лица на парту шмякнулась

капля.

— Я пока спрашиваю не Вальдштейна, а тебя. Допустим, «один раз». А за что?

— Пусть он сам объясняет… — Я оглянулся опять.

Ничего Вячик не объяснит, потому что придется тогда признаваться в своей «шутке». И про это узнают дома. И, наверно, достанется ему также, как весной Лыкунчику.

И я ничего не объясню. Да, я не храбрец, но и не полная же сволочь. Одно дело — рассказать шепотом Насте, другое — нажаловаться учителям. Конечно, наплевать мне на Вальдштейна, который к тому же сам нарвался на неприятности, но все-таки… А кроме того, я же и останусь в дураках: поверил такому безобидному болтуну! Как тут на меня будут смотреть!

А пока вроде бы смотрели с сочувствием. Даже те, чьих имен я еще не знал. И Дора Петровна тоже. Она предложила:

— Клавдия Борисовна, давайте считать, что это была глупая мальчишечья стычка. Пусть извинятся друг перед другом…

— Нет, уважаемая Дора Петровна, — мягко сказала завуч. — Извините, что я с вами не согласилась, но мне кажется, дело серьезное. Вы же

видите, как бесчеловечные нравы проникают в детскую среду… Вы смотрели вчера «Криминальные новости»? Про банду малолетних. На их счету масса грабежей и два убийства! Главарю всего пятнадцать лет, а младшему — вы не поверите — восемь. Ясно, куда мы катимся?

«Ясно. В наручники меня», — подумал я. Нет, не подумал, а, оказывается, выдал вслух.

— В наручники, к сожалению, не получится. А вот за родителями ты отправишься немедленно. Пусть явятся или сегодня, или завтра с утра. До этого — в школу ни ногой!

Ну, это все ясно. И просто.

— Родителей нет дома с утра до вечера. Можно, чтобы бабушка пришла? Это она занимается моим воспитанием.

— Оно и видно.

— Что видно? — напрягся я. Давать бабушку в обиду я не собирался.

— То, что родители… не очень занимаются твоим воспитанием. Впрочем, это ваше семейное дело. Но без старших я тебя на уроки не пущу.

Она думала, я боюсь домашней разборки! Но мы с бабушкой всегда понимали друг друга.

Я выволок из-под парты рюкзак и глазами попрощался с Настей. Клавдия Борисовна сказала

мне вслед:

— А еще собирался в английский класс…

Я задержался у порога.

— Вовсе не собирался. Мне здесь хорошо.

Длинноволосый очкастый Олег Птахин (он сидел позади

Вальдштейна) вежливо спросил:

— Скажите, пожалуйста, а чем же наш класс хуже английского?

— Я… не говорю, что хуже. Дора Петровна, я не это имела в виду. Дело в том, что этот Иволгин…

Я сказал «до свиданья» и прикрыл за собой дверь.

ЛЮБОВЬ К РОДНОМУ ПЕПЕЛИЩУ

Идти домой не имело смысла. Родители придут после семи. Бабушка говорила, что после обеда собирается в собес насчет прибавки к пенсии. Значит, тоже надолго.

Я решил наконец поехать на то место, где когда-то стоял наш дом. Я и раньше хотел там побывать и однажды сказал это при всех. Отец недовольно отозвался:

— А зачем? Что это, «любовь к родному пепелищу»?

Я понял, что он цитирует Пушкина. И слегка огрызнулся:

— А если и так? Что плохого?

— Ничего. Только зря. Прошлого не вернуть.

А бабушка сказала:

— Успеешь еще. А сейчас давай-ка съездим на рынок.

Я не спорил, но про себя понимал, что все равно там надо побывать. Родина же, хотя и сгоревшая. Прошлого, конечно, не вернуть, но и забыть его нельзя. Даже если захочешь. А я к тому же не хотел. Вся жизнь прошла в том доме, в том квартале.

Сейчас у меня было самое подходящее настроение для такой поездки. Грустное. И я пошел на трамвайную остановку «Стекольная».

Добирался до центра я около часа. Путь был очень длинный. К тому же денег не было, ехал зайцем, и на полдороге меня выставил из вагона дюжий контролер в кожаной куртке. От куртки воняло, как от разогретых сапог. Он дал мне легкого пинка и пообещал в другой раз увести в отделение. Я отбежал. Издалека я сказал этому типу с бритым затылком, что он недобитый боевик и что работать надо, а не обдирать в трамваях старух и пацанов. Потом пошел на автобусную остановку и дальше ехал без приключений.

Вышел из автобуса я в квартале от дома. И вдруг понял, что никак не верю, будто дома уже нет. Ну, как это нет? Я ведь даже запахи его помню! В сенях пахло сухим деревом и влажной бочкой, в которой держали воду (колонка была во дворе). В прихожей — теплыми вязаными половиками и дровами для печки. В комнате бабушки — оконными цветами и землей из кадки с фикусом, а иногда — корвалолом…

Я до мельчайшего движения помнил, как вставляется ключ в скважину наружного замка. Надо вставить чуть-чуть не до конца, потом слегка

прижать дверь и поворачивать ключ плавно, чтобы не заело. Этот плоский ключик и сейчас со мной, я брал его в лагерь, и он сохранился в кармане пострадавших джинсов.

Вот сейчас я обойду девятиэтажку с застекленным магазином «Хозтовары» на первом этаже, и…

И впервые в жизни я увидел настоящее пепелище.

Обгорелые бревна и стропила уже все растащили. Чернел бугристый прямоугольник с остатками обугленных половиц. Посреди этой пустой черноты стояла наша обитая жестью круглая печь. Раньше жесть была серебристая, а сейчас закопченная. И кто-то снял уже чугунную, с литым узором и рычагом дверцу.

Опоясывали площадку остатки низкого кирпичного фундамента.

У меня защекотало в горле. К тому же запах торфяного дыма ощущался и здесь. А может, это был запах пожарища?

У дальнего края фундамента ходили двое мужчин в полувоенной одежде. Один — грузный и лысый, другой — обыкновенный, в соломенной шляпе, которая не вязалась с камуфляжем.

«Стервятники», — скрипнул я зубами. Потом,

не глядя на этих мужиков, перешагнул кирпичную бровку. Стал ходить по обугленным щепкам и мусору. Смотрел под ноги. Может, что-нибудь найду? Хотя едва ли. Все здесь уже вычистили.

Дядьки сперва не обращали на меня внимания. Затем тот, что в шляпе, сказал:

— Мальчик, зачем здесь ходишь? Иди играй. Здесь нехорошо.

Он говорил с кавказским акцентом, хотя лицо было вовсе не восточное, курносое и круглое. Может, мне акцент его просто показался. Нынче принято валить на кавказцев все беды, хотя большинство из них, конечно, ни при чем.

Сперва я не отозвался.

— Мальчик, я тебе говорю. Гуляй в другом месте, здесь не надо.

— Сами гуляйте в другом… Это мой дом… был, — сипло сказал я. — А не ваш. Сожгли, да еще распоряжаются.

— Ай, мальчик, зачем так говоришь! Сгорел дом, большое несчастье, да. Но разве это мы? Наше дело не жечь, а строить…

— Ну и стройте, я вам не мешаю.

— Ты не нам плохо делаешь, а себе. Смотри, все ноги испачкал.

Это правда. И кроссовки, и белые носки, и ноги

выше носков были в саже и пепле.

— Вам-то что…

— Ну, как хочешь… — Дядька в шляпе отошел, а другой, грузный, стал что-то говорить ему, недовольно так.

Я побродил еще, уже просто из упрямства, и шагнул через фундамент обратно.

— Мальчик, подожди, пожалуйста!

Который в шляпе, опять шел ко мне. Протягивал раскрытую ладонь:

— Вот, нашли недавно. Это не твой?

На ладони лежал складной ножик с коричневой пластмассовой рукояткой. Со множеством блестящих предметов — лезвия, ножницы, штопор и так далее. Сверкал он как новенький и, конечно же, никогда не валялся в здешней гари. Зачем это? Откупиться хотят, что ли? Совесть шевельнулась?

— Не надо мне ваших подарков… — И я поскорее пошел прочь, *чтобы* не зареветь.

И вдруг откуда-то со стороны, звонко так:

— Саша!

С гаража прыгнул и помчался ко мне мальчик. Я узнал его издалека по летучим светлым волосам и по одежде, будто сшитой из лиловой шторы с желтыми полумесяцами, солнышками и разно-

цветными звездами. Он в этом пестром наряде махал мне с балкона, когда я уезжал в лагерь.

— Ивка!

Ивке было девять лет. Он жил на третьем этаже большущего дома, который возвышался над нашим. Иногда мы играли вместе. Бывало, что я катал его на своем велосипеде. Не то чтобы приятели, но все же сосед, славный такой. И я обрадовался.

Ивка подбежал и потупился. Запереступал в пыльной траве стоптанными сандалиями. Видимо, понял, что несладко мне.

— Пришел… поглядеть, да?

— Да, тянет все-таки…

Он кивнул: понятно, мол.

— Велик жалко, — сказал я. — Теперь не покатаемся…

Он кивнул опять:

— Его весь обуглило и скрутило от огня.

— Ивка… Страшно было, когда горело?

— Еще бы! Даже к нам на балкон искры долетали. Это среди ночи случилось.

— Знаю…

— Мы потом помогали уцелевшие вещи искать. Но почти ничего не спаслось.

— Спасибо, Ивка, — сказал я. Он удивленно

поднял серые, с солнечными блестками глаза: мол, за что спасибо-то?

— А ваша бабушка несколько ночей спала у нас. А папа и мама не знаю где.

— У знакомых… Ивка, пойдем к колонке, я ноги вымою.

У колонки Ивка всем телом нажал на тугой рычаг, а я под упругой струей вымыл кроссовки, прополоскал и выжал носки, стал смывать сажу с ног. Она въелась в кожу.

— Саша, давай я за мылом сбегаю!

— Не надо, Ивка, так сойдет. Дома отмою как следует. У нас теперь ванна с горячей водой.

— Значит, вы хорошо устроились?

— Обживаемся… А вы как живете, Ивка? Митя пишет?

Ивка сник.

— Давно уже не пишет. Непонятно почему. Мама как посмотрит на его скрипку, так плачет. Боится, что… ящик пришлют.

— Какой ящик, Ивка?!

— Ну, какой… — Он смотрел на сандалии. — Цинковый… Или бумажку, что пропал без вести.

— Какая бумажка! Его же в Подмосковье отправили, ты сам говорил.

— Сперва в Подмосковье, а сейчас неизвестно

куда…

— Ивка, в горящие точки не отправляют раньше чем через полгода. Это сам министр обещал.

— Министр много чего обещал, — тихо сказал Ивка. Видимо, мамины слова.

— Напишет, Ивка! Просто… сейчас почта такая волокитная, письма еле тащатся.

— Мы все надеемся, — очень серьезно проговорил Ивка.

— Его не должны в опасные места отправлять! Его должны назначить в оркестр, он же музыкальное училище окончил!

— Его — в мотострелки. В оркестр, наверно, тех берут, кто на трубе играет, а Митя на скрипке…

Я решил отойти от грустной темы. Вспомнил тихую большеглазую сестренку Ивки:

— А Соня как поживает? Все рисует балерин и бабочек?

— Рисует… Она о тебе часто говорит. «Вот если бы Саша жил здесь, мы вместе бы ходили в гимназию».

— Разве она уже учится?

— Взяли в первый класс. Ей в октябре будет семь. Шестнадцатого числа.

— Скажи ей, Ивка, что я на день рождения приду. С подарком, — легкомысленно пообещал я.

— Ладно, скажу… А лучше ты сам скажи! Пойдем сейчас к нам! Соня обрадуется.

Я посмотрел на свои неотмытые ноги, на раскисшие кроссовки.

— С такими-то лапами… Ивка, я в другой раз. Мне уже домой пора.

— Ну, давай тогда я на улицу ее позову! На минутку! И принесу еще… одну вещь.

— Что за вещь?

— Ты не уходи, я скоро! — И он помчался к подъезду.

Я сунул в карман выжатые носки, надел кроссовки на босу ногу и пошел следом. Ивка выскочил мне навстречу.

— Соня, оказывается, с мамой ушла к тете Вере. А это… я нашел там… — Он посмотрел на пепелище. — Не сразу, а где-то через неделю, под кирпичами…

Ивка размотал плоский газетный сверток.

Боже мой! Это была любимая бабушкина реликвия, старая акварель. На картинке размером с тетрадь был изображен наш дом. Не среди многоэтажных корпусов, а на фоне густых яблонь и высоких тополей. Такой, каким он был сто лет назад. Бабушка рассказывала, что за несколько лет до ее рождения эту акварель написал для ее

мамы (моей прабабушки) местный художник по фамилии Игорев. Он был не очень известный, но талантливый. Может, потом он и стал бы известным, но рано умер от чахотки. В мою прабабушку художник Игорев был тайно влюблен, потому и сделал ей такой подарок.

Бабушка любила вспоминать, как замечательно жилось в доме, когда рядом был большой сад, а не «эти урбанистические монстры».

— Ивка! Бабушка с ума сойдет от счастья! Это ведь память о всей ее жизни!

— Плохо только, что рамка погибла, — вздохнул Ивка.

Да, коричневая, с узорами и завитушками, рамка сгорела наполовину. И плотная желто-серая бумага обуглилась в нижнем углу. Но не сильно. Кое-где на бумаге были пятнышки, словно от брызг. Однако в основном акварель уцелела. Видимо, ее чем-то завалило при пожаре.

— В рамке было стекло, но разбитое, я его выбросил, — опять вздохнул Ивка.

— Стекло сделаем новое! И рамку! Главное — сама картинка… Ивка, помоги положить ее в рюкзак.

Ивка помог. И тихо попросил:

— Ты приезжай еще, ладно?

— Да. Конечно…

— И звонить можешь. Ты помнишь наш номер?

— Помню… Только у нас-то теперь нет телефона.

— Можно ведь с автомата. Иногда…

— Да, конечно. Я буду… Ну, мне пора.

Ивка проводил меня до трамвая.

Трамвай поехал, и я увидел сквозь заднее стекло, как Ивка на краю дороги машет мне вслед. Лицо у Ивки было серьезное — в отличие от смеющихся лун и солнышек на его костюме. Я тоже помахал Ивке. И показалось, будто я перед Ивкой в чем-то виноват…

АИСТЕНОК

Лифт не работал. Впервые за все время, как мы тут поселились. Мне показалось это скверной приметой. Конечно, я не пенсионер, но изрядно запыхался, пока шагал на нашу верхотуру.

Сердито сопя, я своим ключом открыл дверь. Бабушка встретила меня в прихожей.

— Ну, как дела? Все в порядке?

— Угу… Все нормально.

— Не угукай и не сочиняй. Почему у тебя такой вид?

Я дрыгнул ногами, сбросил влажные кроссовки.

— Пришлось побродить по углям. Сейчас отмоюсь.

— Я не про ноги, а про выражение лица.

— Подымешься пешком на девятый этаж, будет выражение…

— Александр! Не морочь мне голову. Что-то случилось в школе? Рассказывай.

— Расскажу, расскажу. Дай отдышаться.

Я не собирался ничего скрывать. Но все, что случилось, мне будто нагрузили в рюкзак, и с этой вот тяжестью я сейчас и поднялся по лестнице.

Со скандалом из-за Вальдштейна, с печальной памятью о пожарище, с Ивкиной тревогой за старшего брата… Даже нашедшаяся акварель теперь не радовала.

Я походил по комнатам. Послушал, как тикают часы. Здесь они вот уже две недели идут исправно. А в старом доме часто останавливались, даже если гири были подтянуты. Бабушка говорила, что это балуется Квася. Толкать маятник, чтобы часы пошли вновь, было бесполезно. Я открывал стеклянную дверцу, вставал на табурет, запускал руку за механизм и там, на задней медной стенке, нажимал головку нижнего винтика. Надо было подержать палец на этой плоской головке, прыгнуть на пол и только тогда качнуть увесистый диск. Тик-так… Теперь будут идти до нового Квасиного хулиганства.

Какую роль играет этот крепежный винтик, я не понимал. Я даже никогда его не видел, знал только на ощупь. И уже не помнил, когда открыл странное свойство часов. Еще в дошкольном возрасте. Никто, кроме меня, не знал, как запустить остановившийся механизм часов, которые были старше моего прапрадедушки Льва Андроновича Шеметилова-Гальского, поручика кавалергардского полка, храбреца и дуэлянта. И я своим

умением тихо гордился.

Но здесь это умение было ни к чему. Квася после пожара сгинул, никто не баловался с часами.

Я присел в своей комнате (самой маленькой, девять метров) на раскладушку. Сидел, вспоминал черную площадку на месте дома и пальцем оттирал на колене въевшуюся сажу.

Бабушка возникла на пороге.

— Не тяни душу.

Ну, я не стал больше тянуть. Рассказал про школьное дело.

— С ума сойти… — Бабушка села на табурет. Сняла свои старомодные очки и стала покусывать дужку. Была у нее такая привычка.

— Не надо сходить с ума. Сходи завтра в школу. Там все уладится в пять минут. Ну, не исключат же меня из-за этого дурака… Только не выдавай его, ладно?

Бабушка смотрела на меня, подперев очками подбородок.

— Ну, знаю, — уныло сказал я. — Твой дедушка Лев Анд-ронович, поручик Шеметилов-Гальский, поступил бы иначе. Он вызвал бы обидчика на дуэль. А если бы к нему пристали грубые вымогатели недворянского происхождения, он кликнул бы на помощь верных кавалергардов. В позоло-

ченных кирасах… А мне кого вызывать на дуэль? Вячика? Или Клавдию Борисовну?.. А друзей в кирасах у меня нет. И без кирас нет.

Бабушка молчала. «Вот и плохо, что нет», — говорили ее глаза, не защищенные очками. Но без упрека.

Потом она встала.

— Горе ты мое… Думаешь, мне хочется выслушивать жалобы на внука и педагогические нотации?

— А ты не выслушивай! Ты сразу за меня заступись!

— Ты думаешь, они *этого* ждут от меня? Ждут покаяния и обещаний, что к тебе будут приняты меры…

Но оказалось, что педагоги ничего не ждали от бабушки. Они позвонили на работу отцу и маме. И родители вдвоем «имели беседу» с Клавдией Борисовной. И та, разумеется, изложила им свой вариант происшедшего: «зверское избиение», «вызывающее поведение»…

А потом, естественно, была беседа родителей со мной.

Мама и папа в своей комнате сидели у шаткого садового стола, и в окна светило оранжевое вечернее солнце. И я стоял в его лучах у порога,

босой и все еще неотмытый.

— Ну и облик, — горестно сказала мама и поджала губы.

— Будто по минному полю ходил, — усмехнулся отец.

— Я ходил по тому месту, где стоял наш дом. Вот…

— Вместо того чтобы сидеть на уроках… — Это опять мама.

— Вы прекрасно знаете, что я не сам ушел, меня выгнали!

— За драку, И за безобразный тон в разговоре с завучем, — покивала мама. — Вырастили мы сыночка…

— Вам разве угодишь? То тихоня и размазня, то драчун и хулиган…

— Драчун ты так себе, — сказал отец, трогая бородку. — Клавдия Борисовна показала нам издалека твоего противника. Это же цыпленок.

— Этот цыпленок грозил, что его дружки мне голову свернут! Если не буду платить валюту!

Мама распахнувшимися глазами глянула на отца. Тот усмехнулся опять. Но уже не так уверенно:

— А ты и поверил…

— А надо было ждать и проверять? В про-

шлом году, когда какой-то тип явился к вам в «Альбатрос» вымогать проценты, вы почему не проверили? Выкинули беднягу из окна! Четверо на одного!.. Я-то хоть один на один…

— Ну… — Отец забарабанил по столу. — Ты не сравнивай. Такова нынешняя деловая жизнь. Взрослая…

— Взрослая? Сейчас в бандах есть восьмилетние убийцы! Та же Клавдия Борисовна рассказывала….

— И ты хочешь стать таким? — сказала мама.

Я возвел глаза к потолку. Вот она, женская логика.

Отец посмотрел на маму, на меня. В очках горели оранжевые точки.

— Хотелось бы верить, что ты начал эту… этот поединок из-за благородного возмущения, а не с перепугу…

— Именно с перепугу! Ты же знаешь, что я трус!

Он сказал в пространство:

— Остается надеяться, что это пройдет. Когда станешь старше.

— А я не хочу быть старше! Когда маленький, трусом быть легче! Можно это списать на малолетство.

— Но тут, друг мой, ничего от тебя не зависит. Все равно вырастешь. Придется принимать взрослые решения. И работать. И в армию идти, и жениться.

Я не к месту (совершенно случайно) подумал о Насте. И застыдился этой мысли, и разозлился на весь белый свет еще пуще.

— А разве для женитьбы нужна храбрость?

— А как же, — хмыкнул отец. — Иногда героическая.

От досады меня дернуло за язык:

— Тогда ты дважды герой, да?

Бабушка тихо ахнула:

— Алик… — Она стояла в дверях у меня за спиной.

Мама приоткрыла рот. Отец помолчал и спросил деревянным голосом:

— Ольга Георгиевна, когда вы пороли его последний раз?

Бабушка отозвалась сухо:

— Не последний, а первый и последний. В семилетнем возрасте.

Тогда бабушка взяла меня за шиворот и ладонью отхлопала по школьным штанам. По правде говоря, было за что. Перед тем я посмотрел кино про первоклассника, своего ровесника, который

посадил в холодильник кота. Для воспитания морозоустойчивости. И от холода кот из рыжего сделался голубым. Я решил такой же опыт проделать с пожилым рыжим Плато-шей, бабушкиным любимцем (и Квасиным приятелем, как она утверждала). Сунул послушного Платошу в наш «Чинар» и… забыл, засмотрелся мультиком про Винни Пуха.

Бабушка услышала приглушенное мявканье, открыла холодильник, и бедняга — все такой же рыжий, не голубой, а заиндевелый — выпал ей на руки.

Бабушка отпоила Платошу теплым молоком, закутала в шаль с грелкой, а потом деловито всыпала мне. Я ревел, но не от боли, не от обиды, а от жалости к Платоше. Бабушка сказала, что он умрет от воспаления легких.

Платоша помер через год. И я лил над ним горькие слезы. Вдвойне горькие от того, что я помнил свое безрассудство и терзался: кот погиб от затянувшейся простуды. Бабушка утешала меня: Платоша, мол, скончался просто от возраста. «Он же был старше тебя на пять лет. Для котов это очень преклонные годы». — «Неправда! Коты и до двадцати лет живут…» — «Ну, Алик, это уж кому сколько судьбой отпущено. И для котов, и

для людей...»

Я сейчас вспомнил, и вдруг у меня защипало в глазах. Никто этого не заметил. А бабушка повторила:

— Да, в семилетнем возрасте. Больше Алик не давал повода.

— Сейчас, по-вашему, не повод?

— Это уж вам решать, Максим Аркадьевич. — Бабушка знала, что отец никогда меня пальцем не тронет (и я знал). Но все же она добавила: — По-моему, поздно уже воспитывать таким образом.

Отец отозвался ворчливо:

— А на мой взгляд, еще вполне можно...

Я напомнил:

— Ты же сам говорил: маленьких и слабых бьют только трусы!

— Одно дело драка, другое — педагогика. Даже Клавдия Борисовна намекала, что это полезно.

— Я сразу заметил, что она маленько того... — Я крутнул пальцем у заросшего виска.

— Александр! — взвинтилась мама. — Ты дождешься, что папа и правда тебе всыплет!

— До него и дотрагиваться-то страшно, до такого... обугленного, — пробурчал отец. — Я же говорю, как по минному полю ходил... — Он, видимо, считал, что воспитательную беседу пора

кончать.

— На поле оборвало бы ноги. Или вообще всего на куски… Па-а, а если не ноги, а руки оборвет, а ты скрипач, что тогда делать?

Отец мотнул головой, поймал слетевшие очки. У мамы опять сделались круглые глаза.

— Саша, да что с тобой!

— Что за дикие фантазии? — сказал отец.

— Не фантазии, а так… вопрос… Да ты не бойся, жениться мне, наверно, не придется.

— Это почему? — еще больше испугалась мама.

— Не успею. Восемнадцать стукнет, и марш-марш в казарму. Атам деды. Я ведь терпеть не буду, хотя и трус. Значит, все закончится быстро. А может, окажусь в горящей точке. А оттуда — цинковая упаковка или бумажка: пропал без вести… Вас что больше устраивает? С бумажкой проще, меньше возни…

— Александр! — ахнула мама. Словно защищаясь.

А отец приподнялся с табурета.

— Ты что это сопли распустил? Срам… Может, надеешься откосить от армейской службы?

— Не буду я косить. На это, между прочим, тоже смелость нужна: могут ведь посадить. А со мной

все будет просто…

Я смотрел за окно, почти прямо на низкое солнце. От этого слезились глаза. Мама наконец решительно сообщила:

— Президент обещал, что скоро не будет никаких военных призывов, а будет профессиональная армия.

— Президент много чего обещает, — сказал я. — То и дело слышим, что война окончена. А по телику каждый вечер сводки об убитых.

— Сопли подотри, — тяжело сказал отец. — Тоже мне, он судит президента.

— Не сужу, а… профессиональная армия — это еще когда. Ладно, меня, может, и не заберут. А моему брату Алексею она светит вполне.

Я нарочно сказал так — «моему брату Алексею». Отец отвернулся к окну.

Мама решительно выговорила:

— Все эти горячие точки скоро кончатся. Не может этот ужас длиться без конца.

Бабушка сказала у меня за спиной:

— Может. Это длится не меньше девяноста лет. По крайней мере с Порт-Артура…

Отец будто обрадовался:

— Ну, конечно! Ольга Георгиевна всегда обеспечивает тылы любимому внуку.

— Не надо мне никаких тылов… Меня уже кончили воспитывать? Или еще?

— Я думаю, тебе завтра следует извиниться перед Клавдией Борисовной, — сообщила мама. — И… перед тем мальчиком.

Я зажмурился. От солнца плавали в глазах разноцветные пятна. Как рисунки на Ивкином костюме. Я глубоко вздохнул и объявил:

— Можете распилить меня ржавой ножовкой. Можете жечь живьем. Можете выгнать из дома. Все равно я перед ними извиняться не буду. Пускай я трус, но не настолько же…

— Признать свои ошибки — не трусость, а наоборот, — назидательно произнесла мама.

— Это когда они есть. А если нет?

— Ты невозможный ребенок. Мы… не хотим с тобой больше разговаривать.

— Ну и пожалуйста…

Я нырнул под локоть бабушки и ушел на кухню.

Здесь было темнее, кухонное окно выходило на восток. Из него я видел крыши одноэтажных домов, школу номер двадцать девять, сады и огороды. Где-то за ними, в ольховой гуще, пряталась речка Стеклянка. За ней стояли густые темные сосны. Сейчас они были позолочены солнцем,

но все равно казались сумрачными. Похоже на старый парк или на кладбище.

Но я уже знал, что там не парк и не кладбище, а роща, в которой прячется какое-то секретное учреждение. Лаборатории какие-то. Рощу окружал забор с колючей проволокой. Про секреты этой зоны говорили всякое.

Над соснами появился птичий треугольник. То-ли гуси, то ли журавли, я не разбирался. А может, аисты? Нет, у нас они не водятся. Я по крайней мере никогда не видал…

Зато есть песня.

Я оглянулся на дверь. Достал с самодельной полки кассету. Телевизор стоял здесь: кухня была просторная, почти что гостиная, тут мы и смотрели передачи. Но пока сюда никто не шел, переживали, наверно. А я… я железный, что ли?

Включил, поставил кассету.

На экране появились мальчишки в белых флотских брюках и оранжевых рубашках. В три шеренги.

И вот песня:

Зная, что зима не за горами,
Что озера скроет черный лед,
Аисты с подросшими птенцами

Собрались в осенний перелет…

А дальше — об аистенке, который слабее других и может не долететь до далекого Юга.

Один мальчик стоял впереди хора. Он-то и был аистенком, пел тонко и чисто:

Знаю, вам нельзя меня оставить:
Не простят измену небеса.
Только, чтоб не сдерживать всю стаю,
Я сложу, наверно, крылья сам.
И помчится море мне навстречу,
И тугая соль ударит в грудь.
И в глазах умрет закатный вечер,
И не станет больно мне ничуть…

Я вдруг понял, что солист похож на Ивку. Волосы, правда, не такие летучие и светлые, но лицо — похожее. И не только лицо. По-моему, у этого мальчика была такая же ясная, как у Ивки, душа. И… может быть, он тоже тревожился за старшего брата.

Господа взрослые, что же вы творите на нашей земле! Может, мы, дети, лишние на ней? И вы решили, что многих, кому уже восемнадцать, можно под корень?

«А дети? — будто возразил мне такой «взрослый». — Вы-то чем лучше? Мало вас, бандитов, в свои юные годы? Откуда вы такие?»

Я не знал откуда. Хотя нет, я догадывался. Я огрызнулся: «От вас! От вашего озверелого мира. Бандиты — они те, кого с самого рождения никто не любил!» — «Ну, так возьми и полюби! Лыкунчика, Вальдштейна...» — «Издеваешься, да? Дурак...»

Я мотнул головой и снова стал смотреть на экран.

Да, солист явно походил на Ивку. И многие в хоре были на кого-то похожи. Вон те рыженькие близнецы — на Витю Брусилова, одного из «поповичей». А этот, в очках, — на Олега Птахина из моего нынешнего класса. А небольшой, чернявенький — на Рената Латыпова... Но все они были как-то чище, красивее. Песня будто озаряла их изнутри. Каждого... И вон того, тонкошеего, с белобрысой челкой и желтыми глазами... Тьфу ты, наваждение!

Но нет, лицом он, может, и похож на Вячика Вальдштейна, но... все равно не похож. На такого разве поднялась бы у меня рука? Даже со страха... Да и страха бы не было.

Месяц, очень маленький и тонкий,

Тихо встал в надсолнечной дали.
Светит, словно просит аистенка:
«Дотяни, дружок мой, до земли...»

...Отец однажды услышал эту песню и сказал, что она неправильная.

— Аисты не летают над открытым морем. Они мигрируют на юг через Сахару.

— Это же просто песня! Она не про географию!

— Песне тоже нужна точность. Особенно если про полет.

Я не поленился, взял первый том «Мира животных» (тогда

у нас была большая библиотека). Прочитал про аистов.

— Они пересекают в полете Гибралтарский пролив.

— Он же совсем не широкий.

Я сказал:

— Много ли надо измученному аистенку?

Отец посмотрел внимательно.

— Ты его жалеешь? Или... себя?

Я тогда проглотил это молча. Пожал плечами. А сейчас вспомнил, и стало в горле колюче — не продохнуть. Я перемотал пленку и пустил песню снова. Лбом вдавился в оконный переплет.

Тихо вошла мама. Тронула за плечо. Я не обернулся.

— Мама, за что он меня ненавидит?

— Кто?!

— Он…

— Сашенька, да что с тобой! Что за глупости… Ну, перестань…

ВСЕ ВХОДИТ В РАМКИ

Я долго не мог уснуть. Мелодия про аистенка никак не уходила от меня. В бабушкиной комнате слабенько, дребезжаще били часы. К их звону давно все привыкли, никого он не будил.

А еще звучала, как струнный механизм, бабушкина кровать. Она тоже была старинная — со спинками, похожими на решетки готического собора. Раньше бабушка спала на ней в садовом домике.

Вскоре после полуночи подул шумный ветер. О наружной жестяной подоконник застучали капли. «Вот и лету конец», — подумал я уже сквозь сон.

Однако утром опять было солнечно и тепло. Даже лучше, чем вчера. Ветер прогнал запах дыма, а дождь, видимо, пригасил торфяной пожар.

Родители ушли, когда я еще спал. Не стали будить. Когда поднялся, бабушка сказала:

— Спишь до десяти. Совесть-то есть?

Я сказал, что нету.

— Зато есть вот что! — И наконец отдал ей акварель со старым домом.

Ну, бабушка засияла! Даже поцеловала обо-

жженную рамку.

— Я ее, бедную, сохраню на память. А картинку вставлю в новую. Такую же рамку, конечно, уже не найти, ну да ладно, главное, что сама акварель цела… Ивушка — ну до чего же славный мальчик! Умница!

— А я? Кто догадался туда поехать?

— И ты… Ешь яичницу и садись за уроки.

— Я же вчера был только на литературе.

— Ее и учи.

— А по ней ничего не задали.

— Тебе всегда «ничего не задали»… Тогда чисти штаны, которые вчера извозил. Потом пойдешь в «Овощи-фрукты» за капустой.

— Если будешь меня мучить, не отдам еще одну вещь.

— Это какую же?

— А ты забыла!

— Выкладывай!

Я достал из кармана безрукавки железный гребешок.

— Сперва просила, а потом не вспомнила…

— А! Давай, давай! Пригодится.

— Знаю, — хихикнул я.

— Что ты знаешь?

— Что *пригодится.*

— Ну-ка, марш в магазин!

Гребешок и правда пригодился.

Когда я пришел из школы и бесшумно отпер дверь, бабушка это не услышала. Я снял кроссовки и на цыпочках подошел к ее комнате.

Бабушка сидела на кровати, перед табуретом. На табурете стояло блюдце с молоком и хлебными крошками. Бабушка гладила гребешком ладонь, улыбалась и что-то шептала.

Я кашлянул у приоткрытой двери. Бабушка быстро воткнула гребешок в волосы. Взялась было за блюдце, но поняла: прятать поздно. Я был уже в комнате.

— Стучать надо, молодой человек.

— Колдуешь, да?

— Что за глупости!.. То есть не ваше дело, сударь.

— Квасю надеешься приманить, чтобы пришел на новую квартиру. Ну и правильно. Он теперь небось бездомный-бес-призорный…

— Напрасно ты иронизируешь.

— Ничуть не ир-рор… тьфу… низирую. С домовым всякое жилье уютнее.

— Квасилий не домовой! Он… просто Квася, вот и все. Мой приятель.

— Все равно из породы домовых. А кто еще-то?..

Ну ладно, ладно, молчу.

— Надеюсь, ты не станешь откровенничать с родителями о моих старческих причудах?

— Я, по-твоему, кто?! И никакая ты не старческая. Ты это… дама средних лет.

— Данке шен.

— Биттэ зэр.

— А как дела в школе? Надеюсь, сегодня никаких историй не было?

— Была…

— Господи, что еще?

— Ба-а… Я с ним помирился.

В школу я в этот день пришел *к* самому звонку. Почти никто не вспомнил о вчерашнем. Вальдштейн на меня не смотрел, остальные ребята смотрели и разговаривали нормально. А Клавдия Борисовна решила, видно, что дома мне устроили «семейную профилактику» и можно на этом дело закрыть.

Только Настя за меня тревожилась. Едва начался первый урок, немецкий, она толкнула мою ногу коленкой. Коленка была холодная, гладкая и такая… у меня все внутри отозвалось тайным замиранием. И мелькнуло в голове, что ради такого случайного касания можно было бы ампутировать самые дорогие штаны, а не только этот

обгорелый утиль. Но если бы эту мысль угадал хоть кто-то, я сгорел бы на месте, как канистра с бензином. Я даже перед собой-то молча застонал от навалившейся стыдливости. Но под ней, под стыдливостью этой, шевелилось что-то вроде теплой пушистой гусеницы. Пусть толкнет еще разок, а?

И она толкнула еще разок, покрепче.

— Ты уснул, ЧТО ли?

— А? Нет… Что?

— Я спросила: дома сильно ругали?

— Меня? Нисколько!

— Тогда хорошо… Я за тебя переживала.

— Ну и зря… — И я начал с нашей третьей парты старательно подсказывать несчастному Шурику Лапину, которого вызвали к доске и заставили делать перевод незнакомого текста.

— Руих, биттэ, майн либер Иволгин, — попросила добродушная «немка».

— Энтшульдиген, биттэ, Нина Петровна.

— То-то же, — сказала она уже по-русски. А я опять «отрубился» и стал тайно ждать: не толкнет ли меня Настя снова. И, по правде говоря, ждал на всех уроках, хотя порой меня настигало понимание, что лучше бы провалиться куда подальше… А на последнем уроке дошел до сверхнахальства

— толкнул ее сам.

— Ты чего?

— Насъ… я… узнать хотел. Я забыл, у тебя какого октября день рождения? Пятнадцатого или шестнадцатого?

— Пятнадцатого.

— Это хорошо.

— Почему?

— Я подумал: вдруг в гости пригласишь?.. Это шутка…

— А я правда приглашу. Без шуток.

— Ну, тем более хорошо. А то шестнадцатого мне надо на другой день рождения.

— К кому?

— Тоже… к одной девчонке.

Я думал, она скажет «у, какой ты» и толкнет меня коленкой снова. Но Настя притихла и стала смотреть в окно.

После урока мы вышли из школы вместе. Один квартал нам было по дороге. Настя сперва молчала, потом будто вспомнила:

— Да, насчет дня рождения! Шестнадцатого октября ведь будет понедельник. Та девочка… она, наверно, решит праздновать в выходной, как и я…

— Да я не на праздник. Зайду, отдам подарок

— и в школу.

Настя сказала ужасно безразличным тоном:

— А она кто? Наверно, из твоей бывшей гимназии?

— М-м… да! Из нее.

— Наверно, из твоего бывшего класса?

— Да из первого класса она! Ей семь лет стукнет! Это сестренка моего товарища, в том дворе, где мы раньше жили. А ты что подумала?

— А я вот нисколечко ничего не подумала. Просто сказала про понедельник. А ты думаешь, что я подумала?

— Я думал, что ты подумала, будто я думаю, что… тьфу!

Мы засмеялись.

— Ты меня под партой так ногой стукнул, что до сих пор в суставе гудит…

— Я?! Тебя?! Когда?!

— Даже и внимания не обратил. А у меня синяк. Вот, смотри…

Я с готовностью посмотрел. Даже присел.

— Нету никакого синяка. Даже пятнышка нету.

— Недавно еще был.

— Ну, я нечаянно…

— Ладно уж…

Скоро мы разошлись. Она в Комаровский пере-

улок, я на свою улицу Урицкого.

Урицкий был, говорят, какой-то деятель ЧК, помощник Ленина, и его застрелили. Нынче в городе многие большевистские названия переименовали, а про это, наверно, забыли. Может, потому что на окраине. Кстати, говорили здесь не «улица Урицкого», а просто «Урицкая».

Ну вот, шагал я, улыбчивый такой, на свою Урицкую, и вдруг сзади:

— Иволгин! — нерешительно так.

Я оглянулся. Сзади шел Вальдштейн.

Я остановился. Он тоже остановился. Свою потрепанную спортивную сумку он держал в руке на длинном ремне и качал ее, как маятник. И смотрел на нее.

— Ну, что? — сказал я.

Он быстро взглянул на меня и опять — на сумку.

— А мы… с тобой, оказывается, в одном доме живем…

— Да? — сказал я без всякого выражения.

— Да… Только в разных концах. Ты в восьмом подъезде, а я в первом. На четвертом этаже…

Я пожал плечами:

— Ну, что ж… — Я не хотел его отшивать, но и что сказать, не знал. Постоял секунду и пошел.

Вальдштейн догнал меня, зашагал сбоку и чуточку позади.

— Иволгин…

— Что?

— Ты очень на меня злишься, да? За то дело…

— Вот еще! — сказал я искренне. — Чего мне злиться? Тебе же попало, а не мне!

— Ну… у тебя ведь тоже были неприятности.

— С какой стати? Ничего у меня не было!

— С уроков прогнали…

— Вот беда! Погулял, в гости сходил… Одно удовольствие.

— Тогда хорошо, — вполголоса отозвался Вальдштейн.

С полминуты мы молчали. Потом:

— Ты не думай, что это я Клавдии нажаловался. Я дома сказал, что просто ударился, а мать не поверила, в школу пошла. А там в учительской Клавдия и Андреич. Он-то им все и выложил…

Я придержал, шаги, чтобы Вальдштейн оказался совсем рядом. Он шел и пинал свою сумку тощей поцарапанной ногой. Один раз запнулся, чуть не полетел носом. Оглянулся испуганно. Я чуть не наткнулся на него. Мы оказались лицом к лицу. И тогда я спросил:

— Послушай, Вальдштейн. А если бы я поверил,

что у тебя дружки-рэкетиры, и принес бы деньги? Ты бы взял?

Он ответил тихо, но сразу. И мне показалось — без хитрости:

— Да ты что… Это же я так просто… Подумал: может, есть кто-то еще…

— Что «еще»? — спросил я довольно беспощадно.

Он пнул сумку изо всех сил и признался отчаянным полушепотом:

— Еще больше… слабовольный, чем я… Тебе же Пшени-цына, наверно, описала, как меня тут… как ко мне прискреба-лись…

— Ничего она не говорила, — соврал я. — Мы про тебя вообще не разговаривали.

Он, по-моему, не поверил.

Тогда я сказал:

— Думаешь, я не понимаю, какая это жизнь, когда тебя изводят? Думаешь, я… такой уж крутой, что ли?

Он помолчал, и в молчании мне почудилась благодарность. Потом спросил:

— А трудно учиться в гимназии?

— Там больше уроков, чем тут. Два иностранных да еще всякие «Эстетики», «Истории искусств»… И зачеты, зачеты…

— А правда, что там у вас провинившихся розгами дерут?

Я остановился, заморгал:

— Ты что? С телевышки грохнулся?

— А у нас говорили… Ну, там же гимназия, старые порядки.

— Такие порядки в гимназиях при крепостном праве были! А сейчас… обыкновенные. Только если получишь двойку или на уроке вертишься, сразу: «Здесь гимназия! Хочешь валять дурака — иди в обычную школу!» А где они в центре, обыч-ные-то? Куда ни ткни — лицей, экономический колледж, французское обучение, математический уклон… И везде конкурс.

— И ты по конкурсу поступал?

— Естественно. Родители и бабушка испереживались…

— Аты?

— Мне семь лет было! Все до лампочки…

— А сейчас жалеешь, что ушел?

— А вот и нет! Надоело все время по струнке ходить, здесь свободнее…

— При Клавдии-то!

— А что Клавдия? Покричала и отошла. Вам бы нашу директоршу!

— Это Клавдия про ваши порядки говорила.

Был у нас в прошлом году один… гад такой, по кличке Кузов. Клавдия ему однажды на собрании выдала: «Вот в гимназию бы тебя! Там с тебя вмиг спустили бы три шкуры!»

— Она же это в переносном смысле!

— А все подумали, что по правде.

«Не все, а ты, — подумал я. — Видать, и правда тебе часто достается дома…»

— Этот Кузов… он больше всех ко мне прискребался, сволочь. Другие-то не очень, а так, на него глядючи… Он не то чтобы рукам волю давал, а больше словами: «Вальдштейн, Кронштейн, Рабинович, Бубенштейн. Привет родственникам в славном Тель-Авиве…»

— У тебя там есть родственники? — удивился я.

— Откуда? У меня дед из Казахстана, там много немцев. Поэтому такая фамилия. Сам погляди, разве похоже, что я еврей?

Я хмыкнул:

— Ты будто оправдываешься. А что, если еврей?

Вальдштейн кинул сумку на ремне за спину, подтянул свои камуфляжные бермуды. Пошел прямее. И глянул прямее. И глаза у него были, оказывается, не рыжие, а светло-коричневые.

— Тогда бы я гордился, что еврей. Среди евреев много великих личностей. Но у меня все в роду русские, кроме деда, да и тот немец лишь по отцу. Он даже языка не знает. Знает только, что фамилия означает «лесной камень».

— Правильно! А «Вальдберг» означает «Лесная гора», — вспомнил я. — У моего прапрадедушки была жена Вальдберг, Марта Карловна. До свадьбы она гувернанткой служила… У прапрадедушки в полку были неприятности из-за того, что женился на нерусской да на бедной… Мне бабушка рассказывала, а ей — ее мама…

— А кому какое дело, на ком он женился?

— Ну как же! Его императорского величества Александра Второго кавалергардский полк, такая аристократия. Там свои правила были… Но его благородие поручик Лев Андронович Шеметилов-Гальский оказался выше сословных предрассудков… — Я понял, что говорю словами и тоном бабушки. И сменил акценты: — Ну, он вообще такой был дядька, лихой…

Я, наверно, что-то напутал в названии полка. Толком ни я, ни бабушка его не знали. Но на Вальдштейна это произвело впечатление.

— Ух ты! Значит, у тебя придворные предки!

— Да какие там придворные! За душой ничего,

кроме звания! Прапрадедушку из-за бедности взяли в кадетский корпус на казенный кошт. Ну, то есть на бесплатное содержание… А в корпусе, вот там в самом деле виноватых драли почем зря. Хоть ты барон, хоть граф, хоть князь…

— Это он сам тебе говорил?

Я опять чуть не упал.

— Вячик, да ты что! — Так я его впервые назвал по имени, машинально. И у Вячика странно, как-то вопросительно дрогнуло лицо. И я смутился. И торопливо заговорил дальше: — Он же мой *прапрадедушка*! Он умер сто двадцать лет назад! То есть погиб на дуэли. Какой-то офицер обидел женщину, и Лев Андронович дал ему пощечину… — Ой! Мне словно язык прижгло. Вспомнил, какой оплеухой наградил я в субботу Вальдштейна. Но он, видать, не вспомнил, слушал, приоткрыв рот. — Ну, а потом они стрелялись. И пуля попала прапрадедушке прямо в сердце… А сын его, отец моей бабушки, родился через месяц после дуэли… Они с матерью, Мартой Карловной, сперва очень бедно жили, но потом он стал студентом, выучился на инженера по строительству железных дорог, стал зарабатывать… И почти сто лет назад построил на свои деньги дом в нашем городе. Раньше-то они жили в Петербурге,

а потом переехали сюда, когда здесь магистраль прокладывали… А этим летом дом сгорел, ничего не осталось. Только маленькая картина с видом дома. Да и у нее рамка обгорела наполовину…

Вячик не стал расспрашивать про пожар. Может, не решился, а может, слышал про него от ребят. Он сказал:

— Рамку ведь можно сделать другую. В точности такую же.

— Такую теперь не сделают, старинная работа…

— Ну, почему не сделают! Знаешь сад с фонтаном у центрального универмага? Там художники свои картины продают. А разные мастера — всякие свои изделия. Художественные. И там я видел одного, который деревянной резьбой торгует. Фигурки всякие, шкатулки, маски. И рамки тоже. Прямо как кружево.

Я бывал, конечно, в этом сквере у ЦУМа, но резчика не помнил. Но не будет же Вячик врать, зачем ему это?

— Я скажу бабушке… Но, наверно, такая рамка будет стоить не меньше телевизора.

— Можно спросить, поторговаться…

Я кивнул: можно, конечно.

Мы были уже дома. У первого подъезда.

— Ну вот, — неловко сказал Вальдштейн. — Я пришел. — Ага… Я тоже пойду. Пока… — И зашагал вдоль газона. И почувствовал: Вальдштейн смотрит вслед. Я оглянулся. Он и правда смотрел, не ступая на крыльцо. Тогда я сказал:

— Вячик…

— Что?! — У него это как-то звонко получилось, на весь наш длинный двор.

— Ты не знаешь, эти мастера у ЦУМа каждый день торгуют или только по выходным?

— Каждый! Но в выходные их там, конечно, больше…

И тут я сказал прямо:

— Давай я завтра зайду за тобой, когда в школу…

— Давай! Я буду смотреть с балкона! Вон с того!

И мы стали вместе ходить в школу.

Мы привыкли друг к другу. Иногда казалось даже, что я знаю Вячика давно. Ему про меня, наверно, так же казалось. Потому что однажды он решился на откровенный вопрос:

— Тебе нравится Пшеницына?

«Рехнулся, да?.. Ничуточки не нравится!.. Тебе-то что?! А если да, какое твое дело!..» — запрыгало у меня в голове. Я вздохнул и сказал:

— Да… А что?

— Ничего. Рад за тебя, — сказал он. И тоже вздохнул.

Это было в субботу (и все еще стояло лето). А в воскресенье мы с бабушкой поехали в центр, к ЦУМу.

Там, в сквере с фонтаном, и правда были не только живописцы с их картинами. Разные мастера продавали множество изделий: коврики ручной работы, гипсовые фигурки, керамические вазы, кукол из цветного пластика, всякие сувениры из самоцветов и еще много чего. Толстый дядька держал даже большую модель фрегата.

Нашли мы и резчика по дереву. Это был мужчина с короткой клочковатой бородой, но не старый. Приветливый такой, живой. Он торговал деревянными масками, гномами и баба-ми-ягами. Бабушка объяснила ему, что к чему, показала обгорелую рамку.

Мастер ухватился за нее с интересом.

— Да-а, работа… Повторить такую — дело сложное. Времени потребуется немало.

— А денег? — откровенно спросила бабушка.

Резчик почесал в бороде обгорелым углом рамки.

— Я думаю, не меньше чем… — И назвал сум-

му. «Ого-го! Две зубные пломбы с хвостиком!» — прикинул я.

Но, с другой стороны, и работа какая…

— А в общем, видно будет, — решил мастер. — Вы, сударыня, сделайте любезность, через месяц навестите меня на этом месте. Или позвоните мне домой… Гоша, дай телефон.

Рядом с мастером сидел грузноватый круглоголовый парнишка. Он был похож на Игоря Тулеева из нашего класса, только покрупнее. И этот Гоша привычным движением вынул из кармана пестрой рубахи бумажный билетик с телефонным номером. Протянул не бабушке, а мне, потому что я оказался ближе.

Когда мы вернулись, мамы и отца не было, ушли к знакомым. В прихожей бабушка вдруг прижала палец к губам.

— Тихо… Ты слышишь?

— Нет, ничего не слышу.

— Вот именно, — значительно сказала бабушка.

Я понял: нет привычного тиканья!

Часы в бабушкиной комнате остановились. Гири были подтянуты, но маятник висел неподвижно.

Думаете, мы огорчились? Бабушка вся засвети-

лась. А я прошептал:

— Квася, да?

— Неужели он здесь? Проказник…

Я поставил к часам табурет, добрался до механизма. Нажал, где нужно. Качнул маятник. В этот момент я почти верил, что мохнатый Квасилий сидит за часами и лукаво слушает тиканье.

Бабушка с удовольствием сказала:

— Ну вот, все входит в свои рамки.

Тогда я не выдержал. Потому что Квасилий — это хорошо, но все-таки…

— Бабушка, давай заведем котенка!

— Стоит подумать, — неожиданно охотно сказала она.

— А ты не раздумаешь? Ты ведь не хотела никак…

— Да. Потому что боялась, что придется опять хоронить беднягу. Но теперь-то, я надеюсь, кот меня переживет…

— Опять ты про свое! Это у тебя любимая тема! Что за привычка все время говорить о помирании!

— А что здесь такого? Это вполне естественно.

— Ага, «естественно»! Если этого все время бояться, можно помереть раньше времени!

— Нет, у меня «раньше» уже не получится. Это

во-первых. А во-вторых, я вовсе этого не боюсь.

— Уж будто бы…

— Конечно! Страшно и обидно умирать молодым, которые мало жили, мало видели, мало успели… А старикам-то чего бояться? Конечно, грустно расставаться, но зато впереди два вполне приемлемых варианта…

— Какие? — опасливо спросил я.

— Если верить моему любимому поэту Маршаку, после смерти

Не будет даже тишины.

Не будет темноты.

Значит, никаких проблем, на нет и суда нет… А если верить другим умным людям, в том числе и знаменитым ученым, душа бессмертна. Одни говорят — она уходит в иные миры, другие — что она вселяется в нового человека. Неизвестно, будет ли *там* лучше, чем здесь, но это уже другой вопрос. В конце концов, если впереди бесконечность, может в ней перепасть на нашу долю и что-то хорошее. По-моему, даже интересно, а?

Я сумрачно пожал плечами. В словах бабушки был, конечно, какой-то просвет. Но думать на такие похоронные темы я не любил. Не любил даже строчку про «любовь к родному пепели-

щу», потому что дальше была другая: «Любовь к отеческим гробам». Тут Александр Сергеевич, по-моему, намудрил. Как можно любить гробы? Он, конечно, имел в виду могилы, но все равно зябко от этого…

Чтобы не думать больше про такое, я пошел к Вячику, и мы на его велосипеде отправились кататься по ближним улицам. Один на педалях, другой на багажнике, по очереди.

Навестили Настю Пшеницыну в ее деревянном доме на берегу Стеклянки. Она вытащила из сарая свою складную «Каму» и поехала с нами.

Вечером, перед сном, я проходил мимо бабушкиной комнаты. Дверь была приоткрыта.

Бабушка сидела, прислонившись к кроватной спинке. Тем самым гребешком расчесывала распущенные волосы. Они у нее совсем не старушечьи: хотя и с сединой, но густые, длинные. Бабушка о чем-то тихо говорила. С собой?

Я отошел на цыпочках. Потому что на узорчатой спинке кровати устроилось мохнатое серое существо размером с плюшевого мишку. В красной безрукавке. Хотите — верьте, хотите — нет. Можете считать, что мне показалось…

ТЕАТР ДЕМИДА

Наверно, тринадцать и правда несчастливое число. Именно в этот день, тринадцатого сентября, закончилось лето. С утра было еще тепло, но к полудню набежали холодные тучи. И засвистело так, что листья с кленов полетели желтой метелью.

Ну ничего, к этому времени у меня был уже новый костюм. Даже два — обычный и спортивный. И теплая куртка. А в комнате, кстати, вместо раскладушки поставили диван-кровать. И этажерку для книг. И появились в квартире еще кое-какие вещи.

Зато исчез с подоконников фарфоровый сервиз с дамами и кавалерами на блюдах и тарелках. Бабушка приняла такое горестное решение, ни с кем не советуясь. Посуду увезли в комиссионный магазин, когда она была дома одна. И деньги выплатили уже на следующий день.

Нам всем было перед бабушкой неловко. Даже отец поглядывал на нее виновато, хотя раньше не раз говорил маме, что глупо цепляться за старинные чашки-плошки, когда не на чем сидеть.

А на этот раз он (не при бабушке, конечно)

заметил:

— Лучше бы от того дребезжащего шкафа с маятником избавиться. Только место занимает.

Но расстаться с часами было для бабушки выше сил. Тем более что их любил и объявившийся в квартире Квасилий…

В тот день, тринадцатого, мы с Вячиком шли в школу, наклоняясь против ветра. Летящие листья царапали наши лица. Дождя не было, металась по улицам сухая остывшая пыль.

Вячик был в мятых вельветовых брюках и обвисшем свитере. Он ежился и говорил, что терпеть не может осень и зиму.

— Я всегда в это время зябну. У меня уши промерзают насквозь и звенят, как стеклянные.

Я тоже не любил холод. Особенно зиму. Новогодние праздники — это хорошо, а в остальное время пусть были бы весна и лето! Лыжник из меня был никакой, на коньках я даже стоять не умел. Вячик, по-моему, тоже. Другое дело — велосипед. Если даже один на двоих…

Мы вбежали в школу, и там было тепло и уютно. В этой школе мне всегда было уютно. И с ребятами все складывалось нормально, и учителя не вспоминали про нашу ссору с Вячиком. Чего вспоминать, если мы теперь все время вместе. И

Настя… Правда, несколько раз нас грозили рассадить по разным партам за болтовню на уроках. Мы и правда часто болтали. И даже дурачились. И когда Настя толкала меня коленкой, я уже не испытывал никаких замирательных чувств.

А сегодня Пшеницына явилась в брючном костюме и была будто не Настя, а какой-то Ваня… Не понимаю, почему девчонкам нравится походить на мальчишек. По-моему, им это совсем не идет…

Осенние дни стали короче и побежали быстрее. Неделя за неделей. Каждую субботу и воскресенье бабушка ездила в центр, в сквер у ЦУМа. Но мастер, которому мы заказали рамку, не появлялся. А номер телефона бабушка потеряла. Я отдал ей эту бумажку не глядя, она ее куда-то сунула — и с концом. Вот досада…

А пока акварель со старым домом была приколота в комнате бабушки кнопками к обоям. Вокруг бабушка развесила старинные открытки и фотографии, которые сохранились у нее в обгорелом сундуке. И среди них — снимок мужчины с виолончелью.

— Ба-а, это кто?

— Анатолий Андреевич Брандуков. Знаменитый виолончелист, друг Чайковского. С ним была

знакома моя мама.

— А ты?

— Я не такая уж седая древность! Анатолий Андреевич умер за пять лет до моего рождения.

— А кто же знаменитый выступал недавно с виолончелью по телику?

— Мстислав Ростропович!

— А, правильно! Вспомнил…

— Ничего ты не вспомнил. Ты чудовищный профан в классической музыке!

— Вовсе нет! Я люблю Чайковского «Времена года». И Вагнера, увертюру к «Тангейзеру»! А недавно целый час сидел у экрана, когда «Виртуозы Москвы» играли… — Я не стал уточнять, что больше всякой классики люблю песню про аистенка.

…А тепло еще вернулось. В начале октября. Конечно, это было уже не летнее тепло, но славное. Тихие солнечные дни с желтизной садов и синими высыхающими лужами. Скоро лужи высохли совсем. У заборов доцветала сурепка. А в Настином дворе у сарая вдруг зацвел солнечными звездами большущий, выше меня, куст осота.

По вечерам мы катались на велосипедах. Темнело уже рано. Над крышами вызревала круглая, как великанское яблоко, луна. Желтели окна.

Раньше я жил в старом доме, но он был словно проглочен городским центром — кругом этажи, этажи… А здесь я сам оказался в многоэтажке, зато крутом — старина. Улицы одноэтажные и двухэтажные, с палисадниками. Были здесь не только простые деревянные дома, но и причудливые особняки. Их для дачной жизни построили в давние времена всякие зажиточные люди. Белела отремонтированная церковь. До недавнего времени в ней помещался склад, а теперь опять шли службы. Часто звонили колокола.

А еще был мостик через Стеклянку, крутые спуски в переулках, тропинки среди репейной чащи и редкие столбы с фонарями.

В теплых сумерках улицы казались немного сказочными. Еще немного — и случится приключение.

И однажды оно случилось.

В тот вечер Настя не поехала с нами. Сказала, что у нее «куча дел по хозяйству», отдала мне свою «Каму», и мы с Вя-чиком покатили каждый на отдельном «коне». По мостикам, по горкам, по безлюдным тротуарам. На углу Полевской и Подгорного переулка нас окликнули:

— Эй, парни, постойте!

Голос был не грозный, а скорее жалобный. У

столба с горящей лампочкой стоял мальчишка, похожий на маленького медведя в полосатой фуфайке.

Мы тормознули, но не рядом, а поодаль — на всякий случай. Я сказал:

— Чего надо?

— Пацана маленького не видели? Вот такого… — Мальчишка поднял прямую ладонь повыше живота. — В красной кофте…

Мы не видели. Но в голосе круглого незнакомца была такая жалоба! Неловко взять вот так и укатить. Вячик сочувственно спросил:

— Брат, что ли?

— Ну да! Пять лет всего, а такой паразит, прямо лунатик! Только отвернешься, а он уже пошел гулять неизвестно куда… Ну, ладно, если днем. А сейчас-то…

— Давно исчез? — спросил я.

— Часа полтора назад. Я уроки делал, мать пошла к соседям, а его с отцом оставила. А папаша маленько того… и задремал. Мать пришла: «Где Николка?» А где он теперь, кошка бродячая…

Парнишка был или вообще такой разговорчивый по характеру, или просто отводил наболевшую душу… Или ждал от нас помощи?

Вячик посмотрел на меня. Я сказал брату бес-

путного Ни-колки:

— Ну, пошли. Мы в этих местах ориентируемся…

— Да и я тоже. Но ведь этот тип в самые закоулки забирается. Будто ищет чего-то на свою голову. Спросишь его: «Ну, какая холера тебя из дому тянет?» А он глазами лупает и… думаете, молчит? Объясняет, зануда: «Меня будто зовет кто-то…» Попадись мне этот «кто-то»…

— Всыпали бы вы ему как надо, — тоном опытного человека посоветовал Вячик.

— Я так матери и говорю. А она прижмет его и слезы роняет на макушку: нашлось сокровище… Я когда-нибудь его сам…

Этот разговор мы вели уже на ходу. Мы с Вячиком сошли с велосипедов и катили их рядом с собой, а Николкин брат шел между нами. И вздыхал и жаловался на судьбу. И между делом сказал, что зовут его Гошкой.

Тогда я узнал его.

Но спрашивать сейчас о рамке было бы бессовестно. У человека такое на душе, брат пропал…

Мы обошли ближние улицы, переулки и спуски. Даже под мостики заглядывали — у Гошки был фонарик. Но попадались нам только бродячие кошки: с шипеньем прыгали в заросли…

Наконец Гошка беспомощно сказал:

— Ну ладно, вам ведь по домам пора…

Нам и правда нужно было домой. Но как оставить человека одного в таком деле?

— Может, он уже сам вернулся? — неуверенно спросил я.

— Ага, дождешься от него…

— Значит, надо в милицию, — решительно заявил Вячик.

— Да было уже и такое. Толку-то! Они раскачаются не раньше чем через сутки. Для них пропавшие пацаны — рядовое дело…

— Давайте еще здесь пройдем, вверх, — сказал я. Это был короткий, идущий в горку переулок с названием Переплетный. Справа — забор и репейники выше головы. Посредине — разрытая для каких-то труб дорога. А слева, за густыми рябинами, тянулось вверх приземистое кирпичное здание с квадратными окнами. Окна были у самой земли, на разном уровне. Как бы поднимались по ступеням. Они неярко светились сквозь ветки.

Мы разделились. Вячик и Гошка пошли вдоль забора, а я мимо окон. И, конечно, в эти окна я заглядывал.

Сперва там было пустое помещение с рядами

стульев, как в обшарпанном клубе. Потом… непонятное. И сказочное.

Прежде всего я увидел камин. С живым огнем. Не с тем беспощадным пламенем, которое спалило наш дом и чуть не изжарило меня, а с уютным огоньком на красных углях. А еще было нагромождение всякого волшебства. Громадные звезды, узорчатые фонари, рыцарские латы, нарисованный на широченном холсте многобашенный город. И стояла покосившаяся карета на колесах с красными спицами.

Лишь во вторую очередь я увидел людей. Их было трое. Один в костюме Пьеро: в белом балахоне с круглым складчатым воротником и в шапочке, похожей на половинку черного мяча. Другой — в обыкновенном пиджаке и брюках, в круглых очках, с плоской лысиной. А еще — женщина в широких белых штанах и синей кофте — квадратная какая-то, некрасивая. А между этими тремя стоял пацаненок дошкольного размера. С кудрявыми локонами, в просторной, но куцей красной курточке. Подняв лицо, он что-то охотно рассказывал этим дядькам и тетке.

Я тихо свистнул Гошке и Вячику. И, пока они перебирались через разрытую дорогу, отступил в кусты и наблюдал. Что там? Музей, антиквар-

ная лавка или какая-то самодеятельность? Или притон сумасшедших, которые заманивают малышей для черных дел?

— Тихо, не гремите великом. Смотрите. Это Николка?

— Он, поросенок! — тихо возликовал Гошка. — Ну, я ему…

— Постой. А вдруг там… злодеи какие-то? Пусть один войдет, а двое на страже…

Гошка и Вячик сосредоточенно задышали.

— Надо жребий, кому туда идти, — опасливо сказал Вячик.

— Какой там жребий! Чей это брат?.. Где, интересно, у них дверь…

— Наверно, с тыла… — Я, откровенно говоря, был рад Гошкиному решению.

— Пошел я. Если увидите, что дело плохо, дуйте за помощью. Милиция на Ручьевской… — И Гошка исчез.

Он долго не появлялся в «притоне». Мы уже решили, что у входа его скрутил дежурный сообщник злодеев. Но вот рядом с камином раскрылась старинная, как в замке, дверь, и Гошка возник. Решительный, как Геракл перед схваткой со львом.

Но схватки не получилось. Гошке обрадова-

лись. Заговорили наперебой, заприглашали словами и жестами. Только беспутный Николка понурился и запереступал ногами в коротеньких штанах и синих колготках. Так, словно очень захотел в туалет.

Гошка взял брата за шиворот. Послушал еще Пьеро, очкастого и квадратную тетку, повернул лицо к окну и махнул нам.

Мы обогнули дом и отыскали дверь.

В помещении было очень тепло и пахло столярным клеем. И еще всякой смесью: пыльной тканью, красками, ржавчиной и дровами.

Гошка уже не держал брата за шиворот. Николка сидел верхом на пушке. Очкастый оживленно объяснял:

— Он появился на пороге, словно этакий посланец небес. Мы спрашиваем: «Тебе что, дитя?» А он молчит и оглядывается. Причем этак по-хозяйски. Наконец снизошел до разъяснения, что гулял, заглянул в окно и стало ему интересно. Это, безусловно, делает нам честь. Но тем не менее мы уже собирались сопроводить юного гостя домой, ибо догадывались, что там отсутствие этого чада создает некий дискомфорт. А тут — явление старшего брата, в очах которого справедливое негодование…

— Щас он узнает негодование, — мечтательно сообщил Гошка. — Всыплю мерзавцу…

— Ладно. Потом, — отозвался Николка. Покладисто, но без боязни.

— Нет, сейчас!

— Постойте, юноша… Ваши чувства, конечно, понятны, однако нет ли во всем этом вмешательства судьбы? — перебил Гошку лысый. — Судьба эта явно послала ребенка на нужную нам роль.

— Какую еще роль? — мрачно отозвался Гошка.

— Охотно раскрываю секрет… То, что вы видите вокруг, не свалка и не мастерская сумасшедшего художника. Это небольшой, не очень знаменитый, но полный надежд на славное будущее театр. Самодеятельный и народный. Театр Демида… Слева, — лысый указал на квадратную тетку (или девицу), — наша беззаветная Маргариточка, заведующая реквизитом и всей материальной частью, а также художница по костюмам. Справа… — Он кивнул на смуглого тонколицего парня, который стягивал через голову «пьеровскую» кофту, — гениальный трагик, но прежде всего драматург Шурик Половцев, синьор Алессандро, как именуют его друзья. Немногословен, но безотказен и неутомим в любой творческой работе…

— Не надоело тебе? — сказал синьор Алессандро.

— Я ввожу гостей в ситуацию, дабы они не заподозрили нас в черных замыслах…

— А что такое «Демида»? — спросил Вячик. Он живо оглядывался, ему здесь явно нравилось. Мне тоже.

— Не Демида, а Демид! — возгласил лысый. — Демид Полянский. Это, с вашего позволения, как раз я. Бессменный руководитель и главный режиссер в этом храме искусства… Остальных представителей творческого коллектива здесь пока нет. Он, коллектив этот, невелик числом, но богат талантами. И намерен раскрыть их в гениальной постановке «Огниво»…

— По Андерсену, что ли? — вставил я.

— Именно! И-мен-но! Андерсен — наш кумир. Но он известен зрителю прежде всего в переложениях Шварца. Шварц, конечно, блестящ, но, на наш современный взгляд, излишне традиционен. И вот Шурик сочинил по знаменитым сказкам свою пьесу. А в пьесе есть пролог. Там к сочинителю дождливым вечером приходит промокший кудрявый мальчик. Сочинитель отогревает его, а этот негодник вместо благодарности ранит беднягу в сердце стрелой. Как вы догадываетесь,

стрелой любви. Потому что он не кто иной, как Амур… Наша труппа, как я уже упоминал, полна талантами, но взрословата. Нужен ребенок…

— Не буду я Амуром, — вдруг сообщил с пушки Николка. — Амуры голые. Я видел на картинке.

— М-да… — Демид зачесал лысину.

— Тебе сделают спереди листик, — язвительно пообещал Гошка. — Подорожник.

— Себе сделай. Лопух…

Мы запереглядывались и захихикали. Все, кроме Гошки. Младший братец-то был не без юмора. Интересно: назвал он лопухом Гошку или посоветовал ему лопух вместо подорожника?

— Мы тебе сошьем зеленые штанишки, — пообещала Маргарита. — С крылышками на лямках. Так будет даже забавнее.

— А на штанишках все равно листик, — злорадно добавил Гошка. Николка не удостоил его взглядом.

— А лук будет настоящий?

— Разумеется! — обрадовался Демид. — И после спектакля ты получишь его в награду.

— Тогда ладно.

Маргарита стала угощать нас чаем в больших фаянсовых кружках. С мелкими черными сухариками. Было уже поздно, однако мы не устояли

перед соблазном. Сели на чурбаки у огонька.

Огонь был добрый. От ласкового тепла у меня даже перестали чесаться изжаленные в зарослях ноги. В этот почти летний вечер я был в старых обгорелых штанах, а под мостами и у заборов ожила задубевшая было крапива и перед окончательной гибелью кусалась по-крокодильи. К тому же и я, и Вячик, и Гошка были в репьях — теперь мы их отцепляли и бросали в камин.

На Николку больше никто не досадовал. Гошка обещал поговорить с родителями и привести «этого окаянного бомжа» на репетицию.

— Только вы следите за ним…

Демид прижал кружку к груди и поклялся.

На улице Гошка сказал:

— А я тебя помню. Вы с бабушкой нам рамку заказывали.

— Я тебя тоже узнал.

— А почему вы не звоните?

— Бабушка ваш номер посеяла.

— А отец ногу сломал. Второй месяц дома сидит. Но рамку сделал! Поехали к нам!

— Поздно сегодня. Дома будет мне «рамка»…

Но тут выяснилось, что Гошка и Николка живут в квартале от Насти. Мне все равно надо было вернуть ей «Каму».

Гошка сел на «Каму» и хотел устроить Николку на багажнике. Но тот вдруг заявил:

— Хочу с ним! — И ко мне (мы с Вячиком собирались ехать на его велосипеде). Непонятно, отчего он так. Может, все еще дулся на брата?

Спорить было некогда. Вячик сел к Гошке, а Николку я посадил перед собой, на раму дребезжащего «Прогресса».

Покатили с ветерком. Николка сидел тихо. Но когда ехали вдоль длинного неровного забора, этот малыш вдруг сказал:

— А ты знаешь, что этот забор на самом деле поезд?

*Я*не стал допытываться: почему поезд? Ответил: «Конечно».

Над забором катилась, не отставая от нас, выпуклая луна. Николкина макушка была рядом с моим подбородком. Его локоны отчего-то пахли сухой теплой травой…

Наконец приехали, отдали «Каму» Насте. Она уже волновалась.

— Не за велосипед, а за вас, дурни…

Через две минуты мы оказались дома у Гошки и Николки.

Их мама — пожилая, но маленькая, как девочка, — коротко возрыдала над вернувшимся

блудным сыном.

— Бродяга ты бессовестный! Не смей больше…

Гошка повел нас в комнату. Там, взгромоздив загипсованную ногу на табурет, полулежал на диване знакомый клочко-вато-бородатый мастер. Завозился.

— Ну что? Отыскался обормот? Доберусь я до него однажды. Кабы не нога…

Заметно было, что он приложился к бутылочке, слегка пахло спиртным. Но больше пахло деревом, стружками.

— Папа, ребята помогали Николку искать. Ты вот его, Аль-ку, помнишь? Он с бабушкой рамку заказывал.

— А! Ну как же! Гошик, дай с полки!

Гошка грузно встал на табурет у стеллажа со всяким инструментами и фигурками из желтого дерева. Потом спрыгнул (мигнули лампочки).

— Вот…

Рамка была как прежняя. Ну, только лак свежий. Узоры — в точности. Я взял ее в ладони, пригляделся. Она, кажется, была склеена не только в углах, но и пополам — где верхний и нижний бруски.

Гошкин отец опять повозился и сказал с удовольствием:

— Заметил? Я не стал делать ее новую целиком, а заменил сгоревшую половину. Можно считать, что это отреставрированное изделие. Так оно, наверно, лучше? Семейная реликвия все-таки…

— Ух ты… — Я побаюкал рамку, как котенка. — Бабушка просто растает…

— Не надо, — с налетом важности улыбнулся Гошкин отец. — Роль Снегурочки не для бабушек. Скажет спасибо, и ладно…

— Спасибо, — сказал я. — Только знаете что? У меня с собой денег-то нет, я не знал… Можно, я рамку сейчас возьму, а завтра мы обязательно расплатимся? Мне рамка нужна, чтобы дома не влетело за поздний приход. А то мы столько мотались по улицам… — Это я деликатно намекнул на свои заслуги в поисках Николки.

— Забирай, забирай, — великодушно сказал мастер.

— Вот хорошо! А… сколько денег надо будет принести? — И подумал: найдутся ли они нынче у бабушки?

Он довольно улыбнулся:

— А нисколько не надо. Вы теперь вроде как друзья с Го-шиком. К тому же мне эта работа была одна радость. Можно сказать, приобщился к старинным мастерам.

— Ой… спасибо. Только бабушка, наверно, не согласится. Она в таких делах такая… щепетильная.

Гошкин отец насупился, но, по-моему, не всерьез.

— Понятно, бабушка человек принципов. Но вот я тоже щепетильный. Да… Если мой подарок не берут, я обижаюсь.

— А это подарок, да?

— Да. И потом, не бабушке, а тебе. Такая вот ситуация…

— Тогда… еще раз спасибо.

— Меня зовут Дмитрий Алексеевич, — сообщил он и почесал клочковатую бороду с крошками. — Заходите к нам, братцы. Гошка у меня положительный. А может, придется опять Николку ловить… Я вот доберусь до него, только встану.

Он велел Гошке найти плотную бумагу и упаковать рамку.

После этого мы с Вячиком понеслись домой.

Дома, конечно, все уже «стояли на ушах». Отец, правда, сохранял внешнее спокойствие, зато мама успела побывать дома у Вячика. И там узнала, что «этот негодяй тоже еще не появлялся, а когда появится, получит за все по полной норме».

Папаша у Вячика был молчалив и крут. Мать шумная и быстрая на руку: сперва даст по шее, а потом уже разбирается и жалеет после времени. Но я надеялся, что на этот раз Вячи-ку зачтется уважительная причина. И мне тоже!

— Мы не гуляли! Человек пропал! Маленький! Мы искали по всему Стекловску!

Ну, в ответ, конечно: «А о нас ты подумал? Мы решили, что ты сам пропал! Ты знаешь, какая в городе криминогенная обстановка!» Но это уже так, на тормозах. Нашелся ребенок, можно вздохнуть и порадоваться. Поворчали еще, дали вареной картошки с молоком.

Потом я поманил бабушку в ее комнату.

Ну, она прямо помолодела, когда рамку увидела.

— Какая прелесть…

А когда про все узнала, даже прослезилась чуть-чуть.

— Я сразу увидела, что этот Дмитрий Алексеевич очень милый человек, с особой внутренней интеллигентностью. И какой мастер! Истинный художник… Алик, ты передай ему, что я не нахожу слов. И всей душой… ну, ты понимаешь…

— Понимаю, понимаю… Ба-а! Ты ведь готова была на любую плату, верно?

— Что ты имеешь в виду? — Тон бабушки стал посуше.

— Не могла бы ты дать мне из сэкономленных денег хоть ма-а-ленький процент?

— Странно… Разве ты автор этого произведения?

— А кто это произведение отыскал и принес?

— Д-да… Но откуда у тебя столь корыстные проявления? И зачем тебе деньги?

— На водку, наркотики и закупку оружия. Решил начать настоящую мужскую жизнь.

— Сейчас я тебе покажу мужскую жизнь! Говори серьезно!

— Если серьезно, то скоро у Пшеницыной день рождения.

— Не у Пшеницыной, а у Насти.

— Ага. И еще у Стоковой. У Сони. Я обещал, что приду с подарком…

КОНТРОЛЬНАЯ ПО АНИМИЗМУ

Я так умотался в тот вечер, что лег сразу после разговора с бабушкой. Думал, сразу усну. Но опять не спал до полуночи. Луна выкатилась в середину неба и сделалась очень яркой.

Я завернулся в одеяло и сел на подоконник. Многие не любят полнолуния, говорят, что от него исходит какое-то вредное влияние. А мне нравится круглая луна. По-моему, как раз при ее свете происходят всякие чудеса.

Вот и сегодняшний вечер оказался почти сказочный. Эти переулки в сумерках, заросли, журчание воды под мостами, рыскливые кошки, желтые окна… И театр Демида, похожий на кладовую вещей из разных волшебных историй… И даже в тревоге за Николку была приключенческая напряженность. Как в моих некоторых снах, когда я кого-то ищу, догоняю в запутанных улицах таинственного города.

Эти сны обычно обрывались на середине. А нынешняя сказка раскрутилась до конца. И конец оказался счастливый…

Я вспомнил, как вез на раме малыша Николку и как волосы его пахли скошенной травой. И как

он спросил:

«А ты знаешь, что этот забор на самом деле поезд?»

Я не удивился Николкиному вопросу. Понял, что Николке известны странности мира так же, как и мне.

Эти странности я называл словом, которое придумал давным-давно: «Многоразность».

Еще в дошкольные годы я стал понимать, что у одной и той же вещи может быть множество видов и свойств.

Я знал, например, что переднее колесо у велосипеда рыжего мальчишки Вадика — колесо только в здешнем, ближайшем мире. А в соседнем оно — круговертящаяся толпа на рыночной площади. А еще — плоская спиральная галактика в чудовищно отдаленном космосе (отдаленном и в то же время очень близком — рукой можно дотянуться).

Мне было понятно и то, что фильм «Золушка» — это еще и серебряный шар на новогодней елке, и поросшая желтыми одуванчиками поляна за гаражами, и серебристый купол городского цирка… А тополиная аллея недалеко от гимназии была еще коробкой цветных карандашей в ранце незнакомой девочки и большим, с побитой

зеленой эмалью чайником на кухне бабушкиной знакомой тети Риты…

Можно сказать, конечно, что все это чушь и бред. Это, мол, самые разные вещи, нет между ними никакой связи. Но я-то знал, что есть. В каждой вещи скрыто ядро, ее сущность, обросшая множеством свойств. И эти свойства в разных мирах проявляются в совершенно разных, неожиданных формах. А то, что миров множество, что вселенная многослойна, как толстая книга, я тоже ощущал с давних пор. А теперь об этом и ученые говорят…

Я знал, что если попаду в другой мир, могу узнать в афишной тумбе свои старые ботинки, а в летящем над крышами самолете домашнее задание по математике…

Когда рыжий Вадик влепился на велике в гараж и в колесе полетели спицы, рынок на площади прикрыли и перенесли за город. А что там стало с далекой галактикой, не знаю. Надеюсь, что обошлось. В конце концов, колесо-то Вадик починил…

А когда мы нынче вечером катили вдоль забора, где-то мчались на велосипедах (или на конях) мальчишки вдоль стоящего у перрона поезда с квадратами освещенных окон. Может быть, им

нужно было успеть заскочить в вагон, чтобы куда-то не опоздать. Чтобы в дальнем мире не оборвалась важная взаимосвязь…

Я понимал, что говорить с другими про *такое*— себе дороже. Отец скажет, что надо вовремя ложиться спать. Мама, чего доброго, поведет в поликлинику: нет ли у сына какого-нибудь синдрома? Бабушка… даже она лишь покивает и погладит по голове: детские фантазии.

Настя и Вячик — они хорошие люди, но… Настя по доброте душевной просто сделает вид, что поняла. А Вячик, чего доброго, отпустит шуточку. В нем иногда пробивалось этакое ехидство.

А вот Николка… Нет, говорить с ним я не собирался. Он скорее всего и сам не понимал, что чувствовал. Но передо мной словно зажглась в темноте светлая точка. Не злая, не горящая, а хорошая такая искорка. Значит, есть *линия*…

В летнем лагере инструктор Володя как-то завел с несколькими «поповичами» научную беседу. Это была смесь геометрии с рассуждением о тайнах пространств.

«Возьмем в пространстве точку. Через нее можно провести бесконечное множество линий. Правда ведь? Но как быть, если среди этих линий вам надо найти одну? Ту, в которой скрыта важ-

ная для вас истина! Это в миллион раз труднее, чем отыскать иголку в стоге сена… Но вот в пространстве появляется еще одна точка. С теми же свойствами, что и ваша. Понятная вам, просто родная. И через две точки — через вашу и через ту — можно провести лишь одну-единственную линию! Она-то и будет той, что вы ищете. Безошибочной…»

Между мной и Николкой протянулась линия истины. Той, что «многоразность» существует во вселенной на самом деле.

Мне стало жутковато и… как-то очень просторно. Из окна, с высоты, были видны таинственные переулки. Блестела сквозь деревья Стеклянка. Я посидел еще, подышал поглубже, чтобы успокоиться. Подмигнул луне и перебрался на постель.

…И опять снился мне запутанный город с фонариками. Прямо по улицам бежали бесшумные поезда. Они как бы скользили с одного прозрачного этажа на другой. Сквозь этажи разных пространств прорастало круглое здание с разноцветными окнами. На выпуклой крыше здания сидела деревянная сова. На крыше и в то же время у меня на локте. Это была не только сова, но и вопрос: «А что, если точек не две, а много? Значит, линия будет не одна?»

Проснулся я вялый. Даже не сам проснулся, бабушка растолкала: «Сколько можно валяться…»

— Ба-а… Во мне какая-то разжиженность…

— Сходи куда следует, не будет разжиженности.

Ну вот. Культурный человек…

— Я правду говорю. Полная расслабленность организма… Может, у меня СПИД начинается?

— Весьма возможно. От него хорошо помогает чесночная клизма…

— Ну, ты можешь хоть раз в жизни серьезно поговорить с единственным внуком?!

— Если серьезно, то откуда в твою дурную голову влезла такая мысль? Ты знаешь, *как* заражаются СПИДом?

— По-всякому! Например, через инструменты в зубном кабинете.

— Тебе же доктор сказал: шприц одноразовый.

— А щипцы!.. А еще он мне в рот какой-то ковырялкой лазил…

— Инфекция СПИДа проявляется через много месяцев. У тебя, у «ковырялки», есть время, чтобы сходить за хлебом, сделать уроки, а потом еще закончить шестой класс. А возможно, и всю школу.

— Спасибо, утешила.

— Значит, не желаешь вставать? — Бабушка

вышла и вернулась с кружкой.

— Ну, ты чего? Ба-а… Не надо! А-а-а! — Я закрылся с головой, но бабушка отдернула одеяло. И холодную воду — на голову, на плечи!

Я взвился ракетой.

— Видишь, как повеселел, — сказала бабушка.

— Я напишу жалобу в международный суд, в Страсбург. Там защищают права детей.

— Лучше сделай зарядку. Хоть раз в жизни.

— Я вчера назаряжался, на велике. До сих пор ноги гудят.

Но про СПИД я уже не думал. Умылся, съел на кухне гречневую кашу и пошел в булочную. И в другие ближние магазины и лавки: искать подарки.

Сперва я выбрал игрушку Соне: паровозик из прозрачной пластмассы. Инерционный. Его катишь — и внутри вертятся всякие шестеренки, а между ними сверкают искры.

А Насте я, собрав по карманам все деньги до последней мелочи, купил дискету с игрой про диснеевского львенка Сим-бу. Я знал, что у нее дома есть компьютер. И знал, что львенок ей понравится. Она говорила, что в восторге от мультика «Ко-роль-лев».

Мне этот фильм тоже нравился. У меня раньше

была такая игра, только не на дискете, а на картридже для приставки «Денди». Теперь, конечно, ни приставки, ни картриджей не было — все сгорело. Но, признаться, эту технику я не так уж и жалел, все равно игры быстро надоедали. На большинстве из них одно и то же: прикончи противника любым способом — и будешь молодец. «Львенок» был, пожалуй, единственным исключением из них.

Гораздо больше я жалел нашу библиотеку. Правда, там было много старых книг, которые казались мне скучными: Писемский, Глеб Успенский, Шеллер-Михайлов — напечатанные еще до революции. Но были и Жюль Верн, и Стивенсон, и Носов с его «Незнайкой», и сериал про страну Оз… И подшивки старинного журнала «Родина», которые я любил разглядывать, погружаться в давнюю жизнь…

Сохранились лишь две подшивки «Родины», которые лежали в сундуке, и бабушкино Евангелие. Да еще томик со стихами Маршака — его бабушка тоже всегда прятала…

Настя и правда обрадовалась подарку. Даже заприплясы-вала. Даже сделала движение, будто хочет чмокнуть меня в щеку, но в последний момент одумалась.

А праздник был… ну, обыкновенный. Пришли мы с Вячи-ком, Олег Птахин, две девочки из нашего класса да Настина подружка-соседка.

Настины родители показались на минуту и куда-то ушли. Мы потанцевали под магнитофон. Я танцевать не умел, потоптался так, для порядка. Сперва с Настей, потом с толстенькой Верой Касаткиной (с которой Вячик сидел за одной партой).

Затем съели пирог и торт, выпили газировку. Посмотрели по видику короткие фильмы про Микки-Мауса. Они были сдублированные, меня заставляли переводить. Ну, я переводил кое-как, через пень-колоду…

Олег намекнул, что неплохо бы поиграть на компьютере. Но Настя сказала, что, к сожалению, компьютер оккупировала Кристина, старшая сестра: она там готовит институтскую контрольную.

После этого еще попили чаю, доели остатки торта и стали расходиться.

Мы с Вячиком остались. Настя сказала, что у «Камы» разболтались конуса, нужна наладка.

— Давай ключи, — вздохнул Вячик.

Мы хотели пойти в сарай вместе с ним, но он хмыкнул:

— Сидите уж, чего там толкаться…

Когда мы оказались вдвоем, стало опять хорошо и просто. Мы уселись на диване, стали дожевывать карамель и болтать про то про се. Я рассказал про историю с Николкой. Как его искали.

Настя сказала, что знакома с Николкой и Гошкой — дома-то недалеко друг от друга. И что фамилия у этой семьи — Стебельковы. А поскольку для Гошки с его круглым животом «тонкая» фамилия — один смех, то у него есть прозвище Арбуз. Так его кличут и на улице, и в седьмом классе. Учится Арбуз в нашей школе, только в первую смену.

Рассказ про Арбуза прервала Кристина. Возникла в комнате и сказала:

— Алик, я слышала, как ты Микки-Мауса переводил. Не мог бы ты мне помочь? А то у нас дома английского никто не знает, даже вот ни настолечко. Я в институте французский учу, а тут статья из американского журнала. Мне всего один абзац нужен…

Кристина была чересчур высокая, не очень красивая, но славная (может, потому, что Настина сестра). К тому же она меня назвала не Сашей, а по-дружески, Аликом.

— Но я, наверно, не потяну научный текст…

— Со словарем же! Попробуй, а?

Я пропотел над журналом и словарем почти час. Пришел Вячик, они с Настей опять сели за телевизор, запустили кассету с «Ералашем». Похохатывали там, в соседней комнате, а я все маялся. В конце концов на мониторе появилось вот что:

«Таким образом, наивно было бы считать, что анимизм есть лишь продукт древних верований. Он неизменно присутствует в большинстве нынешних религий. Логично предположить, что наши предки уже в эпоху первобытно-общинного строя интуитивно осознавали истину о бессмертии души и вечности человеческого духа. Истину, которая сейчас не вызывает сомнений у многих мировых величин науки».

— Уф… вот. Только не очень понятно…

— Спасибо, Аличек. По-моему, все понятно.

— Но я не перевел, что такое «анимизм». В словаре нет…

— А! Это вера в существование души и духа. Она зародилась в доисторическом обществе… У меня тема контрольной работы такая: «Анимизм как форма верования первобытных людей».

— А в чем отличие духа от души?

— Ну… Тут много тонкостей, я и сама до конца не разобралась… Дух — понятие более широкое,

оно присуще не только человеку. Одухотворен весь мир. А душа — это сущность живой личности. И… ну, ее вечное информационное поле. Независимое от оболочки. Оболочка исчезает или меняется, а душа живет вечно…

Я вспомнил разговоры с бабушкой и недавние размышления при полнолунии. Спросил тихонько:

— А вы в это верите?

Кристина по-детски шмыгнула носом и ответила полушепотом:

— Ага… Мне кажется, что в какой-то точке вселенной все души однажды встретятся. Ну, по крайней мере, те, кто любил друг друга…

Настя заглянула в дверь:

— Что вы там шепчетесь? Тайны, да?

— Не мешай, у них роман начинается, — подал голос Вячик с явным ехидством.

— Да, начинается, — сказала Кристина. — А вам жалко? Вы тоже шепчетесь, может, у вас тоже…

— У нас не роман, а единство душ, — отозвался Вячик. Он, конечно, это просто так брякнул. Но получилось — будто поставил точку в беседе про анимизм.

К Стоковым я поехал на следующий день. Можно было заранее позвонить с автомата, но я не

стал. Получилось бы, что напрашиваюсь в гости. А так — подарю игрушку и скорее обратно.

Я знал, что первоклассников отпускают домой рано. В двенадцать, ну в полпервого Соня должна быть дома. А может, Ивка уже вернулся или мама их не на работе — она дежурная медсестра и ходит в больницу через день. Если Сони нет, отдам подарок им: «Поздравьте именинницу за меня».

А если у них заперто, добегу до гимназии, разыщу первоклассницу Стокову там…

Открыл мне Ивка.

— Привет! — обрадовался я.

— Здравствуй, — тихо сказал он. — Заходи.

— Соня дома?

— На продленке она…

— Жалко. Ну, ты отдай ей мой подарок, когда придет… Вы, наверно, вчера ее день рождения отметили, да?

— Да нет, не отмечали мы. Так, поздравили…

— Ивка… Ты болеешь, что ли? Какой-то… не такой…

Он поднял глаза.

— Саша. Мы Митю похоронили. Неделю назад.

Господи Боже ты мой!.. Я сел тут в прихожей на что-то. Кажется, на пылесос в чехле. С паровозиком в руках.

Что сказать? О чем спросить? Чем помочь?

Разве тут поможешь! Разве утешишь…

Ивка молча стоял передо мной.

— Ивка… Когда его?

— Еще в сентябре. Почти сразу, как он туда прибыл. А привезли вот… недавно. В цинке… Не открывали, потому что… ну, он на мине подорвался…

Ивка не плакал. Видно, выплакал уже все слезы. Но говорил так, словно у него горло распухло.

— Чего боялись, то и случилось… Будто накликали… — Это он, наверно, повторял слова матери.

— А мама… она… — Я чуть не сказал: «Очень переживает?» Тьфу ты! Погано как — «переживает». Будто кошелек потеряла.

Ивка понял.

— Ну, она… старается при нас не плакать. А вот по ночам… Саша, пойдем в комнату. Чего здесь сидеть…

«Мне в школу надо», — чуть не сказал я. Невыносимо было. Казалось, тут воздух состоит из горя. Но уйти вот так сразу от Ивки я тоже не мог.

Разулся, бросил на пол рюкзак. Повесил куртку…

В комнате над обшарпанным пианино была

приколота кнопками Митина фотография. Большая. С черной бумажной ленточкой на углу. Рядом висела его скрипка. И смычок. На скрипке блестел желтый блик. Невыносимо яркий. Горящая точка.

А Митя на снимке смеялся, смеялся…

— Ивка… А мы ничего и не знали.

— Мама хотела сообщить, да адрес ваш забыла. А телефона у вас нет… Да и все так случилось… неожиданно. Привезши…

Я кивнул. И все смотрел на снимок. Ивка сказал:

— Я сегодня в школу не пошел, голова заболела.

Я сел к столу. Покатал по его краю несчастный паровозик. Он заискрил.

— Вот, Соне привез. Не думал ведь…

Ивка чуть улыбнулся:

— Она обрадуется. Она теперь поменьше нас горюет. Ребенок все-таки.

Я чуть не завыл. Ивка с такой взрослой горечью сказал это «ребенок». Боже мой, а сам-то…

— А я тут уборкой занялся. Чего просто так сидеть…

— Давай помогу!

— Давай, — тихо отозвался он.

Мы пропылесосили половики, перемыли посуду, вытерли везде пыль. Говорили мало. Но все же Ивка рассказал, что на похоронах были военные, и какой-то офицер говорил речь, и солдаты три раза выстрелили в воздух из автоматов…

Потом я глянул на часы и понял, что успеваю лишь на третий урок. Или на четвертый.

— Ивка… Говорят, что никакая душа не умирает. В какой-то космической точке они все равно когда-нибудь слетятся вместе. Кто любил друг друга.

Он сказал серьезно:

— Хорошо бы.

А потом:

— Тебе, наверно, попадет за то, что опоздал.

— Не все ли равно?..

Только я вошел и двинулся к раздевалке, как навстречу (конечно же!) Клавдия Борисовна.

— Иволгин! Значит, ты лишь сейчас осчастливил школу своим появлением?

Я сжал зубы.

— Ты можешь, конечно, молчать. Это лучше, чем сочинять фантастические причины. А может быть, скажешь правду?

Я не стал молчать.

— Скажу правду. Я хотел поздравить с днем

рождения одну первоклассницу, знакомую. Пришел и узнал, что у нее убили брата. В… горящей точке. Не мог я уйти сразу…

Мы посмотрели друг другу в глаза.

— Саша… что же это делается в мире, а?

«В озверелом мире…»

— Ты вот что… шел бы ты домой. Я вижу: все равно тебе не до уроков.

— А можно?

— Иди, Саша, иди…

ЗЕРКАЛО

Бабушка долго плакала у себя в комнате. Потом сказала, что завтра поедет к Стоковым.

— Конечно, мы не такие уж близкие знакомые, но все же я жила у них несколько дней. После пожара. Зоя Петровна замечательная женщина… Господи, каково ей сейчас…

Я молчал.

— А потом надо побывать на кладбище, положить цветы… Пойдешь со мной?

Я не хотел на кладбище. Я боялся всего, что связано с похоронными делами. И мысли о бессмертии души здесь не помогали… Ну да, я трус! Растоптать меня за это?

Я пошел на кухню, включил телевизор. Передавали «Новости». Все как всегда. Федеральные войска подвергались обстрелам двадцать три раза. Трое убитых, пятеро раненых. У какого-то здания взорвали очередное зарядное устройство… Упал еще один вертолет «МИ-8»… «Неизвестные» самолеты обстреляли мирное село, командование заявляет, что ему ничего про это не ведомо… Вырезали русскую семью. Вырезали чеченскую семью. Опять же — неизвестные… Террорист с

двумя гранатами ворвался в детский сад, шесть детей ранено, трое погибли… «Такие же, как Николка Стебельков? У них волосы тоже пахли сухой травой?»

— Завершает наш выпуск спортивная информация…

Завершается выпуск, завершается день. Взрослые дяди провели его лихо, поразвлекались как умели. Тети тоже. Сенсация дня: молодая женщина, чтобы отомстить подвыпившему мужу, утопила в пруду трех своих детей. Старшему было три года. Врачи говорят: совершенно нормальная… Конечно, нормальная! Все нормальные…

А что на другом канале? Хрюша!

— Спокойной ночи, девочки и мальчики!

Баю-бай, должны все дети
Крепко спать.
Баю-баю. завтра будет
День опять…

Будет, будет. Сколько еще девочек и мальчиков постреляют, утопят и взорвут? И старших братьев. Баю-бай…

— Алик! В холодильнике банка с молоком. Ты, наверно, голодный…

«Пейте, дети, молоко — будете здоровы… Ешьте шоколад «Милки Вэй»! В нем столько коровьего молока, что он, того и гляди, замычит!»

Помычим, девочки и мальчики? М-му-у…

Ешьте, дети, карамель «Чупа-чупс» и никого не бойтесь. Дяди и тети — они же нормальные. Только немножко озверелые…

Озверелые люди.

Озверелый мир…

Оз… м-м…

Есть книжная страна Оз, волшебная. Была в ней волшебница Озма. Но это совсем другое, не здешнее.

А есть страна ОЗМ, не волшебная, настоящая.

«Озм-м-м»… Я нашел это слово! Это название!

И я замычал. Про себя… Или не про себя?

Бабушка появилась в дверях кухни.

— Алик, что с тобой?

— Ничего. Я в ванну… Не мылся неделю…

В ванной можно прореветься. Без свидетелей.

Я пустил из душа теплую воду. Скорчившись, забрался под тугие струи. Всхлипнул. Но вода молниеносно смыла слезы. Я добавил горячей воды — так, чтобы только-только терпеть. Помычал еще немного. И… меня отпустило.

Словно смыло с меня тяжесть и горечь.

Я подумал: ну, а что нового-то случилось? То же, что и раньше.

Жаль Митю. Но… я же почти не знал его. Правда, он один раз заступился за меня перед Лыкунчиком. Но он так же заступился бы и за любого другого… Все дело в том, что я увидел, как мучается Ивка. Но все же Митя — именно Ивкин брат, а не мой. Такие «не мои братья» гибнут каждый день, и до сих пор я не мычал, как от зубной боли.

«Или снова все дело в том, что ты трус? Боишься, что когда-нибудь это коснется и тебя?»

«Да нет же!»

«Не выкручивайся…»

Я разозлился на себя. Но страх не ушел. И я понял: надо заменить его другим страхом. Более привычным. Выбрался на резиновый коврик. Вода шумела, но я уже стоял не под струями, а перед большим зеркалом. Оно запотело, я протер его полотенцем.

И стал смотреть, нет ли у меня проказы.

Этой жуткой болезни я боялся не меньше, чем СПИДа. Пожалуй, даже больше. Потому что прокаженных отсылают в специальные больницы, закрытые от всего мира. Далеко от дома…

Бабушка говорила, что проказа встречается

очень редко и главным образом на юге, в отсталых странах. Но я читал, что бывает и у нас.

Нет ли на теле мертвых белых пятнышек или кольцеобразного розового лишая? Глянул одним глазом, другим… Кажется, кожа чистая, можно смотреть смелее…

Было бы на что смотреть! Доходяга. Ладно хоть, что рост нормальный для своих одиннадцати. Не самый большой в классе, но и не малек. Если даже и не подрасту больше, буду все-таки не карлик, а очень низкорослый мужчина…

Мужчина ли? Я покосился. Тьфу! Сам-то хоть немножко расту, а там ничуточки… В лагере, когда потихоньку рассуждали об этом и смотрели, у кого какой, я под удобным предлогом ускользнул, чтобы не срамиться… Правда, потом наш инструктор Володя узнал об этом разговоре и ругать не стал и спокойно объяснил, что величина тут не играет никакой роли. Не грустите, мол, кто не чемпион.

После этого он устроил сбор «Мужские беседы».

«Поповны» отправились в лес с инструктор-шей Люсей (возможно, для «женских бесед»), а «поповичи» собрались на костровой площадке. И Володя многое нам разъяснил. Конечно, откуда

берутся дети, все и так знали, про это даже для дошкольников книжки есть. Но Володя говорил и про СПИД, и про тех сволочей, которые заманивают ребятишек для всяких гадостей, и про то, что нельзя позволять себе становиться безмозглыми животными. Конечно, приходит время, когда у мальчишек появляется особый интерес. И хочется подглядеть, как там девчонки в раздевалке… ну и так далее. Потому что природа. Но природа тоже бывает всякая. Нельзя ее лишать красоты и тайны. Без красоты и тайны не бывает настоящей любви, а только инстинкт. А люди, у которых вместо человеческих чувств инстинкты, — они даже не совсем люди.

— Из них-то и получаются вот такие… которые могут наступить другому сапогом на горло и не дрогнут.

— Таких ведь много… — тихонько сказал самый маленький «попович» Дима Валетов.

— Но вы-то хоть не будьте такими, — так же тихо попросил Володя. И взял гитару. И…

Ах, кабы не было домов,
Не было б окнищев.
Кабы не было врачов,
Не было б кладбищев!

Не ходите к докторам,
Кушайте бананья,
Принимайте по утрам
Солнечные ванья…

Это у них в мединституте была в ходу такая песенка.

А кем и где был Володя до института, он не рассказывал. Ходил только слух, что у него есть медаль «За отвагу». Мы все-таки прижали его однажды: за что медаль? Он сказал неохотно:

— Надо было вытащить пацанят из больницы, ее обстреливали. Нас было трое. Ну… а уцелел я один.

— А ребята? — спросил Дима Валетов. — Их всех вытащили?

— П… почти…

— За это не медаль надо, а Героя, — сказал кто-то шепотом. Володя усмехнулся и опять взял гитару.

Целый год мы, братцы, ждем
Наступленья лета,
Чтобы загореть путем
Ультрафиолета.
Но сейчас я вам скажу:

Помните заранее —
Очень вредно на пляжу
Перезагорание…

… Бабушка застучала в ванную.

— Ты забыл белье и полотенце!

Я приоткрыл дверь, высунул руку. Взял сверток и сразу — щелк запором!

— Будто не видала я тебя, как ты есть, — сказала бабушка за дверью. — Чудо гороховое…

Я вытерся, натянул трусы и майку. Глянул в зеркало опять. Какой-то прыщик на плече… Нет, показалось… А вид все-таки не такой уж дохлый, даже спортивный. С Вячиком не сравнить… Мускулов, конечно, меньше, чем хотелось бы, но все же что-то есть… Я расправил плечи, встал прямо. Интересно, сколько же все-таки во мне сантиметров? Таких берут уже в армию или нет?

«Боишься?»

«Да не боюсь я! Я…»

Я себя обманывал, вот что! Ничего я не забыл! Ничего не прогнал от себя! Обман это! Позади всех мыслей все равно была та самая: «Митя Стоков… Митя Стоков…» И еще: «Озм… Оз-м… Оз-зм-м-м…»

А в зеркале стоял прежний я, настоящий — маленький, тощий, с волосами-сосульками, с

отчаянием на противном розовом лице… Ну, я и дал по башке тому, кто в зеркале!

Я, конечно, не хотел, чтобы зеркало вдребезги, не такой уж я псих. Просто не рассчитал. Посыпалось, зазвенело. Бабушка затрясла дверь. Я отдернул щеколду.

— Что случилось? Алик!

— Поскользнулся, локтем разбил… Ну, будет мне от мамы…

— При чем тут «будет»! У тебя кровь! Почему не на локте, а на ладони?

— Это я потом, осколком…

Я закутался в махровый мамин халат и улегся на свой диван. От него все еще пахло мебельным магазином.

А в ушах звенело: «Оз-з-зм-м-м…»

Пришли родители. Ругать за зеркало не стали. Бабушка им сразу сказала про Митю. Они долго о чем-то говорили на кухне. Потом ко мне пришел папа, сел рядом.

— Что, старик, суровая кругом жизнь, да?

— Озм…

— Что?

— Озверелый мир.

— Пожалуй, ты прав… Ты на меня не сердись, если я иногда такой… набыченный.

— И ты на меня…

— Договорились.

Заглянула бабушка.

— У тебя, милый мой, нет ли жара? — Потрогала лоб.

— Нету… Ба-а, поедем завтра к Стоковым вместе.

— А школа?

— Можно же с утра… А в воскресенье на кладбище. Тоже вместе…

Но никуда мы вместе не поехали. Утром я не встал. И провалялся неделю. Приходила сумрачная женщина-врач. Не могла определить, чем я болею. Температура и слабость, а горло чистое, внутри ни хрипов, ни болей. Говорила сердито, будто я виноват в ее непонимании.

Забегали Вячик и Настя. Я им улыбался, но разговаривал слабо. Мне в комнату перетащили телевизор, но я смотрел его редко. А новостей совсем не смотрел.

По ночам я чувствовал разлад души и тела. Своего тощего тела и души, уставшей от этого звука: «Оз-зм-м…» Разлад заключался в том, что душа как бы отделялась и смотрела на меня, на дремлющего, со стороны. Это было нестрашно, даже интересно. Но и грустно тоже.

А еще я размышлял о многоразности вещей и явлений. О том, например, что наш телевизор в другом мире — это живая серая кошка с котятами, а еще в одном — заброшенная крепость с поржавевшими пушками.

О Мите и обо всем таком я старался не думать. Но помнил.

А однажды с Вячиком пришел… Гошка Стебельков! И Николка с ним. Я повеселел:

— Арбуз! Привет!.. Ой… — Он ведь не знал, что мне известно его прозвище.

Но он был добрый, не обиделся:

— Ясно, что Арбуз, все так зовут… Меня к тебе вот этот артист заставил пойти. «Хочу, — говорит, — к тому, кто меня на велосипеде вез…»

Николка сидел на табурете и качал ногами. Я спросил:

— Забор — это поезд? Так же, как раньше?

— Да. Только забор будто стоит. А поезд мчится.

— Николка, садись ближе.

Он сел на постель. От него опять пахло сухой травой. Мы молчали и понимали друг друга.

— С театром-то как? — спросил я Арбуза.

— Таскаю его на репетиции. Через день…

— Мы тоже иногда заглядываем к Демиду, —

сказал Вячик. — Я… и Настя. Ты как поправишься, приходи тоже.

ТИК-ТАК

В те дни, когда я болел, на улице было холодно и промозгло. Деревья совсем облетели, сыпала морось. Я смотрел в серое окно, и мне хотелось лета. Зеленого и беззаботного, как в лагере «Богатырская застава».

Но вместо лета пришла, конечно, зима. В осенние каникулы выпал снег. И весь Стекловск при взгляде из окна стал похож на новогоднюю открытку. Это было, разумеется, не в пример лучше осени. Правда, Вячик часто ныл, жаловался на холод…

Жизнь шла обыкновенно. Включишь телевизор — там пальба, взрывы и кандидаты в депутаты, которые поливают друг друга, а от себя обещают народу райскую жизнь. Впрочем, народ назывался уже не «народ», а «электорат». (Отец сказал, что так ему и надо.) А мы, школьники, назывались уже не «ребята», не «подростки», а «тинейджеры». Вот так! Бабушку от этих слов просто коробило.

Андрей Андреич на уроках физкультуры бодро командовал:

— Тинейджеры! В обход по залу шагом марш! Вы должны расти бодрой и сильной сменой на-

шему славному электорату!.. Птахин! Если мы на данном уроке не придем с тобой к консенсусу, твой рейтинг в моих глазах упадет окончательно…

Отец, когда слушал предвыборные выступления, морщился, как от боли в желудке.

— Ну, до чего неизобретательно врут…

А про одного политика сказал:

— И этот туда же… Посмотрите, у него никаких мыслей, только инстинкты. Питекантруп.

— Питекантроп, — поправила мама.

— Питекантроп… — И отец вдруг по-мальчишечьи хихикнул:

Дети, вот портрет питекантропа —
Маленькие глазки, низкий лоб,
Но зато весьма большая… гм…
Заседать в президиуме чтоб…

— Максим! Здесь же ребенок! — возмутилась мама.

— Я не же-ребенок, а тинейджер… Папа, ты мне потом скажи это еще раз. Я завтра в школе ребятам…

С отцом у нас было как-то неровно. То все в порядке, то опять поругаемся и надуемся. Причем

всегда из-за каких-то мелочей, необъяснимо. То вдруг он вспылит, то меня обида возьмет. Мама говорила:

— Ну-ка разойдитесь по разным комнатам. Хуже маленьких…

А дни бежали быстро-быстро. Потому что короткие. Уроки, уроки… В свободное время мы катались на лыжах или на листах фанеры с наклонного берега Стеклянки у дома Стебельковых. Мы — это Арбуз, Настя, Вячик и я. И Николка часто был с нами. А иногда и другие ребята — знакомые и полузнакомые.

Бывало, так обледенеем, что куртка и штаны звенят, как латы.

Потом шли мы домой к Арбузу — оттаивать. Гошкина мама давала нам по кружке горячего чая.

В комнате Стебелькова-старшего всегда горела яркая лампа. А сам Дмитрий Алексеевич сидел у окна с деревяшками и ловко орудовал стамесками и резцами. Впрочем, случалось, что лежал на диване и похрапывал. Это, если удачно продаст товар и отметит такое дело.

Перед Новым годом он подарил всем нам по маленькому деревянному гному.

Бывали мы и в театре Демида. Там нас прини-

мали как своих.

Демид по образованию был никакой не режиссер, а математик. Раньше преподавал в институте. У него даже и лицо-то было «математическое» — треугольник с двумя нолями. Верхняя часть треугольника — плоская, как сковородка, лысина. Боковые стороны — щеки, которые сходились к бородке-клинышку. А ноли — круглые очки. Он никогда не унывал, хотя на треугольном лице порой и появлялась озабоченность.

Дело в том, что театр был неофициальный. Зарегистрировали его вовсе не как «храм искусства», а как предприятие по переплетному делу. Иначе трудно было почему-то отстоять это помещение. Ну, и были у Демида всякие постоянные хлопоты с районными властями, с налоговой инспекцией, с теми, кто не прочь был оттяпать это здание у театра.

Заботы заботами, но репетиции всегда были праздниками. Со смехом и веселыми спорами, с перерывами на «экспресс-чаепитие».

Актеров было всего семеро (кроме синьора Алессандро — трагика и драматурга). Три девушки и четверо ребят, почти все студенты. Чем-то они напоминали инструктора Володю, когда тот бывал в хорошем настроении.

Ну, и был, конечно, еще один незаменимый актер — Николка Стебельков. Исполнитель роли Амура в Зеленых Штанишках (так она официально именовалась). У него эта роль получалась прекрасно. Лук был с резиновой тетивой, а стрела с присоской…

А Вячик, Арбуз и я помогали во всяких технических делах: клеили картонные каски для сказочных солдата и генералов, подкрашивали декорации.

Настя у Демида не бывала. Как-то случилось, что этот интерес в ту пору ее не коснулся. Она с Катей Донцовой (тоже из нашего класса) занималась в кружке мягкой игрушки. Они шили там из лоскутков разноцветных тигров, кошек и клоунов. Одного такого клоуна подарила Настя Николке.

Николка больше не убегал из дома. Видимо, его страсть к приключениям и загадкам теперь поглощалась театром. Но Арбуз однажды пожаловался, что по ночам «этот ненормальный» часто не спит. Сидит в постели и смотрит в окно. Особенно если в окне есть луна. Не важно, какая — круглая или полумесяц…

Мы с Николкой быстро переглянулись.

Разговор был после репетиции, когда все сиде-

ли у камина.

Один из актеров, длинноволосый студент Вася, сказал серьезно:

— Лунатизм есть не что иное, как стремление вырваться из нашего привычного трехмерного пространства в иные миры.

«Нет, — подумал я. — Тогда бы Николке полностью хватило театра. Ведь это как раз и есть параллельный мир, который рядом с нашим, обычным...» И посмотрел на Николку снова.

Николка сказал, глядя в огонь:

— Луна — это мохнатый мишка, которого бросили. Ему скучно.

— Теперь уже не скучно, раз ты его нашел, — утешил я.

— Я еще не нашел, — вздохнул Николка.

Остальные, по-моему, не очень поняли нас. Но заговорили про всякие тайны мира, про НЛО, про Бермудский треугольник и другие загадочные места.

А скоро оказалось, что одна такая тайна совсем рядом с нами.

За неделю до Нового года я проснулся как от резкого телефонного звонка, хотя телефона у нас не было. На шторе дрожал оранжевый отблеск. Я подошел к окну.

Ночь была светлая, снежные облака отражали излучение городских огней. Этот ровный свет разбивался пожаром. Что-то горело за далекими крышами — там, где подымалась таинственная сосновая роща. На мохнатых заснеженных кронах дрожали отблески пламени.

Утром пришел Вячик и сказал, что сгорел забор вокруг секретной зоны. Весь. Будто зажгли его сразу во многих местах… Было воскресенье, и в этот день мы опять собрались у Демида. И после репетиции, глядя на огонь в камине, вспомнили ночной пожар.

— Как же теперь там будут охранять секретность-то? — с легким злорадством сказал Вячик. — Она, эта зона, теперь совсем открытая.

— Да нет там никакой секретности, — вдруг отозвался Демид.

— Как же это нет? — не поверил Арбуз. — Такой был забо-рище с проволокой…

— Забор и проволока — это от прежних времен. А с прошлого года там пусто. Два заброшенных домика, вот и все.

— А вы откуда знаете? — с вредной ноткой спросил Вячик.

— Мне ли не знать… Там работал Федя Полянцев, мой приятель и коллега по институту.

Начальник экспериментальной группы… Их всего-то было там семь человек…

— А что они изучали? — не выдержал я. — Это военный секрет, да?

— Дело не в секретах. Если бы кто-то и захотел разведать их дела, все равно ничего бы не понял. Это требовало… ну, как бы обостренного слуха, особого настроя сознания. Такие там собрались люди… А забор поставили для того, чтобы посторонние не нарушали чистоту эксперимента. Не топтали территорию Завязанной рощи…

— Какой рощи?

— Завязанной. Такое у нее название, известное узкому кругу… Это одна из точек, в которой планета наиболее активно проявляет свои странности. Так утверждали те ребята. Говорили, что изучают «закономерности странного мира»…

«Какие?» — чуть снова не спросил я. Но не посмел. Огоньки камина плясали в очках Демида. Его друзья — Маргарита, Алессандро, Вася и другие актеры — напряженно молчали. Наверно, им было кое-что известно. И, может быть, они осуждали Демида за излишнюю разговорчивость. Но он посмотрел на меня и сказал:

— Там достигались странные эффекты. Например, я видел фотоснимки, где в небе над

верхушками сосен одновременно круглая луна и полумесяц…

— Это легко подделать, — заметил Вячик. И оттопырил языком щеку. Мне захотелось дать ему по шее. Но Демид сказал снисходительно:

— Разумеется. Но зачем подделывать? Они ведь не хотели хвастаться своими достижениями. Наоборот… А на другой фотографии позади современной трансформаторной будки возникла церковь, которая в тех местах стояла сто лет назад, а после революции была взорвана… И хронометры там отставали на четыре секунды в сутки… Ну, это мелочи. О крупных открытиях ребята старались молчать…

— А почему у них все закрылось-то? — недовольно спросил Арбуз.

— Потому… Как раз потому, что кое-кому захотелось, чтобы секреты эти стали именно военными… А представляете, если бы господа генералы научились смещать пространства или корректировать информационное поле планеты. Или проникать в межпространственные области, а оттуда в прежние времена, чтобы наводить там свои порядки…

Кажется, он говорил серьезно. Однако мы все же хихикнули, посмотрели на толстого Мишу

Варницкого и тощего Матвея Хвощина. Эти парни играли в пьесе «Огниво» генералов. Солдат в королевской армии был один, а генералов двое. Они все время спорили, кто главнее, и проявляли согласие только тогда, когда муштровали бедного солдата. Потом они докладывали королю:

— В рядовом составе армии вашего величества царит полное единодушие!

Демид помолчал и продолжил рассказ про Полянцева и его друзей:

— Вот… И не стали они двигать это дело дальше. Ушли. Не захотели работать на «князей тьмы»…

У меня вырвалось:

— На князей Озма…

Демид быстро повернулся ко мне. И стал смотреть сквозь хрустальные круглые стекла — так внимательно…

Я смутился, струхнул даже.

А он медленно спросил:

— Голубчик мой, ты где слышал это слово?

— Я… не слышал. Оно само… Ну, оно придумалось мне однажды. Это значит «Озверелый мир»…

— Да… Федя Полянцев расшифровывал это научнее: «Области затухающей мысли». Но в общем смысл тот же. Когда затухают мысли, остаются

инстинкты и нарастает зверство.

Это была *линия.* Между ученым Полянцевым и мной, пацаном из шестого «Б». Но я не сказал об этом, постеснялся.

Вячик настороженно спросил:

— А их не могут опять посадить за проволоку? Насильно. Чтобы работали.

— Я же говорю: они ушли…

— Найдут!

Демид усмехнулся:

— Не найдут. По крайней мере Федю. Он кинул на плечо свой рюкзак и прямо оттуда ушел по дороге…

— Догонят, — сказал Вячик.

Демид глянул на него, как недавно на меня.

— Мальчик, есть дорога, а есть *Дорога.*

— Это что? — спросил вдруг Николка. До этого он молчал — сидел на коленях у могучей Маргариты и помешивал дюралевой саблей угольки в камине.

Теперь Демид внимательно глянул на Николку.

— Что такое Дорога, очень трудно объяснить… Так же, как, например, что такое Живая Межзвездная Сеть, обратное поле молекулы или структура многомерного континуума.

— Дорога всегда Дорога, — сонно сказал Николка и привалился щекой к свитеру Маргариты. И я понял: он хотел объяснить, что в отличие от других вещей Дорога во всех мирах одна и та же. Не может быть ничем иным.

— Он не вернется? — спросил я у Демида про Полянцева.

— Кто его знает… А от его сотрудников без него самого ничего не добьются. Он сводил в себе все гипотезы воедино. Потому что занимался главным вопросом: закономерностями причинно-следственных построений в этом самом многомерном континууме…

— Как это? — недовольно спросил Вячик.

— Вот пример: ты бежишь по тропинке и запинаешься. Причина — камень на этой самой тропинке. Следствие — шишка на лбу. А может ли быть наоборот? Камень появляется оттого, что вскочила шишка?

— Не-а. — удивленно сказал Арбуз.

— «Не-а» — это в нашем привычном мире. Но при некоторых обстоятельствах случается, что причина и следствие не зависят друг от друга. Или того интереснее — они меняются местами.

— Это как бы мне ни с того ни с сего ставят «пару» в дневник. А потом выясняется, что я и

правда ничего не знаю, хотя и учил. Так? — сообразил Вячик.

— Ну… приблизительно так, — неохотно сказал Демид. — Хотя пример, конечно, с натяжкой…

— Кофе хотите, философы? — спросила Маргарита. — Только сахару не осталось…

И мы стали пить кофе без сахара.

Перед Новым годом состоялась премьера «Огнива». Мы разрисовали и расклеили на заборах афиши. И у себя в школе продали немало билетов (совсем, кстати, недорогих). В маленьком зрительном зале собрались в основном ребята из соседних кварталов.

Все получилось так здорово!

В конце спектакля Николка (с петушиными крылышками на зеленых лямках) стрелой из своего лука пульнул в злую колдунью и выбил из ее руки волшебное огниво. Зрители радовались вовсю! Ведьма обиженно голосила, что это нечестно: амуры, мол, должны стрелять только ради любви, а не ради борьбы со злым колдовством. Солдат посадил Николку на плечо, а ведьме и двум посрамленным генералам объяснил:

— Любовь — это не только поцелуи и охи-ахи. Это еще когда хороших людей защищают от зла. Так что шагом марш отсюда…

После этого ведьма со стуком и пылью провалилась в люк под сценой, а солдат надел волшебные колечки Поэту — автору этой сказки и королевской судомойке — невесте Поэта.

На этот спектакль Демид пригласил знакомого оператора из местной телекомпании «Инф». Вечером отрывок из «Огнива» показывали в «Городской телехронике». И короткую беседу с Демидом. Я записал эту передачу на ту же кассету, где «Остров сокровищ» и «Песня про аистенка»…

Елку принес отец. Большую, до потолка. Свежую и пушистую. Такими елками торговала их фирма. Поставили елку в комнате родителей — самой большой.

Я, пока развешивал шары и лампочки, исколол руки, но это было даже приятно. Такой праздничный зуд…

Бабушка помогала мне. И между прочим сказала:

— Вчера я была у Стоковых. Ивка передает тебе привет.

Меня крепко скребанула совесть: ведь я так ни разу больше не собрался к Ивке. И на кладбище с бабушкой не съездил.

— А Сонечка все время играет твоим паровозиком…

— Ба-а! Ну, знаю, знаю, что я скотина!

— Господь с тобой! Я же ничего такого не говорю. Ты же болел, а потом контрольные эти в школе… Ты только вот что…

— Что?

— Не ссорься больше с отцом. Хоть на праздниках…

Это потому, что я недавно опять с ним «поцапался».

Отец узнал, что за полугодие у меня больше чем за половину предметов тройки, и сказал в пространство:

— Эх, тройка, птица-тройка, и кто тебя выдумал…

— А зато по русскому и по немецкому пятерки. И английский я сдал за две четверти. Сверх программы!

Отец сделал удивленное лицо.

— А что ты так болезненно реагируешь? Нельзя процитировать Гоголя? — Он хмыкнул и пожал плечами. И это хмыканье показалось мне до того обидным! Я выскочил из-за стола и заперся в своей комнате.

Мама говорила, что мы не ладим, потому что из нас обоих «так и прет этакая мальчишечья нетерпимость». А может, нетерпимость «перла»

именно потому, что мы ссорились? Где тут причина, где следствие? Разобраться мог бы, наверно, только Федя Полянцев, но он ушел по Дороге…

Перед самым новогодним праздником я поклялся себе, что буду в разговорах с отцом сдерживаться. И отец был ласковый. Незадолго до двенадцати часов позвал к себе, обнял, поцеловал в макушку и подарил книгу «Энциклопедия для мальчиков». А я отдал ему своего деревянного гнома…

Потом мы все дарили друг другу подарки у новогоднего стола (мы накрыли его на кухне, а в открытую дверь была видна елка с огоньками). За окном опять висела почти полная луна, а на стекле мерцали изломы ледяных узоров.

Мы зажгли на столе свечи. Мама сказала, что пора попрощаться со старым годом. Проводить его без жалоб на судьбу. Что было, то было…

— Подождите, — сказал папа. — Давайте сперва за тех, кого в этом году не стало…

Мы замолчали. «Митя… И еще сколько таких, как Митя… и малыши, погибшие от гранаты. И еще сколько таких малышей…» Озм опять придвинулся вплотную. Я плотно сжал губы.

— А тех, кто сбил Виктора Петровича, так и не нашли? — тихо спросила бабушка. Виктор Пет-

рович был папин товарищ, они вместе работали еще в авиации, а потом в «Альбатросе». В феврале его сбила неизвестная машина. Все говорили, что нарочно. Не пошел он на контакт с какой-то крутой группировкой.

— Жди, найдут они, — сказал отец, и лицо у него затвердело. — Самих себя пришлось бы находить. — Он был уверен, что те гады были связаны с гадами, засевшими в милиции. Мама за отца боялась. И я…

— Ну, давайте, — сказал папа. — Не чокаясь-…

Мне дали пригубить горьковатого вина под названием «Глория». Оно пахло полынью.

…Ну, а потом стало веселее. Мы ели пельмени и салаты, рассказывали смешные истории и смотрели старое кино «Карнавальная ночь».

Озм отступил.

Только один раз в настроении случился сбой. Папа сказал:

— А помните, какой в прошлые такие праздники был трезвон? Все поздравляли…

Бабушка поджала губы. Мама глянула на отца с упреком. Дело в том, что отец не раз уже намекал: есть частная фирма, которая ставит телефоны без очереди. И если бы не держаться за «этот музейный экспонат с гирями», денег хватило бы

в самый раз. Бабушка делала вид, что просто не слышит таких слов.

Напряженное молчание разбил треск за окном. Над крышами взлетали разноцветные ракеты — кто-то устроил салют. Мама и отец подошли к окну. Ракеты падали и гасли в снегу.

Я оглянулся на бабушку. Она украдкой взяла рюмку с «Глорией» и кусок пирога. Пошла к двери. Ясное дело — для Квасилия угощение.

На меня никто не смотрел. Тогда я тоже притянул к себе рюмку. «Леша, с Новым годом...» — и представил заснеженный город Калугу. Город, в котором живет мой брат.

Ведь в самом же деле брат, хотя и не виделись ни разу...

МИТЯ СТОКОВ И ДРУГИЕ

В дни каникул театр Демида показал «Огниво» еще три раза…

Правду говорил Демид, что в труппе у него все — таланты. Чем иначе объяснить, что зрители на каждом спектакле так отчаянно переживали и хлопали? Ведь, кроме самих актеров, ничего там не было особенного.

Маленький низкий зал с убогими стульями. Вместо люстр — голые лампочки. Вместо прожекторов — маленькие фотоосветители. Даже занавеса не было. Декорации менялись на глазах у зрителей, а иногда и с их помощью. А уж с нашей-то помощью — обязательно. Мы были как бы и зрители, и в то же время «ассистенты режиссера».

В начале спектакля Демид выходил на сцену, сбрасывал через голову широченный свитер, натягивал фрак, поправлял очки и галстук-бабочку, а потом несколько секунд выжидательно смотрел в притихший зал. И наконец говорил:

— Почтеннейшая публика. Наш театр небогат. К тому же недавно случилась беда: ведьма, которую вы скоро увидите, украла наш бархатный

занавес и хрустальные фонари, которые горели вдоль рампы. Но эта беда не может помешать нам. Какая бы неприятность ни случилась, спектакль состоится! Мы ужасно рады, что вы пришли. Давайте делать сказку вместе! Все зависит от нас с вами… Закроем глаза и представим, что голубой бархатный занавес переливается складками *в* свете фонарей… Представили?

— Да-а!!

— Чудесно. А теперь он неторопливо, с важным колыханием ползет вверх… Видите?

— Да-а!!

— Замечательно… И вот перед вами старинный город на краю сказочного королевства… Сейчас в королевстве ночь… Ах, простите, пожалуйста! Одну минуту… — Демид приставлял к фанерному дому стремянку, подвешивал над ним большущий, оклеенный фольгой полумесяц. Потом прыгал вниз.

— В городе ночь. Лишь в одном доме горит окошко. Там не спит бедный сочинитель поэм и сказок. Ему грустно. Он больше не может придумать ни одной интересной строчки. Почему? Да потому, что бедняга понял: он очень одинок…

Демид оттаскивал в сторону переднюю стену центрального домика, и все видели грустного

сочинителя — синьора Алессандро…

А дальше — все, как он сам придумал. Николка попадает ему в сердце стрелой Амура. Поэт влюбляется в бедную, но очень славную девушку и сочиняет для нее сказку. В этой сказке солдат, немного похожий на самого Поэта, попадает в разные приключения, отказывается жениться на принцессе, потому что дома его ждет невеста — дочь корабельного плотника… Солдату очень вредят ведьма и два генерала, заключившие с ведьмой военный пакт…

Сказка могла бы кончиться печально, если бы не меткий выстрел Николки-Амура в конце последнего действия.

Ну, по правде-то говоря, выстрел не всегда получался очень метким. Однако, если даже стрела пролетала мимо огнива, его дергали за нитку, и получался полный эффект попадания…

Каникулы пробежали стремительно. В их последний день Вячик, я, Настя и Арбуз притащили на заснеженный огород за домом Стебельковых свои подсохшие елки. И устроили прощальный костер. Елки горели с праздничным треском, будто радовались освобождению.

Я сказал:

— Некоторые ученые считают, что у деревьев

есть душа. Так же, как у людей и животных. И сейчас елочные души улетают, а весной вселятся в новые растения.

Это я успокаивал свою совесть. Потому что Новый год и Рождество замечательные праздники, но все-таки жаль живые срубленные елки…

Мы стояли у огня и грели исколотые хвоей руки. Было немного грустно.

Настя протяжно сказала:

— Ну, вот все-о-о… Праздникам конец.

— Вовсе не конец, — неохотно отозвался Вячик. — Еще старый Новый год будет.

— А потом Крещение, — сказал я. — Бабушка говорит, что праздничные святки по церковному календарю длятся до Крещения.

— Это по церковному, — печально отозвалась Настя. — А по школьному: «Ребята, настраивайтесь по-деловому! Наступила самая ответственная четверть…»

— Ну, все равно. Что-то еще остается, — возразил я. Не хотелось, чтобы совсем пропала зимняя сказочность…

— А твоя бабушка, значит, православная? — спросил Арбуз.

— Ну, наверно… Она часто читает Евангелие. У нее две любимые книги — Евангелие и «Лирика»

Маршака. Не детские его «Мистеры Твистеры», а взрослые стихи.

— А в церковь она ходит?

— Редко. Она говорит, что церковью управляет патриарх. Бабушка его не любит, потому что он благословляет войну в горячих точках.

— Не благословляет он! — с непривычным жаром возмутился Арбуз. — Он наоборот! Против!

— На словах против, а на деле… почему он не предаст анафеме тех, кто развязал войну? И тех, кто села бомбит?

— Тебя он не спросил, что ему делать, — набыченно сообщил Арбуз. Он был очень верующий. Так же, как его мама.

А я?.. Я в глубине души, наверно, тоже верующий. Только я мало разбирался в подробностях религии и не знал ни одной молитвы. Бабушка крестила меня, когда я родился, но про Бога беседовала со мной редко. Только иногда пересказывала истории из Нового Завета и объясняла, когда какой христианский праздник.

Арбуз же был православный по всем правилам. И, конечно, заступился за патриарха. А я — за бабушку.

— Бабушка говорит: почему он в самой главной церкви не повторяет каждый день на всю страну,

что это великий грех — посылать на войну молодых, необученных солдат?

— Бабушку твою он не спросил, — прежним тоном отозвался Арбуз. И я увидел, что лицо у него слишком толстое, а глазки маленькие и неприятные… Вот так бы и дал ему! Если бы не боялся…

Настя вскинула голову — так, что чуть не оторвался пушистый шарик на белой вязаной шапке.

— Ну-ка прекратите немедленно! Не хватало еще поругаться под конец праздников!

А Вячик хмыкнул и мудро сказал:

— Вот так и начинаются религиозные войны…

Арбуз попыхтел с полминуты, валенком пнул в костер выскочивший уголек. И пробубнил — видать, через силу:

— Алька, ты меня прости… — Все-таки он был настоящий верующий. Не то что я.

Я терпеть не мог просить прощения. Если приходилось, от стыда закладывало уши. Но тут я выдавил в ответ:

— И ты… меня…

А что было делать? Не хватало еще развалить нашу компанию! Куда мы друг без друга?

— И чтобы больше… никогда никаких споров, — потребовала Настя. — Ясно вам?

Мы надуто молчали. От неловкости.

— Арбуз, ясно тебе?

— А я че… Ну, ясно.

— Алька!

Я сдвинул пятки.

— Так точно, ваше превосходительство!

— Я серьезно.

— И я…

— Вячик!

— А я-то что? Я не начинал…

— Вальдштейн!

— Ну, ясно, ясно…

Уж он-то больше всех должен был ценить нашу дружбу. Ведь в этом учебном году никто к нему не приставал именно потому, что мы в классе держались вместе: он, Пшеницына и я. А в случае чего — в седьмом классе был здоровый и крепкий Арбуз Стебельков…

В общем, получилось, что мы там, на заснеженном огороде, подтвердили нашу дружбу. Конечно, не клятва это, но и не совсем простые слова. Все-таки у огня, у новогодне-прощаль-ного костра…

Вячик вдруг поежился:

— Скорее бы весна…

И она пришла. Довольно скоро. В феврале ярче засинело небо, сильнее заискрился снег — жел-

тый на солнце и лиловый в тени. Говорливее сделалась речка Стеклянка, которая так и не застыла на зиму. Наверно, потому не застыла, что ближние фабрики спускали в нее морозоустойчивые растворы…

Дни бежали, часы в бабушкиной комнате подгоняли их своим «тик-так». Если дурашливый Квасилий останавливал их, я запускал механизм снова. Однажды я пришел из школы и опять не услышал знакомого тиканья.

— Ну, Квас, когда-нибудь я тебя поймаю… — Я толкнул бабушкину дверь. Часов не было.

— Ба-а!..

Она очень спокойным голосом сообщила из кухни:

— Приезжали грузчики из комиссионного магазина, увезли. Я после зрелых размышлений решила, что телефон важнее. Вот… И не надо эмоций. В конце концов, следует смотреть на вещи трезво. Вдруг у меня случится сердечный приступ? Как вызвать неотложку? Тут важна бывает каждая минута.

У бабушки было отличное (тьфу-тьфу!) для ее возраста здоровье. Иногда спина заболит или простуда привяжется, но не надолго. Какие сердечные приступы!

— Это папа допек тебя! Душу вынул…

— Не смей так говорить об отце! Никто из меня ничего не вынет, если я не захочу…

Конечно, она сама захотела. Но последней каплей этого «хотенья» была наверняка недавняя ссора с отцом.

Однажды вечером он пришел очень поздно. Мама ужасно тревожилась. Я тоже. И бабушка, конечно, хотя и вида не подавала.

Когда он появился, мама не выдержала:

— Мы себе места не находим, а ты… Как это называется!

— Это называется — дела. Работа…

— Работа, которая пахнет коньяком «Белый аист»! У меня прекрасное обоняние!

Отец сказал, что была презентация нового изделия, пришли представители заказчика, уйти было нельзя.

— И ты не мог предупредить нас заранее?

— Это получилось неожиданно, они приехали из Петербурга… Разве я виноват, что нет у нас телефона!

— Не кричи, пожалуйста.

А он и не кричал. Только чуть повысил голос. Но мама заявила:

— Ты кричишь, как на пожаре. Да еще пьяным

голосом. Не знаю, где и с кем ты проводил свою… презентацию, но дома, при сыне, будь добр вести себя прилично. Если угодно, можешь шуметь в Калуге, при другом своем… наследнике.

— По-моему, ты просто выжила из ума, — выдал в ответ папочка. Мама молча ушла из кухни. Отец сразу обмяк, растерянно посмотрел на меня.

— Такие вот дела, брат… — И хотел положить мне ладонь на голову. Но я увернулся и тоже ушел к себе.

А потом лежал под одеялом и маялся. Вспоминал, какие беззащитные сделались у отца глаза.

Через полчаса я не выдержал, на цыпочках подошел к кухонной двери. Отец сидел перед телевизором и смотрел на выключенный экран. Дверь скрипнула, он обернулся.

— А, это ты…

Наверно, он думал, что это пришла мириться мама. А тут такое разочарование: всего-навсего сын!

— Ты что-то хочешь сказать? — Равнодушный тон. Я понял: это он отыгрывается за свою недавнюю растерянность. И за то, что я уклонился от его ладони.

— Нет. Ничего не хочу…

— А мне показалось…

— Что?

— Будто ты чем-то недоволен.

— Да, недоволен. Как ты разговариваешь с мамой…

Он повернулся ко мне вместе со стулом.

— А вот тут, дорогой мой, ничего не поделаешь. Перевоспитываться мне поздно. Пока жив, придется вам терпеть меня такого, какой есть.

Я молча прикрыл за собой дверь.

Телефон появился у нас в середине марта. Белый кнопочный аппарат. Бабушка то и дело звонила теперь своим знакомым. У нее были в городе подруги еще со школьных времен.

А были и те, с кем она работала много лет в Железнодорожном институте. Последние годы перед пенсией бабушка заведовала там научной библиотекой.

Звонил и я: Вячику, Арбузу, ребятам из класса. И жалел, что у Насти нет телефона.

Пытался позвонить я и Стоковым. Ивке. Но у них молчал телефон. Испортился, что ли? Я и досадовал, и… чувствовал облегчение. Было стыдно: ведь с того дня, шестнадцатого октября, я ни разу не побывал у него. Нет, не лень мешала мне. Просто я боялся, что при встрече будет мне тягостно и неловко. Ведь горе-то никуда не ушло

из дома Стоковых. И я просто не знал, чем утешить Ивку, Соню, их маму. Не говорить же снова о бессмертии души…

Отец уехал на неделю в Москву (видимо, с заездом в Калугу). В субботу позвонил из столицы. Мамы не было, ушла на рынок, и трубку взяла бабушка.

— Алик, папа зовет тебя.

— Здравствуй, наследник. Ну, как вы там?

— Нормально.

— Вот какое дело. Один знакомый приглашает нас летом к нему на дачу в Подмосковье. Он один, места много. Отдохнем наконец по-человечески. Мама, ты, я… Ну, и Алексея позовем… Ты не против, а?

Я сказал, что не против. Надо же в конце концов повидаться с братом.

— Ну и чудесно! Тем более что ему скоро восемнадцать. Осенью может в армию уйти, если в институт не попадет…

— Ладно, папа, поедем, я ничуть не против!

Он сказал опять:

— Ну и чудесно…

Едва я положил трубку, как снова звонок:

— Саша…

Я сперва не узнал. Тонкий ребячий голос. Да-

лекий.

— Саша, это ты?

— Да, я… А это кто?.. Ой, Ивка!

Я слышал, как он быстро задышал в трубку.

— Ивка, ты откуда? Я звонил, звонил… У вас телефон был сломан, да? Теперь починили, да?

— Еще не починили, я с автомата…

— Ивка, я такая свинья. Сколько раз собирался приехать, и все никак…

Он сказал очень серьезно:

— Саша, ты не бойся теперь приезжать.

— Ивка, я не боюсь! Я…

— Саша. Митя-то наш в госпитале. Он живой…

Кажется, Ивка всхлипнул. И связь оборвалась.

Мы с бабушкой тут же — на такси и скорее к Стоковым…

Ивкина мама была дома. Они с бабушкой обнялись и заплакали. Ивка взял меня за рукав и увел в их с Соней комнату. И все рассказал.

Митю подобрали после боя. С раздробленной ногой. Одежда на нем обгорела, документы погибли. А сам он ничего сказать не мог. Сначала был без сознания, а потом — потеря памяти…

— Называется амнезия. Это сейчас нередкое явление у раненых мальчиков… — Ивка, видимо, повторил чьи-то взрослые слова. Ведь для него-

то, для младшего братишки, Митя никак не был мальчиком.

Теперь Митя находился в Москве. В госпитале Бурденко.

— Ему ногу хотели ампутировать, — сказал Ивка почему-то с виноватой ноткой, — вот так… — Он провел пальцем по брючине над ступней. — Но, кажется, пока обошлось…

— Ивка, нога это… ну, все же лучше, чем рука. Для скрипача ведь главное пальцы, — сказал я с усилием.

Ивка — похудевший и очень серьезный — кивнул.

— Ему и помогло, что он скрипач. Он услышал по радио скрипичный концерт и стал… Ну, будто просыпаться. Все вспомнил понемногу… Недавно мама говорила с ним по телефону, не по нашему, а от соседей… А скоро она поедет к нему в Москву. Только вот денег на билет насобираем…

Молчаливая Соня сидела у стола и слушала Ивку. И катала по клеенке пластмассовый паровозик: видишь, я не забываю твой подарок…

Я наконец решился спросить про очень тяжелое. Сказал с трудом, будто продрался сквозь колючки:

— Ивка… А тот, который здесь… на кладбище…

Он, значит, сейчас неизвестный солдат?

— Нет, он известный. Из Владимира. Фамилии похожие, поэтому получилась ошибка. А теперь все выяснилось. На днях его мама к нам приезжала.

— Будут… перевозить, да?

— Сперва Галина Антоновна, мама его, сказала, что да… А потом они с моей мамой решили: чего туда-сюда мотать-то? И при жизни покоя не было, и теперь. Да и денег надо ужас сколько, а помощи-то ниоткуда не дождешься. Решили, что пусть лежит здесь спокойно. Место хорошее, деревья там… Только надпись поправили. Галина Антоновна сказала, что будет приезжать. А мы будем там смотреть, чтобы все как надо… Он же для нас теперь… ну, не чужой же…

Мите Стокову повезло, думал я. Тяжело, конечно, однако живой все-таки. Ивке, Соне, их маме повезло… А Галине Антоновне и ее сыну — наоборот… Горе и радость знакомых людей всегда нам ближе, чем горе и радость незнакомых. Но если взглянуть на Землю как бы со стороны, с высоты, в общем плане — горе у всех людей одинаково… Ведь тот погибший паренек тоже мог быть моим знакомым. Или даже моим братом… Озму все равно, кого убивать, он несет гибель без разбора.

На то он и ОЗМ…

Бабушка в соседней комнате негромко, но внятно сказала:

— Господи, что же это делается на свете…

Не на свете. В Озме. В Озверелом мире…

А Соня все катала по клеенке паровозик. Он искрил…

Апрель был капризный — то с солнцем, то со снегом. А в первые числа мая вдруг пришло тепло, как в июне. Сразу все зазеленело.

Мы с Вячиком теперь, как в прошлом сентябре, то и дело гоняли по улицам на велосипеде. Не только по вечерам, но часто и перед уроками.

Один раз катили мы вниз по бугристому Воронцовскому спуску — я на седле, Вячик на багажнике. Жара стояла, встречный ветер был словно из печки. И мы были совсем летние: Вячик в своих «десантных» бермудах, а я в старых джинсах с обгорелой бахромой у колен. И в одинаковых клетчатых рубашках. Наш одноклассник Валька Самойлов крикнул нам от своей калитки:

— Эй, два ковбоя на одной кобыле! В школу опоздаете! Уже без двадцати два!

Елки-палки! Оказывается, мои старые часики остановились! Может, и здесь постарался Квасилий?

Мы примчались к моему подъезду.

— Вячик, сейчас я кусок в зубы — и за тобой! Не канителься!

— Сам не канителься! Первый урок — контрольная по математике!

— Я только рюкзак схвачу! Переодеваться не буду, так пойду! А ты? Слабо?

— Ни капельки не слабо! Я так и собирался. Тропики на дворе!

Настя догнала нас у школы.

— Вы, кажется, самые первые открыли летний сезон мод…

Сама она была в малиновых лосинах, и в свитере того же цвета. Снизу блестящая, сверху пушистая. Вячик отошел в сторону и с задумчивой ехидцей сообщил:

— Иволга и малиновка, две певчие пташки.

Я пообещал дать ему по пятнистому кузову.

На дворе галдели и кидались шишками лихие второклассники.

— Камрады, залпом! Ура-а!..

И даже звонок задребезжал празднично, будто перед самыми каникулами…

Но, конечно, это было еще не лето. Холод возвращался не раз. Правда, не надолго.

Хуже непогоды была холодная война с отцом.

Тоже не постоянная, но с частыми стычками. Наверно, я и сам был иногда виноват. Кто меня тогда, в марте, дернул за язык, что я не против отдыха в Подмосковье? Чем ближе к лету, тем хотелось мне этого все меньше.

— Вместо билета на поезд купите мне лучше велосипед. И отдыхайте там на даче. А я здесь, с ребятами…

Отец сказал, что терпеть не может такого непостоянства.

— В конце концов, это не по-мужски.

— Конечно, не по-мужски. Я не мужчина, а дитя неразумное.

— Не паясничай!

А через несколько дней он придрался к моей внешности.

— Что ты в таком виде ходишь в школу? Надо следить за собой, вроде бы не маленький.

— Нет, маленький, — сказал я довольно дерзко. — Еще двенадцати нет. А в коротких штанах можно ходить до четырнадцати, так написано в энциклопедии, которую ты мне подарил.

Отец терпеть не мог упоминаний об этой книжке. Потому что ее не раз язвительно «анализировала» бабушка. «Поразительное сочинение! Все там есть! И только о том, что существуют

книги, музыка, живопись, — ни слова! Видимо, эти излишества не входят в джентльменский набор так называемых тинейджеров…»

В самом деле, там хватало всяких сведений. И как причесываться, и как одеваться, и, конечно же, откуда берутся дети, и как обращаться с электроникой, и как начать свой бизнес, и даже как пользоваться автоматическим оружием (не было только сказано, где его взять: видимо, авторы считали, что в наше время это проще простого).

А про искусство и правда ни словечка…

Отец сказал, что я могу ходить хоть совсем без штанов (мы живем в демократическом обществе!), но мыть колени все-таки надо. Если об этом даже не написано в энциклопедии.

А мы только что на физкультуре играли в футбол. И я сумел вляпать два гола нашему «железному» вратарю Владику Корнееву. Раньше мне такое счастье никогда-никогда не приваливало!

Вот если бы отец спросил: «Как у тебя дела? Что хорошего?» Тут бы я и выдал про небывалую удачу, про свою победу! А он — будто холодной водой из ведра: «Не по-мужски!.. В каком ты виде!..»

Я читал, что в начале переходного возраста мальчишки делаются чувствительнее девчонок. И с железами, которые вырабатывают слезу, у них

что-то неладное. Ну, иногда вроде недержания. Но отец про это, конечно, не читал. А переходный возраст у него давно кончился. И я услышал:

— Ты и правда еще дитя. Иди умойся… Бабушкино воспитание.

— Бабушку-то хоть не трогай! — громко сказал я уже из ванной.

…Помирились мы только через два дня. А еще через неделю наступил июнь. Настоящее лето.

ТИШИНА СТРАННОГО МИРА

Арбуз наконец выполнил давнее обещание: устроил младшему брату взбучку. Он сел на крыльцо, положил Николку себе на колени и начал впечатывать в его штаны пухлую ладонь.

— Будешь еще бегать, паразит?.. Будешь?

Во время воспитательной процедуры Николка вел себя сдержанно: по-лягушачьи дрыгал ногами, но молчал.

Я увидел это дело от калитки, когда вошел во двор. Подскочил, ухватил Гошку за руку.

— Кончай! Он же комар! Аты…

Арбуз стряхнул Николку с колен, будто пучок соломы. Встал, сказал плаксиво:

— Этот комар снова летать начал неизвестно куда! В театре дела его кончились, вот он и опять…

Николка деловито заправлял в разноцветные шаровары оранжевую футболку. Арбуз мрачно пообещал:

— В следующий раз всыплю ремнем по голой заднице.

— Ладно, — покладисто отозвался Николка. — В следующий раз.

— А могу и теперь! Чтобы время не терять!

— Нет. Лучше потом.

Я спросил Николку:

— Что тебе опять дома не сидится?

— Дома неинтересно. Все одно, не видно другого…

— Крыльцо — это крыльцо, тополь — это тополь. Забор — это забор и больше ничего, да?

Он глянул на меня чуть лукаво и кивнул.

— Все равно, Николка, одному гулять опасно… А ты, Арбуз, тоже хорош! Как медведь на лягушонка! Не лупить надо, а убеждать.

— Я его в другой раз убежду… Убедю… что не сядет неделю.

— Тебя Бог накажет, — пообещал Николка.

— Он меня и так наказал. Таким братом… — И Арбуз сцепил толстые пальцы замочком, чтобы не оказалось, будто слова его — полная правда. Потом пожаловался с надрывом в голосе: — Ты знаешь, где я этого «лягушонка» сегодня утром изловил? Среди сосен в зоне.

— В какой зоне?

— Ну, в Завязанной роще!

— Ух ты, куда усвистал!

Завязанная роща была на краю Стекловска. Остатки обгорелого забора местные жители рас-

тащили, и теперь этот островок темных сосен был открыт для всех. Казалось бы, готовый парк для прогулок. Но ходили туда мало. И рассказывали про это место всякие странные истории.

Был слух, будто во время прогулки там заблудилась целая группа детского сада и блуждала с воспитательницей почти до полуночи.

Местные пьяницы, которые любят посидеть с бутылочкой на природе, усаживались только под крайними соснами, а в глубину не совались. Говорили, что нет никакого интереса, потому что непонятный хвойный воздух тут же выгоняет из головы приятный хмель.

Известно было также, что вздумали одно время ходить туда любители прогулок с собаками, но «лучшие друзья человека» там будто с ума сходили: вырывали поводки и с воем неслись к дому…

Арбуз вспомнил про это и опять плаксиво поглядел на брата:

— А его никакой страх не берет. Он как кошка. Кошки там не боятся. Ходят туда со всего Стекловска и сидят на соснах, будто совы.

— Потому что они без хозяев и без поводков, — сказал я. — Кошка, как известно, гуляет сама по себе.

— Вот именно… — И Арбуз показал брату кулак.

Тут появились Настя и Вячик (который перед этим чинил Настин велосипед). Включились в разговор про загадочное место. Настя вспомнила слухи, что там повышенная радиация.

— Никакая не повышенная, — неожиданно отозвался Арбуз. — Я сегодня туда дозиметр брал, есть у нас такой, для домашнего пользования. Все нормально, одиннадцать микрорентген в час… Другое дело, что там будто бы рамки вертятся бешено. Ну, знаете, которые из проволоки или из прута, с их помощью всякие необычности ищут, даже следы инопланетян. Но это у тех, кто знает, как с такими рамками обращаться. Я не знаю…

И никто их не знал.

Зато Вячик вспомнил, будто его мама говорила, что районное начальство хотело устроить в роще кладбище, а какой-то экстрасенс отсоветовал.

— Сказал, что покойники будут ощущать там постоянное беспокойство…

— Вылезать наружу будут? — нерешительно пошутила Настя. Я поежился.

— Чушь, — отозвался Арбуз. — Я сегодня специально там большой крюк сделал, когда этого беспризорника домой тащил. Все там совершенно спокойно. Даже хорошо…

— Потому что ты не покойник, — сказал Вя-

чик.

Кончилось тем, что мы договорились отправиться в Завязанную рощу вместе. Арбуз, Вячик, Настя и я. И Николка, потому что оставить его дома было не с кем.

От двора Стебельковых до рощи оказалось не так уж далеко — шли минут двадцать. Странно. Когда я смотрел на рощу с пригорка на берегу Стеклянки, казалось, что она гораздо дальше.

— Оптический эффект, — сказал Вячик. Он вместе с Настей шел впереди. Шагали они локоть к локтю, дружно так. Мне подумалось, что в последнее время они часто так ходят.

Но я не позволил едкой досаде овладеть моей душой. Сказал себе, что ревность — самое идиотское чувство. Насильно мил все равно не будешь… Ну и к тому же ничего не ясно. Вероятно, мне просто кажется. Тоже оптический эффект…

Остались позади домики и заборы Застеклянской улицы, роша оказалась метрах в ста. Перед ней лежал не то луг, не то пустырь: местами репейник и осот, местами ромашки и клевер. Тропинок не было, мы пошли через шелестящую траву. Я оглянулся на город. И опять странное дело! Город показался незнакомым, лежащим в отдалении, на крутых всхолмлен-ностях. Эле-

ватор и водонапорные башни были похожи на остатки рыцарской старины. Наверно, это теплый воздух изгибался прозрачными слоями и так причудливо менял всю картину.

Под соснами сразу окружила нас тишина. Особая, которую трудно передать словами. В ней было как бы приглашение: ну, шагай, шагай дальше, здесь хорошо. Я на миг насторожился: нет ли подвоха? Но тишина словно посмеялась надо мной — необидно, по-дружески: не бойся, трусишка…

И был в этой тишине такой хвойный запах, что я задышал с удвоенной частотой: чтобы побольше пропустить через себя этого воздуха. И широко раскрыл не только рот, но и глаза.

Удивительным был не один лишь запах. Сами деревья — тоже.

Обычно сосны, растущие в лесу — прямые, с голыми стволами и с ветками только в верхней части (такие, как у нашей школы). А сосны-одиночки чаще всего кривые и косматые до самого низа. А вот в этой роще словно собрались из разных мест как раз такие одинокие хвойные великаны. Надоело жить без друзей, и они сошлись.

Кривизна их была такая, что нарочно не при-

думаешь. Толстые стволы не просто изгибались по-всякому, а кое-где скручивались в кольца. Или даже завязывались узлами. Кора их была грубой только у самой земли, а выше — словно из розово-золотистой многослойной чешуи. Мохнатые лапы — не зеленые, а почти синие. Очень зелеными они делались только под ярким солнцем, и тогда на каждой иголке горела искра…

— Наверно, это реликтовые деревья, — шепотом сказала Настя. Мы все тут говорили шепотом.

— Странно, что здесь так пусто, — слегка забеспокоился

Вячик. Они с Настей держали друг друга за руки и, кажется, не замечали этого.

— Потому и пусто, что странно, — отозвался Арбуз.

«Странно, но не страшно», — подумал я. И захотелось в

глубь рощи.

— Пошли дальше.

— А не заблудимся? — пискнула Настя.

Арбуз хмыкнул:

— Где? Вся роща триста шагов в поперечнике.

Николка быстро глянул на меня. Так, словно знал что-то больше других. И взял меня за локоть горячей ладошкой.

— Мя-а… — вдруг негромко донеслось сверху.

Прямо перед нами на изгибе могучего бронзового ствола сидел серый тощий котенок. Не маленький уже, а «переходного возраста». Поглядел на нас и опять разинул розовый рот. На этот раз беззвучно.

— Ой, киса… — Вячик отпустил Настину руку. — Наверно, он забрался, а слезть боится… Сейчас, Мурилка, я тебе помогу…

Он скинул кроссовки и полез по сосне. Забраться по причудливо скрученному стволу и веткам было нетрудно.

Мы задрали головы. Я смотрел и думал, что бабушка так и не завела котенка. Сама она об этом не заговаривала, а я не напоминал. А то опять начнет разговор о своей будто бы недалекой кончине…

Может, принести ей этого найденыша?

Котенок будто ждал Вячика. Но когда Вячик протянул руку, этот серый плут, словно белка, сиганул на другое дерево. И скрылся в хвойной гуще.

Вячик полез обратно, прыгнул с двух метров и стал отклеивать от ног сосновые чешуйки. Они были похожи на клочки розовой папиросной бумаги. Потом он выпрямился и засмеялся:

— Вот жулик, да? Обдурил меня. А я-то хотел стать героическим спасателем…

Вячик не сердился на котенка. В его глазах горели те же искры, что и на сосновых иголках. И был он очень славным. Я не мог это не заметить. Несмотря даже на то, что он то и дело с Настей.

Я подумал, что Вячик изменился с прошлой осени. Раньше он на весь белый свет смотрел с опаской, будто исподлобья. И никогда не смеялся так, словно звал других порадоваться вместе с собой…

А Николка мягко, но настойчиво тянул меня за руку. Дальше…

И я пошел за ним, за молчаливым, а остальные за нами.

Скоро мы увидели постройки. Обшитый досками дом, приземистые сараи и что-то вроде трансформаторной будки. На ней висели оборванные и скрученные провода. Все тут было заброшено, у стен и окон стоял прошлогодний, в рост человека, репейник и хищно зеленела свежая крапива.

— Полезем внутрь? — неуверенно сказала Настя.

Мы запереглядывались. И хотелось, и… не очень. А Николка вдруг тихо, но твердо сообщил:

— Не надо внутрь. Надо туда… — И потянул меня в проход между кирпичной будкой и сараем. Проход был заросший, но Николка упрямый. Хорошо ему в шароварах и футболке с длинными рукавами. Но мы не спорили. Шипя от укусов, лезли за Николкой. Была сейчас в этом шестилетнем пацаненке особая уверенность.

За проходом оказался отгороженный полуповаленным забором двор. С лопухами и подорожником. В лопухах валялись бочки и козлы для пилки дров. И какие-то ржавые штуки, словно составленные из батарей отопления. Николка без остановки повел нас дальше.

Мы пролезли сквозь пролом в заборе.

Завязанная роща как-то сразу оказалась позади. Здесь был невысокий смешанный лес. Через него вела тропинка, местами скрытая под ползучими стеблями мышиного гороха. Мы пошли друг за дружкой: Николка, я, потом остальные. И скоро оказались на краю дороги.

Это была проселочная дорога. Она шла по неглубокому логу с поросшими березняком склонами. Видно было, что в этом году здесь не ездили. А может, и в прошлом не ездили. В колеях росли высокие лиловые колокольчики.

В траве пробежал кто-то рыжий — может, лиса,

а может, бродячий кот.

— Непонятное дело, — сказала Настя. — Мы с Вячиком недавно объехали всю рощу кругом. Решили прокатиться, ну и объехали. Только внутрь не заезжали… И этой дороги мы не видели. И этого леса. Тут должны быть домики и ограды. Верно, Вячик?

Он смущенно кивнул. Он понимал, о чем я думаю. «Без меня ездили, да? Хорошо вам на колесах-то. А меня, «безлошадного», взять с собой не захотели…»

— Тебя, Алька, тогда почему-то не оказалось дома, я звонила с автомата, — сказала Настя.

Ну и ладно. Явздохнул. Вернее, вдохнул здешний воздух. Пахло уже не соснами, а лесными травами. На стеблях, колосках и листьях блестели капли. Неужели здесь недавно шел дождик?

Мы пошли по сырой колее, и скоро лесистый лог кончился. Дорога вывела нас на склон, с которого мы увидели поля и перелески. Такой простор! И над этим простором стояли круглые белые облака.

— Дальше пока не надо, — вдруг сказал Николка.

— Почему? — удивился Вячик.

— Потом…

Было в этом «потом» что-то убедительное. Мы послушались. И заоглядывались.

Рядом с дорогой валялся небольшой столб. В его макушку был вбит железный штырь. На штыре кто-то укрепил широкую доску. Давно укрепил. Раньше на доске была надпись, но теперь краска облезла, не разобрать.

Такие столбы ставят у въезда в деревни и у мостов — чтобы все знали название населенного пункта или речки. Но здесь не было ни того, ни другого…

Была только тишина. Тишина безлюдных пространств, которые нам неожиданно открылись рядом со Стекловском.

В этой тишине ощущался близкий вечер.

— Ладно, пошли домой, — слегка виновато решил Арбуз. Будто ему пора, а нам еще нет.

Мы не спорили. Мы знали, что придем сюда еще много раз. На эту дорогу…

Не по ней ли ушел неизвестно куда незнакомый нам друг Демида, изучавший явления странного мира?.. Хотя Демид говорил, наверно, в переносном смысле.

Мы пошли назад. Прежним путем миновали рощу. С ее окраины я опять увидел город, измененный стеклянными глыбами воздуха. Но

ничего не сказал ребятам, постеснялся. Может, они и сами видят, да молчат.

Застеклянскую улицу пересекал ручей, впадавший в Стек-лянку. Мы прошли через горбатый бревенчатый мост. Николка шел рядом со мной. Я шепотом сказал ему:

— Мост — это книга со сказкой про Снежную королеву. А еще — старый самолет, забытый на краю заросшего аэродрома. Да?

Он ничего не ответил. Но глянул опять с лукавинкой.

— Завтра снова пойдем туда, — сказал я ребятам. — Правильно?

Однако оказалось, что завтра Арбуз и Николка не могут. И послезавтра не могут. Уезжают на свой загородный участок. А Вячик сказал, что его дома съедят заживо, если не поможет матери со стиркой.

— А у нас в кружке заключительное занятие перед летним перерывом, — заявила Настя.

— Ну, тогда через два дня! Только обязательно!

И все согласились, что да, обязательно. А Настя вдруг сказала:

— Вы знаете, что синьор Алессандро сочиняет для театра новую сказку?

— Ты откуда знаешь? — изумился я. Настя

почти не бывала в театре Демида. Разве что на спектаклях.

— От Маргариты. Она недавно стала заведовать нашим кружком мягкой игрушки. Вместо прежней руководительницы, та в декретный отпуск ушла… Маргарита зовет меня помогать ей готовить костюмы для нового спектакля.

Это было здорово!

Настя вдруг взглянула на меня с какой-то осторожностью.

— А ты не уедешь в Подмосковье с родителями?

Я в этот миг совсем твердо решил, что не уеду.

А на следующее утро я из-за этого крупно поспорил с отцом.

Я понимал: он думает, будто я не хочу ехать, потому что не желаю встречаться с Алексеем. Ревную, мол, отца к старшему сыну. А я — ничего подобного. Мне хотелось с ним встретиться. Может, и подружились бы. Но еще больше мне хотелось быть летом с ребятами. Особенно после открытий в Завязанной роще. Но ведь не объяснишь отцу, какой там таинственный мир. Скажет — бред подросткового воображения.

— Если я не хочу расставаться с друзьями, что тут такого?

— Ну да, — с нарочитой грустью кивнул отец. — Друзья, они бывают ближе брата. Братья — они ведь такие, какие есть, а друзей мы выбираем сами…

Тогда я сказал, что есть еще одна причина: не хочу оставлять бабушку одну.

Бабушка возразила:

— Я не одна, мы постоянно бываем с Надеждой Петровной, помогаем друг другу.

Надежда Петровна — это женщина из соседней квартиры, бабушкина ровесница.

«Не можешь меня защитить, да?» — глазами упрекнул я бабушку. Но бабушка отвела глаза. Она не хотела быть причиной моей ссоры с родителями.

Тогда я сказал отцу в упор:

— Десять лет скрывали от меня, что есть брат, а теперь вдруг срочно понадобилось: знакомься без разговоров! А у меня своя жизнь. Не поеду, и все! Насильно, что ли, потащите?

Я знал — насильно не потащат. Но отец впервые откровенно вспылил и, уходя на работу, грохнул дверью. Мама ушла за ним, на меня не взглянула.

Тогда я тоже ушел из дома. Нет, не демонстративно, без хлопанья дверью. Просто сказал:

— Бабушка, я к Вячику.

Но к Вячику я не пошел. Плохо мне было, одиноко. Я дошагал до трамвайной остановки и поехал. Сам не зная куда.

ФУТЛЯР ОТ ВИОЛОНЧЕЛИ

В кармане у меня нашелся неиспользованный трамвайный билет. Вот и хорошо, не надо бояться контролеров. Я щелкнул компостером. Приткнулся к стенке задней площадки, у открытого окошка. В вагоне было тесно, в спину упирались чьи-то локти, зато снаружи — ветерок.

Я не обращал внимания ни на тряску старого вагона, ни на твердые чужие локти. Смотрел на пробегавшую назад улицу и думал: почему на свете все так плохо?

Вернее, не все, но очень многое.

Ладно, я понимаю, что окружающий мир — это Озм. Но не все же подряд принадлежит Озму! Уж отец-то ему никак не должен принадлежать! Почему же и с ним нет у меня согласия?

Я, наверно, сам виноват…

Ну да, я сам виноват! Если не всегда, то часто. Но он-то… Уж лучше бы наорал на меня, а потом пожалел… А то ведь как чужой…

Может, обидно ему, что у него такой сын?

Но постепенно эти мысли делались более спокойными. Отстраненными. Может быть, от равномерной тряски. А может быть, оттого,

что улицы были зеленые и веселые. По стеклам киосков пробегали солнечные вспышки. Над заборами доцветала сирень.

А куда же я еду? Скоро Центральное кольцо. Вот уже остановка «Гусевский рынок»…

Вдоль бетонной решетки, что отделяет рыночный павильон от тротуара, шагал светловолосый пацаненок, толкал перед собой сумку-тележку.

— Ивка!

Я растолкал неподатливых пассажиров, успел выскочить в зашипевшую дверь.

— Ивка, подожди!

Я узнал его по прошлогодней летней одежонке — слегка полинялой, но все еще яркой.

Ивка обернулся, заулыбался мне навстречу — как солнышки и луны на его лиловой рубашке.

— Саша…

— Ивка… Ты что тут делаешь? Хозяйственные закупки, да?

Он объяснил деловито:

— Мама деньги дала на рассаду. Здесь дешевле, чем в других местах. Ну, я и купил… Бархатцы, многолетнюю ромашку. А теперь — на кладбище…

— К *нему*?

Ивка то ли кивнул, то ли просто голову опу-

стил.

Один? — тихо спросил я.

— Мама занята. У нее опять сборы в дорогу. В Москву…

«А ты не боишься?» — чуть не спросил я. Прикусил язык.

Не все же такие трусы, как я. А уж Ивка — тем более. Он пережил такое, что ему не до кладбищенских страхов.

— А в Москву вы зачем собираетесь? Митю выписывают, да?

— Не выписывают еще. У него всякие осложнения были… Но все-таки ногу ему спасли окончательно. А то недавно опять хотели ампутировать, пришлось бы делать протез, вот такой… — Ивка чиркнул себя пальцем повыше щиколотки — на коже остался от ногтя тонкий белый след. Ивка потер его и глянул не разгибаясь:

— Саша, а ты куда идешь?

— Куда глаза глядят…

На лице у Ивки написался новый вопрос. И я не стал ждать, спросил сам:

— Хочешь, я пойду с тобой?

— Конечно, хочу!

Я тоже взялся за ручку хозяйственной тележки, и мы пошли рядом. Через несколько шагов Ивка

недоверчиво сказал:

— Но это же далеко…

— Ну и пусть. Я не тороплюсь.

— Пойдем на Пушкинскую. Оттуда автобус ходит как раз… туда…

До Пушкинской было три квартала. Мы шли по пыльной улице Сурикова мимо серых панельных пятиэтажек. В одной из них был магазин «Музыкальные товары». Застекленные витрины от земли до второго этажа. Ивка остановился, я тоже. В громадном стекле отражалась вся улица и кусты акации на газоне — с желтыми клювиками цветов. И мы на фоне этих кустов — во весь рост.

Я подумал, что Ивка подрос за этот год. Раньше он был мне до плеча, а теперь до уха. А ведь и сам я сделался повыше. Обгорелые штаны стали короче, синяя выцветшая футболка еле прикрывала пояс. Вот досада! Я не хочу взрослеть. На фиг мне такое счастье…

Ивкины луны и солнышки вовсю улыбались с его отражения. Но лицо его было серьезное.

Я понял, почему он остановился: посмотреть на скрипки.

— У Мити вот такая, да? — шепотом сказал я.

— Да… Мама ее отвезла ему еще весной.

— Хорошо, что спасли ногу. Скрипачам ведь

часто приходится играть стоя…

Ивка кивнул и стал смотреть вниз. Царапинка на его ноге покраснела, на ней выступила кровинка (видно, ноготь острый). «Как след от скальпеля», — мелькнуло у меня.

За стеклом выстроилось все скрипичное хозяйство — от двухметрового контрабаса до скрипки-малютки, на которой играют самые младшие ученики музыкальных школ.

— …А вот эта как называется?

Вопрос был не мой. И не Ивкин. Мы увидели отражение незнакомого мальчишки. Он сидел на корточках позади нас, у штакетника.

Это был пацаненок Ивкиного возраста.

Мы оглянулись и разглядели незнакомца получше. Лицо его было острое, загорелое, волосы почти белые, а брови, наоборот, темные, как нарисованные углем. И ресницы черные — на них будто сажа осела. И загар — словно с примесью пыли. Мальчишка задрал колючий подбородок и смотрел на нас очень темными блестящими глазами.

— Вот эта, рядом с самой большой… Она как называется?

Он был в замызганной коричневой майке с рукавами, в затертых джинсах с поперечными

прорехами на коленях. Они были зашиты, но неумело, через край. Видно, что пацан из тех, кто обитает на вокзалах и в колодцах водопроводной сети. Не исключено, что неподалеку его друзья. От таких можно ждать чего угодно. У них — борьба за выживание…

— Это виолончель, — сказал Ивка.

— Как?

— Ви-о-лон-чель, — разъяснил я, незаметно оглянувшись. — От старинного слова «виола». Виола — это предшественница скрипки.

Мальчишка смотрел то на Ивку, то на меня. И щипал нитки в разъехавшейся дыре на колене. Дыра была похожа на приоткрывшийся рот — черные нитки, как щели между крупными нечищеными зубами.

— Ви-о-лон-чель, — повторил мальчишка раздельно, словно передразнивая меня. — Это точно?

— Совершенно точно, — отозвался я. Чтобы Ивка не подумал, будто я опасаюсь этого юного бомжа. — У нас есть фотография знаменитого виолончелиста Брандукова. Он там в точности с таким инструментом.

— А он где живет? — нервно спросил мальчишка и встал.

— Он нигде не живет, давно умер. Это старинный снимок. А тебе… что за дело до виолончели? — Это у меня получилось не очень-то ласково. Шагал бы ты, мол, по своим делам, подальше от нас.

Но он не ушел. Может, решил, что я спрашиваю из интереса. И объяснил хмуро, но без задержки:

— Она мне теперь ни за чем. Но знать-то надо… Она меня спасла…

Ивка смотрел на мальчишку не так, как я. Бесстрашно и с сочувствием. Тихо спросил:

— От чего спасла?

— Вообще… Всего спасла, как есть… Ну, не сама она, а ее хозяин.

Теперь, конечно, полагался новый вопрос. Ивка спросил. Но совсем не про то:

— Ты, наверное, есть хочешь?

Мальчишка мигнул. Если бы такое сказал я, он бы обязательно огрызнулся. Но Ивка есть Ивка. Его ясная душа была видна сразу и каждому.

— Вообще-то да… Я утром не поел… — Мальчишка говорил сипловато, будто у него заложило горло.

На сумке-тележке был карман. Ивка достал оттуда полиэтиленовый сверток. В нем было пять жареных пирожков.

Ивка дал мальчишке, мне и себе тоже взял. Пирожки были с капустой. Мы стояли и жевали, поглядывая на витрину. Будто все трое давно знакомы.

Пирожок — он ведь маленький. Полминуты — и нет его. Ивка взял оставшиеся два. Один протянул нашему незнакомцу, другой разломил — мне и себе:

— Мы-то все же позавтракали.

Мальчишка не отказался. Даже улыбнулся чуть-чуть. И когда мы с Ивкой двинулись вдоль витрин, он пошел рядом с нами. Будто так и договорились. Может, ждал, что мы продолжим свои вопросы?

Ивка спросил:

— А как ты спасся? Где?

— Зимой. Недалеко от Гудермеса…

Вот оно что! Я посмотрел на Ивку и сказал мальчику:

— Вот у него там брата чуть не убили. Он теперь в госпитале.

Ивка шел, опустив голову. И отдувал упавшие на лицо волосы. Мальчик шагал сбоку от него. Они друг на друга не взглянули, но… будто локти их сдвинулись поближе. Да…

Мальчик вдруг заговорил. По-прежнему хрип-

ловато:

— Это как-то неожиданно началось… Сперва не стреляли и не бомбили, мы тогда жили в деревне у маминой знакомой. Отец сказал, что уйдет на три дня, и пропал. В горы ушел, там их окружили, но они прорвались… Мы радовались, когда узнали, что они прорвались… Мама не хотела, чтобы он уходил туда… Она говорила: «Зачем тебе, это не твое дело». Он все равно ушел…

Мама сказала, чтобы я принес воды, я пошел к колодцу, и тут налетели вертолеты. Все перемешалось. Я упал в яму и надел ведро на голову… Потом затихло. Я побежал к дому, а его уже не было… Потом пришли соседи, сказали, что никто не спасся.

Ну, потом я не все помню… Я жил у незнакомых людей. Думал, что за мной придет отец. Потом пришел раненый человек и сказал, что отец не вернется.

— Тебе, — говорит, — надо выбираться к своим.

Я говорю:

— К каким своим?

— Все равно. Главное, чтобы отсюда…

Несколько человек решили идти к железной дороге, я пошел с ними. Они кормили… Но од-

нажды по шоссе стали стрелять из танков, все побежали кто куда, и я остался один. Пришел в какую-то деревню, названия не помню. Там был пункт…

— Какой пункт? — спросил я.

— Филь-тра-ци-онный… Кого-то пропускали, кого-то забирали. Крик такой… Двоих мужчин отвели и застрелили прямо у дороги. У всех требовали документы. А какие у меня документы? Я сунулся в обход, а там бэтээры. Один солдат схватил меня в охапку и говорит:

«Ты один? Тогда уходи. Детей без взрослых не пропускают, майор приказал всех ловить. Иди отсюда, кончить могут…»

Я спрашиваю:

«А чего я такого сделал?»

«Ты, может, и ничего, а вчера к солдатам подошли два пацана и говорят: где ваш командир? Солдаты сказали, что командир ушел в деревню. «Тогда получайте вы!» — и две гранаты в них. Кого-то ранило, кого-то наповал. Одного пацана тоже наповал. А второго не насмерть, но его добили. И сейчас отгоняют всех маленьких и даже стреляют иногда…»

Я ему говорю:

«Ни в кого я гранат не кидал. Я даже не ихний,

смотрите, я совсем белый».

А он:

«Один из них тоже был белый, вас не разберешь…»

Я потыкался к одним беженцам, к другим. «Возьмите меня с собой». Все боятся…

Там были музыканты. Целый оркестр со скрипками. Их-то обещали выпустить…

— Откуда там такой оркестр, — сказал я. — Со скрипками — это же не военный, не духовой…

— Не знаю. Может, выступали перед солдатами и задержались из-за обстрела… Они ждали специального автобуса.

— А кто обстреливал?

Мальчишка глянул с недоумением:

— Разве там можно понять?.. На этих музыкантов солдаты тоже смотрели не по-хорошему. Кто-то говорил, что один скрипач носил в футляре не скрипку, а «Калашников» и убежал к боевикам…

— Это правда? — шепотом спросил Ивка.

— Откуда я знаю. Может, и правда… Но музыканты, конечно, говорили, что нет. Что он задержался в больнице из-за какого-то приступа, поэтому его и нету среди них…

Там, в этом оркестре, был один старик. С боль-

шущим таким инструментом. Он его не оставлял ни на минуту. Другие музыканты смеялись: «Вы от него не отцепляетесь, даже когда в кустиках садитесь…» Один раз он и правда пошел с ним в кусты. Никакой будки для туалета там нигде не было, да он бы и не влез в нее с таким футляром… Ну, я подождал, пока он там в снегу… Подождал, а потом выбрался из-за куста и говорю:

«Дяденька, возьмите меня с собой на вокзал. Одного меня не выпустят…»

Он сперва испугался, вцепился в футляр. Потом понял и опять испугался:

«Как же я тебя возьму? Тебя же нет в нашем списке!»

«А я залезу в футляр. Я легкий…»

«А куда я дену инструмент?»

«Здесь оставите. Никто не заметит».

Он тогда и говорит:

«Мальчик, ты представляешь, какая дорогая вещь этот инструмент? Это все, что у меня есть…»

«А человек, значит, не дорогая вещь, да? Дешевле вашей музыки? Меня же здесь пристрелят…»

Он тогда посмотрел на меня через толстенные очки и спрашивает:

«А ты не думаешь, что могут пристрелить нас

обоих, если тебя найдут?»

«А может, и не найдут…»

Он смотрел, смотрел на меня, а там автобус загудел. Старик и говорит:

«Почему Бог дал мне талант, но не дал смелости? Ладно, полезай…»

Вытащил он эту… виолончель. Положил в кусты, погладил. А я — в футляр, скорчился там. Ну и стало темно, закачало…

Дышать было трудно. Долго трясло, потому что ехали по неровной дороге. Я не знаю сколько. Потом опять застряли, и мотор заглох. У меня рядом с головой щелкнуло — и дырка такая небольшая, круглая. Я в первую очередь обрадовался даже — дышать легче. А потом полетел куда-то в этом футляре, кувырком. Оказалось — на дорогу. Ну и думал, что конец, грохнулся так… Лежал, лежал. Вылезти-то не мог, футляр заперт снаружи, сил не было, чтобы поднатужиться и запоры сорвать. Да и страшно…

Потом поднялись, понесли. Открыли. Один, с черной бородой, говорит другому:

«Посмотри, брат, какая здесь музыка…»

Вытащили меня.

«Ты откуда, мальчик?»

А я молчу после такой тряски.

Тогда самый главный, в большой папахе, спрашивает по-русски:

«Ты почему в этом чемодане?»

Я кое-как объяснил, что спасался. На поезд хотел попасть. «Чтобы уехать, — говорю, — а то убьют».

Они переглянулись, больше ничего говорить не стали. Дали горячей каши и чаю. Потом главный опять ко мне:

«Вот этот человек отведет тебя на станцию», — и показывает на бородатого. Потом заговорили между собой, по-свое-му. Думали, что не понимаю.

Старший бородатому говорит:

«Отведешь подальше и застрелишь».

А тот:

«Зачем? Ребенок ведь. Аллах не простит».

«А твой ребенок где? А твоя жена? А мои дети где? Те, которые бомбили, смотрели, где чей ребенок?»

«Мальчик не бомбил».

«Мальчик видел наши лица. Может узнать потом. Дорогу сюда запомнить может… Иди, это мой приказ. Если грех, Аллах накажет меня…»

Я больше не смог есть, сделался почти без сознания.

Бородатый взял за плечо и сказал, что пора.

Мы пошли. У меня ноги не слушаются. Но уже не страшно, только спать хочется. А по краям дороги скалы и кусты. Я думал: скорей бы уж. Потому что совсем уже сил нету, только лечь бы скорее. Я остановился и сказал по-ихнему:

«Стреляй, собака».

Он тоже остановился.

«Откуда понимаешь по-нашему?»

«Не твое дело. Стреляй, я дальше не хочу идти».

Он постоял и говорит:

«Иди, мальчик. Станция там, впереди. Может, дойдешь. Я выстрелю, но не в тебя, не бойся…»

Я говорю:

«Ты врешь».

А он говорит:

«Иди, я сказал».

Я стал пятиться. Потому что боялся, что в спину выстрелит. Пятился, пятился, потом побежал. А сзади как грохнет… Я упал, думал — в меня. Потом посмотрел, а он лежит на спине, а в руке пистолет. В откинутой… Я подошел, он мертвый…

Я хотел взять пистолет, но у него пальцы были стиснуты.

Тогда я взял шапку. У меня была тонкая, вяза-

ная, а у него теплая, мохнатая. Без этой шапки я бы замерз насмерть. А так все же добрался до станции. А там пролез в вагон, в поезд до Ставрополя. Толпа была, меня не заметили…

Мы давно уже пришли на остановку, но автобуса все не было и не было. Мы сидели под пластмассовым навесом. Пластик был зеленый, тонкий, солнце просвечивало его. Лицо мальчишки от этого было табачного цвета. Он перестал рассказывать и закашлялся.

«Курит, наверно», — подумал я. И сказал не из любопытства, а от неловкости:

— Ты не похож на кавказца.

— Отец был литовец. Наполовину. А наполовину латыш.

«Был…» — отозвалось во мне.

— А мама наполовину русская, наполовину чеченка. Мы ведь сперва-то жили в Смоленской области. Отец был начальник цеха на молочном заводе. Потом завод сделался частным. Отца уволили. Мы продали квартиру и решили ехать на родину отца, в Вильнюс. Но оказалось, что ему туда можно, а мне и маме нельзя, потому что иностранцы. Мы помотались по разным местам, потом мама решила: «Поедем к моим родственникам под Грозный, они помогут». Это было еще до

войны. Мы нормально жили, пока не началось…

Я подумал: спрашивать ли? И не удержался:

— Если твой отец был литовец… латыш… зачем он полез в эту войну?

— А он такой… Сказал: «За вашу и нашу свободу…» Мама говорила: «Не будет никакой свободы, только кровь». А он все равно…

Из-за угла показался автобус. Мы встали. Мальчик быстро спросил:

— Можно я поеду с вами? Все равно мне делать нечего.

Я уже ничуть не опасался этого пацана. И все же взглянул на Ивку.

— Если хочешь, — сказал Ивка. — Но мы едем на кладбище.

— Мне все равно.

Ивка объяснил, будто извиняясь:

— Мы там будем сажать цветы на могиле… одного солдата.

— Я умею сажать… — И перевел глаза с Ивки на меня. Видно, он чувствовал мое недоверие. Глаза его были не черные, как показалось вначале, а темно-карие. Просящие такие. Я поглядел на его растоптанные кеды.

— Тебя как зовут?

— Арунас… Это литовское имя.

— Длинное, — неуверенно улыбнулся Ивка. — А есть еще какое-нибудь? Уменьшительное…

Арунас тоже улыбнулся. Чуть-чуть.

— Уменьшительное еще длиннее. Арунелис… Но мама иногда говорила: Нэль…

Он отвернулся, быстро зашевелил губами. Я сказал поскорее:

— А я — Саша. Ребята иногда еще зовут: Алька…

Ивка глянул удивленно. Он такого моего имени не знал. Я объяснил:

— Сперва бабушка так звала, а потом в лагере, в прошлом году.

Ивка понимающе кивнул.

— А это Ивка, — сказал я Арунасу. — Полное имя Иван, только Ваней его никто не зовет…

У КРЕСТА

Автобус оказался полупустой. Мы уселись на заднем сиденье. Ивка посередине, Арунас слева от него.

— А что было дальше? — спросил Арунаса Ивка. — После того, как ты залез в вагон.

— Потом много чего было…

В Ставрополе Арунас попал в детский приемник, но скоро убежал. Потому что хотел в наш город. Всю весну добирался сюда — то один, то с разными компаниями. Он слышал от мамы, что в нашем городе есть у него тетка, мамина двоюродная сестра. Хотя и дальняя, но все же родственница. Он даже адрес помнил. Но здесь оказалось, что прежней улицы уже нет, на ее месте новый микрорайон. Последняя ниточка оборвалась…

— И теперь ты, значит, нигде не живешь? — спросил Ивка. Напряженно так, будто занозу из себя вытаскивал.

— Нет, живу. Я приютился у одного старика. Он часовой мастер. Он одинокий, потому что жена его давно умерла, а детей нету. Я попросился, он не прогнал…

Кладбище было старое, заросшее. Высоко подымались березы, сосны, ели — вперемешку. Мы пошли вдоль кирпичной стены с решеткой наверху, потом она сменилась кривым забором. Несколько досок было оторвано.

— Пойдем здесь. Через ворота далеко… — Ивка смело шагнул в дыру. Сразу видно — не в первый раз.

Под большими деревьями густо росли рябины, низкие разлапистые клены. Среди них стояли решетки, кресты, камни и обелиски. Я старался не смотреть. Незаметно сложил пальцы замочком — от всего плохого. Потому что здесь была страна мертвых, а я… Ну, вот такой уж я.

Ивка вел нас чуть заметной тропинкой среди решеток и высоких сорняков. Его царапина с кровяной точкой затерялась теперь среди множества других таких же. Я шел ему в затылок и тащил за собой застревавшую тележку. Арунас подталкивал ее.

Пахло травой и листьями. Но это был совсем не такой запах, как на дороге, за нашей Завязанной рощей. Там в запахе было солнце, а здесь сырая пасмурность.

Мы выбрались на травянистую дорогу, прошли шагов двадцать и свернули опять на тропинку.

— Вот… — сказал Ивка.

Мы оказались перед высоким крестом из желтого лакированного дерева. На кресте была черная табличка с белыми буквами:

СТАКОВ
ЕВГЕНИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ

А ниже: год рождения и год, когда Женя Стаков погиб. И легко было сосчитать, что прожил на свете Женя девятнадцать лет…

Ивка прошептал:

— Фамилии похожие. Потому и случилось ошибка…

Холмик был обложен по бокам кусками дерна. А сверху — бурая глина, сквозь которую проглядывала трава. В двух местах были посажены кустики незабудок.

Ивка начал деловито вынимать из сумки картонные коробочки с пунцовыми бархатцами и с какой-то травой, похожей на салат. Достал детскую лопатку. Затем вытащил полиэтиленовый пакет с черной жирной землей.

— Саша, помоги, пожалуйста.

Я хотел ухватить пакет, но Арунас опередил. Они вдвоем вывалили сырой ком земли на могилу. Ивка аккуратно, чтобы не зацепить незабудки,

начал перемешивать торфяную землю с подсохшей глиной. Лопаткой. Арунас подобрал толстый сук и начал помогать.

Они сидели рядом на корточках и работали молча. Согласованно так. Будто не в первый раз.

Они были совсем непохожие. Ивка — хоть и в полинялом, но все же красивом костюмчике — такой вполне, как говорится, приличный ребенок. Арунас же… ну, сразу видно бездомного. Мне все время казалось, что он припорошен тонкой угольной пылью. С головы до ног. Может, и правда это была въевшаяся сажа пожарищ?

И еще я подумал, что Арунас старше Ивки. Ростом — с него, а возраст у него скорее всего мой. Или самую чуточку поменьше.

Да, они с Ивкой были разные, но все же их соединяло то, чего не было (и слава Богу, что не было!) у меня. Оба хлебнули горя от войны. Потому они вот так, рядом. Даже дышали, по-моему, в одном ритме.

Они работали, а я остался без дела. Оглядывался. Кругом все те же решетки и памятники. Над могилой Евгения Стако-ва — две высокие березы. Лучи наклонно прокалывали листву. На кресте горели желтые блики, как на светлой новой мебели. Как же так? Под нами, в земле, в цинковом

ящике лежит изуродованное тело совсем молодого Жени Стакова, а солнце веселится как ни в чем не бывало…

— Саша, дай, пожалуйста, цветок, — не разгибаясь, попросил Ивка. Они с Арунасом уже вырыли много ямок. Я присел, начал суетливо подавать одну порцию рассады за другой. Ивка и Арунас умело закапывали корни. Будто на грядке работали. А я все еще сцеплял пальцы: протяну Ивке рассаду и опять — «замочек».

Арунас вновь закашлял.

Я сказал с дурацкой назидательностью:

— Если ты куришь, то зря. Помрешь ведь.

Он вскинул глаза. Откликнулся без обиды, почти испуганно:

— Я не курю. Я пробовал, но не смог, потому что задыхаюсь.

— *Там*пробовал? — тихо спросил Ивка.

— Нет, в интернате… Я ведь в двух приемниках и в интернате детдомовском успел побывать, пока добрался сюда.

— У чужого деда разве лучше, чем в интернате? — прежним глупым тоном спросил я.

Арунас первый раз огрызнулся. Слегка.

— А ты попробуй. Узнаешь.

Я не хотел пробовать такой жизни. Кое-что

слышал про интернатовские обычаи. Уж если в блистательной гимназии тому, кто послабее, порой не дают житья, то в детской казарме…

— А в детприемнике еще хуже, — как бы продолжил мои догадки Арунас. — К маленьким еще нормально относятся, а к таким, как я… Хоть ни в чем не виноват, все равно будто преступник. За решеткой…

Все бархатцы, все кустики многолетней ромашки были наконец вкопаны. Рядом стояла скамейка из того же лакированного дерева, что и крест. Мы сели — Ивка опять посредине. Могильный холм зеленел и пестрел теперь, будто и правда цветочная грядка.

Ивкины колени были в черных крошках. Он хотел их стряхнуть, но они размазались жирными полосками. Я посмотрел — у меня тоже. Ивка сказал:

— На пруду помоем. Тут рядом. Все равно надо сходить за водой для поливки, а то корешки не приживутся.

Мы взяли полиэтиленовый пакет и пошли. Опять через кусты и репейник. Оказалось не так уж и близко. Было тихо, только наше сопенье и шелест слышались да где-то далеко раздался дробный сухой стук.

— Будто автомат, — сказал Арунас.

— Это дятел, — догадался я.

— Знаю. Я сказал «будто»…

Пруд прятался в гуще ольховника. Маленький, как лужа. Мы смыли землю, набрали воду в прозрачный мешок. Ивка и Арунас понесли его, взявшись за верхние углы. Из него била тонкая струйка, искрилась на солнце.

Перед узкой тропинкой я потребовал:

— Дайте этот бурдюк мне. Вам вдвоем не протолкнуться.

Струйка защекотала ногу, капли потекли в кроссовку.

У холмика Ивка пригоршнями вычерпал воду на рассаду. Вытер мокрые ладони о смеющиеся рожицы на шортиках. Уложил в сумку пустой пакет и лопатку. Тихо, но без стеснения попросил:

— Подождите, я попрощаюсь… — Дотянулся до креста, подержался за него.

Он не ждал, что мы сделаем то же самое. И мы не решились. Ведь Ивка для этого Жени был почти как братишка. А мы так, одни из многих…

Арунас проговорил вполголоса, будто сам себе:

— Вот странно…

— Что странно? — Ивка оторвался от креста.

— Может, в этого Женю стрелял из автомата

мой отец… — Он сказал это без виноватости, только с печальным удивлением.

— Нет, — вздохнул Ивка так же негромко. — Женя погиб от взрыва, от снаряда…

«А может, Женя стрелял в твоего отца, — подумал я. — И может, даже попал… Неизвестно ведь, кто из них погиб раньше».

— Ивка, а почему нет числа, когда он родился и когда убили?

— Когда убили, точно ведь неизвестно… Пойдем, да?

Когда мы выбрались через дыру в заборе, я заметил, что солнце уже перешло середину дня. Очень хотелось есть.

По шоссе пропылил желтый милицейский «рафик». Я увидел вдруг, что Арунас весь напружинился.

— Ты чего испугался-то?

Он виновато мотнул головой.

— По привычке. Я ведь беглый… Последний раз слинял из детприемника недалеко отсюда, в Некрасове. В марте еще…

— И где же ты после этого жил? — удивился Ивка. — В марте еще снег.

— На заброшенной стройке, в подвале… Там разные пацаны собирались. Ничего, нормальные

ребята. Днем добывали кто что мог — а вечером всё в общую кучу. И пир горой… Но потом появился там один, большой уже. Велел звать себя шефом… И потом он и еще один замочили какого-то дядьку…

— Как замочили? — удивился простодушный Ивка.

— Ну как… заточкой… Чтобы взять бумажник, часы и шапку. На пустыре за котельной. Свалили его, а другим ребятам велят: добивайте. Я как увидел это… ну, что он мертвый… кувырок назад и — ноги… И в ту же ночь смотался из Некрасова в товарном вагоне…

ДИЛЕТАНТ ШИРОКОГО ПРОФИЛЯ

Мы ждали автобуса долго. А когда он подкатил наконец и приглашающе зашипел дверьми, оказалось, что Арунас не может встать со скамьи.

Он сидел, привалившись к спинке из поломанных реек. На лбу его были капельки, а лицо сделалось острым и почти белым.

— Что с тобой? — Ивка оттолкнул сумку и вскочил.

Арунас сказал обыкновенным голосом, но не открывая глаз:

— Это сейчас пройдет. У меня так бывает иногда — будто мешком по голове. А минут через пять отпускает… Вы езжайте, а я посижу.

Я начал беспорядочно думать: что тут можно сделать? А Ивка сказал самое простое:

— Мы посидим с тобой, а потом проводим до дома.

— Не надо. Я сам…

— Мы проводим, — сказал Ивка.

Кроме нас, пассажиров на остановке не было. Пожилой водитель добродушно спросил из кабины:

— Эй, молодежь, вы едете? Следующая машина

будет через час, не раньше.

Ивка разъяснил ясно и отчетливо — так, как он умел:

— Видите, у мальчика закружилась голова. Подождите немного, пожалуйста.

— У мальчика голова, а у меня график… Посадите его к окошку. Голову обдует, и все пройдет…

Арунас рывком встал. Качнулся, но сказал решительно:

— Да, поехали.

Мы устроились на переднем сиденье. Арунас высунул голову наружу. Автобус покатил… Минуты через две Арунас откинулся на спинку.

— Плохо, да? — испуганно сказал я.

— Нет, ничего уже. Я ведь говорил — пройдет… — И правда, прежней бледности не было. Водитель беспокойно поглядывал на нас в переднее зеркало, но скоро на остановках набралось немало пассажиров, загородили кабину. Арунас держался. Даже улыбался иногда: не тревожьтесь, мол.

Мы сошли на Пушкинской.

— Ладно, я пойду, — сказал Арунас. — Тут недалеко.

— А как голова-то? — проявил я напоследок беспокойство. — Нормально? — Мне хотелось

поскорее домой.

— Все в порядке.

Я поверил. Ивка оказался внимательнее.

— Нет, не все в порядке… Мы же обещали проводить тебя до дома.

Арунас не спорил. Может, просто не хотел расставаться.

И мы пошли шеренгой — Арунас посередине.

Жил он в двух кварталах от остановки на улице Крылова. Мы прошли в арку обшарпанного трехэтажного дома, оказались в обширном дворе — заросшем сорняками и захламленном. В глубине двора стоял одноэтажный кирпичный дом — длинный, с несколькими крылечками.

Мы остановились у крайнего крыльца. На обитой ободранным дерматином двери висел жестяной почтовый ящик. Голубой с белой надписью: «Г.М. Тутарский».

Арунас поднялся на крыльцо, нажал на кнопку. Дверь открылась почти сразу. Хозяин встал на пороге.

Он был высокий, худой и сутулый. С редкими седыми волосами, гладко зачесанными на пробор. С выбритым лицом, длинным носом и в очках с толстыми стеклами. Ну, типичный старый часовщик, этакий мастер своего дела.

— А, наконец-то… Здравствуйте, молодые люди.

Я буркнул «здрасте». Ивка сказал ясным своим голосом:

— Здравствуйте. У Арунаса закружилась голова, и мы решили проводить его.

— Весьма благодарен… А ты, значит, опять? Вот свалишься где-нибудь… Заходите, будьте любезны.

— Да нет, нам домой пора, — быстро сказал я.

— Ну, на минутку. Расскажите хотя бы в двух словах, как и что. Сделайте одолжение, голубчики… — Он как-то неуловимо потерял строгость, будто под его мешковатым пиджаком ослабли натянутые жилы.

— Идем, а? — шепотом сказал Арунас. Мы с Ивкой переглянулись и вошли.

Вошли в разноголосое тиканье. Часы были повсюду: на стенах, на столе, в застекленном шкафу и на подоконнике. Всякие. Круглые, квадратные, маленькие, большие, с бронзовыми фигурками, с тяжелыми гирями и маятниками, в резных старинных шкафчиках на узорчатых подставках. Я завертел головой.

— Деда Гена, это… Саша, а это Ивка. Полное имя Иван, только Ваней его никогда не зовут… — Ару-

нас, видать, вспомнил про обязанности хозяина.

— Да-да. Я рад, что у тебя появились наконец достойные знакомые… А я Геннадий Маркович.

«Г.М. Тутарский», — вспомнил я почтовый ящик.

— Садитесь, друзья мои…

«Да нет же, нам пора», — хотел сказать я, но Ивка присел на край узкого клеенчатого дивана.

— Садитесь, садитесь… — Геннадий Маркович шагнул в сторону, и за ним оказались еще одни часы — в простенке между шкафом и дверью в другую комнату.

Ивка быстро тронул меня за руку:

— Саша, смотри. Как у вас…

Но они были не как у нас. Они были просто *наши.*

Мне сразу стало спокойнее. Я перестал стесняться. Словно зашел к незнакомым людям и неожиданно увидел друга. Ну, конечно, теперь у часов другой хозяин, а все-таки хорошая встреча!

— Геннадий Маркович, скажите, пожалуйста! Вы купили эти часы в комиссионном магазине?

Он не удивился вопросу. И будто обрадовался:

— Ну, что ты, милый мой! Откуда у меня деньги на такие покупки! Я выменял их у одного лю-

бителя антиквариата. На другие часы. Были у меня бронзовые, настольные, в стиле рококо, восемнадцатый век. С амурами и завитушками. Я их очень ценил, но всегда хотелось иметь вот такие, большие. Чтобы они стали стержнем моей коллекции…

— А почему они не идут? — сказал я осторожно.

— Ума не приложу! Целый месяц шли исправнейшим образом, а неделю назад встали и ни в какую… Я перебрал весь механизм, проверил каждый зубчик на всех шестеренках. Увы! Качну маятник, они потикают полминуты и опять стоп… Признаться, за последние годы для меня это самое большое разочарование. И можно сказать, удар по престижу. Я все-таки мастер с немалым стажем, а тут оказался бессилен…

— Можно, я возьму стул?

— Что? Да, разумеется… А собственно, с какой целью?

— Сейчас… — Я поставил скрипучий гнутый стул к часам. Открыл верхнюю стеклянную дверцу. Сунул пальцы за механизм. Вот он, винтик…

Я подержал палец на плоской головке. Скакнул на пол. Стул в сторону, нижнюю дверцу на себя, качнем маятник, вот так. Тик-так…

— Если не остановятся через минуту, будут тикать исправно несколько дней…

— Да? Ничего не понимаю. Что ты там сделал?

Я не стал хитрить и важничать.

— Там есть один винтик. На задней стенке коробки с механизмом. Если его слегка надавить, механизм… он как бы просыпается. Не знаю, почему, но так всегда…

— Постой, постой. Ты хочешь сказать, что имеешь какое-то отношение к этим часам?

— Еще бы! Они стояли в нашем доме сто лет!.. Потом понадобились деньги на телефон, и бабушка решилась. Оторвала от сердца…

— Вот оно что… Какие хитросплетения и встречи…

Ивка и Арунас молча слушали нашу беседу. Они были как зрители, которые смотрят интересное кино.

— Ты мне покажешь, где этот винтик? Хотелось бы понять, какая у него функция.

— Понять это, по-моему, нельзя. Этот секрет знает, наверно, только Квасилий…

— Кто-кто?

— Квасилий. Бабушка говорит, что с нами живет такое существо, вроде домового. Это оно иногда останавливает часы, чтобы побаловать-

ся… Наверно, Квасилий соскучился по часам, отыскал их у вас и решил дать им отдохнуть. По привычке…

Я увидел, как у Ивки и Арунаса одинаково приоткрылись рты. А Геннадий Маркович смотрел на меня понимающе. Словно все принимал всерьез.

— Ну да, ну да… А не откроет ли почтенный Квасилий свой секрет мне?

— По-моему, не откроет. Он и мне его не открывал. Я сам научился давить на винтик так, как надо. А больше это не получается ни у кого… Если хотите, я могу иногда приходить и запускать часы.

— Гм… Боюсь, что в самом деле придется просить тебя о такой услуге… По крайней мере, пока мы не договоримся с Квасилием… Смотри-ка, идут.

Часы вплетали свое увесистое тиканье в стрекотанье и щелканье других механизмов.

Геннадий Маркович встряхнулся.

— Я сейчас приготовлю вам яичницу.

— Ой, нет, спасибо! Нам пора, — спохватился наконец Ивка.

— Приготовь, приготовь, — сказал Арунас. — У нас сегодня за весь день было пять капустных пирожков на троих.

Ивка вопросительно посмотрел на меня. А мне уже не хотелось уходить. «Подождем», — сказал я взглядом.

Геннадий Маркович скрылся за дверью. Арунас забрался с ногами в большущее кресло, такое же клеенчатое, как диван. Такое же старое — с трещинами и дырками в обшивке. Виновато улыбнулся и лег щекой на подлокотник.

За дверью потрескивало. Наверно, там была кухня с плитой.

Геннадий Маркович появился опять. Он был подпоясан широким полотенцем.

— Сейчас, сейчас, друзья мои, все будет готово...

Ивка вдруг сказал:

— У вас здесь будто в коробке со стрекозами. Будто крылья и лапки скребут во всех углах.

— Да?.. Да. Ты прав. Но я этого уже не замечаю, привык. Для меня здесь — тишина. Видите ли, тишина может слагаться из разных звуков, как свет слагается из разноцветных лучей спектра. Здешние звуки — это, так сказать, отдельные лучи времени. А время само по себе совершенно бесшумно. Про это есть примечательные стихи:

И поступь и голос у времени тише

Всех шорохов, всех голосов.
Шумят и работают тайно, как мыши,
Колесики наших часов…

— Это Маршак, — сказал я. — У него много стихов про время.

— Совершенно верно!.. Удивительно, что ты знаешь такие стихи. Я был уверен, что детям Маршак известен лишь своими сказками.

— А я нетипичное дитя, я бабушкин внук. Она всю жизнь моя главная воспитательница. А у нее две главные книги — Евангелие и «Лирика» Маршака. Она мне маленькому читала по вечерам… Я из этих стихов многое до сих пор помню.

— Похвально… А из Евангелия?

— Ну… Нагорную проповедь. А еще то, что в начале было Слово и все на свете началось с него…

— Не так уж мало, — вежливо вздохнул Геннадий Маркович. Видимо, считал, что мало.

— А те стихи продолжаются так:

Лукавое время играет в минутки,
Не требуя крупных монет…
— Да-да!
Глядишь — на счету его круглые сутки,
И месяц, и семьдесят лет…

Это, Саша, про меня. Семьдесят лет стукнуло в прошлом году… А вроде бы все пролетело за сутки. И детские годы вспоминаются так, словно были вчера. Даже ярче, чем война… Вы представляете, друзья, до сих пор чувствую кожей, как прилипают к мокрому животу песок и галька, когда накупаешься до дрожи и с размаху пузом на горячий от солнца берег… О! Яичница! — Он кинулся за дверь.

Скоро Геннадий Маркович вернулся. В одной руке он держал за длинную рукоять сковороду, в другой — полотенце. И махал им над головой. Потому что от сковородки тянуло чадом.

— Слегка подгорела, когда мы увлеклись лирикой. Ну, не беда. Нэлик, душа моя, принеси-ка вилки и хлеб… О, да ты уже!

«Уже» — это не значит, что Арунас принес вилки и хлеб. Он спал. Он раскинулся в кресле, будто тряпичная кукла. Глаза были прикрыты лишь наполовину. Мне даже не по себе стало: будто неживой. Но слегка шевелились губы.

— Не надо его трогать, — шепотом сказал Геннадий Маркович. — Это с ним случается. Устанет и валится как подкошенный… Я приготовлю ему потом, отдельно. А это съедим сейчас. Давайте прямо со сковороды.

Мы принялись жевать глазунью. Ничего, что пережаренная и с дымом. Проголодались.

— Он вам поведал свою историю?

Ивка кивнул с набитым ртом. Я тоже.

— Ума не приложу, как с ним быть… — Геннадий Маркович оглянулся на Арунаса опять. — Вы видите, какой он? Господи… Его лечить надо, а кто его возьмет в больницу без документов? Он все время боится, что его заберут в детприемник…

Ивка отложил вилку.

— Моя мама работает медсестрой. У нее есть хорошая подруга, она детский врач. Хотите, я попрошу маму договориться?

— Да? Это было бы чудесно!.. А то ведь полная, так сказать, беспросветность…

— Только она сейчас в отпуске. Но через две недели, я думаю, все получится.

— Ох, я боюсь даже надеяться.

— Не бойтесь, мама постарается. Она ведь… ну, она понимает… — Ивка сказал это и будто засмущался. И заторопился: — Ой, мне к шести часам обязательно надо домой. Я Соне обещал, она одна там…

— Да, Геннадий Маркович, нам пора… — Я решительно встал и посмотрел на часы: «Не скучайте тут…»

— Но вы ведь не исчезнете навсегда, голубчики? А?

— Нет, мы же пообещали, — сказал Ивка.

По дороге к трамваю я спросил:

— Ивка! Ну и что же, что твоя мама в отпуске! Может быть, она сможет договориться с тем врачом не откладывая?

— Дело не в маме. Та врач, Полина Евгеньевна, в отпуске.

И уехала к дочери в Тобольск. В том-то и дело. Иначе бы я перебрался к ней. Мы ведь хорошие знакомые…

— Как перебрался? Зачем?

— Ну, пока мама и Соня ездят…

— А ты разве не едешь с ними?

— Я не еду. Втроем — это слишком дорого. Решили, что пусть Соня. Они с мамой заедут в Нижний Новгород, к Галине Антоновне. Ну, к Жениной маме. У Галины Антоновны дочка такая же, как Соня. Женина сестра. Они с Соней, наверно, подружатся…

— А ты как? Будешь тут один?

— Соседка сказала: «Буду за ним присматривать». Это за мной…

— Значит, *ты* не едешь. Это хорошо…

Ивка глянул удивленно и грустно. Он не считал,

что это хорошо.

— Ивка…

— Что?

— Нет, ничего. Потом… Мы скоро увидимся, я к тебе приеду.

— Правда?

— Теперь это самая настоящая правда!.. Может быть, даже завтра… Смотри, твой трамвай!

Я помахал вслед трамваю, на котором уехал Ивка, и… зашагал обратно. К дому Геннадия Марковича. Скажу ему, что забеспокоился: не остановились ли часы? Хотя не в часах было дело. Вернее, не только в часах. Мне показалось, что я ушел, не доделав какое-то дело. Не сказал что-то важное. Словно там от меня чего-то ждали, а я обманул, сбежал поскорее. Ну, это было смутное ощущение. А еще была тревога. Я помнил, как беспомощно лежал в кресле Арунас. Совсем как неживой. А вдруг… и правда неживой?

Теперь я уже не мог себе сказать: «Что тебе этот Арунас? Таких тысячи…»

Я позвонил, и Геннадий Маркович открыл сразу.

— Входи. Я почему-то так и думал, что ты вернешься.

Я хотел сказать, что тревожусь о часах. Но тут

же мелькнуло: зачем врать без нужды? По крайней мере, если не спрашивают…

Арунас по-прежнему спал в кресле, но теперь он свернулся калачиком. Уместился весь между высокими подлокотниками, как в люльке. Прореха на колене разъехалась в круглую дыру, нитки полопались. Мы молчали и смотрели на него от дверей.

Потом Геннадий Маркович вполголоса сказал:

— Он часто засыпает вот так. И бывает, что остается здесь на ночь. Если я пытаюсь перенести его в постель, сердится. Или плачет сквозь сон.

Он помолчал и добавил сокрушенно:

— Совершенно неприкаянное существо. И оборвыш…

— Ему больше нечего надеть, да? — прошептал я.

— Курточка еще есть, осенняя, не по сезону. И тоже вся… как со склада утильсырья… Не раз говорил ему: «Пойдем, купим что-нибудь…» А он… то ли стесняется, то ли боится…

— Чего боится-то? — пробормотал я с неловкостью, будто речь шла обо мне.

— Возможно, того, что меня спросят: откуда с вами такой беспризорник? Заинтересуются, начнут выяснять и заберут в приемник… А делать

такие покупки один, без него, я не решаюсь, нет такого опыта. Без примерки, наверно, нельзя… И, по правде говоря, мне как-то неловко, будто я самозванец: пришел за одеждой для незаконного внука. У меня ведь никогда не было детей…

Пока он это говорил, я спешно прикидывал: вся одежда, что есть у меня, Арунасу велика. А то, что носил раньше, сгорело в прошлом году. Может, Ивка выручит? У него с гардеробом, конечно, не богато, второе лето все в тех же пестрых штанах и рубашонке, но что-нибудь, наверно, найдется. Можно спросить и Вячика. Он выше Арунаса, но тощий, по ширине как раз…

А Геннадий Маркович продолжал горестно рассуждать о трудностях:

— Иногда загоню его в ванну и, пока плещется, постираю все его… обмундирование. Но оно буквально расползается в руках. Правда, он чинит. Сам… Я от отчаяния вздумал уже было заняться портновским ремеслом. Вообще-то я многое умею делать своими руками. Так сказать, дилетант широкого профиля… Ты знаешь, голубчик, что такое дилетант?

— Ну… это кто многое умеют понемногу.

— Да. И не обязательно понемногу. Иногда и вполне на уровне. Я, например, могу профессио-

нально починить водопроводный кран, когда-то бойко музицировал на фортепьяно, умею плести корзины и плотничать. А однажды на пари взялся написать портрет знакомого, хотя до той поры не имел дела с масляными красками. И написал! И сведущие люди говорили: «Совсем недурно. Весьма своеобразная манера…»

— Вы насчет портновского мастерства… — напомнил я.

— Да-да!.. У меня были приличные парусиновые брюки, я ходил в них после войны. Широкие, по моде сороковых годов. Я подумал, что их вполне хватит на летний костюм для мальчика. На такой, в каком я и мои приятели бегали по славному городу Киеву, ныне ставшему заграницей. Во времена безоблачного пионерского детства… Оно, кстати, действительно было довольно безоблачным. По крайней мере, для тех, у кого не успели посадить отцов. У меня не успели. Может быть, потому, что он был инвалид еще с Гражданской войны. Он погиб потом, во время оккупации, и мама тоже… А мне повезло, я в июне сорок первого гостил в Москве у дядюшки. Потом — училище, лейтенантские погоны… Ох, извини, пожалуйста! Увлекся своей биографией. Есть у меня грех: начинаю об одном и съезжаю

на другие рельсы.

— Вы говорили про костюм для Арунаса…

— Увы! Увы, увы… Зря изрезал парусиновую реликвию. Портновское искусство для меня оказалось труднее живописи. Я самонадеянно полагал, что имею кое-какой швейный опыт; потому что в пятидесятых годах в районном Доме пионеров руководил судомодельным кружком, где кроил и шил паруса… Кстати, это был мой единственный опыт общения с детьми. Вскоре я женился и перешел работать в типографию…

— А с ним вы как познакомились? — Я кивнул на Арунаса (тот дышал, как свернувшийся клубком котенок).

— А он не рассказывал?!

— Он сказал только: «Приютился у незнакомого деда…»

— Да… История, достойная пера Диккенса. Ты читал Диккенса?

— «Оливер Твист». А еще бабушка рассказывала про мистера Пиквика. И про Квентина Дорварда…

— Что-о?

— Ой!.. Про Дэвида Копперфильда. Это у нее тоже любимая книга. Почти как Маршак…

— Диккенс великий писатель, хотя нынче мно-

гие считают его книги излишне длинными и сентиментальными…

— А как вы с Арунасом-то встретились?

— Ах, да!.. В начале мая. Стоял я в очереди за молоком. По утрам на угол Красноярской улицы привозят бочку с молокозавода… Очередь была изрядная, стоял я терпеливо, как подобает пенсионеру моих лет. В левой руке бидон… а за правую вдруг кто-то берет меня маленькими, очень горячими пальцами. Смотрю — рядом этакий… Оливер Твист. Тянет меня в сторону. Молча… Что ему надо — непонятно. Я говорю:

«Дружок, денег у меня только на молоко. Честное благородное слово…»

Он тянет. Я опять:

«А если ты насчет сигарет, то я некурящий…»

В эго время мы оказались уже в стороне от очереди. Он поднимает глаза и спрашивает:

«Вы меня не узнали, да?»

«Прости, голубчик, но…»

«Помните, на пункте под Гудермесом?! В декабре…»

«Помилуй, друг мой! Какой Гудермес? В декабре я безвыездно был в этом городе. Как и все последние десять лет…»

Он смотрит на меня, и глаза делаются мокрые.

«Извините, — говорит, — я думал, вы просто бородку сбрили и очки надели другие…» И еще говорит: «У вас руки в точности, как у него. Я руки больше всего запомнил… Вы музыкант?»

Странно было слышать это интеллигентное «извините» от такого вот явно уличного обитателя.

«Нет, — говорю, — я бывший часовой мастер, а ныне пенсионер…»

И тут подходит моя очередь. А он все еще будто чего-то ждет.

«Подожди, я куплю молока, потом побеседуем, если хочешь…»

И он дождался. Стоит, ковыряет башмаком траву и спрашивает:

«А вы можете дать мне чуть-чуть молока? Вот сюда…» — и делает вот так, лодочкой, ладошки. А они у него немытые, наверно, неделю.

«Знаешь что, пей лучше из бидона…»

«Правда?.. Вы не бойтесь, я не заразный… А сколько можно пить?»

«Сколько влезет. Здесь три литра».

Влезла в него половина бидона, не меньше. Сказал спасибо и опять стоит, поглядывает исподлобья. И мне взять вот так и уйти от него как-то неловко.

«Знаешь, голубчик, одним молоком сыт не будешь. Если хочешь, пойдем ко мне. Картошку пожарим…»

Он и пошел. А когда оказался здесь, заоглядывался. Тут меня взял, по правде говоря, запоздалый страх: а вдруг он ста-шит что-нибудь и сбежит? Не по злобе, а просто по образу своей жизни. Ведь явный же беспризорник. И представь себе, он мои мысли угадал:

«Не бойтесь, — говорит, — я у вас ничего не украду. Я у тех, кто меня кормит, никогда ничего не утаскивал…»

Поел он жареную картошку, но немного. И вдруг:

«Спасибо, я больше не могу…»

«Наелся?»

«Нет, глотать больно…» — И глаза у него слишком блестящие. Я потрогал лоб — батюшки мои! Наверно, под сорок…

«Ложись, — говорю, — на диван». И мокрое полотенце ему на голову. А сам думаю: «Ладно, если ангина, а если дифтерит? Об этой заразе только и говорят в разных медицинских передачах… Врача вызывать? А что я скажу в поликлинике? Я даже не знаю, где она, детская-то…»

— И медицинский полис потребовали бы.

— Возможно… А он опять про мои мысли догадался:

«Только не надо врача. Меня в детский приемник заберут… У меня быстро все пройдет, вы не бойтесь…»

Ну и правда, жар быстро прошел у него. Только вялый он сделался, взмок и еле языком вяжет:

«Вы не бойтесь, я полежу немного и пойду».

«Куда же ты пойдешь?»

Молчит.

Я говорю:

«Рассказывай, кто ты и откуда».

Вот тогда он слабым голосом и выложил мне свое жизнеописание… А потом предупреждает тихо, но решительно:

«Только не отдавайте меня в милицию. Опять затаскают по приемникам. *Я*через это уже прошел…»

«Ну, а где жить-то будешь?»

Вот тут-то он и сказал:

«А можно у вас? Хоть немного. Я вам помогать буду…»

Я, наверно, проявил слабость характера. Но сказать «уходи»… Понимаешь, Саша, язык у меня не повернулся…

Мы уже не стояли у дверей, а сидели на диване

напротив часов. Они качали медный маятник. Все, мол, понятно, мы на своем веку и не такое видали.

Геннадий Маркович правду сказал: не было у него большого опыта, как общаться с детьми. Те, кто думают, будто умеют это, разговаривают с мальчишками… ну, как с мальчишками. А Геннадий Маркович говорил со мной, будто со взрослым соседом, который зашел его проведать. Делился заботами. Я не удивился бы, если бы он вдруг сказал мне «вы».

Нет, на «вы» он не обращался, но разговаривал всерьез. И с горечью.

— С тех пор я живу в страхе. Он то валится с очередной хворью, то исчезает до позднего вечера и я не могу найти себе места… Однажды приходит с огромным синяком. Говорит, что продавал газеты и его побили другие мальчишки. Конкуренты, так сказать.

«Зачем ты, — говорю, — полез в это дело? Тоже мне коммерсант».

А он:

«Заработать хотел. Вы и так вон сколько на меня тратите…»

Господи, да какие тут траты! Разве в этом дело? Я просто не знаю, как быть. Придет осень, ему

надо в школу, а у него же никаких документов! И кто я ему? Не родня, не опекун. Мне скажут: какое вы имеете право держать у себя чужого ребенка? И ребенок — опять в бега. А я… во-первых, как-никак отвечаю теперь за него. Да и привязался уже, надо сказать. Вроде как родная душа появилась на старости лет… Но что я могу? Его надо учить, надо лечить…

Я сидел — без вины виноватый. Чем я мог помочь? Привести домой юного беженца и сказать: «Можно он будет жить у нас?» Представляю круглые от ужаса мамины глаза: «Для начала он перезаразит нас чем только возможно! А потом унесет из квартиры последнее!» А отец? Пожмет плечами: «Мы не можем облагодетельствовать всех несчастных. Это дело государства». Даже бабушка и та, скорее всего, жалобно охнет: «Алик! Мы же и без того еле сводим концы с концами…»

Я нерешительно сказал:

— Ну, насчет «лечить» Ивка ведь обещал…

— Ты думаешь, этот мальчик говорил всерьез?

— Да. Ивка такой. Он зря не говорит… Может быть, мама его сумеет выхлопотать Арунасу медицинский полис. Это ведь уже будет документ. По нему можно, наверно, выписать и другие. Вы можете сказать всякому начальству, что Арунас

ваш родственник и никого у него больше нет, потому что беженец…

— Сказать-то я могу… Я много чего могу. Кроме одного… Мне семьдесят второй год. В этом возрасте люди идут по жизни, как по минному полю. Сегодня есть человек, а завтра…

— Ну, зачем вы так! Прямо как моя бабушка… Иногда люди и до ста лет живут!

— Я, Саша, часовой мастер. Я умею слушать механизмы. Бывает, что часы останавливаются из-за отдельной поломки. А бывает, что у механизма общая усталость. Он состарился целиком. Заводишь его, а он через минуту останавливается. Толкнешь, он тикнет два раза, и опять тишина… Вот и я теперь такой же. Мой маятник ходит туда-сюда по инерции. Но в любой момент может случиться такое, когда ремонт уже бесполезен. И тогда что?.. Я могу завешать ребенку это убогое жилье, остатки коллекции, но куда он денется один? Кому они сейчас нужные такие? В этом обалдевшем от зла и равнодушия мире…

«В Озме…»

Я по-прежнему не знал, что сказать (а свернувшийся калачиком Арунас все так же бесшумно спал в кресле).

Геннадий Маркович с трудом поднялся с ди-

вана.

— Саша… ну, ты, значит, еще зайдешь к нам, да? И твой брат…

— Брат?

— А разве Ивка не братишка твой? Вы так похожи… Не внешностью, а… внутренне, так сказать. Извини, если ошибся…

— Да нет, все правильно, — неожиданно сказал я. — Конечно, мы придем, Ивка же обещал. И я… Надо ведь и часы будет проверять… Если они остановятся, вы не думайте, что это плохая примета. Это значит, опять к вам пробрался Ква-силий. Ему триста лет, а характер как у маленького…

И я заспешил домой.

Дома была паника.

— Где ты был?! Отвечай: *где тебя носило*? — Это мама.

— Оставьте женские эмоции. Вот он, жив и благополучен и со спокойной совестью… — Это папа. Сдержанно, однако с облегчением в душе (я же вижу).

А бабушка:

— Тебе не стыдно? Сказал, что пойдешь к Вячику, не показал у него носа и пропал до вечера!

— Ба-а… Мы с Ивкой ездили на кладбище.

— Что?.. Ну, допустим… Ну, я понимаю… А

разве нельзя было позвонить откуда-нибудь из автомата?

— У меня же ни жетона, ни денег…

Отец сказал, что за такое время можно было съездить не только на городское кладбище, но даже на Новодевичье в ма-тушке-столице. И пошел из кухни.

— Ба-а! Ивкина мама и Соня послезавтра уезжают к Мите, а потом еще в Нижний. А на Ивку не хватило денег, его оставляют почти одного. Ну, с соседкой. Пусть он лучше поживет у нас, а? — Это было главное, что я хотел сказать.

Бабушка и мама посмотрели друг на друга. Отец остановился в дверях.

— По-моему, здесь нет вопроса, — суховато сказала мама. — Как можно оставлять ребенка одного? Или даже с соседкой. У соседки наверняка хватает своих проблем…

— Я сейчас же позвоню Стоковым, — решила бабушка.

— У них же телефон не работает! Я завтра съезжу сам.

— Телефон работает. Я уже звонила им, когда разыскивала тебя… по всему городу. Ивкина мама, к сожалению, не знала, что ты укатил вместе с ним…

Я чувствовал, что отец смотрит на меня. И поэтому глядел на телевизор. На экране опять за кем-то гонялись, в кого-то стреляли. Отец сказал:

— Видимо, твое решение не ехать с нами окрепло окончательно?

— Не могу же я оставить Ивку…

— Я был бы счастлив, если бы дело было только в Ивке, — устало проговорил он.

Я промолчал. И правильно. Не хватало еще поссориться снова.

РЕЛЬСЫ МЁБИУСА

Перед ужином пришел к нам Вячик. Надутый. Спросил, где я гулял целый день.

Я рассказал про встречу с Ивкой, и про Арунаса, и про поход на кладбище.

Вячик насупился еще больше:

— Не мог, что ли, предупредить, куда пропадаешь?

— Я же не знал, что так получится!

Вячик подумал и сообщил с тайным злорадством:

— Настя сказала, что ты бессовестный.

— И давно она сделала такое открытие?

— Сегодня. Потому что ты к ней не зашел.

— Она же сегодня собиралась быть в своем мягкоигрушечном кружке.

— Не весь же день. Думала, к вечеру заглянешь.

— Ну, вот такой я… совершенно отрицательный. — И дернуло меня за язык: — А вы с Настенькой, по-моему, и без меня не скучали…

Вячик Вальдштейн оч-чень внимательно посмотрел на меня. Своими глазами мандаринового цвета. Потом сложил колечком большой

и указательный палец — словно держал в них крошечную букашку:

— Вот ни на столечко не хочу я с тобой ссориться. Понял?

— Понял… — Я виновато засопел. — А я, что ли, хочу? Сами на меня… со всех сторон…

— Никто ни с каких ни сторон… Мы еще зимой у костра пообещали жить дружно. Забыл?

— Ничего я не забыл… Только имей в виду: Ивка с завтрашнего дня будет жить здесь. И везде будет с нами…

— Ну и слава Богу. Кому от этого плохо? — сказал Вячик. По-моему, вполне искренне.

Утром я поехал за Ивкой.

Ивка был очень обрадован таким поворотом дел. Его мама тоже. Она собрала Ивкин чемоданчик — будто для поездки в лагерь.

Оказалось, что у Ивкиной мамы и у Сони билеты не на завтрашний, а уже на сегодняшний московский поезд.

— Ивушка, на вокзал тебе ходить незачем. Долгие проводы — лишние слезы. Нас проводит Анна Гавриловна. — Это была соседка Стоковых. — А ты с Сашей играй там спокойно, жди нашего с Сонечкой звонка из Москвы.

Ивка тихо кивнул. Мама обняла его. А потом

и меня.

— Спасибо тебе, Сашенька. И бабушке твоей…

Я от смущения задышал, как пароход: за что спасибо-то?

Соня протянула тоненькую, как ветка, руку:

— До свидания, Саша…

Ивка такой человек — ему всякий улыбается навстречу. Сразу. (Если, конечно, этот «всякий» не злодей и не дурак.) Поэтому и Вячик, и Арбуз, и Настя встретили Ивку как своего.

Днем собрались мы на дворе у Арбуза. Решили пойти в Завязанную рощу. Тянули нас те места неодолимо. Ну, прямо как загадочная планета, которая вдруг вплотную приблизилась к нашей — один скачок, и ты в неведомом мире.

Все теперь были уже свободны от домашних дел — можно идти не откладывая.

Только Николки не было. Его опять забрали на репетицию. Театр Демида решил показать «Огниво» ребятам городского летнего лагеря.

— Маргарита пообещала, что сама приведет его домой, — сообщил Арбуз. — А нам без этого лунатика даже спокойнее. Не надо вздрагивать, что опять слиняет…

И вот мы снова оказались на краю рощи. На краю загадки. И появилось в душе такое вот

«предсказочное» замирание. По крайней мере у меня. Но и у других, мне кажется, тоже. Потому что все начали говорить полушепотом.

Я оглянулся на изменившийся (как в прошлый раз!) город, и мы оказались в тени сосен. Густых и причудливых. И в запахе смолистой хвои. И в тишине таинственного пространства.

Да, ученые ушли отсюда, а загадки странного мира остались. Но в загадках не ощущалось тревоги. Тишина была добрая, она охраняла нас… От кого охраняла, от чего?

«От Озма?»

— Смотрите, наш знакомый, — шепнул Вячик.

На сосне сидел серый котенок. Как в прошлый раз, он беззвучно открыл розовый рот. Ивка рассмеялся и протянул руки:

— Иди к нам.

Котенок посидел, раздумывая. Но, видать, были у него свои дела. Он опять сиганул, как белка, в кустистую крону соседней сосны. Мы не обиделись. Пошли.

Вячик разулся и шагал босиком. Мы посмотрели на него — и тоже. В траве было много старой хвои, она пружинила под нами и щекотала ступни. Иногда попадались сухие шишки, но кололись небольно.

Мы с полчаса ходили среди сосен. Можно было разглядывать каждый ствол, словно музейное чудо, — так хитро они были изогнуты и заплетены. «Завязаны». Ивка и Вячик переглянулись и полезли вверх по стволу, закрученному штопором. Вернее, не полезли, а почти побежали — как по винтовому трапу.

— Мартышки, — сказала им вслед Настя. — Вот сломаете шеи.

А они смеялись, мелькали руками-ногами и ухитрялись на бронзовых изгибах сосны обгонять друг друга.

Мы стояли втроем, задрав головы, и смотрели.

— Правда, не загремели бы вниз, — озабоченно сказал Арбуз.

Но я был уверен, что не случится ничего плохого. *Здес*ьне случится.

— С такого загогулистого ствола трудно сорваться.

Настя была совсем рядом. И вдруг шепнула:

— А Николка знаешь что сказал мне вчера? «Эти сосны, — говорит, — только кажутся такими. А по правде, — говорит, — они прямые…»

Стало хорошо оттого, что она вот так тепло шепчет мне в ухо и что волосы ее перепутались с моими, когда она вплотную приблизила го-

лову. Хотя, если по правде, прежней трепетной влюбленности в Настю у меня не было. Давно уже. Друзья-приятели, вот и все. Поэтому и подозрительность моя к Вячику была почти что придуманная… Но сейчас опять сделалось так, как в сентябре, когда мы только познакомились за одной партой…

Арбуз перебил мои размышления обо всех этих чувствах. Оказывается, он расслышал Настин шепот.

— Нам физик в школе рассказывал про искривление пространства. И что предметы в искривленном пространстве могут нам казаться не такими, как на самом деле… А тут ведь, когда была секретная зона, всякие такие вещи как раз и открывали…

— А почему тогда мы сами не искривленные, как сосны? — спросила Пшеницына чуть капризно.

— Может, тоже искривленные, только не замечаем.

Было досадно, что Арбуз вмешался в мое лирическое настроение. А про хитрости здешнего пространства (и других пространств тоже) я и так догадывался. В фантастических книжках про это много чего понаписано.

— А вон те точно уж искривятся, если не слезут, а брякнутся вверх тормашками, — заявила Настя. И опять задрала голову: — Где вы там?!

«Мартышки» уже спускались. Быстро и ловко.

— Я нашел там дупло, — шепнул мне Ивка.

— Пустое?

— Не совсем… Алька, очень странное дело…

Он впервые назвал меня Алькой, а не Сашей. Наверно, потому что так меня звали остальные. И я обрадовался этому, но мельком. Больше я встревожился — из-за его странного шепота.

— Ивка, что случилось?

— Да ничего плохого. Наоборот…

— А что наоборот-то?

— Та женщина-врач, про которую я говорил… ну, которая должна помочь Арунасу…

— Что? Она в дупле сидит? — не выдержал я.

Ивка охотно засмеялся.

— Нет! Я забыл номер ее телефона, и мама записала на бумажке. Я ее сунул вот сюда… — Он хлопнул по нагрудному кармашку с носатым полумесяцем. — А она куда-то подевалась, вылетела…

— Это не беда. Мама позвонит — спросишь снова.

— Да, но все равно это как-то… царапало. Будто

плохая примета, — признался честный Ивка. И тут же заулыбался опять: — А там, наверху, я сунул руку в дупло — и в нем какой-то билетик. Достаю — а это тот самый клочок с номером! Удивительно, да?

— Не очень, — серьезно сказал я. — Здесь особое место. Могут быть всякие чудеса. — Хотя, конечно, правильнее всего было подумать так: бумажка затерялась в кармане под складкой шва, а когда Ивка нагнулся, упала в дупло.

Ивка все еще улыбался, счастливый такой, и к щеке его прильнула тонкая сосновая чешуйка. Щеки были уже потемневшие от солнца, а эта розовая пленка — будто проплешинка незагоревшей кожи. А к носу приклеилась длинная ленточка — словно полоска тончайшей бумаги. Пока Ивка говорил, она трепетала при каждом слове.

Я осторожно снял с Ивки эту невесомую наклейку. Дунул. Розовая ленточка затрепыхалась и отлетела неожиданно далеко. И не упала. Будто бабочка, поднялась выше и скрылась. Может, правда превратилась в бабочку?

Мы побрели дальше и наконец оказались у заброшенных построек.

— Ну что, пойдем на дорогу? — нетерпеливо

сказал Вячик.

Мне тоже хотелось туда, на заросшую дорогу среди пологих склонов. И дальше — где дорога выходит на простор под небом и круглыми желтыми облаками.

И все туда хотели, даже Ивка, который там раньше не был.

Чтобы не страдать опять в колючках, мы не полезли в проход между трансформаторной будкой и сараем. Обогнули сарай слева.

И вышли на знакомый захламленный двор с сорняками и ромашками. Правда, мне он показался не совсем знакомым — не такой широкий, как в прошлый раз. А среди ребристых железных сооружений я заметил гипсовую скульптуру, которая косо стояла в лопухах. Это была девочка с кувшином. Она поливала из кувшина пухлого малыша, тот приплясывал. Но из кувшина, конечно, ничего не лилось, а у малыша была отбита нога — та, которую он приподнял в пляске (я сразу подумал о Мите, которому еле спасли ногу).

Девочка и малыш были замершие, как и полагается скульптуре. И само время здесь словно замерло.

Дыру в заборе и тропинку мы нашли сразу, но дальше начиналось непонятное. Тропинка запет-

ляла и вывела нас… к соснам Завязанной рощи.

— Вот так штука, — озабоченно сказал Вячик.

Мы вернулись. К началу тропинки. Да, она была та самая, что вчера. Мы все с прошлого раза помнили толстую раздвоенную рябину, которая росла здесь.

А может, тропинка раздваивается, а мы не заметили?

Мы пошли снова. Но нигде не было развилки. А тропинка на этот раз (именно *на этот раз)*описала немыслимую петлю и привела нас к соснам, однако уже на другое место. Потому что над соснами мы увидели верхушку непонятного сооружения. Какое-то завихрение из тонких лестниц.

Мы — бегом туда. Задрали головы.

— Ну и конструкция, — сказал Арбуз.

— Это же рельсы! — догадался Ивка.

И правда, это были рельсы. Но рельсовое полотно было очень узким — уже, чем у детской железной дороги в городском парке. И к тому же шпалы и рельсы не лежали на земле. Они взвились вверх гигантской перекрученной петлей. Немного похоже было на аттракцион «Американские горки».

Нижний край опирался на решетчатое соору-

жение. Высотою оно было метра два.

— Смотрите, а рельсы-то на шпалах с обеих сторон, — сказал Вячик. — Можно по ним ехать и внутри петли, и снаружи.

— Тут нету «снаружи» и «внутри», — солидно разъяснил Арбуз. — Это знаете что? Это кольцо Мёбиуса. Нам про него физик рассказывал. И показывал. Голландский математик Мёбиус взял однажды бумажную ленту, перекрутил ее один раз и склеил концы. И получилось, что у этого длинного листа не две поверхности, а одна.

Я про такое кольцо тоже знал. И не раз удивлялся: простая вещь, а все равно непонятно — вроде бы две стороны у ленты, а на самом деле одна…

— А здесь по такой поверхности проложены рельсы, — продолжал Арбуз лекционным тоном. — Наверно, для какого-то опыта с пространством и временем. Может, это переход в параллельный мир.

Арбуз был умный, хотя с виду мог показаться туповатым. Странно только, что он не понимал рассуждений своего брата Николки. А может, Николка с ним и не делился?..

— Зачем это? — шепотом спросил меня Ивка, глядя на громадное рельсовое кольцо. Наверно, он стеснялся, что ничего не понимает.

— Тут была какая-то лаборатория, Ивка. И, наверно, полигон для опытов. Изучали всякие хитрости устройства вселенной. Пространство — оно ведь не одно, их много. И у каждого свои хитрости. Наверно, пускали по этим рельсам паровозик и он эти всякие измерения обегал одно за другим…

— Какой паровозик? — удивленно сказала Настя.

— Экс-пе-ри-мен-тальный, — сообщил я. Мы с Ивкой переглянулись: конечно, оба вспомнили о паровозике Сони.

— Сейчас паровозиком буду я! — вдруг известил нас Вячик. Решительно так.

Не успели мы ахнуть, как он по решетчатой опоре взобрался к нижней части петли. И оказался на шпалах.

— Смотрите! Сейчас я обойду все пространства!

— Слезь немедленно! — взвизгнула Настя.

Но Вячик побежал по шпалам, взмахивая руками. И вот уже шпалы — как поперечины пожарной лестницы… Вячик начал забираться по ним, потом остановился передохнуть. На высоте, метрах в семи от нас.

Арбуз и я разом закричали, чтобы кончал это

дело и спускался.

— Не-а, — сказал Вячик. И начал подниматься дальше. А метра через два опять остановился, уселся на шпалу, чтобы отдохнуть. И показал нам язык.

Я не удержался:

— Это он перед тобой выпендривается, Пшеницына.

— Дурак!

— Конечно. Сломает шею…

— Ты дурак, — уточнила она. А Вальдштейну приказала самым стальным тоном: — Вячеслав, немедленно вниз!

— Не-а! — И он полез вновь. Наклон рельсового полотна был там уже почти вертикальным. Я снова открыл рот, чтобы заорать, и… ступни Вячика сорвались — вперед. Он провалился между шпал, но успел хватиться. И повис. Заболтал тощими, как у Буратино, ногами.

Мы обмерли.

Но Вячик поболтался секунды три, извернулся, уцепился ногами, пролез на другую сторону петли. И стал быстро-быстро спускаться. А с решетчатой опоры прыгнул в траву.

— Вальдштейн, ступай сюда, — тоном Клавдии Борисовны велела Настя.

Вячик дурашливо стрельнул глазами и подошел с видом виноватого первоклассника. Настя и поступила с ним, как с малышом: развернула и дала шлепка по камуфляжному заду. А этот балбес мигал и улыбался, будто его приласкали.

— Чего цветешь-то? — грустно сказал я. — Лез бы дальше, ломал бы позвоночник…

— Там почему-то холодно сделалось, как в космической пустоте. — Вячик начал зябко тереть голые локти.

— Ты там бывал раньше-то, в космической пустоте, чтобы сравнивать? — проворчал Арбуз.

— Два раза. На годовой контрольной по немецкому и когда сломал любимую универсальную отвертку папочки… — Да, у Вячика явно прорастало чувство юмора.

Мы постояли еще под громадным рельсовым кольцом, по-разглядывали. Над этим сооружением, над темными макушками сосен стояло очень синее небо. И выпуклые желтые облака передвигались по нему, как плавучие острова. Солнца они не закрывали.

— Давайте обратно, — решил Арбуз. — Ту дорогу мы без нашего Амура все равно не найдем, он знает какую-то хитрость…

И мы пошли через рощу. Никаких ориентиров

не было, просто мы чувствовали, в какой стороне Стекловск.

— Смотрите, — вдруг громко шепнул Ивка.

На толстом и сильно изогнутом стволе пониже густых веток висели круглые часы. Очень похожие на карманные (даже серебристая цепь тянулась в чащу кроны), только размером с таз.

— Ух ты! — Вячик присел от радостного изумления.

— Неужели идут? — снова шепотом спросил Ивка.

— Конечно. Секундная стрелка движется, — сказал Арбуз.

— Без пяти пять, — я глянул на свои часики. — Правильно.

— Кто же их заводит? — тихонько, даже с испугом спросила Настя. И поглядела на меня. Я глупо сказал:

— Наверно, на солнечных батареях. — Ясно было, что это не так. Это были просто часы какого-то великана из иного мира. Скорее всего они провалились сюда сквозь его дырявый карман.

— А вот посмотрим сейчас, что за батареи, — заявил Вячик. И поплевал на ладони.

— Не смей, — быстро сказал я. Потому что он мог разрушить… ну, не знаю что. Но мог. Мне

показалось — какую-то пирамиду, составленную из тончайших, невидимых стеклянных трубок…

Настя ухватила Вячика за рубашку.

— Сейчас получишь еще!

— Тетенька Настенька, я больше не буду!

— Дурень какой, сладу нет…

Оглядываясь на часы, мы пошли дальше, пересекли ложбину, поросшую высоким влажным папоротником и наконец оказались на краю рощи. Левее того места, где мы вошли в нее.

Город опять казался видимым сквозь волнистое стекло. Почти незнакомый, *нездешний.*

Я совсем уже было поверил этому сказочному превращению. Но встряхнулся. Не может быть сказки в той стороне, где Озм…

Мы тропинками и переулками спустились к речке. Пошли вдоль воды к Застеклянской улице. От воды попахивало чем-то вроде квашеной капусты. Короче говоря, отходами производства. Но все же Стеклянка была прозрачная, в ней водилась даже кое-какая рыбешка. И на глубоких местах купались.

Под ноги стала попадаться кирпичная крошка и битое стекло. До сих пор мы шли босиком, теперь пришлось обуваться. Прежде чем надеть кроссовки, мы сели на мостки для полосканья

белья, побултыхали ногами. Помахали ими в воздухе, чтобы обсушить. Когда вышли на берег, оказалось, что Ивка все еще сидит на мостках. На дальнем их краю. Согнулся. На спине его сияли солнышки и луны. Однако согнута спина была как-то невесело.

Я подошел. Настя за мной.

Ивка тихо болтал в воде ногами.

Настя сказала осторожно:

— Ивушка зеленая… ты чего над водой склоненная?

Он оглянулся, грустный такой. Мне показалось даже, что ресницы мокрые.

— Ивка, ты чего?

Другой бы набычился: «Ничего. Так просто…» А он сказал печально и честно:

— Вот… Мама и Соня сейчас как раз от города отъехали.

Я присел рядом.

— Ивка, они же ненадолго. Всего на две недели…

— Да… — Он рывком встал. Натянул кроссовки прямо на мокрые ступни. — Пошли…

У нашего дома, когда уже Вячик убежал в свой подъезд, Ивка вдруг взглянул на меня озабоченно:

— Алик… Я когда увидел те часы на сосне, сразу подумал про Геннадия Марковича. Надо навестить его и Арунаса. А?

— Завтра утром, — решил я.

Но все получилось иначе.

ВСЕМУ СВОЕ МЕСТО

Лифт опять не работал. Мы с Ивкой пустились вверх без остановки. И на девятом этаже гордо взглянули друг на друга — как альпинисты, взявшие штурмом вершину.

Я открыл дверь своим ключом. Было тихо. Бабушка куда-то ушла.

— Как же она подыматься-то будет? — забеспокоился Ивка.

— Может быть, она спит?

Тишина стояла в квартире. Знакомая, привычная, с еле слышным звоном в кухонном кране и урчанием старенького холодильника, который раньше жил у нас в саду. И... даже чересчур привычная. Словно в нее вплелось что-то давнее и родное...

Да! В бабушкиной комнате раздавалось знакомое «тик-так».

Я забыл об осторожности, всем телом открыл дверь.

Часы стояли слева от окна. Там же, где и раньше. Ровно ходил медный маятник. На нем качался ослепительный солнечный зайчик.

Ивка тоже сразу увидел часы.

— Вот это да…

— Ивка, я сейчас упаду.

Конечно, я не упал. Только отчаянно потряс головой, чтобы таким образом упорядочить пляшущие мысли и догадки. Но они заплясали еще сильнее.

В этот момент вошла бабушка.

— Ба-а! Откуда они?!

— Ума не приложу… — Лицо у бабушки было такое… ну, скажем, будто она встретила кого-то из давно умерших знакомых — живого и здорового. — Я ходила на почту, насчет пенсии. Вернулась, пешком забралась на эту высотищу, еле отдышалась, зашла к Надежде Петровне за ключом… Я его оставляла, потому что не знала, есть ли ключ у вас… А Надежда Петровна говорит:

«Вам вернули из магазина часы…»

«Как вернули? Они же проданы, я давно деньги за них получила!»

«Не знаю, — говорит, — два молодых человека доставили часы на верхнюю площадку. Сокрушались, что вас нет дома, попросили разрешения поставить пока часы ко мне. А я говорю: давайте сразу на место, у меня ключ есть…»

— Они внесли, поставили, запустили маятник

и уехали на маленьком грузовике. Надежда Петровна видела это из окна… Я звонила на работу маме и папе, но они тоже ничего не понимают…

«Еще бы!» — подумал я.

— Мало того! Я звонила в магазин. Они говорят: «Ничего не знаем…» А Надежда Петровна уже потом, задним числом, испугалась: а вдруг это какие-то злоумышленники? «Вы проверьте, — говорит, — а вдруг там какое-нибудь взрывное устройство?»

Мы с Ивкой переглянулись. Он не выдержал, заулыбался.

— Нет там взрывного устройства, — сказал я.

— Вы… что-то знаете?

— Мы… постараемся узнать. Скоро. Ивка, бежим!

И мы помчались к часовому мастеру Г.М. Тутарскому.

Геннадий Маркович не удивился нам. Только сказал:

— Признаться, я не ожидал, что вы появитесь столь стремительно. Думал — завтра…

— Геннадий Маркович, зачем вы… это…

— Вы имеете в виду часы?

— Ну а что же еще!

— Видите ли, у меня есть два знакомых моло-

дых человека — сын моего давнего друга и его приятель. Они работают в небольшой фирме, у них грузовичок, весьма удобный для перевозки таких деликатных, требующих осторожности предметов. Они давно говорили мне: «Геннадий Маркович, если потребуется, вы только скажите…»

— Геннадий Маркович… — почти со стоном сказал я.

— Ну да, ну да! Тебя, Саша, интересует, что меня побудило сделать такой слегка неожиданный шаг…

— Ничего себе «слегка»! Бабушка чуть не в обмороке!

— Да, — подтвердил Ивка. — Она ничего не может понять.

— Я попытаюсь объяснить… Видите ли, друзья мои, нынешнее время отличается крайней непрочностью. Разрушением устоев и хаотичностью процессов. Я выражаюсь несколько запутанно, однако… короче говоря, нашей жизни нужна стабильность. А стабильность — это когда все веши… или по крайней мере большинство из них находятся на своих местах. И я счел долгом внести в укрепление стабильности свой крошечный вклад. Вы же не будете отрицать, что

истинное место этих часов — в комнате твоей, Саша, бабушки…

— А… где место бронзовых часов с завитушками? Ну, тех, которые вы отдали за наши?

— А! Это не тема для разговора! Я их не любил. Их бронзовое оформление всегда представлялось мне сплошной эклектикой… Ты знаешь, что такое эклектика?

— Не-а… Я знаю, что бабушка ни за что не захочет принять такой подарок. У нее… характер.

— Характер бабушки я представляю по твоим рассказам довольно ясно. И питаю к ней самое глубокое, хотя и заочное уважение. Но ты скажи, что подарок этот я сделал не ей, а тебе… Или даже так. Пусть часы считаются моими, но стоят у вас. Из чисто технических соображений. Чтобы уважаемому Квасилию не требовалось пробираться ко мне, когда вздумается похулиганить. И чтобы тебе было удобнее снова запускать часы… И будем считать, что в этом вопросе поставлена точка!

Последние слова Геннадий Маркович буквально отчеканил. И я сразу понял: это и правда точка.

— А как вы узнали наш адрес?

— Весьма просто. Позвонил в комиссионный магазин, где ваша реликвия одно время стояла.

У меня там знакомый продавец, он не отказал в любезности…

— А где Арунас? — спросил Ивка. И я почувствовал, что спросить это ему хотелось давно.

— Арунас очередной раз починил брюки и отправился за хлебом и за картошкой. По моему поручению. Вы его дождетесь?

Я нерешительно глянул на Ивку. Он огорченно сказал:

— Мы бы с удовольствием. Но Ольга Георгиевна дома ужасно волнуется…

— Да, нам надо бежать обратно, — сказал и я.

— Жаль. Нэлик опечалится, когда узнает, что вы были и ушли.

— Но мы завтра обязательно с ним увидимся! Честное слово! Мы хотим… — Я опять посмотрел на Ивку. — Хотим позвать его в одно удивительное место.

— Да, — кивнул Ивка.

— Мы зайдем за ним утром.

— Прекрасно. Если можете, пораньше. Я буду спокоен, когда увижу, что он отправился гулять с вами, а не один… А к десяти часам я должен буду уйти, меня вызывают в военкомат…

— Зачем? — встревоженно удивился я. — Разве вы… разве у вас призывной возраст?

— Просто военное начальство хочет сделать то, что не сумело в свое время, полвека назад. Сказали, что тогда полагался мне орден Красной Звезды, но бумаги в ту пору затерялись.

— Геннадий Маркович, можно вас спросить?.. — Это Ивка. Он вскинул голову и смотрел с какой-то жалобной требовательностью.

— Что, мой хороший? Спрашивай, конечно…

— Правда, что солдатам потом всю жизнь снится война?

Я понял — это он о брате.

— Снится… Наверно, каждому по-своему. Я, например, редко вижу всякие там пожары и атаки. Обычно снится хитрый тикающий механизм. Я смотрю и не знаю, как отсоединить его от взрывателя… Я ведь на передовой-то в прямом смысле и не был, мы разминировали объекты в освобожденных городах… Да. А стрелять не пришлось ни разу. Воевал, можно сказать, пальцами… — Геннадий Маркович повертел перед собой длинными кистями рук. — Тогда-то и пригодилась впервые их природная чуткость… А механизм снится часто, да. Обычно я просыпаюсь раньше, чем успеваю что-то сделать. И думаю: однажды вот не успею ни проснуться, ни отсоединить…

— Вы прямо в точности моя бабушка! — в сердцах сказал я. — У нее любимая тема: «Мечтаю умереть во сне».

— А что! Право же, наилучший вариант… Впрочем, не будем.

— Да, не надо, — тихо попросил Ивка.

— Геннадий Маркович…

— Что, дорогой?

— Я… насчет часов. Я даже не знаю, как вас благодарить…

— Всё, всё, всё! Достаточно об этом. Как сказано в «Гамлете»: «Дальнейшее — молчанье…» Правда, там по другому поводу, но все равно…

И я сразу вспомнил зубного врача Игоря Васильевича.

Когда ехали домой, я не сдержал своих сомнений:

— Ивка, я все-таки не понимаю…

— Что?

— Почему он так? Всю жизнь мечтал о таких часах. И вдруг появляются незнакомые пацаны, и он им — нате…

— Но он же все объяснил! — Ивка смотрел ясно и убежденно.

— Про стабильность мира, что ли? По-моему, он это… нарочно мудрил.

— Просто дело в том, что он очень добрый человек, — твердо сказал Ивка.

«Он-то — да! Но почему эта доброта вылилась именно на меня? Я-то чем ее заслужил? Чем я хорош? Не герой, не талант, не какая-то там благородная личность… Вот если бы Ивка — это понятно. На него взглянешь — и сразу ясно: вот кто не умеет кривить душой! А я… Ведь мне порой стыдно заглядывать внутрь себя…»

И тем не менее врач Игорь Васильевич так возился со мной да потом еще не взял никакой платы… А отец Арбуза подарил рамку, над которой работал целый месяц… А сегодня — вот что!..

Конечно, каждый случай по отдельности можно объяснить вполне разумно.

У Игоря Васильевича было хорошее настроение, он пожалел напуганного пацана, дал ему кое-какой урок и, усмехаясь, наградил десяткой (сумма для зубного врача ничтожная).

Гошкин папа слегка размяк после выпивки и к тому же был счастлив, что отыскали его бродячего младшего сына…

А Геннадий Маркович, возможно, думает не только об устойчивости в нынешней жизни, а еще и о том, что мы позаботимся об Арунасе.

Это, наверно, так. Но это — не всё…

В голове у меня толкалась колючими углами запутанная геометрия пространств, причин и следствий. Разобраться в ней мне было не под силу. Ее, наверно, легко разгадал бы приятель Демида, ученый Федор Полянцев, но он, говорят, ушел по Дороге. А что могу я? У меня тройка по физике и математике…

Между двумя случаями, как между двумя точками, можно провести линию. Например, между Игорем Васильевичем и Стебельковым-старшим… А сегодня — еще одна точка. Если точек три, через них уже проходит плоскость…

Да, это хорошая плоскость! Площадь Доброты!

Но почему на этой площади оказался именно я? Разве я гожусь для нее? Или кто-то решил показать мне, что кругом — не только Озм?

Мы вернулись домой и все рассказали бабушке. Про мастера и про Арунаса. Мне было почему-то неловко, словно я провинился. И говорил я, кажется, сбивчиво. И когда замолкал, бабушка смотрела на Ивку. Он-то дополнял мой рассказ ясно и просто.

Когда мы кончили, бабушка с минуту протирала очки полою кофты. И, не надев их, сказала:

— Я очень хочу познакомиться с Геннадием Марковичем.

— Да это запросто! — почему-то обрадовался я.

— И кроме того, я хочу увидеть этого мальчика. Арунаса. Чем скорее, тем лучше. Приведите его.

— Ба-а! Завтра приведем! Утром!

Мы заехали за Арунасом, как договорились, в десять. А незадолго до одиннадцати — вместе с ним — опять были дома.

В трамвае Арунас вел себя нормально, а перед бабушкой притих, даже съежился.

Майка его была выстирана и выглажена, штаны заново заштопаны, но все равно пыльные и мятые, и левая штанина съежилась от крупных стежков на колене.

— Бабушка, вот это и есть Арунас, — сообщил я. Тоже с неловкостью.

— Я поняла. Здравствуй, Арунас, — бабушка была спокойна. И деловита. — Ивка и Алик, идите-ка, мои ненаглядные, мыть посуду. Арунас и я побеседуем в моей комнате… — Она уловила опасливый взгляд Арунаса. Объяснила без улыбки: — Ты мне расскажешь о себе. А Ивке и Алику второй раз слушать незачем, пусть похозяйничают на кухне. Идем…

Она взяла Арунаса за плечо, и он послушался.

Грязной посуды после завтрака было немного. Мы вымыли тарелки и кружки, вилки и ложки,

вытерли насухо, расставили и разложили. И все прислушивались: не откроется ли бабушкина дверь — знак, что беседа кончилась.

Но беседа не кончалась. Я нервничал: не слишком ли бабушка из Арунаса «вытягивает жилы».

Наконец не выдержал, стукнул в дверь:

— Ба-а! Ну, скоро вы?

Дверь тут же распахнулась.

— Что значит «скоро»? Мы можем и до ночи разговаривать. По-моему, мы, как собеседники, понравились друг другу. Так ведь, Нэлик?

— Ага… — сказал он из-за бабушки. Негромко, но без прежней робости. И вышел к нам. Лицо его было повеселевшее. Ну, не просто повеселевшее, а словно он хорошенько умылся холодной водой и крепко вытерся шероховатым полотенцем и теперь доволен этим, хотя вначале идти к умывальнику не хотел.

Бабушка деловито сообщила:

— Молодые люди, вы поразвлекайтесь дома, а я схожу в магазин. Ненадолго. Без меня — никуда…

— Почему? — набычился я.

— Потому. Не хочется оставлять квартиру без присмотра. Боюсь, что приду, а часов нет. Окажется, что приснилось…

Бабушка хитрила. И ясно было, что ее не переспорить.

Она ушла, а я включил видик и поставил кассету со старым фильмом «Остров сокровищ». Тем самым, где артист Черкасов и песня про сундук мертвеца.

Фильм шел полтора часа. Кончился, а бабушки все не было. Я не стал выключать кассету — после фильма шла запись с мальчишечьим хором, с песней про аистенка.

Ивке, как и мне, песня очень нравилась. А Арунасу… Я не понял. Он сидел с неподвижным лицом, не шевелился, только скреб пальцами заштопанную коленку. Но когда песня кончилась, он сказал шепотом:

— А можно еще раз?

— Конечно, можно!

И мы прослушали песню снова, втроем, теперь уже… как бы это сказать? С полной одинаковостью чувств!

А когда песня кончилась опять, пришла бабушка. Молча поманила Арунаса в свою комнату. Он пошел, оглянувшись на нас. Мы подождали минуту и просочились следом, поскольку прямого запрета не было.

Арунас, ежась и вздыхая, в одних трусиках

стоял перед бабушкой. Она прикидывала на него желто-красную клетчатую рубашку. На столе среди растрепанной упаковочной бумаги и шпагатов лежала стопка всякой одежды. Бабушка глянула на нас и небрежно сообщила:

— Я тут кое-что подобрала в «Детском мире» для Арунаса. На первое время…

Арунас смотрел в пол и переступал босыми ногами. Выговорил — и с неловкостью, и с радостью:

— Ничего себе «кое-что». Целый вагон… гуманитарной помощи.

— Ты не прав, — заявила бабушка, прикидывая на Арунаса сперва сизые джинсы, а потом коричневые шортики и футболку шоколадного цвета с мультяшным котом в сапогах на груди. — Совершенно не прав, друг мой. Гуманитарная помощь полностью бескорыстна, а ты… разве ты забыл, что обещал мне?

Ивка и я приоткрыли рты от любопытства. Бабушка значительно сообщила:

— Оказывается, мы оба любим кошек. И Нэлик сказал, что раздобудет для меня симпатичного котенка. Теперь-то уж я могу завести кота без всякой опаски.

Ивка заулыбался, он не понял последних слов.

А я хотел возмутиться: «Опять ты про свое!»

Но в этот миг затрезвонил телефон. Звонил Арбуз:

— Алька! В театре Демида пожар!

И мы трое рванули к Демиду.

ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ

Оказывается, театр загорелся перед рассветом. С двух сторон. Это был наглый поджог. Кто-то выбил стекла и бросил в окна склянки с горючкой.

К счастью, синьор Алессандро и Демид ночевали в театре. Они часто оставались там, засидевшись за работой до ночи. Огнетушителем они сразу сбили пламя в зрительном зале, у левого края сцены. Хуже дело обстояло в мастерской, в ней сильно пострадали декорации. Но и там Демид и Алессандро управились до приезда пожарных.

...Мы сидели на обугленных табуретках у закопченного камина и рассуждали: каким гадам это понадобилось?

— Ведь не фирма же здесь, не коммерческий магазин! — с сердитым пыхтением доказывал Арбуз. — Нет же у театра никаких конкурентов!

— Ну, ни капельки не понятно, кому это все могло мешать! — согласилась с ним Настя. — Это скорее всего просто бессмысленное хулиганство! Называется «немотивированное», потому что без причины.

Демид послушал наши бестолковые восклица-

ния и возмущения, потом обстоятельно разъяснил, что случайности тут нет никакой.

— Поджечь мог кто угодно. Во-первых, так сказать, по идейным соображениям. Городской союз «Офицерская слава» в своей газете возмущался, что мы в спектакле «Огниво» издеваемся над генералами и «воспитываем в детях негативное отношение к армии...». Несколько всяких «независимых предприятий» по-прежнему разевают рот на наше помещение. А фирма «Восход» очень даже мечтает устроить в нашем доме цех по выпуску моющих средств. А под этим соусом — и самодельного коньяка...

— В милицию заявляли? — хмуро поинтересовался Вячик.

— Заявляли, — покивал Демид. — Там обещали разобраться, как мы выполняем правила пожарной безопасности. «У вас, — говорят, — наверняка произошло самовозгорание, а теперь вы пытаетесь найти виноватых, чтобы оправдаться».

Вячик одними губами сказал нехорошее слово. Настя заметила, глянула. Он покраснел и надулся.

Ивка говорил мало. Арунас вообще молчал. Он сидел рядом со мной на уцелевшей от огня высокой скамейке (сделанной «под старину») и

болтал перемазанными сажей ногами. Недавно он активней всех (потому что новичок) работал тут, вытаскивал на двор обгорелые остатки декораций. При этом изрядно пострадали его обновки. Теперь он то вытаскивал из вельветовых шортов мелкие щепки-занозы, то помусоленным пальцем стирал с плетеных сандалеток золу и пыль.

Маргарита сказала ему, как давнему знакомому:

— У тебя на майке на плече дырка. Ну-ка, снимай. Настя, принеси нитки…

До обеда мы возились в театре, наводили порядок. Освобождали помещение от всякого хлама, чтобы не загорелось вновь. Демид всех (и себя) успокаивал:

— Ничего страшного. Подремонтируем, подкрасим, к осени сможем работать снова.

Но мы видели, что ремонт потребуется немалый — левая часть сцены пострадала изрядно.

А где брать деньги для ремонта?

— Как бы все-таки отыскать этих гадов? — то и дело вздыхал Арбуз, тяжело ворочая тюки и доски.

То же самое выговаривал он и во время перерыва, когда уселись пить чай с бубликами (их купила Маргарита).

Демид обмакнул в кружку сухой бублик и неторопливо рассудил:

— Если театру судьбой был предписан пожар, не так уж важно, кто его поджег. Мы думаем, что причина в злоумышленниках, а главное-то — сам пожар. Здесь опять возникает путаница причин и следствий. Она часто случается при деформации пространственно-временного континуума. А эта деформация чаще всего совпадает с переломными историческими периодами, вроде нынешнего.

Настя вопросительно посмотрела на Маргариту: не свихнулся ли Демид от нервного потрясения?

Ивка и Арунас моргали с откровенным непониманием. Николка с чмоканьем обсасывал бублик. («Это не только бублик, но еще и атолл на какой-то планете, покрытой океаном», — подумал я.) А синьор Алессандро покивал и заметил, что Демид при желании мог бы стать мировым светилом в области философии. Но лучше бы «светило» подумало, где взять деньги на ремонт.

— И о новой пьесе пора думать, — сказала Маргарита.

Демид сделал горькое и отрешенное лицо: что, мол, возьмешь с этих людей, неспособных

к серьезным рассуждениям. И затем посмотрел на меня: как бы с просьбой о понимании. И я опустил глаза — будто кивнул…

Когда мы уходили, я отозвал Демида в сторону и рассказал о своих сомнениях. О точках добра на плоскости, которая рассекает сумрачные пространства Озма. А с кем еще я мог поговорить про такое? Демид слушал серьезно. И серьезность была настоящая, со спокойным таким разумением. Потом он сказал:

— Мысли у тебя интересные. Мой друг Федя любил говорить про такое… Но почему ты думаешь, что все точки добра лежат на одной плоскости? Может быть иначе. Они на разных уровнях, но соединяются особыми линиями — связями понимания и доброго взаимодействия… И, может быть, эта конструкция создает жесткий каркас.

— Зачем?

— Он как бы распирает пространство мрака, борется с

Озмом. Не дает ему сплющить, раздавить нас всех… Непонятно, да?

Если бы кто послушал со стороны, решил бы, наверно, что рассуждают два сумасшедших. Но мне было понятно. Я прикрыл глаза и увидел желтые шарики-огоньки, соединенные будто

бы стеклянными спицами. Похоже на модель кристалла. И на эту хрупкую конструкцию со всех сторон давила липкая и густая, как гудрон, тьма. Прозрачные спицы дрожали и еле слышно звенели. Выдержат?

Господи, выдержат?!

— Может быть, я рассуждаю примитивно, — сказал Демид, — но мне кажется так: чем больше добрых дел, тем прочнее этот каркас. Тем больше надежды…

— Но я-то при чем? — тихо спросил я. — Как я там оказался? Там… в этом каркасе… должны быть только хорошие люди. Крепкие…

— А ты чем плох?

«А я трус. И вообще… столько всего на душе. Все вспомнишь, так не отмоешься. Столько пакостных мыслей, что никому не расскажешь. И сны всякие дурацкие… И шкурник я: о себе в тысячу раз волнуюсь больше, чем о других. Отца с матерью не пошел даже на вокзал провожать, когда уезжали в Подмосковье: помахал из окошка и помчался к Стебельковым».

Я не стал, конечно, каяться перед Демидом, только пожал плечами. И он опять все понял.

— Ты, Алька, хорош тем, что соединил многих. Смотри, ведь благодаря тебе сошлись в одну ком-

панию такие разные люди: Гошка с Николкой, Настя, Вячик, Ивка… И Арунас вот теперь… И в театре у нас вы все оказались благодаря тебе…

— Вот уж нет! Это благодаря Николке!

— Николка — это следствие, — усмехнулся Демид. — А причина в тебе.

Это было уже совсем непонятно. И я полушутя огрызнулся:

— Причины и следствия часто перепутываются.

Демид не возразил, только растрепал мне волосы.

МАРШРУТ 123

Я напрасно думал, что ребята ничего не поняли в разговоре о причинах и следствиях. Кое в чем они разобрались.

В этом я убедился, когда мы опять отправились в Завязанную рощу, а потом на старую дорогу.

Никого там не было, Дорога принадлежала нам. Именно так я думал про нее: *Дорога.*

Мы пошли на эту прогулку всей компанией.

Настя сперва не хотела идти. Она собиралась к Маргарите, чтобы «обдумать сюжет новой пьесы». Они обещали синьору Алессандро сочинить сказку, а он должен был потом ее обработать. Настя даже поделилась с нами замыслом: в сказке будут два враждующих королевства и в одном принц, а в другом принцесса, которые подружились.

— Очень оригинально, — сказал Вячик. — Еще одна трагедия про несчастных Ромео и Джульетту.

— Или сказка «Рони — дочь разбойника», — вставил Арбуз.

Настя заявила, что мы ничего не соображаем. Есть на свете вечные сюжеты. Главное — как

такой сюжет подать в новой пьесе.

Вячик сказал, что поскольку этот сюжет вечный, то никуда не денется, если Настя прогуляется с нами. Нечего ей отрываться от коллектива. И она неожиданно согласилась.

На Дорогу нас вывел Николка. Сказал, что мы должны ступать за ним «пятка в пятку», а не искать другие пути, раз «такие большие, а понятия нету».

Оказалось, что пробираться надо обязательно между сараем и трансформаторной будкой, через колючки. И никак иначе. Потому что только там *«они забыли перекрыть проход»*. Ну, мы не спорили…

В роще было душно, а на Дороге — свежий и влажный запах трав, будто сейчас не полдень, а все еще раннее утро.

Мы прошагали между откосов и оказались на просторе. И было такое чувство, словно все плохое осталось позади.

— Мы ушли из… — шепотом начал Арунас и замолчал. Он шел рядом со мной.

— Из чего ушли? — так же тихо спросил я.

— Не знаю. Но ушли…

«Из Озма», — подумал я. И повторил вслух.

— Откуда? — не поняла Настя.

— Из Озверелого мира, — сказал я. И приготовился объяснять, что такое Озм.

Но никто не переспросил. Будто сразу про все поняли. А может, и правда поняли?

Мы дошли до кривого упавшего столба с доской на железном штыре. Снова попытались разобрать надпись, но не смогли — краска вся облупилась.

Арбуз присел над доской на корточки. Сосредоточенно поскреб макушку. Зашарил в просторных карманах. У него там чего только не было. Он вытащил два длинных мелка — белый и темно-розовый.

Сопя, не оглянувшись на нас, Арбуз вывел на обшарпанной поверхности три буквы: «ОЗМ». Потом перечеркнул их розовой широкой полосой. И тогда разъяснил:

— Красная полоса означает: «Выезд из...» Или уход. Здесь мы уходим из Озма. Ясно?

Нам было ясно. Только Вячик сказал чуть капризно:

— Такой столб надо ставить раньше. Перед рощей.

Но Арбуз возразил, что Завязанная роща лежит еще в черте города. Там бываем не только мы. А здесь уже полностью наше пространство.

Настя встревоженно напомнила:

— Но ведь на таких указателях надпись бывает с двух сторон. При выезде она с красной полосой, а при въезде — без.

— Сделаем и с другой стороны, — деловито пообещал Арбуз.

Тогда маленький Николка сердито дернул его за воротник:

— Не надо!

— Потому что, когда мы будем идти обратно, получится, что мы возвращаемся в Озм, — сказал я.

— А разве это не так? — вдруг шепотом спросил Арунас.

— Это… может быть, и так. Но зачем лишнее напоминание?..

— Лучше придумаем другое слово. Для обратной стороны, — предложил Ивка. И глянул на меня: правильно? Я кивнул.

— А какое слово? — спросил Арбуз.

И теперь на меня смотрели все.

— Не знаю, — растерялся я. — Можно ведь не сейчас…

Арбуз покладисто спрятал мелки. И ухватился за столб.

— Надо поставить. Видите, тут и яма от него сохранилась.

Неподалеку чернело в траве круглое гнездо.

Арунас нашел сухой стебель бурьяна, сунул в дыру, чтобы смерить глубину. Оттуда выскочила серая лягушка. Настя завизжала. Вячик ненатурально захохотал. Арунас не испугался.

— Хорошая глубина. Давайте втыкать.

Гошка, я и Вячик подняли столб и поставили на прежнее место. Из ямы с чавканьем вылетели брызги, ударили по ногам.

Мы повернули столб так, чтобы перечеркнутый «ОЗМ» смотрел в сторону города.

Нам казалось, будто мы сделали что-то важное. Может быть, даже слегка колдовское. Мне подумалось, что в каркасе добра появилась еще одна теплая светящаяся точка и соединилась с другой точкой хрустальной спицы.

— Надо засыпать землей и утрамбовать, — посоветовал Вячик. Сам, правда, не двинулся с места.

Ивка и Арунас тут же отыскали в траве ржавую лопату без черенка, вырубили кусок дерна, наскребли из-под него рыхлой земли. Им усердно помогал Николка. Землю насыпали в яму, утоптали.

— Теперь годится, — заявил Вячик, словно был тут главный работник. Но я на него не злился. Вот ни чуточки.

Потом пошли мы дальше. По Дороге. Ивка и

Арунас шагали впереди. Они были одного роста, оба светлоголовые. Только Ивка — разноцветный, с веселыми лунами и солнышками на одежде, Арунас же весь коричневый. Просто как в телерекламе — «покрытый толстым слоем шоколада». Самый загорелый из нас, и шорты с майкой тоже коричневые…

Николка догнал Ивку и Арунаса и пошел вместе с ними. Они взяли его за руки.

За этой тройкой шли рядышком Настя и Вячик. Настя вертела головой, поглядывала по сторонам. Вячик смотрел под ноги и неумело свистел. Мы с Арбузом шли последними. Путалась под ногами трава. Колеи густо заросли мышиным горохом. Кое-где краснел клевер и торчали редкие ромашки. А по обочинам стояли высокие лиловые колокольчики.

— Здесь, наверно, никогда не ходили машины, — сказал я.

— Откуда же колеи? — возразил Арбуз.

Вальдштейн оглянулся.

— Колеи от карет, — сообщил он. — Здесь в позапрошлом веке ездили дворяне в париках и камзолах. А их подкарауливали разбойники… Анастасия, ты не боишься?

— Боюсь. За тебя. Что ты свихнулся…

Оказалось, что автомобили здесь когда-то все же ходили. Через сотню шагов мы нашли еще один брошенный столб. Длиннее прежнего, с железной табличкой на кронштейне. На табличке сохранилась чешуйчатая желтая краска и остатки черной буквы А.

— Давайте поставим и его! — почему-то сильно обрадовался Арунас.

— Зачем? — сказал Вячик.

— Потому что тогда будет автобусная остановка, — веско разъяснил Николка.

Вальдштейн хихикнул:

— Думаешь, будет остановка, значит, и автобусы появятся?

Вот тут-то Арбуз и вспомнил «философию»:

— А кто знает? Может, здесь особое место, где перепутались причины и следствия. Обычно бывает так — пускают по маршруту автобус и поэтому делают на дороге остановки со столбами. А тут наоборот: сделаем остановку, и появится автобус.

— Ура, — шепотом сказал Николка.

— Дурни вы, — сообщила Настя. Но, по-моему, с одобрением.

И опять вмешался Вячик. Но уже без насмешки, с опаской:

— А зачем нам тут автобус? На *нашей*Дороге?

«Да, правда, — подумал я. — Появятся люди, прогонят сказку». Но рядом оказались Ивка и Арунас.

— Может, это будет особый автобус, — высказал догадку Ивка. И глянул на меня: «Правильно?!»

— Да! — обрадовался я. — И можно будет путешествовать в дальние дали…

— Лишь бы не появились блокпосты, — сказал Арунас.

— Что? — не понял Николка.

Арунас объяснил:

— Где ходят автобусы, иногда бывают блокпосты. И с них стреляют.

Николка покачал головой:

— Не-а, тут не будут…

— Только указатель должен быть настоящий, — решил дотошный Арбуз. — Давайте завтра придем с краской и все сделаем по правде.

Назавтра Арбуз прихватил сумку — в ней баночки с нитрокраской и кисти. И мы опять пришли на Дорогу. Правда, не было с нами Насти и Николки. Настя осталась с Маргаритой сочинять сказку. А Николку родители увезли в гости к тетушке. Но теперь мы нашли путь без него. И скоро оказались у столба с перечеркнутой

надписью «ОЗМ». Решили для начала как следует покрасить этот указатель. Но каким образом? Не выкапывать же столб снова!

— Кто из нас художник? — сказал Арбуз. — Пускай забирается на меня.

— Можно я? — вскинул руку Арунас.

Он сбросил майку и штаны, чтобы не заляпать краской, сел на плечи крепкому Арбузу и быстро покрыл таблицу-доску белилами. Нитрокраска сохла моментально. На белом слое Арунас вывел три черные буквы: «ОЗМ». А потом из угла в угол пересек их пунцовой полосой.

Теперь указатель выглядел совсем как настоящий.

Мы полюбовались и зашагали дальше.

Над табличкой автобусной остановки Арунас возился дольше, хотя она и была вместе со столбом на земле. Пришлось этот столб (увесистый, из железной трубы) переворачивать, чтобы выкрасить указатель с двух сторон. Затем Арунас нарисовал на желтом фоне черный силуэт автобуса и большую букву А.

— Теперь надо номер маршрута, да?

Мы запереглядывались. Номер, конечно, нужен, но какой?

— Какой-нибудь, которого нет в городе, — ска-

зал я. — Чтобы никто не спутал.

— Тогда из трех цифр, — посоветовал Ивка. — Верно… Алька? Таких номеров у нас в городе точно нет.

— Сто двадцать три, — сказал я.

— Почему сто двадцать? — с подозрением спросил Вальдштейн.

— Да нипочему. Просто по порядку: один, два, три!

И все согласились, что это число годится. Даже Вячик.

Арунас написал цифры — тоже с двух сторон. А после этого мы долго возились с установкой столба. Гнездо его у края дороги мы отыскали, но оно сильно осыпалось и заросло. Пришлось чистить и углублять палками и руками.

Поднять и укрепить железный столб тоже оказалось непросто. Но мы в конце концов справились.

Табличка с буквой А и маленьким автобусом празднично зажелтела на фоне листвы — здесь росли несколько высоких берез.

И опять нам показалось, что мы сделали важную работу. Конечно, это была игра, но в ней чудилось что-то необычное. Словно мы помогали сказочному пространству вернуть его прежнюю

силу.

— Ладно, пора домой, — решил наконец Арбуз.

— Не… Давайте еще постоим тут, — попросил Арунас.

— Чего еще стоять-то? — сказал Вячик.

Арунас ногтем отскребал от голой груди желтые и черные капли краски. Не поднимая головы, объяснил:

— А вдруг… автобус поедет…

Мы засмеялись, но необидно — Арунас это понял. И мы постояли еще минут десять. Конечно, никакой автобус не появился, но ждать нам было не скучно. Мы бы и еще стояли, но Арбуз глянул на часы и сообщил, что скоро вернутся домой родители.

— А я еще не почистил картошку для ужина…

Мы сказали, что почистим вместе — работы будет на пять минут…

После этого мы несколько дней не ходили ни в Завязанную рощу, ни на Дорогу. То Арбузу было некогда (помогал отцу обрабатывать деревянные заготовки), то Вячика сердитая мать засадила дома. А Настя все занималась сочинительством.

Ивка, я и Арунас ходили купаться к запруде на Стеклянке, ездили в парк, на аттракционы. А иногда просто сидели в моей комнате и смот-

рели диснеевские видики или болтали о том о сем. Арунас, правда, не очень-то болтал, он был молчаливый. Но он все время был с нами. Только вечером мы провожали его до трамвая.

Но вот наступил день, когда мы снова собрались вместе. И двинулись знакомым путем. Дорога тянула нас к себе…

ДИНЬ-ДИМ

Мы дошли до столба с автобусной табличкой, и тогда Ивка предложил:

— Давайте отдохнем здесь.

— Ты что, устал? — хмыкнул Вячик.

— Нет. Но здесь же *остановка.*Значит, надо постоять. Подождать.

Вячик хмыкнул опять:

— Чего подождать?

— Того самого, — сердито сказал я. — Автобуса. Ну, давай, Вальдштейн, хихикай…

Он пожал плечами: чего, мол, ты на меня взъелся?

Никто больше не спорил. Мы уселись неподалеку от столба на плоском камне-граните. Его округлые бока прятались в траве, а бугристая спина была подставлена солнцу. Искрились впаянные в серую поверхность чешуйки слюды.

На поверхности виднелись впадины, похожие на отпечатки маленьких растопыренных ладоней. Арбуз сказал, что они напоминают полустертые письмена древней цивилизации. Вальдштейн возразил, что это бред сивой кобылы. Он имел в виду не вмятины, а слова Арбуза.

Настя сказала, что Вальдштейн — скучный человек, это во-первых. А во-вторых, здесь не письмена, а следы доисторических птиц или карликовых ящеров.

Вальдштейн пообещал, что сейчас такой ящер высунет голову из-за куста и ухватит Настю за ногу.

— Вот так!

— А-а!.. Дурак…

Арунас ничего не говорил. Встал коленками на гранит и осторожно гладил его.

А Николка сообщил свою версию. Очень увесисто:

— Это детский сад приходил на прогулку. И дети ладошками обделывали камень, чтобы он стал ровнее.

— Такую твердятину! — не поверил и возмутился Вячик.

— Это было давно. Когда камни были мягкие…

— С тобой не соскучишься, — вздохнул Арбуз. С усмешкой, но вроде и с похвалой.

— Но сейчас-то сюда детский сад не водят на прогулки? — серьезно спросила Настя.

— Сейчас нет, — в тон ей ответил Николка.

— Водят, — без выражения возразил Вячик. — Вон один детсадовец шагает. Глядите.

Мы поглядели.

— Ложись, — шепотом скомандовал Арбуз. Мы не то чтобы совсем легли, но укрылись за камнем в зарослях белоцвета. Конечно, мы не испугались. Но разом поняли, что не надо выдавать себя раньше времени.

«Детсадовец» был шагах в двадцати от нас. Этакий кроха-пастушонок в сизой, полинялой одежонке и с головой цвета спелого овса. Он кого-то вел (или, скорее, тащил) на веревочке. Какое-то невидимое в траве существо размером с котенка. От этого существа или от самого пастушонка доносился еле слышный переливчатый звон.

— Что делать? — шепнул Вячик.

Мне почудилось в его шепоте что-то охотничье.

— Ничего! — огрызнулся я. — Пусть идет. Играет, наверно, незачем мешать…

— У него свои дела, у нас свои, — рассудительно сказал Ивка. — Пусть пройдет куда надо, а потом уж двинемся мы…

Мальчик шагал в ту же сторону, куда лежал наш путь.

— Так и прятаться, что ли? — пробубнил Арбуз. — Давайте покажемся. Чего такого?

Арунас проговорил с хмурой уверенностью:

— Он испугается.

— Чего?! — ненатурально возмутился Вячик. — Мы разве бандюги какие-то?

— Некоторые похожи, — вставила Настя. — Тощие, ободранные, в пятнистых штанах… Идет малыш один-одинеше-нек, и вдруг вылезают такие… Ивка, иди сначала ты.

Это она умница! Ивка никого не мог напугать. Наоборот! Если он кому-то улыбался, ему сразу улыбались навстречу.

Ивка не спорил. На четвереньках добрался до обочины, встал среди белоцвета и неспешно вышел на колею.

Звенящий мальчик был уже шагах в десяти. Шел медленно, с опущенной головой и словно что-то бормотал под нос.

Потом он увидел Ивку. Встал на месте. Ивка сделал несколько шагов и остановился тоже.

Мы видели Ивку со спины, однако знали, что он улыбается. И незнакомый мальчик если и встревожился, то лишь на секунду. Ничего не мог ему сделать этот встречный мальчишка с таким дружелюбным лицом, с лунными и солнечными рожицами на штанах и рубашке.

Но ответной улыбки у «пастушонка» все же не было. Он смотрел выжидательно.

— Здравствуй, — сказал Ивка.

Мальчик в ответ нерешительно шевельнул губами.

— Играешь? — спросил Ивка.

И мальчик ответил погромче:

— Ну да… А что?

— Да ничего. Просто услышал, как кто-то звенит. И решил посмотреть…

— Это я звеню… Я думал, здесь вокруг никого нет… — кажется, «пастушонок» чего-то застеснялся.

Ивка понимающе кивнул:

— Здесь почти не бывает людей. Мы, кроме тебя, никого еще здесь не встречали.

Мальчик опять насторожился:

— Кто «мы»?

— Я и мои друзья… Ты не бойся, никто тебя не обидит. Наоборот…

Что значит «наоборот», было, наверно, не очень-то понятно. Однако мальчик вдруг улыбнулся. Чуть-чуть.

— А где твои друзья?

Ивка сказал честно:

— Спрятались за камнем, чтобы не мешать тебе. Может, ты решил погулять один и не хочешь никого видеть… Или хочешь?

Мальчик переступил с ноги на ногу (что-то динькнуло опять), подумал и кивнул.

Тогда мы тоже вышли из укрытия. Сначала Настя и Ни-колка — они держались за руки. Следом двинулись Вячик и я, а потом уж Арбуз — самый большой и «грозный».

Курносое мальчишкино лицо опять стало напряженным. Но ненадолго. Потому что Настя спросила:

— Как тебя зовут?

— Дима… Или — Дим…

Нет, он не был детсадовским мальчиком. Роста небольшого, но видно, что уже школьник. Во второй, а может, и в третий класс перешел. Лицо круглое, а глаза — как осколки коричневого стекла. С искорками на изломах. Искорки появились, когда Дим совсем перестал бояться.

К его полинялой футболке и к таким же тренировочным штанам пристали мелкие листья, травинки и всякие колючие семена. Штаны были подвернуты выше колен. Под правой коленкой — ремешок вроде щенячьего ошейника. От ремешка отходила в сторону короткая жестяная полоска. На ней висел блестящий колокольчик — вроде тех, что рыбаки привязывают к удочкам.

Вячик слегка нагнулся. Спросил без насмешки,

серьезно так:

— Зачем тебе звонок-то?

— Ну… это чтобы не так одиноко было на дороге. А то ведь иногда такая тишина… — Дим доверчиво обвел нас глазами-осколками. — Я понятия не имел, что здесь ходит еще кто-то, кроме меня…

Это у него так по-взрослому получилось: «понятия не имел»…

Мы все улыбнулись помаленьку, и я сказал — так, чтобы продолжить разговор:

— Есть слухи, что раньше сюда водили на прогулку детский сад.

Он кивнул:

— Ну да… Только это очень давно. Когда еще камни были мягкими от солнца.

Мы запереглядывались. Все, кроме Николки. У него лицо было спокойным и довольным.

Спрашивать Дима о мягких камнях мы не стали: не решились или постеснялись почему-то. Да и без того было о чем спросить.

Ивка присел на корточки.

— Зачем тебе третий глаз, Дим?

Глаз был нарисован синим фломастером на левой Димкиной коленке — широко открытый, с похожими на палочки ресницами.

Этот пастушонок шмыгнул носом, переступил

в траве расхлябанными сандалетками и признался, глядя в сторону:

— Это… чтобы лучше видеть дорогу. Он ведь ближе к земле.

Мне показалось, что все засмеются. И я напрягся. Но смеха не было. Арбуз одобрительно сказал:

— Ну, ты, видать, предусмотрительный парень.

— Ага… — тихонько вздохнул Дим.

— Значит, этот глаз по правде видит? — спросил Вячик. Не поймешь — с ехидцей или без.

Дим глянул на него слегка удивленно:

— Разумеется.

— А если по нему хлестнет травой? — озабоченно спросил Ивка.

Он все еще сидел на корточках и снизу вверх глядел в лицо Диму. Тогда тот негромко засмеялся:

— Ну и что? Он зажмурится.

Засмеялись и мы. И Настя взяла Дима за руку, в которой он держал шпагат.

— А кого ты водишь на веревочке? Теленка или овчарку?

— Нет, что вы! Это… вот! — Дим потянул, и к нам вылез из травы игрушечный автобус.

Он был жестяной, помятый, с облезлой желтой

краской. Длиной со взрослый башмак. В некоторых окошках были стеклышки, а в других — пусто.

Мы все присели вокруг игрушки. Пожалуй, с преувеличенным интересом. Просто нам нравился этот маленький путешественник и хотелось показать, что все его дела мы принимаем всерьез.

— Старая конструкция, — заметил Арбуз. — Ветеран автомобильного парка.

— Конечно! — звонко согласился Дим. — Им еще мой дедушка играл. Но другого у меня не нашлось…

— А тебе, значит, обязательно надо ходить с автобусом, — понимающе сказала Настя.

— Ну, разумеется! Это же не просто же так! Вы же видели здесь автобусный столб. И табличка на нем новая! А никакие автобусы здесь не ездят, это же ясно! Вот я и решил: раз есть автобусная остановка, значит, и автобус должен здесь ездить. Пускай хоть такой. Потому что должно… все совпадать друг с другом… Чтобы на свете было равновесие… — При последних словах Дим опять засмущался, нагнулся и начал гладить автобус, будто кошку.

Мы снова переглянулись. Арбуз сидел на кор-

точках рядом со мной. Сказал мне на ухо:

— Наш человек.

Я кивнул. И тронул хозяина автобуса за плечо.

— Дим… А далеко ты ездишь по этой дороге?

— Нет. Я далеко отсюда еще не бывал… Я каждый день хожу на сорок шагов дальше, чем в прошлый раз, и делаю остановку…

«Наверное, одному все же страшновато», — подумал я.

— Дим, а можно мы будем ходить с тобой? Вернее, ездить? Ты будешь водитель, а мы твои пассажиры…

Мне показалось, Дим насупился в ответ. И я хотел уже сказать: «Но если не хочешь, не надо. Гуляй как раньше…» Но он вдруг засветился улыбкой:

— А вам хочется?

— Конечно, — солидно ответил за всех Арбуз.

— Ладно! И мы каждый день будем делать открытия. И отмечать новые остановки…

В тот день мы ушли недалеко. Первое открытие случилось метров через сто. На обочине мы нашли сломанное деревянное колесо. Вроде тележного, но раза в два больше. Его железный обод совсем проржавел. А деревянные спицы были точеными, как у штурвала.

Мы решили, что это колесо от старинной кареты. А от чего же еще? Какие-то путешественники потеряли его лет двести назад. Может быть, спасались от разбойников…

— Или от нечистой силы, — добавил Вячик.

Настя поежилась и показала ему кулак.

Мы подняли колесо, прислонили его к березе, слегка почистили. И решили, что это место будет называться «Колесо кареты».

Потом зашагали дальше. Дим — впереди. Автобус его путался в траве и, случалось, переворачивался вверх пластмассовыми колесами. Дима это не расстраивало. Он шагал деловито, колокольчик на его ноге динькал неутомимо и переливчато.

— Ты не просто Дим, — сказала Настя. — Ты Динь-Дим.

— Да, — согласился он, не оборачиваясь. И остановился. Из березняка вышла косматая рыжая собака. Большущая. Встала на нашем пути и смотрела на нас. Мы подождали, когда появится хозяин. Однако никого больше не было. Наверно, собака путешествовала сама по себе, как мы. Она была явно не из тех домашних собак, которые боятся загадочных мест.

— Иди сюда, собачище, — позвал Ивка.

Собака махнула хвостом и пошла. Но не к Ивке, а сперва к Диму. Лизнула его колено. Дим бесстрашно потрепал ее по загривку. Мы тоже.

— Пойдем с нами, — предложил собаке Ивка.

Но та, извиняясь, опять махнула хвостом. У меня, мол, свои дела. И неторопливо ушла в кусты на другом краю дороги.

Мы договорились, что на этом месте будет еще одна автобусная остановка. Под названием «Рыжая собака».

— Смотри, она размазала языком твой глаз, — вдруг встревожился Николка.

— Ой, да! А я-то думаю, почему трава видится так неясно!.. И поправить нечем, фломастер я не взял…

— Дома поправишь, — решила Настя. — По-моему, нам уже пора домой. Тебе, Дим, наверно, тоже. А то как ты без глаза-то?

— Да, — кивнул он.

Мы пошли обратно и расстались с Димом шагах в сорока от забора. Отсюда сквозь густой подлесок уходила незаметная тропинка. Дим сказал, что она ведет в поселок Соломино. В тот, где сельский кооператив «Ясные зори».

— Совсем недалеко. Я там и живу.

Мы никогда не слышали про Соломино и «Яс-

ные зори». Хотя, если верить Диму, поселок лежал всего в километре от Завязанной рощи. Но удивляться и переспрашивать мы не стали. Ивка спросил про главное:

— Дим, а ты еще придешь на нашу Дорогу?

— Да! Завтра же!.. И вообще я буду приходить тогда же, когда вы.

— А как ты узнаешь, когда придем мы? — придрался Вячик.

Дим качнул ногой с колокольчиком.

— Он скажет. Зазвенит…

Всерьез он это или пошутил, непонятно. Мы, однако, поверили.

Мы пошли в рощу, а Дим стоял по пояс в траве и махал нам, пока его не заслонил забор.

Через рощу мы шли молча. Наверно, каждый вспоминал Динь-Дима. По-моему, всем было хорошо оттого, что повстречался нам этот путешественник с маленьким автобусом.

Я вспомнил, как он, прощаясь, держал автобус у груди и гладил его, будто котенка.

— Эй, Нэлик! А ты ведь обещал бабушке котенка раздобыть!

— Я и раздобыл, он у деды Гены. Хочешь, пойдем сейчас и возьмем?

Котенок был маленький, недель пяти от роду.

Пушистый, желто-песочного цвета. Резвый, но и ласковый. Покусал меня за палец зубами, мягкими, будто вареные рыбьи косточки, а потом пристроился на плече и замурлыкал.

Бабушка обрадовалась котенку. Долго гладила по голове насупленного от смущенья Арунаса. Потом дала нам по большущему яблоку.

— А как, друзья, мы назовем этого красавца? Учитывая тот факт, что он будущий кот…

— Давайте «Буська»! От слова «бус». «Бус» — это по-английски «автобус». А этот зверь — желтый, как автобус Динь-Дима!

Арунас обрадованно закивал. Бабушка не поняла, кто такой Динь-Дим, но имя ей тоже понравилось.

Она унесла Буську на кухню — кормить молоком — и оттуда сказала:

— Мама и папа звонили.

— Ну и как там у них?

— Все в порядке. Я сказала, что и у нас все хорошо.

— Правильно… Алексей с ними?

— Нет, он вернулся домой. Хочет поступать в политехнический институт… Если не поступит, осенью могут взять в армию. А на Юге опять перестрелки, взрывы.

— Озм…

— Что?

— Так, ничего… Ба-а… — Я остановился в дверях кухни.

— Что? — Бабушка, нагнувшись, тыкала Буську в блюдце с молоком.

«Может, я правда окончательный трус?» — хотел спросить я.

Но бабушка скажет: «Ты боишься армии? Не бойся. Через три года она будет уже добровольной…»

«Господи, да не армии я боюсь, а Озма…»

И что она скажет в ответ?

ОТКРЫТИЯ

Постепенно это стало нашей жизнью — Роша, Дорога. Вернее, половиной жизни. Но главной половиной. Дома, в Стекловске, мы жили обыкновенно: занимались домашними делами, бегали купаться к запруде, помогали ремонтировать театр Демида. Но как только выдавалось свободное время, уходили *туда.*И делали там Открытия.

Дим оказался очень надежным человеком. Ни разу не подвел нас, если уговаривались о встрече. Обязательно ждал нас у столба с желтой табличкой, и помятый жестяной автобус всегда был при нем.

А если мы приходили на Дорогу без предварительного уговора, Дим все равно ждал.

Дим серьезно протягивал каждому из нас прямую твердую ладошку:

— Здравствуй… Здравствуй… — Потом поправлял под коленкой колокольчик и деловито спрашивал: — Поехали, да?

И мы «ехали». То есть неторопливо шли за Димом и его автобусом, который иногда застревал в мышином горохе и порой перевертывался. Мы ставили автобус опять на четыре колеса и шли

дальше.

Арунас при этом иногда насвистывал песню про аистенка. Он очень точно свистел этот мотив. Бабушка сказала бы, что «у мальчика абсолютный слух». Свист был негромкий, никому не мешал, не надоедал. Иногда бывает, что, если слышишь все время одну и ту же мелодию, она в конце концов начинает раздражать. А здесь — ни чуточки. Наоборот, «Аистенок» сделался как бы одним из признаков этих мест. Ну, так же, как лиловые колокольчики по обочинам, запах влажной травы и безлюдье…

Нам было хорошо всем вместе в те дни. Жаль только, что

Настя редко бывала с нами. Но… нет худа без добра. Вячик сделался веселее и добрее. Не хмыкал, не выпускал колючки. Потому что не перед кем было показывать себя.

А Настя с Маргаритой сочиняли сказку для театра. Синьор Алессандро торопил их. Они должны были, написать «литературный текст», а Синьор переделать это сочинение в пьесу.

Признаться, я не понимал, какая из Насти писательница. Она и коротенькое-то сочиненьице в школе еле-еле могла из себя выдавить. Так я однажды и сказал. Но Маргарита ответила, что

Настя вдохновляет ее своим присутствием и подает иногда свежие мысли.

Мы уже знали, что пьеса будет называться «Сказка двух королевств» и что в ней будут принц и принцесса, которые… ну, да это ясно. Ясно и то, что Пшеницына роль принцессы прикидывала на себя. Я однажды не выдержал, поддел Вальдштейна:

— Тебе в этой сказке быть принцем сама судьба велела.

Он не разозлился, только пошутил:

— Из меня артист, как из тебя директор цирка.

Я не понял, почему «директор цирка». Может, из меня как раз хороший цирковой начальник получится, когда вырасту. Но спорить я не стал. И расти я, к тому же, не хотел…

Да, но я же начал рассказывать про Открытия! Про те, что на Дороге…

Каждый день мы вслед за Димом уходили дальше, чем накануне. Шагов на сто или двести за остановку, которую нашли и которой дали имя в прошлый раз — пока не найдем еще что-нибудь интересное.

Про «Колесо кареты» и «Рыжую собаку» я уже рассказывал. Затем был «Дракон Вася» — сухая изогнутая береза с отростком, похожим на драко-

нью голову. Арбуз сказал, что потом обработает «эту башку» и на ней появится симпатичная морда динозавра.

Затем — «Локомобиль». Это такая машина, похожая на старинный паровоз. Без колес, но с громадным маховиком на боку — для передачи энергии всяким другим механизмам и приборам.

Локомобиль был ржавый. Но маховик все же повернулся, когда мы все повисли на его чугунной спице. Мы обрадовались, крутнули сильнее. И еще. И наконец так разогнали колесо-громаду, будто внутри у машины уголь и пар. Маховик вертелся, словно его смазали только накануне.

И — хотите верьте, хотите нет — эта штука медленно крутилась еще и на другой день, когда мы проходили мимо — до следующей остановки.

— Вот это инерция! — восхитился Арбуз.

Вячик сказал, что это не наших рук дело. Просто кто-то недавно побывал здесь и тоже вертел маховик. Но мы не поверили. Никого никогда мы здесь не встречали. Только рыжую собаку.

Следующая остановка была «Якорная цепь». Цепь эту разыскал в густой траве Николка. Наверно, своим третьим глазом. Он, как и Дим, рисовал теперь на коленке синий глаз с растопыренными

ресницами.

Звенья цепи были размером с крупную баранку. И в каждом таком кольце — перекладинка. Такие цепи бывают у морских якорей. Но якоря мы не нашли. Ржавая эта цепь тянулась от дороги метров двадцать и там оказалась прикована к толстому обручу, который опоясывал могучий, в три обхвата, пень — даже непонятно, от какого дерева.

Ивка сказал, что давным-давно к этому дереву было приковано цепью морское чудовище, которое кто-то поймал в океане и колдовским путем доставил в наши места. Не исключено, что поблизости мы сможем отыскать череп и остатки невиданного зверя.

Мы поискали, но остатков чудовища не нашли (наверно, оно все же сорвалось с цепи и убежало обратно в океан). Зато мы вышли на лужайку, где росли огромные, величиной с тарелку, мухоморы. А среди мухоморов лежал обитый полуото-рванными полосками жести сундук с отвалившейся крышкой. В сундуке мы обнаружили большущий пятак с разлапистым двуглавым орлом и старинным годом чеканки: 1811. Поразглядывали, повзвешивали в ладонях и решили, что находка принадлежит Диму — он первый заметил пятак

в щели среди досок. Но Дим покачал головой и отдал тяжелую монету Николке. Тот засиял от счастья. Наверно, пятак был «не только пятак»…

А еще через день мы увидели недалеко от обочины приземистый одноэтажный дом. С пробоинами в оконных стеклах, с обвалившейся от кирпичных стен штукатуркой.

Вокруг стоял нетронутый великанский репейник.

Мы, конечно, проникли в загадочное строение.

Внутри был мусор, поломанные стулья и табуретки. И кадка с окаменелой землей и засохшим фикусом. Болтались оборванные электропровода.

Посреди самой большой комнаты стоял рояль. Совершенно не годный для игры. Половины клавиш не было, струны внутри полопались.

— Наверно, здесь был какой-то клуб, — шепотом сказал Ивка.

Похоже, что так. В углу комнаты кучей лежали обшарпанные домры, балалайки, гитары.

— Ой, смотрите… — тихонько удивился Арунас. И осторожно вытащил из-под этой музыкальной мелочи виолончель. — Она, кажется, целая.

Да, инструмент выглядел исправным и даже не очень обшарпанным.

Арунас, смущенно посапывая, сел на кривой табурет, поставил виолончель перед собой. Охватил ее изжаленными ногами, положил гриф на плечо, прижался к нему щекой. По-моему, он сидел в позе заправского музыканта. Прямо как Брандуков на нашей фотографии.

— Еще бы смычок… — сказал я.

— Зачем? Я же все равно не умею играть. — Арунас прижался к виолончели покрепче. Сам весь коричневый, он слился с большущим коричневым инструментом в одно существо. Мы притихли.

Арунас долго так сидел, трогал согнутым пальцем струны (они тихо отзывались), поглаживал выпуклый лакированный бок.

Нам неловко было торопить Арунаса.

Арбуз наконец сказал:

— Давайте заберем эту вещь с собой. Она же ничья. Демид раздобудет смычок…

Арунас покачал головой:

— Не надо… Ее дом здесь.

— Хороший дом, — сказал Ивка.

Дом и правда был хороший. Заброшенный, разоренный, но… какой-то добрый. Пахло здесь не плесенью, не грязью, а сухим деревом, клеем и красками — похоже на то, как в театре Демида.

Наконец Арунас расстался с виолончелью. Осторожно поставил ее в пустой угол.

— Мы ведь еще придем сюда?

— Конечно! Завтра же! — понимающе сказал наш водитель Динь-Дим.

Ивка виновато огорчился:

— Завтра я не смогу. Мама и Соня приезжают, надо встречать…

— Ну, тогда послезавтра, — решил Дим. — Или потом… Лета впереди еще много.

Когда шли от рощи по берегу Стеклянки, Арунас мне шепнул:

— Спроси Ивку, можно я тоже пойду… встречать маму… — Он смотрел вбок (вернее, чуть ли не назад, через плечо), шевелил кулаками в тесных карманах шортиков и колюче растопыривал локти. И до меня дошло. Ну, такое жуткое понимание, будто холодная вода подступила к горлу: Боже мой, мы же совсем бестолковые! Бегаем вместе, болтаем, дурачимся и почти не помним, какое горе носит Арунас в себе. Оно же никуда не девалось, это горе. Он же *не такой,*как мы. Он мальчик, у которого *убили маму.*И он даже не знает, где она похоронена…

Арунас никогда не говорил о родителях. Только однажды горько признался: «Если говорить по

правде, я отца меньше любил, чем маму. Он меня часто ремнем лупил. Подсчитает, сколько раз я за неделю виноватый был, а потом приступает… И мама его боялась… Но не в этом дело, а в том, что он променял нас с мамой на автомат…» Это он не нам сказал, а Геннадию Марковичу. А тот уж Ивке и мне, по секрету…

И вот сейчас Арунас сказал: «Можно я тоже пойду встречать маму?» Не «Ивкину маму», а просто… Ну, ясно же: ему хотелось хоть чуточку коснуться жизни, в которой есть настоящая, живая мама…

Пока я это переваривал (будто колючий клубок глотал), Ивка сказал обрадованно:

— Пойдем, конечно! — Он не стал скрывать, что слышал шепот Арунаса. И в ответе его звучала ясная правда: будет хорошо, если пойдем на вокзал вместе.

…Поезд пришел без опоздания (редкий в наши дни случай). Соня прыгнула на перрон впереди матери, опустила на асфальт большую сумку, коротко обняла Ивку. Потом глянула на меня и серьезно так протянула ручонку:

— Здравствуй, Саша.

— Здравствуй… — Я вдруг увидел, что Соня красивая. Наверно, странно так говорить про

девочку, которой нет восьми, но она была теперь по-настоящему красивая. Большеглазая, тоненькая, чуть печальная. Прямо как Золушка на королевском балу, хотя вовсе не в сверкающем наряде, а в желтом, с рисунком из листьев, платьице и в сандалиях на босу ногу. Раньше-то я смотрел на нее как на кроху, а теперь она сделалась повзрослевшей… Жаль, что не настолько, чтобы стать моей одноклассницей. Вот тогда бы я в нее влюбился трепетно и беззаветно.

Не то что в Пшеницыну.

Уж ее-то, Соню Стокову, эту легонькую, как пушинка, сестренку моего друга Ивки я никогда не решился бы двинуть коленом под партой. Даже чуть-чуть коснуться не посмел бы. Потому что в настоящей любви есть хрупкая тайна, с которой надо быть очень осторожным.

Мне эта тайна представлялась чем-то вроде вальса, который среди облаков танцуют девочка Маша и сказочный принц в мультфильме «Щелкунчик». Я понимал, что такое представление о любви — совершенно наивное и детское. И конечно, никому-никому не говорил об этом. Никто бы все равно не понял. Разве что Ивка. Но Ивку любовь пока не интересовала… А Настя, пожалуй, сказала бы, что я на сто лет отстал от жизни.

Она в последнее время сделалась какая-то прямолинейная. Недавно, например, высказала мне, что у меня с Вячи-ком неравноправная дружба.

Дело было так. Она и Вальдштейн вдвоем отправились в кинотеатр «Салют» на американский фильм «Освободите Вилли». И я сказал, что это свинство.

— Ты, Вальдштейн, обещал в двенадцать часов ко мне прийти, а сам…

— Ну, так получилось! — вмешалась Анастасия. — Я хотела идти с сестрой, а она раздумала и отдала второй билет мне: иди с кем хочешь. А тут навстречу Вячик…

— Ах-ах! Прямо навстречу! Не могли за мной зайти, да? Я купил бы билет в кассе.

— Времени не оставалось… И вообще что такого, если мы с Вальдштейном вдвоем посмотрели «Вилли»?

— Абсолютно ничего такого, — твердым голосом сказал я.

— И не вздумай, пожалуйста, упрекать его, — заявила она, когда Вячик с безразличным видом отошел.

— Я? Упрекать?

— Да. Он этого боится. Ему все время кажется, что ты можешь с ним раздружиться.

— Девочка, у тебя, наверно, высокая температура…

— Сам такой… Ну, если по правде говорить, ты же подружился с ним из жалости. Ты же не считаешь, что он тебе ровня…

— Пшеницына! Узнай по ноль-девять телефон детского психиатра! Он тебе необходим.

А что я мог еще сказать в ответ на эту девчоночью дурь? Совершенно рехнулась наша Настенька. Тоже мне, копатель-ница чужих душ!

Я злился и на нее, и на себя. Потому что… если уж совсем честно, «копательница» добралась до очень тайного зернышка правды. В самом деле, в глубине сознания было у меня к Вячику что-то такое, покровительственное. А может быть, и пренебрежительное. Я это прятал даже от себя, потому что нельзя так относиться к друзьям… Но, видимо, друзья бывают все-таки разные.

Самым-самым настоящим другом был Ивка. Хоть и младше на два года, хоть и чересчур простодушный, но уж перед ним-то я не испытывал ни капельки превосходства. Наоборот. Мне бы набраться его честности и смелости…

Но все равно мы были одна дружеская компания: Вячик, Настя, Стебельковы, Ивка, я и Арунас. И я не хотел никаких трещин. И сказал Пшени-

цыной, чтобы она сходила заодно и к окулисту: пусть выпишет очки, через которые можно все видеть правильно.

После этого мы помирились, потому что пора было собирать всех и отправляться в Рощу и на Дорогу.

…Я подержал в руке Сонину ладонь и поднял с перрона ее сумку.

— Тяжелая! Как ты ее таскаешь?

— Мы вдвоем с Танюшей.

И я увидел рядом еще одну девочку. Совсем на Соню не похожую. Кругловатую, с темными короткими волосами. Только рост у них был одинаковый.

Позади девочки стояла высокая женщина в черной кружевной накидке на гладких рыжеватых волосах.

А Ивка в это время говорил. Мне:

— Алик, это Галина Антоновна, Женина мама. И Таню-ша — Женина сестра…

Маме:

— Это Арунас. Я тебе про него рассказывал.

— Да, я помню. — Ивкина мама взяла Арунаса за плечо. —

Сейчас все пойдем к нам. Мы привезли такое замечательное московское печенье…

Мне показалось странным, что так можно говорить про печенье, когда здесь Женина мать и сестренка, приехавшие на его могилу. Но я промолчал, конечно.

Мы шли к трамвайной остановке, и каждый нес что-ни-будь из багажа. Ивка и Арунас тащили большой чемодан Галины Антоновны. Она сперва не хотела его отдавать — тяжелый, мол, для вас, но Ивка сказал:

— Галина Антоновна!

Арунас же полушепотом добавил:

— Ну, пожалуйста.

Она посмотрела на Арунаса и… уступила. И теперь одна шла без всякой клади. Только почему-то держала в руках мохнатую зимнюю шапку. И поглаживала ее — будто кошку, которую несут на новую квартиру.

Она не выпускала эту шапку, даже когда пришли домой к Ивке. Все гладила.

На следующий день я спросил Ивку:

— Почему она не расстается с шапкой? Как с живой… — И почувствовал себя виноватым, словно сунулся в запретное.

Ивка ощутил мою виноватость. Кивнул:

— Она ее для сына купила. Думала подарить, когда он вернется. И теперь все время держит в

руках. Будто эта шапка… его частица. Говорит, что это… ну, как последняя ниточка. С Женей ее связывает…

Мы говорили про это, когда шли к Геннадию Марковичу. Вернее, к Арунасу. Он выскочил нам навстречу. На крыльцо.

— Куда сегодня пойдем?

Вообще-то мы все собирались на нашу Дорогу. Но Ивка сказал Арунасу:

— Соня и Танюша просили узнать: не хочешь ли ты с ними в цирк на дневное представление?

— А почему… только я? — Арунас уперся глазами в крыльцо.

Ивка глянул ясно и бесхитростно:

— Ты им понравился.

Арунас сквозь загар порозовел ушами. И засопел так, будто на него взвалили локомобиль.

— Это сегодня в двенадцать, — сказал Ивка. — Хочешь?

— А… ты? А вы? — Он исподлобья глянул на нас.

— Там же три билета, — разъяснил Ивка. — Мама купила девочкам и мне. Но я вовсе не хочу, я это уже видел… — Ивка соврал, по-моему, первый раз в жизни.

— Иди, иди, — сказал я Арунасу. — Ивка не

хочет, а я еще успею насмотреться на цирк. Когда стану его директором. Вячик мне предсказал…

Судя по всему, Арунасу понравилось с девчонками. После цирка он еще несколько раз отправлялся гулять с ними: то в парк с аттракционами, то на выставку игрушек в клуб «Авиатор»… Иногда с ними ходила мама Ивки и Сони. А Галина Антоновна покидала дом редко. Только на кладбище ездила. Ивка сказал, что она по-прежнему всегда держит в руках шапку — будто кошку…

Однажды Ивкина мама и Галина Антоновна поехали на кладбище и взяли с собой Арунаса. Девочек не взяли. Ивку не позвали, меня тоже, а вот Арунаса почему-то попросили: поедем с нами. И по дороге, в автобусе, Арунас осторожно потянул шапку из рук Галины Антоновны.

— Давайте, я подержу, а вы отдохните. Не бойтесь, она рядом… — И та уступила.

Я услышал про это от Ивки, а тот — от своей мамы…

Потом наступила дождливая неделя, стало не до прогулок. Мы опять начали собираться в театре Демида. Возились с ремонтом, а когда уставали, устраивались пить чай у горящего камина. В пасмурные дни огонь в камине хорош даже летом…

Мы все уговаривали Настю и Маргариту почи-

тать свою сказку. Но те упирались. Нельзя, мол, показывать неготовую работу, примета плохая…

Арунас вдруг перестал появляться среди нас. Однажды он ненадолго заглянул в театр и объяснил, что «деда Гена хворает, просит не уходить от него, только в магазин да на рынок…».

Сперва такое объяснение нас успокоило. Но дней через пять Ивка спохватился:

— Может, Геннадий Маркович совсем плох, Арунас там с ним один, а мы тут чаи распиваем!

И мы с ним опять поехали к часовому мастеру — выручать его и Арунаса из беды.

Геннадий Маркович оказался дома один. И вовсе даже не больной.

— Здрасте, господа хорошие! А где ваш друг Арунас? Разве он не с вами?

Мы переглянулись. Потом Ивка соврал второй раз в жизни:

— Наверно, он сегодня с девочками. Они в него как вцепятся — целый день не отпускают.

— То-то я вижу: в такую погоду каждое утро торопится из дома…

Мы торопливо попрощались. И шли обратно, не глядя друг на друга. Тошно было, словно в чем-то виноваты.

А в квартале от трамвайной остановки увидели

Арунаса. Он шагал по асфальту босиком, закутанный в короткую прозрачную накидку.

Он заметил нас и будто съежился еще сильнее. Остановился и ждал, когда мы подойдем.

И мы подошли. Арунас смотрел вниз и шевелил пальцами ног в мелкой лужице. Дождь щелкал по его накидке и нашим зонтам. Мокрые коричневые ноги Арунаса были в мелких порезах и прилипших травинках.

Ивка наконец сказал:

— Ты, если не хочешь, ничего не говори. Только больше не ври, ладно? Хуже нет, когда друзьям врут…

Арунас потоптался в лужице. И не поднял лица.

— Вы бы все равно… в такую погоду не пошли бы туда… — Голос у него был хрипловатый, как в первый день знакомства.

— Куда? — сказал я.

— Ну, туда… В тот дом…

— Ты ходил в *тот дом*? Один?! — звонко изумился Ивка. — Каждый день?!

Арунас кивнул.

— Зачем? — сказал я.

— Ну, боялся… вдруг она куда-нибудь денется. И она… будто живая. Скучно одной. Я ее навешал…

— Виолончель? — разом спросили Ивка и я.

— Нуда… — Арунас наконец глянул в лицо Ивке и мне.

Господи, до чего же стало хорошо! Не было за Арунасом

никакого зла, никаких грехов. И беды не было! И не связался он ни с какой сволочной компанией, как нам сперва думалось. Появилась у него своя сказка, вот и все. А сказать про нее нам он стеснялся. Или, может, боялся спугнуть эту сказку. Или… Ну, кто его знает? Главное, что мы опять вместе. Без вранья и обид…

Ивка поглядел на его мокрые ноги.

— Ты охрип, потому что босиком.

— Да нет же! Дождик-то теплый! Это я… так…

Наверно, он хотел объяснить, что охрип от виноватости, но не решился.

— Может, все-таки унесем оттуда виолончель? — посоветовал я.

— Да нет же! Она… ну, она как будто не хочет. Скучать будет по дому…

Нет так нет. Ивка тут же нашел выход:

— Если хочешь, давай будем ходить туда с тобой хоть в какую погоду. А там будем… то есть не будем мешать тебе, подождем в другой комнате. Там ведь много комнат…

Арунас не стал спорить.

— Ладно! Только… — Он поднял лицо. — По-моему, завтра уже будет хорошая погода.

Мы решили проводить его к Геннадию Марковичу.

— Только деде Гене не говорите… про это. Ладно? А то рассердится да скажет: хватит мне с тобой мороки, иди в интернат или куда хочешь.

Мы знали, что старый мастер так не скажет. И Арунас, по-моему, знал. Просто ему неловко было перед «дедой Геной» за вранье.

Ну, а если бы даже Геннадий Маркович и вздумал отказаться от Арунаса, тот не пропал бы. Я знал от Ивки, что его мама и Галина Антоновна выясняют между собой: кто возьмет мальчика к себе. Даже узнавали у юристов, как оформить документы на усыновление маленького беженца.

Захочет ли только Арунас уходить от старика?

— Ох, а мы ведь ту остановку на Дороге, где дом, никак не назвали! — вспомнил я.

— Можно так и назвать: «Старый дом», — простодушно сказал Ивка.

— А что, если «Виолончель»? Нэлик, ты как думаешь? Можно?

Арунас на ходу посопел и кивнул.

Ивка спросил:

— А Динь-Дима ты там не встречал?

— Нет. Только рыжую собаку. Она один раз пришла ко мне в дом. Сидела рядышком и сушилась.

Ивка вдруг остановился.

— Послушайте. Дождик звенит, как колокольчик Динь-Дима…

СКАЗКА ДВУХ КОРОЛЕВСТВ

С утра сверкало умытое солнце. Я это увидел сразу же, как проснулся. А проснулся от телефонного звонка. Выскочил в прихожую.

— Алька! Долго спишь!

— А, это ты, писательница! Привет! Что это ты меня вспомнила?

Настя помолчала секунды две и сообщила невыразительным голосом:

— Я тебя и не забывала, по-моему. Как можно…

— Ну да! А сама целыми днями то у Маргариты, то у Демида. Говорят, ты в него влюбилась.

— Кто говорит?

— Вальдштейн рассуждал на эту тему.

— Уши бы надрать дураку…

— Так ему и передать?

— Не надо. Я это про себя.

— Понял… Может, пойдешь сегодня с нами на Дорогу?

— А вот возьму и пойду!

— Гарантирую общее ликование.

На этот раз мы нашли скульптуру: девочка в сарафане и косынке тащит на закорках маленького

мальчугана. Девочка и малыш были, по-моему, те же самые, что на пустыре. Только там сестра поливала братишку из кувшина, а здесь от чего-то спасала. Может быть, уносила маленького Иванушку от Бабы Яги.

Это открытие случилось шагах в ста от остановки «Виолончель», дальше по Дороге. Рядом со скульптурой валялись куски кованой садовой решетки, а вокруг стояли вековые березы. Наверно, в давние времена здесь был парк.

Девочка и малыш оказались не гипсовые, не алебастровые, а из настоящего мрамора. Лица такие выразительные. У малыша на круглой мордашке откровенный страх. У его сестры — тоже испуг, но скорее не за себя, а за братишку. И надежда: успеем, укроемся…

— Есть такая картина: «Дети, бегущие от грозы», — вспомнила Настя.

— Мы такие же дети сейчас будем, — сообщил Арбуз. — Глядите, какую жуть натянуло…

И правда, стало сумрачно, а из-за березовых верхушек быстро надвигалась лиловая грозовая масса.

— А ну-ка рвем обратно к дому! — скомандовал Арбуз.

И мы рванули. Колокольчик Динь-Дима прямо

захлебывался, автобус опять опрокинулся и ехал вверх колесами, но поправлять было некогда.

Тугие струи успели хлестануть нас. И тут же сверкнуло и грохнуло. Но мы были в двух шагах от дома. Влетели под крышу.

Здесь нам сразу стало нестрашно, уютно даже, хотя многие стекла были выбиты и ветер шебуршал в пустых комнатах мусором.

Арунас устроился в углу на табурете — в обнимку с виолончелью. Мы сгрудились вокруг него — кто на расшатанных стульях, кто прямо на полу. Сперва было немного зябко, но скоро стало совсем хорошо. Наверно, потому, что вместе. По-моему, от нас шло друг к дружке какое-то излучение. И мне на миг показалось даже, что внутри каждого — светящийся шарик (будто крошечная планета) и между всеми шариками хрустальные спицы. Тот самый каркас, который не даст сомкнуться черному Озму…

Гул дождя нарастал, грохотало так, что в корпусе виолончели гудело эхо. Иногда залетали брызги. Но мы не уходили с выбранного места.

Я сидел на скрипучем высохшем стуле, а Динь-Дим у меня под боком, на полу. Синий глаз на его коленке был раскрыт широко-широко и смотрел в потолок — там за досками и стропилами беснова-

лись потоки и могучее электричество. На другое колено Дим поставил крошечного гномика. Его вырезал и подарил Диму Арбуз: «Посади в автобус — будет сказочный шофер». Дим обрадовался подарку, но заталкивать гномика в автобус не стал, носил его в кармане или просто в кулаке.

При каждом грозовом разряде гномик на Димкиной коленке вздрагивал.

Арбуз вдруг предложил:

— Что просто так сидеть? Давайте что-нибудь рассказывать.

— Про что рассказывать? — спросила Настя и поежилась.

Тогда я сказал прямо:

— Нечего отмалчиваться. Выкладывай наконец, что вы там сочинили с Маргаритой.

— Я же вам тыщу раз объясняла: рано еще, потому что конец не написан.

— Можно и без конца, — поддержал меня Ивка.

— Вы какие-то бестолковые…

— Ну, Настя! Расскажи сказку, — попросил и Николка. — Потому что здесь это сказка, а там… по правде.

Настя опять поежилась:

— Где *там!*

Николка сказал тихо:

— За грозой…

Настя широко раскрыла глаза.

Вальдштейн поднажал с ехидцей:

— Давай-давай, не серди силы небесные. А то они сейчас ка-ак грохнут…

В тот же миг сверкнуло и грохнуло над самой крышей. Мы все подскочили, Дим поймал в воздухе гномика. Виолончель загудела как барабан.

— Вот видишь, — сказал Вячик. Настя посмотрела в потолок, пошевелила острыми плечами под просторной желтой футболкой.

— Ну, ладно. Надоели вы мне… Только я буду рассказывать не как написано, а своими словами. Сокращенно… Ну, все начинается с того, что на границе двух королевств был громадный старый парк…

Слушали мы внимательно, хотя говорила Настя сбивчиво, со всякими там «в общем», «так сказать» и «ну, значит, такое дело».

Лучше я расскажу эту сказку по-своему, как запомнил.

В общем… ой… короче говоря, был старый, запущенный сад. Такой громадный, что кое-где сливался с окрестными лесами. В нем было множество глухих мест, пересохших фонтанов,

покосившихся статуй, мостиков над ручьями и водопадами, разрушенных беседок и заросших прудов, где водились изумрудные жабы и хитрые русалки.

А посреди парка стоял покосившийся деревянный дом. В доме жил сгорбленный старик с дремучей бородой — саший.

В лесах живут лешие. Слово «леший» и происходит от слова «лес». А «саший» — от слова «сад». Потому что громадный парк все по привычке называли просто садом. В обоих королевствах.

Граница между королевствами проходила где-то в глубине сада. Где точно, никто не знал. Пограничные столбы давно сгнили, упали и поросли поганками. Стража в те места ходить не любила — боялись сашего и прочих парковых обитателей. Зато разбойникам и контрабандистам жилось там вольготно. Можно было переходить из королевства в королевство без боязни натолкнуться на солдат.

А в других местах граница охранялась крепко. Потому что королевства жили в постоянной вражде. Не жизнь, а сплошная война. Она то затухала (тогда случались лишь небольшие стычки), то разражалась громкими многолюдными баталиями. Каждый раз такую битву называли

«исторической», и оба короля приписывали победу себе. Потом хоронили в общих ямах солдат, награждали генералов и полковников и начинали готовиться к новому сражению…

У короля Романа в Оранжевом королевстве был сын двенадцати лет. Принц Женька. Отец, конечно, хотел, чтобы принц рос воином. Но тот рос — ни то ни се. Говорили: «Мечтатель». Книжки любил, кораблики строил и пускал в лужах. Правда, и уроки боя на мечах и шпагах принцу нравились, но больших успехов он здесь не достиг. Какой боец, если на нем очки от. близорукости…

Больше всего Женька любил убегать в глубину парка, в гости к сашию Леониду. Тот был вообще-то не очень добрым существом. Любил поехидничать. Гонял из парка забредших туда жителей обоих королевств, пугал их. Но юного принца принимал хорошо. Рассказывал ему всякие истории про старину, учил играть на свирели и на самодельной скрипке…

А однажды принц Женька встретил у сашия девочку, она играла со стариком в шахматы (ювелирной работы фигуры на доске из черного дерева и перламутра).

Сперва Женька и девочка недружелюбно

уставились друг на друга. Но потом ничего, познакомились. Даже подружились, несмотря на то что она оказалась принцессой враждебного Лилового королевства. Ну и пусть враждебного! Им-то, мальчишке и девчонке, что до той вражды? Девочку, кстати, звали почти так же, как мальчика, — принцесса Евгения, наследница Лилового престола.

Наследник и наследница гуляли по чащобам парка, делали всякие открытия… И наконец пообещали друг другу, что они друзья на всю жизнь.

В общем, ничего нового, про такие дела написано немало драм и трагедий.

Они доверяли друг другу свои самые сокровенные секреты. Этими же секретами они делились и с сашием Леонидом. Тот умудрено кивал заросшей головой, взгляд его был понимающим.

Понятное дело, Женьки поклялись друг другу, что не будут расставаться никогда-никогда.

Для этого нужно было добиться мира между Оранжевым и Лиловым королевствами. Женьки пошли к отцам-королям: хватит воевать! Хватит, чтобы люди клали головы неизвестно за что.

Оранжевый король Роман терпеливо выслушал своего сына. Даже покивал. Потом сказал, что

понимает его чувства. Но есть долг наследника престола, который выше всяких личных переживаний. И потому наследник не должен больше встречаться с враждебной принцессой, а должен ее ненавидеть.

А лиловый король Ромуальд просто наорал на дочь — он был псих…

Тогда Женьки убежали из дома и укрылись в заброшенной крепости на краю пустыни под названием Кактусовая падь…

Конечно, оба короля выступили в погоню. Каждый с многочисленным войском. Эти войска сошлись у стен крепости.

А Женьки с главной башни прокричали своим отцам, что взорвут крепость и себя, если короли не подпишут договор о мире… Там, в крепости, был в подвалах порох.

— Вот тут мы с Маргаритой остановились, — призналась Настя. — Где выход из положения? Воевать короли уже привыкли, жизни без этого не мыслили. Но не могут же они позволить, чтобы их дети в крепости взорвались и сгорели…

— Могут, — вдруг негромко сказал Арунас из-за грифа виолончели. И мы все посмотрели на него. А он смотрел перед собой. Влажными и очень темными глазами.

— Запросто могут, — сказал он. — И даже обрадуются. Потому что зачем им такие… Женьки, которые не хотят войны. Они же, короли-то, не могут не воевать, это вся их жизнь. Да и генералы не позволят им, чтобы сделался мир. И саший этот.

— Почему? — хором изумились мы.

— А вы не поняли? — горько спросил Арунас. — Он же главный генерал-агент. Он там нарочно жил в парке, чтобы разведывать дела обоих королевств. И короли приходили к нему и за одним столом планировали битвы. Они друг с другом давно договорились. Даже знали заранее, сколько в каком бою надо положить солдат, чтобы сохранить военное равновесие… Потому что война им была выгоднее мирной жизни. Оружием можно торговать, мирных жителей держать в страхе…

Мы молчали. Мне почему-то не по себе сделалось. Арунас говорил не только про сказку…

А он потерся щекой о гриф и тихо закончил:

— А Женек саший приманивал нарочно. Чтобы сдружить их и потом подтолкнуть: убегайте! Чтобы они погибли. Он же понимал: когда они вырастут, воевать не будут, а ему, главному генералу, зачем мирные короли?

Мы помолчали опять.

Ивка спросил:

— А что же тогда с принцем и принцессой? Погибнут?

— В этой сказке-то? Не знаю… Пусть улетают на воздушном шаре в дальние дали…

— В безлюдные пространства, — вдруг сказал Николка.

Настя сидела насупленная. И наконец мотнула волосами.

— Нет. Нам хочется, чтобы конец был счастливый.

— А этот… в общем-то, ведь тоже не очень несчастливый, — неуверенно сказал Арбуз.

— Все равно… не такой…

Арунас устало проговорил:

— Как хотите. Только в сказках тоже должно быть по правде.

— А королевства, значит, пускай воюют дальше? — спросил Вячик.

— Не знаю, — совсем уж тихо отозвался Арунас. — Не я ведь пишу эту сказку.

Больше мы о Сказке двух королевств не говорили. Гроза к тому времени кончилась. Солнце выкатилось. Хорошо так сделалось, когда мы вышли в свежесть и мокрую траву.

Хотя внутри у меня осталась какая-то заноза…

МЕЛОДИЯ

На следующий день мы опять оказались в старом доме. Сперва думали, что не будем заходить — пойдем до мраморных девочки и мальчика и дальше. Но Динь-Дим виновато сказал:

— Я вчера там гномика потерял. Сунул в карман, а он, наверно, вывалился.

Гномика мы нашли быстро. Он застрял в широкой щели между половиц. Динь-Дим заулыбался, зашептал ему что-то. Можно было идти дальше. Но Арунас, конечно же, опять облапил виолончель и устроился с ней на табурете. И мы знали: придется подождать минут десять. И не надо торопить. Может быть, в Арунасе в это время какая-то внутренняя музыка.

Мы тоже присели кто где…

Настя глянула на Арунаса и вдруг сказала:

— Мы с Маргаритой вчера советовались. И с Демидом, и с Алессандро. Синьор сказал, что в том конце… ну, который Нэлик придумал, есть это… рациональное зерно. И логика… Наверно, так и сделаем… А Демид говорит, что хочет, чтобы принца Женьку играл Алька…

— Этого мне еще не хватало!

Вячик изогнул в улыбке губы.

— А принцессой будешь, конечно, ты?

— А может, ты знаешь другую девочку?.. Ну, если хочешь, играй принцессу сам.

Вальдштейн фыркнул так, что с губ полетели брызги.

— А мне-то за что такое наказание? — спросил я страдальчески. — Не буду я принцем. И никем…

— Будешь, никуда не денешься, — позлорадствовал Вячик. — Демид умеет убеждать.

Но я решил, что не поддамся никаким убеждениям. И слегка успокоился. И повернул разговор на другое:

— Надо еще про ремонт думать. Почти полсцены обгорело…

— А когда отремонтируем, тут же кто-нибудь подожжет снова, — вставил Арбуз. Он здраво смотрел на вещи.

Тогда меня осенило!

— Знаете что?! Давайте предложим Демиду устроить театр здесь! Не такой уж большой ремонт нужен! В главной комнате сделаем зрительный зал. И для мастерских есть помещение, и для костюмерной…

— И даже для буфета, — сказал Арбуз.

— Я же серьезно!

— Кто сюда будет ходить? — хмыкнул Вячик. — В такую даль.

— Кто захочет, пойдет!

— Ну, и поджигатели найдут сюда путь, — хмуро сообщил Арбуз. — Дело нехитрое.

— Нет, они не пойдут. — Я сказал это уверенно. Чувствовал: Дорога злых людей сюда не пустит. Она за пределами Озма. Но как объяснить это ребятам?

Динь-Дим потискал в кулаке гномика и проговорил с непривычной хмуростью:

— Нельзя, чтобы сюда ходило много людей. Тайны не будет, и все затопчут.

Да, он был прав. Я про это не подумал…

— Ну… давайте тогда, чтобы здесь проводить репетиции. Будет как бы тайный театр. А спектакли — в городе, в разных школах и клубах… Демиду-то и всем, кто в театре, сюда можно приходить, они же не чужие…

Арунас оторвал щеку от грифа виолончели и покачал головой:

— Не-а, не получится… То есть здесь-то все получится, а там все будет по-другому. В сто раз хуже…

— Почему? — сперва не понял я.

— Разные же места… здесь и там. Здесь-то все

получается. Даже у меня…

Мы мигали от непонимания.

— Не верите? — насупленно сказал Арунас. — Вот, смотрите тогда… Раньше я никогда не умел играть, а тут…

Арунас слез с табурета, осторожно положил виолончель. Сходил в угол, где пылились мандолины и домры. Вытащил из-под них длинный смычок.

— Я его нашел, когда ходил тут один… — Арунас опять сел в обнимку с виолончелью. И опять получилось, будто виолончель и он — одно коричневое существо. Арунас провел смычком по струнам, прошелся по ним пальцами левой руки…

Сперва были отдельные непонятные звуки. Потом они соединились. Скрип и жужжание исчезли, и словно человеческий голос проступил в струнном гудении. И голос этот… Господи, да это же песня про аистенка!

Я не знаю, хорошо ли играл Арунас. С точки зрения музыкальной техники, наверно, неумело. Но мелодия была чистая, родная такая.

Я поймал себя на том, что губами повторяю слова песни. И произнес их все до последнего — только тогда Арунас опустил смычок.

Мы с минуту молчали. Потом Ивка неуверенно произнес:

— Не может быть, чтобы ты не учился раньше…

— Не учился. Только здесь попробовал. Но это и получается потому, что *здесь*.А больше я нигде не сумею…

Он сумел. Но это случилось позже. В те дни, когда была закончена пьеса и Демид старательно мучил нас на репетициях.

Больше всех мучился я. Конечно же, Демид уговорил меня стать принцем Женькой. Когда я убеждал его, что во мне ни капли актерского дарования, он отвечал:

— Ерунда! Все дети талантливы от рождения. Надо только не бояться раскрыть в себе этот дар.

И я сдался. Потому что в глубине души мне и самому хотелось сыграть эту роль. В самой-самой глубине. Потому что принцесса Настя (то есть, как и я, Женька) во время репетиций становилась другой, немного сказочной. И я вспоминал, как смотрел на нее в первые дни знакомства, прошлой осенью.

Наверно, у меня кое-что получалось. В минуты вдохновения. Но такие минуты случались не всегда. И я видел, что порой Демид морщится

и вздыхает. Он никогда не ругался, не кричал, если что-нибудь не ладилось. Только делался грустный.

— Жень… то есть Алик. Ты как-то вдруг посреди действия резко выходишь из образа. Словно вспоминаешь, что ты не принц, а семиклассник Иволгин и скоро пора в школу…

— Ну, так оно и есть…

— Нельзя так. Оставайся в сказке до конца.

Ага, нельзя! А что делать, если вдруг в неподходящий момент вспоминается всякое…

Что давно от мамы и отца не было ни звонков, ни писем. Что Галина Антоновна опять не расстается с меховой шапкой, гладит ее, как кошку (Ивка сказал). Что недавно разбился самолет с семилетней американской девочкой (такой же, как Соня). Она, кроха, решила перелететь океан, установить рекорд (вместе с отцом, конечно), и они грохнулись в начале полета. Озм… Что диктор с экрана вчера опять называл цифры — сколько человек погибло в «горящих точках». «А сейчас рекламная пауза… начинка из поджаренных орешков и то-олстый слой шоколада… и столько коровьего молока, что мы сейчас замычим… му-у-у…»

— Алик…

— Ага… Демид! Ты видел, как на прошлой репетиции смотрел на меня Арунас? Он, бедный, вместе со мной мучился. И с тобой… Он будто все знает, но боится сказать. Попробуй, пусть принцем будет он!

— Арунас?

— Ну и что же, что он поменьше меня? Не так уж и меньше. А разве обязательно, чтобы принц был одного роста с принцессой?

— Дело не в росте!

— Вот именно! Дело… в душе, да? Вот он душой-то все и чувствует! Недаром же это он придумал конец сказки!

— Придумать — это одно. А вот выразить себя…

— Он выразит! Он может…

И я рассказал Демиду про виолончель.

А дальше случилось неожиданное. На следующий день виолончель появилась в театре. Конечно, не та, что в старом доме, но очень похожая. Демид попросил ее у знакомого музыканта.

Арунасу Демид сказал очень ласково, но и очень настойчиво:

— Давай попробуем, Нэлик. Не бойся… Представь, что ты в том самом доме…

И… Арунас представил.

Может, он играл не так хорошо, как *там,*но все-таки… все-таки эта песня опять взяла нас за живое. Всех, кто слушал.

Демид помолчал, повздыхал. Погладил плоскую лысину.

— Друг мой Арунас. Давай попробуем ту встречу с девочкой в парке. Будто ты мальчик Женька.

Арунас испуганно глянул на меня.

— Попробуй! — почти простонал я. — У меня гора с плеч…

Я правильно предчувствовал. У Арунаса все получалось как надо. И все были просто счастливы. Может быть, только кроме Вячика, который очень тайно тоже мечтал быть принцем. Мечтал, но даже под пыткой не признался бы в этом, потому что способностей к сцене у него не было вот ни настолечко. Несмотря на все заявления Демида про общую детскую талантливость.

Неделя прошла в полной радости, в ощущении, что осенняя премьера будет замечательной.

Я выбрал себе второстепенную роль трусливого пограничного стражника. Ивку назначили пажом принцессы. Вячика — помощником часового у городских ворот. Стой столбом, козыряй — и никаких проблем…

Николке досталась роль поваренка. Арбуз же от

актерского дела отказался напрочь. Заявил, что ему хватает плотничьей и малярной работы. Он обивал досками обгорелый край сцены и красил выпиленные из фанеры крепостные башни и стены.

Мы пытались зазвать в театр и Динь-Дима, но он все отговаривался. Объяснял, что дома, в Соломине, мама беспокоится, если он уходит надолго. И нас к себе в Соломино никогда не звал. Мы так и не знали, где этот поселок. Может быть, между Стекловском и Соломином какая-то непонятная межпро-странственная граница? И Динь-Дим — наш друг из иного мира? Так я иногда думал.

Мы встречались с Динь-Димом только на нашей Дороге.

Но уж там-то он оказывался обязательно — как только мы приходили к столбу с автобусной табличкой.

Правда, появляться там стали мы реже — театральные дела занимали много времени. Но Динь-Дим не обижался.

И все шло хорошо. До того пасмурного утра, когда Арунас вдруг не пришел на репетицию.

Раньше такого с ним не случалось.

Ивка, я и Вячик побежали к Геннадию Марковичу.

Старик встретил нас бодро, но мы увидели сразу, что бодрость эта ненастоящая. Он слишком суетился.

— А, прискакали! Ничего страшного, жаль только, что опоздали… Увезли Арунаса…

«Что с ним?» — ахнул я про себя. Ивка тоже испугался:

— В больницу?

Сами виноваты! Затянули это дело. Ведь Ивкина мама и ее знакомая, врач, давно уговаривали Арунаса лечь в детскую больницу на обследование. На две недели. Но он отбрыкивался, как мог. Все «потом» да «потом». Не хотелось ему даже на короткий срок расставаться с нами. И с Дорогой. А затем еще и роль принца ему досталась. Не прерывать же репетиции! А здоровье-то никудышное. Вот и достукались…

Но Геннадий Маркович всплеснул руками:

— Что вы, что вы! Не в больницу! Случилось, можно сказать, чудо. Объявился его отец. Живой, здоровый. Отыскал нас, ухватил сына и сразу на вокзал. Конечно, со словами благодарности мне, и вам, и всем-всем… Сказал, что есть документы для въезда в Литву. Как говорится, к родным пенатам.

Мы так и сели.

И не было у нас никакой радости от такого чуда.

Вячик проговорил капризным голосом:

— Хотя бы зашел, попрощался.

— Не было возможности. Отец сказал, что надо спешить на поезд, такие сложились обстоятельства… Он, по правде говоря, нервничал. Возможно, от радости.

«Подлые обстоятельства, — подумал я. — Арунас наверняка не хотел…»

И вырвалось:

— Отец его насильно увез! Арунас же говорил, как тот с ним по-свински обращался!

Геннадий Маркович покивал. Потом пожал плечами.

— Не знаю. Возможно, мальчик преувеличивал. От детской обиды… И кроме того — все равно родной папа…

«А как же теперь Галина Антоновна? — подумал я. — Ведь она-то, наверно, считала, что судьба ей послала нового сына…»

А Вячик поцарапал кроссовкой половицу и сумрачно предложил:

— Вот пойти да сообщить *куда надо,*что здесь появился бывший боевик. Он же воевал против наших…

Стало тихо, я увидел, *как*Геннадий Маркович смотрит на Вячика. Ивка — тоже: то ли со страхом, то ли с жалостью. Он сел на край дивана и так вцепился в коленки, что побелели суставы. Потом тихо спросил:

— Ты в *самом деле*так думаешь?

Вальдштейн засопел и отвернулся.

— Ничего я не думаю… Я, что ли, по-вашему, совсем гад, да?

Геннадий Маркович как-то обмяк.

— Вы, друзья мои, и не стали бы ни о чем спорить, если бы увидели: как Нэлик прижался к отцу…

Ну, прижался так прижался. И слава Богу. Отец ведь все-таки! Может быть, пройдут у них обиды и начнется хорошая жизнь. Радоваться надо: в самом же деле чудо случилось! Прямо как с Ивкиным братом! Считали убитым, а он живой! И Арунас перестал быть сиротой…

Ивка будто прочитал мои мысли. И повторил вслух:

— Радоваться надо.

— Особенно Альке, — заметил Вячик. — Теперь-то ему не отвертеться от роли принца Женьки.

— Играй лучше ты, — искренне сказал я.

— Рылом не вышел.

Ивка сморщился.

Но Вячик смягчил разговор. Сказал хорошо так, даже ласково:

— Геннадий Маркович, а он хоть написать-то обещал?

— Да! Да, голубчики, я забыл сказать! Нэлик обещал написать обязательно! Всем вам! Он напишет на мой адрес!.. Поэтому вы заходите, не забывайте старика…

Арунас и правда написал. Что живет с отцом в Каунасе и учится играть на виолончели у старого соседа-музыканта, который похож на Геннадия Марковича. Но это было уже потом, в те времена, которые казались нам совсем другими…

Перед Демидом опять встала задача: как быть с принцем?

Я предложил подождать до сентября. Начнется учебный год, Демид походит по школам, найдет кучу талантливых ребят.

Демид покачал головой.

— Это будут ребята со стороны. А ты… ты же ведь всем этим уже пропитан, ты чувствуешь. Просто в тебе иногда включаются какие-то дурацкие тормоза.

В самом деле включались. А иногда у меня получалось неплохо. Когда я начинал испытывать к

Озму не страх, а ненависть. Или когда вспоминал Арунаса — в меня будто вселялась его душа. Или когда я весь как бы пропитывался мелодией про аистенка. Но это бывало не часто. Чаще же, как и на первых репетициях, меня будто зажимали тугие деревянные тиски. Или отвлекали посторонние мысли: например, где же все-таки поселок Соломино, из которого приходит Динь-Дим?

Или мешала сосредоточиться тревога. Иногда это была тревога ни о чем, без причины. Иногда об отце и маме, хотя я знал, что они благополучно живут на подмосковной даче. Так благополучно, что возвращаться им не хочется…

— Алик, будь добр, соберись… Повторим еще раз…

И я «собирался». И, кажется, у меня опять получалось. Но однажды я краем уха, из-за декораций, услышал, как синьор Алессандро сказал Демиду:

— Конечно, если Алька постарается, он роль вытянет. Но… блеска и открытия здесь не будет. Так что зрителей на премьере мы не потрясем…

И Демид ничего не возразил.

А разве я виноват? Разве я просился в артисты? Я согласился только, чтобы выручить театр! Теперь же выходит, что я нарочно срываю спектакль.

Но, может, я и в самом деле виноват? Тем, что

другим кажусь лучше, чем на самом деле. Почему Демид решил, что во мне какие-то… особые свойства? Сказал тогда: «Ты хорош тем, что объединил многих!»

А кого я объединил? Арунас уехал. С Вячиком у меня… нет, ссор не бывает, но то и дело какая-то ошетиненность… Настя целые дни проводит у Маргариты… Арбуз обо всем думает так трезво и деловито, что со сложными вопросами соваться к нему бесполезно. Вот с братом его, с Николкой, мы понимаем друг друга с полуслова. Но он еще такой малыш…

Иногда с молчаливым пониманием смотрит на меня Динь-Дим (всеми тремя глазами). Но потом каждый раз уходит в свое Соломино.

Конечно, лучший друг — Ивка. Но… меня порой грызет виноватость перед Ивкой. Кажется, что я столько раз подводил его и забывал о нем, занятый собой. К тому же начинается осень, и видеться мы будем редко — через весь город не поездишь, когда каждый день уроки.

Однажды я признался бабушке, что у меня «тошно на душе, а почему — сам не разберусь». Но она не встревожилась, как раньше. Суховато сказала:

— Подростковые сомнения, друг мой. Пере-

ходная пора, перестройка организма и души. Растем…

Я сказал, что не хочу расти.

Бабушка возразила, что от нас это не зависит.

— Все приходит в свой черед. Я же тебе объясняла.

Я понял, о чем она. Недавно я пожаловался, что у меня почему-то набухают и болят соски на груди. Мешают спать. Может, это рак или какое заражение?

Бабушка тогда посмеялась:

— Дурачок. Это бывает у многих мальчишек, когда они взрослеют, у одних раньше, у других позже. Не пугайся… Скоро и сны начнут сниться… всякие. Такие, что не расскажешь.

Я тогда покраснел, потому что сны я и правда иногда видел… такие… Например, про пустыню.

Знаете анекдот? Мужик в плавках бежит через Сахару и спрашивает у встречных бедуинов: «Далеко ли до моря?» Те пожимают плечами: «Немножко далеко, господин. Две недели караванного пути». — «Во пляж отгрохали!..» Ну, а мне снилось, что я бегу через Сахару с Настей.

Кругом пусто-пусто, лишь очень синее небо и барханы. Песок удивительно чистый, желтый. А солнце — белое, ослепительное и горячее. Но

без жесткого обжигания. Наоборот, хорошо от его лучей. Я купаюсь в них и… вдруг замечаю, что я совершенно голый. Ой, мамочка! Куда деваться, где спрятаться? И продолжаю бежать. А Настя бежит в двух шагах от меня, сбоку, и смеется. Я боюсь взглянуть на нее, добавляю скорости, чтобы умчаться подальше. Но слышу — не отстает. Я бросаю на нее перепутанный взгляд. Ох, да она ведь… тоже… Ну, не совсем, а в каких-то легоньких клочьях тумана. Клочков этих все меньше, встречный ветер сдувает их с Насти. И вот уж совсем… И на плечах у нее солнечные зайчики. И она все смеется. Догоняет меня, берет на бегу за руку.

— Не бойся, мальчик. Мы же совсем одни!

Я еще несколько минут боюсь, но потом солнечный воздух сдувает с меня страх, как с Насти сдул клочки тумана. И мне становится так беззаботно, так радостно! Ноги уже не проваливаются в сыпучий песок, а едва касаются песчаной ряби. Я почти лечу. И Настя рядом… Она не только Настя, а еще и Золушка, и Маша из «Щелкунчика», и… принцесса Женька. В общем, она не та, что наяву…

Иногда мы взлетаем почти на метр, и ласковый солнечный жар еще сильнее охватывает нас, под-

держивая на лету. А потом, дурачась, мы падаем и окунаемся по горло в сыпучий теплый бархан. Выскакиваем и бежим дальше.

Я в восторге:

— Не бойся, девочка! Это наши пески!

— И море!

Да, и море! Мы будем долго без устали бежать так, а потом с каменистого берега прыгнем в зеленую прохладную глубину. И сольемся с этой глубиной и со всей планетой, и будем волнами, небом, звездами, и тогда наступит полное счастье.

Я видел это несколько раз, но добежать до моря никогда не успевал, просыпался. Но все равно я вспоминал сон с радостью, хотя и со стыдом тоже.

Настя в этом сне была совсем не как на самом деле. Ная-ву-то я давно уже смотрел на нее без всякого замирания, а тут в ней словно какое-то волшебство просыпалось.

Но был и другой сон — такой, что я боялся вспоминать.

Будто наступило первое сентября, и в школе вспомнили мою драку с Вальдштейном и решили, что напрасно позволили тогда отвертеться от наказания. Вызвали на педсовет, и Клавдия

Борисовна заявила:

«Иволгина следует *заклеймить*!»

«Иволгина», — слабым от испуга голосом возразил я.

«Он еще и спорит! Заклеймить в прямом смысле!»

И я понял! На меня поставят клеймо — как на Миледи в «Трех мушкетерах». И никуда не денешься…

Меня приводят в спортзал. Там за длинным столом сидят учителя, директор, какие-то незнакомые люди. А сбоку от стола стоит Настя. Но она не такая, как наяву, а взрослая. В какой-то дурацкой эстрадной одежде, вроде купальника с перьями и блестками.

И множество зрителей из младших классов. Они сверху донизу облепили шведскую стенку, висят на ней гроздьями. Но висят неподвижно, будто неживые. И глаза у них закрыты.

Зато у каждого на коленке нарисован красный искусственный глаз, распахнутый. Эти-то красные глаза живо и с недобрым любопытством наблюдают за мной.

А те люди, что за столом, — как большие куклы. Кроме одного. Это пухлый улыбчивый дядька. Похожий на зубного врача Игоря Васильевича.

Он дружески мне кивает и встает. И берет со стола большущую печать. Я не вижу, *что* на печати, но знаю, ощущаю кожей: там составленное из иголок изображение королевской лилии.

— Не бойся, они одноразовые, — говорит дядька. — Стерильность гарантирована. — И протягивает печать Насте. — Ваше высочество, прошу вас…

У Насти на волосах блестящая коронка. Я ничуть не удивляюсь. Только стыдно мне до звона в ушах.

А нарисованные глаза зрителей — совсем не те, что у Динь-Дима. Они безжалостные. От любопытства они начинают лу-пать ресницами — так, что в навалившейся тишине нарастает сухой шорох.

— Не надо… — беспомощно бормочу я.

Настя кокетливо смотрит на Игоря Васильевича (это все-таки он?). Тот кивает и щелкает пальцами. И… на мне исчезают рубашка и майка. Какие-то смутные фигуры хватают меня за локти и укладывают кверху голой спиной поперек гимнастического «коня». Между деревянных кольцеобразных ручек. Ручки эти больно стискивают мне бока. И я понимаю, что сейчас будет еще больнее. Гораздо больнее… Но главное — не страх будущей боли и даже не стыд от всей этой жуткой

процедуры, а жгучая обида на Пшеницыну.

— Эх ты, предательница…

Я не вижу, но спиной чувствую, как она усмехается. Ей нравится мучить меня. Сейчас она всадит игольчатую лилию мне под лопатку… Лишь бы не заорать… Я стискиваю зубы… И просыпаюсь. И еще несколько минут продолжаю ненавидеть Пшеницыну, хотя уже понимаю, что во сне была вовсе не она. Не настоящая Настя…

Как нормальному человеку может сниться такое!

Утром я лезу под душ и стараюсь соскрести с себя все ночные гадости. И вообще все, что налипло на меня: все тревоги, стыд за неудачи, непонятные страхи.

А принца пусть все же играет Вальдштейн. Может, раскроется у него талант, если Вячик очень захочет.

Мне казалось, что скоро обязательно что-нибудь случится. Со мной. Лопнет во мне, как нарыв.

ОБРАТНАЯ СТОРОНА ПЛАНЕТЫ

Наверно, я просто подлый человек. Не снаружи, а в самой своей глубине. Во мне сидит сгусток Озма, никуда от этого не денешься. Даже когда я не хочу ничего плохого, получается плохо. Само собой получается…

Так я думал ночью. Ворочался и думал. Небо за приоткрытой шторой было белесым и каким-то безжалостным. А ближе к утру его затянули тучи, по наружному жестяному подоконнику забарабанило.

Я мучился из-за вчерашнего разговора с отцом.

Сперва-то все было хорошо. Родители позвонили около восьми часов вечера, и мама веселым голосом стала расспрашивать меня, как живу и что у нас нового. Я сказал, что все прекрасно. Она сказала, что у них на даче тоже все прекрасно, только она и папа уже соскучились по мне и по бабушке.

Потом вдруг трубку взял Алексей. У него был веселый, но слегка смущенный басок.

— Привет, братец! Как дела?

Я со старательным энтузиазмом прокричал:

— Привет, Алеха! Все о’кей!

Мне и правда хотелось, чтобы все было хорошо. Не надо ни капельки обид и семейных сложностей.

Атексей задышал в трубку, думал, наверно, что еще сказать. Но тут взял трубку отец.

— Здравствуй, сынище! Не скучаешь?

— Почему же… Есть маленько. Когда приедете-то?

— Через неделю… Втроем, если ты не возражаешь. Видишь ли… мы хотим, чтобы Алеша погостил у нас.

— А экзамены?

— Он ездит в Москву, сдает. Остался всего один. Надеемся, что пройдет по конкурсу…

Отец говорил с какой-то излишней небрежностью. А в глубине — виноватость. Почему? Неужели он думает, что я стану возражать против приезда Алексея?

— Ты, что ли, разрешения у меня просишь? — не удержался я.

— Ну… дело в том, что его приезд причинит тебе некоторые неудобства. Спать ему придется в твоей комнате…

— Перебьемся.

— Это в каком смысле? Перебьете друг друга?

— Да нет, выражение такое. В смысле «перекан-

туемся»… Ну, все уладится…

— Вот я и говорю! Все же три комнаты. Неужели тесно будет впятером!

— Вшестером, — хихикнул я. Мне хотелось, чтобы разговор стал шутливым и легким.

— Почему вшестером? Разве твой друг Ивка еще не вернулся к себе?

— Ивка-то вернулся! Зато появился Буська! Веселый, пушистый, носится по квартире, как ракета!

Отец помолчал и спросил бесцветным голосом:

— Кот, что ли?

— Котенок. Знаешь, такой забавный! Он повадился спать на вешалке, где шапки.

— Ну, что ж… Вы только следите там за ним… Приучайте…

— К чему приучать?

— Чтобы ходил куда положено. А то от этих забавных да пушистых такой запах…

Вот тебе и разговор… Ну, посмеялся бы, спросил бы, какого цвета котенок, где взяли, чем кормим! А то сразу — запах…

Я выговорил в трубку со звоном, почти со слезами:

— Зачем ты так?

— Как?

— Я думал, ты порадуешься, а ты тут же… про гадости…

— Я же ничего плохого не сказал. Только посоветовал.

— Ты ни о чем хорошем не можешь…

— Александр! Да что с тобой?

— Ничего! — Я бросил трубку.

И тут же обмер: зачем я так?!

Теперь опять долгие дни, а может, и недели будет глухая молчаливая обида. Эта враждебная отгороженность, когда неловко смотреть друг на друга, трудно обратиться с самыми простыми словами.

Я же не хотел!

А тут еще бабушка… Она, конечно, слышала из своей комнаты мой разговор.

— Ты что? Опять не поладил с папой?

— Я ему про котенка, а он…

— По-моему, ты сам виноват. Надо быть посдержаннее. С отцом разговариваешь…

«Сам виноват»! Нет, я не считал себя виноватым. Но я мучился из-за того, что отцу из-за меня сейчас плохо. Там, дале-ко-далеко отсюда. Я ведь будто ударил его…

«Папа, позвони снова! Я не буду оправдываться!

Скажу, что я свинья и сволочь! Только не надо этого чугунного молчания!.. Ну, пожалуйста!»

Но телефон молчал.

И сам я позвонить не мог. Там, на подмосковной даче, телефона не было. Чтобы поговорить со мной и бабушкой, родители ходили на станцию, где стоял междугородный автомат.

Наверно, минут пятнадцать я потерянно стоял в прихожей перед полкой с телефоном. Потом побрел к себе и лег. Буська, видать, почуял мое настроение. Перестал гонять по полу свой любимый теннисный шарик, забрался ко мне, свернулся под боком и заурчал. Утешал, наверно…

Я так и уснул одетый. И бабушка ничего не сказала мне.

Утром я поднялся с тяжелой головой. Несильно и равномерно стучал дождь. На кухне громко говорило радио. Шла передача про поэта Багрицкого. Ведущая бодрым голосом рассказывала, что этого замечательного поэта стали забывать, потому что считают его певцом революции и комсомола, а это нынче непопулярная тема. Но у Эдуарда Багрицкого, говорила она, есть немало и других стихов: о природе, о поэтическом вдохновении, о птицах, о море… И тут начал читать артист:

Ранним утром я уйду с Дальницкой,
Дынь возьму и хлеба в узелке.
Я сегодня не поэт Багрицкий,
Я матрос на греческом дубке.

И я понял, что сейчас тоже уйду. От всего…

Стало не то чтобы совсем легко, но проще и яснее. Стало казаться, что в воздухе стоит тихий звон.

Я отыскал под вешалкой мамины резиновые сапоги, в которых она раньше ездила в сад. Они мне были в самую пору. В шкафу с одеждой взял полиэтиленовую накидку и свою старую безрукавку.

Ранним утром я уйду с Урицкой…

«С Урицкой» даже лучше звучит, чем «с Дальницкой». Правда, я не поэт Багрицкий, а Иволгин Саша (или Алька) двенадцати лет. Неприкаянный, не приспособленный к этому миру. Но стихи продолжали толкаться в голове.

Дынь возьму и хлеба в узелке…

Дынь, конечно, не было. А хлеба я взял. Даже намазал маслом. В дальнем пути пригодится такой запас. А то, что путь будет дальний, я знал.

— Ты куда это лыжи навострил в такую погоду? — сказала бабушка. По-моему, без особого беспокойства.

— К Демиду, — соврал я. — Там нынче репетиция.

— Позавтракать-то разве нельзя?

— Некогда. Пожую на ходу…

И бабушка, которая всю жизнь следила, чтобы «ребенок ел вовремя и как следует», на этот раз только сказала:

— Ну, смотри…

Может быть, она поняла, что я ухожу не к Демиду, а просто *ухожу*? И решила: пусть. Мол, такая, значит, судьба…

Я не стал оглядывать напоследок комнаты. Не стал ни с кем и ни с чем прощаться, даже мысленно. Только Буську погладил у порога и сразу шагнул за дверь. И тихо притворил ее.

Серый дождь не кончался. В лужах появлялись и лопались крупные пузыри. Жесткая накидка с капюшоном отзывалась на дождь скребучим шуршанием. Она была короткая, и холодные капли лупили меня по коленям. Вода щекочуще стекала по икрам в сапоги, надетые на босу ногу. Скоро в них захлюпало.

Ну и пусть! У меня было такое настроение, ко-

гда «чем хуже — тем лучше».

А куда я шел?

Путь был один — через Завязанную рощу на Дорогу, а по ней — пока хватит сил.

Да, я с самого начала знал, что окажусь на Дороге. Один. Недаром же в последний момент сунул в карман безрукавки крошечный колокольчик от школьного значка «Последний звонок».

По пути к роще я не встретил ни одного человека. Дождь всех загнал под крыши. Но в роще дождя не было. Он шуршал где-то в высоких кронах, а на землю не падало ни капли. Стоял сумрак, но не страшный, уютный даже. И тишина была полна знакомым смолистым запахом. Даже в нынешнем полумраке этот запах казался солнечным. И чудилось, что кое-где на стволах и на иголках зажигаются желтые искры.

Я продрался через сорняки в проходе между сараем и трансформаторной будкой. Миновал двор-пустырь с ромашками и железным хламом. По тропинке выбрался на обочину Дороги и дошагал до столба с перечеркнутой надписью «ОЗМ».

Вот и все. Сейчас я последний раз перешагну эту границу.

И я перешагнул. Перешел ее по заросшей колее, стараясь не мять лиловые колокольчики. Сильно

пахло мокрой травой. Трава эта скребла по блестящим сапогам. Здесь опять был дождь, но он шуршал по накидке все тише и тише.

А когда я пришел к автобусной остановке, дождь перестал совсем. И в серости низких облаков наметился желтый просвет.

Я постоял под табличкой с номером маршрута 123. Даже подумал: а вдруг в конце концов подъедет настоящий автобус? И увезет меня в неведомые страны…

Не было настоящего автобуса.

И славного Динь-Дима с маленьким автобусом не было. А я слегка надеялся: вдруг появится?

Нет, не надо. Ведь Динь-Дим обязательно решил бы, что мы должны идти вместе. А разве я имею право брать кого-то с собой, если сам не знаю, куда иду и когда вернусь. И вернусь ли…

Я достал колокольчик. И подумал: а булавку-то не взял, растяпа… Ну, ничего. В бахроме на левой штанине я нашел две нитки подлиннее и привязал колокольчик морским прямым узлом. Под боковым швом.

Накидку я снял, свернул и сунул в спортивную сумку, которая висела через плечо. И зашагал опять. Колокольчик позванивал и часто трогал ногу ободком, словно гладким, холодным ногтем.

Стебли по-прежнему цепляли меня за сапоги, но я на них не досадовал. Шел и думал…

Да ни о чем я не думал. Не хотел. Ощущал только спокойную печаль и запахи трав. И так миновал многие знакомые места. Маховик локомобиля все вертелся — неторопливо и уверенно…

А вот и дом, который я предлагал превратить в театр.

Сперва я хотел пройти без остановки. Но что-то потянуло меня внутрь. А раз потянуло — пусть так оно и будет. Я вошел в пахнущий сухим деревом сумрак.

Виолончель стояла в простенке, между окнами — там, где оставил ее Арунас. Смычок лежал на подоконнике. Я подумал и взял его. Сел на табурет. Дотянулся до виолончели, поставил ее между ног, как знаменитый Брандуков.

Мешали голенища. Я дрыгнул ногами — сапоги отлетели на середину комнаты. Я взялся за инструмент поудобнее. А что, если меня, как Арунаса, осенит нежданный-негаданный талант?

Я зажмурился. Повел смычком по струнам. Раздался протяжный, оскорбляющий тишину Дороги скрип. Жуть… Да, видимо, одному что-то дано от Бога, а другому…

Тихо и виновато я поставил инструмент на

прежнее место. Положил смычок… Но все же моя музыкальная попытка не прошла бесследно. Та мелодия, которую я хотел разбудить в струнах, зазвучала теперь внутри меня.

…Только, чтоб не сдерживать всю стаю,

Я сложу, наверно, крылья сам…

Я опять вышел на Дорогу. Без сапог. Так будет легче. Скоро я вообще растворюсь в этом влажном воздухе, в этой траве и кустах. В этом небе, где пасмурная муть уже просветлела, рвется на куски, и куски эти округляются, превращаются в пухлые облака. Они еще серые посередине, но желтые по краям.

Сырая трава хватала за ноги, но идти босиком было удобнее. Динь-динь-динь, динь-динь-динь…

Я понимал, что там, откуда я ушел, будет печаль. Но надеялся, что недолгая. Бабушка утешится Буськой. У отца есть Алексей. У мамы… Она родит кого-нибудь другого, и он будет лучше, смелее, добрее меня.

А ребята? Ивке хватит радости, когда вернется Митя. Вячик, наверно, будет втайне даже рад — никого не станет между ним и Настей. И она

повздыхает и утешится: некогда горевать, надо играть принцессу… У Арбуза достаточно забот с Николкой. Николка — тот, пожалуй, будет вспоминать меня дольше других. Но без печали. Решит, что я продолжаю шагать где-то в дальних далях.

Так думал я и шагал, шагал. Но мысли эти были не отчетливые, а словно за туманом. За печалью и мелодией про аистенка.

Что будет со мной? Я понятия не имел. Может, упаду от усталости под березой и усну. И, возможно, не проснусь. Или Дорога уведет меня в такие неведомые пространства, которые бесполезно воображать заранее. Хорошо бы…

Я давно уже миновал остановку «Якорная цепь» — границу разведанного нами пространства. А Дорога оказалась прежней. Шла то через перелески, то по лугам. Иногда взбегала на пологие бугры. Тогда я видел вокруг Безлюдные Пространства. Зеленый, слегка всхолмленный простор с небольшими рощами и кромкой синего леса в северной стороне.

Уже проглядывало солнце, и мокрая трава рассыпала радужные огоньки.

Никто ни разу не догнал меня, никто не попался навстречу. Я говорю про людей.

А вообще-то жизни здесь хватало. В кустах слышался птичий щебет, из-под ног выскочил однажды серый зверек (я не вздрогнул). Несколько раз проносились со скандальным шумом сороки. Но ни этот шум, ни щебет мелких птах не разбивали тишину.

Одно время со мной шла рыжая собака. Та самая, которую мы уже встречали однажды. Или очень похожая на ту… Кажется, такая порода называется «сеттер». Собака появилась из кустов на обочине. Отряхнула с себя брызги, обнюхала мой колокольчик и двинулась рядом.

Я на ходу скормил ей кусок хлеба. А другой сжевал сам. Собака благодарно помахала хвостом и некоторое время не отставала, но потом свернула в мелкий березняк. Ну что же, у каждого свой путь…

Где же я? Сколько времени иду? Часы я оставил дома…

Дорога привела меня в шепчущий осинник. В нем резко пахло грибами. К ногам прилипали черные прошлогодние листья.

Мне захотелось поскорее опять на солнце, я заспешил и… замер. Как от встречного толчка.

Осинник расступился, и видно стало, что путь разделяется на два.

Вот этого я не ждал. Я был уверен, что Дорога — одна. Как же быть теперь?

Может быть, подскажет надпись на камне?

Да, на развилке стоял серый кубический камень. Высотою мне до груди. Ну, все как в сказке! Белели на камне буквы. Издалека не разобрать.

Наверняка что-нибудь такое: «Налево пойдешь — голову сложишь, направо пойдешь — коня потеряешь…» Хотя какой у меня конь…

Я подбежал.

Не было здесь ни «налево», ни «направо». Были начертаны белилами торопливые, неровные буквы:

Алька, мальчик мой, я тебя очень люблю

Я сел на корточки. Уперся в камень руками.

Отец никогда не звал меня Алькой. И, конечно же, он никогда не бывал на этом месте. Но буква А была *его.*Он всегда писал ее так: две палочки перекрещивались вверху, а внизу их косо пересекала твердая перекладинка.

Что же это?

Печальная сонливость сваливалась с меня кусками. Даже мелодия про аистенка исчезла. Я слышал только свое дыхание…

Кто это написал? Кому?

Я никогда не узнаю. И не надо… Может быть, это сделала сама Дорога. Само открывшееся мне Безлюдное Пространство…

Оно было добрым, это Пространство. Оно милостиво решило помочь бестолковому мальчишке. Иначе разве смог бы я за какую-то четверть часа пробежать назад весь пройденный путь?

Пространство и Дорога дали мне дыхание и силу. Скорость!..

Боже мой, отец ведь обязательно позвонит мне сегодня! Он же наверняка не спал сегодня всю ночь, как и я!

Не спал и мучился тревогой за меня. И страхом…

Сейчас, на бегу, я вдруг понял и ощутил *отцовский страх*,который был спрятан за этакой «мужской» сухостью и насмешливым тоном. Отец просто не хотел этот страх показать. Страх за меня (потому что расту непонятно кем), страх за моего брата Алексея, чья судьба до сих пор неясна — что там дальше?

А я? Неужели мне все равно?..

Да нет же, я тоже боялся. И за Алексея — за брата, которого никогда не видел. И за других… братьев. Друзья — они ведь тоже как братья.

И Арбуз с Николкой, и Арунас в своей далекой Литве, и Динь-Дим из загадочного Соломина, и бестолковый Вальдштейн… И Настя — моя сестра… А еще брат — Ивка! А значит, и Митя Стоков — мой брат. И… Женя Стаков, лежащий на старом городском кладбище, — раз он стал братом для Ивки и Мити…

Куда же я надумал идти один!

Пустая сумка на ремне летела за мной по воздуху. Я промчался мимо «театрального» дома, не вспомнив о сапогах…

Вот и столб с табличкой автобусной остановки.

И столб с перечеркнутой надписью «ОЗМ».

Надпись-то с другой стороны. А сторона доски, обращенная ко мне, была пустая. Но не обшарпанная, как раньше! Она была чисто белая! Только что покрашенная!

И покрасили ее… да вот они!

У столба стояли две девочки. В одинаковых серых платьях с рисунком из желтых листьев, наверно, сестры. Старшей было лет десять, а младшей шесть или семь. На младшей была еще веселая красивая панамка с белыми горошинами — похожая на шляпку мухомора.

Старшая держала ведерко и перемазанную белилами кисть.

Я остановился — встрепанный, запыхавшийся.

Старшая девочка смотрела настороженно. И кисть держала, как колотушку. Наверно, на всякий случай. А младшая глядела ясно и безбоязненно.

Она подошла и тронула мой колокольчик.

— Это у тебя зачем?

А я про него и забыл. И не слышал звона, когда мчался сюда.

— Это?.. Ну, так. Чтобы не было одиноко в пути… — Я мало-помалу успокаивался.

— А разве бывает одиноко? — серьезно сказала маленькая.

— Иногда.

— А почему ты босиком?

— Чтобы легче путешествовать, — сказал я. И подумал: «Вот была бы славная подружка для Николки».

Старшая чуть улыбнулась:

— Разве ты путешественник?

— Да, — вздохнул я.

Младшая качнула своим «мухомором» и не поверила:

— Разве путешественники плачут?

— Я не плакал!

— Ну да! А почему у тебя на щеках полоски?

— Это от дождя.

— Нету никакого дождя!

— Катя, перестань, — сказала старшая. — Здесь нет, а там был.

И я затеплел от благодарности к этой незнакомой девочке с каплей белил на остром смуглом подбородке.

— А зачем вы здесь красите?

Старшая ответила чуть насупленно и деловито:

— Смотри сам. С той стороны есть надпись. Зачеркнутая, потому что выезд. Мы решили, что и на въезде надпись нужна.

— Только не такая! — испугался я.

— Да, не такая…

— Нам то слово тоже не нравится, — сказала маленькая Катя.

— А ты знаешь хорошее название? — спросила у меня Катина сестра.

Я… нет, я не знал. Я только думал (вернее, чувствовал), что уходить из Озма можно, а возвращаться в него — это… ну, против законов природы.

Конечно, как ни называй злобный мир, лучше он не станет. Но… может быть, хоть самую-самую капельку добавится в нем доброты, если приду-

мать хорошее имя? И хрупкий каркас добрых дел хоть чуточку окрепнет от хорошего слова?

А может быть, Дорога, по которой я шел и бежал, сделала в Пространстве таинственную петлю? Как рельсы Мёбиуса в Завязанной роще! И привела меня на другую, ранее недоступную плоскость мира?

Вдруг здесь уже все не так, как прежде?

Я мельком усмехнулся: такая смешная надежда.

Но вдруг? Хоть чуть-чуть?.. Тогда тем более нужно правильное название для мира, в который я возвращаюсь.

Кто знает: вдруг в этом мире причины и следствия легко меняются местами и от доброго имени зависит суть вещей?

В конце концов, сказано же в древней книге: «В начале было Слово!»

А девочки смотрели на меня с ожиданием. И покрашенная доска белела выжидающе. И тихо-тихо было…

Потом раздался чуть слышный звон. Дальний, еле различимый. Словно звенела сама тишина.

Но нет! Это звенел колокольчик Динь-Дима!

И я уже знал: они все идут сюда! Хозяин и пассажиры крошечного желтого автобуса. Они

догадались, куда отправился я, и, конечно же, заспешили следом.

Я слышал уже их голоса.

Стоял и ждал — виноватый и счастливый.

И думал, что, может быть, вместе мы найдем нужное слово.

1996 г.